

**ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ
ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ**

**в 1868-1870 годах.
БАРОНА ГЕРГАРДА МАЙДЕЛЯ**

**ПЕРЕВЁЛ С НЕМЕЦКОГО ПО ПОРУЧЕНИЮ АКАДЕМИИ НАУК
В.Л. Бианки
УЧЁНЫЙ ХРАНИТЕЛЬ ЗООЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

**Читано в заседании Физико-Математического Отделения
27 марта 1891 г.**

**ПРИЛОЖЕНИЕ К LXXIV ТОМУ ЗАПИСОК ИМПЕР. АКАДЕМИИ НАУК №3.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 1894**

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Настоящий труд включает в себе описание путешествия на крайнем Северо-востоке, продолжавшегося с ноября 1868 по ноябрь 1870 г.; в нём я старался по возможности указывать на особенности посещённой мною страны. Но мне приходится просить снисхождения у читателя, потому что дальнейшее расстояние от места печатания не дало мне возможности просматривать работу с достаточной тщательностью. Главнейшие опечатки приведены, конечно, в конце книги, но докучливых повторений, которых нельзя не заметить, исправить уже не удалось.

Гергард Майдель
Бланкенбург на Гарце, 5 ноября 1894.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Цель поездки. Приготовление к отъезду. Путь от Якутска до Среднеколымска	2
Глава II. Положение дел в Колымском округе	53
Глава III. Путь от Малого Анюя до устья Анадыря	127
Глава IV. Путь от устья Анадыря в Нижнеколымск	153
Глава V. Новая попытка достичь мыса Пээк и обратное путешествие в Якутск.....	220
Примечания	317

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КРАЙНЕМУ СЕВЕРО-ВОСТОКУ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ в 1868-1870 годах, ВЫПОЛНЕННОЕ ПО ПОРУЧЕНИЮ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

Глава I

Цель поездки. Приготовление к отъезду. Путь от Якутска до Среднеколымска

Настоящее путешествие есть результат поездки на ревизию в 1866 году — Сношения с чукчами до 1812 года — С 1812 по 1866 год — Распоряжение генерал-губернатора Корсакова и Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества относительно экспедиции и состав последней — Как путешествуют от Якутска до Среднеколымска — Качества якутских лошадей и проводников — Путь от Иркутска до Якутска — Качуга — Грузовые суда, употребляемые на Лене, павозки и барки — Пассажирская суда на Лене, почтовые и частные лодки — Солеварня Усть-Кут и зоб — Окружной город Киренск и скала Пьяный Бык — Лена и Витим; их прибрежные жители — Мачинская резиденция; приезд в Якутск — Путь от Якутска до Среднеколымска — Приготовление к путешествию и отъезд — Завьючивание лошадей и дорожная одежда — Распределение дня во время путешествия; поварни — Перевал

*на р. Тукулане — Переходы и места остановок от Алдана до Верхоянского хребта — Полярная граница сосны и ели — Долина верхнего течения Тукулана и поднятие на хребет — Переходы и места остановок от хребта до Верхоянска — Яна и путешествие епископа Дионисия; разделение экспедиции — Северный олень как ездовое животное — Юрта — Верхоянск — Худяков и его термометрические наблюдения — Первые известия о находке трупа мамонта — Николай Алексеевич Соловьёв берётся довести мой караван до Среднеколымска — Станции на моём пути от Верхоянска до Табалаха — Абсолютная высота Кигелях-Таса и Ыгнах-Хаи — Места остановок, моего маршрута и маршрута каравана, от Табалаха до Среднеколымска — Неточность оценки пройденного пути; кёс, якутская мера пути — Область истоков р. Адычи вовсе не исследована — Пути, ведущие через хребет Тас-Хаяхта: 1) южный Догдо — 2) восточный Догдо и тарыны Кыры и Нехарана — Селегнях и чибога, *Equisetum variabile*, Midd. — Путь от Селегнях до Среднеколымска.*

В 1866 году по поручению губернатора Якутской области мне предстояло объехать два северных округа этой области — Верхоянский и Колымский — и между прочим посетить ярмарку, которая ежегодно бывает на Малом Анюе, правом притоке нижнего течения Колымы. На эту весеннюю ярмарку собираются с одной стороны купцы из Якутска, Верхоянска и Колымска, а с другой — различные мелкие племена, живущие в северо-восточном углу материка, и между которыми очень выдающуюся роль играют чукчи. Целью моей поездки было улаживание различных споров, которые возникли в последнее время между торгующими, и пересмотр на месте старых, установленных ещё в начале этого столетия губернатором Трескиным, торговых правил, которые будто бы уже стали непригодными и не отвечали более требованиям времени. При этом оказалось, что было бы в высшей степени желательно урегулировать отношения чукчей к местному Колымскому окружному управлению и вообще внести ясность и порядок в сношения этого, до сих пор вовсе остававшегося без внимания, племени, как с администрацией, так и с другими инородцами.

Как видно из приводимых в этом отчёте исторических данных, бывшее воеводское управление, укрепившись на берегах реки Анадыря и

опираясь на возведённое здесь укрепление Анадырск, затеяло с чукчами борьбу, которая тянулась более ста лет, стоила больших денег и многих человеческих жертв и всё же не привела ни к каким результатам. В Петербурге так мало знали о дальнем Востоке, что принуждены были предоставить ведение дел на полное усмотрение местных властей, а эти последние в течение долгого времени предоставляли его тоже на полное усмотрение своих подчинённых; вследствие этого более столетия, с 1640 по 1766 г., велась война, иногда очень кровопролитная, без разумной причины и без всякой цели. В конце концов всё это, равно как и постоянное требование денег, надоело, и главному управлению было строго предписано выяснить действительное положение вещей. Конечно, приказание было исполнено, и делу был положен быстрый конец тем, что крепость Анадырск была упразднена, а воинственные и корыстолюбивые казаки переселены; таким образом разом добились спокойствия. Не сбылось также и предсказания сторонников постоянной войны с чукчами, что с уничтожением Анадырска на берегах реки Анадыря воцарятся грабёж и убийства и что оправившиеся от страха чукчи жестоко распорядятся с ламутами, юкагирами, коряками и камчадалами. Наоборот, лишь только неумолкавшее бряцание оружия затихло, повсюду наступило спокойствие.

С этого времени чукчей почти предоставили самим себе, и это было вполне благоразумно, потому что они не делали ничего дурного. Они спокойно жили в своих землях и занимались почти исключительно разведением оленьих стад, единственным источником их богатства, и тем самым положительным образом опровергали усердно распространяемую старыми казаками дурную молву о их задирчивости и необузданной дикости. Кажется даже в высшей степени вероятным, что эти слухи были распускаемы, чтобы доказать в Петербурге необходимость самого укрепления Анадырска и его храброго гарнизона.

После упразднения крепостцы чукчи в течение нескольких лет не имели никаких сношений с русскими; да сношения эти и должны были прекратиться, раз перестал существовать пункт, в котором они завязывались. Но чукчи не могли долго мириться с таким положением вещей. Действительно, на Анадыре ведь не только сражались, но вели торг и общение, так что чукчи, не имея в своей пустынной, совершенно безлесной стране ровно ничего, кроме своих оленьих стад и того, что олени им

доставляли, по привычке к некоторым предметам, именно к железным и деревянным изделиям, обходиться без которых казалось им уже трудным. Поэтому они старались со своей стороны снова завести сношения и притом совершенно мирные; так как просьбы в этом направлении были с готовностью встречены правительством, то образовался пункт меновой торговли сначала на Большом Анюе, а впоследствии, в виду многих неудобств этого места, на Малом Анюе, в 250 верстах к востоку от Нижнеколымска, маленького местечка на нижнем течении Колымы, против впадения обоих Анюев.

Приблизительно с 1812 года этот торговый пункт начал собирать различных инородцев ежегодно в марте месяце и, в общем, сношения эти были вполне сносные потому, что жители Колымска, знавшие чукчей только по слухам и безусловно верившие во все старые анадырские страхи о их кровожадности и дикости, сильно их побаивались и обращались с ними, вследствие этого, крайне внимательно и предупредительно.

Но этой боязни оказалось недостаточно, чтобы отбить у купцов всякую охоту к обману, и потому время от времени случалось, что при расчёте с чукчами они поступали не с безупречной честностью. Так, впрочем, поступают не с одними чукчами, тем более, что жалобы на подобные дела почти невозможно подвергать судебному следствию и разбирательству. Вся торговля мехами между купцами и охотниками за пушным зверем ведётся в кредит; при этом купец сначала даёт охотнику товар в долг, получая в возврат за него пушнину только в следующем году, после чего тотчас же соглашается на новый заём. Этот порядок раз на всегда установился на всём Северо-Востоке, и, как бы ни был плох сам по себе, он так глубоко укоренился, имея за себя кое-что из местных социальных условий, что его уже невозможно изменить. Если теперь принять в соображение, что книги ведёт только один купец, охотник же полагается исключительно на свою хорошую память, то понятно бывает, что при расчёте не всё сходит так гладко, как должно было бы сойти; свидетелей большею частью не оказывается, потому что подобного рода сделки, по давно принятому обычаю, заключаются почти всегда с глазу на глаз. При таких разногласиях, конечно, в большинстве случаев в накладе оставались охотники за пушным зверем, так как они были в

руках у купца и не могли решиться довести дела до разрыва. Раз же обман удавался с другими инородцами, то почему бы не испробовать его и в торговых делах с чукчами. Но на деле вышло иное: чукчи оказались слишком мало цивилизованными для того, чтобы уметь скрывать неудовольствие под любезной улыбкой; они поднимали спор, а так как являлись на торг по обыкновению вооружёнными, то происходили кровавые схватки, дававшие купцам повод подавать жалобы. Так как Якутская область в начале столетия входила в район Иркутской губернии, то за это дело имел повод приняться тамошний губернатор Трескин (1)¹, который и решил его в высшей степени практично и разумно, установив около 1817 года для Анюйской ярмарки определённые торговые правила, которых должно было строго придерживаться. Впоследствии будет случай подробно рассмотреть эти правила, а тут достаточно будет констатировать, что они вполне достигали своей цели и в течение всего этого времени служили верной путеводной нитью в сношениях чукчей с русскими купцами.

Между тем с течением времени положение вещей к востоку от Колымы значительно изменилось. Чукчи, места обитания которых в начале столетия начинались от Чаунской губы и доходили до мыса Пээк (Мыс Восточный) и устья Анадыря, вели совершенно обособленный образ жизни в своих печальных пустынях, вследствие этого они могли быть вполне предоставлены самим себе и заботиться об них не было никакой надобности. Когда же они являлись раз в году на Анюйскую ярмарку, то на этот случай, как уже было сказано, для них было совершенно достаточно правил Трескина. Но мало-помалу у чукчей исчез страх к русским, которым со времён существования Анадырского укрепления они были проникнуты до мозга костей. Сношения с купцами учили их к различным потребностям, ежегодное пребывание в тайге — к приятным ощущениям, которые доставляются человеку на крайнем севере топливом. Одним словом, возвращаясь ежегодно с Анюйской ярмарки, они постепенно стали откочёвывать уже не так далеко; затем они оставались уже близ границы древесной растительности; наконец перестали её переходить и окончательно поселились в области Большого Анюя. Им дали спокойно утвердиться, так как они жили мирно и тихо со своими богатыми оленьими стадами, не нарушая ничьих прав,

¹ Примечания смотри ниже.

ибо оба Анюя были заселены уже далеко не так густо, как во времена Врангеля, и места хватало и на них. С Большого Анюя они перешли впоследствии на Малый и в конце концов поселились по всему правому берегу нижнего течения Колымы до берегов Ледовитого океана. Понятно, что столь близкое соседство не могло оставаться без частых сношений чукчей с жителями Колымска, и между ними, действительно, установился довольно оживлённый обмен. Кроме больших оленьих стад у чукчей ничего не было: всё, в чём они ещё ощущали потребность, а в течение времени они кое к чему попривыкли, им приходилось покупать у жителей Колымска; последние же крайне нуждались в дешёвом и хорошем мясе. Таким образом обе стороны были удовлетворены и, в общем, довольны. Но, конечно, при оживлённых сношениях дело не могло обходиться без некоторых пререканий, и в этих случаях весьма важным неудобством являлось то обстоятельство, что в глазах местной администрации чукчи были вполне независимым народом и не были обязаны подчиняться постановлениям и юрисдикции исправников. Дельные исправники, разумеется, справлялись с обстоятельствами и умели внести в отношения с чукчами спокойствие и порядок; но такими людьми не всегда можно располагать, а потому уже давно имелось в виду разобраться в этой путанице, и не брались за это дело только потому, что как в Якутске, так и в Иркутске слишком мало знали местные условия, чтобы иметь возможность или желать прийти к практическому его решению.

Когда я возвратился в 1866 году с ревизии, губернатор Якутска, тайный советник Лохвицкий, потребовал от меня обстоятельного отчёта о действительном положении дел на нижнем течении Колымы и начал серьёзно заниматься приведением их в порядок. К этому присоединилось ещё то обстоятельство, что как раз в это время между Азией и Америкой предполагалось устройство телеграфного сообщения (2), при чём имели в виду провести часть его через Землю Чукчей и, вероятно, нашли нужным собрать более обстоятельные сведения, чем те, которыми располагали до сих пор о местности и её жителях. Губернатор Лохвицкий сделал по этому поводу запрос генерал-губернатору Восточной Сибири, генерал-лейтенанту Корсакову, и результатом этого было то, что я получил поручение предпринять поездку в Землю Чукчей и сделать там

нужные распоряжения, чтобы отношения между этим народом и местной администрацией были более урегулированы.

Это было поводом к экспедиции, ход которой будет рассказан на следующих страницах. Я отправился не один, но Сибирское Отделение Императорского Русского Географического Общества послало с своей стороны д-ра К. фон-Неймана для астрономических и магнитных наблюдений и топографа П. Афонасьева для съёмки нашего маршрута. Кроме того, к нам прикомандировали пять конвойных казаков и наконец дали ещё фельдшера Н. Антоновича для собирания естественно-исторических коллекций. Наш план состоял в том, чтобы из Якутска обычным путём отправиться через Верхоянск на Среднеколымск, отсюда в Нижнеколымск и направиться на чукотскую ярмарку, а затем, смотря по обстоятельствам, вместе с чукчами пройти всю их область до мыса Пээк (Мыс Восточный), чтобы отсюда добраться до устья Анадыря; от этого последнего мы хотели подняться по этой реке, перебраться с верхнего течения её на истоки Большого, затем на истоки Малого Анюя и, в конце концов, спустившись по последней реке, вернуться опять в Нижнеколымск. Обратный путь от Нижнеколымска мы думали совершить не обычным путём, но, поднявшись по Колыме вверх до её истоков, пройти поперёк плато Оймякон и выбраться на нижнее течение Алдана. Насколько удалось выполнить этот план в действительности, будет видно из последующего.

Прежде всего требовалось добраться до Среднеколымска. Так как приказание совершить эту поездку мне было официально дано ещё в марте месяце 1868 года, то не было препятствий к отъезду из Якутска уже летом того же года. Однако путешествие в это время года имеет свои неудобства. Летом, прежде всего, лошади менее выносливы, чем зимою: в тёплое время года нельзя каждую вьючную лошадь нагружать на далёкое расстояние более, чем четырьмя пудами, тогда как в холодное она без труда выдерживает шесть с половиною. Далее, болота и реки представляют часто большие и трудно преодолимые препятствия, наконец комары и мошки (3) делают путешествие в тёплое время года тяжёлым мучением не только для человека, но ещё в большей степени для животных, которых беспокоят укусы и потеря крови как раз в самое необходимое им для отдыха время, так что они не могут питаться как следует и скоро выбиваются из сил. Поэтому мы решили ехать зимой,

неприятной только своими суровыми морозами, но от них можно защититься, а от летних мучений нет спасения.

Подобно тому как выбор времени года, так и способ нашего передвижения был почти навязан нам обстоятельствами. В Якутске прекращается настоящее правильное почтовое сообщение с его станциями, лошадьми и экипажами; хотя от Якутска, через Верхоянск до Нижнеколымска и существует ещё так называемый почтовый тракт, но на самом деле это крайне преувеличенное название того, что в действительности имеется. Правительство нуждается в известной правильности сообщения с окружными управлениями, и поэтому устроило ряд станций в одну сторону от Якутска до Вилуйска, а в другую — до Колымска и Охотска. По дороге к Колымску через Верхоянск, устройство сообщения состоит в том, что через каждые приблизительно 150 вёрст (4) какой-нибудь подрядчик обязуется по контракту за определённое годовое вознаграждение держать наготове летом шесть лошадей, а зимою или то же количество этих животных, или двойное количество оленей. Согласно этим контрактам правительство имеет право посылать три раза в год почту из Якутска в Колымск и обратно, да кроме того столько нарочных, сколько потребуют служебные надобности. Частные лица не могут пользоваться этим сообщением. Мы же не могли воспользоваться этой так называемой почтой уже потому, что нас было слишком много, и помимо того мы должны были везти с собою массу багажу. Поэтому нам не оставалось ничего иного, как снарядиться тем способом, который практикуют торгующие на крайнем севере купцы. Последние проделывают ежегодно то путешествие, которое нам предстояло (5), а потому для снаряжения нашей экспедиции мы нашли практические указания и помощь.

Путь из Якутска лежит сначала на Алдан к тому месту, где в него впадает Тукулан. В этом урочище, которое называется Джели, находится несколько юрт и хижин, обитаемых якутами и русскими, и небольшое число пакгаузов. От Якутска до этого места считается добрых 200 вёрст, дорога идёт по долине Лены среди сравнительно густонаселённой местности, жители которой, якуты Якутского округа, состоятельные стадовладельцы, но занимаются также отчасти земледелием и огородничеством. Едущие в Среднеколымск купцы имеют обыкновение отправлять все свои товары и другой багаж из Якутска в это место и тут

складывать их в свои пакгаузы при помощи своих людей. На это уходит время от августа приблизительно до конца октября. В течение этого времени собственно вьючные животные, которые должны выдержать путь от Алдана до Колымска, передаются для откармливания на попечение различных предпринимателей и от заботливости, с которою последнее совершается, зависит в значительной степени удача этого обременительного и затруднительного путешествия.

Таким же образом отослали и мы свой багаж, который нужно было окончательно приготовить к отправке ещё в Якутске. Так как каждое вьючное животное должно было нести шесть с половиной пудов, т.е. 260 фунтов, то кладь следовало распределить так, чтобы с каждой стороны вьючного седла приходилось по три пуда, а сверху можно было поместить полпуда. Для укладки бокового багажа употребляются обтянутые кожей лёгкие деревянные ящики или кожаные мешки; все старания должны быть направлены к тому, чтобы как ящики, так и мешки были наполнены предметами до самого верху и при том весили ровно три пуда. Если не выполнено первое условие, то вещи подвергаются опасности разбиться или перетереться; не достаёт второго — кладь теряет равновесие, сёдла соскальзывают на сторону, заставляют останавливаться в пути, а на дурной конец могут причинить лошадям ссадины. Для укладки поверх седла берутся предметы, которые с одной стороны не годны по своей форме к упаковке в ящики и мешки, а с другой такие, которые постоянно необходимы в пути, как например провизия, кухонные принадлежности, спальные матрацы и т.д.

Для нас было в высшей степени важно решить вопрос о нашем дальнейшем снаряжении от Алдана; до этого места по примеру купцов, мы отправили наш багаж на наёмных животных. Отсюда мы могли или снова нанять лошадей и только уплатить за каждого коня по 20 рублей, причём от других забот мы вовсе освобождались, так как в этом случае подрядчик принимает на себя все хлопоты на пути (6); или, с другой стороны, мы могли сами приобрести себе лошадей, нанять проводников и тогда, конечно, всё путешествие до Колымска принять на свой риск. По здравому обсуждению, я решился на последнее, так как при этом мы были менее зависимы в наших передвижениях, хотя расходы в таком случае, по крайней мере в начале путешествия, были много значительнее. Хорошая лошадь, приученная уже к путешествию и вьюку, не могла

быть приобретена в Якутске дешевле 30-50 рублей, и мы нуждались в пятидесяти животных, чтобы иметь и для себя верховых лошадей и разместить весь наш багаж. С первого взгляда такое число кажется слишком большим: нас и наших казаков, которых я взял из Якутска всего двоих, намереваясь выбрать остальных трёх в Колымске, было всего шестеро, и таким образом оставалось 44 лошади под багаж. Между тем нужно принять в расчёт, что нам нужно было взять не только жизненные припасы для путешествия от Алдана до Колымска, но и для поездки в Чукотскую Землю требовались также значительные запасы, которых или вовсе нельзя было получить в Колымске, или за очень дорогую цену. Кроме того, с нами шла масса менового товара, например, так называемого черкасского табаку или махорки (7); этот ужасный курительный материал, как мы увидим далее, совершенно необходимый товар, без которого о сношении с чукчами нельзя было и думать, так как деньги им были вовсе неизвестны. При таких условиях пятидесяти лошадей только что хватало; но нелегко было приобрести исключительно таких животных, которые годились бы для дальней поездки при известных условиях. Якутская лошадь представляет из себя хорошую породу, почти без исключения серой масти, не очень сильную, но при правильном уходе очень выносливую и довольствующуюся даже скудным кормом. В виду того, что жеребёнок растёт сначала при кобыле в табуне, а затем молодая лошадь остаётся при правильном хозяйстве до четырёх лет там же, то она не только привыкает исключительно к травяному корму, вовсе не умея есть овёс, но и приучается добывать сама себе пищу летом и зимой, вообще круглый год. Якут запасает сено исключительно для рогатого скота, который содержится зимою под кровлей и в стойле, и для тех лошадей, которые непосредственно нужны ему для работы. Кобылы, жеребята, молодые лошади и те из взрослых, которые не работают, находятся в табуне, где им и предоставлено лето и зиму самим добывать себе корм на свободе. Всё лето якут живёт среди своих стад на пастбищах, так как он нуждается в молоке, и особенно в крайне необходимом для него кобыльем; на зиму он перебирается к своим сенокосам, где летом его работниками заготавливаются стога, лошади же остаются на пастбищах всю зиму, вдали от хозяина, и он только время от времени следит за тем, чтобы животные не отходили слишком далеко. В это суровое время года, когда холод достигает 40-45°R. и ртуть в

среднем на три месяца превращается в твёрдое тело, лошади должны сами себе отрывать корм из-под снега и это вполне им удаётся в нормальные годы, когда снег лежит слоем не больше 20 дюймов. Я сам был свидетелем, как один состоятельный якут в Вилуйском округе подогнал к своей юрте табун, как раз в момент моего приезда, для того, чтобы заколоть кобылу: к нему приехал в гости зажиточный сосед и нужно было угостить кониной, которой якуты отдают предпочтение перед коровьим мясом. Это было в конце февраля, термометр показывал около 40° холода по Реомюру и тем не менее животные казались весёлыми и здоровыми. Закололи молодую кобылу — якуты охотнее едят кобылье мясо и не берут кобыл в работу, а держат их только из-за молока и для приплода — и, после того как содрали шкуру, оказалось, что туша была покрыта слоем жира, почти как добрая свинья.

Но как бы ни была сама по себе хороша эта порода лошадей, всё же нельзя пользоваться неопытным животным для дальнего и обременительного путешествия, во время которого оно, помимо тяжёлой ноши, обречено, разве за немногими исключениями, на добывание себе корма из-под снега во время ночного отдыха. Вследствие этого стараются достать таких лошадей, которые уже несколько раз совершали путь на Колымск или, по крайней мере, на Охотск; только в этом случае можно быть уверенным, что они не спадут с тела в пути и их не придётся бросить. Поэтому мне очень посчастливилось в том отношении, что один дружески ко мне расположенный молодой купец, Митрофан Тимофеевич Самыловский, любезно вызвался купить для меня лошадей и так мастерски выполнил это дело, что я не потерял ни одного животного на всём пути от Алдана до Нижнеколымска. Но к лошадям нужны и погонщики, которых нанял тот же любезный человек. Подобный проводник берётся пройти путь на своей собственной лошади и следит за пятнадцатью вьючными; он должен их выючить и развьючивать, держать в полной исправности сёдла и остальную упряжь, как например недоузки, ремни и т.п., и наблюдать за тем, чтобы животные находились постоянно в хорошем состоянии и особенно, чтобы они не стирали себе спины сёдлами. Продовольствие его собственное, но он имеет право поместить по 20 Фунтов своего багажа на 3-4 лошади. За всё это он получает скудное вознаграждение, в 65 рублей, и это за службу, которая длится со середины октября почти до половины июня. Трудно поверить,

что находятся люди, принимающие на себя за такую ничтожную плату столь тяжёлую обязанность, тем более, что требуется не малая опытность и много навыка, чтобы быть годным проводником в столь продолжительном и утомительном путешествии. Проводник не только сам должен знать дорогу и все броды многочисленных рек, но также иметь ясное представление, где находятся хорошие пастбища, чтобы делать на них привалы; не имей он сведений в этом отношении, и он в короткое время изнурит самых хороших животных.

Таким образом, ещё до нашего сбора в Якутске самое необходимое для путешествия, т.е. лошади и проводники, было приготовлено для нас дружеской рукой самым старательным образом. Сами мы были снабжены в Иркутске через посредство Сибирского Отдела Географического Общества инструментами и всем необходимым для путешествия, и могли пуститься отсюда в путь, сначала на Якутск, 15 августа 1868 г. Дорога, т.е. большой почтовый тракт, ведёт сначала по обширной местности, застроенной богатыми деревнями, на Лену, которая берёт начало из восточной части Байкальского хребта и становится судоходной для мелких судов у деревни Качуги. Но так как река тут ещё незначительна и маловодна, то почтовый тракт проложен на несколько станций далее по правую её сторону до деревни Жигалово; от Качуги водным путём можно пользоваться собственно только весной, в половодье. Несмотря на этот очень короткий навигационный период, Качуга все-таки считается начальной частью пути, так как главная отправка товаров совершается всегда весной. И действительно, в это время транспорт очень значителен, так как Лена является единственным важным путём сообщения Севера с центром Восточной Сибири и с главным торговым городом всей Сибири. Весь хлеб и всевозможные товары, нужные Северу, потребности которого сильно возросли, благодаря необыкновенному развитию золотых приисков на Лене и Витиме, в течение зимы необходимо свезти в Качугу, чтобы отсюда сплавить на судах, выстроенных на самой же Лене, вниз по реке к местам своего назначения, из которых самое дальнее, Якутск, удалено от Качуги на 2500 вёрст.

Для перевозки по Лене употребляются суда двух типов, — барки и па́узки. Ленская барка представляет из себя одно из самых неуклюжих судов, какое когда-либо выдумывала человеческая Фантазия и произ-

водила человеческая рука. К днищу из трёхдюймовых досок прикрепляются большими деревянными гвоздями древесные стволы так, чтобы самый ствол лежал горизонтально, а оставленный в его конце корень приходился к днищу под прямым углом. К этим корням прибиваются такими же большими деревянными гвоздями боковые доски внизу в два с половиною, вверху в два дюйма толщиной; таким образом получается продолговатый четырёхугольный ящик в шесть сажен (по семи английских футов) длиною, в четыре сажени шириною и в полторы сажени вышиной. Внутри барка разделяется дощатыми переборками на отделения для товаров и людей, а поверх пристраивается плоская крыша из досок, слегка приподнятая по длинной оси, чтобы дать хотя некоторый сток дождевой воде; в таком виде барка готова. Как спереди, так и сзади, т.е. на обеих коротких сторонах четырёхугольника, приделывается в середине по громадному веслу, вырубленному из длинного древесного ствола; эти два весла представляют из себя единственное приспособление для управления такой беспомощной машиной. Такая барка поднимает от 6000 до 6500 пудов груза и сидит при этом в воде от одного до одного с четвертью аршина. Собственно говоря, она может плыть только по течению, и в этом её единственное назначение; управлять ею можно лишь в очень ограниченных пределах: только при отчаливании удаётся направить её на середину течения, да при причаливании возможно вывести из середины и пригнать к берегу. На большой реке с широким фарватером без всяких подводных препятствий такая барка в тихую погоду вполне удовлетворяет своему назначению. Но Лена обладает необходимыми для такого судна качествами только много ниже города Киренска; в верхнем же течении она сильно извилиста и загромождена разными отмелями. Поэтому, несмотря на то, что барка идёт исключительно пока светло, люди несут очень тяжёлую службу и часто не в состоянии избежать мели, с которой барку можно снять только с большим трудом. Избегнуть отмели удаётся только в том случае, если её можно заметить издалека; тогда барку отводят при помощи вышеуказанных вёсел в сторону, чтобы она миновала препятствие. К несчастью, фарватер верхнего течения реки крайне изменчив и мели ежегодно перемещаются, так что даже самый опытный лоцман не всегда в состоянии избежать неожиданной остановки. В том случае, если барка села на мель, беда поправляется только быстрой выгрузкой;

другое средство сняться с мели заключается в выжидании прибыли воды, что иногда и практикуется, но способ этот очень опасен в том отношении, что вместо ожидаемой прибыли, вода часто быстро спадает, и в этом случае сдвинуться с места нельзя даже и думать. Из сказанного видно, что путешествие на барках ни в каком случае не может быть быстрым; и действительно, барки обыкновенно доплывают до Якутска в два месяца с лишком, а при несчастиях и если препятствий на пути встречалось много, то и этого времени недостаточно. Значительно более удобен и быстр на ходу — па́узок. Он много меньше барки и не четырёхугольной формы, а спереди заострён; по форме он представляет из себя сочетание четырёхугольника, имеющего стороны в три сажени длиной, и треугольника, прилаженного спереди, при этом в корме он имеет три сажени в ширину, а общая длина его простирается от 4 до 5 сажень. Па́узок поднимает не более 700-800 пудов, но идёт быстрее и управлять им легче. На таких судах едут сами купцы и везут с собою такие товары, которые предназначаются не для городов, именно не для Якутска, но товары, которые продаются по пути, во всех населённых местах. Таким образом паузки представляют из себя плавучие лавки, прибытие которых ожидается с нетерпением всеми прибрежными жителями Лены, раскупающими товар нарасхват. Барки, наоборот, везут только товары по заказу на определённые места и розничною продажей не занимаются.

Кроме этих двух типов судов, предназначенных для товаров, имеются ещё лодки для пассажиров. Каждая станция обязана держать наготове известное число почтовых лодок летом и несколько саней зимою. Единственный почтовый тракт от Жигалово до станции Покровской, сто вёрст не доезжая Якутска, есть сама Лена; летом по ней плывут водою, зимою едут по льду; если же кто-либо пожелает путешествовать в такое время, когда по реке ехать нельзя, то ему остаётся только езда верхом по узкой тропинке вдоль прибрежного яра, по преимуществу на левом берегу реки. Впрочем, время распутицы, как весенней, так и осенней, во всяком случае очень коротко, потому что, благодаря крайней континентальности климата Восточной Сибири, оба эти времени года едва заметны, а лето и зима переходят почти непосредственно друг в друга. Почтовая лодка представляет из себя открытое судно и бывает различных размеров, смотря по количеству пассажиров и их багажа; она

делается в 9, 7 или 5 досок и подобно тому, как проезжающий требует себе четыре, три или две почтовые лошади, так можно заказать себе лодку девятерик, семерик или пятерик. При путешествии вниз по реке двигаются с помощью двух или четырёх вёсел, в зависимости от величины судна; против течения его тянут бичевой. Для защиты от дождя и солнца приказывают устроить дощатую крышу, имеющую вид разрезанного по длинной оси цилиндра, который опирается на края средней части лодки. На таком судне путешествуют с такими же удобствами или неудобствами, как в обыкновенном почтовом экипаже: лодка должна вернуться обратно и багаж приходится на каждой станции перекладывать. Во избежание этого все, кому приходится часто ездить по реке, имеют свои собственные лодки и таковые часто устроены очень удобно. В средней части лодки возводят в полном смысле слова домик, который большею частью состоит из двух комнат, — задней большей для владельца, и передней — меньших размеров для необходимой прислуги. На носу устраивают из кирпича печку для варки кушанья, а для того, чтобы ходить с носа на корму, минуя каюту, вдоль борта и во всю длину домика сделан проход, обнесённый перилами. В такой лодке ехать очень удобно и при быстрой езде, особенно если спускаться по течению, путешествие по величественной реке можно назвать очень приятным.

Мы, конечно, не имели такого судна и *nolens volens* должны были бы удовольствоваться почтовыми лодками, если бы нам не удалось, к счастью, очень легко получить его заимообразно. Очень редко случается, чтобы тот, кто отправляется Леной от Якутска до Иркутска или обратно, возвращался назад водою. Обыкновенно его задерживают дела так долго, что он должен вернуться зимним путём. Отправлять лодку в длинное обратное путешествие пустою очень затруднительно, а потому судовладельцы бывают очень рады найти путешественников, которым они могут доверить свою лодку для доставки её на место. Поэтому нам удалось без большого труда достать две хороших лодки. В одной из них мы поместились сами, другую заняли багажом, в котором табак занимал тогда ещё главное место.

Мы быстро доехали от Иркутска до Жигалово и заняли готовые уже лодки. В начале Лена имеет вид маленькой, сильно извилистой речки, пробивающейся в своих высоких берегах, состоящих из красных пла-

стов девонских отложений. Да и от Жигалово до Киренска ничто не заставляет предполагать, что находишься на громадной реке, одной из самых больших среди величественных рек в Сибири. Окаймлённая высокими горами с их крутыми склонами, блестящими на солнце своей кроваво-красной окраской, резко выступающей среди свежей зелени лиственниц и тёмной массы елей и сосен, она, конечно, красива и в своём верхнем течении. Первое довольно населённое местечко, попадающееся на пути, помимо окружного города Верхоленска, есть большая солеварня Усть-Кут, принадлежащая правительству и расположенная у места впадения Кута, левого притока Лены. Солеварня эта лежит в котловине, как кольцом опоясанной высокими горами; она была заложена уже первыми завоевателями края и имеет крайне важное значение для совершенно лишённого соли севера и северо-востока Сибири. Хотя на правом притоке среднего течения Вилюя, Кемпендые, и есть мощные залежи каменной соли, но они слишком отдалены, чтобы их разрабатывать в настоящее время с выгодой; вследствие этого всю Якутскую область снабжает солью один Усть-Кут. Правительство само заведует выработкой и развозкой соли и ведёт дело так, что цена её, начиная с места производства и кончая отдалёнными Усть-Янском и Нижнеколымском, повсюду одинакова. Это в высшей степени благодетельная мера, так как для живущих поблизости соль не удешевляется до чрезмерности, а отдалённым жителям вообще только при этом условии и дана возможность раздобыть её. Правительство исчисляет всю сумму расходов по добыванию и перевозке и, основываясь на этом, определяет цену с причислением 6% дохода на затраченный капитал. Какова стоимость соли теперь я не знаю, но во время моего пребывания в Якутске цена за пуд колебалась около рубля; самому же правительству в Усть-Куте пуд обходился около тридцати копеек, а в Нижнеколымске около семи рублей (8).

Как ни красиво местоположение Усть-Кута, но место это не может быть признано здоровым. Как тут, так и на протяжении 100 вёрст по реке вниз в ужасающей степени свирепствует зоб, который в других местах Сибири почти неизвестен. Трудно встретиться с кем-нибудь из жителей деревень, расположенных на этом пространстве, кто бы не был сильно изуродован этой болезнью. Так, все восемь наших гребцов и оба

рулевые страдали подобными опухолями, которые, впрочем, их, по-видимому, не особенно беспокоили. В том случае, если зуб мешал работать, больные очень легко поправляли беду. Например, двое из гребцов нашей лодки, перед тем как взяться за весло, преспокойно хватали отвисший до груди зуб и откидывали его за спину, где он и оставался, не препятствуя исполнять им свои обязанности.

До окружного города Киренска (9) Лена остаётся узкой и извилистой, а течение её очень умеренным; у самого же Киренска последнее настолько слабо, что грести как по течению, так и против него, одинаково легко и кажется, будто плывёшь по запруженной реке. Да и вообще Лена принадлежит к очень спокойно текущим водам; это следует уже из того, что у Качуга, в 4000 верстах от впадения Лены в Ледовитый океан, она лежит всего на 1530 Футах абсолютной высоты. У Киренска она принимает реку Киренгу, берущую начало тоже в западной части Байкальского хребта; тут Лена уже пошире, но всё ещё имеет вид реки средних размеров. Вследствие медленности течения мы тихо подвигались вперёд, а помимо этого нас задерживали ещё постоянные противные ветры; люди уставали до такой степени, что часто вместо того, чтобы продолжать надрываться на вёслах, предпочитали брать лошадей и тащить лодку вниз по течению бичевой.

Несколькими станциями ниже Киренска находится место, хорошо известное всем прибрежным жителям Лены. Тут расположена громадная, очень красивой формы скала, круто поднимающаяся из волн левого берега Лены и даже довольно далеко вдающаяся в фарватер реки. Образующийся таким образом мыс не опасен для лодок, но пагубен часто для паузков и в особенности для трудно управляемых барок. Если людям не удаётся вовремя направить судно к правому берегу, то оно неминуемо наткнется на скалу, а это по-видимому всегда сопряжено с крушением барки. Эта скала с древних времён носила название Быка, потому что плывущим вниз по реке она напоминает лоб бодающегося быка. Лет тридцать или сорок тому назад, если только не более, на этом месте произошло крушение, которое дало скале очень характерный *epitheton ornans*. Это было ещё в то время, когда винокурение в Сибири было монополией правительства, а виноторговля была в руках откупщиков. Однажды вниз по реке шла громадная барка с полным грузом водки и, наткнувшись на злополучную скалу, моментально разбилась, а бочки с

дорогим товаром поплыли по течению. Людям с трудом удалось спастись, и они отовсюду скликали народ, чтобы спасти казённое имущество, которому, ведь, и по закону не полагается ни в огне гореть, ни в воде тонуть. Народ действительно собрался, и, как говорят, несколько бочек удалось спасти: впрочем, таких, по-видимому, было немного, так как разразилась буря, которая будто с одной стороны крайне затруднила спасание, а с другой, — сталкивая бочки друг с другом, разбивала их в щепки. Тем не менее народу, вероятно, кое-что удалось всё-таки припрятать, потому что после того в окрестностях наступили такие празднества и пьянство, что о них и поныне ещё идут рассказы по Лене, а благодетельная скала с тех пор начала называться Пьяным Быком.

Только начиная с селения Витимского, у которого с правой стороны впадает величественный Витим, Лена становится большой рекой. Витим берёт начало на Забайкальском нагорье, течёт сначала на восток и только впоследствии изменяет это направление на северное, а в конце концов на северо-западное. Его широко раскинутый бассейн на всём своём протяжении относился ещё до недавнего времени к наименее населённым частям Сибири ([10](#)). Но в последние двадцать лет область золотых приисков, которые впервые были открыты на впадающих в Лену Большом и Малом Патомах, распространилась до правых притоков самого нижнего течения Витима; тут основаны были несколько заведений для промывки золота, которые не только принадлежат к самым богатым во всей Сибири, но к ним даже не приложимо уже и вышеприведённое название, так как золото добывается здесь не поверхностно, а правильным образом в рудниках и шахтах. Вследствие того, что такого рода заведения привлекают массу народа и требуют большое количество разных продуктов и материалов, то в этой, прежде тихой и спокойной местности, развилась бойкая торговля; торговые компании вместо устарелых и плохих судов принуждены были завести удобные пароходы, однако в наше время ими не могла пользоваться посторонняя публика.

Начиная с Витима, путешественник встречается впервые с народом, который остаётся преобладающим от этой южной своей границы до самого крайнего севера, с якутами. Истоки Лены, приблизительно до Киренска, населяют довольно густо буряты, которые по течению Лены и

на некотором протяжении параллельной с ней Ангары, помимо скотоводства, во многих местах занимаются с большим успехом также и хлебопашеством. За Киренском следует участок почти без населения, на котором кроме прибрежных станционных селений, на всём протяжении Лены обитаемых почти исключительно русскими поселенцами, не встречаешь вовсе человеческого жилья; затем уже, начиная с Витима, как сказано, появляются якуты. Испокон веков верхнее течение Лены было родиной этих якутов, но буряты и дружественные с ними тунгусы вытеснили их отсюда на среднее течение Лены, где их и нашли ещё казаки во время завоевания Сибири. Так как гнёт, насилие и грабительство со стороны новых хозяев края превосходили всякий предел, то якуты вторично предприняли переселение; с одной стороны они отправились на северо-запад, на Вилюй, единственный большой левый приток Лены, а с другой — пошли через Верхоянский хребет и мало-помалу заняли Яну, Индигирку и Колыму, где они и находятся в настоящее время.

Спускаясь по Лене, путешественник, конечно, не сразу замечает, что коренные жители страны не те, что были раньше, потому что население прибрежных деревень, как уже было сказано, исключительно русское; якуты не любят разбивать свои юрты на берегу, так как он горист и лишён необходимых для стад пастбищ. Но перемена замечается на людях, работающих на судах: бурятский халат исчезает, а его заменяет короткий якутский костюм, который часто носят и русские. Но не только в этом заключается перемена в окружающей обстановке; много более заметны изменения в самом характере реки; они указывают путешественнику, что он направляется с юга на север и, что по мере того, как река становится шире и величественнее, он приближается к негостеприимной области пушного зверя.

Верхнее течение Лены ещё хорошо заселено и возделано, на пути через каждые 20-25 вёрст не только встречаются станционные поселения, к которым обязательно нужно приставать, чтобы сменить гребцов, но по берегу рассеяны часто и другие более или менее населённые пункты. Приблизительно с Киренска их уже нет, по берегу встречаются только станции, которые в некоторых местах значительны и, по-видимому, богаты; ниже впадения Витима они становятся очень маленькими и незначительными, начиная от границы Якутской области они состоят

всего только из немногих домиков, в которых живут люди, несущие почтовую службу. Лена становится пустынной, но вся прелесть величественной водной поверхности (под Витимом в две слишком версты шириною, а далее постепенно расширяющейся до 7-8 вёрст, как под Якутском), убегающей вперёд среди высоких гористых берегов, часто с неописанной красотой, не в состоянии на продолжительное время подавить то чувство тоски, которое закрадывается в душу каждого при виде этой безжизненной и безлюдной природы.

Перед Олёкминском следует упомянуть только об одном пункте, где кипит неутомимая работа: это Мачинская резиденция, расположенная против станции Нохтуйской на правом берегу Лены.

Золотые прииски, которые, как часто уже говорилось, привлекают много народа и приводят в обращение большие торговые капиталы, помимо собственно золотомоев, где производится сама работа, должны иметь для провианта и для администрации ещё значительное количество зданий, располагающихся обыкновенно на торных дорогах, а не у самых золотомоев, ютящихся часто в самых негостеприимных горных долинах. Тут находятся склады всяких материалов для работы, в которых нуждается это дело, там — конторы, главные правления, там же нанимаются, увольняются и рассчитываются рабочие. Одним словом, такого рода административный пункт или, по местному выражению, резиденция есть место очень оживлённой деловой жизни.

Именно таким крупным пунктом является Мача, где не только находится большая часть резиденций золотопромышленных компаний Олёкмо-Витимского промышленного округа, но он служит и местом пребывания золотопромышленной полиции; здесь же выстроена церковь и другие общественные учреждения.

Летом тут пристаёт масса барок, привозящих из Иркутска муку, крупу и всевозможные товары и изделия; осенью появляются отовсюду якуты и тунгусы, поставляющие вьючным путём запасы из магазинов резиденции на золотые прииски в горах; зимою прибывают нескончаемой вереницей транспорты с мороженой рыбой, мясом, дичью и салом; одним словом, среди этой дикой пустыни никогда не прекращается бойкая жизнь ([11](#)).

От Мачи до Якутска считается около 1000 вёрст. На этом длинном пути правый берег совершенно не возделан и безлюден, а на левом расположены лишь мелкие станционные поселения; только ближайшие окрестности окружного города оживлены двумя значительными русскими деревнями и поселением сосланных сюда последователей секты скопцов. Якуты, живущие между Мачей и Олёкминском преимущественно на левом берегу, никогда не доходят до самой реки, которая вследствие этого носит пустынный характер. Поля, окружающие почти каждое селение, уменьшаются в своих размерах благодаря тому, что суровый климат, при котором ещё возможно возделывание ржи, ячменя и овса, по мере приближения к Якутску даёт всё меньшие и меньшие урожаи; поэтому жители более предпочитают заниматься богатым рыбным промыслом, чем затрачивать силы и работу на обработку полей, часто не оправдывающих их надежды.

В начале сентября, сильно запоздавши вследствие постоянно неблагоприятной погоды, мы наконец добрались до Якутска, а поэтому сильно были завалены делом по подготовке к дальнейшему путешествию. Лошади были приняты и отосланы на Алдан, чтобы они отъелись там на заготовленном уже сене; багаж был упакован вышеуказанным образом и, по мере упаковки, отправлялся с купцами.

Всё это заняло много времени, так что только поздно вечером 30 октября мы могли усесться в сани и отправиться к Алдану, куда и прибыли 1 ноября, тоже вечером. В Джели поспешно снаряжались; почти все купцы приехали ещё до нас, некоторые уже выступили в дальнейший путь, другие частью уже отправили свои караваны и хлопотали с остатками, которые собирались везти сами.

Мы нашли наших лошадей и погонщиков в самом лучшем виде и приступили к подготовке каравана, чтобы затем сняться с места. При количестве сорока слишком лошадей это составляет немалую работу, так как, несмотря на то, что кладь была приготовлена к перевозке ещё в Якутске, всё же люди нашли нужным кое-что переделать. Большие трёхпудовые ящики и мешки были быстро рассортированы, но нашлась ещё масса мелочей, которые должны были распределиться так, чтобы каждая лошадь получила полный вьюк, с каждой стороны седла совер-

шенно одинаковый по весу. На это последнее обстоятельство люди обращали большое внимание и пригоняли соответствующим образом места багажа.

Наконец, 7 ноября всё было готово настолько, что мы могли сесть на лошадей. Каждый погонщик раскладывает на снегу длинной линией вьюки таким образом, что если в эту линию ввести связанных гуськом лошадей, то каждая из них приходится против мест своего вьюка. Затем он подвешивает у первой лошади вьюк с одной стороны седла и подставляет под него подпорку, проскакивает быстро под брюхом лошади на другую сторону и, привешивая и тут кладь, приводит вьюк в равновесие. Так он переходит от одной лошади к другой и всех быстро завьючивает. Затем он кладёт добавочный вьюк, приблизительно в 20 фунтов, поверх седла и связывает всё крепко-накрепко длинным ремнём, пропущенным под живот лошади. Очень интересно видеть, как быстро и ловко управляется он со своими пятнадцатью лошадьми. Как только погонщик готов, он тотчас же пускается в путь; он едет верхом впереди и постоянно наблюдает за тем, чтобы какое-либо из животных не заставляло себя тянуть и тем не утомляло бы переднее (12). Лишь только все проводники снялись с места, путешественник садится сам, чтобы ехать. В первый день мы должны были проехать всего 15 вёрст, чтобы как животные, так и седоки попривыкли к путешествию; для последних это было тем необходимее, что доктор Нейман, топограф Афонасьев и фельдшер Антонович никогда ещё не совершали зимнего путешествия верхом.

Путешествие это не так трудно, как можно бы себе предположить, и на мой взгляд ехать верхом едва ли холоднее, чем в санях. Верхняя часть тела даже выигрывает в том отношении, что от движения при езде верхом согревается сильнее, чем при спокойном сидении в санях. Злее достаётся ногам, которые скоро мёрзнут, не смотря на защиту брюк на песцовом меху и на чулки из заячьего или оленьего меха, поверх которых надеваются ещё так называемые унты, т.е. мягкие сапоги из выделанной в виде замши кожи. Ступни можно охранить ещё, употребляя деревянные стремяна, которые холодят значительно менее, чем железные, но колени ничем нельзя согреть. Как бы ни были сшиты брюки, они всё-таки очень плотно прилегают к коленям и последние должны зябнуть потому, что мех греет только тогда, когда он прилежит к телу свободно.

Лицо и особенно рот и нос защищают тем, что завязывают толстым платком, а ещё лучше шерстяным шарфом: остаётся только узкая щель между ним и краем меховой шапки для того, чтобы видеть. Эта предосторожность совершенно необходима, и её всегда соблюдают даже очень закалённые якуты; продолжительное, непосредственное вдыхание холодного сорокаградусного воздуха было бы пагубным даже для самых здоровых лёгких. Шарф, заменяя хороший респиратор, отнимает даже у самого ледящего воздуха значительную часть его холода и, следовательно, с этой стороны более нечего опасаться.

Самое неприятное в такого рода поездках есть и всегда останется та ужасная медленность, с которою двигаешься. Можно ехать только шагом, иначе лошади выбились бы из сил, а потому двигаются самое большее по 4½, в наилучшем случае по 5 вёрст в час; целый день сидишь в седле при самых неблагоприятных условиях и подвинешься вперёд на очень небольшое расстояние, — это и неприятно, и утомительно. Перехав через Алдан и сделав всего-навсего пятнадцать вёрст, мы остановились на ночлег у одной юрты. Её владелец не держал сам скота, но всегда запасал большое количество сена, которое продавал проезжающим мимо купцам по довольно дешёвым ценам. Я воспользовался этим случаем, чтобы доставить моим лошадям возможность хорошенько поужинать в последний раз, по крайней мере на довольно продолжительное время. Вслед за тем мы устроились сами и сделали распределение нашего дня, которого обязательно придерживались в течении всего путешествия. Утром около пяти часов погонщики вставали, зажигали костры и растапливали, смотря по обстоятельствам, то снег, то лёд; при этом один из них оставался у огня, чтобы постоянно подбавлять снег, а другие шли за лошадьми, которых нужно было пригнать. Если у привала было хорошее пастбище, то животных скоро находили, так как они недалеко отходят при таких условиях. Если же корму поблизости было мало, то отыскивание их было очень обременительно и отнимало много времени, так что за это дело должны были приниматься не только проводники, но и оба казака. В таких случаях лошадь, вырывая скудный корм, идёт всё дальше и дальше, покуда, наконец, весь табун не разбредётся на все четыре стороны, и часто проходит много времени, пока их разыщут. Когда вода готова, приступают к подготовке завтрака, который в то же время и обед. Мы сами, между тем, встаём и занимаемся

своим туалетом, что при сорокаградусном морозе не составляет, однако ничего привлекательного; вслед затем садятся за еду, и лишь только лошадей пригонят, их тотчас вьючат и снимаются с места. Весь дневной переход, составляющий, смотря по месту кормёжки, 40-60, иногда же до 70 вёрст, совершается всегда без остановок и к месту привала приходят только к вечеру.

Поварни или ночлеги, о которых речь будет ещё дальше, конечно не отапливаются, а потому в то время, как погонщики развьючивают лошадей и выпускают их на пастбище, прежде всего надо разыскать сухое топливо для костра и приступить к растапливанию льда или снега, чтобы поскорее напиться тёплого чая. После этого, каждый принимается за своё дело, пока не изготовят ужин; первое время работа, конечно, ограничивалась почти исключительно нанесением маршрута, что исполнялось топографом каждый вечер под свежим впечатлением дня. Затем ужинают и ложатся спать. В первый наш привал мы имели ещё то удобство, что ночевали в жилой юрте; это между прочим было причиной того, что я сделал первый наш переход таким коротким. На дальнейшее время мы могли рассчитывать только на поварни, а они довольно неудобны. Они представляют из себя шестиугольные блокгаузы, посреди которых располагается громадный очаг, находящийся под открытою в этом месте крышею; по стенам постройки устроены деревянные нары. Таким образом с одной стороны в этих поварнях путешественник защищён только от ветра, снега и дождя, а никак не от холода, а с другой — он ужасно страдает от дыма, что в особенности бывает в начале; пока огонь ещё слаб и помещение не нагрелось, дым не проходит в отверстие крыши, а ложится под ней в виде густого облака, так что нередко трудно даже дышать. Когда костёр разгорелся, становится лучше: дым вытягивает из помещения, которое несколько нагревается. Ночью, когда огонь потухнет, становится скоро опять холодно, а к утру температура поварни обыкновенно всего на один или на два градуса выше наружной. Поэтому в таком помещении возможно спать только, не снимая меховой одежды и вдобавок покрываясь песцовым или заячьим одеялом; тогда ещё сносно, но вставание и особенно умывание очень затруднительно.

При таком распределении времени путешествие тянулось день за днём самым однообразным образом: один день был вполне похож на другой и отступления были крайне редки.

Мы держали путь, на первых порах, к Верхоянску; именно, я решил взобраться на хребет по долине Тукулана и выбраться на истоки Яны. Впрочем, это не единственная дорога, имеются и другие горные пути; из них один пересекает Верхоянский хребет в долине Кэли, впадающей тоже в Лену, и выводит на истоки Дулгалаха, большего левого притока Яны, впадающего в последнюю над окружным городом Верхоянском. Эта дорога имеет некоторые преимущества перед той, которую мы выбрали, и прежде ею часто пользовались потому что, будучи отложе, она не представляет надобности взбираться на такую крутизну, какая встречается на дороге по долине Тукулана. Пастбища по рекам Кэли и Дулгалаха тоже лучше, чем на нашем пути. Но эти преимущества не окупают важных недостатков. На том пути нет поварен, а при всём их неудобстве ночевать в них всё же лучше, чем под открытым небом, где не спасёшься от ветра. Помимо этого, долина Дулгалаха отличается, особенно в своей верхней части, изобилием снега; хорошие пастбища становятся недоступными, если снег лежит слоем в аршин: лошадям трудно отрывать корм, они не наедаются досыта и быстро слабеют. Но окончательное решение было принято вследствие того обстоятельства, что все купцы избрали путь вдоль Тукулана: мы шли таким образом по торному пути, имели впереди и позади нас караваны и, следовательно, могли рассчитывать на помощь при какой-либо непредвиденной случайности.

От Алдана до подошвы хребта переходы были следующие:

7 ноября	до Бестумурзаха	15 вёрст
8 »	» Тора-Ыряха	30 »
9 »	» Мелкансинской	40 »
10 »	» Ыгыс-Кёлётя	50 »
11 »	» Курунг-Хапчагая	30 »
13 »	» Сис-Ана	40 »

До Тора-Ыряха мы шли по равнине; сначала нам встретились несколько озёр, затем густой лиственный лес, вдали же видны были уже вершины гребня гор; затем появились по сторонам дороги низкие цепи гор, или скорее холмов, мы перебрались через небольшой приток

Тукулана, Сердынах, но не успели ещё добраться до самой реки. Только от Ыгыс-Кёлётя началась собственно горная страна; тут Тукулан становится стремительной горной рекой, несущейся по долине среди высоких горных цепей; во время высокого уровня воды он срывает не только участки земли и растущий на них высокоствольный лес, но перекатывает даже обломки скал весьма внушительных размеров. Скоро за урочищем Курунг-Хапчагаем исчезают ель и сосна, которые к северу отсюда уже вовсе не встречаются. К сожалению, я не имел возможности проследить границу этих древесных пород к востоку от этого места, но я могу с уверенностью сказать, что они вовсе не встречаются во всей области, орошённой бассейнами рек, впадающих в Ледовитый океан (13). Северную границу этих двух пород таким образом можно принять совпадающею с южной подошвой Верхоянского хребта постольку, поскольку он образует собою окраинный хребет; но весьма вероятно, что эта граница иная на Оймяконском нагорье, о котором в этом отношении нет точных сведений. В своём путешествии в Охотск Эрман нигде не упоминает об ели и сосне, а говорит только о лиственнице; впрочем, это умалчивание могло зависеть и от того, что первые две древесные породы, встречающиеся в Восточной Сибири вообще случайно, не попадались ему как раз на пути.

Сосна (*Pinus sylvestris*) встречается, конечно, в Якутской области обширными и сплошными насаждениями, но ограничивается настолько исключительно песчаною почвою, что на всём необъятном протяжении лиственничных лесов, её распределение всё же до известной степени является не более, как островным. Наоборот, ель (*Pinus abies*) во всех моих путешествиях я встречал только по рекам, особенно по берегам мелких горных речек и на островках. Я никогда не видал сплошных насаждений этой породы, сколько их ни искал, но её обыкновение окаймлять берега рек и особенно речек настолько характерно, что в глухих местах проводники руководятся исключительно елью. Когда караван ровным шагом идёт по глухой местности и подходит время подумать о привале, то первым делом, конечно, нужно выбрать место, где можно рассчитывать на воду. Тогда проводник осматривает горизонт и, если он замечает — что особенно легко даётся осенью — среди нескон-

чаемых лиственниц тёмную, черновато-зелёную полосу, то он направляет своего коня на эту последнюю и вполне уже уверен в том, что поблизости найдётся и вода.

Таким образом может быть сомнение в присутствии ели и сосны только на Оймяконском плато, где, впрочем, нет ни в каком случае недостатка в богатой растительности; но отсутствие их на Индигирке, а особенно на Колыме, по-видимому, несомненно. Обе реки берут начало с названного плато и даже из общего источника; между тем известно, что жители Колымска строят свои лодки таким образом, что нижняя часть судна делается обыкновенно из одного громадного ствола тополя или осины, к которому затем уже прибиваются, смотря по величине один, два или три ряда досок из лиственницы. Эти громадные осины, равных которым в других местах по Колыме нет, срубаются и выдалбливаются ламутами и юкагирами на истоках Колымы и её самых южных притоков. Если бы там произрастала сосна, они, наверное, предпочли бы выделывать боковые доски из стволов этой породы, чтобы не возиться с трудно обрабатываемой лиственницей.

В Курунг-Хапчагае мы были задержаны на один день известием, что следующая поварня занята ещё купцами, которые не могли двинуться вперёд благодаря сильному ветру, делавшему невозможным поднятие на хребет. Действительно, ветер был силен и в Курунг-Хапчагае, но мы тут остались не столько потому, что боялись не найти места в поварни, сколько оттого, что в Сис-Ане крайне невыгодно оставаться дольше, чем заставляет крайняя необходимость. Там нет пастбищ, поэтому лошади должны пробавляться исключительно осиновыми листьями, на которых их неудобно держать дольше, чем необходимо.

Путь от Курунга в Сис-Ану идёт по настоящей горной долине. Дно последней суживается всё больше и больше и представляет, собственно говоря, голую каменистую поверхность, настоящее море камней, между крупными и мелкими обломками которых множеством протоков протекает Тукулан; массой разбитых в щепки и перетёртых древесных стволов выдаёт он свою разрушительную деятельность в период таяния горного снега.

Во время нашего прохождения, он оказался во многих местах ещё не покрытым льдом и, по уверению проводников, остаётся в таком виде

большею частью до февраля месяца, а в некоторые годы и вовсе не замерзает.

Когда мы на следующий день выступили на Сис-Ану, термометр показывал всего 30° холоду по Реомюру, несмотря на дувший в течение всего предыдущего дня довольно сильный северный ветер. Когда он стих, мы отправились дальше и тем спокойнее, что узнали о благополучном подъёме купцов, выступивших за день перед тем. Так как название Сис-Ана (под горой) обыкновенно присуще поварням, расположенным у подошвы гор, то мы полагали, что восхождение и начнётся тотчас за нею, но мы прошли ещё около пятнадцати вёрст по слегка поднимающемуся дну долины прежде, чем добрались до пользующегося во всей Якутской области дурной славой подъёма. У самой подошвы его лежит влево другое узкое ущелье, из которого спускается один из источников Тукулана, но, как говорят, оно ещё более непроходимо, чем находящийся перед нами склон, из нижней половины которого бьёт ключ, просачивающийся прямо из слоя гальки и дающий начало реке. Если смотреть снизу, то проход вовсе не так непривлекателен: кажется, что имеешь перед собою не очень высокую и крутую седловину, позади которой взору представляются мощные, но по-видимому расположенные в стороне гребни и вершины. Наш топограф, ещё очень молодой и неопытный сангвинический человек, презрительно высказывался, что из-за таких пустяков вовсе не стоило столько говорить и храбро двинулся на гору, несмотря на моё предостережение, чтобы он поднимался медленнее, рискуя в противном случае получить колотья и свалиться. Дело в том, что крутизна не представляет из себя ровной наклонной плоскости, но образует в своей нижней части вогнутость, так что кажется будто она кончается; на самом же деле видимые за седлообразной поверхностью гребни представляют её продолжение и, чтобы перебраться через хребет, их необходимо преодолеть одновременно с нею.

Впрочем, перевал не составляет для человека и для ненавьюченного животного ничего особенно трудного. Миллер ([14](#)) определил угол поднятия приблизительно в 70°, но, по-моему, сильно в этом ошибся. Он взглянул на крутизну сначала сверху и вид показался ему таким страшным, что он потерял своё хладнокровие. Подъём в 70° не под силу одолеть ни человеку, ни животному, если в горе не вырублена искусственно тропинка в виде зигзага; даже при наклонении в 45° уже достаточно

трудно подниматься и спускаться вниз по прямой линии. Мы взбирались на верхоянскую крутизну по несколько извивающейся линии, но и помимо этого мне кажется, что она в среднем не круче, чем около 45° . Для вьючных лошадей — которые в Якутской области зимою не куются вследствие того, что копыто, благодаря своей хрупкости, в сильные морозы не выносит железа — стоит больших усилий преодолеть подъём и спуск; при этом вьюк необходимо привязывать особым способом, чтобы он не соскользнул со спины животного. Отстёгивают один из трёх ремней, которыми снабжено якутское седло, и пропускают его поперёк груди лошади (при спуске, наоборот, ремень проводят под хвостом), остальные два затягивают по возможности туго, а также стараются натянуть как можно сильнее и ремни, которыми привязан вьюк к седлу. Наши погонщики развязали недоуздки, которыми обыкновенно связан караван, и предоставили животным идти поодиночке, чтобы каждое из них свободно выбирало себе дорогу и падение одного не повлекло за собой падения других. Затем мы приступили к подъёму, прошедшему вполне благополучно, но продолжавшемуся, однако, целый час, пока мы добрались до креста, украшающего по сибирскому обычаю вершину каждого перевала. По дороге мы нашли нашего юного топографа лежащим в крайне беспомощном состоянии. Он жаловался на боль в груди, которая мешала ему дышать, и говорил, что не может идти далее. Один сострадательный проводник хотел посадить его на свою лошадь, но так как это напрасно утомило бы животное, то я оставил при нём одного из казаков, при помощи которого он благополучно добрался до вершины. Привешенный к кресту барометр показывал 527,6 полулиний (английских) при $-26,8^{\circ}\text{R}$, вследствие чего, как по нашим, так и по наблюдениям Бунге высоту перевала можно принять приблизительно в 5000 футов (английских), но окружающие его вершины возвышаются над ним, пожалуй, ещё на добрую 1000 футов. Точных вычислений у меня под руками не имеется, но я полагаю, что эти цифры недалеки от действительности, так как они соответствуют и другим данным. Именно известно, что абсолютная высота гребня всего Станового хребта, который пересекает Якутскую область от границы Забайкалья до мыса Пээк, редко превосходит высоту 5000 футов, а большею частью ниже её; точно также только отдельные пики как главного хребта, так и его многочисленных отрогов достигают 7000 футов. Единственным исключением являются

горные хребты Оймяконского нагорья, которые положительно много выше самых высоких точек Верхоянских гор; это следует уже из того, что плато само имеет очень высокое положение.

Лес из высоких тополей и из отдельных лиственниц, росший ещё вокруг поварни Сис-Аны, мало-помалу стал пропадать по мере движения к подъёму, так что у подошвы последнего оставался только стелющийся кустарник, а сама крутизна была лишена всякой растительности кроме низкой травы, доходящей до самой вершины перевала. На самом гребне хребта, справа, существует маленькое круглое озеро, лежащее в глубокой котловине и дающее начало Яне. Этот же водный бассейн есть источник или один из источников Тукулана, так как последний вытекает из валунов, находящихся как раз под этим озером на южном склоне водораздела.

Когда наши лошади несколько отдохнули и вьючные сёдла были приведены в порядок, мы отправились дальше. При этом обнаружилось, что нам собственно не предстояло никакого спуска. Дорога шла, конечно, некоторое время под гору, но так постепенно, что как будто за нами и не было вовсе высокого хребта. Дойдя же до леса, который был уже с самого начала довольно высок, мы положительно почувствовали, что едем по плоскости. Только поздно вечером добрались мы до поварни Кэнг-Ырях, названной по имени речки, которая впадает тут в Яну с левой стороны.

Дальнейшие наши переходы от Сис-Аны до Верхоянска следующие:

14	ноября	до Кэнг-Ыряха	40	вёрст
15	»	» Тырях-Ырея	35	»
16	»	» Барды-Келя	40	»
17	»	» Суруктаха	50	»
18	»	» Эттяха	25	»
19	»	» Елесын-келя	35	»
20	» сначала до Барыласа		7	»
	а отсюда далее до Чайдаха		30	»
21	»	до Кухаган-Олоха	50	»
22	»	» Сыси-Баса	60	»
23	»	» Кытялыктаха	50	»
24	»	» Хайэнах-Ылаха	50	»
25	»	» Верхоянска	50	»

Начиная с поварни Кэнг-Ыряха, дорога идёт всё время по долине Яны, которая тут, впрочем, называется Сартангом; это есть, собственно, древнее название реки, якуты и тунгусы и до сих пор употребляют его преимущественно. Имя Яны дано реке впервые русскими, которые, часто слыша от якутских проводников по ту сторону хребта слово «жангы» и не будучи достаточно знакомы с языком, полагали, что так зовут реку и переделали его в Яну. Слово же «жангы» по-якутски означает голец, буквально — голую, безлесную вершину, которая кроме того большую часть года покрыта снегом. Отроги гор по обе стороны дороги становятся всё ниже и ниже и отходят от неё всё дальше и дальше, так что приходится ехать по широкой, ровной, покрытой лесом и лугами долине. За станцией Барды-Келя гор уже вовсе не видно. Отсюда до Верхоянска встречаются даже несколько якутских юрт, — приятная перемена, так как до сих пор помимо пустых станционных помещений или поварен не попадалось вовсе человеческого жилья. На станции Суруктах (местопребывание содержателя почты) мы узнали, что якутский архиерей Дионисий прибыл в Барда-Кёлю, и что верхоянский исправник ожидает его на станции Барылах. Это был первый из якутских архиереев, поставивший себе, в самом деле не лёгкую для престарелого болезненного человека, задачу — лично объехать церкви Верхоянского и Колымского округов.

Он путешествовал, конечно, с большой свитой, так что ему нужно было поставлять значительное число оленей. Насколько это касалось меня, как колымского исправника, то я сделал уже распоряжения насчёт дальнейшего его путешествия, но мне хотелось как можно скорее самому быть на месте, чтобы предупредить задержки в его поездке. Поэтому мне было важно переговорить как с верхоянским исправником, так и с некоторыми купцами, которых я тоже надеялся встретить в Барылахе, относительно возможности отправить до Колымска караван без личного моего участия; и в самом деле, скорое моё прибытие туда было совершенно необходимо, как в виду поездки архиерея, так и для распоряжений относительно нашей собственной экспедиции. Поэтому я покинул всех моих спутников в Суруктахе, взял оленей и поспешно поехал ночью на большую станцию Барылах; здесь я нашёл всех необходимых мне людей, а также много духовных особ и других лиц, приехавших

встретить архиерея. Тут было решено, чтобы наш караван пришёл в Барылах, а отсюда направился в Табалах обыкновенным путём торговых караванов (минуя Верхоянск, почему он несколько короче почтового тракта), под наблюдением купцов, тоже собравшихся идти коротким путём. Мы же с Нейманом сначала хотели заехать на оленях в Верхоянск и уже оттуда в Табалах, так как Нейману необходимо было сделать в Верхоянске наблюдения, а мне было очень важно отыскать кого-нибудь, кто бы согласился производить тут правильные термометрические наблюдения в течение целого года.

Вечером 19 ноября прибыл в Барылах архиерей, а ночью я возвратился верхом к своему каравану, который встретил в Елесын-Келе. Быстро были сделаны нужные приготовления к нашему отделению от экспедиции, багаж был разделён и мы, т.е. Нейман, я и один из казаков, отправились на оленях в Верхоянск, караван же соединился с купцами.

Не стану скрывать, что нам было очень приятно отсюда до Верхоянска иметь возможность пользоваться почтовыми оленями и распротиться, на некоторое по крайней мере время, с седлом. Оленья нарта представляет из себя очень лёгкие санки, имеющие на изогнутом переднем конце полозьев полукруглое, горизонтально приделанную дугу, посредством которого животные запрягаются попарно. Самая упряжь очень проста: она состоит из длинного, плоского кожаного ремня, который протягивается через дугу и пропускается каждым из своих концов между передними ногами того и другого оленя таким образом, чтобы концы обогнули зашеек животного; затем их прикрепляют опять к ремню с внутренней стороны передних ног каждого животного. Таким образом получаются две петли, лежащие поперёк наружной лопатки животных и заставляющие их тянуть равномерно; действительно, если одно из животных тянет слабее, то, благодаря тому, что ремень пропущен только через горизонтальную дугу, оно притягивается к саням другим, более сильно работающим животным. Оленями не управляют: они бегут просто по тому направлению, по которому их сначала поставили; если же имеются какие-нибудь заметные следы пути, то животные следуют по ним; к рогам одного оленя привязана тонкая бечёвка, чтобы их останавливать когда нужно. В руках держат длинную тонкую палку, не столько для понукания оленей, сколько для того, чтобы на плохой дороге предотвращать опрокидывание саней; животные усердно бегут и

без понукания, если они сильны, а на усталых и побои не действуют. Да и бить оленей нужно очень осторожно, так как их слабые кости легко повреждаются. Большею частью, если нужна быстрая езда, вполне достаточно дотрагиваться до них палкой, шаг тотчас прибавляется. Если же, в общем очень добродушное и усердное, животное заупрямится, что время от времени случается, то оно получает специальное наказание, для которого ни в каком случае не выбирают крайне чувствительную спину, а всегда голову. Для этого животное крепко привязывают и бьют его палкой по лбу и по переносице, кости которых, по всей вероятности, обладают очень значительной крепостью. Я видел тунгусов, наносивших своим оленям удары изо всех сил, но наказываемые животные только очень недовольно покачивали головой и вовсе не имели вида истязаемых выше всякой меры. После наказания они приступали к исполнению своих обязанностей и последствия показывали, что экзекуция им ни в каком случае не повредила. Пара хороших оленей, запряжённых в такую лёгкую парту, на которой помещается только один человек — он же должен и править, потому что для другого места нет — представляют восхитительное зрелище. Несмотря на свою небольшую величину, олени бегут очень красиво, так как широко раскидывают задние ноги и потому заносят их далеко за передние. Вес их уже сам по себе не велик, а их раздвоенные копыта по отношению к величине животного хорошо развиты, так что олени оставляют более широкий след чем лошадь и рогатый скот; вследствие этого они не легко увязают в снег, если он покрыт даже слабым настом, и так быстро несутся, что любо смотреть на них. Нейман, который вообще был отличным товарищем по путешествию и переносил со спокойствием стоика многие ему до сих пор незнакомые лишения и мучения, сопряжённые с путешествием на крайнем севере, страдал одним недостатком, — он не мог переносить холода, что в этом случае было особенно неудобно. Он всё зяб и тем доводил меня до отчаяния, так как я был обязан заботиться о том, чтобы вверенные мне спутники по возможности были избавлены от лишений и неприятностей; я сам позаботился и об одежде, так как только я один был знаком с условиями севера, и полагал, что выполнил свою задачу удовлетворительно и практично. Остальные были вполне довольны, даже никто не носил всей своей меховой одежды; зима, как я уже сказал, была тёплая (мороз редко доходил до 40°) и обращалась с нами до сих пор,

как в общем и впоследствии, довольно милостиво. Мало-помалу я привык видеть Неймана постоянно зябнувшим и сжился с этим обстоятельством как с неизбежным злом, но всё-таки мне было это неприятно. Когда нам были поданы нарты с оленями, он от души возрадовался, тотчас же улёгся во всю длину и велел покрыть себя меховым одеялом до головы. Я просил его сесть, чтобы управлять своей нартой, но он не хотел об этом и слышать, категорически заявляя, что раз он едет на почтовых, то он должен получить и возницу и что он вовсе не обязан управлять сам оленями и тому подобными тварями, с которыми и обращаться-то не умеет. Нечего было делать, проводник нашёлся и предложил, что он привяжет оленей барина к своей нарте и таким образом станет управлять одновременно двумя санями подобно тому, как это делают с нартами, нагруженными кладью; но только барин должен сам следить за тем, чтобы нарта не опрокинулась, так как дорога не ровна, а ему следить за тем, что позади, не всегда удобно; к тому же и оленей, бегущих полной рысью, нельзя остановить моментально. Нейман, чувствовавший себя отлично под одеялом и полагавший, что широкая и низкая нарта не легко опрокинется, принял эти условия и мы поехали. Одеяло было ему очень кстати, так как мороз как раз начал крепчать, и температура опустилась до -41° , а в следующую ночь даже до -46° ; но относительно устойчивости нарты он сильно ошибся, так как уже в первый день она перекувырнулась три раза, причём дважды он попал в воду, стоявшую на Яне поверх льда, и прибыл на место ночлега крайне недовольным. Впрочем, он замочил только немного своё верхнее платье, что ему ровно нисколько не повредило. 25 Ноября приехали мы в Верхоянск и оставались там до 4 декабря. Городок состоит из немногих домов, раскинутых без всякого порядка вперемешку с многочисленными юртами по обоим берегам Яны, которая тут ещё не широка; существуют здесь также постройки смешанного типа, — наполовину юрта, наполовину дом.

Главное различие между домом и юртой заключается в том, что первый строится из горизонтально лежащих брёвен, срубленных друг с другом по концам; юрта же делается из полубрёвен, которые прислоняются к остову из четырёх упирающихся или врытых в землю столбов, соединённых по концам на высоте одной сажени горизонтальными балками; при этом стены юрты не вертикальны, а стоят к поверхности

земли под углом в 75-80°. Таким образом фуги стен юрты расположены сверху вниз и поэтому не выдерживают конопатки из мха, всю же постройку, чтобы сделать её непроницаемой для холода и ветра, смазывают смесью из глины и коровьего помёта, которую накладывают слоем дюйма в четыре. Другое коренное отличие дома от юрты заключается в том, что первый имеет по крайней мере одну громадную печь из кирпича, которую ежедневно натапливают до белого каления внутренности; в юрте же находится только камин очень странного устройства. Приблизительно в середине постройки, впрочем, несколько ближе к двери, к которой он обращён своей задней стороной, ставится камин, состоящий из большего бревенчатого квадрата в 4-5 футов по сторонам. Этот квадрат наполняют глиною и плотно её утаптывают; с одной стороны его устанавливаются двухдюймовые жерди, верхние концы которых просовываются чрез потолок таким образом, что жерди изгибаются, приобретая вогнутость по направлению квадрата, и стоят не вполне вертикально; фута на два над потолком они обрезаются. К задней стене камина, на высоте 4-5 футов над его глиняным полом, приделывают горизонтальный обруч и другой такой же повыше, у верхнего края стены; по окружности этих обручей прикрепляются вертикальные двухдюймовые жерди, которые и образуют дымовую трубу. Весь этот деревянный остов, задняя стена и составляющая её продолжение труба очень тщательно смазываются толстым слоем глины. В таком виде камин готов. Можно было бы предполагать, что такие печки крайне опасны в пожарном отношении, но на деле этого не оказывается: юрты очень редко загораются от камина. Поэтому камины, благодаря простоте своего устройства и своим во многих отношениях превосходным качествам, очень часто встречаются на ряду с печами даже в жилых домах и притом в устроенных очень удобно и уютно; между тем никогда не слышно о несчастиях ими причинённых, или по крайней мере последние происходят не чаще, чем от печей. Топят камины таким образом, что дрова в 4-5 футов длиною, расколотые предварительно на тонкие поленья, ставят стоймя к задней его стенке. При этом получается громадный, горящий большим пламенем огонь, дающий сильное лучеиспускание тепла, которым только и согревается внутренность жилого помещения. Вполне достаточное нагревание совершается очень быстро; конечно, в суровые зимние морозы камин должен топиться целый день,

но недостатка в топливе нет: оно само по себе вовсе не имеет цены и расчёт составляют только расходы по рубке и доставке. Вечером, перед сном, сильно подтапливают камин, дают угольям прогореть до совершенного исчезновения синего пламени, как при топке наших печей, затем прикрывают трубу со стороны крыши заслонкой, уголья же разгребают. Этим способом получают некоторый запас тепла, который держится пока не заснёшь, а затем от проникающего в течение ночи холода приходится спасаться под меховым одеялом, безусловно необходимым при жизни в юрте. К утру становится очень холодно (мне случалось видеть, что вода в стакане покрывалась льдом), но растопленный камин в несколько минут даёт такое пламя, что помещение в самое короткое время вновь согревается. Камин заслуживает упрёка в том отношении, что он не даёт постоянной температуры, а доставляет тепло преимущественно путём лучеиспускания; но его способность быстро нагревать воздух жилого помещения вознаграждает этот недостаток. Далее, камин положительно вреден глазам своим громадным пламенем и, вероятно, некоторые глазные болезни, которыми страдают якуты, обязаны своим происхождением этому пламени. Недостаткам камина можно противополжить однако многие и весьма важные преимущества. Нужно собственным опытом испытать, что за отвратительный, трудно вдыхаемый воздух обдаёт входящего с зимнего холода в жарко натопленную русскую избу, и какую громадную разницу в сравнении с ним представляет (днём, а не ночью, когда камин закрыт) воздух юрты, в которой её владелец, тем не менее, живёт со своим скотом ([15](#)). В этом заключается преимущество камина, благодаря которому только и возможно без открывания окон, т.е. в течение всей долгой зимы, постоянно и вполне обновлять воздух, не выстуживая в тоже время жилого помещения. Мы имели также случай убедиться в преимуществе поварен, снабжённых камином, каковые часто встречаются в Колымском округе: не страдая от дыма, можно устроить себе действительно тёплую комнату, в которой возможно чем-нибудь и позаняться; в обыкновенных же, открытых сверху блокгаузах подвергаешься только постоянным мучениям.

Немногие хорошо устроенные дома в Верхоянске сразу отличаются от таких же в Якутске тем, что они снаружи обнесены бревенчатым забором в два с половиною фута высотой. Промежуток между забором и

стенами дома, тоже в два с половиною фута ширины, тщательно набиивается землёю. Уверяют, что без такой предосторожности нельзя иметь тепла внутри помещения. В Якутске этого не требуется, хотя зимняя стужа тут не много уступает верхоянской. Но мне казалось, что все дома в Верхоянске выстроены из более тонких брёвен, чем в Якутске; лес к северу от хребта во всяком случае тоньше и не доставляет таких крупных брёвен, какие имеются в распоряжении в Якутске, куда они сплавляются по Лене из окрестностей Олёкминска.

К счастью мне удалось найти в Верхоянске лицо, которое с большою готовностью вызвалось производить не только термометрические, но и барометрические наблюдения. Это был государственный преступник, замешанный в каракозовском покушении и сосланный сюда на поселение; он был в отчаянии, не будучи в состоянии найти занятие, которое хотя немного скоротало бы и сделало бы несколько более сносными медленно тянувшиеся дни его ссылки; Фамилия его Худяков. Барометром я его, однако не мог снабдить, так как у меня самого был только один вполне годный, но я предоставил ему два термометра, один очень хороший спиртовый (Minimum), а другой ртутный, простой; я объяснил ему, как он должен делать наблюдения (что не было трудно, так как это был вполне образованный человек) и просил его отмечать наблюдения трижды в день, а также записывать ночные minima. Помимо этого, я просил его в сильно изменчивую погоду и при сильных бурях наблюдать температуру ежечасно, по сколько он был в состоянии это исполнить, для чего и оставил ему годные карманные часы. Он очень обрадовался и обещался прилежно наблюдать до моего приезда. Так как до возвращения оставалось почти два года, то я мог надеяться на двухгодичные наблюдения в Верхоянске, что было очень важно для более точного определения полюса холода, чем это было возможно до сих пор. Худяков вполне оправдал мои надежды и даже более, так как он делал наблюдения ежечасно в течение всех месяцев, а летом записывал температуру каждые четверть часа; но с другой стороны наблюдения его обнимают цикл, если я не ошибаюсь, всего 14-ти месяцев, так что для холодного времени года они сделаны два раза, а для тёплого всего один (15-1). Это произошло вследствие того, что Худяков был переведён из Верхоянска в другое место, исправник же, в видах охранения казённого

имущества, отобрал от него инструменты. Я не предвидел, что тогдашний исправник, г. Иващенко, так скоро получит другое назначение и сообщил ему обстоятельства дела лишь устно, а он позабыл передать их своему преемнику; так я и лишился дальнейших наблюдений. Но и за это короткое время очень добросовестные труды Худякова имеют необыкновенно важное значение, так как только на основании их академик Вильд мог вычислить температуру Верхоянска и дать следующие результаты в градусах Цельсия:

Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь.	
-49,0°	-47,2°	-33,8°	-14,0°	-0,4°	+13,4°	
Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Год.
+15,4°	+11,9°	+2,3°	-13,9°	-39,2°	-45,7°	-16,7°

Самая высшая из температур была отмечена в августе +30,1°, а самая низшая в декабре -63,2°. Ничем нельзя доказать более убедительно высокую степень континентальности Якутской области, как этими средними месячными температурами, из которых видно, что весны и осени здесь почти нет, а существуют только продолжительная и очень суровая зима, да очень короткое, но для большой широты по ту сторону полярного круга очень тёплое лето. Цифра -63,2° Цельсия, соответствующая 50,2° по Реомюру, и есть наинизшая температура, наблюдавшаяся в нашу экспедицию, так как нами самими минимальная температура была отмечена всего -48,9° Реомюра, в Нижнеколымске.

Во время нашего пребывания в Верхоянске было получено известие, что на маленькой речке между Алазеей и Индигиркой нашли хорошо сохранившийся труп мамонта. Но то, что на первых порах можно было узнать об этом интересном предмете, было столь неопределённо и сказочно, что мы решили с г-м исправником Иващенко заполучить сначала более точные сведения и потом уже сделать предварительные распоряжения. Исправник должен был в скором времени отправиться на устье Индигирки и обещал более подробно разузнать у тамошних жителей, которые правильно посещают ярмарку на Анюе, и результаты расспросов сообщить нам; архиерей Дионисий, который до прибытия в Среднеколымск собирался посетить церкви, расположенные по Индигирке, тоже вызвался собрать сведения у всех, с кем он встретится. На последнее предложение я рассчитывал больше всего, потому что в церкви стекался отовсюду народ, чтобы увидеть и послушать своего архипастыря,

и можно было с уверенностью ожидать, что он об Индигирке и Алазее разузнает более других.

Наконец, мне удалось устроить самым лучшим образом дальнейшую судьбу моего каравана и быть вместе с тем свободным самому для возможно быстрой поездки в Среднеколымск, что в то время было для меня важнее всего. Мой старый друг, якутский купец Николай Алексеевич Соловьёв, соглашался соединить мой караван со своим и таким образом благополучно довести всё общество до Колымска. Кроме того, он изъявил готовность избавить путешественников от неудобств дальнейшей верховой езды и предоставить каждому из них по нарте с оленями, чем делал всё путешествие более удобным и более приятным.

Помимо того, что в нарте легче сидеть, чем на лошади, ещё имеется преимущество более скорой езды и, следовательно, можно раньше достигнуть места ночёвки; таким образом в течение дня меньше придется подвергаться суровому зимнему холоду.

Так как я мог предполагать, что мои лошади, которым со времени пребывания на Алдане я давал сено всего однажды (поблизости Барылаха, где их кормили три дня) значительно поизнурились, то я снова позаботился раздобыть хорошего корма; благодаря стараниям Соловьёва и исправника, мне действительно удалось закупить достаточное количество хорошего сена поблизости станции Табалаха, где мы должны были вновь соединиться; таким образом моих животных можно было вдоволь покормить в течении 3-5 дней. Это было очень важно потому, что от Табалаха на протяжении с лишком 400 вёрст вновь начиналось пространство, на котором не было человеческого жилья и где ничего нельзя было получить; поэтому нужно было воспользоваться сравнительно густо населённой местностью между городом и Табалахом и восстановить силы вьючных животных.

И так я устроил всё, что собирался сделать в городе, и 5 декабря мы с Нейманом поехали навстречу нашим товарищам. До Табалаха мы проехали следующие станции:

5 декабря до Синяки	40	вёрст.
6 » » Булгунях	—	»
7 » » Тыбэ	55	»
8 » » Элехон-Келя	50	»
9 » » Табалах	20	»

Мы могли бы проехать этот путь на наших оленях значительно скорее, но так как добрались бы до Табалаха во всяком случае много раньше нашего каравана, то я по возможности щадил животных, нужных мне для дальнейшего путешествия, может быть даже до Оринкина, что в 40 верстах по ту сторону Индигирки. Никогда нельзя быть уверенным в том, что наверное застанешь содержателя станции с его животными и часто приходится терять много времени в розысках, прежде чем его удастся найти. Поэтому я нанял себе этих оленей с тем условием, чтобы воспользоваться ими при надобности до Оринкина.

От Верхоянска до Табалаха путь пролегает почти исключительно по ровной местности и только на горизонте по обе стороны дороги видны далёкие горные кряжи. Из них лежащие направо есть ничто иное, как последние отроги окрайного хребта, которые мало-помалу теряются в высокой долине между Яной и Тас-Хаяхтахом; с левой же стороны возвышаются две вершины горного массива, расположенного над местом соединения Яны и Адычи, — Кигелях-Таг и Ыгнах-Хая ([16](#)), первая из них достигает 3745, последняя 5684 фут абсолютной высоты. У станции Тыбэ мы переехали через — текущую в глубокой и широкой долине и впадающую в Яну — Адычу, которая есть главная река системы, неправильно названной именем Яны. Каждый, кто видел обе реки выше места их соединения, непременно согласится, что не Адыча есть приток Яны, а обратно. То обстоятельство, что на всех картах нарисована и помечена Яна, а об Адыче упоминается редко, можно приписать только тому, что дорога в Колымск на большом протяжении проходит по долине первой, последнюю же пересекает всего однажды.

В Табалахе ([17](#)) мы нашли сено уже заготовленным в больших стогах, но караван наш прибыл лишь спустя некоторое время после нас. Животные выдержали путь довольно хорошо и только одна лошадь, споткнувшись, повредила себе ногу. Так как оказалось, что пять вьючных лошадей слабее прочих, то я счёл за лучшее их сменить, и при вторичном дружеском посредничестве Соловьёва мне удалось найти человека, не нуждавшегося в это время в своих лошадях. Он-то и выразил готовность поменяться со мной, предоставив мне шесть хороших, свежих лошадей за пять моих слабых и за шестую хромающую, с придачею с моей стороны по 4 рубля за голову. Он считал это дело для себя выгодным, полагая,

что сами по себе животные хороши и что они вполне оправятся к тому времени, когда ему понадобятся.

Итак, было решено дать лошадям хороший отдых и кормить их вдоволь; поэтому отправление каравана, было назначено на 14-е декабря, я же должен был выехать одним днём раньше. Скорее дело нельзя было устроить, так как для того, чтобы нам разделиться, необходимо было кое-что устроить, да кроме того дожидаться двух пар свежих оленей в виду того, что олени моего казака и моего проводника были не вполне надёжны.

Так как с этого пункта мы разделились, то я считаю уместным привести наши маршруты отдельно; они не вполне совпадают, потому что с одной стороны мои переходы были более значительны, а с другой — я иногда уклонялся от пути.

Мой маршрут				Вёрсты
13	декабря	до	Барылаха	30
14	»	»	Тынгыргестаха	60
15	»	»	Кыртаса	40
16	»	»	Кырех-Ырйя	95
17	»	»	Тораха	50
18	»	»	Тыбэ	130
19	»	»	Эбеляха	105
20	»	»	Абы	120
21	»	»	Оринкина	100
22	»	»	Крестяха	40
23	»	»	Бердыгестяха	90
24	»	»	Берджестяха	120
26	»	»	Ярмонга	115
27	»	»	Эселяха	115
28	»	»	Среднеколымска	100
				— —
				1316

Маршрут каравана				Вёрсты
14	декабря	до	Тостаха	40
15	»	»	Тынгыргестаха	50
16	»	»	Кыртаса	40

17	»	»	Елет-Сыбита	40
18	»	»	Кырях-Ырїя	60
19	»	»	Сордаха	60
20	»	»	Кыреляха	50
22	»	»	Еленгняха	20
23	»	»	Тыбэ	50
24	»	»	Николай-Олбыта	40
26	»	»	Море-Кяла	70
27	»	»	Сенганняяха	30
29	»	»	Тала-Кял-Кёлётя	30
30	»	»	Бере-Ыелляха	30
31	»	»	Абы	40
5	января	до	Булгунах-Али	15
6	»	»	Оринкина	85
8	»	»	Шестакова	85
9	»	»	Сис-Аны	50
10	»	»	Сыгеняха	50
11	»	»	Андылаха	70
12	»	»	Унджи	55
13	»	»	Ярмонга	80
14	»	»	Малой	50
15	»	»	Еселяха	60
16	»	»	Учугея	40
17	»	»	Среднеколымска	60

— —

1355

Как видно, оба маршрута не совпадают, так как мой, хотя и немного, но короче. Причина этого заключается, однако, не в том, что избранный мною путь был короче: мы ехали почти-что по одному следу. То обстоятельство, что названия станций в наших маршрутах различны, зависит, как уже было сказано, оттого, что мои переезды были длиннее, благодаря почти полному отсутствию багажа, а также и потому, что как мой проводник, так и проводники каравана по возможности старались избегать очень неприятных поварен. Там, где вовсе нет жилья, избежать по-

следних часто невозможно, но при путешествии хотя бы и по слабо населённой местности, конечно, можно пользоваться юртами якутов, охотно принимающих каждого пришельца. При этом каждый возница везёт своего седока к знакомому ему домовладельцу и, понятно, вследствие этого места остановок бывают различны. Например, на карте между Индигиркой и Селегняхом показаны два маршрута, — один нашего каравана зимою 1868-1869 по направлению от Якутска на Колымск, а другой мой, по которому я шёл обратно осенью 1870 г. Якуты не селятся деревнями, а живут отдельными семьями; они не любят, как и все кочевые народы со времён прародителя Авраама, видеть дым своего соседа. К тому же при всяком удобном случае они дают названия своим трупам: называют не только мелкие речонки, озёрки, пригорки, но и все урочища или открытые места, — которые, конечно, по преимуществу избираются местом обитания, — носят особые имена, а по ним якут называет и своё жилище. Таким образом возникают бесчисленные местечки, из которых многие попадают и на карты; незнакомый с местными условиями читатель принимает их за селения, тогда как в действительности тут находится то одинокая юрта, то даже просто привал.

Разногласия в расстояниях между станциями обоих маршрутов зависят исключительно от неодинаковых определений длины ежедневно пройденного пути (18). Это до сих пор ещё очень трудное дело. На якутов в этом отношении вовсе нельзя полагаться, так как они кладут в основание совершенно иной масштаб, чем мы. Мы считаем только длину пройденного пути, якут же связывает с ним представление о характере местности, т.е. считает время, потребное на передвижение с одного места на другое. Он считает кёсами; кёсом же называется кухонный горшок. Это сочетание двух несоответственных понятий — меры пути и кухонной принадлежности — основано на том, что якут называет кёсом то расстояние, которое он успевает сделать в промежуток между двумя обедами, т.е. остановками; весной же от места зимовки к месту летнего пребывания он тащится не только со взрослыми животными, но часто с только что рождёнными. В общем было принято считать кёс равным 10 вёрстам, но, по-моему, это значительная ошибка, потому что сколько раз я ни измерял дорог хорошими лошадьми, способными долгое время

выдерживать ровный шаг или ровную рысь, я всегда находил кёс равным только 7½ или, самое большее, 8 вёрстам. Но в некоторых случаях и эта цифра велика; нередко даже случается, что одно и то же расстояние определяется различно, смотря по времени года, состоянию пути и т.д. В этих случаях становится ясным, насколько якут связывает известный путь с понятием о затраченном на него времени. Так, например, они считают расстояние от церкви Сунтар на Вилую до улусного управления того же имени в 5 кёсов (причём сами же прибавляют: 50 вёрст), а тот же самый путь, но обратно — в 8 кёсов, т.е. уже 80 вёрст, и это только на том основании, что первый идёт вниз по реке, а второй вверх и, следовательно, требует значительно большей траты времени и труда. Другой раз мне сообщили, что до одной юрты, куда мне хотелось добраться поскорее, два кёса, а потом оказалось, что до этого места всего 8 вёрст. На мой удивлённый вопрос, как можно тут считать два кёса вместо одного, якут отвечал: на самый путь действительно приходится один кёс, зимою и не считают больше, но летом переход через две очень топкие речки занимает столько времени, что на них нужно накинуть ещё один кёс. И в самом деле, переход через эти две речки нас задержал. Когда я впоследствии рассказал этот случай в обществе хорошо мне знакомых якутов, то ещё более был удивлён, услышав, что все они точно также признают этот способ измерения расстояний и не находят возможным считать иначе. Помимо того, что этот способ странен, он ещё крайне неточен и сбивчив в том отношении, что затраченное время и труд можно ценить очень различно. Вследствие этого якутские данные о расстояниях ненадёжны. Принимая кёс в среднем равным 7½ вёрстам, я ни коим образом не хочу сказать, что в отдельных случаях цифра эта не может значительно уклоняться в ту или другую сторону. Вследствие этого происходит неточность счёта самого путешественника, который, не будучи в состоянии воспользоваться в этом отношении указаниями проводников, предоставлен самому себе при определении расстояний. На ровной дороге счёт ещё не так затруднителен, особенно когда у лошади правильный и равномерный шаг. Когда же приходится измерять расстояние по дороге то ровной, то идущей через горы, по обломкам скал, или по гладкой ледяной поверхности и т.д., то теряется всякий критерий и представление получается неточным. Нередко случалось, что ве-

чером, придя на привал, мы приходили к совершенно противоположным взглядам на пройденное расстояние и положительно не соглашались друг с другом; поэтому ничего нет удивительного, что наши маршруты, составленные независимо друг от друга, не вполне совпадают.

Расстилающееся между Яной и Тас-Хаяхтахом обширное плато, начинающееся у окраинного, так называемого Верхоянского хребта, становится к северу ровнее и прорезывается Адычею и её большими притоками Бёрулахом, Нелгэгэ и Тостахом. В том месте, где её пересекает путь на Колымск, и к северу живут якуты; далее же на юг в скором времени прекращается всякое человеческое жильё, вместе с тем местность между верховьями Яны и истоками Тостаха составляет совершенно неизвестную часть Якутской области. Этот обширный район, странным образом будто бы вовсе лишён пушного зверя и вследствие этого не привлекает даже неутомимых охотников — тунгусов. Таким образом, я не мог собрать никаких точных сведений об истоках Адычи и её притоков. Об остальной части системы Яны я добыл полные данные, так как нашёл людей, знавших её очень хорошо; что же касается до указанной местности, то все они с большою уверенностью заявляли, что туда никто не заходил и никто не в состоянии дать о ней сведений. Впрочем, эта область не представляет особенного интереса, так как начинающиеся оттуда реки текут по исследованной местности и дают возможность довольно правильно судить о тамошнем рельефе.

На нашем пути к востоку прежде всего надо иметь в виду реку Догдо, берущую начало приблизительно в том месте, где Тас-Хаяхтах отделяется от Кэх-Таса. Она течёт сначала почти в меридиональном направлении, затем круто поворачивает на запад и принимает справа на самом завороте приток, носящий тоже название Догдо, но несравненно меньших размеров, чем главная река. Эта последняя течёт в направлении с востока на запад, начинаясь на Тас-Хаяхтахе, и удерживает это направление до своего впадения в Тостах.

Чтобы попасть через водораздел в бассейн Индигирки можно воспользоваться обоими Догдо. В прежнее время избирали всегда путь по долине большей реки, текущей с юга; этой дорогой шёл и Биллингс, когда возвращался из Колымска в Якутск. Теперь она почти забыта и оставлена, потому что, взойдя с реки Догдо по её маленькому притоку на главный водораздел, всё-таки нельзя избежать скалистой, трудно

проходимой долины Русской Россохи, малого левого притока Сордаха (19).

За Россохой уже не было более особых трудностей, дорога вела через холмистую местность истоков Бёреляха, затем вниз по этому последнему и вверх по реке Блудной, с которой можно попасть на Келяндину, впадающую около двух вёрст выше Зашиверска в Индигирку. Путь на Колымск шёл далее по правому берегу Индигирки, дорога была довольно широка, так как она не стеснена горами, но зато, в особенности летом, приходилось испытать много мучений в болотистых участках. Из них людей доводило до отчаяния всем известное болото Кытта-Селян, тянущееся почти на 200 вёрст между реками Падериха и Бор-Ырях и имеющее около пяти вёрст в ширину. Оно топко и переход через него, особенно со вьючными животными, почти невозможен или преодолим только при отчаянных усилиях, да и то, если год был сухой. Затруднения, доставляемые с одной стороны болотами, а с другой долиной Русской Россохи с её тропинкой, и повели к тому, что путь был совершенно оставлен, так как тропа эта, идущая у самого берега, зимой в сильные бури заносится снегом, а летом затопляется наводнениями от дождей в горах. Следствием этого обстоятельства было упразднение города Зашиверска, жители которого переведены в Колымск; теперь там живёт только священник при церкви.

В настоящее время единственный путь через хребет Тас-Хаяхтах пролегает по другому Догдо; впрочем, эта дорога, особенно зимой, имеет тоже некоторые трудности, но приходится довольствоваться и ею в виду того, что другого годного пути нет. Нижнее течение Догдо многоводно, местами река делится на многочисленные рукава, в иных местах она течёт с громадной силой по одному руслу; некоторые части её, подобно Тукулану, не замерзают всю зиму или покрываются льдом только в феврале. Догдо берёт начало из одного болотистого озера, расположенного на высоте перевала и дающего также начало Кыре, текущей на восток и впадающей в Селегнях, большой левый приток Индигирки. Зимой эта Кыра, да ещё Нехаран (впадающий в Селегнях несколько ниже первой, тоже с правой стороны) представляют не слишком удобную дорогу для путешественника, направляющегося в Колымск. В самом деле, обе реки образуют обширные наледи или тарыны, переходить через которые крайне затруднительно. От встречающихся также и в северной

Европе наледей, сибирские тарыны сразу отличаются по наружному виду тем, что они очень обширны, имеют холмистую, а не ровную поверхность. На тарыне путешественник видит перед собою обширное, гладкое как зеркало ледяное поле, обыкновенно покрытое слоем воды в полдюйма толщиной. По этому полю тянутся всегда покрытые снегом возвышения от двух до двух с половиной футов высотой; формы их очень изменчивы: то они круглы, то продолговаты, то, наконец, змееобразно извилисты. Извольте теперь идти по такой поверхности, особенно по Кыре и Нехарану, где тарыны соединяются в одну наледь, которая тянется на протяжении пятнадцати вёрст. Мы ехали на нартах, запряжённых оленями, а потому могли облегчить последним этот переход, тем, что шли пешком, надев предварительно железные подковы, которые значительно облегчали ходьбу. Они имеют форму стремян, снизу снабжены шипами; в них просовывают ногу и затем укрепляют ремнём. Таким образом оленям оставалось тянуть только парты, так что животные подвигались вперёд удовлетворительно, хотя постоянно скользили и падали. Со вьючными лошадьми и с нагруженными кладью оленьими нартами этот переход, однако, ужасен. Неподкованные копыта скользят, животные едва передвигают ноги, идут будто ощупью, трясутся всем телом, — одним словом, жалко смотреть на них. Падение животных под вьюком очень опасная вещь и довольно часто имеет последствием столь тяжёлые повреждения, что лошадь приходится убивать. Новичку, незнакомому с тарыном, очень хочется избежать гладкой поверхности льда и воспользоваться покрытыми снегом холмиками, если только это название приложимо к таким низким возвышениям. Проводники, конечно, предостерегают от такого рода попыток, всякий раз поясняя, что там находится вода. На этот раз я был знаком с делом по собственному опыту, но однажды в Вилуйском округе — когда я был без подков и мне очень надоело скользить по льду, — я направился к возвышению в расчёте на то, что там должно быть меньше воды, чем на окружающем льду; несмотря на настойчивые знаки находившихся вдали якутов, я смело занёс ногу на снег, но в испуге тотчас же её вытащил, так как провалился более чем на фут в кашицеобразную смесь из снега и воды. При ближайшем рассмотрении легко убедиться, что вода, покрывающая поверхность льда, просачивается и вытекает как раз из-под этих холмиков.

Перебравшись через тарын, можно выйти на самый Селегнях, по длине которого от юрты Тыбэ на протяжении двадцати вёрст пролегает дальнейший путь. Эта река точно также часто образует наледи, но (если путешествовать не ночью) их большою частью можно объехать; только недалеко от того места, где дорога сворачивает с реки, поверх льда встречается вода, которая может быть опасна. Река тут сравнительно не глубока, но большую часть зимы не замерзает. Поэтому на санях или на лошадях перебираются через это место обыкновенно вполне благополучно; но иногда лёд, образуя как бы естественную плотину, запруждает реку и заставляет подниматься её воду на несколько футов. Я проезжал тут ещё засветло, а потому проводник мог хорошо рассмотреть опасность, выехал на берег и избавил меня от холодной ванны. Но один якут, ехавший по той же дороге и бывший некоторое время тоже моим попутчиком, в темноте не разглядел воды и попал в неё; так как вода на этот раз была, к счастью, невысока, он успел выбраться вовремя и только полузамёрзшим приехал в Тыбэ.

Путь вдоль Селегняхы пролегает по очень благодатной местности, по которой, в особенности летом, можно идти, делая маленькие переходы, а иногда и остановиться на несколько дней, чтобы дать лошадям отдохнуть на отличных пастбищах. Тут растёт один вид хвоща (*Equisetum variegatum*), называемый якутами чибога или сибехте и который лошади едят очень охотно; он оказывает на них необыкновенное действие: даже самые изнурённые и усталые животные в сравнительно короткое время оправляются и становятся свежими и бодрыми. Это растение появляется в начале лета, когда трава ещё молода и не может доставить животным достаточно корма. Когда я шёл этим путём летом 1866 года от Колымска на Якутск, мне представился случай наблюдать, как хороша память лошадей, если они голодны. Это было в начале лета и животные находились, следовательно, в очень печальном состоянии, не успев оправиться от потери сил за зиму. Купцы их почти вовсе не выючат и гонят обратно на Якутск небольшими переходами. Почти все товары распроданы в течение зимы по дороге от Якутска на Колымск, а то, что не разошлось, оставляют в пакгаузах в Средне- и Нижнеколымске; пушной же товар, полученный в обмен, весит сравнительно немного; его размещают не более как по четыре пуда на самых крепких

лошадей, которых к тому же возможно чаще меняют; остальные животные идут порожнём. Точно также потихоньку тянулись и мы, — в тот раз я ехал с моим приятелем, купцом Николаем Алексеевичем Соловьёвым; с нами шли немногие вьючные лошади, далеко позади нас медленно брели, ощипывая только что прозябавшую травку, порожние животные. Когда же мы стали приближаться к Селегняху, я с удивлением заметил, что с трудом тащившийся за нами табун стал нас опережать очень оживлённым аллюром: лошади бежали сначала в одиночку, затем партиями, так что мы совсем отстали, чего ни разу прежде не случалось. Дело объяснилось очень просто: животные не успели ещё забыть чибугу, которую они вырывали прошлой зимой из-под снега, и спешили добраться по возможности скорее до лакомого пастбища. Покинув Селегнях, путешественник выходит на низменность, покрытую бесчисленными, частью мелкими, частью более обширными озёрами; эта низменность расстилается между двумя большими притоками Индигирки — Селегняхом и Уяндиной, — и не только доходит до самой Индигирки, но, минуя её, кончается лишь у Алазейского хребта. Эта местность опять заселена, тогда как от Тостаха до Тыбэ почти не встречаешь человеческого жилья. Все озёра, соединённые друг с другом, а также с реками посредством протоков, называемых «виски», обильны рыбою; окружающие их низменности доставляют в изобилии траву и сено; таким образом эта местность как будто нарочно создана для якутов, которые живут тут довольно густо и чувствуют себя прекрасно. Но я никого здесь не нашёл, как будто край вымер: всякий, кто мог и имел право тронуться с места, отправился к церквям, которые собирался посетить архиерей. Впоследствии я узнал от своих спутников, что их тут хорошо приняли и что они очень весело встретили новый год в юрте богатого якутского головы Василия Ефимова, на берегу озера Абы, куда собралось и большинство купцов. Я должен был считать себя очень счастливым, что мне удалось, несмотря почти на поголовное отсутствие мужского населения, купить сена для моих лошадей, изнурённых трудным переходом от Табалаха до Абы. Кроме того, я мог раздобыть очень нужных мне оленей, так как мои порядочно утомились, да и держать их я мог только до Оринкина, куда я выехал из Абы. Впоследствии мне прислали ещё нескольких, так что я ехал на оленях до поварни Бердыге-

стяха, лежащей за очень невысоким, покрытым лесом Алазейским хребтом. Животные были очень плохи уже в Крестяхе, так что я взял на этой станции лошадей, но отправил их вперёд порожними, желая ещё испробовать езду на санях. Впрочем, я мог так медленно подвигаться вперёд на оленях, что оставил их и нарты, а остаток пути до Колымска сделал на лошадях. Теперь я был в своём округе, люди были предупреждены о моём прибытии, а потому для меня были заготовлены лошади в достаточном числе. Поэтому я не считал нужным особенно беречь животных и выехал ещё в тот же вечер из Бердыгестяха в Берджестях, где и рассчитывал найти свежих лошадей. По дороге мне попалась юрта, где я накормил лошадей сеном и поехал дальше. Уже стемнело; это не особенно мешало нам, так как мы ехали по лесу, где дорогу легко заметить; но в скором времени мы выбрались на большие озёра и потеряли дорогу. Недавно была буря, след занесло, а указывающие путь значки (расстановка которых — одна из главнейших повинностей населения) были поставлены так далеко друг от друга, что их можно было рассмотреть разве днём, а не ночью. Опять стало быть не всё было в порядке, хотя люди знали, что я должен был приехать. На последнем из больших озёр, на конце которого расположена станция Берджестях, мы так долго блуждали, что я решил, несмотря на крюк, ехать по озеру у берега, чтобы наконец выбраться на верный путь. Это решение имело также свои неприятности; в виду того, что тут не было торной дороги, население вырубилло большие проруби для вытаскивания из-под льда рыболовных сетей (20), и мой казак едва не попал туда. Оставалось только одно — подвигаться вперёд шагом по самому берегу, без тропы, но и это было крайне неудобно, особенно ночью: берег зарос лиственничным лесом, образующим точь-в-точь такие же заросли, как ель. Поэтому я очень обрадовался, когда мы после короткого, но крайне трудного пути, быстро вышли на открытое место, на котором увидели станционное здание. Но радость была недолговременна, так как наша надежда отдохнуть и обогреться в тёплой юрте после усиленной верховой езды оказалась тщетною: помещение было необитаемо и холодно. Мне были необходимы, однако, свежие лошади, так как мои прошли сегодня 115 вёрст и завтра их нельзя было переутомлять; поэтому я велел собрать сухого дерева, зажечь камин и тотчас послал проводника за улусным головой, который, как говорили, жил от станции не далее, как в 10 верстах. Голова

ночью действительно явился и, рассыпаясь в извинениях, уверял, что люди ожидали меня на станции в течении четырёх дней, но затем ушли к своим юртам, где было у них сено; он прибавил также, что завтра же они будут готовы к дальнейшему пути. Вместе с тем он просил меня оказать ему честь сейчас же перебраться к нему, что там уже всё приготовлено для моего приёма и что я доставил бы ему большую радость, если бы, в виду праздника, провёл у него следующий день. Во всём этом многое было далеко не так, как полагалось. Люди должны были прежде всего иметь и сено, и лошадей на станции, даже в том случае, если они, как на этот раз и было на самом деле, жили поблизости от станции. Но так как почтовые лошади требуются очень редко, то это отступление от контракта настолько укоренилось, что сделалось почти правилом. Правительству пришлось бы платить много дороже, если бы оно стало со всею строгостью требовать, чтобы лошади постоянно были на станции; теперь же оно платит за станции сущие пустяки и всё-таки находит желающих их содержать. Голова мне был известен за дельного человека и хорошего служаку, а потому я охотно доставил ему удовольствие и принял его предложение, тем более, что представлялся случай поближе разузнать положение дел в его улусе. Таким образом я провёл там 25 декабря и с этих пор находил уже всё в порядке, так что вечером 28 мог добраться до Колымска. Лошади и проводники повсюду были наготове, а дороги приведены в порядок, что особенно важно на этой части пути, ведущей через цепь больших озёр.

Глава II

Положение дел в Колымском округе

Обитатели округа и их взаимные отношения — Число жителей — Юкагиры — Чуванцы — Ламуты — Тунгусы — Якуты — Русские — Источник существования прибрежных жителей нижнего течения Колымы и частые голодовки в этой местности — Чукчи и торговые с ними сношения сначала на Большом, а затем на Малом Анюе — Торговые правила Трескина — Постепенное передвижение чукчей с востока на запад — Чукчи, народ без начальствующих лиц и следствие этого положения вещей — Ятыргин присваивает себе власть начальника и переход власти к сыну его Амвраоргину — Амвраоргин и чукчи-оленоводы — Стремление их на запад — Торговые правила Трескина и польза от них в настоящем — Планы путешествия и приготовление к нему — Предварительные планы поездки на восток и зависимость последней от доброй воли чукчей — Чукча Ваалергин и его переселение в тундру к западу от Колымы — Прибытие моих товарищей по путешествию в Среднеколымск — Николай Новгородов и смерть этого преданного мне человека — Ваалергин и первый опыт введения ясачной повинности у чукчей — Поездка с целью разыскать Амвраоргина в Нижнеколымск — Страх перед чукчами и попрошайничество у них жителей Нижнеколымска — Местопребывание Амвраоргина никому неизвестно; Хархабирка — Путь от Хархабирки по области чукчей до встречи с Амвраоргиным — Встреча с Амвраоргиным и его сыном. Распоряжения относительно поездки епископа Дионисия и установление плана нашего путешествия. Амвраоргин решает ехать с нами — Мнение Амвраоргина о Ваалергине и его помощи обитателям Нижнеколымска — Возвратное путешествие в Среднеколымск — Тунгус Фока и мамонт — Отъезд на Анюйскую ярмарку — Чукотская ярмарка на Анюе и отъезд на восток — Столкновение между собачьими нартами и оленьими санями — Плохие виды на путешествие — Ярмарка — Чукотские беговые санки и олени бега на Малом Анюе — Последний день торга. Всеобщее введение ясака у чукчей-оленоводов. Отъезд к месту жительства Амвраоргина.

Прежде чем перейти к рассказу о дальнейшей судьбе нашей экспедиции, мне кажется необходимым сначала указать, каково было положение дел в округе во время моего приезда и каковы были взаимные отношения различных племён друг к другу.

Очень обширные земли, известные под именем Колымского округа, заселены необыкновенно слабо: в последнем считается около 7000 душ обоого пола, не принимая в расчёт чукчей; эта цифра, вероятно, не многим меньше действительной, но всё же к ней нужно прибавить несколько сотен душ обоого пола, так что всего на всего население округа можно принять приблизительно в 7500 душ. Из них несколько более 1000 русских, около 3500 якутов, приблизительно 1500 ламутов, 800 юкагиров, 400 тунгусов и 400 чуванцев. К ним присоединяются кроме того чукчи, о числе которых наши сведения ещё менее точны, но можно признать очень вероятным, что общее число душ этого народа не пре-
взойдёт 3500 ([22](#)).

Итак, народонаселение, с которым мне приходилось иметь дело, было очень незначительно, но интересы его тоже требовали внимания, и тем большего, что местность, в которой оно жило, не изобиловала природными богатствами, необходимыми для существования; да и на то, что было, жители часто не обращали внимания или уничтожали в высшей степени легкомысленно.

Коренными жителями страны, очевидно, нужно признать юкагиров и чуванцев, от которых теперь уцелели только печальные остатки. Во время Врангеля, т.е. около 1820 г., юкагирами были ещё довольно густо заселены оба Анюя, хотя уже и в то время число их значительно уменьшилось в сравнении с прошлым. Врангель называет их омоками; это название теперь официально уже не употребляется, но сами они именуют себя юкагирами омокского племени. Со времён Врангеля они мало-помалу удалились с обоих Анюев; теперь там живут всего несколько семей, которые, впрочем, уже совершенно забыли свою родную речь и приняли как язык, так и образ жизни русских. В настоящее время они обитают по верхнему течению Омолона, разделяются на восемь родов, управляясь своими начальниками родов, и кормятся преимущественно охотой и рыбной ловлей. Подобно тунгусам и ламутам, они живут в лёгких, конусообразных хижинах из бересты, называемых у русских урасами, и держат лишь столько оленей, сколько им нужно для их

постоянного странствования. Кроме того, по нижнему течению Колымы среди другого населения попадаются отдельные юкагирские семьи, которых уже нельзя отличить от русских ни по внешнему виду, ни по обычаям. Довольно большая колония — около 60 душ — таких совершенно обрусевших юкагиров находится недалеко от впадения Омолона в Колыму. Трудно указать причину такого сильного уменьшения прежде столь многочисленного племени. Сами они утверждают, что им много пришлось терпеть от чукчей, да и на самом деле в войнах с чукчами они и чуванцы доставляли главный контингент помощников казакам; затем они были оплотом колымских поселенцев с востока, проживая на обоих Анюях и тем преграждая чукчам путь к Колыме. Но если внимательно вникнуть в сведения, собранные Полонским в старом архиве, который ещё сохранился в Петропавловске, невольно приходишь к убеждению, что чукчи ни в каком случае не могли уничтожить столько человеческих жизней, сколько обыкновенно им приписывает народная молва. Вернее было бы принять, что ссоры начинали всегда коряки (настолько родственное чукчам племя, что они понимают друг друга без переводчиков), а роль нападающих брали на себя юкагиры. Чукчи же скорее были обороняющимся племенем; да и по природе и задаткам чукчей в них никоим образом нельзя видеть воинственный народ, а тем более разбойников, потому что они владели как раз тем, чего всегда охотно добивались юкагиры и коряки, это — богатыми стадами оленей. На богатого всегда нападает бедный, а не наоборот. Конечно, в те старые, грубые времена частые раздоры и грабежи были, несомненно, заурядным явлением, но очень трудно предположить, чтобы всё это довело юкагиров до степени народа, состоящего из горсти людей, в виде которой они встречаются теперь по Омолону, да по Индигирке в числе 250 душ. В высшей степени вероятно, что оспенные эпидемии, несколько раз свирепствовавшие в Якутской области, влекли за собою вымирание юкагиров; но так как в начале этого столетия их прежние места обитания, славившиеся необыкновенно прибыльными оленьими промыслами и потому кормившие массу народа, стали значительно беднеть в этом отношении, то юкагиры не могли уже оправляться так, как, например, якуты, которые хотя и сильно страдали от оспы, но, суще-

ствуя в более благоприятных условиях, быстро достигали прежней численности. Ведь исчезновение диких оленей было в конце концов причиной и того, что юкагиры были принуждены променять Анюи на Омолон.

Чуванцы, собственно говоря, уже и перестали существовать как народ. Несмотря на все старания в течение 1866, 1869 и 1870 гг., мне не удалось найти в этом племени ни одного человека, который знал бы свой родной язык. По крайней мере те, которые живут в Колымском округе, совершенно обрусели и принадлежность их к угасающему племени есть одно только историческое воспоминание. В прошлые времена они были более всех подвержены нападениям чукчей, потому что жили по левому берегу Анадыря и на его истоках и сами владели большими оленьими стадами. Кроме того, своею непримиримою ненавистью к чукчам они превосходили даже коряков; вследствие этого весьма возможно, что их северные соседи причиняли им часто значительный вред, — во всяком случае, вскоре после упразднения Анадырского укрепления мы находим чукчей в бывших вотчинах чуванцев. Сами чуванцы приписывают своё уничтожение исключительно чукчам и особенно указывают на то, что им пришлось вынести на себе всю силу мести чукчей после смерти известного майора Павлуцкого, которого они, чуванцы, были главными союзниками и о подвигах которого будут сообщены сведения в исторических заметках. Когда человек, которого чукчи так боялись, что не могли без ужаса произносить его имени, пал, в крепостце будто бы долгое время не решались предпринимать против них ничего серьёзного, и в это-то время чукчи изливали свою злобу: целые селения уничтожались и вырезывались, а немногие спасавшиеся, чувствуя себя чересчур слабыми, бежали на правый берег Анадыря. Там чуванцы живут и до настоящего времени. Они занимают, с одной стороны, маленькое местечко Марково на Анадыре и большой остров у впадения Маина в эту реку, а с другой, — отдельные семьи их селятся на Большом Анюе. По образу жизни они совершенно походят на тамошних русских, существуя рыбным промыслом и ловлею диких оленей в то время, когда последние дважды в году — весной и осенью — громадными стадами переходят Анадырь ([21](#)).

Более многочисленны, нежели только что названные племена, — ламуты, принадлежащие к тунгусскому племени и помимо Колымского округа находящиеся ещё в числе 1000 душ в Верхоянском. Собственно

говоря, не вполне ясно, почему ламуты считают себя за особый народ: они совершенные тунгусы; в образчиках, которые я привёз, академик Шифнер признал тунгусский язык; кроме того, по внешности и по образу жизни ламуты ни в чём не отличаются от тунгусов. По всей вероятности, сначала они принадлежали к тунгусскому роду (все азиатские народы делятся на отдельные рода); впоследствии же, будучи отделены от своих соплеменников некоторым пространством и проживая среди чуждых народностей, они привыкли считать себя за самостоятельный народ. Места их обитания издавна находились по самому верхнему течению Колымы и Индигирки, в северо-восточном углу Оймяконского плато, а на арене анадырской борьбы они появились сравнительно поздно. Точно также они не принимали никакого открытого и существенного участия в войне, покуда операционною базой последней была крепость Анадырск. Но впоследствии они имели известное влияние на отношения различных народов друг к другу. Ламут и по сих пор такой же истый сын пустыни, каким он был в старое время, — точь-в-точь как тунгус. Юкагиры частью занимаются охотой, но ещё в большей степени рыболовством, что обуславливает уже более оседлый образ жизни; юкагир, проживая по обычаю своих предков в глуши, охотно устраивает себе юрту или даже хижинку, чтобы защититься от суровости зимы: ламут же не знает ничего подобного. В настоящее время он обитает или, вернее, постоянно странствует в области верхней Колымы и Индигирки, насколько она ещё не занята якутами. Он, однако, повсюду дома: даже там, где якут уже не находит пастбищ и, следовательно, не может остановиться; ламута ничто не привязывает к месту, он идёт туда, куда бежит пушной зверь, и почти также подвижен, как этот последний. Подобно тому, как соболь, лисица и белка могут всюду устроить себе гнездо, где только есть лес, так и ламут кладёт на оленей свою лёгкую урасу (24) из бересты и свой незатейливый домашний скарб и бродит с места на место, постоянно следуя за пушным зверем. Но он не берёт на себя даже и хлопот по переселению: он кладёт на плечо своё ружьё, вешает пороховницу, а зимой ещё свои лыжи и готов в путь. Он сообщает только своей жене, что через столько-то дней или недель она должна ожидать его на известном месте и затем уходит в полном убеждении, что найдёт там свой дом в полной готовности. Жена должна сама

позаботиться о том, чтобы прийти с детьми и имуществом на назначенное место, поставить свою урасу и приготовить всё к возвращению домой хозяина. Ловко и красиво сложенный, притом крепкий и мускулистый, способный без труда переносить голод и жажду, холод и зной, прекрасный стрелок как из ружья, так и из лука, — он представляет из себя истого охотника, которого самые трудные лишения не могут заставить даже подумать о том, чтобы остаться у человеческого жилья долее, чем безусловно необходимо для промена его добычи.

Казалось бы, что с таким народом каждому легко ужиться, потому что он чувствует себя лучше всего там, куда другие неохотно идут; на деле же выходит не то, и именно на ламутов я больше всего слышал жалобы в глуши. Помимо охоты за пушным зверем, они усердно преследуют также диких оленей, для чего спускаются со своего нагорья в равнины Анадыря. Олени ещё до сих пор ежегодно совершают свои переселения через нижнее течение этой реки. Кроме этого места мне известен всего только один пункт, где на широком пространстве Якутской области эта охота ведётся в больших размерах и является важным подспорьем в пропитании народонаселения; именно, на крайнем западе области, по рекам Анабару и Оленьку, — в других местностях охота такого рода почти совершенно прекратилась. Весной олени идут большими стадами на север, а осенью возвращаются обратно на юг; они должны, следовательно, дважды переплыть через Анадырь. Весною за ними не охотятся потому, что они тощи и мясо их не хорошо на вкус. Но тем важнее осенняя охота, от удачи или неудачи которой в значительной степени зависят благосостояние или бедствие тамошних обитателей. Поэтому, такого рода охоты совершаются по определённым правилам, сообщаясь всеми участниками, а добыча подлежит разделу, производимому всегда очень добросовестно. Никто не стал бы препятствовать ламутам принимать в ней участие, но они этого не желают, как и вообще никогда не делают ничего сообща: всякий из них проходит свой жизненный путь в одиночку, как кто может. Между тем ламуты охотно бродят летом по Анадырю и обоим Анюям; в это время нет никакой охоты за пушным зверем, но область к северу от Анадыря изобилует дикими оленями, а также каменными баранами, доставляющими ловкому стрелку очень порядочный заработок и источник к существованию. Именно из-за северного оленя, как дикого, так и прирученного, и сложилась дурная

слава ламута. Если спросить купцов, то от каждого из них услышишь, что ламут самый честный из инородцев Сибири, что он никогда не обманывает и выплачивает свой долг с неизменной аккуратностью. Вследствие этого он пользуется много лучшим кредитом, чем все остальные; даже в тех случаях, когда он ничего не приносит в уплату своего прошлогоднего долга и тем не менее просит нового кредита, ему всегда доверяют и нисколько не сомневаются в приводимых им оправдательных причинах: что он неудачно охотился, что он прохворал. Другим в подобных случаях или вовсе не верят или доверяют много меньше. Про ламута говорят также, что он верен и отличается привязанностью, никогда не покидает того купца, с которым вошёл в соглашение, и не переходит к другому, что с другими инородцами случается сплошь и рядом и чего особенно не любят торговцы и купцы. Совершенно противоположное мнение о ламуте можно слышать от чукчей и от людей, занимающихся на Анадыре охотой за оленями: они считают его просто за вора и нарушителя спокойствия. Чукчи, как богатые стадовладельцы, особенно ненавидят ламутов. Чукчи упрекают их в том, что они, охотясь за оленями, не всегда дают себе труд отличать диких животных от принадлежащих чукчам, или иными словами, бьют всё, что ни подвернётся, даже в том случае, если отлично знают, что перед ними приручённое стадо; если же их ловят на месте преступления и пытаются отнять убитое животное, они будто бы хватаются за ружьё, чтобы обороняться. Очень трудно, конечно, разобраться в такого рода спорах: ламуты всегда категорически отрицают подобные обвинения, а свидетели в таких происшествиях бывают разве только случайно. Но мне говорили, что чукчи в этих случаях правы, что в подобного рода проделках ламуты действительно виновны, и что извинения в том, что ламут по ошибке счёл домашнего оленя за дикого, вовсе не выдерживают критики. Олени в очень больших стадах, принадлежащих чукчам, конечно, наполовину дики, но тем не менее так мало боятся человека, что он может подойти к ним без всякой предосторожности на самое близкое расстояние; наоборот, дикий олень необыкновенно осторожен и робок; кроме того, вблизи стада приручённых животных всегда находится шалаш караульных, так что ошибка совершенно невозможна. Если это справедливо, то ненависть чукчей к ламуту, без того необъяснимая, становится очень понятной: в борьбе за существование последний далеко

превосходит первого, чукчи ничем не могут вознаградить себя за причинённый им ущерб, а это вызывает в них злобу. Чукчи — богатые и изнеженные стадовладельцы. Крупных размеров и сильный, но при этом тяжёлый на подъём и хорошо упитанный, как и наши богатые торговцы рогатым скотом, чукча почти беспомощен сравнительно с подвижным и ловким ламутом; со своим копьём, как ни хорошо он им владеет, чукча не может подступиться к вооружённому огнестрельным оружием ламуту, — одним словом, он очень отстал от этого последнего, и при всяком удобном случае старается ему насолить. Когда какой-нибудь ламут или чукча, которых знали за частых посетителей ярмарки, исчезает, приходится иногда слышать, что где-нибудь в глуши был поединок на жизнь и смерть, и что исчезнувший остался при этом на месте. Такие происшествия теперь редки, но они тем заметнее, что на обогрязшейся кровью в прежнее время почве Анадырской земли теперь всё спокойно и недоразумения сравнительно редки. Племена, участвующие в ловле оленей на Анадыре, не терпят ламутов потому, что последние охотятся всё лето вплоть до осени; а там это в высшей степени не одобряется, в особенности в то время, когда дикие олени начинают собираться в стада, чтобы большими вереницами переплывать реку. В это время, обыкновенно в конце августа, там не решаются сделать ни одного выстрела, не зажигают даже огней, чтобы не беспокоить крайне пугливое и осторожное животное. Таких правил (25) ламут не придерживается, а потому он и ненавистен остальным инородцам, как человек, портящий им охоту и непрошенный гость. Мне часто жаловались на это, но я не мог ничего предпринять потому, что мне не могли назвать виновного, которого никогда не удаётся видеть и уличить. Внутреннее устройство у ламутов такое же, как и у юкагиров: они образуют шесть родов, управляемых своими начальниками или старостами.

Близко родственные им тунгусы составляют только один род с одним старостой. Они населяют также южные притоки Колымы и живут совершенно также, как ламуты, с той только разницей, что почти никогда не спускаются на Анадырь и не посещают Анюйской ярмарки, куда ламуты приходят регулярно каждый год.

Позднее всех перечисленных народов и только незадолго перед приходом русских, поселились на Колыме якуты.

По всей вероятности, они удалились от притеснений русских сначала на Оймяконское нагорье, где часть их живёт и до сих пор, а затем уже спустились по Колыме. Сравнительно со всеми остальными народами Якутской области, якуты обладают самым совершенным устройством своего быта; только у них одних существуют письменные деловые сношения. Низшую единицу в их общественной организации составляет род, находящийся под управлением старшины. Последний избирается пожизненно и облечён как полицейской, так и судебной властью. Каждые два или три рода составляют один наслег под руководством старосты. Мне кажется, что первоначальной единицей был род, подобно тому, как это мы видим и у других племён; впрочем, это не совсем достоверно, потому что многое говорит за то, что уже во время покорения народ управлялся старостами, так что основной единицей был наслег. Во всяком случае впоследствии наслег приобрёл более важное значение потому, что представителем своего наслега в сношениях с правительством выступает староста. Он считается как бы за отца, наслег — за его семью. Староста получает порох и свинец, выдаваемые ежегодно наслегу, и в следующем году сдаёт за них плату. Он отвечает за правильный сбор ясака (26), кроме того в менее важных случаях он пользуется полицейской и судебной властью, а также может назначать и телесное наказание. Ему передаются все приказы и распоряжения правительства и уже его дело заботиться на счёт того, чтобы они были приведены в исполнение, так как он один только и отвечает, если они не будут выполнены. Наконец, он же должен производить крайне важный надел сенюками, совершаемый ежегодно весною; впрочем, для этой цели назначаются понятые: сделанный им раздел не может подлежать обжалованию. Упомянутые две власти стоят под начальством улусного управления, состоящего из головы, членов и писаря в качестве делопроизводителя. Улус слагается из нескольких наслегов, а число улусов в различных округах различно. Так, в Верхоянском округе существуют четыре улуса, а в Колымском всего один. Улусное управление, так называемая инородческая управа, служит посредником между старостою и окружным управлением, а вместе с тем облегчает последнему его задачу. Она получает распоряжения исправника, препровождает их старостам, заботясь об интересах отдельных наслегов и окружного управления, но власти управа никакой не имеет: при всяком важном деле она

всегда собирает старост и затем уже представляет просьбы, предложения и т. д. в окружное управление, для дальнейшего решения. Одним словом, она крайне необходима исправнику для облегчения делопроизводства (так как в ней только имеется писец), но центр тяжести управления инородцами лежит в старостах. Голова и члены избираются на три года из числа старост и пользуются всеми преимуществами должностных лиц.

Как тунгус и ламут представляют из себя охотников, так якут является кочевником, а в Колымском округе, в виду того, что земледелие там невозможно, номадом в истинном смысле слова. При этом он охотится и за пушным зверем, но это его побочное занятие; для него стадо составляет то, что для тунгуса и ламута их огнестрельное оружие, т. е. основу всего существования. Якуты населяют оба берега Колымы, преимущественно же левый между Верхне- и Среднеколымском, и в пределе этих широт распространяются до западной границы округа. Впрочем, один из семи наслегов этого улуса поселился по нижней Колыме и живёт отдельными домами по левому её берегу до станции Кресты, находящейся приблизительно в 80 верстах ниже впадения Омолона. Этот улус отказался от кочевой жизни, живёт подобно русским в постоянных домах и существует преимущественно рыбным промыслом; но зато он забыл свой язык и говорит только по-русски.

Одни якуты не принимали никакого участия в борьбе с чукчами. Они выселились из прежних своих земель, лежавших по Лене, на Оймякон, а с этого нагорья в долину Колымы для того, чтобы избежать ссор и неприятностей; поэтому они не обнаруживали никакого желания пускаться здесь в новые приключения. Из всей их истории, насколько мы можем судить по старинным архивным делам, ясно видно, что они были искони безусловно мирным народом; только превосходившие всякую меру притеснения казаков заставляли их во время пребывания на Лене предпринимать иногда воинственные походы на Якутск, о которых будет сообщено в исторических заметках. Русские, нашедшие на Колыме других противников, здесь их не беспокоили, а от чукчей они были отделены с одной стороны большими расстояниями, а с другой юкагирами и чуванцами. На своё счастье якуты не были подчинены начальнику Анадырска, но принадлежали к Зашиверску, так что не могли попасть в число союзников русских в борьбе с чукчами. Поэтому якуты и

чукчи в прежнее время никогда не приходили в соприкосновение, ни в дружеское, ни во враждебное; единственной повинностью, выпавшей на долю якутов в течение долго тянувшейся борьбы, было привлечение их к транспортировке. Путь, служивший для снабжения команд на Анадыре безусловно необходимым провиантом и другими материалами, вёл с Алдана вверх по Хандыге, через истоки Индигирки к истокам впадающей в Колыму Зырянки, затем вниз по Колыме до впадения в неё двух Анюев и, наконец, по Большому Анюю на Анадырь. Этот крайне своеобразный путь шёл на значительном протяжении по местности, населённой якутами. Направление его станет понятным только тогда, если принять в соображение, что древние завоеватели Сибири придерживались преимущественно речных систем, оставляя их очень редко, чтобы воспользоваться более ближайшей дорогой. Поэтому на долю якутов выпала значительная часть тех очень нелёгких тягостей, которые налагала эта доставка на чрезвычайно разбросанное население.

Эта повинность была, конечно, очень тяжела, но не разоряла жителей в конце, почему жизнь якутов на Колыме сложилась более сносно и во всяком случае более спокойною, чем жизнь других народов крайнего севера. Они владели рыбными озёрами и реками, а скотоводство, перенесённое ими сюда из долины Лены, давало в общем настолько благоприятные результаты, что они не терпели недостатков. Конечно, содержание скота и лошадей — единственных животных, разведением которых якуты занимаются — не столь уже прибыльно к северу от хребта, как к югу от последнего. Нельзя сказать, чтобы причиной этого была суровость зимы, так как здесь она не более сурова нежели на Вилюе и Лене до впадения в неё Алдана. Большее значение имеет скорее то обстоятельство, что лето тут короче и не так жарко, почему пастбища и покосы хуже, а корм для скота много менее питателен. На Лене и Вилюе составляет правило, что лошадь и корова родят ежегодно, исключения бывают, но, как и в других местах, редко. На Колыме же телята и жеребята рождаются нормально только в три года раз, хорошие матки носят через год, а ежегодный приплод является положительным исключением. Таким образом прирост стад и табунов здесь очень замедляется; с другой стороны, тут чаще свирепствует самый ужасный бич якута — сибирская язва, более редкая к югу от хребта; главной причиной этого

бедствия является, по всей вероятности, почти исключительно болотистый характер здешних пастбищ, и, если бы якуты жили на Колыме более тесно, так что передача ужасной заразы была бы облегчена, опустошения среди скота и лошадей были бы ещё значительнее. Несмотря на тяжёлые обстоятельства, в которые поставлен кочевник на Колыме, всё же его положение сносно. Богатые рыбою воды спасают его от голодной смерти и постоянно доставляют ему возможность вознаграждать свои потери, так как он может обойтись в години бедствий и без мяса своих животных. Вследствие всего сказанного, якуты и по сию пору живут в удовлетворительных условиях.

Русские должны были появиться на Колыме незадолго до 1644 года; по некоторым старинным данным названную реку открыл около этого времени казак Иван Эрастов с его спутниками. Но в этом году уже существовали три так называемых зимовья, т.е. блокгауза в Верхне-, Средне- и Нижнеколымске; они были настолько фундаментально построены, что в них можно было защищаться. Затем из Нижнеколымска в 1648 г. казак Дежнёв впервые обогнул мыс Пээк, что повторил только через столетие Беринг, но в другом направлении. Эта отважная поездка, кончившаяся, впрочем, кораблекрушением, повела к открытию реки Анадыря и к основанию Дежнёвым, по всей вероятности в 1650 г., деревянной крепости Анадырска в 10 верстах вверх от местечка Марково. Таким образом основание господства на Анадыре исходило из Колымска; но этим и кончается отношение рек Колымы и Анадыря друг к другу, так как казаки Анадырского укрепления были подчинены не Колымску, а получали распоряжения сначала из Якутска, а затем из Охотска, пока наконец укрепление не было упразднено в 1766 году.

Итак, русские, жившие по реке Колыме, не имели в старинные времена никаких близких сношений с чукчами. Они были отделены от последних густым в то время населением юкагиров, жившим в области двух Анюев. Тем не менее чукчи имели некоторое, и притом очень благодетельное, влияние на первых русских поселенцев, отвлекая к себе внимание юкагиров и чуванцев; вследствие этого занятие Колымы русскими совершилось, против обыкновения тогдашних времён, необыкновенно мирным путём. В долине Колымы царили мир и спокойствие в то время, как на соседнем Анадыре почти непрерывно раздавались гром

огнестрельного оружия и свист стрел; поэтому на Колыме не было необходимости строить крепости и считалось достаточным иметь три зимовья. Точно также на Колыме не поселяли много казаков. Но с другой стороны, сюда время от времени приезжали русские, чтобы вести торговлю мехами. В ту пору в этой местности было изобилие различной дорогой пушнины; особенно много было здесь соболей, которые теперь убиваются на Колыме только случайно; таким образом меновая торговля процветала. Итак, на Колыме жилось спокойно и приятно, рыбы и мяса было вдоволь и не доставало только муки: привозимая купцами была очень дорога, потому что её приходилось доставлять вьюками за 2000 с лишком вёрст. Жители Колымска привыкли к своему, исключительному в этом отношении положению, — они совершенно отвыкли от хлеба, хорошо обходятся без него и считают мучное до сих пор за лакомство, которое можно позволить себе разве при случае. Казаки, получающие в числе провианта и муку, пользуются такого рода обстоятельством, сами её не едят, а продают с большой выгодой богатым купцам или приезжим из Якутска, привыкшим к хлебу ([27](#)).

Несмотря на то, что между русскими и чукчами вовсе не было сношений, а может быть именно вследствие этого, в старинные времена со стороны русских только изредка делались одиночные попытки к меновой торговле. Поездка Дежнёва в основании своём имела никак не набег или не путешествие с целью открытий, но это было торговое предприятие, задуманное одним колымским купцом, который от себя предложил Дежнёву сопутствовать ему в виде военной охраны. Впоследствии такие предприятия совершались время от времени колымскими обитателями на так называемых кочах, т.е. гребных судах, снабжённых на всякий случай парусом, а также громадным камнем в качестве якоря. Купцы отправлялись на восток, приставали в местах, где они подозревали присутствие жителей, раскладывали тут на берегу товары, затем удалялись, и выжидали, что будет далее. Как только они отчаливали, приходили вооружённые чукчи, наблюдавшие конечно за всем, что происходило раньше, брали из разложенных вещей те, которые им казались нужными, клали вместо них различные меха, моржовые клыки и, в свою очередь, уходили прочь. Если купцы находили, что оставленные предметы оправдывали их надежды, то они посещали это место впоследствии снова, а то так на этом дело и прекращалось. В такого рода

поездках они, по-видимому, добирались до Чаунской губы, но, по всей вероятности, не огибали мыса Эрри (Шелагский). Во всяком случае местность до этой губы была им очень хорошо известна уже издавна, об области же, лежащей к востоку от неё, они не имели никаких сведений. Перемена в этом идиллическом порядке вещей произошла только со времени упразднения Анадырского укрепления, по крайней мере в воображении, потому что дело и после этого не доходило до враждебных столкновений. Уничтожение крепости и перевод оттуда команд произвели среди всех колымских обитателей неописанный переполох: так сильно верили здесь в рассказы о злобных чукчах. Большая часть казаков была переведена в Нижнеколымск; вокруг этого места, или вокруг его части, была возведена бревенчатая стена, чем оно было превращено в острог или в крепостцу. Здесь стали ждать нападения чукчей, которое считали неизбежным; но нападения, как известно, не последовало, после чего, конечно, успокоились и стали возобновлять бывшие сношения с чукчами. Сношения эти были не только выгодны для обеих сторон, но стали для чукчей в скором времени крайне важным вопросом жизни; с тех пор, как Анадырь совсем опустел, чукчи имели возможность получать только из Нижнеколымска предметы, сделавшиеся им уже безусловно необходимыми, но об этом мы ниже поговорим подробнее.

Итак, уже в конце прошлого столетия места обитания русских определились так, как мы их видим в настоящее время. Уже сказано, что в округе нужно считать их всего-навсего свыше тысячи душ. Около семи сот из них живут в двух главных пунктах, т.е. в Средне- и Нижнеколымске, остальные же сосредоточиваются в Каретове, Черноусове и Походском, — более или менее значительных поселениях по нижнему течению Колымы к северу от Нижнеколымска, — а также проживают разбросанно по берегам реки и Ледовитого океана; в Верхнеколымске теперь осталась только церковь с принадлежащим к ней духовенством. Кроме немногочисленных семей чиновников и духовенства, русское население состоит приблизительно из 500 лиц (обоего пола) казацкого сословия, более чем из 300 лиц, принадлежащих к мещанскому, из 127 крестьян и из немногих купцов. К счастью, число ссыльных очень невелико, приблизительно не более 30 лиц обоего пола. Сравнительно большое число казаков объясняется бывшим положением этой страны на

границе русских владений. Нижнеколымск и мелкие деревни составляют до сих пор ещё казачью станицу, — остаток давно прошедших времён, — которую просто забыли упразднить. К этой станице принадлежат 250 душ, следовательно, половина всего казачьего населения; за ними осталось только имя казаков, но сами они очень мало отличаются от мещан и крестьян. Даже в том случае, если сбросить со счёта население этой станицы, число казаков всё-таки слишком велико, много больше, чем нужно для полицейской службы, на которую теперь они исключительно и употребляются. Благодаря тому, что им приходится наряжать на службу очень мало народу, она для них вовсе необременительна: большая часть их имеет возможность заниматься своими делами, подобно крестьянам и мещанам ([28](#)).

Главнейшим источником существования этих людей является рыбный промысел: особенно это касается жителей самого нижнего течения Колымы, начиная со станции Кресты; к югу от последней население занимается вместе с рыбной ловлей также скотоводством. Рука об руку с этими занятиями идёт торговля с чукчами, юкагирами и другими инородцами, причём казаки часто играют роль посредников между этими последними и купцами, приезжающими из Якутска всего раз в году.

То обстоятельство, что обитатели нижней Колымы ([29](#)) (к которым относят и жителей самого нижнего течения обоих Анюев), избрали себе главным источником пропитания рыбный промысел, имеет некоторые неудобства, нередко доходящие до того, что даже самое существование населения может подвергаться риску. Обыкновенно Колыма очень изобилует рыбой и несомненно может прокормить население в десять, даже во сто раз большее, чем то, которое возлагает на неё теперь свои надежды. Но самый лов совершается крайне примитивным способом и ведётся исключительно при помощи гребных лодок только на самой реке или у самого берега моря; об употреблении паруса ни один из колымских жителей не имеет ни малейшего представления. Если теперь во время хода рыбы, — которое, по-видимому, для каждого вида рыб различно, — погода стоит благоприятная, то при сравнительно очень небольшой затрате труда народ имеет очень большой улов и живёт, по своим понятиям, прекрасно и весело. Но случаются годы, когда лов вообще не удаётся. К сожалению, я не мог точнее установить причину этого печального явления на основании показаний населения, но жители

утверждают, что иногда рыба проходит мимо Колымы, и идёт метать икру в Индигирку; иногда же будто бы случается на оборот — она избегает этой последней реки и направляется вверх по Колыме. Трудно добраться до причины того, что на севере заставляет рыбу быть столь капризной и разборчивой в своих странствованиях, которые подчинены повсюду строго неизменным законам. Мне кажется, что причина неудачи лежит не в рыбе, а скорее в самом населении. Колыма представляет из себя могучую реку, которая в бурную погоду очень легко приходит в сильное волнение, много более сильное, чем то, которое я наблюдал, например, на более широкой и более многоводной Индигирке. Помимо того, нижнее течение Колымы необыкновенно широко; уже у Нижнеколымска она имеет от берега до берега свыше четырёх вёрст, далее она всё более и более расширяется, у устья же достигает с лишком 15 вёрст. Вследствие этого в бурную погоду по ней абсолютно нельзя плавать в тех несчастных лодчонках, которые там имеются. Если теперь ход рыбы совпадёт с непогодой, то лов, конечно, не удаётся. Показания жителей столь противоречивы и сбивчивы, что из них очень трудно сделать правильные выводы, но из рассказов я вынес убеждение, что годы плохого улова почти всегда совпадают с бурными летом и осенью; поэтому я полагаю, что жалобы на плохой лов вряд ли были бы слышны, если бы население употребляло парусные лодки и ловило рыбу не только в реке, но и в море; действительно, судя по той массе рыбы, которая в годы хорошего лова поднимается по рекам, богатство Ледовитого океана должно быть необычайно велико.

На нижней Колыме в настоящее время живёт немного менее 3000 душ, существование которых всецело зависит от рыбной ловли. К этому надо прибавить более тысячи упряжных собак, которых кормят также исключительно рыбой, а каждая собака требует больше пищи, чем взрослый человек. В случае большой нужды человек может довольствоваться двумя селёдками в день ([30](#)), правда, при этом он не будет иметь ощущения сытости, но он может таким образом пробыть без вреда для здоровья и опасности для жизни всю зиму, пока его не выручит весна; а собака, получая две селёдки ежедневно, может только оставаться в живых, но не больше. Получающее такую порцию животное еле держится на ногах и не способно ни на какую, даже самую лёгкую, ра-

боту. В случае, если лов совершенно не удался, три тысячи людей и тысяча собак остаются ни с чем во всю долгую, холодную зиму; наступает ужасное бедствие. Хотя в каждом селении имеются запасные магазины с рыбою, которые значительно помогают в нужде, но вполне обеспечить пропитание 4000 желудков они не могут. Помощи же нельзя ждать ни с какой стороны: Индигирка удалена приблизительно на 800 вёрст, и на такое расстояние нельзя доставить рыбы в количестве мало-мальски достаточном. С верхней Колымы точно также ждать нечего, если даже там лов и удался, что обыкновенно и совпадает с неудачей на нижнем течении; но там вообще рыбы ловится не так много, чтобы, за удовлетворением собственных нужд, её можно было отсылать в количестве, достаточном для помощи во время бедствия.

В таких случаях наступает столь отчаянное положение и такое бедствие, о котором не может составить себе ясного представления тот, кто не знаком с условиями печального севера и не знает на сколько больше, чем в умеренных широтах, во время продолжительной и сильной стужи должен принимать пищи и человек, и животное, чтобы сохранить себе жизнь и здоровье.

При таких условиях никто не в состоянии помочь горю, кроме чукчей с их громадными стадами оленей, и они это делали на столько щедро и так часто, что, желая оставаться справедливым, нельзя достаточно хвалить их и ценить эти услуги так часто ругаемых варваров.

Уже в начале сочинения было упомянуто, каким образом с конца прошлого столетия этот народ начал вступать в сношения с жителями Колымы. Но обстоятельства, при которых это произошло, играли столь большую роль в развившихся впоследствии отношениях чукчей как к ламутам, так и к местному колымскому окружному управлению, что кажется не лишним поговорить здесь об этом подробнее.

Только летом 1772 г. чукчи совершенно случайно узнали о том, что год тому назад, вследствие Высочайшего повеления 1766 года, последовало окончательное уничтожение и сожжение грозной крепости Анадырска, которая более столетия держала в страхе страну на восток от Колымы. Понятно, что это известие вызвало среди них необыкновенное возбуждение; но очень странным кажется то обстоятельство, что впечатление оказалось скорее угнетающим, чем радостным; чукчи стали

жаловаться, что их бросили на произвол судьбы и отдали в руки хищнических юкагиров, ламутов и коряков, которые теперь уже безнаказанно могут уводить их стада; они также печалились и о том, что теперь им уже неоткуда будет получать безусловно необходимые им товары, именно железные котлы и табак. Оказалось, что меновая торговля, которая во время лова оленей и рыбы ежегодно велась на нижнем течении Анадыря, в Чекаеве и Красном, не могла уже уничтожиться, а должна была как ни на есть возобновиться в другом удобном для этого пункте. Так как укрепление Анадырск было разрушено, то для такого пункта более всего целесообразным казался выбор укрепления Гижигинска, построенного в трёх верстах от впадения Гижиги в Охотское море. Туда же была переведена большая часть бывшей анадырской команды и перевезены все материалы, тогда как в Нижнеколымск переселились только 180 казаков и духовенство анадырской церкви. Но этот пункт показался чукчам очень отдалённым и поэтому негодным для ежегодной ярмарки. Ближе находился Большой Анюй, который своими прекрасными пастбищами, в изобилии находящимися там на горах, представлял вместе с тем удобные условия для оленьих стад. Поэтому, вскоре по уничтожении крепости, чукчи стали делать попытки посещать Анюй, но в этом отношении их в высшей степени стесняло присутствие юкагиров и ламутов, охотничий район которых простирался до упомянутых гор. Между тем комиссар Зашиверска узнал о таковых попытках чукчей и вступил с ними в переговоры. В то время этот пост занимал некто Банер, деятельный, осмотрительный и дальновидный чиновник, ежегодно бывавший на Колыме и обоих Анюях, чтобы собирать ясак. К сожалению, Банер, по-видимому, вовсе не был знаком с подробностями отношений бывшего гарнизона Анадырска к чукчам, а особенно с тем, что в последнее время не только эти отношения были сравнительно мирны, но что чукчи уже не раз предлагали платить правильным образом ясак, если бы их освободили от обязательства выдавать заложников, на что они никак не могли решиться. Благодаря незнакомству с этими фактами, Банер позволил себе поступки, которые причинили очень много затруднений последующим исправникам. Он придерживался того взгляда, что правительство уничтожило крепость Анадырск вследствие невозможности справиться с чукчами. Поэтому он полагал, что сделает очень благое дело, если постарается каким-нибудь мирным способом приучить

их к Анюю; вовсе упуская из виду, что чукчам был крайне необходим торговый пункт, Банер не только принял их предложение платить ясак, который был очень незначительным под видом того, что чукчи небогаты пушниной, но и пообещал им выхлопотать от правительства ежегодный подарок, если они на самом деле станут выплачивать свой ясак. Конечно, чукчи охотно согласились на это предложение, а Банер назначил им местечко Ангарск у впадения Ангарки в Большой Анюй, куда он предполагал приезжать регулярно каждую весну и извещать о своём прибытии чукчей, к тому времени собиравшихся на истоки Анадыря. Затем они должны были являться к нему и по сдаче ясака вести меновой торг, под его же защитой, в безопасности от юкагиров и ламутов. Своё обещание выхлопотать им от правительства подарок Банер исполнил; в 1788 г. последовала ежегодная ассигновка в 143 рубля, на которые потом постоянно до 1869 г. покупали в Якутске различные товары в роде табаку, железных котлов и т.п. и отсылали их чукчам чрез колымского исправника.

Этим начались отношения чукчей к Колыме, но вместе с тем была сделана важная по своим последствиям ошибка; с этих пор чукчи, не в их собственных глазах — они в том ровно ничего не понимали, — но в глазах всех колымских обитателей, стали занимать особенное положение, являясь как бы самостоятельным народом: их ясак не называли уже ясаком, а подарками, за которые правительство, в свою очередь, давало им отдарки. Но самым скверным было то, что недалёкие исправники полагали, что чукчи представляют из себя как бы чужеземный, самостоятельный народ, с которым, конечно, можно было вести дипломатические сношения, но которому никак нельзя было приказывать. Поэтому с чукчами постоянно обращались не так как следовало, и только большому равнодушию, простоте и в общем очень спокойному и мирному характеру этого народа можно приписать то обстоятельство, что они не обнаруживали по временам большей назойливости, чем это было на самом деле.

Как долго длились торговые сношения на Большом Анюе с точностью мне не удалось узнать, но очень вероятно, что в 1805 г., с упразднением комиссариата в Зашиверске и перенесением центра управления Колымским краем в Среднеколымск, предпочли перевести и ежегодную ярмарку на Малый Анюй, который для чукчей был одинаково хорош, а

для колымских жителей был много удобнее, чем Ангарск на Большом Анюе. Как бы то ни было, но несомненно, что меновой торг с 1810 года производится уже на Малом Анюе: это хорошо ещё помнили в Нижнеколымске и говорили, что в скором времени после того были изданы так называемые законы Трескина, о которых и пойдёт сейчас речь.

Сначала торговали на малом островке на Анюе, приблизительно в 10 верстах выше того места, где торг ведётся теперь. Каждую весну туда являлись, с одной стороны, колымские жители, а с другой — приходили чукчи и торговали под наблюдением местной полиции. В общем дела шли довольно мирно и дружелюбно. Колымские жители были очень довольны, что могли торговать, не пускаясь в затруднительное путешествие на лодках вдоль берега Ледовитого океана; чукчи тоже не могли желать ничего лучшего, как такого случая сбывать русским с большой выгодой товары, полученные ими в обмен от американских прибрежных племён. Такое, в общем благоприятное, положение дел тем не менее нередко нарушалось отдельными неприятными препирательствами; по принятому обыкновению за все подобные происшествия считали ответственными, конечно, чукчей, их дикость и страсть к дракам. Исправник или комиссар, как его в то время ещё называли, имел достаточно сильную власть, чтобы судить и рядить в таких случаях, и справлялся очень хорошо с ламутами и юкагирами без всякой помощи свыше. Но пагубное убеждение, что чукчи-де иноземное и независимое племя, отдельных членов которого нельзя прибрать хорошенько к рукам, если они вели себя непристойно, заставляло комиссаров во всех тех случаях, где надо было действовать справедливо и энергично, прибегать к просьбам и убеждениям; такими средствами, конечно, нельзя было вводить порядок среди возбуждённых, препирающихся дикарей и полудикарей. Вследствие слабости и ненаходчивости комиссаров при подобных обстоятельствах часто случались схватки, оканчивавшиеся сплошь и рядом кровавым побоищем и бывшие далеко не шуточными при таком стечении многих сотен вооружённых людей, из которых некоторые — например, чукчи с одной стороны, а ламуты и юкагиры с другой — были испокон веков непримиримыми врагами. Для решения споров приходилось тогда обращаться к высшим инстанциям, а так как Якутск в то время управлялся из Иркутска, то одно подобное дело по-

пало на рассмотрение иркутского губернатора Трескина, который посмотрел на него очень серьёзно и приказал произвести подробное следствие. Рассмотрев доставленный материал, Трескин нашёл три главные пункта, которые составляли причину всех споров и препирательств. Во-первых, он пришёл к убеждению, что чукчи очень боязливый, но легко возбуждающийся народ, который ещё вовсе не привык вести дела с другими людьми так, чтобы представлять возникающие споры на рассмотрение судей или каких-либо других авторитетов; чукчи всегда сами ищут удовлетворения при помощи кулака или оружия. Во-вторых, Трескин нашёл очень вредным то обстоятельство, что купцы продавали чукчам в долг: с одной стороны, они вводили полудикарей в искушение брать в долг больше, чем они могли впоследствии уплатить, а с другой — сами купцы при расчётах поступали, по-видимому, не с безупречной честностью. В том и другом случае являлся повод к недовольству и основание для ссор, которых нужно было во что бы то ни стало избегать. В-третьих, из доставленных губернатору сведений выяснилось, что при меновой торговле на Колыме немалую роль играет водка, несмотря на самое строгое запрещение продавать спиртные напитки сибирским инородцам. На основании собранных данных и вытекающих из них следствий Трескин установил для ярмарки на Анюе торговые правила, которых всякий, кто бы он ни был и к какому племени ни принадлежал, должен был обязательно придерживаться под страхом, в противном случае, тотчас же быть удалённым с ярмарки с потерей права являться на неё впоследствии.

Руководящие параграфы этих правил были следующие:

1) Чукчи должны были располагаться своей стоянкой отдельно и в стороне от других племён, имели право являться на ярмарку только днём, и вообще не смели покидать места своей стоянки в ночное время.

2) Другие племена, в том числе и русские, могли посещать место остановки чукчей только днём.

3) Если на стоянке чукчей обнаружилось воровство и доказано, что ночью был там кто-либо из других племён, причём совершенно безразлично кто именно, то потерпевший чукча должен был во что бы то ни стало быть вознаграждённым. Вследствие этого, покрывать убытки пострадавшего должны были купцы, если им не удавалось обнаружить

вора; до тех пор, пока это не было исполнено, разрешение открывать торговлю не получалось.

4) С чукчами можно было торговать исключительно на наличные. Нельзя было подавать жалоб на долги чукчи; чукча тоже не мог жаловаться, что ему должен русский; помимо этого, должник исключался из числа посетителей ярмарки.

5) В торговых делах с чукчами следующие товары были исключены из продажи по вольной цене: бобры, всякие сорта лисиц, куница и моржовые бивни. Всеми этими предметами можно было торговать только по установленной раньше таксе, от которой никто не имел права отступать.

6) Иметь при себе водку, даже для собственного употребления, строжайшим образом воспрещалось; все отправлявшиеся на ярмарку осматривались с этою целью; если же у кого-нибудь оказывалась водка, то он раз на всегда лишался права принимать участие в ярмарке.

Кроме того, в правилах было много частных, но перечисленные параграфы составляют самые главные и основные положения, на основании которых в последующее время велась вся торговля. Островное, так называлось селение на Анюйском острове, вскоре затем было разрушено наводнением, почему на левом берегу, в месте, защищённом от наводнения, в 10 приблизительно верстах книзу, было выстроено другое поселение. Обширное место обнесено было высоким деревянным забором, имевшим только одни входные ворота, охраняемые постоянно в течение дня стражей и запиравшиеся к ночи. Внутри забора помещались — маленькая часовня, квартира исправника, несколько лавок и множество небольших деревянных домиков, выстроенных для себя колымскими жителями. Так как это селение во всю остальную часть года совершенно пустовало, то перед началом ярмарки необходимо было очищать место от снега, а также запастись топливом и т.п. Для этой цели в известное время туда отправляют всегда нескольких казаков, которые исполняют указанную работу и обыкновенно остаются там до тех пор, пока не получают известия о приближении чукчей. Тогда они едут в Нижнеколымск и дают об этом знать; после того даётся разрешение отправляться на Анюй каждому, кто пожелает. По прибытии туда все народности, т.е. ламуты, русские, юкагиры и т.д. могут начинать свои занятия; но чукчи в это время имеют право торговать только оленьими шкурами

и другими произведениями оленеводства, — торговля ценными мехами запрещена им до тех пор, пока исправник не назначит на то особого дня. Пока же происходят совещания купцов с чукчами. В этих переговорах условливаются по сколько различных мехов должны платить чукчи за пуд хорошего и сухого табаку, т.е. махорки (черкасский табак). Табак кладётся в основание всей торговли на Колыме. Американцы, много раз наносившие этой торговле ущерб тем, что, поджидая возвращавшихся из Америки чукчей, отбирали у них за водку самые лучшие меха, потому только и не могли совершенно отвлечь чукчей от Анюя, что не имели табаку, который по своей крепости мог бы удовлетворить вкусу инородцев.

В последнее время устанавливалась обыкновенно следующая такса: Один пуд (40 русских фунтов) черкасского табаку соответствовал:

10 красным лисицам

или 5 сиводушкам ([31](#))

» 5 бобрам

» 10 куницам

» 4 моржовым бивням по 10 фунтов каждый.

Два пуда табаку приравняются одной чёрнобурой лисице.

Когда цены на товары были установлены, в присутствии полиции и представителей купечества, табак раскладывался в одно- и двухпудовые мешки, взвешивался и после того, как вес оказывался надлежащим, — запечатывался. Во время этой процедуры чукчи ежедневно приходят к купцам и ведут переговоры о делах. Сделки заключаются на приведённых выше основаниях, но самый обмен может происходить только публично и в определённое время. Это бывает только после того, как представители чукчей и купечества заявили исправнику, что всё готово и торг может начаться. Торговля происходит на льду Анюя в присутствии исправника и продолжается один день. В этот день на основании вышеупомянутых правил может происходить только мена меховых товаров на табак, всякие другие сделки запрещены. На следующий день, а если нужно, так и на третий, точно также ведут меновую торговлю; купцы предлагают железные товары: топоры, котлы, ножи, ружья и т.п., а чукчи — моржовые или тюленьи ремни, моржовые бивни, оленьи кожи и другие предметы оленеводства, из которых особенно видную роль играют выделанные в виде замши оленьи шкуры. По окончании сделок,

продолжающихся в общем итоге 10-12 дней, все участвующие в ярмарке оставляют место торговли, которое в течение остального года совершенно пустует. В таком роде, как это здесь рассказано, ярмарка и велась ежегодно со времени издания правил Трескина; правила эти оказались очень хорошими и весьма практичными: всякие недоразумения прекратились благодаря тому, что обе стороны, будучи обязаны строго придерживаться всех пунктов, приучились вести дела дружелюбно, а потому попривыкли друг к другу. Хорошо торговали не только одни русские, но и чукчи, очень выгодно перепродававшие табак жителям Америки, которых они называли кергаулами.

Как, однако, ни была важна меновая торговля для обеих сторон, — всё же ярмарка имела ещё другое, более важное значение в том отношении, что она ставила чукчей всё в более и более близкие отношения к Колыме, а впоследствии повела к тому, что самые богатые из них, наиболее состоятельные из стадовладельцев, переселились в область этой реки. Вслед за уничтожением Анадырска, чукчи, опасаясь ламутов и юкагиров, удалились на крайний северо-восток, к Берингову проливу, так что самые западные места их пребывания не выходили из пределов Чаунской губы. Особенно густо населяли они остров Айоку, заслоняющий вход в названную губу, местность от мыса Эрри до Рир-Кайпия, и далее землю, прилежащую к мысу Пээк. Но подобное удаление было чисто вынужденным и становилось для самих чукчей крайне тяжёлым благодаря тому, что они были почти совершенно лишены топлива. Внутренность своей небольшой палатки, сделанной из шкур, они могли ещё кое-как нагреть тюленьим жиром, но для варки кушанья им приходилось довольствоваться исключительно лесом, выброшенным волной на берег моря. Лес этот в местах необитаемых собирается иногда в значительном количестве, но быстро исчезает в местах населённых, потому что ежегодно его прибывает и выкидывает настолько мало, что далеко не хватает на удовлетворение потребностей даже самого редкого населения. Чукча — человек очень закалённый: он может просуществовать и вовсе без топлива, как это доказывают, например, пастухи, проводящие всё время у своих стад; но особенного удовольствия он в этом вовсе не видит: чукча очень хорошо умеет ценить теплоту и охотнее ест

варёное мясо, чем сырое, хотя последнее ему и кажется настолько вкусным, что он употребляет его в пищу, для разнообразия, даже и в том случае, если не терпит недостатка в топливе.

Как только чукчи увидели, что их принимают дружелюбно, а тем более убедились в том, что им решительно нечего бояться нападений на их стада со стороны русских, они стали придвигаться к Колыме всё ближе и ближе, и в конце концов заняли своими стадами всю область двух Анюев, за исключением самого нижнего течения этих рек. С жителями Колымы они находились в наилучших отношениях и всё шло бы прекрасно, если бы нашлось средство улаживать по справедливости отдельные случаи различных неприятностей, которые встречаются не только тут, но и повсюду на свете. В сношениях русских с другими инородцами Сибири давно установился уже такой порядок: исправник обращался к старосте, начальнику над своим родом, приказывал ему представить виновного, затем держал суд, а решение приводил в исполнение либо сам, либо приказывал исполнить его старосте. Но этот простой и в высшей степени практичный *modus vivendi* не мог применяться к чукчам, потому что среди них не было таких начальствующих лиц. Эта странная анархия бросалась в глаза уже во время бывшей войны с чукчами. Никогда не приходилось иметь дела с признанным главой всего народа или даже с главой какого-либо рода, но всегда казалось, что руководителями небольших групп выступали всякий раз какие-нибудь лица, особенно богатые и потому пользовавшиеся уважением и властью; вместе с тем было ясно, что такого рода полномочия сами по себе были очень незначительны, да и продолжались очень короткое время. Никогда нельзя было прийти к какому-либо обязательному соглашению с приходившими к русским депутатами; они всегда предупреждали, что пришли только затем, чтобы разузнать чего от них требуют и сообщить об этом своим соплеменникам, но вместе с тем прибавляли, что условия соглашения должны считаться обязательными только для тех, кто принял их лично. Никогда не приходилось иметь дело с народом, или с каким-нибудь отдельным его племенем, но всегда только с известным количеством отдельных лиц, из которых каждый мог поступать по своему усмотрению. Несомненно, что при мирном характере чукчей, даже при анадырских порядках, уже давно удалось бы прийти к соглашению, удовлетворяющему обе стороны, если бы только у них

было какое-нибудь начальствующее лицо (как оно существует у всех остальных народов Сибири), с которым можно было бы вести переговоры.

Замечательно, как может существовать народ безо всяких начальствующих лиц. Это можно объяснить себе только условиями жизни оленеводов, где каждый живёт отдельно, сам по себе и на большом расстоянии от своего ближайшего соседа. Такая жизнь даёт возможность избегать бесчисленных поводов для споров и недоразумений, столь часто встречающихся у оседлых народов, но бывающих много реже у кочевников. Тем не менее видим же мы, что и кочующие народы создают себе начальствующих лиц, и даже народы, которые принуждены вести столько же изолированный образ жизни, какой выпал и на долю чукчей. По этой причине, объяснение такого странного явления должно заключаться не в одной изолированности. По моему мнению следует обратить внимание на то, что чукчам с самого начала не приходилось защищать свою землю от враждебных соседей, да и сами они никогда не совершали завоевательных походов. В обыкновенных случаях, для живущего в одиночку номада вполне достаточно власти главы семьи, который существует, конечно, и у чукчей и умеет отлично держать в повиновении своих чад и домочадцев. Но как скоро кочевников теснит враг, им необходим начальник; из этой необходимости, вероятно, и выработалось повсюду воззрение на неизбежность начальства. За исключением Чукотской Земли вряд ли существует другой населённый клочок в мире, который не подвергался бы нападениям разбойничьих соседей; только одни чукчи совершенно недоступны в своём естественном укреплении. Из истории мы, конечно, знаем, что чукчи находились в постоянной вражде с коряками; даже Анадырское укрепление было вовлечено в войну с чукчами только коряками. Но это были не более, как пограничные разбойнические набеги, исходившие почти исключительно от коряков и вызывавшие в отместку только оборонительные действия со стороны чукчей. Для подобных действий, имевших всегда характер быстрого, неожиданного нападения, оканчивавшегося угоном стад, не было никакой нужды в предводителе: набеги исполнялись несколькими главами семей. В самую же землю чукчей не вторгнулся никто ни до майора Павлуцкого, ни после него; его вторжениями и объясняется необычайный страх чукчей перед этим человеком; если бы такого рода

походы продолжались ещё некоторое время, то очень возможно, что и у чукчей появились бы начальники, или они привели бы в исполнение своё намерение переселиться в Америку, к чему были уже на полпути.

В те старинные времена и отношения чукчей друг к другу были в высшей степени просты. Будучи владельцами стад или рыболовами, они жили в одиночку, — кому там было судиться да рядиться? Но с течением времени столь простые условия должны были видоизмениться, а прежнее, по-видимому более равномерное, распределение имущества изменилось к выгоде одних и к невыгоде других. Морское побережье заметно обеднело рыбою, стада северных оленей часто в конец уничтожались эпизоотиями, почему многие состоятельные люди обратились в нищих. С другой стороны, особенно в области обоих Анюев, стадовладельцы разбогатели по тамошним условиям до колоссальных размеров. Но ещё более усложнило дело то обстоятельство, что торговля на Анюе породила среди чукчей купеческое сословие, которого прежде не было. Древнейшие торговые сношения чукчей ограничивались меновой торговлей их с жителями Америки, которых они называли кергаулами. Земля чукчей имеет очень бедную фауну, как относительно числа видов, так и по числу особей; особенно мало в этой земле пушных зверей, за исключением только волка. Последний попадает довольно часто, лисица и остальные хищники необыкновенно редки, а соболь и куница вовсе не встречаются. Наоборот, кергаулы, не держащие оленей, а едущие на собаках, имеют полную возможность добывать в высшей степени ценные меха, — прекраснейших красных лисиц, так называемых огнёвок, чёрнобурых лисиц, песцов — особенно голубых, очень редких в Сибири — и первосортной доброты куниц; за них они выменивают оленьи шкуры, крайне им необходимые в их суровом климате. Поэтому с самых древних времён между чукчами и американцами установились сношения, которые росли и укреплялись к пользе обоих народов. Сношения эти состояли в простой мене того, что стадовладелец считал для себя излишним, а поэтому не требовали никакого посредничества; и в последующее время торговля на Анадыре не переходила также очень скромных границ. Только с открытием ярмарки на Анюе последовал значительный прилив русских товаров, а среди чукчей с этого времени образовалось собственно торговое сословие из людей, единственное занятие которых заключалось в том, чтобы менять приобретённые на

Анюе и столь же важные кергаулам котлы на ценные меха, которые в свою очередь переходили в руки русских купцов. Такого рода торговцы принуждены совершать дважды в году длинное и затруднительное путешествие и, собственно говоря, целый год, по их словам, уходит у них на эти поездки и дела, из коих те, которые им приходится вести с кергаулами (32), очень трудны и опасны.

Как бы там ни было, но социальные условия среди чукчей сделались много сложнее и запутаннее и требовали очень часто начальнического разбирательства и решения, которых, однако, не было. Поэтому вполне вероятно, что не всегда всё шло у них как следует и что грабежи и убийства были тоже не неслыханными вещами. Так, например, наделало много шуму исчезновение одного известного богатого чукчи, Леута, о котором часто упоминал и Врангель. Однажды он не явился на ярмарку, причём нельзя было хорошенько разузнать, заболел ли он, или с ним произошло какое-нибудь приключение. Но вместе с тем прибыл один из его бывших помощников и выдавал себя торгующим по поручению отсутствующего своего хозяина, Леута. В следующем году появился тот же самый помощник, но торговал значительным количеством товара уже от собственного имени; про Леута же никогда нельзя было ничего больше узнать. Со времени этого происшествия прошло с лишком тридцать лет тогда, когда я посетил Анюй; это дело, о котором я случайно услышал в Колымске, меня заинтересовало, а потому я выспрашивал у хорошо мне знакомых чукчей не знают ли они чего-нибудь о смерти Леута. Мне казалось, что они неохотно распространялись об этом деле, давали уклончивые ответы, а в конце концов уверяли, что ничего о нём не знают. И действительно, вполне вероятно, что Леут был убит своим слугой, который и вёл впоследствии дела при помощи имущества убитого. Говорят, что такие случаи бывали; но при склонности колымских обитателей приписывать чукчам всевозможные бесчестные поступки, нужно крайне осторожно относиться к такого рода рассказам.

Во всяком случае для чукчей было очень счастливым обстоятельством, что около тридцатых годов один очень богатый чукча, Ятыргин, присвоил себе высшую власть над своими соплеменниками и мог проявлять её на деле. Уже его отец был очень состоятельным человеком, жившим со своими стадами у Чаунской губы. От капитана Биллингса он получил две медали — одну серебряную, другую бронзовую, с вензелем

императрицы Екатерины — и часто щеголял ими. Его же сын, Ятыргин, прямо начал с того, что повесил их себе на шею, выдавая за данные ему правительством служебные знаки, и присвоил себе на основании этого судебную власть. Но одних медалей было бы, вероятно, недостаточно, чтобы оправдать перед чукчами притязания на судебную власть; он воспользовался для этого совершенно другими средствами, а таковые были к его услугам, и он умел пустить их в ход. Среди номадов вообще легче возникает знать, чем между земледельцами. Приобрести громадные стада при счастливых обстоятельствах много легче, чем сделаться собственником больших земельных угодий, чего у первобытных народов вовсе не встречается. Но большие стада требуют и большего числа вполне зависящих от своего хозяина подчинённых, содержание которых необыкновенно облегчается самими стадами. Этим путём возникают такие отношения, что появляется повелитель и безусловно повинующиеся; такой порядок продолжается по наследству и тем становится всё устойчивее и нормальнее. Далее, при мало-мальски ловком способе действий, состоятельный стадовладелец легко приобретает высшую власть, благодаря тому, что богатый всегда имеет возможность доставить массе бедных источник к существованию, который привязывает к нему бедняков без больших с его стороны жертв: благотворительность не уменьшает численности стад, раз последние перешли за известное число голов ([33](#)). Ятыргин пошёл именно этим путём и сумел распространить своё господство даже на своего сына. Каждого он требовал к себе на суд, постановлял решение и тотчас же приводил его в исполнение, большою частью награждая виновника значительным количеством сильных ударов. Никогда не случалось, чтобы ему не повиновались, или даже решались не явиться к нему, когда его посланец являлся с подобным требованием. Даже в его преклонные дни, когда он уже не мог хорошо ходить, он заставлял виновного стать перед ним на колени, приподымался со своего места и доказывал, что руки его тем не менее достаточно ещё сильны, чтобы вызвать уважение к его решению. Он умер в очень преклонных летах, а чукчи и теперь ещё прославляют его за то, что при всей своей строгости он был всегда справедлив в своих решениях и что ни один голодный не уходил из его палатки без того, чтобы не насытиться. Сын его, Амвраоргин, пошёл по следам отца; он покинул Чаунскую губу и перенёс своё местопребывание на источники

Большого Анюя, где его необъятные стада чувствовали себя превосходно. Сам уже очень богатый, он сосватал своих сына и дочерей тоже за очень богатых чукчей, так что вокруг его дома образовалась сила, которой ничего не могло противостоять. Стройный, высокого роста, славившийся умением владеть копьём, он уже сам по себе производил на своих соплеменников сильное впечатление. Но и в отношении умственных и нравственных качеств он представлял из себя — или вернее и теперь представляет, так как, на сколько мне известно, он ещё жив, — положительно выдающуюся личность. Не будучи, в противоположность своему отцу Ятыргину, грубым и жестоким, он так превосходно понимает средства, при помощи которых он должен управлять своим народом, что просто можно удивляться. Каждое из его приказаний исполняется беспрекословно, даже богатые и властные чукчи говорят с ним и являются перед ним со знаками высочайшего уважения и глубокой преданности.

Итак, мы видим, сила обстоятельств сделала то, чего не доставало для нормальности отношений чукчей к колымским жителям; хотя влияние Амвраоргина и было по своему существу узурпированным, но оно всё же было признанным, а большего на первых порах и не требовалось. Исправнику следовало бы все свои распоряжения относительно чукчей делать и приводить в исполнение через одного Амвраоргина и из простого обычая, в сравнительно непродолжительном времени, развились бы правовые отношения. К сожалению, вышло не так. Между чукчами, ежегодно посещавшими ярмарку на Анюе, с течением времени возникла рознь, которая с годами всё больше и больше обострялась. Сюда являлись с одной стороны собственно чукчи-оленоводы, торговавшие преимущественно произведениями своих стад, — шкурами, кожами и т.п., а с другой — чукчи-торговцы с мыса Пээк, так называемые носовые чукчи (34). Большая часть первых признавала над собою главенство Амвраоргина, а те, которые не признавали, по крайней мере не противились ему открыто. Носовые же чукчи ничего не хотели знать о нём, но тем не менее должны были ему подчиняться в виду того, что исправник мог держать их крепко в руках при помощи правил Трескина. Между ними особенно выдавался некто Хотто, порядочный сорвиголова, о котором циркулировали среди народа различные разбойничьи рассказы и который частенько вёл себя на ярмарке очень нахально. Он ничего не

хотел и слышать о главенстве Амвраоргина, утверждая, что он глава носовых чукчей. Вследствие же того, что его соплеменники с мыса Пээк фактически подчинялись ему безусловно, один исправник, Шевелёв, попал впросак, признав его тем, за кого он себя выдавал; он выхлопотал ему от правительства даже золотую медаль, тогда как Амвраоргин её не имел и носил медали, полученные через Биллингса, не имея на то, впрочем, никакого законного права кроме наследства (35). Это обстоятельство очень повредило Амвраоргину в глазах чукчей и потребовались весь его ум и всё его умение пользоваться бывшими в его распоряжении средствами для того, чтобы удержать в повиновении по крайней мере чукчей-оленоводов на двух Анюях. Последнее ему вполне удалось, но к величайшему его сожалению и досаде, власть его не распространялась дальше этих рек.

Тем не менее власть Амвраоргина была всё же очень велика и центр её тяжести находился как раз там, где она была всего важнее, т.е. она распространялась на тех именно чукчей, которые чаще всего могли приходить в соприкосновение с колымскими жителями. Поэтому в спорных вопросах можно было всегда обращаться к его содействию, когда удавалось его разыскать: область Большого Анюя очень велика, а он к тому же по несколько раз в год менял своё местопребывание, как делают это все чукчи ради своих стад. Но во всяком случае уже одно его присутствие на Анюе было большой гарантией порядка и немало приносило пользы. Выгоднее же всего было то обстоятельство, что чукчи с одной стороны располагали большими богатствами, а с другой — были довольно-таки беспомощны. Они прекрасные стадоводы и превосходят этим искусством всех остальных инородцев Сибири. Стада в 2-3 тысячи голов доставляют человеку известное положение; 5-8 тысяч голов не составляют большой редкости; но у Амвраоргина насчитывается до 40,000 животных, а у некоторых из его богатых и самых верных приверженцев было по 20,000 и 25,000 оленей. Но далее оленеводства чукчи не идут: то, что им требуется из домашних принадлежностей, железные, деревянные изделия и другие необходимые предметы, они покупают; чукчи-оленоводы неохотно занимаются даже рыбной ловлей, хотя и очень любят рыбу. Вследствие этого является масса случаев, в которых беднейшие из колымских жителей могут оказать чукчам услуги; во время голодовок последние предлагаются даже в излишке, просто за

пищу и тёплую одежду, которые всегда и доставляются чукчами с неисчерпаемым добродушием и щедростью. Должно считать за большое счастье для всего края, что чукчи так хорошо сошлись с остальным населением; лишь благодаря существованию таких добрых отношений и возможно успешно бороться с последствиями неудачного рыбного лова, о котором упоминалось выше; но кроме того с помощью их не только уравнивается, но и с избытком вознаграждается год от году всё более бросающийся в глаза упадок торговли пушниной, которая в скором времени, пожалуй, дойдёт до самых малых размеров. Дело в том, что тунгусы, ламуты и юкагиры, единственные инородцы, занимающиеся оленеводством в сколько-нибудь порядочных размерах, никак уже не в состоянии удовлетворять всё более и более растущий в Якутской области спрос на оленин шкуры для зимних одежд. Этого рода торговые дела значительно расширились в последние годы, перед моим посещением ярмарки, и очевидно, что они будут ещё оживлённее, если устранятся те препятствия, которые стоят ещё им на пути. Для этого необходимо было привлечь чукчей как можно далее на запад, а вместе с тем мало-помалу слить и сравнять их в правах и обязанностях с остальным населением области. Того же желали и сами чукчи. Ещё в 1866 г. Амвраоргин говорил мне, что на Анюях чукчам становилось уже тесно, что их стада очень велики, а потравленные оленями моховые пастбища могут поправляться только через четыре года, почему уже часто случались в них недостатки. Далее, по его словам, необходимо разбивать стада и отделять их друг от друга большими пространствами; стада у них доходят до 6000-8000 голов, но это очень скверно в виду того, что при появлении ящура погибает обыкновенно всё стадо, так как против этой заразной болезни нет никаких средств. Вследствие этого никогда не следовало бы иметь стада более, чем в 2000 голов, да и эти надо пасти так, чтобы между ними были большие промежутки; но для этого не достаёт места. Хотя в пределах собственно Земли Чукчей и довольно места, но им туда не хотелось бы возвращаться: они облюбовали себе большую тундру между Алазеей и Колымой, где, как они убедились, в изобилии есть хорошая пища для северных оленей.

С другой стороны, уже тогда оказалось, что правила Трескина, которые по существу своему были направлены всё же против чукчей, необходимо изменить в их отдельных основных пунктах, давно утративших

всякое значение. Сами чукчи чувствовали себя несправедливо стеснёнными этими правилами и несколько лет тому назад начали ездить с мыса Пээк на Анадырь, куда также собирались из Гижигинска купцы с товарами и где чукчи могли торговать без всяких правил, по свободному соглашению. К тому же, ещё при посещении ярмарки в 1866 г., я убедился, что сами купцы, постоянно между собою спорившие и старавшиеся перебивать друг у друга становившиеся всё реже и реже чукотские товары, давным-давно нарушили самый основной из пунктов правил, — торговать только на наличные. Последовало это на основании крайне иезуитского толкования правил в том смысле, что они относятся только до торговли мехами и до мены на ярмарке. Поэтому, исключительно для соблюдения формы составлялась такса, да развешивался и запечатывался табак, чтобы казалось, что ни та, ни другая сторона не имеют преимущества. Но во время совещаний, когда купцы принимали к себе торговцев из чукчей, делались тёмные делишки, которые должны были держаться под строгим секретом. Например, чукче, — жаловавшемуся на то, что олени его плохи и что он опасается не добратся на них до мыса Пээк, — отпускался табак или котёл в долг с условием возврата за это в следующем году моржовых клыков или песцов, или какой-нибудь другой пушнины, не принадлежавшей к числу запрещённых. Далее, пользуясь тем, что среди чукчей выделилось вполне самостоятельное сословие купцов, стали толковать, явно нарушая правила, что эти правила относятся исключительно к чукчам-торговцам, а не к живущим на Анюе чукчам-оленеводам; вследствие этого обходили закон тем способом, что вели мену с торговцами при посредстве стадовладельца, отпускали последнему, например, табак в долг, а получали от него за это меха, принадлежавшие собственно торговцу. Одним словом, была масса способов обхода торговых правил, и купцы в течение целого ряда лет пользовались ими только для того, чтобы совершенно вытеснить невыгодную им мелочную торговлю; они вовсе не продавали табака до конца ярмарки, объявляя основным пунктом правил, что продавать табак иначе, чем пудовыми мешками не допускается. Когда же правила обращались против них самих, как я, например, поступил в 1866 г., то это неприятно поражало их. В последнее время стали слишком явно нарушать распоряжения насчёт строгого обособления чукчей от осталь-

ных посетителей ярмарки. Уже очень давно не случилось никакого скандала; чукчей, даже торговцев, так называемых носовых, перестали вовсе бояться, крепко опираясь особенно на власть старика Амвраоргина. Вследствие этого высокому забору, окружавшему место торговли, дали прийти в совершенную негодность; но, чтобы формально исполнять закон, громадные ворота держали в полной исправности, затворяли их каждую ночь и ежедневно ставили около них караул. Когда я, на следующее утро после моего первого приезда в 1866 г. на Анюй, где мне всё было ещё ново, подойдя к окну, попросил одного из присутствующих показать чукчу, меня крайне рассмешило то обстоятельство, что указали на двух человек, которые перелезали через очень невысокий в этом месте забор, как раз рядом с крепко запертыми воротами. Накануне же, когда я въезжал, караул у ворот отдал мне честь, а унтер-офицер, начальник караула, доложил, что всё в исправности и крепость — место торговли тоже зовётся крепостью — в полном порядке. Само собою разумеется, что другие подобные распоряжения тоже не исполнялись, нередко и чукчам случалось принимать в своём лагере ночными посетителями различных личностей, которые, собственно, не имели права бывать там. За день до открытия торговли с чукчами мне донесли, что в лагере чукчей открыли воровство, причём у молодого чукчи был похищен весь его, правда не очень значительный, товар. Хотто, который должен был первый доложить мне об этом происшествии, не явился потому, что я сделал ему строгий выговор тотчас же по моём приезде, когда он отрекомендовался мне тоже начальником; я ему прямо заявил, что он должен считать себя не более, как помощником Амвраоргина и все свои нужды и желания обязан представлять мне через этого последнего. Такая речь не пришлась ему по вкусу, и он не пошёл просить Амвраоргина идти с ним ко мне; тогда я сам послал за Амвраоргиным и разузнал всё дело. Палатка была разрезана снаружи и мешок с мехами вытащен через это отверстие. Затем я призвал Хотто, который констатировал, что в лагере чукчей ночью несомненно были посторонние. При этом оба, как Амвраоргин, так и Хотто, просили не давать делу дальнейшего движения в виду того, что им казалось невероятным, чтобы воровство было совершено кем-нибудь из немногих русских, которые были в лагере; сами они имели подозрение на одного из своих соплеменников и просили его арестовать.

Но это было не в моих видах; мне вовсе не нравилось, что правила, покуда они имели ещё силу, вообще так явно нарушались. Всем было известно, что целью моего приезда было именно решить, нужны ли ещё существующие ограничения, или нет; но пока правила эти были ещё в силе и просто-напросто гласили, что в случае воровства купцы обязаны вознаградить потерпевшего, если в лагере чукчей в то время был посторонний, особенно русский, и что до полной оплаты убытка меновой торг не мог быть открыт. Поэтому я велел позвать купеческого старшину, который, хотя и сделал кислую мину, но тем не менее без всякого возражения обещал исполнить требуемое. Украдены были одиннадцать бобров и одна красная лисица, следовательно, требовалось представить несколько более двух пудов табаку; сбор его занял целый день, так как одни желали разложить это количество на всех купцов поровну, другие предлагали сделать раскладку сообразно с состоянием каждого. На следующий день вечером принесли мне, наконец, табак, но без мешка, так как таковой не указан в торговых правилах; большое неудовольствие вызвали мои слова, когда я объяснил, что желаю иметь и мешок, в противном же случае ярмарка не будет открыта. Это обстоятельство испортило много крови купцам; мешок нельзя было собрать по частям, а никто не хотел давать его вместо другого; я получил его конечно тоже, но только на следующий день к полудню, когда чукчи уже ожидали открытия торга на льду. Все ждали, что я не допущу, чтобы все понапрасну собрались на торг, и явлюсь; но так как последнего не случилось, то один решился принести себя в жертву всем и всё пошло в исправности.

Теперь началось следствие. Чукча, которого Амвраоргин имел в подозрении, был очень молодой парень, уже с самого начала казавшийся мне мало подозрительным. Выяснилось только, что в ночь происшествия он не был в своей палатке и не хотел сказать, где он был и что делал; но он положительно отрицал свою причастность к воровству, а потому пришлось сначала посадить его под стражу. Когда его вывели, Амвраоргин считал нужным дать мне добрый совет на случай, если парень будет продолжать отпираться: он советовал применить средство, которое всегда оказывается действительным. Именно, я должен был велеть принести толстый шест длиною в рост человека, приставить его к спине последнего и затем тюленьими ремнями (которые советчик

охотно предоставлял мне в достаточном количестве) так крепко привязать, чтобы тот не мог пошевелиться ни одним членом, особенно головой. В таком положении я должен был положить его на пол и продержать без пищи, а особенно без питья, целый день; он не сомневался, что после этого парень перестанет отпираться. Но таких радикальных мер не потребовалось; ещё до того, как Амвраоргин на следующее утро явился на дознание, сильное подозрение пало на двух, пользовавшихся дурной славой лиц из Нижнеколымска, которым вообще было запрещено посещать ярмарку, но которые тем не менее находились по соседству; было доказано, что в ночь кражи они посещали лагерь чукчей. Уличить их, однако, было тоже невозможно; но с молодого чукчи обвинение было совершенно снято, так как оказалось, что вместе с другими парнями он участвовал в каком-то походе. Амвраоргин остался доволен этими данными, попросил у меня позволения сделать молодому человеку внушение в присутствии всех и особенно Хотто. Против этого я ничего не мог иметь. Он поднялся с места и стал держать к стоящему перед ним, согнувшемуся и удручённому, парню длинную и сильную речь, действие которой он старался подкрепить ещё тем, что в интервалах — очевидно в тех местах, где обыкновенно ставятся знаки препинания — давал провинившемуся чувствительные щелчки в лоб; затем он приказал ему пасть передо мною на колени и выслал вон. Мне же Амвраоргин объяснил, что внушал парню, зачем дескать он таскается по ночам вместо того, чтобы спать в своей палатке. Наконец привели и обворованного; он получил свой табак, от чего пришёл в сильное волнение и с сияющим от радости лицом выслушал речь своего начальника о том, чтобы на будущее время он лучше смотрел за своим добром и пожитками. Итак, это дело кончилось к общему удовольствию, и только купец, доставивший мешок, ворчал, что он потерпел убыток из-за своих товарищей.

На основании всего того, что я видел и слышал на месте, и у меня установилось убеждение, что чукчи, особенно торговцы с мыса Пээк, все не нуждались в ограждении особыми постановлениями. Они давным-давно были посвящены в ходячие торговые уловки и плутни, чувствовали себя очень опытными на этой почве и в сношениях с русскими могли быть поставлены, поэтому, на одну доску с остальными инород-

цами. Ввиду стечения стольких разнохарактерных элементов несомненно надо было позаботиться об установлении регламентации торговли, но вовсе не было необходимым считать чукчей за взрослых ребят, как это совершенно справедливо признавалось во время издания правил Трескина: чукчи совершенно вышли уже из пелёнок.

Эти объяснения завели нас несколько далеко в сторону от нити нашего рассказа; но без этой картины положения дел, которую мы нашли при нашем приезде, и картины того, как исторически слагались эти дела, нет возможности понимать приводимые нами далее факты. Теперь вернёмся к рассказу о нашем путешествии.

До прибытия моего каравана я имел по крайней мере две недели времени, которое необходимо было утилизировать как можно лучше. Приём управления делами округа был быстро окончен, так как местные бытовые условия на крайнем севере, благодаря незначительности населения, очень просты, а соответственно этому и весь правительственный аппарат не может быть сложным. Самым неприятным обстоятельством было то, что в правительственном магазине был слишком незначительный запас ржаной муки, а находящиеся в пути транспорты могли прибыть ещё не скоро. Мне же необходимо было сделать запас сухарей на восемь человек и на целый год, так как я отправлялся в неизвестную мне местность. Считая только по три четверти фунта сухих сухарей на человека в день, и то мне требовалось более пятидесяти пудов; взять меньшее количество я не решался, так как боялся, что мои спутники не будут в состоянии просуществовать на одном мясе, если мы будем принуждены провести холодную зиму на безлесном севере. Мне, впрочем, удалось собрать необходимое количество муки, но я наткнулся на новые, совершенно неожиданные для меня затруднения; оказалось, что в Колымске есть всего на всего две очень небольшие пекарные печи, а потому было крайне сомнительным, чтобы удалось приготовить столь значительное количество сухарей. Как будет видно из последующего, мои опасения в этом смысле были очень основательны, так что мы попали впоследствии в очень неприятное положение. Затем мне пришлось позаботиться насчёт лошадей для путешествия в Чукотскую Землю; мне удалось это в том смысле, что я мог закупить 25 штук здоровых животных по 15 рублей каждое. Но все эти лошади совершенно

не были приучены к продолжительному путешествию и надо было опасаться, что они не выдержат всех тягостей в течении долгого времени. Порода лошадей на севере в высшей степени вынослива, если животные тренированы как следует, но самая тренировка должна совершаться очень постепенно в течении двух или даже трёх лет, в продолжении которых ежегодные расстояния переходов всё увеличиваются; если же последнее не соблюдается, можно наткнуться на очень неприятные случайности. Между тем опытных животных я вовсе не мог получить, или только в небольшом количестве и за очень дорогую цену, почему и решил постараться обойтись без них, в расчёте, что летом на свежей траве и при лёгком вьюке и неопытные лошади выдержат путешествие. Последнее я представлял себе в то ещё время в следующем виде. Как только начнёт исчезать снег и появится свежая трава, т.е. в июне, я предполагал выйти с Малого Анюя и направиться на восток, в общем придерживаясь дороги, по которой шёл Биллингс в 1791 году. По прямому пути расстояние от ярмарки на Анюе до мыса Пээк можно считать в 1030 вёрст, а расстояние от мыса Пээк до впадения Майна в Анадырь, тоже по прямой линии, в 925 вёрст; таким образом нужно было принять, что нам предстояло пройти всего-навсего около 2000 вёрст или 2134 километра прежде, чем мы вновь попадём в пункт с оседлым человеческим населением, за который можно принять Марково на Анадыре. В итоге мы имели возможность рассчитывать на сто приблизительно дней, в которые лошади могли кормиться на хороших пастбищах; хорошей травы на пути туда нельзя было ожидать ранее 15 июня, а уже во второй половине сентября в долине Анадыря должен был лежать глубокий снег, причём было сомнительно, чтобы лошадям удалось вырывать себе из-под него пищу. Вследствие этого нам предстояло совершать в среднем ежедневно по 20 вёрст или около 21 километр прямого пути, — задача очень трудная, но не невозможная. На этом основании я имел намерение направиться от мыса Пээк к юго-западу и выйти на Анадырь, или при его устье, или где-либо выше последнего, и рассчитывал, поднявшись по этой реке, достигнуть Марково до наступления сильных холодов. Исполнить это можно было только в том случае, если бы чукчи взялись помочь мне и, самое главное, обязались бы доставить к мысу Пээк часть моего багажа, т.е. провиант для обратного путешествия. При этих условиях я мог надеяться выполнить мой план даже в

том случае, если вследствие утомления лошадей мне не удалось бы подняться вверх по Анадырю; я имел возможность с устья этой реки дать знать в Марково о моём затруднительном положении: всё равно я имел при себе чукчей в качестве проводников и мог рассчитывать получить оттуда нарты с оленями или собаками. В случае удачи всех этих предположений, лошади тоже не скоро должны были выбиться из сил, так как вьюки были сравнительно очень легки: мы везли провиант только до мыса Пээк, а отсюда снова взяли бы только тот запас, который был необходим для достижения устья Майна; вещи же, необходимые для обратного пути в Колымск, отправлялись с ярмарки прямо в Марково при посредстве тамошних жителей, которые ежегодно посещают Анюй и, конечно, возвращаются домой с пустыми нартами.

На помощь чукчей в то время я не мог рассчитывать даже приблизительно, а потому все мои планы не имели тогда ещё никакого прочного основания. В ту пору я не знал действительного положения дел; всё то, что было сообщено мною по этому поводу выше — совершению справедливо, но я вполне хорошо ознакомился с этим только во время нашего странствования по Чукотской Земле. Когда я приехал в Среднеколымск и вступил в свою должность, мне было ясно только одно, — что Амвраоргин очень усердный человек и что все рассказы о дикости и задирчивости чукчей должны быть отнесены к области басен и детских сказок. Но с другой стороны передо мною лежал отчёт Биллингса, в котором говорилось о плохом обращении с ним чукчей и об их отвратительной грубости. Таким образом я не имел никаких точек опоры для того, чтобы судить станут ли теперь чукчи держать себя с людьми, находящимися в полной от них зависимости, лучше или позволят себе прежнее обращение. Несомненно, что я имел в руках совершенно другие средства, чтобы при надобности смирить их, чем те, которые находились в распоряжении Биллингса; да и не следует упускать из виду, что я в высшей степени скомпрометировал бы местную администрацию в глазах чукчей, если бы проехал по их земле не как господин, а в качестве вполне зависящего от них путешественника. Поэтому моим намерением было сейчас же разыскать Амвраоргина и переговорить с ним обо всём нужном, чтобы найти, наконец, выход из этой мучительной неизвестности. Я всё приготовил к быстрому отъезду в Нижнеколымск, даже назначил день отъезда, как вдруг получил известие, которое обещало

значительно улучшить моё положение, но вместе с тем сильно затягивало мой отъезд.

Именно, 7 января приехал в Среднеколымск чукча и сообщил, что он сильно торопился, чтобы застать меня, и что ему поручено заявить мне просьбу от имени богатого стадовладельца Ваалергина и нескольких его соплеменников. Они находились уже на пути сюда и просили меня обождать их прибытия, так как им крайне важно переговорить со мною; они опасались не найти меня впоследствии, когда я выехал бы уже в Нижнеколымск. Я узнал также и причину их поездки: они перешли со своими семьями и всеми пожитками Колыму и, хотя задним числом, желали получить на то позволение. Это было в высшей степени радостное и неожиданное известие. Уже в 1866 году я вёл с Амвраоргиным различные переговоры относительно возможности переселения чукчей в тундру между Колымой и Алазеей; по выше уже приведённым причинам, лично я был очень расположен в пользу переселения, но не хотел сам этого предлагать, чтобы тем самым не уменьшить его значения. Амвраоргин же говорил об этом деле как о таком, которому время ещё терпит и скорее как о планах на будущее время. Если, теперь, чукчи решились совершить переход, да ещё в порядочном числе — по собранным мною сведениям свыше ста человек — на основании просто случайного разговора, сообщённого им, вероятно, Амвраоргиным, то это заставляло предполагать, что такое переселение было для них действительно потребностью. А мне только это и было нужно: иначе я ничем не мог быть им полезен и очутился бы в высшей степени невыгодном положении требующего, но ничего не дающего. Я отослал посланца назад и велел сказать Ваалергину, что я его буду ждать, но, чтобы он спешил насколько возможно. Впрочем, уже *a priori* можно было сказать, что я не так-то скоро выберусь из Среднеколымска, так как люди, по слухам, шли со своими стадами и медленное движение было в порядке вещей.

Итак, я остался в Среднеколымске, а потому вновь встретил тут всех тех, кого я очень старался опередить. 14 Января приехал архиерей, он путешествовал хорошо, был бодр и здоров и вполне доволен тем, что до сих пор видел. Он привёз мне очень радостную весть: ему удалось разыскать тунгуса, который уверял, что нашёл вышеупомянутого мамонта; архиерей посоветовал нашедшему отправиться в Среднеколымск, где он мог рассчитывать получить хорошее вознаграждение; тот обещался

прийти, но это могло случиться не так скоро, так как у него не было оленей. Ввиду того, что до нашего окончательного отъезда я всё равно должен был ещё раз вернуться в Колымск, я имел все шансы рассчитывать, что выпрошу тунгуса лично. 16 января прибыл Нейман, а на следующий день топограф Афонасьев с частью каравана. Их путешествие сошло тоже хорошо, если не считать одного очень печального случая. Один из казаков, Николай Новгородов, сделался в одной поварне жертвой самоубийства; его нашли только тогда, когда он был уже без признаков жизни. Это происшествие меня очень опечалило; уже в течении многих лет я знал этого казака за очень преданного и честного человека; он сопровождал меня почти всегда в моих частых служебных поездках, отличался расторопностью и мало-помалу приобрёл большую опытность в путешествиях. О том, что его побудило к такому печальному шагу, можно было только догадываться. В его роду было расположение к меланхолии и к угнетённому состоянию духа; отец его, как говорят, покончил таким же способом. Вместе с тем из нескольких отрывочных записок, которые нашли между его вещами, и которые казались попытками письма к жене, видно было, что он жил с ней в ссоре и считал себя в праве делать ей серьёзные упрёки. Сам я, перед отправлением в путешествие, ничего не мог заметить в нём особенного. Поехал он не против своей воли: он был женат и имел детей, а потому мог быть откомандирован в такое долгое отсутствие только по собственному желанию. Впрочем, он показался мне несколько более рассеянным, чем обыкновенно, и не так хорошо управлялся с багажом, как прежде. Так, например, за несколько дней до оставления мною каравана, я потребовал у него одну вещь, которую он не мог найти. Он долго её искал, но я наконец сказал ему, что она мне не так нужна и что при распаковке в Средне- или Нижнеколымске она сама собою найдётся. Этим дело, по моему, и должно было бы кончиться, и я забыл о вещи. Отправившись вперёд, я взял вместо него другого казака, его же оставил при караване. Его это, по-видимому, очень обидело, так как прежде он бывал всегда при мне. Я должен был долго объяснять ему, что как ему ни неприятно оставаться позади меня, но всё же это безусловно необходимо: в крайности я мог ездить и без казака, но для других моих спутников было очень важно иметь при себе опытного человека, так как они совершали

такое затруднительное путешествие в первый раз; наконец, я не мог поручить всех моих лошадей и мой ценный багаж казаку, в честности и способности которого я не убедился на опыте. Это показалось моему казаку, по-видимому, достаточно убедительным, мы расстались в добром согласии, и он обещал мне доставить всё в полной целости в Колымск. Но вскоре после моего отъезда он, говорят, сделался очень беспокойным, постоянно искал потерянную вещь в ящиках и высказывал, что он несчастный человек, что он не смеет более показаться мне на глаза, так как не мог отыскать той вещи. Нейман часто его успокаивал, говоря, что ничего нет удивительного, если при таком большом багаже вкралась ошибка в списки и вещь попала не в то место, где ей полагалось быть, и что обнаружиться это может только при распаковке всего багажа, и т.д. Караван пришёл на Догдо к поварне Убиенной, — название не редкое в северной части Якутской области и указывающее на место, где в старинные времена происходило кровавое побоище. Так, если я не ошибаюсь, на месте этой поварни как-то раз казаками была вырезана маленькая партия тунгусов с женщинами и детьми; во время вечерней остановки проводники рассказывали ужасы этого происшествя в том виде, как они жили в воспоминаниях народа. Возможно, что эти рассказы подействовали потрясающим образом на болезненно настроенный мозг Новгорода и что слову Убиенная он приписал фаталистическое значение. Он был суеверен, как все жители Якутска, и по-видимому окончательно решился покончить с собою ещё с вечера. Все свои вещи он уложил и привёл в полный порядок, в том числе и своё дорожное платье, как будто оно ему уже не было более нужно. Счёты, которые он вёл для меня, были доведены до вечера и был подведён баланс; одним словом, всё было в полной исправности, как будто ему предстояло на следующий день отдавать отчёт в своих действиях и поступках. Поутру он встал, по обыкновению, рано, поставил на огонь котёл, приготовил завтрак; на вопрос фельдшера Антоновича спокойно ответил, что ещё рано и что он может ещё поспать, а затем вышел. На месте, о котором идёт речь, стоят друг подле друга две небольшие поварни; когда Новгород не явился к девяти часам, а Нейман и другие встали, то им пришлось самим подавать друг другу умываться; они подумали, что казак пошёл пить чай к проводнику, полагая, что господа ещё спят. В это время пришёл один человек, которому они и поручили позвать Новгорода. Он

очень удивился и заявил, что сам пришёл за тем, чтобы сказать Новгородову, что пора пить чай, так как они должны седлать и выючить пригнанных уже лошадей. Тогда все встревожились, — начали искать и нашли несчастного в 50 приблизительно шагах от юрты, в снегу, с перерезанным горлом и уже остывшим. Рано покончил с собой в здешней одинокой глуши этот преданный человек, — и я долго горевал о нём.

Отслужив богослужение в Среднеколымске, архиерей уехал 20 января в Верхнеколымск, чтобы посетить тамошнюю церковь. День спустя, прибыл наконец Ваалергин со своими чукчами. Я повёл с ними очень серьёзный разговор по поводу недозволенного кочевания в области, которая не была разрешена им под место жительства: выставил на вид, что уже на обоих Анюях терпят их только из милости и что настоящей их родиной они должны считать остров Айоку. Упоминание об этом мало привлекательном островке поразило их очень неприятно; они заметили очень униженным тоном, что неужели же захотят отправить их обратно на Айоку, когда они успели уже привыкнуть к лесу. Чукчи сознавали, что они или, вернее, их отцы пришли на Анюй без разрешения, но если их не желали там терпеть, то следовало бы заявить им это сначала, и возвращение тогда не было бы столь тягостным. Ваалергин не упустил тоже случая упомянуть о благодеяниях, оказанных им жителям Нижнеколымска; эта заслуга его была действительно неоспорима: в трудные времена он продавал им оленей не только по очень дешёвой цене, но и безвозмездно подарил беднейшим из жителей двести или триста животных, чем много смягчил несчастье. Он также утверждал, что Амвраоргин сказал ему, что я не буду вовсе противиться переходу чукчей через Колыму, в западную тундру. Это конечно была ложь с его стороны, потому что я не высказывался в этом смысле, да и старый, в высшей степени осторожный Амвраоргин не мог ему этого сообщить. Между тем ему необходимо было какое-нибудь оправдание своего преждевременного шага потому, что если бы я его принудил вернуться обратно, то ему пришлось бы держать ответ перед своими земляками, пришедшими с ним в числе 143 душ в 20 палатках. В конце концов я разрешил ему остаться на первых порах там, пока я не обдумаю зрело всё дело и не отошлю в Якутск доклада. Но я поставил непременно предварительным условием платёж ясака и избрание хорошего начальства, заявив, что в противном случае обо всём деле не может быть и речи. На

это чукчи были совершенно согласны и сказали, что они уже с самого начала желали быть поставленными на одинаковую ногу с остальными туземными племенами, но только хотели бы знать какими мехами должны платить они свой ясак. Они указывали, что сами они не охотники, да и оленеводство никак не позволяет такого побочного занятия; потому им в высшей степени важно, чтобы тот мех, которым им придётся платить, можно было легко и повсюду выменивать. Впрочем, у меня вовсе и не было намерения облагать их ясаком в виде мехов, так как такое обложение в данном случае собственно вовсе не соответствовало определению ясака. Действительно, ясак или подати, которые инородческие племена обязаны ежегодно платить Императорскому Кабинету, доставлялись всегда мехами. Но в древнем Указе Императрицы Екатерины Второй, впервые урегулировавшем всё это дело, такой вид подати объясняется тем, что племена Сибири не знакомы с денежными знаками, а также не имеют никаких иных местных произведений, кроме мехов; поэтому предписывалось принимать последние вместо денег, а также указывалось, что каждое племя обязано платить только такими мехами, которые встречаются в его области. Чукчи же не охотники, да и обитаемые ими пустынные, безлесные равнины не привлекают пушных зверей; поэтому этим инородцам пришлось бы прежде всего покупать пушнину, что положительно противоречит основному смыслу Императорского Указа. Помимо того и ясачная комиссия вовсе не настаивала непременно на мехах; она уже часто обращала подать пушниной в подать денежными знаками, если плательщики просили об этом, даже делала это очень охотно потому, что работа через то значительно упрощалась, хлопоты по приёме мехов прекращались, так как комиссия избавлялась от труда продавать их, для отправления денег в Императорский кабинет. Вообще в случае, если плательщики не могут платить деньгами — как это и было с чукчами, не имевшими понятия о денежных знаках — дело заключается в том, чтобы подыскать какой-нибудь ходкий предмет, который мог бы быть обращён в деньги во всякое время и без особого труда. Таким предметом, всюду имевшим обращение, чукчи обладали в виде так называемой ровдуги или выделанной как замша оленьей кожи. Эта вещь повсюду в Якутской области имеет громадный спрос и служит простонародью для изготовления верхнего платья. Хо-

рошая ровдуга ценится в Якутске в 80 копеек *prix fixe*. Поэтому было решено, что каждая мужская душа до 16-летнего возраста обязана платить ежегодно по 40 копеек или по пол-ровдуге, а с 16 до 55 лет по 80 копеек или по целой ровдуге; лица с 55-летнего возраста освобождались от подати. Для Кабинета, на первых порах, не имела значения ценность их ясака: нужно было только соблюсти принцип; к тому же остальные охотничьи племена платили не больше, а чукчи могли очень легко справляться с этим налогом. Они в высшей степени обрадовались такому открытию, очевидно представляя себе дело много серьёзнее, и были по-видимому очень довольны, что так легко откупились. Затем были избраны голова и староста и утверждены мною в должностях. После этого чукчи отправились домой, предварительно расторговавшись оленями очень выгодно. Этим покончились мои дела в Среднеколымске, и я мог, наконец, отправиться на поиски стоянки Амвраоргина. Я выехал 23 января в Нижнеколымск и прибыл туда 26 вечером. Расстояние до этого города было в 500 вёрст и путь лежал почти исключительно по льду Колымы. На этом участке для служебных надобностей правительства имеются станции с нартами, запряжёнными собаками (36), а потому сообщение довольно сносно. По дороге я убедился, что для архиерея повсюду были приготовлены нарты, так что его путешествие в Нижний могло идти безостановочно; на пути я имел также дела с различными лицами, которые ожидали меня по их собственным надобностям в местах остановок, и наконец прибыл, как выше сказал, вечером 26 января в Нижнеколымск.

Уже и Среднеколымск довольно печальное местечко, но куда лучше, чем Нижнеколымск. Там есть всё же несколько красивых домиков, имеющих, по крайней мере летом, настоящие стекольные окна. В Нижнеколымске же все постройки крайне сомнительной внешности, почти все без крыш, так как потолки покрываются просто слоем земли, на который кладётся дёрн, придающий постройке очень мало изящества. Окна малы и, подобно самим домишкам, часто кривы, почти всегда без стёкол, которые заменены слюдой очень плохого качества, или рыбьей кожей. Зимой вставляется в оконное отверстие ледяная плита; впрочем, такое обыкновение существует и в Среднеколымске. Для этой цели осенью, когда толщина льда достигла приблизительно семи дюймов, выре-

зают ледяные доски величиною в окно, вынимают летние рамы и при-
ставляют ледяную плиту к окну снаружи. Затем мешают снег с водою и
замазывают этою смесью все пазы и щели самым тщательным образом;
после этого зимнее окно готово и выдерживает в этом виде всю зиму до
самой весны. Через такую ледяную плиту проникает столько же света,
как через сильно замёрзшее стеклянное окно, и видно через неё то, что
происходит снаружи, так же мало, как и через последнее; но устройство
ледяного окна дёшево и оно хорошо держит тепло, так как абсолютно
не допускает сквозняка. Но что кладёт на Нижнеколымск свойственный
одному ему отпечаток, — так это собаки с их постоянным воем. Подоб-
ных упряжных собак можно кое-где увидеть и в Среднеколымске, но там
они не особенно бросаются в глаза: их там в общем редко употребляют,
так как держат преимущественно лошадей, а зимою немногих оленей. В
Нижнеколымске же лошадей не имеют, не потому что для них нельзя
было бы припасти корма, а вследствие того, что жители, привыкши раз
к собакам, ничего другого уже и знать не хотят. Почти перед каждым
домом лежат и спят здесь эти упряжные собаки, с ошейником, к кото-
рому приделан длинный ремень, прикреплённый к двум столбам или
привязанный к шесту. Просто невероятно, сколько эти животные в со-
стоянии спать, если они не на работе; день и ночь лежат они непо-
движно, свернувшись клубком, в снегу и крепко спят, пробуждаясь
только тогда, когда им приносят пищу. Это бывает трижды в день; тогда
они проглатывают с невероятной жадностью замёрзшую рыбу и снова
ложатся спать. Но вот, вдруг встаёт одна из собак, отряхивается, потя-
гивается, подымает голову кверху и начинает выть, — отчаянный, удру-
чающий, переливающийся на разные тоны вой. Перестав выть, она
снова укладывается и спокойно засыпает, как будто ничего не было. Но
встаёт вторая собака и затягивает ту же музыку; так идёт от собаки к
собаке, от дома к дому, пока, наконец, все пять или шесть сотен псов, ко-
торые обыкновенно живут в Нижнеколымске, не пропели своих партий
в этом ужасном концерте. Затем наступает пауза, пока музыка не возоб-
новится снова и не будет исполнена в том же порядке. Днём ещё выно-
симо, собаки воют реже, или это не так заметно среди дневных хлопот,
но ночью этот вой, распространяющийся по всем улицам местечка, дей-
ствует убийственно и проходит много времени прежде, чем к нему, как
и ко всему, привыкнешь.

Так как мне было известно, что чукчи и жители Нижнеколымска находятся в постоянных сношениях, то я вполне надеялся на то, что узнаю от последних о местопребывании Амвраоргина. Но к моему удивлению я не мог получить об этом сведений: знали только, что и само собою разумеется, что он находится в области либо Большого, либо Малого Анюев. В тех местностях никто не бывал и, по-видимому, уже одна мысль отправиться туда, к злым чукчам, казалась большинству ужасной; а между тем люди жили и кормились преимущественно благодаря милости этих же самых чукчей. Эта чукчефобия с невероятнейшим в то же время попрошайничеством у чукчей очень резко бросалась мне в глаза. На мои частые вопросы, отчего они так боятся людей, от которых получали, да и постоянно продолжают получать столько благодеяний, я получал всегда, собственно, только один ответ: да, такой-то и такой-то из названных чукчей действительно хороший человек, да и вообще ближайшие к Колыме чукчи добродушны; но тех, которые живут подальше, нужно считать за опасный народ, не говоря уже об носовых, которым можно приписать любые из злодеяний, на какие только способен человек. Моё намерение отправиться на поиски Амвраоргина одному, без провожатых, привело их в положительный ужас и меня старались удержать от такого шага всевозможными способами. Один из сильно тревожившихся по этому поводу явился даже раз ко мне, чтобы сообщить, что чукчи, особенно некто Пангао (37) затевают против меня что-то недоброе; последний всё справлялся, не приеду ли я в скором времени и когда можно ожидать моего приезда. Наверное-де тут есть какой-нибудь злой умысел, и мне не мешало бы принять предосторожности. Всё это объяснилось, конечно, совершенно другими мотивами, именно желанием чукчей перейти к западу от Колымы, но не помогло мне получить необходимых для меня сведений, и я должен был решиться попытать счастья, рассчитывая лишь на самого себя. При этом было очень неприятно то, что я не мог достать порядочного переводчика. Постоянный переводчик, юкагир Фёдор Лыкчин, обыкновенно не жил в Нижнем, но приходил сюда только во время ярмарки; поэтому в обыкновенных сношениях с чукчами обходились при помощи объяснений знаками и своего рода *lingua franca*, что вполне удавалось. Но мне подобный переводчик при переговорах с Амвраоргиным мог мало при-

нести пользы: легко могли произойти недоразумения, которых по возможности требовалось избегать. Однако делать было нечего, нужно было обойтись с тем, что было под руками, а потому 28 января я и тронулся по направлению к Малому Анюю. Найти старика Амвраоргина в сущности было не трудно, во всяком случае он должен был жить в области названных рек и при всём своём желании не мог предпринять со своими громадными стадами путешествия без того, чтобы соседи этого не заметили. Поэтому я должен был его найти, направившись вверх по левым притокам Малого Анюя и спустившись вниз по правым Большого Анюя: при этом я не мог не наткнуться на чукотское жильё, где, конечно, мне указали бы дорогу далее. Главное заключалось в том, чтобы направиться настоящим путём, а не делать понапрасну крюка. Поэтому я имел ввиду следовать по Малому Анюю до Эломбала и навести точные справки в находящемся тут местечке Хархабирке, где живут последние к востоку русские или обрусевшие юкагиры. Эти люди должны были знать о местопребывании главы чукчей потому, что сами они жили, ведь, среди чукчей. До того места мне предстояло сделать около 340 вёрст, и я взял всего три нарты, — одну для меня, другую для переводчика и третью под пищу для собак. Животные имели продолжительный отдых и поэтому могли потрудиться побольше. Но зато торная во время ярмарки дорога теперь оказалась очень плохой и её приходилось большей частью прокладывать вновь. 31 января я достиг места Анюйской ярмарки, которое было теперь пусто, а 1 февраля — до Лабугена, где встретил людей, расчищавших дорогу для архиерея. У устья Большой Баранихи находится временная церковь, в которой время от времени чукотский миссионер совершает богослужение. Посещение этой церкви тоже входило в программу архиерея, почему туда и нужно было устроить сообщение. Сначала хотели проложить дорогу по морю; хотя она много длиннее, но даёт возможность ехать по льду, что само по себе уже вознаграждает некоторый излишек расстояния. Исследования, однако, показали, что вокруг мысов Большого и Малого Баранова Камня море образовало далеко в него вдающиеся торосы, которые можно было преодолеть разве только при нечеловеческих усилиях. Так как этот путь оказался неудобным, то оставалось попробовать провести дорогу по правым притокам Малого Анюя — по Погиндену или по Лабугену, и во

время моего проезда люди были заняты расчисткой долины последнего. От Лабугена до Хархабирки мне оставалось около 50 вёрст, и я прибыл туда вечером 1 февраля. Там я тоже встретил прекрасную иллюстрацию к басне о злых чукчах. Сюда, т.е. на Лабуген и Хархабирку, отправлялись зимовать от 8 до 10 семейств, приблизительно со 100 собаками и с ясно выраженным намерением прокормиться на счёт чукчей. У них было несколько табаку и других предметов для меня, но в крайне малом количестве; они могли оказать чукчам ещё кое-какие услуги, так, например, один из них был кузнецом; но тем не менее главным их источником пропитания была и оставалась добродушная щедрость чукчей. Потребности этих людей тоже были далеко не ограничены; для содержания одних собак требовалось ежедневно по четыре оленя, а между тем и люди тоже должны были чем-нибудь питаться.

Несмотря на всё это, для меня у них не оказалось никаких сведений; они заявили, что не имеют никакого представления, где в настоящее время может находиться Амвраоргин, указывали, что по дороге трудно пробраться на собачьих нартах, что горы очень круты и т.д. Но всё это они говорили с злым умыслом. Если в Нижнем ещё могли оправдываться незнанием, то тут нельзя было допустить такой отговорки. Поэтому я заявил им, что завтра же отправлюсь дальше, а потому они должны поставить нарты с собаками, чтобы мои могли отдохнуть. Я приказал немедленно приступить к приготовлению четырёх нарт — одной для меня, другой для переводчика и двух остальных для тех из местных жителей, которые поедут меня провожать, — приказал также захватить с собою ремни и остальные принадлежности, чтобы спускать нарты и собак на помочах с крутых, по их словам, мест. Они остались очень недовольны моими распоряжениями, но это несколько не помогло, и им пришлось-таки начать приводить в порядок нарты и готовить собак к пути. Но вдруг случилось чудо: вечерело и уже сильно стемнело, когда мой хозяин заявил мне, что неожиданно пришли двое чукчей, которые сообщили, что местопребывание начальника им известно. Чудо, понятно, очень просто объяснилось нежеланием предпринимать трудное путешествие. Эти люди рассчитывали, что я поддамся на их ложь, но так как надежды их не оправдались и им же пришлось быть моими проводниками, то тотчас же явились ангелы-спасители в виде тех двух чукчей.

Я велел позвать этих последних и узнал от них, что Амвраоргин разбил свои палатки на истоках Орловки, правого притока Большого Анюя, и что доехать до того места можно в три, самое большее в четыре дня, если подняться вверх по Эломбалу, берущему начало из того же хребта, что и Орловка. Они уверяли, что дорога хороша и по пути всюду встречаются палатки чукчей, так что я проеду очень удобно. Так как один из чукчей имел пару хороших оленей, то я поручил ему немедленно отправиться к Амвраоргину и известить его, что мне необходимо с ним переговорить, чтобы он захватил с собою, поэтому, свою форменную одежду (38) и отправился бы в сопровождении своего старшего сына мне навстречу, дабы мне не пришлось понапрасну ехать дальше, чем необходимо. Я приказал ему также захватить с собой человека, понимавшего по-русски, если у него такой нашёлся бы, так как от моего переводчика можно было многого желать в этом отношении. Далее посланцу было поручено позаботиться о том, чтобы в местах моих ночёвок были приготовлены для меня отдельные палатки, а для собак — олени. Приказав всё это, я сказал гонцу, что даю ему на это два дня и велел ему торопиться, чтобы Амвраоргин имел достаточно времени выехать мне навстречу.

Чукча тотчас же отправился и, как сейчас увидим, в точности исполнил все поручения. В назначенное время я поехал с тремя нартами, так как, помимо нужной для переводчика, я должен был иметь ещё запасную для Амвраоргина, которого хотел захватить с сыном для представления архиерею. Проехав три версты по Анюю, мы добрались до Эломбала, по которому направились вверх; однако мы часто от него удалялись, чтобы перерезывать его многочисленные извивы. Сначала местность была ещё очень мало населена, но скоро начали появляться высокие, острые кожаные палатки чукчей, которые жили тут, по-видимому, в довольно большом количестве. Вследствие этого дорога стала лучше, часто можно было ехать по колеям чукотских саней и не приходилось прокладывать пути по снегу. В первый день мы совершили только короткий переезд, так как снялись с места поздно, а между тем доехали уже до палатки, владелец которой сказал мне, что у него заказан для меня ночлег. И действительно, здесь стояла уже приготовленная, совершенно чистая и новая палатка, устроенная насколько возможно хорошо, натопленная и освещённая вместо тюленьего жира — костным (39).

Сам хозяин был очень любезен; дав мне достаточно времени, чтобы напиться чаю и отдохнуть, он пришёл ко мне и спросил, не приму ли я нескольких чукчей, которые пришли меня повидать. Я конечно их принял и узнал среди толпы, которую привело любопытство, несколько знакомых мне ещё с 1866 г.; они выражали радость по поводу встречи и стали меня расспрашивать обо всём и о каждом. На следующее утро чукчи приготовили двое саней и предложили быть моими проводниками, чтобы провести по более торной дороге, которую мои люди не знали. Мы было воспользовались этим, но такое совместное путешествие оленей и собак в течение продолжительного времени трудно выполнимо. Собаки находятся в постоянном возбуждении и их очень трудно удерживать, чтобы они не накинулись на оленей. Псы без всякого милосердия рвут каждого оленя, до которого им удастся добраться. Поэтому-то невозможно, как несколько раз уже пробовали в Нижнем, завести оленей там, где есть собаки, чтобы сократить число последних в те тяжёлые годы, когда ощущается недостаток в рыбе. Одно с другим не вяжется: можно держать либо собак, либо оленей, и нужно совершенно уничтожить первых прежде, чем завести последних. Поэтому, как только мы достаточно выяснили себе наш дальнейший путь, мы распростились с нашими любезными проводниками и поехали одни. На втором ночлеге тоже было всё приготовлено для приёма; точно также собралась толпа любопытных, очевидно очень довольных возможностью поболтать вдоволь и внести тем самым некоторую перемену в скучное однообразие переживаемых дней. На третий день вечером я уже надеялся наверное найти Амвраоргина и мой хозяин был того же мнения, так как уже заготовил и для своего начальника тоже вполне устроенную палатку. Но последний не приехал; он не явился также и в ночь. Мой хозяин полагал, что это можно объяснить себе только тем, что старик куда-нибудь уехал: гонец проехал тут в надлежащее время, так что начальник должен был бы прибыть сюда ещё накануне. Хозяин советовал мне лучше подождать здесь, чем понапрасну ехать дальше, потому что для меня всё равно было бы бесполезным добраться до стоянки Амвраоргина и не найти его. Между тем последний, получив известие, может прибыть сюда на оленях скорее, чем мне удастся доехать до его палатки на своих усталых собаках. Это было совершенно справед-

ливо; поэтому я спокойно остался на своём месте и сделал очень хорошо, потому что скоро после полудня ужаснейший вой собак заявил о приближении нескольких оленьих нарт: Амвраоргин приехал со своим наследником. Сначала он отправился в свою палатку, чтобы переодеться в форменное платье, и уже затем только явился вместе с сыном. Настроение его показалось мне несколько угнетённым, впрочем, это скоро прошло, так как я принял его самым любезным образом и угостил завтраком, за которым не отсутствовала также столь дорого ценимая, но трудно добываемая водка. Промедление в приезде объяснилось тем, что в то время, когда к нему приехал посланец, сын его был в отлучке, а он не решился выехать ко мне на встречу один. Он сознался мне также, что очень испугался и особенно приказанию захватить с собою медали, форменную одежду и сына: он полагал, что по какой-нибудь причине я хотел лишить его знаков достоинства и звания и передать их его приёмнику. Я самым убедительным образом мог рассеять его опасения в этом отношении, заявив о приезде архиерея и сообщив моё желание представить его архипастырю от имени его народа и вместе со своим наследником. Это Амвраоргину необыкновенно польстило, потому что у него была слабость показываться в своём мундире, особенно если то удавалось устроить в присутствии большего числа чукчей. Он очень охотно согласился содействовать возможно большему собранию чукчей как у маленькой часовни на месте ярмарки, так и у временной церкви и очень сожалел о том, что нельзя было сделать много в этом отношении. До ярмарки оставалось ещё много времени, поэтому поблизости народа было мало, чукчи же со своими стадами подвигаются вперёд очень медленно, а ускорить движение нельзя было уже потому, что период беременности оленьих самок подвинулся значительно вперёд и их ни в каком случае не следовало утомлять сверх меры. Впрочем, Амвраоргин хотел постараться собрать столько мужчин, сколько возможно: они могли быстро приехать на своих нартах, но женщин и детей не было возможности доставить. Далее старик обещал, что как только он будет оповещён на каких станциях пожелает остановиться архиерей, там будут заготовлены палатки и в достаточном числе животные на убой; он говорил об этом как о само собой понятном деле, которое чукчи обязаны сделать для своего архипастыря.

Итак, обо всём было переговорено, кроме самого жгучего вопроса — о поездке в Чукотскую Землю. Я рассказал Амвраоргину сначала о данных мне поручениях, которые должны были быть выполнены во что бы то ни стало; затем объяснил ему свой план и спрашивал у него мнения относительно возможности его выполнить. Это свалилось ему как снег на голову и потребовалось известное время пока он совершенно ясно понял, чего я собственно хотел. Было очень досадно, что при нас не было годного переводчика; тот, которого он захватил с собою, понимал по-русски тоже весьма мало, так что мне удавалось почти что лучше самому объясняться со стариком, который мало-помалу всё же немножко научился по-русски. Наконец он разобрался в моих словах и заявил, что приказание, конечно, должно быть исполнено, но что только с лошадьми мне никак не удастся выполнить моей поездки, так как эти животные погибнут за недостатком пищи. Я тщетно указывал на то, что по собранным мною справкам в долине Анадыря должны быть годные для лошадей пастбища, что у Чаунской губы лошадей держали несколько зим подряд, причём они от этого не страдали, да и до сих пор на лошадях ежегодно совершают в летнее время путь от Анюя до Чаунской губы. Он это вполне допускал, но всё же оставался при своём мнении, так как по личному опыту знал, что от Якана на восток почва становилась каменистою и не производила более травы. Я очутился в самом неприятном положении; по моим данным должны были встречаться хорошие пастбища до самого мыса Пээк, это видно было из путевого отчёта Биллингса, который повсюду упоминает об ивах и ольхах, а там, где последние встречаются, не может отсутствовать по крайней мере осока (*Carex*). Я возражал Амвраоргину, что до мыса Пээк держат оленей, что и внутри страны повсюду спорадически живут чукчи со своими стадами, а следовательно, там тоже должны быть луга, так как олени летом не едят мха. Он соглашался с присутствием в тех местах оленей, но уверял, что стада там незначительны, отчего людям приходится кормиться преимущественно тюленьим и рыбным промыслом. Он говорил, что большие стада находятся только по сю сторону Чаунской губы, а тех, которые по ту сторону, не стоит и считать, да кроме того олени летом питаются преимущественно листьями и молодыми отпрысками ольхи и ивы; но и эти кустарники встречаются в таком незначительном количестве, что стадовладельцам приходится постоянно кочевать, чтобы найти для своих

животных скудное пропитание по долинам рек и на берегу моря. Во всяком случае он настаивал, что я не могу рассчитывать на непрерывные пастбища, как того требует путешествие по совершенно незнакомой местности; если же лошади потеряют силы, то мой караван неминуемо погибнет.

То были плохие вести. Я не мог отказаться от мысли, что трава должна была найтись по всему Чукотскому полуострову, но мне было также известно, что трава совершенно безлесной тундры часто совсем лишена пригодности в качестве корма; последнее знали, впрочем, уже и раньше. Бесполезно было советоваться с человеком, который при всём желании и при своём несомненном опыте и рассудительности знал об уходе и обращении с лошадьми только одно, именно то, что эти животные едят траву; таким образом, своим знанием местности он решительно ничем не мог помочь мне в этом вопросе. В то время я впервые пожалел, что отправлялся в путешествие не один; сам я несомненно кое-как пробился бы, но с таким количеством спутников, из которых трое к тому же никогда не видали севера, дело было иное.

Я переменял разговор и спросил его, не может ли он снабдить меня надёжным проводником. Старик довольно долго думал об этом и наконец сказал, что он знает только одного надёжного проводника, но что это — он сам; он готов без всяких отговорок ехать со мною, только не может отправиться без своих оленей, а олени и лошади могут идти лишь различными дорогами, различными способами и даже в разное время года. Лошадь можно применить лучше всего летом, на зимнее пастбище для неё нельзя там рассчитывать уже потому, что его нельзя видеть; между тем достаточно остановиться раз или два на таком месте, где лошадям не удастся раздобыть себе корма, чтобы силы животных оказались надломленными. Наоборот, олень летом вовсе непригоден с целью путешествия, потому что он может тащить сани по мху только с большими усилиями и при очень небольшом грузе.

Так мы толковали; сын Амвраоргина тоже принимал участие в разговоре, но во всём соглашался со своим отцом. Переводчик, казак из Нижнего, который летом часто сопровождал миссионера до Чаунской губы на лошадях, тоже принимал до известной степени сторону чукчей, указывая на то обстоятельство, что в окрестностях Нижнего скотоводство, несмотря на частые опыты, никогда не удавалось как следует. Луга

есть, сено можно запасти, да и запасалось, но животные никогда не набирали сил и имели всегда хмурый и изнурённый вид; молока же от коров получали необыкновенно мало. Да и мне самому было не безызвестно, что все прежние старания исправников ввести в Нижнем и его окрестностях скотоводство, не привели ни к каким удовлетворительным результатам; но с другой стороны мне было известно, что исправники приписывали эти неудачи неисправимой лености и апатии тамошних жителей, хотя, впрочем, в Среднеколымске не было недостатка в людях, не разделявших этого последнего взгляда. Одним словом, чем больше я вдумывался в положение дел и взвешивал риск, которому я подвергал вверенный мне караван, тем менее я мог скрывать от себя, что я легко мог наткнуться на пастбища, которые, несмотря на все хорошие качества моих лошадей, могли бы сделать последних негодными (40) в самое короткое время; я попал бы в безвыходное положение в негостеприимной стране, и притом со спутниками, вряд ли способными выдержать продолжительное путешествие пешком и — весьма возможно — при скудной пище. В виду того, что я лично не знал страны и так как там действительно не было других животных кроме оленей, я не считал себя в праве настаивать на способе путешествия вопреки совету людей, знавших лучше меня страну и её обитателей. Действительно, если мой способ путешествия не удался бы, я уже не мог бы найти никакого оправдания: меня достаточно настойчиво предостерегали.

Но было очень трудно отказаться разом от всего того, что было до сих пор решено, и выдумывать новые комбинации, которые делали необходимым совершенно другое распределение времени и труда.

После того, как мои планы были отвергнуты за их неисполнимостью, Амвраоргин должен был изложить свои. Он начал с того, что выставил на вид, что предстоящая зима выбрана для путешествия, к сожалению, очень неудачно. Ему было известно из достоверных источников, что дорога очень плоха, потому что чувствуется большой недостаток в пище для оленей. Прошлой осенью северо-восточный ветер принёс много дождя в то время, когда снег уже выпал; вслед за тем быстро наступил холод и образовалась гололедица. Вследствие этого оленям стали совершенно недоступны пастбища, а потому необходимо сначала дожждаться носовых чукчей, чтобы точно разузнать от них, где можно пройти. Если

известия окажутся не столь плохими, как это можно теперь думать, то Амвраоргин своевременно придёт с 200-250 упряжными оленями и со стадом в 1000 голов на ярмарку, где я в это время должен буду ожидать его со своим караваном. По окончании ярмарки мы можем тогда отправиться на восток, по возможности вдоль северной стороны горного хребта, где, судя по обыкновенным условиям, можно надеяться на хорошее состояние пастбищ и снег лежит много дольше. При этом, следовательно, можно было рассчитывать сделать большую часть пути по сносной дороге. Тёплые месяцы, июнь и июль, мы проведём на мысе Пээк, а затем начнём постепенно подвигаться к устью Анадыря, куда можем надеяться прийти к концу августа. В первой половине сентября можно уже снова рассчитывать на снег, а с появлением его отправиться вверх по Анадырю и без препятствий достичь Марково. Но если оказалось бы, что состояние оленьих пастбищ плохо, то идти придётся по южной стороне горного хребта, но тогда сомнительно, удастся ли добраться до мыса Пээк; впрочем, и в этом случае можно будет попытать счастья, хотя на первых порах ничего нельзя сказать определённого, так как всё зависит от обстоятельств.

С этими предложениями я согласился по той уже причине, что не мог противопоставить им ничего лучшего после того, как пришлось оставить мысль проехать на лошадях. В течение нашего разговора открылись также некоторые обстоятельства, которые уяснили мне, что я могу рассчитывать на полное содействие Амвраоргина моей поездке, только в случае, если приму его условия, а его участие имело уже само по себе очень большое значение. Он слишком быстро предложил мне свои услуги относительно путешествия, чтобы можно было предположить, что он делает это из одной любезности ко мне. Ему должно было казаться совершенно безразличным, проеду ли я по Земле Чукчей или нет; если же он охотно соглашался быть моим спутником и проводником, то делал это несомненно по причинам, которые хотя и не называл, но которые достаточно ясно проскальзывали в течение нашего длинного разговора. Его власть над чукчами-оленеводами держалась в общем довольно крепко, но непоколебимо крепка и вполне признана она была только у анюйских чукчей, которые, однако, составляли, если не большую, то во всяком случае самую богатую, а потому самую влиятельную часть народа. Но с другой стороны, к его немалой досаде, носовые чукчи

почти совсем не хотели его знать, а он имел очень мало средств подчинить их своему влиянию. С значительною частью последних он не приходил ни в какие сношения; они жили оседло от Колючинской губы до мыса Пээк, почти не покидая своих мест жительства, потому что у них не было оленей, а собак держали как раз столько, сколько считали необходимым для своего хозяйства и обихода. Только незначительная часть их, именно торговцы, были знакомы ему и его чукчам несколько поближе, так как они ежегодно приезжали на Анюй и в известной степени зависели от анюйских чукчей. Дело в том, что оленей можно купить дёшево только на западе, а без оленей нельзя совершать длинных поездок. Амвраоргин уже несколько раз намеревался, как я узнал потом от его семьи, да и от него самого, посетить мыс, как говорили, для того, чтобы поторговать там лично; но на самом деле, вероятно, для того, чтобы импонировать здесь своею свитою и своим богатством и тем укрепить своё влияние. Но ему это всё не удавалось, по-видимому, по случайным причинам, а главным образом, кажется, потому, что он не мог быть вполне уверен, как его там примут, и боялся неудачи. Молодым человеком, ещё при жизни отца, он был на мысе дважды и снискал себе большое уважение за своё умение фехтовать копьём; после того он, однако, ни разу туда не ездил; но он отправлялся теперь со мною, в качестве единственно признанного главы всех чукчей; обыкновенно было принято, что если кто-либо из чукчей желал представиться мне, то должен был сначала обратиться к нему и допускался ко мне только тогда, когда он вводил просителя сам. Всё это, понятно, имело для него большую выгоду, а потому он и решил не упускать случая воспользоваться таким удобным обстоятельством. С тою же целью он не только гнал 1000 убойных оленей, но и взял помимо того ещё четырёх совершенно преданных ему чукчей, сопровождавших его с жёнами и детьми и составлявших его свиту.

После того, как мы вдоволь поговорили о поездке, Амвраоргин спросил меня, не могу ли я сообщить ему что-либо по поводу наших прежних разговоров относительно большой западной тундры. Я сказал ему, что об этом действительно шла речь, но он несколько затруднил дело тем, что от себя разрешил Ваалергину и его товарищам перейти Колыму, на что он не имел права. Это подействовало на него, по-видимому, очень неприятно; он категорически заявил, что совершенно непричастен к

этому делу и во всяком случае не давал Ваалергину, которого он считает за совершенно негодного человека, никакого разрешения уже по той причине, что он не мог распоряжаться лично землёй, которая ему не принадлежит. Вообще он плохо отзывался о Ваалергине и называл его обманщиком. Ваалергин был представлен исправником к кортику, который действительно и получил за оказанное будто бы благодеяние голодавшим жителям Нижнеколымска. Дело же это Амвраоргин объяснил так. У Ваалергина было поблизости маленькое оленьё стадо, которое захворало ящуром. В этом случае стадо всегда без исключения потеряно, и обыкновенно не делается даже попытки удалить ещё здоровых животных: по опыту известно, что и они почти никогда не спасаются от заразы. Поэтому как можно скорее убивают всех оленей заражённого стада и покидают место, оставляя даже весь домашний скarb, чтобы только не занести с собою ужасной болезни. Ваалергин же, увидав что дело плохо, переколол всех больных животных, а тех, которые были ещё здоровы, не оставил на месте, как того требует старинный, освящённый временем обычай чукчей, а пригнал их в Нижнеколымск и таким образом разыграл роль спасителя. То же обстоятельство, что он получил столь желанный стариком Амвраоргиным кортик, огорчало этого последнего ещё больше и он считал Ваалергина за окончательно потерянного человека.

После этого маленького инцидента мы дружелюбно продолжали нашу беседу и без особых трудностей пришли к соглашению. Амвраоргин признал поставленные мною товарищам Ваалергина условия за легко выполнимые и обещался ввести их и у своих чукчей, — само собою понятно, у всех: как у перешедших Колыму, так и у оставшихся на Анюях. Под его руководством должны были быть выбраны четыре старосты; он хотел сам руководить выборами, и затем представить старост мне на утверждение. Затем он очень просил меня предоставить чукчам Медвежьи острова, которые весьма удобны для летнего пребывания оленей. Так как последние решительно ни к чему более не пригодны, то эта его просьба была исполнена.

Таким образом были исчерпаны все вопросы, о которых я хотел переговорить с Амвраоргиным. Между тем уже наступила ночь, а потому об отправлении в путь нечего было и думать. Поэтому мы решили от-

правиться на следующий день, 8 февраля, и по возможности скоро доехать до Хархабирки, где Амвраоргин надеялся найти двух своих приятелей, Тинеймита и Кеутегина; он хотел передать им хлопоты по поводу приготовления всего необходимого для архиерея, так как сам он должен был отправиться со мною в Нижний. Но своего сына он должен был непременно отослать обратно: времени оставалось мало, а между тем, имея в виду его отсутствие почти в течение целого года, было необходимо сделать многое, чтобы устроить его домашние дела. Так он расстался со своим наследником, который отправился домой, а мы рано утром 8 февраля выехали в обратный путь. По дороге чуть-чуть не произошло с нами маленького несчастья. Собаки находились почти в постоянном возбуждении, потому что чукчей в окрестностях было много и в воздухе, вероятно, пахло оленями. Вожак первой нарты, на которой сидел я, заметил ещё издалека с одного пригорка палатку, мимо которой лежал наш путь. Ему показалось, что владелец гнал к ней в это время своё стадо, а так как мы были на четырёх нартах, т.е. имели в упряжи 48 собак, то могло легко случиться несчастье. Поэтому мы остановились и стреножили половину животных. Это делается таким образом, что одна из передних ног собаки просовывается через ошейник, за который собака тянет нарту; собака бежит тогда на трёх ногах, следует за товарищами, но не может сама тянуть. При таких условиях тормозить нарту палкой несравненно легче, тогда как при полной силе 12 собак, особенно когда они возбуждены, нельзя сделать многого. Итак, мы поехали далее заторможенными; чем ближе мы подъезжали к палатке, тем возбуждённые становились собаки, хотя стада, которое должно было находиться где-либо поблизости, нельзя было рассмотреть. Собаки быстро неслись вперёд, что было очень приятно, но ничего особенного не представляло, потому что можно было надеяться, что возбуждение исчезнет, раз мы минуем палатку, а вместе с нею и близость стада. Наконец вынырнула и палатка, скрывавшаяся от наших взоров за маленьким холмом и теперь находившаяся от нас всего в 300 шагах, но у самой палатки стоял олень. Лишь только собаки завидели последнего, как круто свернули с дороги и понеслись прямо к палатке, не обращая внимания ни на сопротивление передовой собаки, ни на зов погонщика. Далеко высунув свои красные языки, с хриплым воем, будто дьяволы из ада рвались они вперёд; ни тормоз палкой, ни то обстоятельство, что

половина животных бежала на трёх ногах, нисколько их не задерживали. Хуже всего было то, что по-видимому совершенно ручной олень спокойно стоял на месте и глазел как мы приближались бешеным маршем. Но дело могло принять положительно критический оборот, если бы кто-либо из чукчей вздумал отворить палатку и выйти, чтобы разузнать причину шума: случись это в момент нашего подъезда, и ему пришлось бы очень плохо, потому что в подобные моменты собаки взбешены и не щадят никого.

Но этого к счастью не случилось. Мы были уже почти в 20-30 саженях от палатки, когда олень, по-видимому, сообразил что-то неладное, быстро повернулся, пустился большими прыжками и скрылся за пригорком. Это успокоило собак и их удалось, наконец, остановить. Всё случившееся произошло гораздо скорее, чем здесь рассказано и серьёзно нас испугало; особенно обеспокоились вожаки и были положительно того мнения, что им трудно было бы спасти чукчу, который имел бы несчастье выйти в тот момент.

Вечером 9 февраля приехали мы в Хархабирку, но собаки были крайне утомлены: они ведь сделали 200 вёрст, а это порядочный труд, если принять в расчёт, что дороги были неторные и что животных кормили исключительно олениной ([41](#)). Уже под вечер, когда нам оставалось ещё более 20 вёрст, на пути снова попался олень, но на этот раз дело обошлось без тревоги и послужило нам только в пользу. Собаки бежали уже очень усталой рысью, подгонять их было довольно трудно, когда они заметили на дороге стоявшего и спокойно кормившегося оленя. Конечно, они вновь припустились бешеным бегом. Олень оглянулся на нас и побежал вперёд, но к счастью по направлению нашего пути, так как принадлежал, вероятно, к какому-либо стаду в окрестностях Хархабирки. Отбежав порядочное расстояние, он остановился, снова принялся есть и подпустил нас к себе очень близко; затем опять повторил свой манёвр и продолжал его до тех пор, пока не ударился в сторону и не скрылся в кустах верстах в четырёх или пяти от Хархабирки. Как ни были уставши наши собаки, но они не могли отказать себе в удовольствии усердно преследовать животное, и мы добрались до места назначения гораздо скорее, чем это было бы возможно с такими утомлёнными собаками при других обстоятельствах.

Вскоре после нашего прибытия, в Хархабирку явились двое богатых чукчей Тинеймит и Кеутегин; оба они, в особенности первый, были горячими приверженцами Амвраоргина, который ими очень дорожил и считал их даже более богатыми, чем он сам. При мне же были сделаны все безусловно необходимые распоряжения относительно приёма и беспрепятственного следования архиерея, а также немедленно отослан гонец в Нижний с точными указаниями пунктов, в которых должны быть наготове убойные олени для собак, чтобы сообразно с этим можно было распределить ежедневные переезды. На убой предназначалось значительное количество животных, так как на каждую нарту считали по два оленя, что на 10 нарт составит 20 животных для каждого ночлега, да столько же на обратный путь; тем не менее всё отпускалось с большой охотой и нельзя было даже заметить, чтобы особенно тяготились этим.

При обсуждении этого дела речь зашла также и о том, что тут, т.е. в Хархабирке, на Эломбале и на Лабугене, чукчи содержали зимой помимо собак, о которых я уже упоминал, ещё 76 человек; чукчи содержат этих, им совершенно чужих и безразличных людей уже три года подряд, и в нынешнем году сюда прибыло больше народу, чем в два предыдущие. Конечно, я поблагодарил за эти благодеяния и Тинеймита, и Кеутегина, на которых, вероятно, падала львиная доля по содержанию пришельцев. Тинеймит производил очень приятное впечатление и впоследствии оказался очень милым и обходительным человеком; я долго с ним разговаривал относительно такого рода помощи мясом и спрашивал не эксплуатируется ли колымскими жителями благотворительность чукчей чересчур беззастенчиво и не потворствует ли она лени. Он полагал, что в общем — нет, что приезжающие к ним люди большею частью находятся в сильной нужде, особенно благодаря своим собакам, которых очень трудно содержать в неудачные годы. С другой стороны, и пришельцы, по его словам, в свою очередь оказывают им услуги, которых тоже нельзя не принимать в расчёт: русские работают на чукчей, доставляют им повозки и т.д., так что они отлично ладят друг с другом; чукчи очень рады, если близ них селятся русские. Таким образом тут рука руку моет, а это является наилучшим связующим звеном между людьми таких различных национальностей, какие живут друг с другом на нижнем течении Колымы.

10 февраля мы снова пустились в путь; но Амвраоргин просил позволения отстать от меня со своей нартой, уверяя, что он всегда будет иметь возможность вовремя догнать меня в Нижнем. Быстрая безостановочная езда, в которой принималась в расчёт исключительно способность животных к работе, пугала его: он, как истый азиат, смертельно боялся спешки. Конечно, я согласился на его просьбу, потому что о приезде архиерея не было ничего известно, я же один, благодаря этому, мог ехать много скорее и таким образом уже 11-го, поздно вечером, прибыл в Нижний. На пути встретил меня гонец из Нижнего с письмом от архиерея, в котором последний извещал, что вследствие непредвиденных обстоятельств он должен изменить свои намерения. Он не имел возможности посетить церковь на Баранихе и просил, чтобы чукчи приехали на ярмарку, где он совершит богослужение в тамошней часовне; он прибавлял, что 24 февраля должен непременно отправиться на Индигирку. Эти известия, конечно, изменяли всё дело: чукчи ожидали его только в конце месяца и не могли так скоро прибыть на Анюй. Но так как изменить его новый план было нельзя, то я поспешно отослал гонца дальше, чтобы прекратить работы по подготовке пути на Баранихе и просить Амвраоргина ускорить движение его соплеменников к Анюю; впрочем, я знал, что последнее выполнимо только отчасти, так как, благодаря своим стадам и вообще всему складу жизни, чукчи настолько привыкли к медленным передвижениям, что даже понятие о поспешности им было вовсе неизвестно.

12 февраля прибыл в Нижний архиерей. Когда на следующий день я представил ему Амвраоргина, и он переговорил с последним, то решил посетить сначала селения к северу от Колымска, — Каретово, Черноусово и Походское, а затем уже, 21 февраля, совершить богослужение в часовне на ярмарке и, наконец, 25 февраля выехать на Индигирку. Впоследствии это и было так исполнено, но, конечно, чукчей собралось очень мало; впрочем, число крещённых между ними очень ничтожно (42) и если с одной стороны прибытие архипастыря несомненно привлекло бы большее количество народа, то с другой — поспешность его поездки отнимала у чукчей возможность собраться вовремя. Перед нашим отъездом Амвраоргин сообщил архиерею, что он имеет намерение построить при устье Эломбала на собственные средства небольшую церковь и дом для духовенства. Предложение было принято, понятно, с

благодарностью, а мне было поручено позаботиться о приведении плана в исполнение. 25 февраля архиерей выехал из Нижнего, и я таким образом, мог тоже отправиться в путь, чтобы приняться за свои дела; 1 марта я был снова в Среднеколымске.

Между тем сюда уже прибыл в полной сохранности мой багаж, и я мог приступить к подготовке его для отправки в дальний путь на ярмарку. Но одно дело было выполнено во время моего отсутствия крайне небрежно, — я говорю о подготовке сухарей для нашего каравана. Хлеб хотя и был испечён в достаточном количестве, но сушка сухарей тем не менее едва начата. Это было крайне неприятно потому, что нельзя было рассчитывать, чтобы в сыром климате, по всей вероятности, свойственном Чукотской Земле, хлеб мог долго сохраняться не портясь, не говоря уже о его значительном весе, затруднявшем перевозку. Эти опасения действительно оправдались на деле и причинили нам много бед. Насколько мог, я торопил сушку, но нельзя было многого сделать при двух малых печах, находившихся в нашем распоряжении. Я должен был взять с собою огромное количество хлеба, который впоследствии большей частью испортился.

Среди людей, ожидавших с нетерпением моего приезда, находился также тунгус Фока, который нашёл упомянутого выше мамонта. Я его подробно расспросил и узнал, что на одной речке между нижним течением Алазеи и Индигиркою виден из земли большой кусок шкуры, покрытой волосами, и что можно было рассчитывать найти там хорошо сохранившееся животное. Тунгус получил в подарок значительное количество — около двух пудов — табаку и ушёл очень довольным; я же немедленно сообщил полученное мною известие Императорской Академии Наук. Кроме того, я дал поручение очень опытному проводнику, Якову Сивцову, отправиться весною в сопровождении Фоки на место, убедиться в находке и затем донести мне, можно ли туда добраться с вьючными лошадьми и есть ли возможность вывезти оттуда значительные тяжести.

В различных хлопотах время быстро проходило, и срок отъезда приближался. 18 марта я снарядил моих спутников в Нижний с последними купцами, покидавшими Колымск, а сам остался ещё в городе, так как мне необходимо было закончить много дел прежде, чем оставить округ на такое продолжительное время и передать его моему помощнику.

Мой багаж был приготовлен уже вскоре после моего прибытия, кроме сухарей, отправленных много позже. Для этого я воспользовался 25, закупленными преимущественно в Колымске, лошадьми: с одной стороны, я хотел дать отдых животным, проделавшим путь от Якутска, а с другой — желал испробовать выносливость свежих, но зато и не привыкших к путешествию. Опыт дал очень плачевные результаты: из 25 лошадей, покинувших Среднеколымск в наилучшем виде, пять не могли дойти до Нижнего, десять пришлось оставить тут за негодностью и только остальные десять животных донесли свой вьюк до ярмарки, выдержав кое-как 750 вёрст. Лошадям приходилось довольствоваться на всём пути только пищей из-под снега, чего с непривычки вынести они не могли. Из этого, конечно, нельзя было ещё сделать прямого заключения относительно пригодности животных для летнего путешествия по Чукотской Земле: негодность зимних пастбищ вовсе не обуславливала плохого качества свежей травы летом; тем не менее необходимость лишиться стольких лошадей вызывала на размышления. Наконец, 24 марта я тоже прибыл в Нижний, приготовил на следующий день мой караван к дальнейшему пути и мог выехать сам 25-го вечером на ярмарку, куда прибыл 26-го, тоже вечером.

Теперь я ехал быстрее, чем прежде: дорога была уже наезжена; первые 30 вёрст она пролежала по болоту и озёрам, а далее почти исключительно по льду Малого Анюя. В местах остановок находились тёплые дома и было запасено топливо, тогда как прежде всё было пусто, а некоторые строения были даже совершенно занесены и наполнены снегом. Когда я приехал на ярмарку, мне донесли об одном несчастье, которое могло бы иметь очень дурные последствия, но обошлось, к счастью, без больших неприятностей. По одному старому правилу, чукчи, юкагиры и вообще все те, кто приезжает на торг на оленях, должны располагаться лагерем не очень близко от ярмарки и непременно на восток от неё. Точно также всем им запрещено появляться с оленьими нартами на льду Анюя к западу от места ярмарки с того времени, как отсюда пошлют в Нижний гонца с известием, что чукчи прибыли. Ввиду того, что в крепосце собирается до тысячи собак, эта предосторожность безусловно необходима и исполняется всегда в точности, потому что люди сами очень хорошо знают склонность собак считать за свою неотъемлемую добычу каждого встреченного оленя. С другой стороны, и те, кто

едет на собаках, не имеют права отправиться к ярмарке раньше, чем упомянутый выше гонец не известит исправника или исправляющего его должность и не выйдет разрешение тронуться. Разрешение на этот раз было уже дано и две нарты тотчас же пустились в путь, но хотя на вполне законном основании, тем не менее раньше, чем это обыкновенно бывало прежде. Для того, чтобы понять дальнейшее, необходимо ознакомиться с топографическими условиями ближайших окрестностей крепосцы. Дорога здесь идёт по правому берегу реки и, подъезжая к месту ярмарки, имеешь слева высокий склон, нечто в роде яра, поросшего травой и кустарником и тянущегося на протяжении почти четырёх вёрст по прямой линии. Потом река изгибается влево и за поворотом вид вдаль скрывается до тех пор, пока не доедешь до самого мыска, где на левом берегу реки разом становится видна крепосца в 400 приблизительно саженьях. Обе нарты ехали близко одна за другой, вдоль прибрежного яра, собаки уже порядком устали и ослабели, но вдруг они оживились и с лаем понеслись вперёд. Так как это было обыкновенным явлением и происходило оттого, что животные чуяли близость массы оленей, находившихся по ту сторону крепосцы, на него не обратили никакого внимания. Но перед самым мыском животные пустились бешеной рысью и не успели ещё люди опомниться, как при самом повороте нарты уже налетели на сани, запряжённые парой оленей и занятые двумя чукчами. Всякое описание бледнеет перед тем, что затем последовало: взору вожаков представились вдруг два валявшихся на земле оленя и двадцать четыре собаки, которые с лаем и воем делили добычу. Соскочить с нарт и начать колотить эту бешеную стаю куда ни попало тяжёлыми тормозными палками с железными наконечниками, было для людей делом одной минуты, но и это средство не сразу помогло. Разъярённые животные при таких условиях не обращают внимания ни на какие побои. Наконец тварей удалось-таки отогнать и привязать: олени превратились в груды мяса и костей, на снегу между ними или под ними валялся один из чукчей, который с испугу тотчас же растянулся и лежал без движения. При таких обстоятельствах это было самым действительным средством; его спасла двойная одежда из оленьих шкур; верхняя была сильно изодрана, но нижняя и он сам оказались невредимыми. Но куда же мог деться другой чукча? — людям показалось, что их было двое на санях, да и сожрать его в такое короткое время собакам

было, конечно, невозможно. Этого и не случилось; его нашли висящим в полусознательном состоянии на высоком откосе берега, куда со страха он прыгнул и уцепился за кусты или что-то подобное. Когда я производил следствие, из которого и выяснилось вышесказанное, прошло уже много времени со дня происшествия, но чукчи всё ещё не могли опомниться от испуга: они не могли себе ясно представить, каким образом один из них очутился на дороге между оленями, а другой попал на откос берега. Они не предполагали, чтобы нарты с собаками уже могли прибыть из Нижнего и потому считали езду по Анюю ещё безопасною; они ехали довольно быстрою рысью, как вдруг на них напала стая бешеных собак, — далее они уже ничего ясно не могли рассказать. Но очевидно, что всё случилось так, как объясняли вожаки нарт.

На следующее утро после моего приезда я имел разговор с Амвраоргиным. Известия были плохие: с мыса Пээк прибыло всего около 15 торговцев, потому что, как он уже и раньше слышал, зимние пастбища пострадали во многих местах от гололедицы. Поэтому он заявил, что с ярмарки невозможно отправиться прямо на восток, — стада этого не вынесут. Основываясь на собранных им сведениях, он выработал себе новый план. С Анюя он предлагал сначала отправиться на место своей стоянки на истоках Большого Анюя, тщательно выбрать там самых крепких животных и прежде всего направиться на истоки Анадыря. По приходе туда он надеялся разузнать, есть ли возможность перебраться там через хребет, а также можно ли рассчитывать на годные пастбища по северному склону этого последнего. Один из чукчей-оленоводоов собирался направиться со своими стадами этим путём для своих собственных целей и можно было рассчитывать получить известия о его судьбе до нашего прихода на Анадырь. Амвраоргин спросил меня согласен ли я с его планом; само собою разумеется, что я ничего не имел против него: вообще с этих пор моё участие в подобных совещаниях могло быть только формальным; я не знал ни страны, куда мы ехали, ни обращения с животными, на которых мы собирались путешествовать, — следовательно я не мог иметь никакого самостоятельного суждения.

Что касается ярмарки, то нельзя сказать, чтобы с первого взгляда она казалась пустою. Приехало много народу не только из Колымска, но и из других местностей. Все домики, по-видимому, были заняты, что до-

казывали весело дымящиеся трубы. Пёстрые толпы — русских, юкагиров, ламутов и чукчей — теснились по лавкам и брали товар нарасхват. Вообще картина являлась разнохарактерною, и приказчики в лавках были очень довольны. Но не так успешно велись дела в домиках, в которых расположились купцы с чаем и сладостями и поджидали чукчей-торговцев. Последних действительно прибыло немного, и, что всего хуже, они привезли с собою очень мало товара, который к тому же был незначительной ценности. Причина этого зависела тоже от плохого состояния пути, но только отчасти; главным образом это обуславливалось теми обстоятельствами, которые уже давно причиняли жителям Колымска много беспокойства. Среди пушных товаров, которыми обыкновенно торговали чукчи, различные превосходные сорта лисиц и куницы считались, да и теперь считаются, за самые дорогие, а бобры ценятся гораздо ниже. В прежнее время число лисьих и куньих мехов, ежегодно привозившихся на Анюй, было довольно значительно, и в то время можно было ещё в крайнем случае прихватить и бобров, хотя торговцы уже очень давно стали брать их неохотно. Но такое положение дел сильно изменилось со времени передачи Соединённым Штатам прежде принадлежавших русско-американской компании владений, расположенных в крайнем северо-западном углу Америки. С тех пор американцы начали ежегодно посещать Берингово море и вести тюленьи промыслы как по берегам Америки, так и на побережье Азии. В то же время они торгуют с чукчами и кергаулами и скупают у них все ценные меха, так что в Азию попадают почти одни бобры, которых американцам не нужно. Вред, который американцы этим причиняют жителям Колымска, был бы ещё значительнее (и, пожалуй, на Анюй вовсе перестали бы ездить чукчи-торговцы), если бы американский табак как чукчам, так и кергаулам, нравился больше, чем русская махорка. Но зато американцы имеют другую приманку, против которой азиат редко в состоянии устоять, но которую вовсе нельзя получить на Анюе, — это водка. Эту отраву они возят с собою в значительном количестве и пускают её в обращение, к несчастью, с большим успехом. Благодаря ей, погиб, или по крайней мере обеднел, уже не один чукча: напившись, он спускает все свои пожитки и имущество за бесценок, лишь бы приобрести как можно больше водки.

Жалобы на хищнический тюлений промысел и на отравление чукчей водкой действительно вполне основательны. Подобные сетования раздавались уже прежде, во время генерал-губернаторства графа Муравьёва; тогда были отправлены к тем берегам крейсера, которые и принесли пользу; но впоследствии этот развращающий образ действий снова получил широкое распространение.

Если появление американцев нанесло русским вообще значительный ущерб, так как пушной товар, попадавший в их руки, в отношении количества и качества теперь уступал прежнему, то колымским жителям в частности оно причинило ещё одну неприятность. Дело в том, что по некоторым причинам часть чукчей считала для себя более выгодным ездить торговать не к Колымску, а в Марково на Анадырь. Конечно, чукчам нельзя было запретить торговать там, где они находили для себя наиболее выгодным, но жителям Колымска это вовсе не нравилось, а потому последние и на этот раз были в очень плохом расположении духа.

На ярмарке этого года правила Трескина не должны были приниматься в расчёт, за исключением пункта, требовавшего, чтобы табак был развешан, запечатан и каждый мешок помечен цифрою заключающих в нём фунтов. Тем не менее старый порядок сохранился ещё настолько, что по крайней мере наружный вид ярмарки не изменился. Как и прежде, чукчи собрались в день торга на льду, где они расставили свои сани широким кругом, отпрягли оленей и спокойно выжидали, что будет далее. Когда все чукчи в сборе, приходят купцы с мешками табаку и становятся в центр круга; затем все они наскоро крестятся и каждый из них устремляется к саням тех из чукчей, с которыми он вёл предварительные переговоры. Поднимается страшная суматоха: все бегут, протискиваются, толкаются, падают, вновь вскакивают и бегут дальше, как будто все они ужалены тарантулом. В прямую противоположность этому необыкновенно выгодное впечатление производит важное, стоическое спокойствие, с которым чукчи ведут дела у своих саней. Об этом сообщает в своём отчёте уже Матюшкин (43). Не следует, однако, упускать из виду, что положение обеих партий в день торга далеко не одинаково. Чукчи получают табак, который крепко упакован, хорошо взвешен и запечатан, так что один мешок от другого, того же веса, ничем не отличается. Купец же принимает меха, а это совсем другое дело. Как

всюду в торговле, каждая шкурка известного сорта меха ценится как раз столько, сколько другая. Если мне, например, полагается получить за один пуд табаку 10 красных лисиц или 10 куниц, то мне не приходится уже принимать в расчёт доброту каждого отдельного экземпляра, а только следить за тем, чтобы число шкурок оказалось верным. За остальное не отвечает ни один охотник, а также и чукча. Однако на деле замечается большая разница между отдельными шкурками, а потому тот, кто прибыл раньше, может выбирать себе из всего наличного запаса и самые лучшие связки: все меха разложены и связаны по столько шкур, по сколько полагается платить за один пуд табаку: бобры всегда по пяти, лисицы и куницы по десяти штук. Другая причина спешки заключается в том, что как по торговым правилам, так и по обычаю, десять лисьих шкурок считаются равными десяти куньим, а между тем на рынке последние ценятся выше; точно также названное число указанных сортов меха принимается соответствующим пяти бобрам, а эти на рынке значительно упали в цене (44). Каждый купец, поэтому, желает получить преимущественно куниц, менее охотно он берёт лисиц, и очень неохотно принимает бобров, да и то только тогда, когда уже нельзя получить ничего другого. Но он не может жаловаться, если получит за каждый пуд табаку только один из указанных сортов меха в надлежащем числе шкурок. Вследствие этого становится понятной та лихорадочная поспешность, с которою купцы стремятся к саням чукчей: каждый хочет быть первым, каждый желает иметь выбор. Чукча же смотрит на всё это равнодушно: он должен получить за каждую связку, лежащую у него на санях, по пуду табаку, в этом он нисколько не сомневается, а кому достанутся его куницы, кому бобры, — ему совершенно безразлично. Правда, на предварительных переговорах, он обещал каждому из купцов дать по возможности куниц, но он и не скрывал, что у него есть и другие шкуры; пусть каждый сам торопится, если пожелает получить лучшие меха. В 1866 году один сильно раздражённый купец подозвал меня к саням, на которых лежали две или три связки бобров и больше ничего. Купец жаловался, что чукча обещал ему лисиц, за которых он хотел было отдать уже табак, как вдруг подскочил другой купец, перерыл лежавшие на возу связки, схватил лисиц, кинул свой табак и ушёл. Чукча показал, что у него было шесть или восемь связок меха, что

жаловавшийся купец подошёл к его саням первый и стал пересматривать шкурки, но так как он делал это очень медленно и долго при этом размышлял, то явился другой, который быстро взял лисиц и удалился; чукча прибавил, что он никому не препятствовал делать своё дело. Конечно, торговыми правилами это не возбранялось и жалобщик — в данном, интересном, случае родной отец обвиняемого — остался в убытке: быстро действовавший сын сумел воспользоваться медлительностью своего отца и последнему *nolens volens* пришлось удовольствоваться бобрами.

В то время как купцы — и русские, и чукчи — выменивали табак и меха, независимо от них велась мелочная торговля между чукчами-оленьводами с одной, и различным народом с другой стороны. В противоположность чукчам с мыса Пээк, чукчи с Анюя прибыли в большом числе, и тут легко было заметить, что этот мелочной торг был много важнее для Колымского округа, чем приходящая в упадок оптовая торговля. Громадное количество оленьих шкур, ровдуг, нитей из оленьих сухожилий, оленьи языки, мясо, целые туши предлагались и продавались за отдельные пачки табаку, ножи, топоры, наконечники и палки для копий и т.п. Тут чукчи являлись уже далеко не столь спокойными и сдержанными, как в оптовой торговле: они шумели и рядились также, как и другие.

В этот день торговля закрылась около четырёх часов пополудни, во-первых, потому, что купцы уже кончили свои дела, а во-вторых вследствие того, что по старинному обычаю было назначено празднество с состязанием между чукчами. Эти состязания заключались в гонке на оленях, в беге взапуски и в борьбе. Призами я назначил: лучшему ездоку на оленях 10 фунтов табаку, а лучшему бегуну и борцу по одному фунту этой травы. Интерес представляет, собственно говоря, лишь гонка на оленях, остальные два состязания замечательны разве только тем, что состязающиеся являются на арену полунагими, не смотря на 25-30° холода по Реомюру: они одеты только в штаны и меховую обувь (45).

На ристалище явились около 20 саней; каждые из них были запряжены парой оленей и имели по седоку-кучеру.

Такие чукотские беговые санки необыкновенно красивое произведение и чукчи не прочь щегольнуть содержанием их в опрятности и их изяществом. Санки делаются из берёзового дерева; отдельные, гладко

выстроганные части и бруски скрепляются искусно сплетёнными ремешками из ослепительно-белой кожи. На двух тонких длинных полозьях, которые в передней части загибаются и прикрепляются к передку саней, расположены спицы из оленьих костей или из дерева. Их стараются вырезать как можно тоньше и изящнее и соединяют друг с другом очень красивою сеткой из тонких ремешков. На спицах укреплено сиденье с художественно сделанной спинкой. Высота таких санок не превышает десяти дюймов; ширина почти такая же, но в сиденье около 18 дюймов; длина саней около четырёх футов, но впереди далеко за станок выдаются полозья; весят они не более 8-10 фунтов. Для того, чтобы было легко скользить по твёрдому снегу, полозья, имеющие в ширину около двух с половиною пальцев, снизу покрываются китовым усом. Олени запрягаются не одним общим ремнём, как в якутских нартах, но каждое животное имеет свой ремень, который, впрочем, протягивается тоже между передними ногами и проводится поперёк лопатки. Чукотская запряжка имеет преимущество пред якутской, потому что здесь можно управлять животными. Для этой цели под уши и под челюсти очень остроумно подкладываются пластинки, сделанные из рога каменного барана и имеющие на стороне, прилегающей к телу, острые бугорки. Когда кучер натягивает вожжи, то при помощи очень ловко приспособленной системы петель и рычажков пластинка своими бугорками давит на кожу животного и беспокоит его, не причиняя, впрочем, вреда. Животные повинуются подобным иглам очень хорошо и поэтому ими можно управлять столь же верно, как лошадью посредством мундштука. Наконец, чукчи употребляют ещё длинную, гибкую палку для того, чтобы погонять оленей, но редко пускают её в дело.

По правилам бега все сани трогаются с места одновременно и едут вверх по реке до скалистого мыска, который отстоит от крепости в 7 или 8 верстах, а затем возвращаются назад. Тот, кому удастся приехать первым и захватить пачку табаку, прикреплённую на воткнутой в лёд на середине реки палке, — тот выиграл. Река сама по себе достаточно широка для сотни саней, но не во всю свою ширину одинаково пригодна для бега. По середине ледяного покрова реки обыкновенно пролегает старая, наезженная дорога, которая, однако, часто бывает занесена; но на изгибах и заворотах большею частью лежит масса вырванных дре-

весных стволов, обломков скал и тому подобного сора, которым загромождается русло то многоводной, то бедной водою, но текущей со стремительною быстротой горной реки. Каждый из состязающихся имеет полную свободу в выборе дороги, но только он не может поворотить раньше, чем доедет до назначенного мыска.

Как только данному знаку сани устремились вперед, интерес к ним на некоторое время ослабевает. Отъезд не представляет из себя ничего важного, на основании его ещё нельзя сделать никакого заключения, да кроме того через две или три версты все скрывается из глаз за поворотом реки. В это время разговаривают, расхаживают и каждый старается провести возможно хорошо время до возвращения состязающихся, которые должны проехать более десяти вёрст прежде, чем снова покажутся зрителям. Наконец дают знать, что они приближаются; тут возникает первый вопрос, — сколько их едет? В самом деле: на белом поле видны одна, две или три чёрные точки, далее появляются ещё две или три; — все остальные сани, следовательно, остались позади. Это случается каждый год, потому что гонка на таких санках с первого взгляда кажется много невиннее, чем на самом деле. Северный олень имеет сравнительно со своим ростом очень развитые раздвоенные копыта, которые при ступании расходятся очень широко. Когда животное всё более и более горячится, когда оно уже закинуло свою голову назад, положило рога на спину и высунуло далеко изо рта язык, оно раскидывает из-под своих далеко рассеявшихся копыт комки снега с необычайною силою. Таким образом в голову и грудь сидящего на низких — в 8 или 10 дюймов — саночках летит комок за комком пока наконец какой-нибудь крепкий кусок не попадёт в лоб или висок ездока и он, не взвидя света, не упадёт оглушённым и не прекратит своего бега.

Из появившихся точек несколько остаётся позади; наконец резко вырисовываются только две или три, они быстро приближаются, становится уже возможным различать седоков, и теперь бьются об заклад кто выиграет приз. Под конец спор может касаться только двоих, но они оказываются почти равносильными. Последний отрезок пути образует сильно волнистую дугу. Вдруг одни из саней, которые до сих пор оставались позади других на половину своей длины, решительно направляются по прямой линии к шесту, на котором привязан табак. Все чукчи

вскрикнули, — сам старик Амвраоргин отважился на этот смелый поступок. Действительно, хотя последний путь и был короче, потому что он представлял из себя прямую, но трудно себе представить, как можно было пронестись в санках по лежавшим тут осколкам и камням, едва прикрытым тонким слоем снега. Однако Амвраоргину удалось; несколько раз сани с седоком, правда, взлетали высоко, но всегда правильно становились на землю и крикам радости не было конца, когда он сорвал пачку табаку. Но на что он был похож: его меховой кафтан был сплошь покрыт крепким обледеневшим слоем снега в палец с лишком толщиной, который его слуги очистили с большим трудом; лицо его покраснело, над одним глазом был большой синяк; одним словом, он значительно пострадал ([46](#)). Мало-помалу прибывали и остальные сани. Многие отказались от состязания, как только убедились, что выиграть они не могут; но те, которые могли вполне рассчитывать на своих оленей, покинули ристалище только потому, что не могли ехать дальше благодаря повреждениям, полученным от летевших в них комьев снега; один же опрокинулся и ударился об ствол так, что потерял на некоторое время сознание, но скоро, впрочем, оправился. С момента отъезда до момента, когда табак был сорван, бег продолжался около 20 минут; очень жалко, что расстояние не было измерено точно: о быстроте бега северного оленя можно было бы сделать более правильные заключения, чем теперь.

На следующий день торг на льду продолжался; купцы явились с железными котлами, чукчи — с моржовыми бивнями, которых, впрочем, в этом году было очень мало, так что дела шли туго. В мелочной торговле предлагались в порядочном количестве ремни из тюленьей кожи, славящиеся своею крепостию, а также китовые кости, без которых собачьи нарты весною мало годны к употреблению. Чукчи вырезавают, частью из китовых рёбер, частью же — и это гораздо лучший сорт — из челюстей кита плоские куски костей шириною приблизительно в три пальца, толщиной в палец, а длиною около двух футов. Такие костяшки весною, когда снег становится уже рыхлым, прикрепляются к нижней поверхности полозьев; этим достигается очень лёгкий ход саней, тогда как намокшее дерево полозьев очень трудно скользит по снегу.

Это был последний день ярмарки, а эта ярмарка была первою, в которой чукчи платили свой ясак ещё мехами, но не получили от правительства за него отдарка. Со следующего года они обязаны были платить совершенно правильно ясак ровдугами, на что все очень охотно согласились и ещё благодарили меня через Амвраоргина за позволение переходить на запад от Колымы.

Все снаряжались в путь; посетители ярмарки — несколько более 1000 человек — отправлялись к местам своих жилищ, мы же готовились сначала к поездке на Большой Анюй, к месту стоянки Амвраоргина. Часть моего багажа, без которого я надеялся обойтись в эту поездку, была отправлена с людьми, возвращавшимися в Марково на Анадыре. Благодаря этому, мы не везли с собою по крайней мере ничего лишнего, хотя и то, без чего мы не могли обойтись, всё же было достаточно тяжело. Последние купцы покинули место ярмарки 3 апреля, а 4-го выехали мы с Амвраоргиным в юго-восточном направлении.

Глава III

Путь от Малого Анюя до устья Анадыря

Местность между Малым и Большим Анюем — Приезд к месту стоянки Амвраоргина — Чукотская палатка — Образ жизни чукчей; занятия женщин и мужчин — Уход за оленьими стадами — Олений овод — Ящур — Чукча-стадовладелец и его слуга; их взаимные отношения — Чукотское счисление — Брачное дело у чукчей — Мнение чукчи Айгинвата относительно многожёнства — Отъезд на восток — Распределение дневных занятий в течение этого путешествия и их повторение изо дня в день — Путь вдоль северного склона хребта; невозможность им воспользоваться — Путь к устью Анадыря вдоль южного склона хребта и медленный ход путешествия — Прибытие на устье Анадыря и жертвоприношение чукчей.

Область, по которой нам приходилось идти на первых порах, была альпийская страна системы двух Анюев. Эти две реки, истоки которых находятся недалеко друг от друга, скоро принимают совершенно различные направления. Малый Анюй течёт довольно прямо с востока на запад, а Большой Анюй описывает обширную дугу к югу; затем их течения снова сближаются, чтобы в конце концов впасть одним устьем в Колыму как раз против того большего острова, на восточном конце которого расположен Нижнеколымск. Местность, по которой эти реки протекают и которую они охватывают своими бассейнами, сплошь гориста; хребты тут так близко теснятся один к другому, что для самих рек остаётся только дно долин, в котором едва умещаются одни их русла. Более широких долин почти нигде нет и только на Большом Анюе то там, то сям встречаются по берегам незначительные низменности. Хребты и вершины не высоки и не круты, самые высокие, вероятно, не превосходят 3000 футов, а в среднем гребни гор, по-видимому, около 2000 футов абсолютной высоты. Все долины поросли лиственничным лесом, который подымается на высоту 1500 футов над уровнем моря, и таким образом оставляет самые гребни и пики обнажёнными. За исключением обоих Анюев, по которым можно ездить на лодках, все остальные реки и речки этой системы слишком стремительны, слишком мелководны, на них слишком часто встречаются мели, песчаные банки и т.д., чтобы

пользоваться ими как путями сообщения. Рыбы в них тоже почти нет, она ловится в достаточном количестве только в двух главных реках. Это крайне негостеприимная страна и только то обстоятельство, что через неё проходили в прежнее время дикие олени, дало возможность поселиться здесь значительному количеству юкагиров; да и то следует предположить, что народ кормили не столько сами Анюи, сколько нижнее течение Колымы. В настоящее время, как уже указывалось, тут поселились чукчи, а в виду того, что последние кочуют вместе с источником своего существования, т.е. со своими стадами, становится само собою понятным, что местность им нравится. Не только оголённые от леса гребни и вершины здешних гор покрыты ягелем самого лучшего качества, но он растёт тут также в большом количестве и по долинам. Эта страна как бы нарочно приспособлена к потребностям народа, занимающегося оленеводством.

На этот раз мы не поехали вверх по Эломбалу, но, поднявшись на некоторое расстояние по Малому Анюю и пересекши самое верхнее течение многих — сначала текущих в Малый, затем направляющихся в Большой Анюй — рек, направились почти по прямой линии к истокам последнего. На этом пути нам удалось почти всегда идти по плоскому гребню горных хребтов; тут дорога была свободна и нас не задерживали ни деревья, ни кустарник, ни глубокий снег, который на оголённых от леса гребнях всегда совершенно крепок, тогда как в лесу в него глубоко увязаешь.

14 Апреля мы прибыли к месту стоянки Амвраоргина, проведя в дороге, следовательно, 11 дней и пройдя около 360-380 вёрст. Мы не торопились потому, что могли отправиться в дальнейший путь только после Пасхи и надо было щадить животных, из которых некоторые должны были отправиться с нами в длинное путешествие.

Место, которое выбрал себе старик, было очень живописно: на небольшом плато, лежащем ещё в лесном поясе, но уже близко от его верхней границы — оно было покрыто только немногими, одинокими, довольно-таки кривыми лиственницами — возвышалась громадная кожаная палатка Амвраоргина, окружённая многими малыми палатками, в которых располагалась его многочисленная челядь. Это плато со всех сторон окружено постепенно восходящими и поднимающимися выше границы леса высотами, доставлявшими пастбища той части его стад,

которую он держал всегда при себе. Остальные его стада находились под присмотром собственных его пастухов и были распределены по различным пастбищным участкам. Чукотская палатка состоит из двух, резко друг от друга отличающихся частей, — из большой наружной, холодной палатки и из тёплого жилого и спального помещения, или так называемого полога. Первая покоится на деревянном остоле, который, смотря по величине семьи, бывает то больше, то меньше. Основу его составляют три длинных шеста, сверху связанных ремнём и поставленных в виде треножника. Эти шесты с одной стороны дают возможность подвесить котёл для варки кушанья, а с другой — доставляют главную опору искусно сделанному станку из жердей, из которых составлен весь остов палатки. На остов накладываются два громадных кожаных покрывала, составленных из массы мягко-выдубленных и затем прокопчённых ровдуг. Их приспособляют таким образом, чтобы одно значительно заходило краями за другое и только вверху оставалось бы дымовое отверстие. Входом служит место, где покрывала закидываются друг за друга. Днём и в хорошую погоду края отгибаются в стороны, на ночь и в ненастье их закрывают. В таком виде палатка хорошо защищает от дождя и ветра; кожа не пропускает воды, а гибкий остов из жердей вполне выдерживает порывы ветра. Только при особенно сильных бурях приходится прибегать к дальнейшим предосторожностям: тогда особым способом подпирают остов со стороны ветра. Для этого употребляется длинный шест с поперечиной вверху, нечто вроде печатного латинского Т, но поперечина не прямая, а дугообразная. Когда такая подпорка правильно поставлена к той стороне, в которую дует ветер, весь станок из жердей в состоянии выдержать самый ужасный ураган; он стонет и трещит всё время, но не ломается, как мы сами лично убедились в страшную снежную бурю 14 мая. Внутри большой палатки вешаются пологи, обыкновенно один, так как большинство чукчей имеют по одной жене; если же жён несколько, то каждая получает для себя и своих детей особенный полог. У богатых хозяев, как например у Амвраоргина, наружная палатка так велика, что в ней могут поместиться и спальни для гостей; так, был устроен отдельный полог для меня и общий для всех остальных моих спутников. Эти спальни делаются из зимних оленьих шкур, обращённых волосами внутрь, а кожей наружу. Они имеют вид продолговатого ящика без крышки, дно которого обращено

вверх, а открытая сторона покоится на земле. Высота и ширина обыкновенно по шести футов, а длина полога бывает, смотря по надобности, от 7 до 10 футов. Полог вешают на остов из жердей таким образом, что верх его, т.е. потолок, туго натянут на раме, а боковые стенки свешиваются и стелются по земле приблизительно на двенадцать дюймов. Пол устилается зимними шкурами оленей, а под них подгибаются с трёх сторон концы боковых стенок полога, так что они плотно прижимаются и не дают возможности проходить ни малейшему дуновению ветра. Если хочешь войти или выйти, то поднимаешь переднюю стенку, вновь опуская её за собою; но, если погода тёплая, переднюю стенку можно наполовину откинуть и тогда в пологе светло. Для освещения и согревания служит лампа, которая, будучи налита костным жиром, даёт светлый огонь без запаха и достаточно нагревает такое малое помещение. Внутри полога можно очень удобно исполнять всякую работу, но необходимо научиться заниматься, сидя на полу, — без стула или скамьи.

Днём чукча обыкновенно вовсе не бывает в пологе, предоставляя его женщинам и детям. Подобно большинству сибирских инородцев, он не обедает, а ест только два раза, утром — тотчас по пробуждении и вечером — перед отходом ко сну. Время между завтраком и ужином он проводит либо на открытом воздухе, либо в наружной палатке. Ежедневную работу по хозяйству исполняют и муж, и жена. Но на последнюю возлагается всё, что касается постановки и снятия жилища, нагрузки и разгрузки саней, приготовления кушанья, одним словом, все домашние дела, включая сюда дубление шкур, приготовление ниток и шитьё платья. Мужчина пасёт стада и ухаживает за ними, запрягает и распрягает оленей, пригоняет к дому назначенных на убой животных, убивает их ударом в сердце, после чего дальнейшие хлопоты о них предоставляет жене.

Уход за стадами составляет, собственно, почти единственное занятие мужчины, но оно поглощает решительно всё его время. Я думаю, что многочисленность и хорошее состояние чукотских стад, далеко превосходящих в этом отношении стада всех остальных инородцев, по крайней мере в пределах Якутской области, обуславливаются исключительно заботами и вниманием их владельцев. В прежнее время мне рассказывали очень часто об одном богатом тунгусе, жившем на Оймякон-

ском нагорье, и указывали на его стада из трёх тысяч оленей как на колоссальное богатство, не имевшее ничего себе подобного в окружности; многие даже сомневались, считая его преувеличенным. Чукча же полагает, что при трёх тысячах голов он может только свести концы с концами, а зажиточным он становится только тогда, когда стадо достигает 8000 голов. Но зато, в общем довольно ленивый, этот народ неусыпно следит за своими животными, и его не страшат при этом ни непогода, ни другие препятствия. Когда над нами разразилась во время путешествия снежная буря, в палатках оставались только мы да женщины, все же мужчины, не исключая и самого старика Амвраоргина, находились при оленях, а между тем снег шёл такой, что нельзя было различить человека на расстоянии шести шагов. Мужчины были на открытом воздухе весь день и половину ночи и возвратились только тогда, когда ураган прекратился. Они говорили, что оставлять оленей без присмотра в такую сильную непогоду очень опасно. Когда стадо не видит или не слышит пастуха, оно легко увлекается желанием уйти от бури, бежит по ветру всё скорее и скорее, пока, совершенно обезумев, бешено не понесётся вперёд, не разбирая пути, и не погибнет где-нибудь в пропасти.

Пастуху прежде всего надо озаботиться о том, чтобы животные имели хорошее и богатое кормом пастбище; далеко не всякий мох одинаково питателен. Чукчи различали и показывали нам четыре или пять видов мха; некоторые они считали за очень хорошие, одни особенно полезными осенью и зимою, другие в то время, когда коровы телятся; одним словом, они обращали большое внимание на пищу. Когда хорошее пастбище найдено, то осенью и зимою со стадом не много хлопот, нужно только оберегать его от волков и показываться животным, чтобы они не чувствовали себя оставленными и постоянно сознавали себя находящимися под защитой человека (47). Но в марте наступает, хотя непродолжительное, но тем не менее очень трудное время: коровы начинают телиться. Олень необыкновенно вынослив, мало чувствителен к ветрам и непогоде, и самка передаёт эти хорошие качества своему телёнку. Всё же, в первый день своей жизни он ещё нежен и его приходится тщательно оберегать от холодного ветра. Март и начало апреля ещё очень суровы и в это время часто дуют резкие ветры; поэтому пастух постоянно должен загонять коров в долины и лощины, по возможности за-

щищённые, чтобы телята не погибли, пострадав от ветра во время рождения. Шкурка такого умершего при родах или скоро после того телёнка, так называемая выпоротка, обыкновенно покрыта красивыми, тёмно-бурыми волосами; она очень мягка и её легко дубить, вследствие чего она охотно покупается как лёгкий мех, на который всегда есть большой спрос. Тем не менее чукча всегда бывает в дурном расположении духа, если у него много выпоротки, — это значит, что у него погибло много телят. Заботы о приплоде своих стад заставили чукчей подвигаться всё более и более на запад, в область древесной растительности или по крайней мере к границе её. Дело в том, что снежные бури свирепствуют много сильнее на открытом месте, чем внутри леса. В тёплое время животное много чувствительнее, чем в холодное: летом оно требует хорошего пастбища, поросшего ивняком, листья и отпрыски которого оно с жадностью поедает. Тогда олени страдают от укушений комаров и ещё сильнее от преследования оленьих оводов. Последние в состоянии обратить стадо в такое же бешеное бегство, как и снежная буря. Часто случается, что внутренности оленя переполнены личинками этих оводов и иногда животные вычихивают и откашливают по пяти или десяти таких личинок за раз. Они имеют около дюйма в длину, около трёх линий в толщину и окрашены в бело-серый цвет. Если видишь животное с взъерошенной шерстью, то можно быть уверенным, что под кожей сидят личинки; стоит только нащупать возвышения на коже и подавить последнюю в таких местах, чтобы тотчас выдавить и личинку. Во время нашего путешествия случалось, что заколотых животных приходилось бросать как негодных в пищу потому, что все их внутренние органы были переполнены личинками; мне раз показали печень, в которой их было так много, что она казалась нашпигованною. Шкура оленей часто никуда негодна, потому что содержит так много дырок, что не стоит её чинить; одежда чукчей почти всегда покрыта круглыми, красиво нашитыми заплатками, — всё это дырки от личинок. Чукчи уверяют, что эти личинки происходят от оводов, которые кладут свои яйца в шерсть животных, и что это обстоятельство является причиной сильного страха оленей, как только показывается овод. Насколько эти объяснения правильны, я судить не могу, но мне кажется, что личинка слишком крупна в сравнении с самим оводом, который величиною с нашего обыкновенного шмеля и походит на этого последнего, хотя полосы на задней части

тела окрашены несколько иначе. Личинка же величиною с личинку майского жука (48). Но мы были сами свидетелями безумного страха, вызываемого в оленьем стаде появлением овода. Во время лета этой мухи пастух должен обращать внимание держится ли она в той местности, где он как раз пасёт своё стадо, чтобы ещё вовремя угнать последнее; во всяком случае он должен предупредить возникновение страха у животных; в противном случае он, при известных условиях, может поплатиться всем своим стадом. Вследствие этого обязанность хорошего пастуха далеко не легка; она требует неусыпного внимания и заботливости, если он не хочет разорить владельца, всё состояние которого зиждется исключительно на этом животном. Из болезней, которыми страдают олени, чукчи называли мне только ящур, но последний проявляется с такою страшною интенсивностью, что, если не бывает замечен в самом начале, всё стадо гибнет без исключения. По рассказам чукчей и тунгусов — сами мы не видали больных животных — эта инфекционная болезнь начинается маленькими нарывчиками между копытами, которые становятся заметными не сразу. Захворавшее животное безвозвратно потеряно и мне не могли привести ни одного случая выздоровления. Распространение заразы происходит так быстро, что стадо, в котором показалась болезнь, всегда погибает. Поэтому чукчи так и стремятся теперь к тому, чтобы по возможности разбивать свои стада и тем хотя несколько ограничивать опустошающее действие ящура.

Вследствие многих забот, которых требует от своего владельца хорошо содержимое стадо, последнему необходима довольно значительная помощь, как только число его животных увеличивается. Первыми его помощниками являются с раннего возраста сыновья, если только они у него есть; уже десяти- и двенадцатилетние мальчики могут оказать во многих случаях помощь отцу, и вместе с тем очень основательно изучить дело. Кроме того, к услугам стадовладельца — сыновья богатых его друзей, в том случае, если он имеет дочерей, которых можно выдать замуж, а также много бедных молодых людей его племени, для которых пастушество является единственным путём сделаться независимыми хозяевами и собственниками. Отношения, которые выработались тут между хозяином и наёмниками, в высшей степени интересны и служат доказательством здравого смысла и сильно развитого чувства законности этого народа. Когда пастух поступает на службу, ему сначала дают

место помощника при большом стаде, где он находится под наблюдением или самого владельца, или одного из его главных помощников; тут он должен доказать, что он пригоден на свою должность. Жалованья он не получает, но он имеет право кормиться и одеваться от стада; — на первых порах этим и кончается. Если он оказывается пригодным к делу и старательным, то ему доверяют часть стада в самостоятельное завывание. Теперь он должен доказать свою способность быть пастухом. Он один должен заботиться обо всём, что касается стада, переходить с ним с места на место, отыскивать пастбища и т.д., по личному усмотрению, как будто он его владелец. Жалованья он и на этом месте не получает, но по старинному обычаю может убивать столько оленей, сколько он считает необходимым для того, чтобы пропитать себя и одеться. С этих пор хозяин заботится об отданном стаде только в том отношении, что время от времени посещает его, чтобы убедиться в его хорошем состоянии и в соответственном приросте. В последнем заключается его единственное мерило: если хозяин при всяком осмотре стада находит, что число голов значительно возросло, то он доволен и хвалит своего пастуха, так как всё дело в приросте стада, — плохо содержимые животные размножаются слабо. Сколько истратил пастух на самого себя, — вовсе не принимается в расчёт: ему и полагается жить со стада, которое он оберегает и за которым ухаживает, а что он последнее делает удовлетворительно, так это доказывается, как хорошим состоянием стада, так и числом его голов. У чукчей является основным правилом то, что под присмотром хорошего пастуха должно не только увеличиваться стадо хозяина, но и пастух может мало-помалу составить себе маленькое стадо, с которым он, покинув должность, начинает своё собственное хозяйство. Я много говорил с Амвраоргиным об этом, на столько же необычном, на сколько рациональном способе ведения хозяйства; я тем более интересовался им, что не встречался ни с чем подобным (49) ни у кого из инородцев Сибири, поскольку я имел возможность сталкиваться с последними лично. У богатых бурятских стадовладельцев есть обычай платить пастухам за их труды скотом и лошадьми, но никогда не случается, чтобы слуга как будто сам, по своему личному усмотрению, уделял себе плату за свои труды из собственности хозяина. Тем не менее нужно согласиться, что чукчам посчастливилось при таком веде-

нии дела: доказательство налицо — в их богатстве стадами. Старик Амвраоргин рассуждал так: что мне в том, если я стану платить пастуху определённое содержание, он запустит мне моё стадо; он станет отговариваться тем, что сделал всё, что мог, но что погода и пища были нехороши и т.д. Я заинтересован только в процветании и приросте моего стада; я очень хорошо знаю на сколько увеличилось или уменьшилось стадо, которое я сам пасу, а также мне известны и причины, вызвавшие и то, и другое. Если теперь я вижу, что стада, находящиеся в заведывании моего пастуха, тоже в удовлетворительном состоянии, то я доволен, — всё остальное до меня не касается. Но одно только несомненно и проверено на опыте, — что у пастуха, который сам ничего не наживает, и вверенное стадо не увеличивается; такого человека нужно отпустить, в пастухи он негоден. Все наши разговоры об этом насущном для них вопросе чукчи резюмировали так: я хочу, чтобы моё стадо росло; если я нахожу, что оно увеличивается сообразно условиям погоды и другим обстоятельствам, то я оставляю своего пастуха до тех пор, пока он сам не придёт и не скажет, что не желает служить у меня дольше, а хочет быть самостоятельным. Это правило глубоко укоренилось в правовых воззрениях народа и очевидно сделалось источником его богатства, потому что, благодаря существованию этого обычая, дана возможность и неимущим, при усердии и ловкости, добиться, если не всегда благосостояния, то по крайней мере обеспеченного существования. Поэтому можно сказать, что тот из чукчей, кто беден, — виноват сам. Однако, к такому образу действий побудили чукчей не исключительно гуманные побуждения, а скорее правильное понимание своей собственной выгоды. Смотря по месту своего жительства, человек приручил различные виды животных, но ни одно домашнее животное в такой сильной степени не зависит от индивидуальных способностей пастуха, как олень. Его пропитание нельзя регулировать человеческим прилежанием и сметливостью, нужно пользоваться исключительно тем, что доставляет сама природа; отдельные стада должны содержаться по возможности изолировано, так что владелец не может наблюдать за своими пастухами или руководить ими по одному определённому плану. Пастухи должны поступать вполне самостоятельно и оберегать вверенное им имущество от различных неприятных случайностей, которым оно так

часто подвергается. При таких условиях лучший исход — заинтересовать в благосостоянии стада самого пастуха, что и сделали чукчи. При благоприятных обстоятельствах олень может размножиться очень сильно. Когда я однажды спросил старика Амвраоргина, как велик должен быть ежегодный прирост стада, он ответил, что сказать это очень трудно; при этом он взял из стоявшей на столе корзинки для хлеба кусок слоёной лепёшки, раскрошил его и сказал: «попробуй-ка сосчитать, сколько тут кусков; как только я их перемешаю, каждый кусок ломается на два, а эти последние снова; где ж определить сколько тут кусков. Тоже самое и с оленем: каждая корова ежегодно превращается в двух животных, каждое из последних снова в двух, — сосчитать никак нельзя». И действительно, стад своих чукчи не считают уже потому, что их счисление (50) очень ограничено и даже сотни задают им головоломную работу. Правда, они имеют ещё смутное понятие о тысяче, как о производном сотен, но далее дело движется очень слабо при посредстве сложения, да и то с большим трудом. Очевидно, что их счисление было давным-давно закончено ещё до того времени, как богатство их стало возрастать; в настоящее время они начинают пользоваться для высших единиц русскими числительными, что делают, впрочем, и другие инородцы. Тем не менее они очень точно знают сколько чего они имеют, очень легко замечают всякую убыль и всегда наверняка находят заблудившихся животных, хотя окраска отдельных экземпляров им не много помогает: цвет оленей очень однообразен — летом тёмно-бурый, зимою белый или грязный жёлто-серый. Они определяют численность своего стада тем же способом, каким царь Ксеркс определил численность своего войска, которое он повёл на Грецию. Они огораживают саними и шестами место известной величины и загоняют в него часть своих животных; так как таким образом удаётся огородить обыкновенно не более двух или трёх сот оленей, то исчисление не выше их арифметических познаний и удаётся к их удовольствию. Затем животных выпускают, а в огороженное место загоняют новых и только замечают сколько раз повторится эта процедура. Этим дело кончается, и владелец знает, как велико его стадо; при последующих посещениях он определяет его убыль или прибыль уже на глаз. Чукчи утверждают, что они никогда не ошибаются в оценке своего имущества, хотя и не гонятся за десятком, двумя, а при больших стадах в несколько тысяч штук

даже за сотней животных. По всей вероятности, на деле так и оказывается, потому что, насколько я заметил, чукча очень хороший и расчётливый хозяин, который управляет своим имуществом очень заботливо и отлично знает, что ему можно и чего нельзя себе позволить.

Как всё в жизни чукчей, так и очень важное брачное дело тесно связано с оленеводством. Невеста должна быть выкуплена у отца, таков обычай всех инородцев Сибири, а также и чукчей. Но плата производится тут не деньгами, а работою: будущий жених вступает в дом своего будущего тестя на тех же самых условиях, как все остальные слуги. По прошествии некоторого времени, если будущий жених почему-либо не симпатичен девушке или её отцу, последний под каким-либо предлогом сообщает молодому человеку, что он не нуждается более в его услугах; в таком случае этим всё и кончается. Если же он этого не делает, то отношения с честью могут закончиться только свадьбой, причём, конечно, отцу принадлежит право самому назначить время последней. Решающее значение при заключении браков имеют преимущественно богатство и связи. Так, под влиянием этих соображений, Амвраоргин очень выгодно сосватал своего сына и старшую дочь, а во время нашего путешествия служил у него один богатый молодой чукча в качестве работника с целью получить его вторую дочь. У чукчей в обычае многожёнство, но, как кажется, одна жена, большею частью первая, играет главную роль. Амвраоргин путешествовал с двумя жёнами, однако имел ещё третью, совсем молодую и очень хорошенькую женщину, которую, как я узнал, он тоже хотел захватить с собой, но оставил это намерение под влиянием энергической оппозиции двух других. Эти последние очень хорошо ладили друг с другом во всё время нашего довольно-таки продолжительного путешествия; но легко было заметить, что настоящей хозяйкой считалась первая жена Анна, которая была крещена подобно самому Амвраоргину и его детям. Тем не менее, вероятно из практических расчётов, многожёнство является исключением, а одножёнство — правилом. Так, один из спутников Амвраоргина, Айгинват, сущий великан по росту и по силе, рассказывал д-ру Нейману, с которым он очень сблизился, нижеследующее. Они часто сходились друг с другом и, вероятно, вели между собою очень интимные разговоры, потому что Нейман сказал мне однажды, что он беседовал с Айгинватом о преиму-

ществах и неудобствах многожёнства и что последний самым решительным образом советовал ему ограничиться одной женой, если он устроится своим домом. Он допускал, что в некоторых отношениях очень приятно иметь двух жён, но что при этом нужно не упускать из вида одно неудобство: жёны почти никогда не ладят друг с другом, а в большинстве случаев сильнеешим образом воют. «Посмотри — говорил он Нейману — моя жена порядочна и прилежна, но стара и некрасива (действительно, её наружность была по меньшей мере непривлекательна, а об её внутренних качествах не мог ничего сказать и Нейман), а потому я собирался завести себе ещё другую и исполнил это, как только нашёл красивую молодую женщину. Но с той поры, как я привёл её в свою палатку, я не имел уже ни минуты покоя. Бабы ежедневно таскали друг друга за волосы, дрались, ругались, так что я не мог выдержать и был рад, когда мне не нужно было сидеть дома. Я начал бегать из дому, потому что я не желал слышать постоянных ссор, одним словом, всё пошло плохо. Когда я однажды, после продолжительного отсутствия, вернулся домой, то удивился, что там всё тихо и спокойно, но я нашёл только мою первую жену, занимавшуюся шитьём. Когда я её спросил, где другая, она крикнула мне: — ступай в её полог (51), там ты найдёшь свою красотку. Я её и нашёл, но... с разбитым черепом. Бабы опять дрались, и старуха раскроила молодой череп лопатой для снега. С тех пор я оставил намерение заводить вторую жену и имею, по крайней мере, спокойствие дома».

Возможно, что и другие испытали подобные сильные ощущения, но во всяком случае многожёнство не сильно распространено у чукчей. Кстати сказать, что приобретение жены путём работы и службы имеет место только при первом браке, да и то лишь в том случае, если невеста приносит с собою значительное приданое. Последующие жёны, насколько я мог узнать, просто покупаются, чем вероятно и объясняется различие их положения в доме. Впрочем, мне в данном отношении не удалось добраться до истины, и я вывожу подобное заключение скорее из того, что видел и слышал. Во всяком случае Амвраоргин купил свою молодую жену у её родителей, как сам говорил, за очень дорогую цену, за очень большое число оленей. В доме она, по-видимому, не успела занять ещё подобающего положения; хотя она и наряжалась

лучше, чем обе пожилые жёны, но положительно не имела никакого значения (52) ни у домашних, ни в глазах других чукчей.

На месте жительства Амвраоргина мы оставались десять дней, совершенно понапрасну теряя дорогое время. Но тут ничего нельзя было поделать: раз решившись ехать с чукчами, мы и должны были путешествовать так, как кочевники и отучиться дорожить временем. Чукчи должны были сделать различные подготовительные работы, а это сильно замедляло отъезд. Амвраоргин в своё оправдание совершенно справедливо сказал мне однажды, что его очень задержал приём архиерея; для того, чтобы покинуть свой народ и своё большое хозяйство на год, как это легко могло случиться, ему нужно было сделать различные распоряжения, но он не мог этого выполнить раньше потому, что находился в Нижнем и на Малом Анюе, а затем помешала ярмарка; одним словом, к тому были различные препятствия. Предполагалось тотчас же после Пасхи отправиться на восток и ехать на истоки Анадыря и Чауна. По дороге нас должны были встретить Тинеймит и Айгинват, которые собирались выехать туда же с места их стоянки. Приблизительно при переходе из системы Анадыря в систему Чауна должны были найти нас гонцы, которых Амвраоргин послал на лёгких оленьих санках за Якан с целью узнать можно ли в этом году добраться на оленях до мыса Пээк. В том случае, если бы это было каким-либо образом выполнимо, мы могли рассчитывать на удачу нашего предприятия; если же нет, — то нам оставалось только продолжать наш путь вдоль южного склона хребта, а наши намерения считать совершенно неосуществимыми.

24 Апреля можно было, наконец, считать наше путешествие начатым, потому что мы снялись с места и, проехав шесть вёрст, остановились на первом ночлеге. Так как путешествие с этих пор проходило в утомительном однообразии, день за днём, со своими выступлениями, переходами и привалами до самого нашего прихода в ноябре в Марково на Анадыре, то я приведу для примера только один из подобных дней. Нам предоставили для холодного времени года прекрасный, обширный полог, который мы сделали посредством некоторых улучшений более удобным для дневного пребывания во время остановок. Когда полог совершенно спущен, в нём царит тьма египетская, если же поднять переднюю его стенку — становится так холодно, что нельзя работать или вообще чем-либо заниматься. Поэтому мы велели надрезать в потолке с

трёх сторон кусок в два с половиною фута, который мог откидываться на подобие клапана. В образовавшееся четырёхугольное отверстие вшили кусок белой материи, при чём устроилось нечто в роде окна, дававшего достаточно света для занятий. Таким образом улучшенный полог мы занимали до 29 мая, когда перешли в нашу собственную полотняную палатку и стали несколько независимее от постановочных и разборочных работ чукчей, которые всегда отнимали у нас необыкновенно много времени.

Каждое утро около пяти часов я будил казаков, а они — чукчей. Затем последние тотчас отправлялись к стаду, или, как там называли, к табуну, и пригоняли оленей. Между тем женщины приступали к разборке палаток, при чём из любезности они брались за наш полог всегда под самый конец. Впрочем, это не избавляло нас от необходимости пить чай и завтракать под открытым небом, так как сани нужно было нагружать ещё до прихода оленей. Готовые сани, которых было около сотни, устанавливали в широкий круг с одним небольшим входом в него и, покончив с этим, ждали пригона стада. Если пастбище было хорошо, то животных находили утром там, где они были оставлены вечером; при дурном, скудном пастбище олени разбегались также, как прежде у нас лошади, и проходило много времени, пока их удавалось собрать. Пастухи и погонщики старались по возможности пригонять только упряжных животных, которых с нами было около 200 штук, но отделить их от остального стада удавалось только отчасти: в круг всегда попадало большее или меньшее число убойных оленей. Когда все они были в середине, в проход становились женщины или дети, а мужчины принимались выбирать тех животных, которых имелось в виду запрягать на этот день. Каждое из них подводилось к соответственным саням и припрягалось. Как только были запряжены все сани, остальных животных выпускали, и они уже сами возвращались к стаду. При благоприятных обстоятельствах все эти приготовления занимали не менее трёх часов, если же животные разбегались, то много больше. Затем сани устанавливались друг за другом и связывались по 15-16 штук вместе; последними помещались те, которые нагружены были шестами от палаток; такую вереницу вела женщина. На этом все приготовления в путь оканчивались и караван или кавраль мог начать потихоньку двигаться вперёд. Чукчи ехали на своих небольших, лёгких саночках; каждый из нас имел тоже сани,

запряжённые одним оленем, которым должен был управлять сам. Только Нейман составлял исключение, так как отказался править; поэтому ему был предоставлен чукча, который привязывал его оленя к своим, нагруженным багажом саням. Я купил для себя у чукчей сани с парой прекрасных бегунов, но получил их только под тем условием, чтобы животные по возвращении снова достались их бывшему владельцу, если им удастся выдержать путешествие.

Таким образом кавраль медленно шёл длинным, тянувшимся часто на целую версту цугом; чукчи катили обыкновенно вперёд, осматривая местность, выискивая лучшую дорогу, высматривая более удобные переходы через реки и другие препятствия и, наконец, выбирая самые лучшие пастбища для привалов. В первые дни мы могли ещё делать по 30, даже по 50 вёрст в день, но впоследствии, когда снег начал таять, дневные переходы становились всё короче и короче; наконец, когда пришлось ехать только по траве и мху, животные утомлялись до такой степени, что, не смотря на частые днёвки, в целый день нам удавалось проходить не более трёх или шести вёрст.

Когда дневной переход был окончен, мы останавливались, первым делом распрягали животных и пускали их в табун; на этом работа мужчин и кончалась, а всё остальное лежало на обязанности женщин. Прежде всего нужно было очистить от снега места для палаток; для этого употреблялись лопатки, сделанные из лобного отростка оленьих рогов. Животное имеет у основания рогов два лопатообразных отростка, растущих горизонтально вперёд; из них один всегда развит слабее, а иногда и вовсе отсутствует. В последнем случае другой отросток, наоборот, очень хорошо развит и представляет род лопатки, очень удобной для того, чтобы ею разгребать снег; для этого стоит только просверлить в нём дыру и вставить короткую деревянную рукоятку. Место стоянки очищается очень тщательно до самого мха или дёрна, так что от снега не остаётся и следа. Затем ставят остов из шестов, прикрепляют к нему большие кожаные покрывала палатки, вешают полога и, наконец, разводят огонь под котлом. И в этом случае женщины из любезности к нам тоже несколько отступали от давно заведённого порядка и сейчас же ставили наш полог, как только был поставлен остов из шестов; кроме того, тотчас по очистке места от снега, они разводили

даже на время огонь, чтобы мы могли как можно скорее согреться тёплым чаем. Справедливость требует тут же прибавить, что этим, во всяком случае очень приятным, вниманием мы были обязаны исключительно Нейману, который снискал себе у наших спутников громадную популярность, вероятно тем, что он был для них положительно загадочным явлением. Они, очевидно, не могли себе представить, как это человек мог постоянно зябнуть, да к тому же ещё в то время года, когда им становилось уже слишком жарко. Они очень радовались каждому более холодному дню, обещавшему продлить санный путь, что было для них важнее всего, — и вдруг они видят человека, чувствующего себя при такой прекрасной погоде крайне нерасположенным и несчастным. Даже и нам он казался чересчур чувствительным к холоду. Топограф Афонасьев, который тоже впервые совершал такую поездку, переносил холод очень легко, хотя он должен был подвергаться его влиянию больше всех остальных: в течение всего перехода ему приходилось наблюдать свой пель-компас и постоянно делать отметки в своём дневнике. Фельдшер Антонович тоже чувствовал себя вполне хорошо; да это и не могло быть иначе, так как термометр обыкновенно показывал не больше двадцати градусов ниже нуля, а, следовательно, стояла очень мягкая погода сравнительно с той стужей, которую эти господа выдержали раньше. Нейман же чувствовал себя хорошо только тогда, когда он, выпив несколько стаканов горячего чая, сидел в тёплом пологе. Он был в этом отношении прямою противоположностью Амвраоргину, который ел постоянно вместе с нами (53): последнему было всегда слишком жарко в пологе, и пот струился у него по лбу, как только он принимался пить чай. Нейман смотрел на него с некоторым упрёком, когда он утирал своё лицо и, вероятно, время от времени в глубине души сердито восклицал: «посмотрите-ка, уж опять ему чересчур жарко». Громадный Айгинват, который чувствовал к Нейману особенную симпатию, был очень озабочен этим, казавшимся ему очень странным состоянием своего друга; он заставил свою жену сшить для него длинный мешок из шкур — род очень оригинальной муфты, — в который Нейман мог прятать свои руки по локоть. Когда же и это приспособление не достигло желанной цели, Айгинват явился ко мне с переводчиком, чтобы сделать в высшей степени практическое предложение. Он имел в виду совершенно зашить Неймана в

оленьи шкуры и оставить только одно отверстие для дыхания и принятия пищи. Нейман, однако, ужасно рассердился на такое предложение, так что проект не мог быть выполнен на деле. В виду того, что постановка палатки требовала около трёх часов, мы ежедневно теряли самым непроизводительным образом по крайней мере шесть часов; такая трата времени была особенно неприятна в начале нашего путешествия, когда дороги были ещё хороши. Впрочем, как я уже говорил, устроить дело иначе было невозможно: чукчи сами хотели двигаться как можно скорее, но не могли изменить всего своего образа жизни.

По прошествии трёх дней, направляясь прямо на восток, мы достигли водораздела между Большим Анюем и Анадырем, — т.е. между Ледовитым и Тихим океанами. В этом месте водораздел малоприметен и состоит из плоского хребта, который, однако, не может быть ниже 3000 Футов абсолютной высоты, потому что место стоянки Амвраоргина — лежавшее ещё в полосе леса, хотя уже на границе её — мы определили в 2000 футов, а здесь уже вовсе не было леса. Он встречался нам вверх по Анюю ещё в течении двух переходов, и затем мы заметили, что чукчи нагрузили свои сани, насколько это было возможно, дровами; на наши вопросы они отвечали, что следующий привал будет уже вне леса и что с этих пор мы более его уже не встретим. Теперь мы спускались вниз по долине Теннике, притока Энму или, у русских, Менкерёвы, и находились таким образом уже в системе Анадыря, который чукчи называют Яи. Менкерёва, по которой едут из Марково на Малый Анюй, представляет из себя западный исток Анадыря, который имеет ещё восточный, такой же величины, у русских носящий название главной реки; чукчи же называют обе эти реки тоже Яи. Вообще добиться от этих людей каких-нибудь географических сведений было крайне трудно; проговорив с ними целые часы, приходишь к тому же, что узнал при начале разговора; в конце концов даже переводчик отказывался переводить, заявляя, что он не может взять в толк того, что ему говорят чукчи. В этом отношении они сильно уступают якутам, а ещё более ламутам и тунгусам — очень хорошим географам. Ещё более странным было то обстоятельство, что они не могли назвать нам ни одной реки даже в области Большого Анюя, где тем не менее отлично знали каждый камень, каждый куст. Вследствие этого мы не могли с их помощью про-

верить нашу карту, что было крайне необходимо. Они всё время называли только истоки Орловки, притоки Орловки и на этом дело и кончалось. Уже много позже, в Нижнем, нам удалось проверить наш маршрут и вообще нашу карту с помощью ламутов; но в дороге мы ничего не сделали в этом направлении. Чукчи ничего не могли сообщить нам также и об Анадыре кроме того, что нам было известно и без них, именно, что мы находимся в бассейне Анадыря и что все нам встречавшиеся на пути реки представляют его притоки. Карта этой части пути была установлена только в Марково при одновременной помощи чукчей, юкагиров и русских.

29 Апреля встретились мы с Тинеймитом и Айгинватом, так что вся наша компания была теперь в сборе. Итак, кроме Амвраоргина с нами путешествовали ещё два богатых стадовладельца; наш лагерь состоял из пяти палаток, в которых помещались, кроме нас самих и наших четырёх казаков, около 40 чукчей, считая в том числе женщин и детей. Наше стадо состояло приблизительно из 1500 животных, предназначавшихся на убой, да кроме того из 300 упряжных оленей. По понятиям чукчей мы производили в общем очень внушительное впечатление, и Амвраоргин мог быть, да и был, в этом отношении очень доволен: он сознавал, что может показать себя.

Первого мая, совершенно неожиданно, мы встретили на пути маленький островочек леса из нескольких сот очень красивых высокоствольных тополей, в ветвях которых свили себе гнёзда множество ворон; в гнёздах были, по-видимому, яйца, молодых же мы увидели только через неделю. Вскоре за этим решилась судьба нашей экспедиции; 3 мая нагнали нас посланные Амвраоргиным гонцы, которые привезли нам печальное известие: хребет, лежавший перед нами и отделявший нас от истоков реки Чауна, перейти было совершенно невозможно, так как на северном склоне его в этом году вовсе не было пастбищ для оленей. Посланцы сами не дошли до Якана, но им повстречался один чукча-оленьевод с печальными остатками прекрасного стада и посоветовал им вернуться. Вообще я не мог понять, с какой стати этому человеку непременно понадобилось теперь же идти на мыс Пээк, так как и раньше было уже известно, что пастбища негодны; насколько я могу припомнить, об этом говорилось ещё в Островном; чукча заявил, что хорошо знает мест-

ность, а потому может рассчитывать пройти навверное. На этом последнем основании Амвраоргин и построил свой план. Но теперь этот человек возвращался обратно, потеряв большую часть своих стад, да и те животные, с которыми он шёл обратно, находились, по словам гонцов, в таком состоянии, что было сомнительно, чтобы они уцелели. Тотчас же собрались все мужчины и началась оживлённая беседа, которую переводчик не мог мне перевести дословно, но из которой следовало, что чукчи с трудом верили тому, чтобы путь по северному склону был условно непроходим. Из стадовладельцев, по-видимому, только один Айгинват находил возможным одолеть переход во что бы то ни стало; Тинеймит же тотчас стал на сторону Амвраоргина в том, что природу нельзя перебороть и что если бы даже и попробовали двинуться вперёд, то ничего не достигли бы кроме потери стад. После долгого разговора чукчи согласились с этим, а потому нам оставался только путь вдоль южного склона горной цепи, но — он вёл к устью Анадыря.

Этим было решено всё, и на нашу экспедицию приходилось смотреть, как на совершенно неудавшуюся, а с этих пор даже как на совершенно бесцельную. У нас были две задачи: сравнить чукчей в административном отношении с остальными жителями нижней Колымы и более подробно исследовать область, по которой предстояло проложить телеграфную линию. Первая задача была в большей части выполнена, да и другую можно было в сущности выполнить, если бы мы отправились в Марково, выждали бы там ледоход, а затем спустились бы вниз по Анадырю на лодках. Вначале у меня и была эта мысль, но я её скоро оставил: раз мы уже добрались до места, где теперь находились, то мы могли несравненно больше сделать для географического исследования страны, пройдя её поперёк, чем едучи по реке на лодках, что всегда имели возможность выполнить на обратном пути.

Откровенно говоря, и при этом мы достигали очень немногого для такого продолжительного и скучного путешествия, которое, судя по весеннему опыту, нам предстояло, но раз сделанные большие расходы не должны были пропадать даром, — оставалось постараться достичь по крайней мере того, что было ещё возможно. Тем не менее 3 мая 1870 года было для нас крайне печальным днём. Во всяком случае теперь мы не могли и думать о решении тех вопросов, которые нас больше всего

интересовали: — как велико число оседло живущих по берегу Ледовитого океана чукчей; могут ли они вполне самостоятельно снискивать себе источники пропитания; могут ли они продолжать своё существование без чукчей-оленеводов, если последние окончательно переселятся на запад? Всё то, что я знал об этом, основывалось исключительно на слышанном, возможность же лично убедиться в положении дел теперь окончательно исчезла.

Итак, мы продолжали наш путь по южному склону горной цепи; при этом с 6-го мая произошла перемена в том смысле, что мы ехали по ночам: несмотря на повсюду ещё лежавший снег, солнце жгло уже так сильно, что животным становилось очень тяжело. Как видно из прилагаемой карты, мы двигались теперь, и при дальнейшем нашем следовании, исключительно по области бассейна левых притоков Анадыря. Путешествие это было очень затруднительно, — приходилось идти вверх по одному притоку, а спускаться вниз по другому. Поэтому уже тогда зашла речь о том, чтобы спуститься к югу, где приходилось иметь дело с меньшим количеством рек. Но в этом случае предвиделись новые затруднения. На равнине снег должен был таять быстрее, и нам пришлось бы раньше начать тащиться по моховой тундре; кроме того, мы вряд ли имели бы возможность перебираться через реки, которых хотя встречалось и меньше на нашем пути, но зато они были шире, а мы шли по безлесной местности и не могли строить плотов для переправы. До сих пор это было ещё возможно благодаря тому, что лёд был крепок, но 14 и 15 мая (54) разразилась сильная, тёплая буря, перешедшая в конце концов в ужасную метель, и условия изменились. Лёд сделался рыхлым, ездить по нему стало невозможно и 19 мая мы были у реки, которую нам предстояло перейти, но так и не удалось. Сама по себе незначительная, она до такой степени вздулась от таявшего снега, что несла свои мутные воды к Анадырю с неимоверною быстротою. Найдя на её берегу небольшой тополёвый лесок — последний, виденный нами до Марково, — мы решили построить плот и попробовать переправиться. Но это оказалось невозможным потому, что течение было слишком быстро. Поэтому мы были принуждены направиться вверх по правому её берегу и 28 мая пришли к небольшому (в три версты длиною и только в одну шириною) озеру, через которое протекала наша река. Само озеро было ещё по-

крыто льдом, но к сожалению, последний растаял у берегов на пространстве трёх или четырёх сажень и не давал нам возможности перейти и здесь. При ближайшем исследовании чукчи нашли, что при выходе из озера река текла тихо и допускала возможность переправы. Для этой цели были связаны двое лёгких оленьих санок с шестами от наших палаток так, что образовался маленький паром, на котором сначала попробовал перебраться я сам. Переправа удалась довольно хорошо, если не считать того обстоятельства, что от тяжести двух человек лёгкий плот глубоко погрузился, и нам пришлось стоять по колена в воде. Таким образом можно было перевезти как людей, так и багаж. Переправа последнего, тем не менее, наделала много хлопот и заняла у нас целый день, но все вещи были перевезены так, что не подмокли. Следующий день был дан людям на отдых потому, что было Вознесение, а затем мы снова продолжали наш путь. Безотрадное однообразие этого долгого странствования нарушалось только довольно частыми посещениями чукчей. Это были чукчи-оленеводы, которые, по-видимому, повсюду тут жили разбросано и не упускали случая представиться своему начальнику или, как они его называли, своему ерёму. Некоторые из них были удостоены Амвраоргиным чести быть представленными мне. В этих случаях он появлялся в своём мундире и испрашивал позволение привести ко мне своих единоплеменников. Конечно, я их всегда принимал в надежде получить от них кое-какие географические сведения, но надежды мои большею частью не оправдывались: в этом отношении они были нам также мало полезны, как и наши спутники. Своим положением они, по-видимому, были вполне довольны: олени достаточно хорошо плодились. Им было только довольно трудно обходиться зимою без топлива, но тем не менее приходилось оставаться здесь потому, что в других местах корму хватает лишь для тамошних стад, а для их оленей совершенно нет пастбищ. Что же касается до тундры к западу от Колымы, то хотя она их и интересовала, но была настолько отдалена (55), что было трудно предположить, чтобы они постарались ознакомиться с нею теперь же. С большею частью посетителей я лично не знакомился: Амвраоргин полагал, что это были совершению бедные, простые люди, с которыми вовсе не стоило церемониться.

До Троицы, т.е. до 18 июня, мы подвигались всё-таки по 12-15 вёрст в день, вернее, в ночь. На Троицын и на Духов день пошёл такой густой,

сопровождавшийся сильными ветрами снег, что мы не могли двинуться с места, но потерянное таким образом время мы наверстали в следующие дни, так как благодаря снегу могли ехать несколько быстрее. Затем мы стали делать только по шести, самое большее по восьми вёрст, да и то животные сильно утомлялись. Снег в это время лежал только отдельными полосами, которые приходилось тщательно разыскивать, чтобы доставить оленям хотя лёгкое облегчение. Наконец и эти остатки зимы исчезли и настало то время, которое здесь называется летом и которое характеризуется преимущественно туманной погодой. Эта сырость оказывала очень плохое влияние на наши припасы и багаж; при переездах по топким болотам, преобладавшим во всей стране и дававшим ей характерный отпечаток, сани постоянно опрокидывались, а багаж падал в воду. Просушивать измокшие кожаные мешки и ящики было невозможно потому, что солнце показывалось редко, — все вещи грозили испортиться. 8 Июля мне пришлось выкинуть весь мой запас хлеба, состоявший из 30 приблизительно хлебов; весь он так проплесневел, что, даже разрезывая его на тонкие ломти, не удавалось находить неповреждённых кусков. Это была большая неприятность. Мы подвигались вперёд очень медленно, а чукчи положительно не знали, где мы находимся, так как они сами проходили по этому месту в первый раз; поэтому я положительно не мог себе представить, как нам удастся выбраться из нашего положения и не придётся ли нам, в конце концов, зазимовать на нижнем течении Анадыря. Вследствие этого я не решался тратить запас сухарей, которых у меня было очень мало, опасаясь, что мои спутники не будут в состоянии провести зиму без хлеба. Мяса же у нас было вдоволь и, пока держалось тепло, можно было обходиться им одним, не боясь заболеть цингой. Итак, я велел готовить только мясные блюда, да два раза в неделю кашу, на мешки же с сухарями повесил замки. Это вызвало большое недовольство среди моих спутников: они были того мнения, что жить одним мясом невозможно, особенно же неудобным казалось им есть мясо с утра, за чаем. Но делать было нечего, пришлось покориться, так как положение было серьёзно. 10 июля мы пришли к большой реке, которую не могли перейти, а между тем её глубокое и широкое русло указывало на то, что обход её обещал слишком отклонить нас от нашего направления. В таком случае хороший совет был дорог, но

хотя один советовал одно, другой — другое, однако никто не дал дельного указания. Сначала мы попробовали устроить из саней и шестов от палаток такой же плот, какой с успехом был пущен в ход 28 июня, но управлять им было никак нельзя: он держался на воде, но вперёд не двигался. Столь же безуспешной осталась попытка применить и другое средство, хорошо известное диким народам. С убитых оленей тщательно снимают шкуру мешком так, чтобы вся туша прошла через разрез шеи; затем завязываются немногие естественные отверстия и мешки надуваются. Последние отлично поддерживали двое саней, к которым были привязаны, но сооружением этим тоже нельзя было управлять, и оно не двигалось вперёд. Дело в том, что такой, держащийся посредством надутых мешков плот может двигаться только тогда, когда его тащат пловцы, чукчи же, как и все азиаты, сами в воду не ходят, а потому и не имеют никакого представления о плавании. В минуту такого отчаянного положения Амвраоргин неожиданно спросил меня, что бы я сказал о большой кожаной лодке? Он предложил связать ремнями несколько своих лёгких санок так, чтобы они имели приблизительную форму большой лодки; затем он собирался растянуть одно из кожаных покрывал своей палатки, поставить на него остов из саней, загнуть края покрывала над сиденьями и затем привязать их к последним. Я не очень-то доверял пригодности подобного судна, потому что мне казалось невозможным, чтобы составленное из стольких кусков покрывало могло быть непроницаемо для воды; Амвраоргин же полагал, что добиться непроницаемости будет уже дело женщин и что они с этим справятся. Работа началась. В то время, как женщины осматривали кожу самым тщательным образом и чинили самые мелкие дырочки и отверстия, мужчины связывали крепко накрепко сани и устроили нечто в роде довольно сносной лодки. Затем связанные таким образом сани поставили на починенное покрывало, а повсюду достаточно широкие края последнего были загнуты и связаны. Таким образом получилось подобие парома или лодки, имевшей 5-6 саженей длины, 3 сажени ширины и около 1½ фута высоты. Много труда стоило спустить такую неуклюжую машину в воду; поднять её было неудобно, а тащить по крупному песку — небезопасно, так как тонкая кожа могла быть легко повреждена. Тем не менее дело удалось, а когда странное судно благополучно попало в свою стихию и оказалось хорошо выдерживавшим тяжести и

легко управляемым и двигавшимся, то радости чукчей не было конца. Хотя нельзя было разом слишком нагружать судно, тем не менее мы имели возможность перебраться мало-помалу, временем же мы уж давно перестали дорожить. Чукчам кроме того надо было переправиться через реку непременно в этом месте, потому что всё стадо находилось уже на том берегу. За день перед тем неожиданно показался олений овод и привёл табун в такую тревогу, что он бешено пронёсся в безумном страхе через наш лагерь к реке и переплыл на другой берег. Животные были так сильно, возбуждены, что вовсе не обращали никакого внимания на встречавшееся им на пути. Как раз в это время Нейман поставил свои инструменты для наблюдения; тут налетело стадо, и он едва успел снять со станка свой теодолит, но уже не имел времени схватить ртутный горизонт, так что принуждён был прикрыть его собственным телом. Животные, наделив Неймана порядочным числом здоровых ударов ногами, пронесли к реке. Эта река, Танлэо, была последней широкой рекой, которую нам пришлось переходить на нашем пути, — до устья Анадыря оставалось уже недалеко. Наши переходы становились, однако, всё короче, а остановки на целые дни всё чаще и чаще благодаря тому, что животные сильно устали; мы подвигались вперёд очень тихо. 27 июля Нейман намеревался наблюдать солнечное затмение, продолжительность которого определялась приблизительно в четыре минуты. К сожалению наблюдение удалось не вполне в том отношении, что к названному дню мы не могли достигнуть места, откуда видно было полное затмение, и едва приметная узкая полоска солнца оставалась для нас незакрытою. Чукчи были совершенно спокойными и апатичными даже тогда, когда начало темнеть и на совершенно ясном небе стали видны крупные звёзды. Только некоторые из женщин полагали, что, собственно говоря, это страшно. Мы подумали, что безучастное отношение наших чукчей обуславливалось тем, что они слишком много наслышались от нас о предстоявшем явлении и даже сами прилагали все усилия к тому, чтобы доставить нас в область полного затмения. Но причины лежали не в том: когда мы через несколько дней встретились с несколькими чукчами из тех, которые жили здесь со своими многочисленными стадами, и расспросили их, то оказалось, что и они не обратили никакого внимания на явление, хотя находились в это время

в том месте, откуда можно было видеть полное затмение. Сначала казалось, что они не вполне понимали, чего мы от них хотим, и только тогда, когда их внимание было обращено нами на некоторые обстоятельства, они рассказали, что действительно несколько времени тому назад солнце исчезло с неба и совершенно стемнело, но что это, однако, быстро прошло и солнце вновь засветило столь же светло, как и раньше. Не было и следа тревоги при этом небесном явлении, которое обыкновенно производит очень сильное впечатление на другие дикие народы. Не зависело ли это индифферентное отношение от того, что на крайнем, пасмурном севере, где к тому же солнце зимою вовсе не показывается над горизонтом, моментальное исчезновение его оставляет меньше впечатления, чем на юге, где привыкли видеть светило в каждый ясный день.

Тоскливое настроение во время нашей поездки усиливалось ещё тем, что мы никак не могли даже приблизительно определить день нашего прибытия к устью Анадыря. Довольно часто посещавшие нас местные чукчи давали самые противоречивые показания; даже сам Айгинват, которого мы выслали вперёд для того, чтобы собрать сведения о пути, сделал по возвращении ошибочный расчёт, определив на путешествие меньше времени, чем следовало. Мы подвигались вперёд день за днём, всё более и более короткими переходами, всё время по кочковатым болотам, в которых можно было, смотря по желанию, то балансировать по кочкам в 1½-2 фута, то идти по воде. Это была самая скучная, самая печальная поездка, какую мне когда-либо приходилось совершать. Наконец 15 или 16 августа с более высоких гор показался тёмной полосой на горизонте Великий океан: это событие было принято нами за избавление, — мы знали по крайней мере, где мы находимся, могли предвидеть конец нашего бедственного положения.

Наконец мы достигли реки и 19 августа разбили наш лагерь на одном холме, который довольно круто спускался к её устью и имел около 200 футов высоты. Мы оставались на этом месте довольно продолжительное время — до 3 сентября — потому что все сани, благодаря трению о землю, сделались крайне плохими и требовали коренной поправки; животные должны были тоже отдохнуть для того, чтобы служить нам впоследствии.

День нашего прибытия был отпразднован церемонией жертвоприношения, о смысле и значении которой нам не удалось получить от чукчей никаких сведений. Поэтому я полагаю, что они исполняли только обряд, который, получив начало в древности, сделался простою привычкою и перестал уже вызывать какие-нибудь сознательные идеи. Когда наружные палатки были разбиты, чукчи подвели к одному месту близ палатки Амвраоргина по очереди девять оленей, выбранных из лучших упряжных животных. Амвраоргин пожертвовал четырёх, Тинеймит, Айгинват и остальные чукчи каждый по одному; принесена в жертву была даже собака, потому что один чукча, как и все мужчины, нас сопровождавшие, не имел лично своих оленей, но тем не менее желал принести в жертву единственное домашнее животное, которое он мог назвать своим. Каждого оленя держали с двух сторон за рога до тех пор, пока приносивший жертву не вонзал своего ножа в его сердце, затем животное освобождали и наблюдали на какую сторону оно свалится. Все жертвы были удачны: каждое из животных падало на колени и вслед за тем спокойно ложилось на правый бок, так что рана, причинявшая смертельный удар, приходилась кверху. Падение на пораненный бок было бы принято за предвещание несчастья. Когда животные издохли, пришла сначала жена Амвраоргина, Анна, обмакнула пучок травы в сочившуюся из раны кровь и, обходя кругом палатку, помазала в разных местах её стены. После этого пришли женщины из других четырёх палаток; вторая жена Амвраоргина не показывалась при этой церемонии.

Жертвоприношение этим собственно и закончилось. Затем пришли женщины, ободрали шкуры с животных, сняли мясо с костей, как они это делали после всякого убоя оленей, но оставили рога и кости на месте жертвоприношения. Труп собаки остался там, конечно, целиком, но шкуру с неё содрал владелец и взял себе.

Глава IV

Путь от устья Анадыря в Нижнеколымск

*От прихода на устье Анадыря до отъезда в Гижигинск — Пребывание на устье; исправление оленьих санок; прибрежные жители или анкалы — Айгваны или прибрежные жители эскимосского племени — Первый снег; стада диких северных оленей — Образование грунтового льда — Результат удачной охоты на диких северных оленей — Моя поездка в Марково; первое появление леса; Марково на Анадыре — Дальнейший план путешествия — Празднества во время путешествия и празднование расставания с чукчами — Невозможность дать ответы на запросы г. Ринка — Тяжёлая болезнь Амвраоргина и отношение к ней чукчей — Разделение нашей экспедиции — Обзор пройденной нами страны — Её растительность — Фауна млекопитающих, дикий северный олень и охота на него — Фауна птиц — Обитатели страны — Число чукчей — Их торговля с американским племенем кергаулов — Неутешительные виды на эту торговлю и единственная возможность спасти чукчей от вымирания путём переселения их на запад — Торговля на Анюе и на Анадыре — Моя поездка в Гижигинск и обратное путешествие в Марково — Расстояние между Марково и Гижигинском; непостоянство погоды — Лес тянется только вдоль берегов рек, остальная местность представляет тундру — Камчатский хребет не является продолжением Станового хребта — Селение Пенжинское — Коряки и чукчи, близкое их родство — Отношение коряков к христианству — От Пенжины до Шестаковки — Оседлые коряки на Шестаковке; их жилища, нравы и занятия — Путь от Шестаковки до Гижигинска — Город Гижигинск — Возможность установления торговых сношений между Гижигинском и Среднеколымском помимо Якутска — Обратное путешествие в Марково; снежный обвал — Мухомор (*Amanita muscaria*) как одуряющее средство у коряков — Возвратное путешествие из Марково в Нижнеколымск — Чукчи Хотто и Менка — Вероятное исчезновение языка чуванцев — Планы дальнейшего путешествия — Отправление и путь до стоянки Амвраоргина; описание пройденного пути и встречавшихся хребтов в частности — Перепись чукчей — Чукотская церковь на Эломбале — Поручение Императорской*

Академии Наук относительно посещения места находки трупа мамонта — Прибытие в Нижнеколымск — Поездки участников нашей экспедиции — Перепись чукчей и первая сдача ясака.

Насколько мы могли осмотреть местность с нашего возвышенного места, мы находились в самом устье Анадыря; к юго-юго-востоку от нас простиралось открытое море, а на запад большая, но довольно мелкая бухта, в которой находился остов потерпевшего в 1866 году крушение двухмачтового корабля. Последний принадлежал телеграфной компании и привозил нужные ей материалы. Как нам рассказали двое чукчей, оставленных сторожами при хранившихся тут товарах, корабль получил течь во время сильной бури; чукчи указали капитану бухту и ему удалось ещё вовремя ввести в неё своё разбитое судно. Затем все товары были перевезены на берег, из обломков корабля выстроены два маленьких блокгауза и все вещи спрятаны туда. После этого чукчи отвезли капитана и команду в Марково, а год спустя были доставлены в это селение и товары. К югу от нас возвышалась высокая группа скал; благодаря тому, что противоположный берег во всё время нашего пребывания был скрыт в тумане, нам так и не удалось определить представляли ли названные скалы остров или принадлежали правому берегу Анадыря. На карте Генерального Штаба обозначен в этом месте остров Глюмка, но тоже довольно неопределённо и, по-видимому, соединённым с материком. Как видно из составленной впоследствии карты, наш лагерь был расположен на левом берегу, к востоку от двух больших бухт — Нерпичьей и Онемена — и возвышался над уровнем прилива на $2\frac{1}{2}$ фута. Большим счастьем для нас было то обстоятельство, что остов разбитого корабля лежал в такой мелкой бухте и был так легко доступен: чукчи могли доставать оттуда необходимое для починки саней дерево и тотчас же с похвальным усердием принялись за это дело. На этом пустынном в другое время берегу закипела оживлённая деятельность. По прибытии мы сейчас же заметили на берегу Нерпичьей бухты несколько палаток, жители которых вскоре явились к нам, чтобы торговать. Их примеру последовали другие, так что стеклось немало народу, желавшего получить оленье шкуры для платья. Этот товар продавался по высокой цене, что указывало на ту зависимость, в которой находятся, да и

должны по существу дела находиться, оседлые чукчи от чукчей-оленоводов. Все люди, тут нами встреченные, принадлежали к так называемым анкалам или оседлым чукчам (слово анкал значит, собственно говоря, «у моря» и просто обозначает каждого, кто живёт при море). Они отправились на Анадырь с целью ловить рыбу и намеревались, по-видимому, остаться здесь ещё на довольно продолжительное время, а впоследствии принять участие в имевшейся скоро ввиду ловле диких оленей у Чекаева на Анадыре. Судя по их рассказам, жизнь их довольно-таки нищенская, так как им очень трудно получить от моря столько, сколько нужно для их пропитания. Да притом море может в самом лучшем случае только прокормить, но одежды, особенно зимней, оно не доставляет, потому что шкуры моржей и тюленей не годны на тёплую одежду. В последнем отношении жителей несколько вознаграждает лов оленей на Анадыре, но он недостаточно обилен для того, чтобы покрывать весь спрос на олени шкуры со стороны достаточно густого населения мыса Пээк и его окрестностей. Насколько хватает возможности, чукчи-торговцы привозят с собою ровдуги, но им не удаётся вполне удовлетворять потребителей, потому что в их распоряжении находится немного упряжных животных; кроме того, по сходным ценам шкуры можно получить только на Анюе, но не в Марково. От прибрежных жителей со всех сторон слышались жалобы, что прежде морские промыслы были много прибыльнее, что они имели тюленьи шкуры, моржовые клыки, да и рыбу в достаточном количестве для того, чтобы выменивать их у чукчей-оленоводов на необходимый материал для зимней одежды; но с тех пор как американцы начали ловлю тюленей и моржей у самого берега, добыча, выпадавшая на долю чукчей, стала много беднее, а нужда сильно возросла. Было много безутешной покорности судьбе в этих рассказах несчастных людей, которые сознавали, что они приближаются верными шагами к гибели. Многие из них стараются помочь себе тем, что поступают сначала работниками, а затем пастухами к стадовладельцам, которые странствуют спорадически по всей стране. Но в общем население не прониклось, по-видимому, ещё сознанием безусловной необходимости покинуть море и начать переселение на запад, что представляет единственное средство избежать окончательной гибели.

Кроме этих оседлых чукчей, нас посещали ещё так называемые айгваны, остатки народа, по-видимому эскимосского племени, которые спорадически живут среди оседлых чукчей до мыса Пээк и уже сильно смешались с последними. Айгваны по наружному виду очень мало отличаются от оседлых чукчей; летние палатки, — которые я только и видел, — у тех и других тоже очень сходны; но я слышал, что зимою айгваны зарывают свои жилища наполовину в землю, чтобы было теплее. Они пришли на Анадырь частью для того, чтобы заняться тут рыбною ловлею, а частью для торговли с нашими чукчами, но со своей стороны имели очень мало что предложить. Число представителей этого племени, как говорят, не очень велико; кажется, что в очень непродолжительном времени они совершенно сольются с чукчами. Уже теперь почти утратились отличительные черты их типа, их различаешь исключительно потому, что одни говорят только по-чукотски, а другие кроме чукотского языка имеют ещё свой собственный. Смешанные браки и совместная жизнь сделают, конечно, своё дело и айгваны мало-помалу исчезнут с лица земли.

Между тем стала приближаться зима, ночные *minima* стали спускаться много ниже нуля, было уже несколько метелей, птицы усиленно потянулись к югу, и мы ежедневно наблюдали их перелёты на тёплые зимние квартиры. Пришло и нам время пуститься в обратный путь, тем более, что нарты были приведены снова в порядок, а олени порядочно оправились на здешних хороших пастбищах. Амвраоргин полагал, что оставалось ещё кое-что сделать, но по-видимому не желал оставаться дольше в обществе своих соплеменников, живших у моря. Дело в том, что меновая торговля с бедными людьми всё более и более обращалась в раздачу подарков с его и в изъявлении благодарности с их стороны, а он, по-видимому, полагал, что уже достаточно сделал сообразно своему положению. Поэтому 3 сентября мы сняли наши палатки и направились сначала по старой нашей дороге вдоль левого берега Нерпичьей бухты. После двухдневного, довольно медленно совершённого путешествия, мы снова остановились на шесть дней, чтобы привести в полную исправность сани и затем уже окончательно двинуться обратно. 17 и 18 сентября выпал достаточно глубокий снег, который уже не стаивал и дал нам возможность снова воспользоваться санным путём. Сначала, конечно, мы двигались вперёд довольно тихо, так как высокие кочки

всё ещё выдавались, но путешествие пешком кончилось и это уже могло быть встречено с радостью. Стало уже холоднее, термометр обыкновенно показывал от 5 до 8° мороза по Реомюру, что для оленей составляло большое облегчение. Очень резко бросалось в глаза большое количество попадавшихся нам диких оленей. Мы и раньше натыкались на незначительные стада их, но преимущественно на одиночных. Теперь же мы видели оленей ежедневно стадами по несколько сот штук, а одно из них заключало много тысяч голов. Оно держалось на пригорке, находившемся очень близко от того места, где мы расположились лагерем, и, по-видимому, нимало не боялось нас. Амвраоргин выпросил себе у меня заряжавшееся с казённой части ружьё и направился к стаду на своих, запряжённых парой оленей беговых санках. Животные так близко подпустили его к себе, что ему удалось убить пятерых из них прежде, чем остальные стали приходить в беспокойство. Несмотря на то, что пало пять оленей, стадо медленно оставило своё место, да и то только тогда, когда к нему подошли несколько чукчей, чтобы подобрать застреленных животных. 23 сентября некоторые небольшие речки успели уже замёрзнуть, а в более значительных оказалась масса грунтового льда, так что местами вся галька русла реки была покрыта толстым слоем последнего. Этот лёд постоянно отделялся большими кусками от дна реки, захватывая с собою много мелких камешков, но на освобождённом месте в необыкновенно короткое время тотчас же появлялся новый. Когда эти плавучие, имевшие вид пропитанного водою снега, куски вынимаешь из воды, то замечаешь массу необыкновенно тонких ледяных табличек. Последние не примерзают крепко друг к другу, но и не прилегают неплотно одна к другой, — они скорее делают впечатление, будто они врезались друг в друга благодаря своей многоугольной форме. Хотя вся масса образует один кусок, но отдельные таблички легко выделяются безо всякого повреждения целого. Камешки, которые часто находились под табличками, примерзали только к некоторым из последних. 25 сентября мы пришли к Танюеру, большому левому притоку Анадыря, но не могли его перейти потому, что он, хотя и был покрыт льдом, но последний был ещё настолько тонок, что не допускал перехода стада оленей. Мы должны были оставаться до 2 октября, когда чукчи объявили, что лёд достаточно окреп для переправы. Мы находились, вероятно, на полпути в Марково; я охотно отправился

бы вперёд на лёгкой нарте и выслал бы на встречу моим товарищам сани, запряжённые собаками, чтобы покончить, наконец, путешествие в сообществе чукчей. Но это ещё не могло состояться потому, что по данным, собранным нами у одного богатого чукчи-оленевода, посетившего нас, мы всё ещё слишком далеко находились от ближайших русских поселений, чтобы добраться до них без ночёвки на пути. Поэтому нам приходилось по крайней мере один раз кормить животных, а по мнению чукчей последнее было довольно рискованно; легко могло случиться, что во время нашего сна олени убежали бы обратно к стаду, с которым они в продолжение долгого времени были неразлучны, а нам пришлось бы остаться ни при чём. Вследствие этого не было другого исхода, как оставаться с чукчами до приближения к какому-либо русскому поселению, достичь которого в скором времени мы имели надежду потому, что делали теперь значительные переходы. Тем не менее прошло ещё около двух недель прежде, чем Амвраоргин сказал мне, что мы в тот же день можем доехать до русских селений, если отправимся налегке вперёд. Это было исполнено, и мы поехали на лёгких санках. Наш путь лежал по долине маленькой речки, впадавшей в Анадырь; ехали мы довольно скоро и к полудню достигли местечка Утёщики, по-чукотски называвшегося Энмот, где находилось два или три блокгауза, представлявших для нас давно желанное зрелище. Но что в высшей степени заинтересовало меня, — это масса убитых оленей: много их лежало ещё неободранными в кучах, но с большинства шкура была снята и туши разрублены на большие куски. Один из блокгаузов был наполнен ими до самого потолка. От престарелого юкагира, который жил в одном из блокгаузов и, по-видимому, был сторожем, мы узнали, что как тут, так и вниз, и вверх по течению от этого места происходила ежегодная охота на оленей, которая в этом году была очень удачна. Сюда уже приезжало много нарт, чтобы увозить оленей, но более тысячи штук их лежало ещё на берегу. Говорили, что это было то место, которое в старину называлось Чекаевым и в котором охоты на оленей происходили ещё во времена древнего острога. Интересно было бы посмотреть, как велико общее количество убиваемых при такой ловле животных, потому что число остававшихся ещё на месте оленей можно было считать далеко за тысячу. Рассказывали также, что значительная часть добычи была кроме того истреб-

лена пожаром: здесь находился ещё один, тоже сверху донизу наполненный битыми животными блокгауз, который загорелся, вероятно, от неосторожности, и весь запас был уничтожен. От сторожа мы узнали, что в данное время нарт тут не было, но что скоро можно было ожидать прибытия их из Марково за мясом. Однако ждать их нам казалось слишком долгим, а потому мы дождались прихода каравана, прошли с ним вместе ещё некоторое время, а затем, 17 октября, я с Амвраоргиным отправился вперёд в Марково. Едва мы сделали по реке около двадцати вёрст, как нам повстречались четыре нарты, запряжённые собаками. К счастью мы заметили друг друга ещё вовремя, так что довольно опасная встреча сошла без дальнейших неприятностей. Мы отослали оленей обратно, а я с Амвраоргиным поехали на двух нартах далее вверх по реке. Снег на реке был плотен, собаки находились в хорошем состоянии, так что мы быстро подвигались вперёд. Дорога вела сначала вверх по самому Анадырю, затем по Маину, его большому правому притоку и по берегу большого острова, который образуют при своём соединении Анадырь и Маин. Замечательным было то обстоятельство, что как только мы свернули на Маин, на нашем пути по обоим берегам реки потянулся высокий кустарник из ивняка, сильно отличавшийся от той мелкой ивняковой поросли, с которой мы встречались всё лето. Это не были ещё деревья, но тем не менее стволы ив в два дюйма диаметра и в две сажени высотой производили на мои неизбалованные глаза очень приятное впечатление. Ночь на 19 мы провели в юрте, принадлежавшей людям, которые находились здесь для рыбной ловли. Они тоже рассказывали о ловле оленей и были очень ею довольны, как и рыбной ловлей, которая была тоже удачной. Кроме прекрасной рыбы, нам предложили одно блюдо, продукт охоты на оленей, которое в тех местах очень ценится, да и в самом деле довольно вкусно. Оно состоит из мозга, вынутого из костей задних ног, и из головного мозга оленей; их варят вместе в котле и наполняют ими желудок животного. Приготовленный таким способом род колбасы кладут в ледник и сохраняют. Колбаса подаётся на стол в замороженном виде, причём её колют на куски подобно тому, как у нас сахар, и затем едят с солью и сухарями. Я надеялся приехать в Марково 19-го, но это не удалось; сначала мы спустились по рукаву Маина, который ведёт к западному углу острова, и проехали мимо домов,

представлявших из себя уцелевшие до сих пор остатки бывшего селения. Спустя приблизительно 60 лет после уничтожения Анадырского острога, собирались устроить новое место для меновой торговли между жившими по Анадырю кочевыми и охотничьими племенами; для этого избрали западную оконечность довольно высокого Анадырского острова, при устье западного рукава Маина, носящего название Прорвы. Посёлок был основан для торговли и обмена товаров, а вовсе не с военными целями; но в виду того, что место было всё же очень уединённо, церковь и строения окружили деревянной стеною, что, по всей вероятности, послужило поводом назвать и это селение острогом или крепостью; поэтому многие полагали, будто оно основано на развалинах прежней пресловутой крепости Анадырска. Но старожилы очень хорошо помнят, что старая крепость находилась около десяти вёрст выше теперешнего Марково; они уверяют также, что её уничтожили до самого основания и уже через несколько лет место, где она находилась, можно было узнать только по прогалине в лесу. В настоящее время и последняя уже мало заметна, потому что с одной стороны она заросла лесом, а с другой — русло реки расширилось и течением снесло большую часть того места, где прежде стояла крепость. Впоследствии нашли более удобным перевести селение с острова и переселить его жителей на 40 приблизительно вёрст выше, на правый берег Анадыря, — это и есть теперешнее Марково, куда мы в настоящее время стремились. Но так как собаки утомились, мне пришлось ещё раз заночевать в хижине рыболовов, обитатели которой прибыли сюда из Марково для ловли рыбы вершами и ставными сетями. Отсюда мне оставалось сделать только 20 вёрст, а потому я выехал рано по утру, чтобы иметь ещё в распоряжении день. Кустарные заросли по обоим берегам реки становились всё выше и выше, а десять вёрст не доезжая Марково появился настоящий лес, которого мы не видели в течении пяти месяцев. Тому, кто не жил долго в совершенно безлесной местности, трудно понять, что одного вида оголённых зимою деревьев достаточно, чтобы вызвать уже чувство бодрости и удовольствия. Тем не менее это так: кажется, что ты не один, что ты не покинут, что чувствуешь под собою снова твёрдую почву и можешь легко противостоять тем неприятностям, которые человек часто испытывает на крайнем севере. Летом чувство это гораздо слабое. Пу-

стынная тундра или степь и в это время производит гнетущее впечатление своим однообразием, но её вид никогда не приводит человека в такое подавленное настроение, как зимний ландшафт необозримой снеговой поверхности, по которой с бешеной силой несётся снежная буря, оставляя только одно средство к спасению: — спокойно оставаться на месте, где она тебя настигла, томиться часами, а часто и целыми днями, пока она перестанет свирепствовать и даст тебе возможность продолжать твой путь. Лес, который мы встретили здесь, под Марково, не состоял, конечно, ещё из лиственницы, а только из тополя и рябины. Это являлось доказательством того, что собственно лесная область ещё не начиналась. Действительно, дерево, которое образует настоящий сплошной лес к северу от Верхоянского хребта, — есть всегда лиственница, все же остальные породы встречаются спорадически.

Скоро я прибыл и в Марково. Местечко это состоит из нескольких, около 20, домиков и из маленькой часовни, где богослужение совершает живущий в Марково миссионер для чукчей и коряков. Жители Марково частью русские, частью юкагиры и чуванцы. Эти инородцы совершенно обрусели и едва знают свой собственный язык; в особенности чуванский язык можно считать совершенно исчезнувшим, потому что единственный человек его знавший, старик 117 лет от роду, умер за несколько лет до моего посещения Марково. Эти обрусевшие юкагиры и чуванцы, которые живут частью в Марково, частью в разбросанных по Анадырю и острову Маину хижинах, пришли сюда с Анюев в то время, когда там оскудели — как мы уже говорили раньше — оленьи и рыбные промыслы; с ними же пришло и несколько русских. Впоследствии из Гижигинска по распоряжению тамошнего исправника была переведена сюда небольшая команда казаков под начальством одного урядника, который несёт здесь полицейскую службу. Вследствие этого возникло такое странное положение, что юкагиры и русские, в судебном и полицейском отношении фактически зависящие от Гижигинска, считают себя принадлежащими к Колымску: оттуда они пришли, платят туда свои подати и оттуда же утверждаются их старосты. Таким образом они подчинены двум совершенно различным областям, потому что Колымск находится в административной зависимости от Якутска, а Гижигинск от Благовещенска на Амуре.

В Марково был своего рода голод. Рыбы и мяса было у жителей к счастью вдоволь, так как летняя и осенняя ловля была удовлетворительна, но зато вышли все запасы продуктов, которых тамошняя местность не производила, а это давало-таки себя чувствовать. У них не было ни муки, ни крупы, ни чаю, ни табаку, — старые запасы вышли, а новых ещё не привезли из Гижигинска. Поэтому более зажиточные жители, а особенно миссионер и урядник уже давно с нетерпением ожидали моего прибытия, в надежде, что им удастся кое-что получить заимообразно из моих запасов, присланных весною в Марково. Мою собственность они усердно берегли, но сознались мне, что им было подчас довольно трудно удержаться, чтобы не вскрыть мешок с мукою в то время, когда у них наступила бесхлебица. В данную минуту я мог ссудить их только мукой, чаю же и сахару у меня здесь не было: все запасы того и другого шли с караваном. Вследствие этого миссионер и урядник, чтобы получить скорее напиток, без которого трудно обойтись сибиряку, решили отправиться со мною, когда я 23 октября поехал с несколькими нартами с целью доставить моих спутников в Марково. Поэтому мне представился случай путешествовать в обществе, что было очень приятно. Ввиду того, что караван безостановочно шёл вперёд, сам Амвраоргин не знал наверное, где его найти, а потому нужно было приготовиться к нескольким бесполезным поездкам для его розыска. Так оно и случилось: в бывшем селении на острове, где по нашим расчётам должен был находиться наш караван, мы его не нашли и ехали ещё целый день и ночь пока ранним утром, когда ещё было темно, по внезапному оживлению наших собак не догадались о его близости. Мы застали его как раз в то время, когда оленей вогнали в круг, чтобы запрягать.

Было решено сделать отдых в этот день, так как путешествие в Землю Чукчей можно было считать оконченным и нужно было сделать распоряжения на будущее время. Сам я собирался отправиться в Гижигинск, чтобы переговорить с тамошним исправником о некоторых делах, касавшихся чукчей и коряков; мне было также очень важно узнать, какие народы живут на протяжении шести или семи сот вёрст от Анадыря до Гижигинска в виду того, что телеграфная линия должна была идти между этими двумя пунктами. Нейман хотел произвести наблюдения сначала в Марково, а затем возможно скоро отправиться в Нижне-

колымск, чтобы сделать отсюда экскурсию на группу Медвежьих островов, где ему предстояло тоже сделать магнитные наблюдения. Фельдшер и топограф должны были тотчас же отправиться в Нижний и на первых порах оставаться там. Амвраоргину тоже нужно было некоторое время остаться в Марково; ему было очень важно собрать верные сведения о чукотской ярмарке, имевшей там место в конце декабря или в начале января; эта ярмарка вовсе не нравилась не только жителям Колымска, но и чукчам с Анюя, так как она отвлекла с Анюйской ярмарки значительную часть и без того уже уменьшившегося в количестве пушного товара. Благодаря такому разнообразию миссий участников нашей экспедиции, нужно было предпринять разделение нашего каравана, что конечно требовало остановки. Целый день делили и упаковывали багаж, а вечером я решил отпраздновать расставание с нашими верными и, надо сказать, очень внимательными и услужливыми спутниками.

Прежде всего нужно было щедро наделить всех табаком; далее важную роль, в качестве усладительницы жизни, играла водка и, наконец, для наших спутников было величайшим лакомством всё, что готовилось из муки. Чукчи питаются исключительно мясом в силу того, что земля их другого ничего не производит, но потребность человеческой природы в растительной пище настолько сильна, что они ищут её где только возможно. Так чукчи, живущие на морском побережье, охотно едят примытые к берегу водоросли; в тех случаях, когда я желал получить последние, я должен был присутствовать при самом вытаскивании сетей из-под льда, — в противном случае женщины и дети тотчас же поедали всякие морские растения. Чукчи-оленоводы с большим рвением собирают известные растения, корни и клубни которых не очень тверды, и варят их вместе с мясом. Если желаешь привести их в весёлое расположение духа, то стоит только насыпать несколько пригоршней муки им в котёл, в котором они варят оленину; особенную радость вызывало это обстоятельство среди женщин и детей. Руководствуясь этими соображениями я и приготовил пиршество при расставании. Уже во время самого путешествия, по большим церковным праздникам и в царские дни (день Св. Троицы, Тезоименитство Государя Императора, день Коронации) мы всегда останавливались на отдых и праздновали их. Особенно торжественно справляли мы Тезоименитство Государя Императора, причём были устроены всевозможные игры и воздвигнут

высокий деревянный крест из двух самых длинных брёвен, какие мы могли найти в остоле потерпевшего крушение корабля. Чукчи очень искусно срубили этот крест, а топограф украсил его вензелем Государя с обозначением дня и года празднества. Затем все присутствовавшие, между прочим и гости из чукчей, торжественно направились на высшее место прибрежной горы, чтобы водрузить там крест. Процессия удалась очень хорошо, причём особенно выделялся Амвраоргин в своём красном мундире, увешанном медалями. Самым слабым местом празднества была стрельба: по обычаю нам следовало сделать 101 выстрел, но, конечно, мы не имели необходимых на то пушек. Всё, что мы могли дать в этом отношении — это десять выстрелов из наших двустволок и из ружей казаков; сибирские винтовки (56), которых мы имели несколько, не могли способствовать торжественности. так как выстрелы из них очень тихи. Мы производили, таким образом, друг за другом десять выстрелов, после чего наступала пауза, во время которой заряжали ружья и кричали «ура!», исполнявшееся чукчами с большою энергией. Сделав 100 выстрелов, мы произвели последний, сто первый, из всех ружей сразу, что вышло очень удачно и эффектно. Стрельба происходила не совсем по правилам, но намерение было доброе, а так как наша публика была не европейская, а полудикая азиатская, то и это произвело на неё сильное впечатление. Надел табаком и водкой сделал своё дело, и все участники остались очень довольны.

Несмотря на продолжительное путешествие, сильно истощившее мои запасы, я всё же и в этот день мог кое-чем угостить чукчей. Спирту было у меня, действительно, очень мало, но зато и публика моя была не избалована; щедро разбавив спирт водой, я получил достаточное количество влаги, которая в других местах уже не считалась бы за годную водку, но тем не менее привела весь наш чукотский персонал в настроение высшей степени шумливой весёлости. Им действительно удалось напиться совершенно пьяными; они танцевали и катались по снегу, но всё обошлось без нарушения порядка и без ссор, хотя спектакль продолжался всю ночь и празднеству, по-видимому, не предвиделось конца. При этом чукчи истребляли массу сухарей, чаю и ячменной каши, сваренной просто на воде, без всяких приправ; эта последняя, была для них, по-видимому, деликатесом. В то время, как все вокруг нас веселилось и радовалось, на нашу долю выпало удовольствие другого рода. Именно,

поздно вечером пришла почта из Колымска и привезла нам, между прочим, письма из Якутска и с родины. Было много чего почитать, много о чём подумать, потому что каждый что-нибудь да получил; было также несколько газет, в которых, впрочем, не заключалось ничего особенно интересного кроме известия, что Королева Изабелла покинула Испанию. Мне было очень досадно, что я только с этою почтою, т.е. уже слишком поздно, получил некоторые сведения о племенах эскимосов. Эти сведения, содержавшие эскимосские рассказы и рисунки эскимосов, были посланы мне г. Ринком чрез Императорскую Академию Наук; мне поручалось узнать не известны ли эти рассказы также и упомянутым выше айгванам (57). Конечно ещё вопрос, удалось ли бы нам собрать эти данные, потому что при сношениях с айгванами нам пришлось бы пользоваться в качестве переводчиков чукчами, которые в свою очередь говорили с нами через переводчика. Таким образом, всё сообщённое выдерживало бы два перевода, притом крайне несовершенные. Во всяком случае, если бы вышеупомянутые сведения получились раньше, мы могли бы попытаться сделать всё возможное по этому поводу.

На следующий день я собирался отправить Неймана в Марково, но нам удалось доехать только до селения на острове, где предстояло остаться ещё на один день, так как было забыто кое-что из багажа. Тут с нами случилось приключение, которое легко могло бы иметь дурной исход: старик Амвраоргин внезапно и серьёзно захворал. Вообще он был человек железного здоровья, а потому я полагал, что дело не представляет важности, когда он объяснил мне через переводчика, что у него сильно болит живот. Принял ли я болезнь за последствия вчерашнего торжества, или потому, что мне не совсем правильно объяснили в чём заключается недомогание, но, полагая, что дело идёт о простом поносе, я дал ему значительную дозу опия и думал, что этим всё и кончится. Но болезнь приняла дурной оборот; после полудня меня позвали к нему: он катался от боли на своей постели, живот был очень вздут и у него был сильный жар. Что теперь было делать? Фельдшер полагал, что помочь в данном случае мог только каломель, который и был тотчас же дан больному. После того, как он принял один за другим несколько порошков с перерывами в два-три часа, а действие тем не менее не наступало, я очень сильно перепугался, особенно тому, что фельдшер сказал, что

продолжать давать каломель более невозможно, он же не знает чем помочь далее. Интересно было поведение чукчей. Сначала они вовсе не обратили внимания на болезнь своего ерема, но когда заметили, что он не поправлялся, что мы постоянно приходили к нему, щупая, вероятно с озабоченным видом, пульс, — чукчи стали очень внимательными и спрашивали, что могло бы это означать. Я им прямо сказал, что боюсь плохого исхода, так как лихорадка очень сильна, а я не могу решиться дать снова трижды им уже принятое лекарство. С этой минуты вокруг дома, где мы остановились, воцарилась мёртвая тишина, хотя перед ним собралась масса народа, потому что известие об опасной болезни ерема тотчас же дошло до расположившегося в десяти верстах лагеря; каждый, кто только имел возможность, явился сюда. Но кроме наших спутников пришли сюда и другие чукчи, как жившие на Анадыре, так и прибывшие с Анюя. Весь этот народ очень тревожился за своего ерема. Было трогательно видеть, как тихо прокрадывались эти грубые, неуклюжие люди в комнату больного, чтобы взглянуть на старика, не причиняя ему тем беспокойства, и как жадно слушались другими сообщавшиеся ими шёпотом известия. Они приходили и ко мне, прося дать ему ещё лекарства и сообщить, что я думаю о его состоянии. Между тем дело становилось всё серьезнее; хотя мы не могли измерять температуру, но жар очевидно, был очень силен. Наконец, фельдшер заявил, что следует ещё раз попробовать дать каломель: положение было такое критическое, что повредить более ничто не могло, а между тем доза каломеля могла преодолеть данный мною опий и вызвать действие кишечника. Больной получил ещё раз лекарство и приблизительно через два часа оно подействовало, а вместе с тем миновала и опасность. Нейман вскоре после этого отправился, я же остался, чтобы ещё последить за больным, потому что каломель начал теперь действовать с большою силою; мне не хотелось оставить старика, пока он совсем не оправится.

Чукчи были очень обрадованы. Мне пришлось принять массу поклонов и ответить на них; это длилось очень долго, потому что они считали приличным явиться ко мне не разом, но благодарить меня по одиночке. Во всё это время мне было всё же приятно, что они не знают, насколько я был, вероятно, виноват в этом, самом по себе может быть и не серьёзном заболевании, дав несвоевременно опий. В ночь, когда больному было особенно плохо, волки утащили у Амвраоргина несколько оленей

и в том числе одного из его знаменитых бегунов, на которых он постоянно брал призы на Анюйской ярмарке. Очень опечаленный пастух пришёл заявить об этом своему господину, когда опасность уже прошла: он ждал упрёков, так как вместо того, чтобы оберегать как следует стадо, он тоже находился в селении. Но господин его принял известие очень благосклонно, а мне сказал, что этим он уплатил дань духу этих мест и теперь может быть спокоен: последний требовал жертвы, которая ему полагалась, он же охотно откупился своими бегунами за свою жизнь и здоровье.

Когда Амвраоргин совершенно оправился, он пожелал перед отправлением со мной посетить ещё раз свой лагерь. Тут его приняли в высшей степени торжественно. Полог его был наполовину откинут, в нём горела лампа; покрывало наружной палатки было приподнято и у входа в неё сидела ожидавшая его прибытия первая жена, Анна. Все присутствовавшие в лагере чукчи поспешили явиться и стали длинными шпалерами до самой палатки, так что Амвраоргин, подъезжая к ней на оленьих санках, проехал по этой живой улице, которая встретила его радостными восклицаниями и низкими поклонами. Затем его подняли с саней, и он подошёл к своей жене, которая тоже отвесила ему поклон до земли, после чего он поднял её, поцеловал и вошёл с нею в палатку, куда никто за ними на этот раз не последовал. Постоянно и во всём было заметно, что чукчи не только считали его за своего начальника, но и относились к нему с истинной любовью и уважением.

Теперь было окончено всё то, что нам было нужно сделать сообща. Караван пустился в путь с фельдшером, топографом и казаками на Большой Анюй, откуда они должны были направиться далее — в Нижнеколымск; я же с Амвраоргиным поехал в Марково. Здесь я сначала снарядил в дорогу Неймана, отправлявшегося на собачьих нартах прямо на Малый Анюй. С Амвраоргиным я условился, что он примет на себя хлопоты по переписи чукчей, необходимой в виду введения ясачной повинности, а затем снова вернётся в Марково, где и найдёт меня, потому что я собирался вернуться из Гижигинска ещё до Рождества.

Итак, этим мы снова закончили ещё часть нашего путешествия, и именно ту, от которой ожидали более всего, но которая дала нам довольно бесплодное странствование по средней части Чукотской Земли. Собранные нами данные оказались, поэтому, очень незначительными и

состояли преимущественно в составлении верной карты речной системы Анадыря, до тех пор почти вовсе неизвестной; кроме того, удалось проследить тут границу древесной растительности, хотя и ранее было уже известно, что весь северо-восток континента лежал вне пределов её. До нас эту область Биллингс перерезал зимою 1790-91 от Берингова пролива до Малого, а затем до Большого Анюев и нашёл, что она совершенно безлеса. Он шёл, конечно, по северной стороне того хребта, который, начинаясь от источников Анадыря и реки Чауна, тянется пологими, волнистыми возвышенностями к окрестностям мыса Пээк; но несомненно, что чукчи наверное предпочли бы идти по южному склону хребта, если бы им не было известно, что южные его склоны столь же безлеса, как и северные; хотя они и не страдали от холода в той мере, как Биллингс и его спутники, но всё же умели ценить преимущества ночлега у огня. Подобно тому как Биллингс приветствовал первый лес на истоках Малого Анюя, так и мы простились с ним на истоках Большого Анюя. Впрочем, на нашем дальнейшем пути мы трижды наталкивались на маленькие островки тополёвого леса, производившие странное впечатление тем, что они состояли из высокоствольных, красивых и совершенно прямых тополей, резко отличавшихся от корявых деревьев, которые вообще растут близ границы древесной растительности.

Далее на восток встречался только кустарник, состоявший преимущественно из представителей богатых здесь видами и индивидами ив. *Alnus incana* и *Betula nana* были тоже в значительном количестве; напротив, *Betula alba* и *Ribes rubrum* попались нам каждая по одному экземпляру; последние были совершенно корявы и стелились по земле своими, толщиной в линию, стволиками; при этом на кусте *Ribes* были мелкие, тёмно-красные, совершенно спелые ягоды. Кустарник, который сначала достигал ещё высоты человеческого роста, далее на восток становился всё мельче и мельче, пока, наконец, на морском побережье и вблизи его не достиг высоты 15-16 дюймов; он являлся тут в виде маленьких, круглых кустиков, так гладко подрезанных сверху, как будто о красоте местности заботился садовник со своими ножницами. Следует ещё заметить, что в долине маленькой речки, по которой мы ехали к Анадырю, намереваясь достигнуть места осенней охоты за оленями, встретился довольно частый кустарник *Pinus Cembra pumila*, который

мы менее всего рассчитывали найти здесь: этот вид к востоку от нижнего течения Большого Анюя нам нигде уже более не попадался. Впрочем, чукчи уверяли, что он встречается ещё довольно часто на нижнем течении Анадыря. Таким образом, вся обширная местность от водораздела Анадыря до моря представляет довольно пустынный, безотрадный вид. Кроме низкого кустарника тут есть ещё бесконечные, покрытые *Carices* кочковатые болота, часто прерываемые маленькими озерами; больших же водных поверхностей мы вовсе не встречали. В виду того, что на нашем пути туда мы придерживались южного склона хребта, можно было ожидать, что далее к югу, в долине Анадыря, озёр будет больше, но на деле оказалось противное: на обратном пути мы тоже не нашли больших озёр, хотя наш путь шёл как раз по анадырской низменности. Собранный нами гербарий определён Траутфеттером и показывает насколько флора этой местности бедна видами; точно также сразу бросается в глаза незначительность высоты всего растения в отношении величины цветка, — характерный признак растительности далёкого севера.

Соответственно флоре, и фауна очень бедна видами; особями она тоже не богата. Наиболее частыми её представителями являются различные виды утиных, голенастых и чаек. Из млекопитающих мы могли отыскать только медведя, волка, лисицу, дикого северного оленя, каменного барана (*Ovis nivicola*), *Spermophilus Eversmanni*, *Myodes torquatus* и ещё один вид лемминга, *Sorex sp.* и *Lepus hyperboreus*. Впрочем, в большом количестве попадался только *Myodes torquatus*, который встречался решительно повсюду. *Ovis nivicola* в прежнее время часто попадался на двух Барановых Камнях к востоку от Колымы, да и теперь ещё водится в довольно большом количестве в горах к востоку от Белой, где мы и убили два экземпляра. Лисица и песец (последний, конечно, только на морском побережье) в общем редки; охотятся за ними тоже не часто, так как чукчи не охотники. Кроме *Myodes torquatus*, за настоящего обитателя этой области можно признать только дикого северного оленя, потому что по числу особей он далеко превосходит всех остальных млекопитающих. Это животное встречается повсюду, хотя, как можно заключить из рассказов охотников и чукчей, олень в течение года и не держится стадами, а бродит самостоятельными семьями, со-

стоящими из одного самца с несколькими самками и детёнышами. Животных обыкновенно оставляют совершенно в покое; только пастухи тщательно наблюдают за тем, чтобы в стадо не замешался дикий самец, потому что последний легко уводит примкнувших к нему прирученных самок. С другой стороны, пастухи очень рады, когда их самки посещаются дикими самцами, потому что их потомство отличается быстротой бега и доставляет тех хороших бегунов, которых чукчи так высоко ценят. Поэтому время от времени они допускают диких оленей в стадо и помечают самок, с которыми они сходились, но при этом должны очень тщательно наблюдать за тем, чтобы последние не были уведены. Когда приближается осень, отдельные самцы с их семьями примыкают к более крупным стадам, пока наконец не образуются громадные стада в несколько тысяч голов, и олени не подготовятся мало-помалу к путешествию на юг. Это и есть то время, когда начинают с большим вниманием следить за передвижениями животного. Ещё раньше, чем начнётся переселение, многие ловкие разведчики проходят дикие места левого берега Анадыря, чтобы разузнать, где именно начинают собираться стада и в каком направлении они двигаются. По стародавнему опыту переход через реку издревле происходит в Чекаеве; этим именем не обозначают какое-нибудь определённое место, но часть течения реки вверх от впадения Танюрера, берег же вниз от последнего называется Красным. Но эта местность тянется на протяжении более сотни вёрст и таким образом место охоты может быть намечено только приблизительно: каждый год нужно точно определить, где животные перейдут через реку. Около конца августа со всех сторон собираются жители Анадыря — юкагиры, чуванцы, чукчи и коряки, — чтобы сообща принять участие в этом важном деле. Это очень утомительная работа, которая требует громадного терпения и выдержки и сопряжена с большими лишениями. Как было уже ранее сказано, во всё это время не только нельзя сделать выстрела, но люди не позволяют себе развести даже огня для варки пищи или сторожевого костра, чтобы не возбудить ни малейшего подозрения пугливого животного. Начинаются более усиленные разведки, на основании которых люди делятся на группы, располагающиеся в тех местах противоположного берега, на которые указывает всё более и более определяющееся направление хода стад.

Наконец, узнают приятную весть, что большое стадо приближается к какому-нибудь совершенно определённом пункту. Приближение к реке совершается всегда в строгом порядке. Всё стадо делится на фаланги с широким фронтом и в пять или шесть шеренг; впереди идут не самцы, а несколько самок. Люди объясняют это тем, что старые самцы, благодаря своим большим рогам, слишком тяжеловесны и неповоротливы, чтобы нести тяжёлую службу предводителей. В самом деле, старый самец, каких иногда встречаешь и между приручёнными оленями, имеет рога, которые вовсе не соразмерны с его малым и слабым телом, так что кажется, что он несёт их с видимым усилием, а потому всегда передвигается с места на место тяжело и неуклюже, с низко опущенной головой. В то время, как стадо медленно идёт на погибель, люди с лихорадочной поспешностью, но в глубокой безмолвной тишине подготавливаются к его встрече на противоположной стороне. Охотники располагаются тут на берегу, расставляют в различных местах свои лодки и тщательно маскируют их срубленными ивовыми ветвями. Главные деятели наступающего теперь момента охоты, люди, принимающие на себя труд убивать животных, садятся в свои ветки (58); это маленькие лодки, сбитые всего из трёх досок, предназначенные только для одного человека и снабжённые рулевым веслом; охотник вооружён копьём и с своей стороны должен принимать всевозможные предосторожности, чтобы не быть замеченным. Теперь всё готово; последующих событий ждут, притаив дыхание и с величайшим вниманием. До сих пор всё шло хорошо, но, пока животные не вошли в самую реку, нельзя рассчитывать на верную удачу охоты: не редко бывали случаи, когда большим прекрасным стадом, находившимся уже на берегу реки, овладевало подозрение и оно поворачивало обратно. Прежде всего, конечно, нужно принять во внимание направление ветра, чтобы подозрительные животные, не почуяли близости человека, не дойдя ещё до реки: дикий олень более доверяет своему чутью, чем зрению. При встречном ветре к оленю очень легко подкрасться с ружьём; часто даже животное в этом случае стоит неподвижно долгое время, пристально смотрит на приближающегося человека, не думая о бегстве, и вовсе не трудно подойти к нему на выстрел. Если же ветер попутный охотнику, то боязливое животное пускается наутёк, почуяв его уже издали, и о стрельбе нельзя и думать.

Наконец в глубокой тишине раздаётся тихое хлопанье; это шум, постоянно производимый оленьим стадом и происходящий от того, что короткие задние копытца животных ударяются одно о другое; его слышно на довольно большом расстоянии. Вскоре после того на береговом вале появляется лес рогов первой фаланги, предводительствуемой четырьмя или пятью самками. Делается последняя остановка: высоко подняв голову и расширив ноздри, предводительницы ещё раз обнюхивают воздух со всех сторон, ещё раз испытующим взглядом окидывают противоположный берег и, не заметив ничего подозрительного, медленно спускаются к реке и входят в воду; за ними тотчас же следует фаланга, а затем и следующие, чтобы идти на свою погибель уже без остановки и без возврата.

Как только первая фаланга пустилась вплавь, ветки, которыми пловцы управляют при помощи длинной, тонкой жерди с лопаткой на каждом конце, устремляются на животных: охотники имеют теперь свою задачу левой рукой управлять лодкой, а правой — бить животное в сердце длинным, тонким копьём. Для этого нужна большая доля хладнокровия и ловкости, потому что человек держится перед фронтом плывущих животных и непрерывно вонзает в них своё копьё и вместе с тем не должен подпускать к себе оленей: животные в этом случае кидаются с испуга на ветку, которая, легко опрокидывается, возвышаясь бортами над поверхностью воды всего на два или самое большее на два с половиною пальца. Единственное спасение в таком случае для охотника, который, как и все сибиряки, никогда не умеет плавать, ухватиться за одного или двух сильных животных и тем заставить их вынести себя на берег. В виду того, что бой оленей далеко не безопасен, издревле выработалось правило, по которому люди, убивающие животных, помимо своей обычной части в качестве участников охоты — все добытые животные разделяются между последними поровну — получают ещё всех тех оленей, которые достигли берега и там только свалились. Это, само по себе очень простое соглашение, судя по жалобам народа, было причиной частых злоупотреблений; дело в том, что недобросовестные люди преднамеренно не попадают в сердце, а прокалывают только лёгкие; таким образом животные достигают берега и, пробежав небольшое пространство, тут уже издыхают. Принимали меры к

тому, чтобы исключать таких недобросовестных людей из числа убивающих, но применять эти меры на деле оказалось весьма трудно, потому что число годных на такую работу очень ограничено и *nolens volens* приходилось примиряться с положением вещей.

В то время, как убивающие невозмутимо совершают своё кровавое дело, лодки направляются на реку, перехватывают плывущие вниз по течению трупы и тащат их на отмели реки, где они на первых порах и остаются: дела в это время по горло и нужно стараться только о том, чтобы ни одно животное не ускользнуло. Весь остальной народ остаётся на берегу, дожидаясь момента, когда стадо приблизится к берегу, тогда все кидаются в воду на встречу животным, идя до такой глубины, до какой позволяет человеческий рост, и здесь продолжают избивать оленей. На этом охота и кончается: как только стадо почувствовало под ногами твёрдую почву, оно бешено уносится прочь.

В том случае, когда добыча обильна, как и было в год нашего путешествия, наступает непосредственно после охоты жаркая работа. Прежде всего животных нужно выпотрошить и начать это дело без промедления; затем трупы кладут опять в воду, в которой они сохраняются лучше, чем на воздухе. После этого с них начинают сдирать шкуру и рубать туши на куски; в случае холодной погоды последнее может быть и отложено. Только теперь люди имеют время осведомиться была ли охота удачна и в других местах; если и тут работали с прибылью, радости нет конца, потому что все со спокойным сердцем могут встретить долгую, тяжёлую зиму.

Из остальных млекопитающих могут быть приняты в расчёт, как предмет охоты, только волк, да ещё росомаха; последняя встречается, однако, в собственно Чукотской Земле, очень редко, так как она не находит здесь достаточно добычи. Шкуры обоих животных ценятся чукчами очень высоко; это доказывает, как сильно зависит ценность меха от вкуса потребителей, а не от той пользы, которую человек мог бы извлечь из него. Чукчи, которые сами привозят на ярмарку самые дорогие лисьи и куньи меха (чукотская куница принадлежит к самым лучшим сортам этого рода), вовсе не дорожат ими и никогда сами их не носят. С другой стороны, зажиточный чукча очень стремится к тому, чтобы иметь зимнюю шапку из белого полярного волка и ценит её тем выше, чем она белее. Вследствие этого белые волчьи шкуры имеют непомерно

высокую цепу. Далее, для приличной одежды необходимо, чтобы обшлага и ворот были обложены полосками меха росوماхи. Хотя эти животные и водятся на всём севере Сибири, но нигде не встречаются достаточно часто для того, чтобы за ними можно было вести правильную охоту (59); вследствие этого происходит странное явление: якутские купцы, которые вывозят из Чукотской Земли только одни меха, должны сами привозить туда шкуры росوماх, если желают торговать с чукчами. Чукча ценит такую шкуру тем выше, чем она пестрее, т.е. чем шире и ярственнее выступают белые полосы, которые животные имеют на спине и боках. Во время переговоров между купцами на Анюйской ярмарке шкуры росوماхи играли большую роль; в придачу к каждым двум пудам табаку давалась одна подобная шкура, но не в качестве продаваемого товара (что запрещалось правилами Трескина), а в виде подарка; чукчей старались приманить ещё тем, что каждый купец выдавал свои меха за лучшие.

Много богаче, чем класс млекопитающих, класс птиц. Зимой, конечно, и он очень беден, и я сомневаюсь, чтобы в области оставалась какая-либо другая птица кроме ворона (*Corvus corax*), белой совы (*Stryx nyctea*) и белых куропаток (*Lagopus albus* и *Lagopus alpinus*); действительно, в этой земле, лишённой деревьев, нечего искать даже дятлам, которых в остальных местах Якутской области слышно повсюду, где есть какой-либо лес. Ворон, как кажется, чувствует себя зимою лучше всех остальных птиц и идёт на север дальше всех их: Нейман видел и слышал его на море, высоко в воздухе, много севернее Медвежьих островов. В мае месяце пустынные места начинают оживать; в виду того, что мы имели в нашем распоряжении пять ружей и двигались очень медленно и постоянно, я думаю, что мы собрали почти все виды, которые тут живут. К сожалению, наша большая коллекция, состоявшая из 446 номеров шкурок из Чукотской земли, а также другая меньшая, заключавшая более 120 номеров с Колымы, не попали в Петербург, подобно гербарии и собранию рыб, а остались в Иркутске, где и погибли в 1879 году во время большого пожара вместе с ценным собранием тамошнего музея Географического Общества. Поэтому я могу привести здесь только каталог, составленный во время пути по Палласу и Миддендорфу для того, чтобы ориентироваться, и указать в общих чертах

те виды, которые избирают для своего летнего местопребывания посещённую нами область. Между певчими птицами славки были самыми многочисленными; в течении мая и июня пустынные места особенно оживлялись весёлою песнью двух прекрасных певцов — красношейки (*Sylvia Calliope*) и варакушки (*Sylvia coerulecula*); щеврицы (*Anthus arboreus* и *Anthus cervinus*) их часто поддерживали в этом прекрасном занятии. В противоположность представленным различными видами славкам, представительницами овсянок являются только два вида дорожников — *Plectrophanes lapponica* и *Plectrophanes nivalis*. Первый из них, который в других местах Якутской области мне раньше не встречался, принадлежал здесь вместе с *Lagopus alpinus* и некоторыми другими птицами к ежедневным нашим спутникам; наоборот, *Plectrophanes nivalis*, встречающийся на Вилуюе и на Лене каждую весну в таком громадном количестве, что дети ловят его в силки и предлагают на продажу целыми корзинами, показывался здесь в общем довольно редко. Один вид вьюрка (*Fringilla sp.*) попался всего однажды; чечётка (*Pyrrhula linaria*) была тоже не особенно часта; из дроздов встречались — *Turdus fuscatus* и *Turdus sp.*; жёлтая и белая плиски (*Motacilla flaveola* и *Motacilla alba*) были очень часты. Очень бросалось в глаза отсутствие лебедей; хотя мы и убили однажды один сильно линяющий экземпляр *Cygnus olor*, но больше этих птиц нигде не видели. У Якутска, на Вилуюе и на Индигирке его часто видишь летящим высоко в воздухе, — ясный признак того, что он находится ещё далеко от цели своего путешествия; только однажды мне случилось встретить на одном маленьком озёрке или, вернее, луже стаю более чем во сто штук, которая расположилась здесь, вероятно, отдыхать. Лебедь летит всегда за границу лесной растительности и живёт тут на озёрах в таком громадном количестве, что жители Колымска, нуждаясь в пухе, отправляются на нескольких нартах к озёрам и собирают его; они говорят, что пух лежит здесь на берегах подобно снегу. Вся Земля Чукчей безлеса и имеет достаточно озёр, а потому очень странно, что лебедь тут не держится по крайней мере к югу от хребта. Из гусей встречались здесь только *Anser albifrons* и *Anser segetum*, но тоже в гораздо меньшем количестве, чем я ожидал. Хотя гусь и не избегает леса так усиленно, как лебедь, избирая для гнездования и линяния также и озёра, лежащие в пределах лесной растительности, но тем не менее он всё же предпочитает открытую тундру. Большие охоты

на линяющих гусей сосредоточиваются преимущественно в области, лежащей по ту сторону границы леса; за средний улов принимается 3000 штук, а за хороший — 5000 и 6000. Во время нашего путешествия мы не встречали этих птиц даже приблизительно в таких количествах, хотя и убивали почти ежедневно по несколько штук. *Anser segetum* встречался при этом в экземплярах очень различного веса: из двух очень худых особей, убитых в один и тот же день, одна весила 7½, а другая около 9 фунтов; 19-го же июня была застрелена птица, весившая 9½ фунтов и имевшая в длину 810 миллиметров, считая от конца клюва до конца хвоста. Утки встречались в несколько большем количестве видов, чем гуси, но значительно уступали последним в числе индивидов. Чаще всего попадались морянки (*Anas glacialis*), затем также шилохвосты (*Anas caudacuta*); по одному разу попались и были убиты нырок и чирок (*Anas marila* и *Anas crecca*); красивая каменушка (*Anas histrionica*) была добыта три раза на быстро текущих речках, а самка мокрола (*Anas glocitans*) дважды; самца последней утки я встретил вообще всего один раз, на Вилюе, самку же встречаешь нередко повсюду в Якутской области. Кряковую утку (*Anas boschas*) мы не видали ни разу и мне кажется, что эта птица и морянка (*Anas glacialis*) друг друга исключают. На восток до Индигирки кряква является самой обыкновенной птицей или, по крайней мере, принадлежит к тем видам уток, которых встречаешь повсюду в большом количестве; морянка же вовсе неизвестна к западу от Колымы; во всяком случае она не только мне ни разу не встретилась, но и была совершенно чуждым явлением для якутских казаков, которые, конечно, уже знают каждую съедобную птицу. Напротив, на Колыме, где морянка и шилохвость доставляют главный контингент зимних запасов, крякву никогда не стреляют.

На многочисленных мелких озёрах часто жили краснозобые и черно-головые гагары (*Colymbus septentrionalis* и *Colymbus arcticus*), впрочем, раздобыть этих птиц не так-то легко. Во-первых, они необыкновенно крепки на рану, так, например, одна птица оживлённо плавала и ныряла в то время, как дробиной был оторван кусок её черепа с частью мозга; с другой стороны, вполне достаточно выстрелить по птице хотя бы мимо, чтобы сделать её очень осторожной, и чтобы она при каждом дальнейшем выстреле ныряла прежде, чем до неё достигнет дробь. Они стоили мне большего количества дроби и пороха, особенно первой, которой у

нас сразу поубавилось: нашими стрелками обуяло страстное желание во что бы то ни стало убить одну из этих птиц, и они расстреливали дробь положительно непростительным образом. Однажды я обратил внимание на необыкновенно оживлённую стрельбу близ одного места остановки как раз в то время, когда происходили сборы для отправления в путь. Я пошёл туда и нашёл Неймана, фельдшера, топографа и одного из казаков, которые стояли *vis a vis*, как в кадрили, вокруг маленького озера и непрерывно во что-то стреляли; по озеру плавали две гагары, очевидно подстреленные в крыло, потому что не взлетали; возможно, впрочем, что они просто не желали улететь, так как и без того могли достаточно дразнить охотников. Как только раздавался выстрел, птицы издавали свой звонкий свист и моментально скрывались под водой; между тем стрелки целили совершенно правильно, это было очевидно из того, что заряд дроби каждый раз попадал на воду в то место, где только что была птица. Охотники настолько увлеклись, что вовсе не обращали внимания на самих себя, а между тем озеро было вовсе не так велико, чтобы заряд дроби, попав в верхнюю часть тела, а может быть даже и в лицо, не возымел очень неприятных последствий. По крайней мере я, стоя недалеко от одного из охотников, вдруг почувствовал как бы удар хлыстом в ногу, одетую в длинный, кожаный чулок; был ли то прямой или рикошетный выстрел, я не знаю, но я предпочёл покинуть это место; птицы же так и не были убиты.

К водным же птицам нужно отнести и двух премилых плавунчиков (*Phalaropus rufus* и *Phalaropus ruficollis*), которых довольно часто видишь плавающими и кивающими друг другу. Большой крохаль (*Mergus merganser*) был встречен и убит однажды. В малом количестве видов, но в очень большом количестве особей, встречались чайки и из них преимущественно чайка полярная и поморник (*Larus glaucus* и *Catarrhactes parasita*). В течение всего нашего путешествия мы часто наблюдали, как задорно, с криком нападал поморник на мирно плавающую по озеру полярную чайку. Ни одна из тамошних птиц, за единственным, может быть, исключением морской ласточки (*Sterna hirundo*), не могла сравняться в ловкости полёта с поморником, а также в его склонности к ссорам; он являлся постоянным нарушителем спокойствия, нападал по возможности на каждую птицу, но по-видимому более всего на спокойную, флегматичную *Larus glaucus*. Я видел, как он отчаянно преследовал

летевшую с рыбой в клюве чайку и в конце концов вырвал-таки у неё из клюва рыбу и проглотил раньше, чем та могла опомниться. Чайки, несмотря на свою величину и большое количество особей, постоянно позволяли поморнику сгонять себя с места; казалось даже, что они вовсе не хотели ссориться с этим отчаянным забиякой, а предпочитали удалиться, чтобы только сохранить спокойствие. *Larus glaucus* встречалась нами постоянно в двух формах, при том как самцы, так и самки; из этих форм одна вполне соответствует описанной Палласом, другой же я не мог у него найти. Их оперение было совершенно тождественно, обе они имели жёлтый клюв с киноварно-красным пятном на нижней челюсти; но величина была, однако, несколько различна. Большая форма имела приведённые Палласом серые плюсна и телесного цвета плавательные перепонки; у мелкой же формы как плюсна, так и плавательные перепонки были лимонно-жёлтого цвета. Эти различия оставались постоянными до конца путешествия и обе формы встречались повсюду вместе. Очень обыкновенными были также различные виды: *Tringa*, *Scolopax* и *Charadrius*, из которых, кроме многих не определённых мною, нужно назвать следующих: *Limosa sp., sp., Numenius phaeopus, Tringa pugnax, Charadrius apricarius, Tringa cinclus, Tringa glareola, Tringa salina, Charadrius hiaticula, Scolopax gallinula, Scolopax alpina, Tringa naevia, Charadrius hypomelanus, Charadrius cinclus*. Потеря нашей коллекции особенно достойна сожаления по поводу этого, богатого здесь видами, семейства; большое число видов, которых я не мог определить ни по Палласу, ни по Миддендорфу, указывает как раз на то, что именно они по преимуществу избирают Чукотскую Землю для своего летнего местопребывания. Кулики гнездились повсюду в большом количестве и из молодых птиц, которых мы убивали в конце лета, они были самыми многочисленными.

Поблизости того места, где происходит охота на оленей, был встречен в большом количестве и добыт один вид сороки.

Белый журавль (*Grus leucogeranus*), который в других местах севера, особенно у Нижнеколымска, попадает довольно часто на глаза, во время путешествия по Чукотской Земле не был нами замечен; зато тут встречался довольно часто другой вид журавля, которого я не мог определить, но видал в Музее Академии в числе птиц, собранных Радде; в последнем учреждении его считают за американский вид. Если я ещё

прибавлю, что мы повсюду встречали гнездившуюся на открытых возвышенностях белую сову (*Strix nyctea*), что мы видали какого-то орла, вероятно *Aquila albicilla*, и одного сокола, да убили ещё *Accipiter hypoleucus*, то будет приведено всё, что нам приходилось наблюдать во время нашего путешествия. Мы зорко следили за всем, что нам попадалось, и если бы коллекция не погибла (60), то, по моему мнению, представила бы полную картину летней фауны посещённой нами области. Не мешает, может быть, прибавить ещё заявление моих спутников о том, что они слышали иногда кукушку, которой, однако, не видали; топограф утверждал также, что он видел однажды тетерева, но дал по нему промах. Он был неважный охотник и его заявление не особенно ценно, но он положительно утверждал, что очень отчётливо разглядел красное пятно над глазом.

В начале мая начали уже появляться птицы, потому что 5-го мая был убит из пары *Plectrophanes lapponica*, а 10, 11 и 14-го того же месяца — *Anser segetum*, *Limosa sp.*, *Tringa sp.* и *Sylvia sp.* Тотчас же по прилёте птицы с большим рвением приступали к гнездованию. Первое яйцо мы нашли 14-го мая; оно принадлежало хищной птице, которую, однако, нельзя было ни убить, ни даже приблизительно определить: как раз в этот день бушевала ужасная снежная буря и воздух был совершенно непрозрачен. Впрочем, это не было началом гнездового периода, потому что уже 8-го мая мы нашли воронят, а 25-го гнездо — по всей вероятности *Haliaeetus albicilla*, — в котором были молодые; родители последних таскали им для корма полуоперённых птенцов из находившейся невдалеке колонии ворон. 25 Мая в гнезде *Pyrrhula linaria* находилась уже кладка из пяти яиц. С 1-го июня, когда в гнезде *Plectrophanes* были найдены четыре сильно насиженных яйца, мы более уже не находили ненасиженных яиц, а после 26-го июня вообще не встречалось гнёзд с яйцами. Первых немногих птенцов на взлёте мы убили 4 и 5 июля; это были *Scolopax sp.* и *Plectrophanes lapponica*. Затем наступила пауза до 20 июля; но с этого времени вплоть до 11-го августа, т.е. до прекращения охоты и собирания, птицы, попадавшиеся под выстрел, были преимущественно молодые. Во время нашего пребывания на берегу моря, продолжавшегося до 4 сентября, птицы постоянно летели к югу; отлёт тем не менее в это время ещё не кончился, потому что 16 сентября, когда всё уже было покрыто снегом, на одном из озёр мы видали стаю гусей и

уток, а также одного журавля; даже ещё 19 сентября мы встретили одного *Charadrius hiaticula* и одинокого *Anser segetum*. Но на этом дело и окончилось: только 16 октября мы нашли у Чекаева, как было уже сказано, большое количество сорок, которые лакомились сложенным в кучу оленьим мясом. Я не берусь сказать зимуют ли они тут, или отлетают к югу позднее.

Само собою разумеется, что страна, в которой живёт так много диких оленей, должна иметь в изобилии пищу и для приручённых животных. Так на деле и есть; за немногими разве исключениями наши спутники были в этом отношении совершенно удовлетворены; дальнейшим доказательством пригодности страны для оленеводства было то, что мы нашли рассеянными в различных местах чукчей-олeneводо- в в гораздо большем количестве, чем мы ожидали ([61](#)). Даже Амвраоргин говорил мне несколько раз, что он не предполагал найти страну заселённой до известной степени на всём её протяжении. Конечно, по дороге нам постоянно встречались только одинокие семьи, но тем не менее посещения их были довольно часты и происходили в течение всего нашего путешествия. Очень богатых стадовладельцев, которые могли бы сравняться с чукчами с Анюя, среди них было не много; впрочем, мне представляли некоторых, которым придавался эпитет «очень уважаемые люди» и для которых считалось необходимым просить у меня бутылку водки, чтобы получше их угостить: старик Амвраоргин был в этом отношении разборчив, а потому они должны были владеть уже очень значительными стадами. Совершенных бедняков мы встретили, однако, всего один раз, уже на Анадыре; большинство же, по-видимому, жило в полном достатке. Весь этот народ живёт почти исключительно на левом берегу Анадыря и неохотно переходит реку; только во время рыбной ловли да охоты на оленей различные племена встречаются друг с другом по обоим берегам реки. На правом берегу Анадыря живёт значительное количество чукчей только близ его устья, именно по обеим сторонам Онемена или Большой реки, но и по ней они не идут очень высоко. Чукчи избегают этого потому, что коряки — родственный им народ, но вместе с тем старинные враги чукчей — пасут свои стада до озера Красного: оба народа всегда предпочитали иметь между собою полосу незаселённой земли. Они никогда не могли жить друг с другом в мире, да и до сих пор ещё не ладят, несмотря на то, что родство их столь

близко, что они называют себя общим именем «чауча» и вполне понимают друг друга без переводчика.

Итак, народ или, лучше сказать, племя чукчей живёт в настоящее время от Колымы до мыса Пээк и от побережья Ледовитого океана до Анадыря, занимая таким образом значительное пространство. Как же многочисленен этот народ? На последний вопрос уже часто старались отвечать, но безуспешно, потому что отдельные показания колеблются между 2.000 и 10.000 душ. Перепись, которая была произведена среди Анюйских чукчей, дала цифру менее 900; если к ним прибавить 140 душ, которые перешли с Ваалергиным через Колыму, то составитя приблизительно около 1000 человек. При этом чукчи прибавляли, что последняя цифра не точна: они, конечно, старались записать столько народа, сколько могли припомнить, но кое-кого без сомнения забыли; они полагали также, что число таких забытых могло простираться во всей области до нескольких сот. Допустим, что к приведённой уже тысяче нужно прибавить ещё около 200 человек, тогда число чукчей в области Анюев выразилось бы цифрою 1200 душ обоего пола. Лейтенант Нордквист, принадлежавший к экспедиции «Веги» (62), предпринял основанную на числе палаток перепись всех чукчей от мыса Эрри до мыса Пээк и пришёл при этом к цифре 2000 душ, верной, конечно, только при допущении, что в палатке живёт в среднем по пяти человек. Последнее число, кажется, несколько велико, но так как Нордквист ссылается на точное исчисление, сделанное в 10 палатках, а полученная цифра оказалась в 2160 человек, то округлённое число 2000 душ, по всей вероятности, недалеко от истины. На основании двух приведённых исчислений количество переписанных чукчей составляет 3200 душ обоего пола. Если теперь принять в соображение, что в течение нашего путешествия нас постоянно посещали разбросанно жившие в стране чукчи-оленьеводы, что таковые же живут в довольно значительном количестве у устья Анадыря по его правому берегу и что лейтенант Нордквист совершенно оставил без внимания тоже далеко не незначительные чукотские поселения между мысом Пээк и устьем Анадыря, — то мне кажется, что всех непереписанных членов этого племени можно исчислить приблизительно в 1800 душ, а общее количество этого народа вероятно достигает 5000 человек. Из наших долгих сношений с этим народом, в те-

чение которых мы приходили в соприкосновение как с чукчами-оленеводами, так и купцами и оседлыми чукчами, и имели достаточно возможности изучить их обычаи и образ жизни, выяснилось, что главную роль несомненно играют чукчи-оленоводы, если не по числу (те и другие, по всей вероятности, числом одинаковы), то во всяком случае по влиянию и значению. Очень вероятно, что богатство, на котором основано это влияние, сильно увеличилось только с того времени, как чукчи начали селиться в области двух Анюев; возможно также, что в последней местности народонаселение увеличивается, тогда как на морском побережье оно держится на той же цифре, если только мало-помалу не уменьшается. Возникает теперь вопрос, сколько времени вообще просуществуют ещё чукчи-купцы? Появление их было обусловлено значительным количеством пушнины, которую они могли получать из Америки. В настоящее время эта торговля сильно упала и сомнительно, чтобы она могла достигнуть когда-либо прежней высоты. Доктор Аврелий Краузе (63) приводит падение её в связь с усилением китоловства; в таком случае на долю чукчей-торговцев могли бы снова выпасть лучшие времена: китов в настоящее время столь ревностно преследуют, что результатом этого должно неминуемо быть исчезновение животного. Но и помимо возникновения китоловного промысла, торговля мехами не обещает ничего хорошего в будущем уже по той причине, что она ведётся при помощи большего числа посредников. Сами чукчи рассказывают, что они получают меха от кергаулов или икергаулов, но что последние добывают пушнину тоже не сами, а привозят её издалека; чукчи, однако, торгуют не непосредственно с кергаулами, но между ними также существуют посредники. По уверению моего друга Пангáo, чукчи едут в своих кожаных лодках около дня Петра и Павла на остров Илир, на котором живёт народ, носящий название иммалинов, говорящий совершенно особым языком, не похожим ни на язык кергаулов, ни на язык айгванов, обитающих среди чукчей между устьем Анадыря и мысом Пээк; иммалины одеваются в платья из птичьих шкур. Поездка на этот остров, ближайший к Азии из группы Диомеда, описывается за крайне опасную: в это время, т.е. около дня Петра и Павла, бывает весьма сильное течение в Ледовитый океан и пловцам удаётся попасть на очень маленький островок только при резком северном или, как выражается Пангáo, холодном ветре; в противном случае их проносит

мимо. Но при этом ветре волнение очень велико и лодки нередко тонут вместе с пловцами. На острове торговля ведётся с иммалинами, которые таким образом являются простыми посредниками; так дело происходит обыкновенно, но изредка случается торговать тут и с самими кергаулами. Пангао утверждал, что однажды он решился даже посетить кергаулов и предпринял поездку в места их жительства, но что такое путешествие не совсем безопасно, потому что это дикое разбойничье племя. Они жили в бревенчатых домах и ездили на собаках; оленей у них было очень мало, и то только те, которых они выменивали у чукчей. Предметами торговли, на которые было больше всего спроса, являлись всегда олени шкуры, безусловно необходимые этому народу для одежды.

Таким образом нельзя предположить, чтобы столь сложная и соединённая со многими затруднениями и опасностями торговля могла продержаться долгое время; в случае же прекращения её исчезнут и купцы. Очень мало утешительны будут условия существования и оседлых чукчей, как только прекратится торговля с Америкой. Доктор Краузе ошибается, полагая, что американские товары попадают на Колыму через посредство китоловов; до сих пор это вряд ли можно было сказать, хотя бы по той простой причине, что американцы торгуют исключительно водкой, да ещё в очень малом количестве порохом, свинцом, чаем и американским табаком. Но этот табак не любим азиатскими племенами, которые более предпочитают южнорусский, а всё остальное, очень незначительное количество других перечисленных товаров остаётся, по-видимому, у чукчей; но зато водка окончательно сотрёт несчастный народ с лица земли. Если же меновая торговля с кергаулами совершенно прекратится, то и положение носовых чукчей или анкалов (как их называют чукчи-оленеводы, удерживающие название чауча только за собой, да разве ещё за богатыми купцами) сделается совсем отчаянным. В этом случае у них нечем будет платить чукчам-оленеводам за постоянно им необходимые шкуры, а также и за мясо оленей, которым они в случае нужды могут просуществовать в голодные годы. Впоследствии мы будем иметь случай указать на то печальное положение, в каком находятся оседлые чукчи уже и теперь, когда они ещё в состоянии кое-что заработать перевозкой товаров. Сами торговцы только в редких случаях владеют безусловно необходимыми для их дальних поездок оленями и собаками, а потому в этом отношении нуждаются на западе в

стадовладельцах, а в восточной части их пути — в оседлых чукчах. Несмотря на этот источник дохода, для оседлых чукчей редко выпадают годы, про которые они могли бы сказать, что прожили зиму без голода; каково же будет положение этих людей, когда торговля станет настолько незначительна, что заработок сделается ничтожным? Насколько выяснилось для меня из близкого знакомства с чукчами положение тамошних дел, я могу только сказать, что единственное средство спасения большей части народа от верного уничтожения нужно искать в общем переселении его на запад. Последнее не может совершиться разом, да этого и не требуется; однако я полагаю, что сила обстоятельств в конце концов принудит к этому чукчей. К западу от мыса Эрри, конечно, уже не встречаются ни моржи, ни киты, даже тюлени не очень часто попадаются на западном побережье, но рыбы окажется, по всей вероятности, больше тут, чем вокруг Рир-Кайпии и мыса Пээк. Очень богаты рыбою не только Колыма и Индигирка, но массу её доставляют и мелкие реки, лежащие между этими двумя большими и текущие в Ледовитый океан. Если же, как иной раз случается, лов рыбы будет неудачен, население, обитающее на побережье между Индигиркой и Колымой, легко и верно можно будет выручать из беды потому, что оно будет иметь за собою большую тундру, где стадовладельцы собираются пасти излишек своих стад: на крайний же северо-восток материка трудно протянуть руку помощи. И в настоящее время бывает довольно часто, что оседлые чукчи становятся чукчами-оленеводами и обратно. Чукчи-оленеводы, которые, благодаря какому-нибудь несчастному случаю, потеряли свои стада, не всегда идут в пастухи, чтобы вновь выслужиться; они часто ищут счастья на морском побережье, в надежде добиться удачным ловом моржей известного достатка, который помог бы им снова приобрести нескольких оленей. Но много чаще купцы становятся стадовладельцами, а бедные из оседлых чукчей поступают пастухами к чукчам-оленеводам. Тем не менее, пока это только единичные случаи, но движение в этом направлении началось и вероятно не остановится, а усилится. Это было бы только дальнейшим развитием условий, созданных уничтожением крепости Анадырска и особенно уходом из области двух Анюев юкагиров и чуванцев. Совершенно ошибочно мнение — основанное на прежних, недостаточных выдерж-

ках из старых архивов и приводимое также доктором Краузе в его сочинении, — что чукчей в старое время вытеснили на восток нападения русских. Последние никогда не воевали с чукчами со стороны Колымы: войны вели юкагиры и чуванцы. Жили ли чукчи в прежнее время к западу от Чаунской губы, мы не имеем доказательств, но в высшей степени невероятно, чтобы они когда-нибудь выходили на долгое время за пределы этой губы, именно за остров Айоку. Совершенно справедливо, что на Большой Чукочьей, следовательно, к западу от Колымы, русские имели частые стычки с чукчами, но последние представляли из себя небольшую кучку племени, которая, странствуя с Чауна на запад, впоследствии бесследно исчезла. С чукчами, как с народом, русские встретились только у мыса Эрри и их первая встреча, как и все подобные посещения, предпринимавшиеся со стороны Колымы, была совершенно мирная. Таким образом, чукчи уже давным-давно имели стремление переселяться на запад, но в виду того, что первый сделанный в более крупных размерах опыт оказался неудачным, они его более уже не повторяли, по всей вероятности, тоже и по той причине, что гарнизон крепости Анадырска в очень скором времени стал к ним, благодаря корякам и юкагирам, во враждебные отношения.

То, чему в настоящее время положено, кажется, начало, является только продолжением давно лелеянных в тишине планов и намерений; если удастся дать ход этому делу, то оседлые чукчи на будущее время, конечно, спасены, если же нет, то с одной стороны водка американцев, а с другой — постепенное оскудение лова крупных морских млекопитающих сделают их положение в высшей степени безнадёжным.

Тем не менее в то время я был далёк от этих мыслей: это было дело будущего, и, хотя план был уже намечен, но выполнение его нельзя было ускорить. В ту пору меня неотступно преследовала жалоба колымских купцов и анюйских чукчей по поводу ярмарки в Марково; они желали, чтобы последняя была запрещена правительством, а чукчам было дозволено вести меновую торговлю исключительно на Анюе. Исполнить их просьбу было много легче на словах, чем на деле; прежде всего вовсе не было основания запрещать чукчам ездить на Анадырь, если они считали это для себя выгодным; но я, конечно, желал подробно разузнать положение дел в Марково, чтобы составить себе о нём более точное понятие. Очень скоро выяснилось, что жители Марково сами почти

не принимают никакого участия в собственно меновой торговле; у них нет для этого необходимых предметов: табаку, железных изделий и хлопчатобумажных материй. В самом Марково не добывается ничего за исключением оленьего мяса и рыбы, которая доставляется Анадырем в большом количестве; кроме этого там ничего нет, не возделываются даже овощи, имеющиеся в Среднеколымске хотя и в малом количестве. Всё, в чём люди нуждаются помимо рыбы и мяса, они должны сами себе привезти из Гижигинска на Охотском море. Меновая торговля ведётся исключительно купцом Брагиным из Гижигинска или, вернее, Филиппеусом, управляющим и компаньоном которого является этот Брагин. Филиппеус же имеет железные и другие товары лучшего качества и дешевле, чем якутские купцы, потому что до Гижигинска ему открыт морской путь, а затем остаётся только провезти товар 600-700 вёрст сухим путём на собачьих нартах; между тем товары на Анюйскую ярмарку нужно везти сухим путём чрез всю Сибирь. С другой стороны, его табак худшего качества, чем тот, который привозят купцы из Якутска. Американский табак, который он стал предлагать сначала, азиаты вообще не любят, а его опыты с настоящим черкасским табаком или махоркой были до сих пор более или менее неудачны; морское путешествие отнимает, по-видимому, у этого растения часть его отвратительных качеств: он становится слабее и даёт менее пронзительный запах, чем табак, который привозится сухим путём; по мнению же азиатов это — невознаградимая потеря, которая значительно понижает ценность товара. Далее Филиппеус ценит свой табак выше, чем якутские купцы и не соглашается на вошедшую на Анюе в общее употребление придачу котла или шкуры росوماхи на каждые два пуда табаку; кроме того, его мешки с табаком не развешиваются и не запечатываются под надзором правительственных лиц.

Таким образом, собственно говоря, шансы Анюя стоят выше, чем Анадыря, потому что выдающуюся роль среди товаров играет всегда табак. Не вполне справедливо, как кажется, заявление некоторых чукчей-торговцев, что им удобнее ездить на Анадырь, чем на Анюй: несмотря на более близкое расстояние, им всё-таки тут труднее управиться с перевозкой товаров, чем на старом пути. Пангао, который правильно посещает обе ярмарки, тоже вполне соглашался, что на Анюй ездить легче;

его же свидетельство достаточно важно потому, что он очень интеллигентный торговец. Дело кроется скорее в том, что на Анюе водка не играет никакой роли в качестве посредника при торговле, а если и удаётся провезти несколько бутылок украдкой, то они не могут иметь заметного влияния. Я не могу сказать насколько справедлив часто делаемый Филиппеусу упрёк в том, что он основывает свою торговлю подобно американцам на водке; но во всяком случае привоз этого напитка в Гижигинск вполне свободен, а сколько оттуда идёт далее внутрь страны, никто не знает; достоверно только то, что жители Гижигинска не могут выпить всего привозимого количества. После моего возвращения из Гижигинска, я с своей стороны мог заметить, что в Марково не было недостатка в водке и что, следовательно, этот соблазн мог иметь значение также и при меновой торговле; в таком случае этим объясняется многое, что иначе было бы трудно понять. Сюда между прочим относится то обстоятельство, что оленьи шкуры, играющие столь выдающуюся роль в жизни северных народов, предлагаются к продаже на Анадыре в значительно меньшем количестве, чем на Анюе. Хотя коряки тоже владеют очень порядочным количеством стад, но места их жительства расположены не близ Марково, а потому они являются на здешнюю ярмарку лишь в малом числе. Им ближе к Гижигинску, где товары кроме того дешевле, вследствие этого они там и обделывают свои дела. Если же чукчи тем не менее посещают ярмарку в Марково, то для этого трудно найти иную причину кроме бесконтрольной торговли спиртом.

Более подробные сведения обо всём этом можно было иметь только в Гижигинске, куда я направился 7 ноября из Марково. Жители Марково считают расстояние до Гижигинска приблизительно в 800 вёрст и делят этот путь на три довольно равных участка: сначала от Марково до Пенжинска, поселения на левом берегу Пенжины; отсюда до селения коряков на Шестаковке, а от этого пункта до Гижигинска. Они ездят туда дважды в году, именно в ноябре и в апреле; духовенство и казаки получают при этой okazji оттуда своё жалованье и провиант, состоящий из муки и крупы, а также закупают всё то, в чём они ещё нуждаются. Жители Марково, а также чуванцы и юкагиры везут туда для обмена на различные товары рыбу, которой Анадырь много богаче, чем море у устья Гижиги. На этот раз большинство нарт уже уехало в Гижигинск, но со мною ехали священник, урядник и ещё несколько казаков, так что всего

набралось одиннадцать нарт. В виду того, что по дороге мы не могли менять наших собак, да к тому же приходилось сделать на них и обратное путешествие, мы принуждены были беречь животных; поэтому путешествие было рассчитано на 16 или 17 дней. Говорили, что по дороге всюду встречаются поварни, а потому путешествие не могло быть очень затруднительным, но только при том предположении, что нас не застигнет снежная буря, которая может быть очень опасной именно на этом пути. Участок земли, лежащий между Анадырем и Охотским морем, находится под изменчивым влиянием двух противоположных воздушных течений, — северного и южного ветров; эти последние в состоянии так сильно изменять здесь температурные условия, как нигде в остальной Сибири. Продолжительные течения воздуха с Ледовитого океана заставляют термометр опускаться до 40° ниже нуля; если же ветер подует с Охотского моря, которое остаётся незамёрзшим в течении всей зимы, то нередко наступает оттепель и даже выпадает дождь. В ноябре месяце 1867 года отправилось несколько нарт из Гижигинска на Анадырь; было необыкновенно тепло, но в скором времени разразилась снежная буря, которая была необыкновенной силы и в конце концов снег сделался таким влажным, что люди промокли насквозь, не смотря на толстую меховую одежду. В непогоду путешественники сбились с дороги, а когда снова разъяснилось, то оказалось, что они находятся в незнакомом им месте открытой тундры. Между тем направление ветра изменилось и стало сильно морозить: промокшее на них платье стало скоро твёрдым. Оставалось одно средство — постоянно двигаться по возможности в одном и том же направлении в надежде, что удастся напасть на рощу и развести огонь. Они так и сделали, но мёрзлое платье натёрло им тело до крови; особенно пострадали ноги у лодыжек, которые были сильно окровавлены; люди могли тащиться с большим трудом. К счастью, они набрали на палатку коряка-оленевода и были спасены; но без этой случайности даже такие закалённые люди вряд ли избежали бы смерти: очень вероятно, что они выбились бы из сил раньше, чем им удалось бы добраться до какого-нибудь жилища или спасительного лесочка.

В первый день мы сделали всего 33 версты и остановились в одной из поварен, которые тут к счастью все снабжены каминами. Наш путь шёл по совершенно ровной местности, покрытой только ивняком, да

кедровым кустарником (*P. cembra putula*); высокие тополя и осины, росшие в окрестности Марково, покинули нас, как только мы проехали несколько вёрст. 8 Ноября мы выехали рано и сделали сначала 21 версту по совершенно ровной тундре: не было видно ни одного дерева и перед нами расстилался только низкий кустарник; затем нам повстречалась снова поварня, у которой мы остановились и дали роздых собакам. Далее местность тоже была ровная, а затем мы направились вверх по хребту, носящему название Русского; он был совершенно обнажён, тут не росло даже кустарника. Только на южной стороне, где мы ехали вниз по течению ручья Щёчки, снова показались ивы и кедровый кустарник и встречались вплоть до Орловки, в которую впадает Щёчки и которая в свою очередь является левым притоком Маина. Во второй переход мы сделали около 48 вёрст, так что в этот день проехали всего навсего 69 вёрст. В долине Орловки снова появились тополя и осины, хотя их было тут меньше чем на Анадыре, и они окаймляли лишь самые берега реки. На следующий день мы ехали вверх по течению маленького притока Орловки, по Коврижке, и таким образом взобрались на вторую возвышенность, которая казалась менее высокою и называлась Налгимским хребтом; с этого последнего мы направились вниз по течению Налгимки, впадающей в Чёрную, которая в свою очередь течёт в Пенжину. В этот день мы сделали около 46 вёрст. Поварню на Налгимке мы нашли в таком разрушенном состоянии, что нам пришлось ночевать под открытым небом; но в виду того, что в этом месте на берегу реки росли тополя и можно было разложить большой огонь, ночь была проведена сносно, так как было только 28,9° Реомюра ниже нуля. 10 Ноября первые 18 вёрст мы сделали частью по Налгимке, частью по Чёрной, а затем дали отдохнуть собакам; так как далее Чёрная делает большую излучину, мы её покинули и вышли снова на эту реку в 6 верстах от её впадения в Пенжину; отсюда мы поехали уже по льду и достигли селения Пенжинск, расположенного в одной версте к низу от впадения Чёрной. Тут снова встретились со старым пейзажем: по обеим сторонам реки росли тополя, но в сторону от берега расстилалась безлесная тундра.

Таким образом я достиг Пенжины, которая тут представляет собою уже значительную реку, спокойно текущую в широкой долине; вообще, за исключением только самой верхней части течения, она имеет характер вполне равнинной реки. В первую часть пути, приблизительно до

Налгимского хребта, по левую руку я имел нижнее течение Маина; эта река точно так же течёт без сильного уклона; вообще местность, по которой я сделал эти 203 версты, является равниною или, вернее, низменностью, потому что aneroid от Марково до Гижигинска всё время показывал 30 дюймов, редко падая до 29 с дробью, да и то только при южном ветре. Два хребта, через которые мы до сих пор перешли, заставляли падать барометр тоже на очень незначительную величину; эти хребты подымались на равнине так резко и имели такую узкую подошву, что я (за неимением точных измерений) могу определить их высоту не более как в 1000 Футов над поверхностью равнины. Из всех наших наблюдений несомненно, что все те пять хребтов, которые переходишь на пространстве от Марково до Гижигинска, суть только отроги Станового хребта, спускающиеся до Маина и Пенжины, но никак не самый этот хребет. Вследствие этого горную цепь Камчатки нельзя рассматривать за продолжение горной системы материка, как это обозначено на большинстве карт, но должно признать, что она является обособленной системой; кроме того, высота её много значительнее, чем самые высокие вершины Станового хребта. Камчатский хребет к северу переходит в безлесную тундру, носящую название Парапольского дола; южная часть полуострова в прежнее время была, вероятно, совершенным островом. Парапольский дол далее на север снова возвышается, так что правый берег Анадыря образуется крутыми обрывами в 200 или 300 футов высоты. На западе на этом плато возвышается ещё один горный узел, так называемый Пол-пол, с восточного склона которого берёт начало Маин; эта река огибает южную его подошву широкою дугой и, в конце концов, нижним своим течением поворачивает на северо-восток. Мне показалось как будто бы Налгимский хребет соединяется с западными отрогами Пол-пола, но этому противоречили показания как коряков, так и жителей Пенжинска, которые утверждали, что Чёрная вытекает не из гор, а берёт своё начало из кочковатых болот. По всей вероятности, это нужно понимать в том смысле, что, хотя соединение Налгимского хребта с Пол-полом и существует, однако оно настолько постепенно, что не получается впечатления возвышенности.

Пенжинское представляет собою маленькое селение, состоящее приблизительно из десяти домиков, в которых живут так называемые мещане, занимающиеся рыбною ловлею. Мы остановились тут на два дня,

чтобы дать как следует отдохнуть собакам: животные устают на этом участке пути более, чем на двух последующих. Утомление зависит будто бы от того, что снег здесь не так твёрд, как дальше, где он более подвержен влиянию ветра; на мягком же снегу животные так сильно сбивают ноги, что следы часто окрашиваются кровью. Во время моего пребывания в Пенжинском, я впервые имел случай встретиться с несколькими коряками-оленеводами (64) и говорить с ними. Сходство их с чукчами тотчас бросается в глаза; не говоря уже о языке, который настолько близок, что до прихода переводчика мы могли объясняться с ними несколькими выученными у чукчей фразами и словами, — это сходство простирается до самых мелочей: сани, одежда, домашние принадлежности, решительно всё одинаково у обоих народов, но только коряки имеют менее почтенный вид, чем чукчи.

Как мне кажется, нет никакого сомнения в том, что оба эти народа составляли прежде один и что их теперешнее разделение произошло только благодаря пространственному обособлению. Если Дитмар (65) указывает, что даже пять колен, на которые в настоящее время делятся коряки (с одной стороны на коряков-оленеводов, а с другой на четыре колена оседлых коряков), различаются между собою по языку, несмотря на то, что они близко живут друг от друга и находятся между собою в постоянных сношениях, то нет ничего удивительного, что и язык чукчей и коряков не совсем одинаков; скорее нужно удивляться тому, что разница ещё так незначительна и что они вполне понимают друг друга: коряк, говорящий по-русски, может быть очень хорошим переводчиком с чукотского, и наоборот — чукча при том же условии несомненно может служить переводчиком с коряцкого языка. Очевидно, прежде оба племени обитали на полуострове до Анадыря, составляя один народ, и только вследствие ссор и пререканий часть его, которую в настоящее время называют чукчами, перешла на север от реки. Но даже это добровольное удаление или может быть и вытеснение не удержало постоянных нарушителей спокойствия, коряков, от частых хищнических набегов на чукчей, которые, конечно, отвечали им тем же. Случаев к тому представлялось очень много, потому что одна часть чукчей с самого начала поселилась на Онемене; хотя их и отделяло от коряков значительное пространство, однако перейти его было возможно во вся-

кое время. Теперь, конечно, очень трудно доказать, которое из двух племён нападало первым; несомненно только одно, что русские из крепости Анадырска были втянуты в борьбу с чукчами исключительно коряками. Вероятнее всего, что зачинщиками ссор были всегда тоже коряки. Трудно предположить, чтобы чукчи — главная масса которых во время основания Анадырского острога жила уже у Чаунской губы и вокруг мыса Пээк, и только незначительная часть которых держалась со своими стадами по обе стороны самого нижнего течения Анадыря — предприняли поход против коряков, занимавших в то время в полном своём составе местность к югу от Анадыря и от отрогов Станового хребта до океана. Из важных данных, добытых Полонским в старинных архивах, очевидно, что, вопреки ни разу не проверенным гарнизоном Анадырска жалобам коряков, чукчи никогда не нападали сами, а всегда являлись оборонявшейся стороною; на оборот, коряки очень часто делали нападения на русских и война с ними, собственно говоря, никогда не прекращалась. Вследствие этого я крайне удивился, прочтя у Дитмара, что кочующие коряки в высшей степени хороший и нравственный народ; он, по-видимому, даже не желает, чтобы их коснулась культура, могущая лишить их простодушия и чистосердечия. Дитмар, конечно, имел с ними больше дела, чем я, и должен был знать их лучше меня, но его взгляду противоречит вся история этого народа и его мнение не разделялось людьми, с которыми я имел случай об этом говорить.

На Анадыре я часто слышал о вновь повторившемся нападении чукчей на коряков, причём первые будто бы увели у последних оленей. Но коряки ничего мне об этом не сообщали, так что эти слухи, по всей вероятности, касались какой-нибудь стычки, в которой коряки были тоже не безгрешны; иначе они не преминули бы воспользоваться таким прекрасным случаем, как моё присутствие, чтобы подать жалобу. В настоящее время кочующие коряки, число которых Дитмар определяет в 2700 душ обоего пола, живут со своими, если не очень многочисленными, то всё же вполне достаточными для их существования стадами в той же области, которую занимали с древнейших времён; кроме того, они распространились к западу даже до верхнего течения Омолона и, следовательно, перешли Становой хребет. Однако, в последней местности их немного, и они живут тут между юкагирами и ламутами. В общем эти народы ладят довольно хорошо, хотя отношения их и не отличаются

особенною сердечностью; впрочем, как ламуты, так и юкагиры нуждаются в добрых отношениях с коряками; дело в том, что оба племени, особенно же ламуты, ежегодно странствуют через пастбища коряков, чтобы попасть в богатые прекрасными пушными зверями Камчатские горы; таким образом, они до известной степени находятся в зависимости от этого народа. Кочующие коряки до сих пор почти без исключения язычники и не имеют, по-видимому, никакой склонности к принятию христианства. В Пенжинске мне с большим негодованием рассказывали, что два архиепископа, Иннокентий и его преемник Павел, лично говорили во время своего посещения перед собранием коряков и склоняли их к принятию христианства, но не произвели на этих грубых людей никакого впечатления. Возможно, что это и было так, но история миссионерства различных народов не даёт нам ни одного примера, чтобы подобные торжественные воззвания имели успех. Среди оседлых коряков в Камчатке есть много христиан, так что народ сам по себе не имеет отвращения к истинному учению, но выгоды последнего должны быть ему разъяснены, а этого до сих пор не случилось. Коряки, с которыми я говорил, по-видимому, вовсе не интересуются этим делом; на мои вопросы, сильно ли они стоят за свои старинные обычаи, они отвечали с невообразимым равнодушием. Один из них, кажется, повернул даже эти разговоры в шутку: он сказал мне, что если я уж этого так желаю, то он согласен креститься, но что сначала должен получить на то разрешение своего отсутствующего отца; между тем он сам имел вид 50-60-летнего человека и жил со своим стадом вполне самостоятельно.

14 Ноября мы поехали дальше, перебравшись сперва через реку, а затем двигаясь по равнине, поросшей тополями, к которым впоследствии присоединились берёзы и даже отдельные лиственницы. Так как Пенжина составляет большую реку, то деревья растут не только непосредственно по её берегам, но и раскинуты в сторону широкою полосой, правда довольно редкого, леса. Этот лес тянулся почти до речки Кондеревы; переехав последнюю, мы перешли затем через низкий хребет Ычыгемский, составляющий отрог несколько более высокого Ушканьего хребта. С Ычыгемского хребта мы спустились по истоку Пенжины — Ушканихе. Тут мы остались ночевать, проехав всего 33 версты благодаря тому, что снегу лежало очень мало и дорога была крайне тяжела

для собак. 15 ноября мы тоже боролись с бесснежием, а потому подвинулись вперёд опять только на 39 вёрст. Сначала мы взобрались на Ушканий хребет, чтобы тотчас же с него спуститься; затем мы прибыли на реку Продольную, впадающую в Оклан или Аклан, и продолжали по ней наш путь до поварни. 16 ноября мы ехали по тундре и перебрались через три маленькие речки, которые все носили названия Поперечных и впадали в Продольную. Вслед за тем мы достигли самого Оклана, окаймлённого густым и очень стройным лесом из тополей; тут нам улыбнулось счастье в том отношении, что мы наткнулись на наезженную коряками дорогу; в противном случае мягкий и глубокий снег причинил бы нам много хлопот. Проехав немного по Оклану, мы достигли поварни, сделав в этот день всё же около 50 вёрст. Оклан является самым большим притоком Пенжины и имеет совершенно одинаковую с нею ширину. Благодаря соединению двух больших рек, лес тут очень хорош; вследствие этого с прошлого лета здесь поселились служащие телеграфной компании и рубили телеграфные столбы. По первоначальному плану столбы по всей линии проектировались железные, но, найдя хороший высокоствольный лес, решили сделать их временно из тополёвых стволов. По рассказам этих людей лес такой же высоты простирается до окрестностей устья Пенжины и материала, следовательно, было достаточно. Следующий день мы ехали сначала по Оклану, затем по маленькому его притоку, Чимитке, взобрались на Каменный хребет к истокам Шестаковки, по которой спустились до впадения её в море и прибыли к юртам оседлых коряков; эти юрты, в числе 6 или 7 штук, высились на самом берегу. Мы проехали 75 вёрст, а всего навсего от Пенжинска 197 вёрст; эта цифра противоречила показаниям наших погонщиков, положительно уверявших, что второй участок пути длиннее первого, который по моим исчислениям равнялся 203 вёрстам.

Коряки, живущие на Шестаковке, принадлежат к роду каменцов или паренцов, посёлки которых выдвинуты на север дальше, чем всех остальных оседлых коряков. Эти последние обитают северную часть полуострова Камчатки и административно принадлежат к Петропавловску, каменцы же, как и кочевые коряки, причисляются к Гижигинскому округу. Селения каменцов простираются на восток до реки Таловки, а на запад до устья Парени. Как говорят, их всего 250 душ обоего пола.

Юрты, дома или палатки, как бы мы ни назвали жилища этих коряков, производят очень оригинальное впечатление; их можно сравнить только с зимними жилищами оседлых чукчей Берингова моря, которые тоже наполовину врыты в землю. Перед собою видишь высокую ульеобразную постройку, имеющую на верхушке горизонтальную, укреплённую на шестах площадку из досок, очень похожую на большие тарелкообразные воротники, которые носили в Германии в XVI столетии. Из купола выходит дым, а по внешней стороне постройки на площадку ведёт лестница. Вместе с тем с боку замечаешь пристроенный из балок ход, закрывающийся тяжёлою дверью, и имеющий около двух сажень длины и высоту человеческого роста. Священник уже раньше рассказывал мне, что в зимнее время в жилище коряка можно проникнуть только через дымовое отверстие, а что нижний ход открывается исключительно летом. Как только наступает весна и становится тепло, хозяин отворяет дверь, выносит свою кожаную лодку и исправляет её. Лодка эта состоит из крепкого деревянного остова, который обтягивается сшитыми непроницаемо для воды тюленьими шкурами шерстью наружу; в таком виде она может быть пущена в дело. До тех пор, пока ездят на лодке, в хижину ходят только через нижнюю дверь; когда же наступает холодное время года, кожи с остова лодки снимают, хозяин снова вносит её в свой дом и ход внизу запирается; с этого времени до весны можно пользоваться только верхним ходом. Хозяин юрты, у которой мы остановились, тотчас же вышел и хотел указать дорогу к трубе. Но это мне не понравилось, так как я вовсе не был намерен упражняться в лазаньи из-за их нелепых обычаев. Поэтому без дальних разговоров ему было заявлено, что при приезде начальства он должен отворить приличный ход. Казалось, что сначала это требование привело его в большое смущение: он оживлённо жестикулировал и очень много говорил; последнее было переведено мне в том смысле, что, по его мнению, боги никогда не простят ему, если он войдёт зимой в дом через нижний ход. Но я от него этого и не требовал, он мог сколько ему угодно коптиться себе наверху, но только он не должен был думать, что я стану ему подражать. Так как на улице было довольно холодно, то для того, чтобы скорее достигнуть цели, я велел казакам, давно уже ожидавшим этого, рубить дверь топорами. Это подействовало: коряк тотчас же начал просить, чтобы дверь его не портили, — он её сам отворит. Он сделал это, и

мы свободно проникли во внутрь жилища. Последнее имело вид просторного свода, который опирался на продолговатый четырёхугольный остов из балок, покоившийся на восьми врытых в землю столбах около двух саженьей высоты. Вверху было четырёхугольное отверстие, каждая сторона которого равнялась $2\frac{1}{2}$ футам; через это отверстие выходит дым; в нём отвесно стояло выдолбленное наподобие корыта бревно, имевшее около 12 зарубок или ямок, цепляясь за которые можно было подниматься и спускаться. Рядом с этой лестницей находился обложенный большими, круглыми камнями очаг, а между этим последним и нижней дверью, несколько вбок, помещался громадный медный котёл для воды; в котёл кидают большие куски льда, который тает и даёт запас всегда свежей воды. Подобный котёл составляет гордость хозяина, потому что стоит очень дорого: медь продаётся в Гижигинске от 1 руб. 50 коп. до 2 рублей за фунт. С каждой стороны от двери находились просторные полога, а против них широкие, низкие нары для посетителей, которые я и занял. Проходя во внутрь дома по бревенчатому ходу, мы спускались по наклонной плоскости, а потому было очевидно, что дом стоял не на ровной земле, а был врыт в неё приблизительно фута на три. Вокруг этой ямы стояли вертикально врытые в землю, крепкие столбы из полубрёвен, а от них подобные же столбы шли косо до верхнего остова. Всё это было очень тщательно смазано глиной, а нижняя часть постройки кроме того была обложена для большей теплоты слоем дёрна приблизительно фута на три от земли. Днём свет проникал только чрез верхнее отверстие и освещал внутренность настолько, что можно было видеть вокруг себя. Вечером зажигался фитиль из мха, пропитанный тюленьим жиром, что в моём присутствии, впрочем, было запрещено и эта светильня заменена стеариновыми свечами. К счастью, таким новшеством не был обижен ни один идол; наоборот, мой хозяин остался им очень доволен, так как мог сберечь свой жир. В этом доме было вполне сносно: дурного запаха не было, а страдать от дыма тоже не приходилось; когда он начинал беспокоить, отворяли отверстие в бревенчатом ходе, чем достигался сквозняк и дым скоро исчезал. Так как в остальном мой хозяин был вежлив и предупредителен, то я постарался помирить его с богами, что мне вполне и удалось при помощи нескольких рюмок водки. Он уже ничего не имел против того, чтобы я сам ходил по нижнему ходу, но только находил недостойными этого моих

людей. Впрочем, он предоставил мне самому считаться как умею с его богами: ведь никто иной как я заставил его отворить дверь. Впоследствии, однако, показывая мне устройство своего дома, он настолько забылся, что и сам пошёл за мной по нижнему ходу. Я предупредил его ещё вовремя о возможности дурных последствий такого шага, но он очень хладнокровно сказал мне, что ответственность за всё лежит исключительно на мне, что он не может не сопровождать меня и должен идти за мною, если я с ним говорю. На этом мы помирились и дружески беседовали между собой как в этот раз, так и на обратном пути.

Мой хозяин был, очевидно, вполне состоятельный человек; за это говорили как его просторный, хорошо содержавшийся дом с его громадным котлом для воды и обильною домашнею утварью, так и его кладовые с большими запасами рыбы и тюленей. Он уверял, что им живётся здесь хорошо: море богато тюленями, Пенжина же и особенно реки Камчатки изобилуют рыбой. Каменцы живут теперь спокойно и мирно, но подобно корякам-оленеводам они не крещены. Я нигде не слыхал жалоб на их задорность и любовь к ссорам, одним словом в них никто не подозревает потомков тех коряков, которые так долго вели энергичную борьбу с гарнизоном Анадырска и имели на своей совести столько русских жизней. Приблизительно в том месте, где стоят теперь их юрты, происходила, говорят, та битва, которая стоила жизни пресловутому казачьему голове Шестакову. Река прежде называлась Егача и только с марта 1730 года получила своё теперешнее название в память Шестакова. В исторических заметках мною будет подробно рассказано об этом сражении по данным, оставленным сподвижниками Шестакова, но я считаю теперь нужным обратить внимание на одно обстоятельство, о котором там я не упоминаю. Дело в том, что старинные предания чукчей положительно отрицают в этом случае битву с чукчами и утверждают, что Шестаков погиб в борьбе с возмущившимися коряками; чукчи в то время никогда не заходили так далеко на запад, да и не могли этого сделать потому, что должны были бы прежде пройти всю область, занятую крайне враждебными им коряками. Это во всяком случае очень веское доказательство в пользу того, что чукчи несколько не повинны в этом геройском подвиге. Таким образом, если исключить единственный несчастный случай, стоивший жизни храброму Павлуцкому, благодаря измене его же собственных людей, в исторических данных нельзя

найти ни одной чувствительной потери, причинённой русским чукчами.

В настоящее же время и коряки давным-давно бросили все воинственные замыслы; кочевые занимаются исключительно оленеводством, а оседлые помимо рыбной и тюленьей ловли очень успешно промышленности здесь кузнечным ремеслом и выделывают очень хорошие вещи при помощи самого примитивного приспособления. Оно состоит из небольшого меха, лежащего на земле в яме; работник раздувает мех в то время, как хозяин, стоя в той же яме, обрабатывает железо несколькими молотками и другими самыми простыми инструментами на камне вместо наковальни. Выделываются преимущественно наконечники копий и ножи разных форм, в каких они употребляются чукчами и другими обитателями тех стран; готовится также много цепей для собак. На Шестаковке я не мог получить ничего из этих вещей, так как хозяин не был кузнецом; он советовал мне приобрести их в Куэле или Парени, где, по его словам, находились самые искусные кузнецы. Впрочем, он мог показать мне несколько вещей, изготовленных корякскими кузнецами. Обрабатывают, конечно, только железо, потому что выделка стали им неизвестна. Зато они очень долго и энергично куют клинки для ножей в полухолодном состоянии, точь-в-точь как якуты. Благодаря этой операции железо шлифуется очень хорошо, ножи получаются очень острые, почти никогда не зазубриваются и очень легко точатся. Этого достигают и якуты, но они не умеют украшать свои произведения, подобно корякам, латунию и медью. В железо врубаются вычурным узором глубокие линии, в которые вгоняются пластинки из меди и латуни, а затем вещи шлифуются; изделия получают таким образом очень красивый вид. Коряки выделывают также очень изящные ручки для ножей, употребляя на это китовый ус и рога каменного барана; эти произведения очень любимы чукчами. Одним словом, тут царит в этом отношении оживлённая деятельность. Изделия коряков доходят до Анюя и до кергаулов и их покупают, пожалуй, охотнее, чем стальные товары русских и англичан; эти последние легко получают зазубрины или ломаются, точить же их труднее, чем корякские ножи и наконечники для копий.

19 Ноября мы поехали дальше. Нам предстоял теперь самый неприятный участок пути, потому что до Парени нам приходилось сделать

около 120 вёрст вдоль морского побережья. В хорошую погоду такая поездка ничего особенного не представляет, но во время снежной бури она может сделаться очень опасной вследствие того, что берег очень отлог, так что во время отлива трудно различить, где кончается собственно берег и где начинается обнажённое морское дно. Когда вода отступает, последнее остаётся покрытым кашицеобразным слоем, состоящим частью из снега, а частью из воды. Таким образом в ясную и тихую погоду собственно берег легко отличить; во время же снежной бури как земля, так и обнажённое дно равномерно покрываются свежим снегом; если теперь собьёшься с пути и будешь застигнут приливом, то не удаётся спастись даже на самых быстрых собаках. В первый день мы сделали всего 20 вёрст и остановились у Минкина, небольшого корякского селения, состоящего из шести домов. 20 Ноября мы ночевали в Куэле, сделав 58 вёрст; тут живёт один из самых искусных кузнецов, но вместе с тем горький пьяница, пропивающий весь свой заработок. Этот человек продаёт свой товар исключительно во время проезда нарт из Гижигинска и обратно, потому что при этих случаях он может получить плату водкой, за иную же плату у него ничего нельзя достать. Я вовсе не был расположен давать пример торговли при посредстве водки, а потому сначала ничего не мог от него получить: он просто отговаривался, что у него нет ни только ничего готового, но даже и железа; так я с ним ничего и не мог поделаться; наконец мне всё же удалось раздобыть его произведения за очень большое количество табаку, потому что он пришёл к совершенно справедливому убеждению, что табак может во всякое время променять на водку. Таким образом я приобрёл несколько прекрасных ножей и наконечников для копья для моих приятелей из чукчей. 21 ноября мы продолжали наше путешествие и остановились только у Парени, проехав 45 вёрст до этого последнего корякского поселения, расположенного у устья реки того же имени; тут мы дали отдохнуть собакам, а затем проехали ещё около 28 вёрст до реки Продольной Осиповки, притока Парени. Здесь мы встретили нарты, которые возвращались из Гижигинска к Анадырю и заночевали под открытым небом в довольно густом осиновом лесочке. Мы имели в виду сделать тоже самое, но так как барометр упал и поднялся сильный ветер, то я предпочёл ехать в течении ночи, чтобы по возможности скорее доехать

до Гижигинска. Я справился у моих спутников будут ли в состоянии собаки выдержать этот путь; мнения разделились, но в конце концов три нарты решили ехать со мной, священник же и остальные предпочли переночевать. В общем эта поездка была довольно неприятной: дорога вела не вдоль берега — ночью мы на это и не решились бы, — но через совершенно ровный полуостров Тайгонос, отделяющий Пенжининскую бухту от Гижигинской; не было видно ни одного холмика, ни одного кустика, по которым можно было бы ориентироваться, а так как небо было облачно, и мы не могли определять направление по звёздам, то порядочно-таки поблуждали. Лишь утром 22 прибыли мы к поварне, от которой до Гижигинска оставалось, как говорили, только 45 вёрст. В течение ночи мы проехали 40 вёрст: по крайней мере сколько считается между Осиновкой и тем местом, куда мы теперь приехали; таким образом мы должны были сильно блуждать по различным направлениям, потому что, в противном случае, едучи с 8 часов вечера до 10 часов утра, успели бы сделать по меньшей мере 60 вёрст. Накормив досыта собак и дав им отдохнуть два часа, мы продолжали наше путешествие и после 15-ти вёрстной езды, достигли Гижиги, у устья её притока Чёрной, где я снова встретил лиственничный лес, — первый после нашего отъезда с Большого Анюя; это знак того, что Становой хребет подходит здесь ближе к морю. Отсюда нам оставалось сделать около 30 вёрст частью по Гижиге, частью же около неё, причём лес сопровождал нас вёрст с десять, а затем разом прекратился. В 7 часов вечера мы достигли города, расположенного на левом берегу реки и на открытой тундре. Последний производит довольно неприятное впечатление: около 30 низких домишек неправильно разбросаны по болоту, нет ни заборчиков, ни оград, одним словом люди живут без всяких претензий. На моё счастье я получил довольно хорошую квартиру у одного казака и чувствовал себя поэтому вполне хорошо.

На другой день я посетил исправника Волкова, очень любезного петербуржца, который Бог весть какими судьбами был закинут со своею семьёй в этот пустынный уголок. Он соединял в своей персоне всё управление округа, потому что у него не было не только помощника, но даже и писца; таким образом он был принуждён сам переписывать свои донесения. Кроме него жили тут ещё два духовных лица, один казацкий

урядник со своей командой и два купца, братья Брагины; они составляли всё высшее общество этого отдалённого форпоста. С остальным миром Гижигинск имеет очень редкое сообщение. Однажды в году проходит здесь почта, или вернее две почты за раз. Около Рождества приходит сюда из Якутска почта, предназначенная для Петропавловска и дожидается тут почты из этого последнего в Якутск; нарты меняются пакетами, после чего возвращаются тем же путём, по которому приехали. Издавна это и было единственным правильным сообщением с внешним миром. В последние годы присоединилось ещё сообщение морем, которое, впрочем, происходит не правильно и даже не ежегодно. Оно заключается в том, что правительственные суда снабжают провиантом отдельные, расположенные у Охотского моря поселения, как-то Аян, Охотск, Гижигинск и т.д. Но в виду того, что море это очень бурно, посетить все места удаётся не ежегодно; поэтому тут всегда приходится иметь запас провианта, чтобы не ощущалось недостатка в нём в случае, если пароходу не удастся зайти в известный пункт. Прежде сообщение поддерживал казённый пароход «Сахалин», но с тех пор как он погиб (если не ошибаюсь, в 1866 году близ Тигиля), дело это было передано правительством Филиппеусу по контракту. Кроме того, порты Охотского моря начали посещать американские суда; это были частью пароходы телеграфной компании, которые привозили в Гижигинск различные машины и строительные материалы для проводимой линии, частью же — американские торговые суда. Привлекаемые богатством Камчатки дорогими мехами, купцы держали в Гижигинске своих представителей и снабжали их различными товарами для меновой торговли с коряками и камчадалами. Таким образом, благодаря этим сношениям жители заброшенного местечка получают летом известное удовольствие и выгоды, которых прежде они были совершенно лишены.

Основанный в 1752 году, т.е. около ста лет после Анадырска, Гижигинск далеко не играл в истории страны той выдающейся роли, как старое поселение. Когда в 1770 году сюда перебралась большая часть гарнизона упразднённой крепостцы, успели уже убедиться в том, что столкновения с чукчами и побоища с ними были совершенно бесцельны. Поэтому новой крепости ничего не оставалось делать по отношению к чукчам, коряки были тоже усмирены, да и далее не давали никакого предлога к военным действиям, побаиваясь сильного гарнизона.

Вследствие этого крепость скоро пришла в упадок, так что в настоящее время нет и следа старого палисадного ограждения: местечко лежит совершенно открыто среди печальной тундры. Последняя является тут тундрой в полном смысле слова, — она представляет такое топкое, кочковатое болото, что все дома окружены рвами, чтобы защитить их не от нападения неприятеля, а от напора воды. Старые казаки на этот раз снова доказали, что они положительно не в состоянии принимать в расчёт годно или негодно избранное ими для поселения место. Они очень хорошо умели обсудить выгодно ли оно для защиты и снабжается ли водою, но вовсе упускали из вида остальные удобства, необходимые для постоянного жительства. Так, например, все без исключения поселения на Колыме весной затопляются полой водой, тогда как вблизи всех их находятся высоко расположенные места, которые при всех других условиях вполне пригодны и для жилья. Первый острог на Анжее был разрушен рекою; место, на котором стоял Анадырск, было тоже уничтожено бурным потоком, хотя уже после упразднения крепостцы. Среднеколымск ежегодно затопляется так сильно, что каждую весну приходится жить по несколько дней на крышах домов и предпринимать по улицам города увеселительные поездки на лодках; между тем у самого города новые казённые здания стоят на возвышенном месте, до которого не могут достигнуть самые высокие внешние воды, даже в случае загромождения реки льдом. Таких примеров можно было бы привести массу и к ним между прочим принадлежит и Гижигинск. Старый острог был возведён на берегу реки, с одной стороны в 25 верстах от её устья, а с другой — в 10 верстах от границы древесной растительности; здравому человеческому смыслу трудно найти причину того, что могло заставить древних завоевателей выбрать такое невозможное место. В окрестностях, одинаково пустынных как летом, так и зимой, не растёт даже достаточно травы для того, чтобы дать возможность жителям местечка содержать рогатый скот и лошадей. Было сделано несколько опытов, но молочный скот не плодился, а лошади доставляли столько забот и хлопот, что из-за них не стоило прекращать содержание собак, к которым издавна успели уже привыкнуть, несмотря на их большие неудобства. Таким образом жители питаются исключительно оленьим мясом и рыбою, овощей же не знают вовсе.

В Гижигинске я оставался до 8 декабря и мог в достаточной мере убедиться, что условия торговли мехами сложились тут во многих отношениях выгоднее, чем на Анюйской ярмарке. Все товары можно было пускать здесь в продажу по более дешёвой цене, чем в Нижнеколымске; в непродолжительном времени рассчитывали даже соответственными мерами достигнуть того, чтобы предлагать самый важный предмет выгодной торговли, табак, в таком виде, который удовлетворил бы самых изысканных знатоков среди чукчей и других инородцев. Если это удастся, торговля может остаться за якутскими купцами, которые пока одни ведут дела в Нижнем и на Анюе, только благодаря почти полному отсутствию предприимчивости сибирских купцов, с трудом отыскивающих себе новые рынки. В самом деле, дорог, по которым можно было бы везти из Гижигинска на Колыму даже тяжеловесные товары, как тогда выяснилось, вполне достаточно. Источники, дающие начало как Гижиге, так и Парени, находятся на вполне удобных даже для длинных собачьих нарт перевалах Станового хребта и ведут к истоку Поворотной, которая впадает в Омолон. Отсюда идёт открытая дорога как по самому Омолону (66), так и перерезывая страну поперёк, на Среднеколымск. Путешествие до Нижнего зимою очень удобно на нартах, а летом можно направиться через Марково на Большой Анюй, а затем спуститься по этой реке. Последней дорогой уже раньше ходили с лошадьми и оказалось, что для вьючных животных летом там было достаточно корма. Впрочем, очень вероятно, что летний путь по Гижиге или по Парени вверх на хребет, а затем поперёк страны на Среднеколымск окажется более удобным потому, что нагорье Омолона и верхнего течения Колымы представляет мало затруднений, а между тем на правом берегу последней реки живут якуты со своими табунами. В виду того, что корабли приходят в Гижигинск в июле, условия торговли этого пункта много благоприятнее в том отношении, что полученные здесь товары могут быть доставлены в Среднеколымск уже в конце августа; между тем якутским купцам нет возможности прибыть туда раньше ноября, да и то только на легко навьюченных лошадях, т.е. с усиленными издержками по доставке. Если сравнить тогдашние цены на русские товары в Гижигинске и в Колымске, то разом бросается в глаза их дешевизна в первом из названных пунктов; а между тем они были и тут достаточно высоки уже потому, что вся торговля сосредоточивалась в руках одного

купца, которому, благодаря этому, вовсе не было необходимости быть слишком предупредительным относительно своих покупателей. Поэтому он имел полную возможность направлять свои товары на колымский рынок и, несмотря на путевые издержки, предлагать их здесь всё же по более дешёвым ценам, чем то могли купцы из Якутска. Я много раз говорил об этом с Брагиным, и он так ясно излагал обстоятельства дела, что было очевидно, что он вполне сознавал выгоды того положения, которое занимал. Но у сибирского купца, как сказано, от слова до дела очень далеко, а потому якутским купцам нечего ещё особенно беспокоиться. Но если Гижигинск в действительности приступит к делу, то Колыма, а может быть и Индигирка безвозвратно потеряны в качестве рынков для Якутска; последнее обстоятельство доставило бы тамошним купцам большие убытки, колымским же жителям было бы в высшей степени выгодно. Положение, в котором они в настоящее время находятся, никак нельзя назвать приятным: они пребывают теперь в полной и бесповоротной зависимости от Якутска, который имеет полную возможность определять с одной стороны цены пушнины, а с другой — русских товаров, как ему заблагорассудится. Мало того, практикующуюся системою отпуска товара в долг взаимные отношения до такой степени запутаны, что колымский житель находится в вечном долгу у якутского, да к тому же ещё никогда и не знает, как велик его счёт. Вследствие этого, чтобы задобрить кредитора, он делает ему массу услуг, которые, будучи переведены на деньги, оказались бы очень дорого стоящими, но без такого перевода признаются как нечто само собою понятное. Колымский житель принимает у себя якутского купца, кормит его, поставляет чуть ни за грош нарты и работников, так что доставка товаров до Нижнего и до Анюя обходится якутскому купцу баснословно дёшево; одним словом, колымец оказывает последнему, как принято там выражаться, хлебосольство; этого рода услуги, конечно, не заносятся в расчётные книжки, а между тем тому, кто их получает, они крайне важны, так как пребывание в Колымске продолжается приблизительно с начала января до конца мая. Правда, что якутские купцы наживают не Бог весть какие капиталы, потому что общее количество здесь обращающихся товаров не очень велико, но при выдержке и терпении кое-что нажить они всё же могут. Однако, для Колымы эти капиталы оказываются потерянными, так как купец, возвратясь в Якутск,

живёт и расходует в конце концов свои сбережения здесь. Колымский торговец никогда не может сделаться самостоятельным, кроме разве того случая, если особенно благоприятные обстоятельства помогут ему торговать непосредственно с Якутском, т.е. если ему удастся отправиться туда с пушным товаром и торговать им за свой собственный счёт. Во всяком другом случае расстояние слишком велико, чтобы в течение одного года можно было вести самостоятельно торговлю в двух местах. Напротив, с Гижигинском дело обстоит совершенно иначе, потому что расстояние много короче и колымский торговец может очень удобно употребить зиму для мелочной торговли с охотничьими племенами, а летом совершить поездку в Гижигинск и обратно. Инициатива, тем не менее, должна была в этом случае принадлежать Гижигинску, потому что жители Колымска не обладали для предприятия достаточными капиталами, да кроме того находились в то время в такой зависимости от якутских купцов, что не могли самостоятельно пошевелиться. Если бы эти обстоятельства изменились, Колыма вздохнула бы свободнее, но, как уже сказано, гижигинский купец находился и при тогдашнем положении дел в столь выгодном положении, что было очень сомнительно, чтобы он решился пуститься в новые предприятия. Чтобы ознакомиться с условиями ещё во время моего пребывания, он хотел побывать на Анюе в ту же зиму, но не исполнил своего намерения. Поэтому дела спокойно пойдут, вероятно, старым, давно заведённым порядком до тех пор, пока не найдётся предприимчивый человек и не проложит более рационального пути.

Торговля американской водкой, носящей здесь громкое название коньяка или рома, несомненно в сильном ходу и прекратить её можно было бы только абсолютным запрещением ввоза спирта. Раз он привезён в Гижигинск, следить затем, чтобы водка не попадала к инородцам не представляется ни малейшей возможности даже самому бдительному начальству; да и везут её специально для них, потому что русское население слишком незначительно для того, чтобы израсходовать всё выгружаемое количество. Насколько водка успела уже оказать пагубное влияние на обитателей, я не могу судить, потому что я слишком мало приходил с ними в соприкосновение. Можно только было заметить, что оседлые коряки от Парени до Шестаковки сильно пристрастились к

спиртными напиткам и вследствие этого благосостояние их сильно пошатнулось. Во всяком случае было бы желательно, чтобы и к пристающим в Гижигинске кораблям был применён повсюду действующий в Сибири закон, безусловно запрещающий всякую торговлю спиртными напитками вблизи мест жительства инородцев. То обстоятельство, что Гижигинск не принадлежит к этим последним, не может составить для него исключения, потому что привозимые туда товары предназначаются почти исключительно для тех же инородцев.

8 Декабря я пустился в обратный путь и 23 числа того же месяца прибыл в Марково. На этот раз я мог бы проехать много быстрее, потому что был один и во время пути имел даже возможность дважды сменить свои нарты. Между тем я должен был останавливаться как на Парени, так и на Шестаковке и жить по несколько дней в корякских хижинах; меня задержали снежные бури, ехать во время которых нельзя было и думать. При этом случае я разузнал кое-что относительно того участка пути, который лежит между Гижигинском и Паренью и который всегда считался за очень опасный, между тем как я не мог заметить на нём ничего опасного. Дело оказалось очень простым; но оно так прекрасно иллюстрирует инертность населения, что о нём стоит упомянуть. Старая дорога тянулась по льду Осиповки на протяжении нескольких вёрст и была очень легка и удобна за исключением одного места, с версту или несколько больше, — точно сказать не могу; тут оба берега реки были высоки, а левый представлял даже почти отвесную стену. Вследствие снежных бурь, при изменчивой температуре, по верхнему карнизу этой стены каждую зиму образовывался навес из обледенелого снега, который обыкновенно держался до весны, а потом обваливался. Нередко, впрочем, случалось, что вследствие каких-либо причин он обрушивался и среди зимы, затем снова нарастал и снова падал и так далее, пока не исчезал окончательно весной. Благодаря этому названный участок пути и пользовался дурной славой: прежде чем проехать на нартах под навесом приходилось всякий раз исследовать, крепко ли он держится; если имели основание предположить, что он не обвалится, на поездку решались в глубочайшем молчании и тишине; в виду того, что собаки во время бега имеют обыкновение лаять, им завязывали рты, чтобы предупредить всякий звук, который мог бы вызвать сотрясение воздуха. Несмотря на все предосторожности, всё-таки случались обвалы,

которые почти постоянно имели последствием смерть потерпевших. Это, однако, не мешало людям продолжать ездить постоянно по старой, привычной дороге. Уже много раз местное начальство приказывало старостам отметить вехами другую дорогу, но они постоянно возражали, что тут ничего нельзя поделатъ и что другой дороги нет. Так и оставались при старой, пока наконец несколько лет тому назад не случился новый обвал, который засыпал лавиной из снега и льда, если не ошибаюсь, три из четырёх друг за другом ехавших нарты. Тогда, наконец, терпение исправника лопнуло, он не ограничился предписаниями и увещеваниями, а отправился сам, чтобы исследовать происшествие на месте. При этом выяснилось, что вовсе не было необходимости непременно ехать по льду реки, а можно было преспокойно направиться по её правому берегу: гор тут никаких не оказалось. Я проезжал по этой новой дороге и нашёл, что она всюду очень удобна.

На Парени я получил сушёный мухомор (*Amanita muscaria*), который у коряков ценится очень высоко, благодаря своей способности вызывать одуряющее действие. В свежем состоянии, в котором, как говорят, он ядовит, его не едят, но всегда коптят до тех пор, пока он не сморщится и не высохнет; в этом виде его можно очень хорошо сохранять. По рассказам он растёт только под берёзами и, таким образом, распространение его ограничивается известными местностями, из которых мне особенно указывали на Пенжинское и Марково. Коряк жуёт сухой гриб, запивает его водой и проглатывает. Через несколько времени наступает возбуждение и галлюцинации, заключающиеся в том, что человек видит людей, которых на самом деле нет, самодовольно рассказывает им о своих мнимых богатствах и т.д. Он может понимать вопросы и иногда отвечает на них вполне разумно, но всегда только по отношению к тому, что во время бреда кажется ему действительностью. В состоянии одурения человек может ходить с места на место, не качаясь, но зелье, по-видимому, оказывает странное действие на зрительный аппарат: все предметы кажутся в очень увеличенном виде. Поэтому среди населения над таким опьянённым часто практикуется следующая шутка: его заставляют идти и кладут на его пути какое-нибудь маленькое препятствие, напр. палку: одурманенный останавливается, смотрит на палку испытующим взглядом и наконец перепрыгивает через неё

большим прыжком. Другое действие, производимое грибом, как говорят, заключается в том, что зрачок сильно расширяется, а затем вновь сильно суживается, при чём это повторяется несколько раз подряд. Когда одурение проходит, человек не чувствует никакого физического недомогания, им овладевает только сожаление о том, что суровая действительность заменила прекрасные образы; он рассказывает, что находился в очень приятном обществе, был обладателем прекрасных стад и тому подобное. Во всяком случае действие мухомора отличается от опиума в том отношении, что видения никогда не имеют эротического характера; им вызывается только ощущение большего внутреннего довольства и счастья в связи с внешним благосостоянием. Дурных последствий вроде расшатанного здоровья, ослабления умственных способностей и т.д., от употребления гриба до сих пор не наблюдалось, по всей вероятности потому, что в общем коряки только в очень редких случаях могут предаваться такого рода удовольствию: мухомор находят нечасто, да и то в очень малом количестве (67).

Чукчи, по крайней мере те, с которыми мне приходилось иметь дело, вовсе не были знакомы с этим зельем; но в Марково мне говорили, что и они не отказываются от него, и что жители этого местечка время от времени прибегают к мухомору в том случае, если не могут достать водки.

Возвратившись в Марково, я нашёл несколько чукчей, которые приехали сюда с мыса Пээк; между ними был Хотто, который разыгрывал прежде на Малом Анюе роль предводителя носовых чукчей; с ним был также некий Василий Менка, ужасный дурак, который, в качестве крещёного, ходил большею частью с образом, висевшим у него на верёвке вокруг шеи. Он был, по-видимому, фактотумом уже престарелого и болезненного Хотто. Он рассказывал мне длинную историю о влиянии, которое последний имел на своих земляков у мыса Пээк, об его богатстве и о разных разностях; отвязаться от него можно было только, вышвырнув его за дверь (68). Главная масса чукчей была ещё довольно далеко, да и не могла скоро прибыть; таким образом у меня оставалось достаточно времени, чтобы заняться ламутским языком и для этого воспользоваться счастливым случаем, который свёл меня с человеком, владевшим, при достаточном развитии, кроме своего собственного языка ещё русским. С другой стороны, все мои старания найти человека, знавшего

язык чуванцев, остались тщетными. Мне называли одну старую женщину, которая, как сказывали, могла на нём говорить, почему я и сделал распоряжение — привести её ко времени моего возвращения в Марково, что и было исполнено. Старуха пришла ко мне в сопровождении своего внука, молодого, сильного и очень шустрого парня, но о языке чуванцев я не мог ничего от неё узнать. Она, по-видимому, уже несколько выжила из ума, однако заявила, что сама она никогда не знала языка, но что на нём говорил её дядя, который теперь уже умер стариком более ста лет от роду. Сама она не происходила из племени чуванцев, а была юкагиркой, вышедшею замуж за чуванца. Итак, я от неё ничего не добился; зато молодой парень мог сообщить мне кое-что из слышанного от того старика о старых временах. Это были очень интересные вещи, проливавшие много света на то, что не выяснялось старыми официальными данными; он рассказал мне между прочим об обстоятельствах, сопровождавших кончину храброго майора Павлуцкого, добрая память о котором и до сих пор живёт ещё между жителями Анадыря.

Скоро приехал и старик Амвраоргин и мог убедиться в том, что трудно будет удержать чукчей от поездок в Марково, если они сочтут их для себя желательными. Тем не менее он имел твёрдое убеждение в том, что носовые чукчи мало-помалу будут подвигаться к западу, потому что они не могут долгое время обходиться без чукчей-оленоводов, последние же положительно имеют тяготение к Колыме. Амвраоргин рассказал мне теперь, что на устье Анадыря он говорил с чукчами-стадовладельцами, жившими на правом берегу самого нижнего течения этой реки, и что последние очень подробно расспрашивали его о большой западной тундре. Было очевидно, по его словам, что его народ желал покинуть восток; Амвраоргин прибавлял, что совсем уйти с востока было бы трудно, потому что он, особенно летом, представляет очень удобное местопребывание для больших стад, но что зимою чукчи будут стараться приискивать себе, насколько это возможно, более защищённые пастбища. Что же касается до торговцев с мыса Пээк, то он полагал, что заставить их переселяться нельзя, а потому в этом отношении приходилось подчиняться существующим обстоятельствам; впрочем, он не допускал, чтобы купцы вовсе перестали посещать Анюй: для торговли с кергаулами им необходимо помимо табака ещё большое количество

оленьих шкур, которые они могли получать у чукчей-оленьеводов за более дешёвую цену, чем у коряков. В конце концов мы оба убедились в том, что делать нам тут более нечего, и что нам следует спешить как можно скорее домой, чтобы привести в окончательный порядок дела об ясаке и о народной переписи. По поводу последней он дал самые строгие приказания и обещал сообщить результаты, как только мы приедем в его стоянку, где будут нас ожидать счётчики с листами.

Развязаться с этим для меня было очень важно, потому что на остальную часть зимы были у меня другие задачи. Я хотел отправиться как можно скорее в Нижнеколымск и осмотреть там рыбные магазины, которые в течение последнего лета должны были устроить жители деревень под Нижним; кроме того, я хотел предпринять поездку на нартах к востоку и достигнуть мыса Пээк. Лов рыбы на Колыме был сносный, так что можно было заготовить достаточное количество пищи для собак на время поездки; таким образом этим путём представлялась возможность достигнуть того, что не удалось прошлый год. Амвраоргин хотел сопровождать меня и на этот раз; хотя для него и трудно было снова пуститься в большое путешествие, но ему самому было очень важно посетить мыс вместе со мною, а потому он вторично предложил себя мне в проводники. Однако всё это было выполнимо только в том случае, если бы нам удалось пуститься в путь ещё в марте; поэтому мы должны были спешить и покинули Марково 21 января.

Наш путь лежал на северо-запад, так как нам надо было переехать Анадырь вблизи Пеледона и выбраться сначала на Большой Анюй, а затем на Ангарку, где в то время находилась главная квартира Амвраоргина. День отъезда мы выбрали неудачно: уже в Марково было ветрено, но ветер так ослаблялся лесом, что мы не обратили на него внимания. Но как только мы переехали через реку и выбрались на тундру, мы почувствовали всю силу бури, которая не давала нам возможности разглядеть путь. Вследствие этого в первый день мы ехали недолго, найдя приют в чукотской палатке, которая попала нам по дороге. Последняя находилась на притоке реки Щучьей, впадающей в Анадырь слева, ниже Марково. Подобно нам тут укрылись от сильного ветра несколько чукчей, так что собралось довольно большое общество людей, приехавших из самых различных частей страны. Мы должны были оставаться на месте также весь следующий день, чем я и воспользовался для пополнения

моих географических познаний. В нашей прошлой поездке мы прежде всего прошли область истоков рек, впадающих в Анадырь слева, оставаясь при этом, однако, так близко у водораздела, что было очень трудно определить, которой из больших рек, нами перейдённых на возвратном пути, принадлежали эти истоки. На съёмке, сделанной топографом, в этом отношении есть некоторая путаница, несмотря на все приложенные старания и тщательность работы; произошла она потому, что провожавшие нас чукчи не могли нам помочь в этом отношении, так как сами проезжали по этой дороге в первый раз. В настоящее же время я имел возможность посоветоваться с людьми, приехавшими, как с мыса Пээк, так и с обитателями внутренней части страны. Кое-что удалось разъяснить, но безукоризненно верной карту нашу считать нельзя, потому что впоследствии, в Нижнеколымске, мы не могли сойтись с топографом во взглядах. Тогда он уступил мне и Нейману, но потом вернулся к своему особому мнению, как это видно из сравнения карты Генерального Штаба с моею.

30 Января поехали мы дальше, сначала придерживаясь ещё истоков Щучьей и, с целью перебраться через горы, направились вверх по одному из них, именно по реке Отворотной, на которой находился тополёвый лес. Прежде чем попасть на Анадырь, нам предстояло перейти высокий горный хребет, который тянется от главной цепи гор на юго-запад и заставляет реку сделать большой изгиб. Внизу, на равнине, барометр показывал 29,39, а термометр $-9,0^{\circ}$: в долине Отворотной, в том месте, где она уже заметно начинает подниматься, барометр показывал 28,78, а вёрст 12 дальше — 28,38 при $-14,3^{\circ}$ (все по Реомюру); на вершине водораздела при той же самой температуре барометр дал 27,41. К Анадырю мы спускались по течению маленькой безымянной речонки. Как только кончилась собственно крутая часть склона (при барометре 28,33 и термометре $-21,1^{\circ}$), снова показался лес, состоявший теперь уже не из тополей, а из лиственниц ([69](#)); когда мы достигли самой реки, оказалось, что её берега были окаймлены густым и высоким лесом из этих деревьев. На берегу барометр показывал 28,62, а термометр $-22,8^{\circ}$. Проехав некоторое время вниз по течению Анадыря, мы переехали на Малый Пеледон или Анетву, а с этого последнего на Большой Пеледон или Кимгим-Вэм, который мы проследили до его истоков. Горы образуют

тут большой узел и, таким образом, появляется широкий гребень, с которого нельзя непосредственно попасть (со стороны Пеледона) в область Анюя, а нужно ещё перейти через истоки Яблона или Каруле-Вэма, представляющего из себя значительную реку, впадающую далее книзу в Анадырь с левой стороны. Вследствие этого нам предстояло перейти два хребта, прежде чем достичь Анюя. Оба они оказались одинаковой высоты, хотя собственно за водораздел между системой Анадыря и Колымы следует считать первый из них. Утром 3 февраля, когда мы выступили с Пеледона, барометр показывал 28,39, а термометр $-25,0^{\circ}$; после приблизительно трёхчасовой езды достигли мы водораздела, лишённого, конечно, древесной растительности; барометр показывал 27,12, а термометр $-23,4^{\circ}$. Спуск, против обыкновения, был очень крут и занял у нас много времени, так что мы проехали наиболее крутую часть склона и вновь достигли леса только после двухчасового путешествия, при чём барометр показывал 27,76. Затем мы поехали вниз по течению одного из истоков Яблона и перебрались через эту последнюю реку, которая здесь едва отличается от своего притока; проехав таким образом два часа, мы остановились, чтобы дать отдых собакам. Вообще дорога, с той поры как мы попали в область реки Анадыря, была очень затруднительна, потому что на льду рек лежал только рыхлый снег, по которому собаки могли подвигаться вперёд лишь с большим трудом. Чтобы несколько облегчить животным путь, впереди всё время шёл на лыжах кто-нибудь из людей, придавливая снег своею тяжестью; за ним следовали парты таким порядком, что через несколько вёрст первая нарта останавливалась, пропускала мимо себя остальные и затем уже следовала последнею. При этом силы животных сохраняются долее, потому что труднее всех приходится первой нарте; но несмотря и на такой порядок животные натёрли себе лапы, так что на них пришлось надеть башмаки (70). После того как собаки несколько отдохнули, мы стали взбираться на второй водораздел, которого достигли уже через час, в три часа пополудни, при барометре 27.14; у подошвы мы снова имели 27,84. Теперь мы находились в области Анюя, именно в долине Дракливой, у притока её, реки Худые Воды. Проехав некоторое время, мы снова остановились; горы остались далеко позади, и вокруг нас расстилалась равнина, имеющая вид кочковатого болота с редким лесом; барометр показывал 28.49, а термометр $-29,8^{\circ}$. Здесь меня оставил Амвраоргин.

Медленная езда на нартах, запряжённых усталыми собаками, ему, по-видимому, надоела; воспользовавшись случаем, он взял из попавшейся нам на дороге чукотской палатки сани, запряжённые парой оленей, и поспешил вперёд; он извинял своё бегство желанием приготовить мне у себя квартиру. По расчёту до места его жительства было уже недалеко, но на собаках, измученных ездой по рыхлому снегу, я мог добраться туда только через два дня. 4 февраля мы ехали почти исключительно по ровной местности и, хотя видели справа безлесные вершины, но оставили их в стороне, потому что дорога, к моему неудовольствию, отвела нас сильно на запад. Я хотел направиться на Орловку, чтобы выехать оттуда на Эломбал, но старик Амвраоргин имел свою главную квартиру на Анггарке, дорога же туда составляла большой крюк. Только 5 февраля выбрались мы на несколько более возвышенную местность, после того как оставили позади себя долину Орловки; больших горных хребтов мы, понятно, не могли заметить, но лесная растительность свидетельствовала, что мы находились на более высокой местности, барометр же показывал 27,73 при температуре $-20,9^{\circ}$. Наконец в полночь 6 февраля, когда барометр показывал 29,12 при термометре $-29,4^{\circ}$, мы приехали к Амвраоргину.

Против ожидания я нашёл в палатке только Амвраоргина с Анной. Из людей никто не явился, но его сын велел сказать, что перепись вовсе не удалась, потому что с нею не справились люди, которым она была поручена; он прибавил ещё, что дело это вообще нельзя будет выполнить, если я не пришлю ему на помощь грамотных людей. Это обстоятельство было в высшей степени неприятно; я не мог отказаться от переписи, хотя бы даже, в наилучшем случае, она и дала мало надёжные результаты: нужно было сделать начало, чтобы впоследствии пополнять добытые данные. Вместе с тем у меня вовсе не было времени, раз я не желал пожертвовать моею поездкой на восток; но я мог с полной уверенностью предсказать, что перепись прекратится, если только я отправлюсь в путешествие до её окончания. Это было безвыходное положение: как будто какой-то рок тяготел над главнейшей задачей моей поездки, препятствуя мне её выполнить. Чтобы дать отдохнуть моим собакам, 6 февраля я оставался у Амвраоргина и обдумывал с ним, что делать в таком положении. Он тоже, по-видимому, приуныл и полагал, что поездка не удастся; без нашей помощи перепись не могла быть доведена до

конца, а так как до сих пор ничего ещё не было сделано, то работа обещала протянуться до ярмарки, когда ехать было уже поздно. Действительно, предприняв поездку в такое позднее время, можно было надеяться достичь мыса Пээк только при особенно благоприятных обстоятельствах. Но как бы то ни было перепись нужно было выполнить во чтобы то ни стало и какие бы результаты она ни дала. Поэтому я приказал тотчас же начать её снова и обещал прислать на помощь несколько опытных людей из Нижнего; сам же отправился 7 февраля далее, чтобы как можно скорее достигнуть этого места. Мой путь шёл теперь с истоков Ангарки на истоки Эломбала, по долине которого я продолжал своё путешествие до самого Анюя. Недалеко от впадения Эломбала в Анюй мне предстояло осмотреть маленькую церковь и дом для священника, которые Амвраоргин взялся построить на свои средства. Он выразил это желание архиерею, мотивируя его тем, что миссионер, живущий постоянно в Нижнем, имел для них мало значения. Им приходилось его видеть только во время ярмарки, когда каждый занят деловыми соображениями, не имеющими ничего общего с религиозным настроением; Амвраоргин полагал, что это и было причиной медленного распространения среди них христианства. Иметь постоянного священника на Эломбале было желанием положительно всех чукчей-оленеводов: в этой местности находится много чукотских палаток, а потому как миссионер мог часто навещать чукчей, так и они его. Эти соображения были найдены архиереем правильными и таким образом началась постройка, руководить которой, за полную неопытностью Амвраоргина в таких вещах, пришлось мне. Он осведомился у меня довольно ли для выполнения подобного предприятия 400 оленей, заявляя, что о дальнейшем содержании священника позаботятся его чукчи. Ввиду того, что как церковь, так и дом проектировались небольшими, этой суммы оказалось достаточно и я сдал постройку живущим на Малом Анюе юкагирам за 250 оленей. За эту плату они обязаны были выполнить всю плотничную и столярную работу, получая от меня необходимые железные материалы и стекло. Они обязались вполне окончить всю постройку к весне 1870 года. Необходимые для иконостаса иконы и церковную утварь архиерей обещал выслать из Якутска.

Я нашёл работу далеко подвинувшеюся вперёд; оба здания были окончены вчерне, не доставало только дверей, окон и полов, тоже уже

начатых. Людям была уплачена большая часть животных, а потому они работали старательно, будучи вполне довольны. Отдав им купленные мною очень выгодно в Гижигинске железные принадлежности и стекло, я отправился далее, придерживаясь исключительно Анюя, чтобы как можно скорее добраться до Нижнего. Странное впечатление производило теперь место ярмарки: Островное, которое я видел прежде оживлённым многоязычною, бойко торговавшею толпою, было теперь совершенно пусто. Повсюду лежал глубокий снег, так что трудно было проложить себе путь к какому-нибудь дому; казалось даже, что с прошлой весны место никем не посещалось кроме медведя, следы которого были заметны на нескольких крышах. Медведь неисправимый вор и разрушитель и, к величайшему негодованию жителей, проделывает часто удивительнейшие вещи. Если чутьё заставляет его предположить, что в каком-нибудь строении находится для него пожива, он не жалеет ни усердия, ни труда, чтобы до неё добраться. Сначала он испытывает своё искусство на дверях и окнах, а если это не помогает, принимается за крышу, которая обыкновенно не может противостоять его усилиям. Настоящие крыши имеют на крайнем севере только очень немногие дома. Эти последние невелики, а потому поперечных балок вполне достаточно, чтобы выдержать давление снега (которое вообще можно не принимать в расчёт) и толстого слоя земли, которым покрывают потолки от холода. Медведь взрывает замёрзшую землю, отрывает толстые балки, которые всегда кладутся тесно одна подле другой, и таким образом попадает внутрь дома. Люди пробуют всё возможное, чтобы защитить свои потолки от подобного взламывания, но медведь очень настойчив в задуманных предприятиях и почти всегда проламывает даже самые крепкие постройки; по всей вероятности, это удаётся ему только благодаря тому, что здесь вовсе не употребляют железа, а делают всё из дерева. В Островном он обревизовал таким образом три дома, но можно было пожалеть о его напрасной работе, потому что найти ему ничего не удалось, так как в домах никогда не оставляют съестного. Не доезжая до Нижнего, 12 февраля я встретил посланца, который привёз мне поручение Императорской Академии Наук; мне предлагалось посетить место находки мамонта на нижнем течении Алазеи и дать отчёт о том, что я там найду. Хотя до известной степени я сам вызвался на него, это дело было мне в настоящее время не совсем с руки,

так как оно удерживало меня от других исследований, которые были мне ближе к сердцу. Главною задачей моего путешествия я поставил себе исправление карты Сибири, которая находилась в очень печальном состоянии, по крайней мере относительно дальнего северо-востока Азии; за исключением сравнительно очень хорошо известного морского побережья, всё остальное, нанесённое на карту, было неверно и фантастично. Особенно это справедливо по отношению Оймяконского нагорья, исследование которого я приберегал до обратного путешествия. И теперь, я не мог выполнить моего плана, потому что мне предстояло отправиться снова на север вместо того, чтобы ехать на юг; я не считал тогда ещё возможным допустить, чтобы остальные участники нашей экспедиции могли решить эту задачу удовлетворительно. Был момент, когда я думал сам отправиться на юг, а остальным членам экспедиции поручить съездить на место находки мамонта; но тотчас же отказался от этой мысли, противоречившей точному смыслу поручения Академии, которое сделано было мне лично и поэтому, худо ли, хорошо ли, а должно было быть выполнено мною самим.

13 Февраля я приехал в Нижний и нашёл там доктора Неймана и топографа, фельдшер же Антонович отправился уже в Среднеколымск.

Мои товарищи тоже не бездействовали. Нейман прилежно делал магнитные наблюдения, а также пытался дойти до Медвежьих островов, где он хотел повторить наблюдения на том же самом месте, на котором Врангель заметил отклонение магнитной стрелки в начале двадцатых годов. Однако Нейману это не удалось, потому что постоянные снежные бури принудили его вернуться обратно с Малого Чукочьего, расположенного несколько к западу от устья Колымы. Топограф нанёс свой маршрут на отчётную карту, так что мы имели возможность ещё раз, втроём, досконально переговорить о всех добытых до сих пор данных и переработать их на основании наших записных книжек. К сожалению, впоследствии, при составлении карты в Петербурге, топограф снова вернулся к своим ошибочным взглядам (относительно неправильности которых он соглашался с нами раньше) и таким образом внёс неточности в карту Генерального Штаба. Наши довольно значительные коллекции пришлось пересмотреть, высушить, проветрить и упаковать, одним словом, хлопот было у нас достаточно. Кроме того, мне предстояло ис-

полнить некоторые служебные дела, накопившиеся во время моего отсутствия; в числе их особенно много труда и хлопот доставляла мне постройка запасных магазинов в деревнях на Нижней Колыме. Одним словом, жаловаться на скуку не приходилось.

Рыбный лов был, если не очень прибыльный, то во всяком случае настолько удачный, что для меня был приготовлен достаточный запас рыбы на тот случай, если бы я предпринял поездку на восток; поэтому я мог отправить вперёд, к мысу Эрри, необходимое количество пищи для собак. Среди всевозможных хлопот и приготовлений в дальнейшем путешествие быстро промчалось время и вновь начали собираться купцы на Анюйскую ярмарку. Она должна была начаться в конце марта, а по окончании её я хотел сделать последнюю попытку достичь мыса Пээк. Надежд на благоприятный результат было мало, но попытаться всё же следовало. Нейман имел в виду отправиться ещё раз, тотчас после ярмарки, с Анюя на Медвежий острова. Топограф должен был поехать с ламутами, прибывшими на ярмарку с верхнего течения Омолона, чтобы снять возможно более полную карту этой реки. Ему надо было постараться, пройдя поперёк страны, проникнуть как можно далее вверх на Омолон, а затем спуститься по нему на лодке до Колымы. Наконец, фельдшеру было поручено остаться в Среднеколымске и с весны приняться за составление возможно более полной коллекции шкурок. Таким образом, на долю каждого выпала часть работы на остаток зимы и на весну. В июне все мы должны были снова встретиться в Среднеколымске, чтобы переговорить об обратном путешествии в Якутск. Ещё до начала ярмарки прибыл я в Островное, чтобы принять списки по переписи. В них значилось около 900 душ обоего пола, но списки были составлены в высшей степени неполно. Случалось, что некоторые семьи проводились по два раза, но эту ошибку легко можно было исправить, так как Амвраоргин и все счётчики находились налицо. Труднее было пополнить пробелы, потому что, хотя и было известно, что в том или другом месте должно быть больше семей, чем значилось, но никто не мог сказать наверное сколько их недоставало и из скольких членов они состояли. Несмотря на все эти недостатки, я всё же остался очень доволен полученными результатами. В то время я заботился не столько о верности числовых данных, сколько о введении самой системы переписи, ставив-

шей чукчей в один ряд с остальными инородцами. Со сбором ясака вначале тоже обстояло не всё благополучно: старик Амвраоргин пришёл ко мне смущённым и заявил, что он отдал самые строгие приказания, чтобы собрать необходимое число ровдуг, но что дело это слишком ново и непривычно, поэтому не всё исполнено как следует, — с одной стороны сами ровдуги плохи, а с другой их мало доставлено. Вследствие этого он хотел попробовать закупить бобровых и лисьих шкур, чтобы пополнить недостающее; последнее он действительно и исполнил. Когда он явился ко мне со всем ясаком, оказалось, что большая часть ровдуг была плохого качества, а недочёт не вознаграждался малым количеством представленных мехов. Поэтому я предложил ему продать всё с аукциона, чтобы таким образом оценить недостающее, так как каждому взрослому человеку приходилось платить по 1 рублю, а за каждого не достигшего 16-летнего возраста по полтиннику. Был назначен аукцион, который благодаря упорству двух купцов принял для чукчей столь благоприятный оборот, что можно было заплатить не только весь ясак этого года, но осталось кое-что и для будущего. Это была очень забавная история: объявили аукцион, на который явились почти все купцы, но, по-видимому, никто из них не хотел покупать с молотка ровдуг, из которых некоторые были очень хороши, а большая часть, как уже сказано, очень малоценны. Наконец, один молодой купец заявил, что он возьмёт шкуры, если не потребуют, чтобы он уплатил за них тотчас же наличными деньгами; он предложил выдать асигно вкуну получение с казны за поставку товара денег, которые ему предстояло получить в июле, в Якутске. На это я мог согласиться и советовал уже Амвраоргину принять его предложение, которое при нежелании других купцов купить товар, не будучи очень выгодным, тем не менее было сносно. Амвраоргин дал или только что хотел дать своё согласие, как дверь отворилась и вошёл ещё один купец, Николай Бережнов. Он сказал, что не был вовремя уведомлён об аукционе и спросил, что было предложено за ровдуги. Купивший эти последние молодой купец Гавриил Соловьёв заметил, чтобы он не беспокоился, так как шкуры остались за ним. Бережнов, несколько обидчивый и вспыльчивый человек, нашёл это заявление неуместным и с большою формальностью обратился ко мне с вопросом, исключён ли он из участия в публичном торге? Я, конечно, предоставил и ему право принять участие в аукционе. Тогда-

то началось наддавание цены наперебой сначала между Бережновым и Соловьёвым, а затем и со стороны остальных купцов, которые, хорошо зная Бережнова, находили удовольствие подзадоривать его. Когда Бережнов, наконец, назначил шальную цену, всё смолкло, и он увидел себя обладателем всех шкур; если я не ошибаюсь, каждая шкура обошлась ему в среднем по 1 руб. 80 коп., тогда как действительная стоимость её была приблизительно вдвое ниже. На Бережнова посыпалась масса насмешек, с которыми он вполне и соглашался, когда улеглась его горячность; Амвраоргин же был очень доволен, что так удачно вышел из неприятного положения.

На ярмарке этот раз расторговались очень выгодно; Брагин из Гижинска, однако, не прибыл, так что о делах с этим местечком не удалось узнать ничего нового. На этот раз тоже были состязания между чукчами, но на бегах Амвраоргин имел неприятность прийти к цели четвёртым. Его знаменитых бегунов съели волки на АНАДЫРЬ, а за краткостью времени он не имел возможности обзавестись другими животными. Для меня это обстоятельство было доказательством того, что его олени были в то время действительно самыми лучшими; прежде я полагал, что чукчи только из вежливости позволяли ему постоянно выигрывать.

4 апреля я снарядил топографа Афонасьева с ламутами к югу, 6-го числа — Неймана на север, а 7-го — отправился сам на восток.

Глава V

Новая попытка достичь мыса Пээк и обратное путешествие в Якутск

Поездка на восток до возвращения в Нижнеколымск — План путешествия и его выполнимость или невыполнимость — Кольчуга майора Павлуцкого — Путь до места стоянки Тинеймита и пребывание здесь — Дальнейшее путешествие. Миссионер для чукчей Аргентов — Мнение чукчи Тинеймита относительно принятия христианства его народом — Остров Айока — Мыс Эрри — Западная граница распространения моржа — Несуществовавший народ шелаги — Мнение Миддендорфа о мысах северного побережья подтверждается и здесь — Веркон и Хуата — одна и та же река — Последняя постройка Шалаурова — Плохие виды на дальнейшее путешествие; возвращение решено — Западное и восточное течения в Ледовитом океане — Земля Врангеля; её можно видеть с прибрежных гор — Перелёт птиц — Кит — Мелкий вид тюленя — вестник начала западного течения — Ящур и его проявление — «Войд» и китовая кость — Начало весны; собаки и тюлени отдушины — Напрасное подкарауливание медведя — Марево на мысе Медвежьем — Рыба в сетях на нижнем течении Колымы как вестник наступления времени радостей; прибытие в Нижнеколымск — От Нижнеколымска до Среднеколымска — Ледоход на Колыме; плавучие острова; плавучий лес — Начало рыбной ловли; собирание птичьих яиц — Загадочная смерть от употребления в пищу свежего рыбьего мяса — Остальные члены нашей экспедиции: топограф Афонасьев и фельдшер Антонович — Дальнейшие планы путешествия — Взрыв эпидемии сибирской язвы — Увеселения в Среднеколымске — От Среднеколымска до места нахождения мамонта и отсюда до Якутска — Отправление. Олбут Сылгытар — Травяные виски и нахождение в них крупной рыбы — Опускание и поднятие уровня вод в озёрах — Ловля линяющих уток и гусей — Холмистая местность среди необозримой равнины — Обещающее удачу известие о находке второго мамонта — Граница лесной растительности; различный характер лиственничного леса к югу и к северу от Верхоянского хребта — Озеро Андрей-Кёль и почвенный лёд — Проводник-тунгус — Характер местности, где находят трупы мамонтов — Первое место находки — Кусок шкуры мамонта и его волосяной покров — Уборка найденных остатков

мамонта, которых нельзя было взять с собой — Каменные столбы или кекуры — Второе место находки — Почвенный лёд и его исследование — Вероятное возникновение почвенного льда из снежных скоплений — Путь от места находки мамонта до Индигирки; Пелевой хребет — Мамонт, найденный на реке Шангине — Озеро Ожогоино и образование на нём торосов — Раннее выпадение снега и его печальные последствия — Безднадёжное положение моих лошадей — Пребывание моё в Абые до установки зимнего пути и решение продолжать путешествие на оленях — Область озёр; Селегиях, Тонгмот и Берелях — Ньехаран, Кыра и тарыны этой реки в начале их образования — Набег зайцев и его последствия — От Верхоянска до Якутска.

В течение долгого времени оставалось нерешённым будет ли меня сопровождать Амвраоргин или нет. С одной стороны, у него было большое желание принять участие в поездке, с другой же — ему предстояло много дела дома; таким образом он долго колебался. Конец этому колебанию положило то обстоятельство, что тотчас же перейти через Колыму выразило желание гораздо большее количество чукчей, чем он ожидал. В виду того, что среди них были также и обитатели нижнего течения Анадыря, нужно было принять необходимые меры, чтобы из-за переселения, в конце концов, не вышло ссор и пререканий с якутами и тунгусами, которые с давних времён жили в Большой тундре; вследствие этого Амвраоргин предпочёл остаться со своим народом и наблюдать за порядком. Но для сопровождения меня он назначил чукчу, по имени Пётр Мангол, который бывал на мысе Пээк уже несколько раз и на которого, по словам Амвраоргина, я мог положиться столько-же, сколько и на него самого. Кроме того, Тинеймит тоже вызвался сопровождать мне.

Таким образом составилось вновь довольно большое общество и вначале казалось, что путешествие имеет большие шансы на успех; но время от времени появлялось опасение, что было уже поздно и поездку не удастся довести до конца. Последнего отрицать было нельзя. С другой стороны, при более длинных весенних днях можно было делать большие переходы; снежные бури представляли тоже меньше затруднений, чем в тёмное время, когда сравнительно незначительная буря уже принуждает останавливаться, благодаря тому, что она ещё более

усиливает темноту и не позволяет ничего видеть. Таким образом мы могли рассчитывать на благоприятный исход, если только ранние восточные ветры не принесут нам неожиданной оттепели. Однако заставляло подумать то обстоятельство, что из Колымска мы не могли запасти корм для собак на всё путешествие, а должны были надеяться в этом отношении на прибрежных чукчей. При путешествии на собаках в ненаселённых местностях приходится везти с собою весь запас корма, потому что по самому свойству этих поездок нельзя, как известно, в течение долгого времени получать поддержку среди окружающей природы, а это обстоятельство крайне затрудняет путешествие. Сотня рыб, так называемых селёдок, весит пуд; весной на каждое животное нужно считать по крайней мере от 6 до 8 рыб, что составляет на нарту в 14 собак два с половиною пуда ежедневно. Хотя нарты и можно грузить 40-50 пудами, но в таком случае посадить на неё пассажира или положить другой багаж уже нельзя, да и двигается такая тяжёлая нарта едва 40 вёрст в день; мы же должны были ехать как можно скорее, а потому не могли и думать нагружаться так тяжело кормом для собак. Вследствие этого было приказано, чтобы нас сопровождали нарты с провиантом; таким образом наши собственные запасы могли оставаться нетронутыми до мыса Эрри; кроме того, в известных пунктах, начиная с Большой Баранихи, делались склады пищи, чтобы обеспечить нам обратный путь от этой реки до устья Колымы. Итак, в поездке от мыса Эрри на восток мы должны были обойтись теми запасами, которые везли с собою. Но и это было уже невыполнимо: путешествие слишком длинно для того, чтобы на всё время поездки можно было запасти пищу. Совершенно справедливо, что Врангель проник на собачьих нартах до Колючинской губы, но в его распоряжении находилась целая зима и он имел возможность устроить более значительные склады много дальше мыса Кибера; одним словом, он мог проникнуть так далеко благодаря тому, что его приготовления были более обширны. Я не был зимою в Колымске, поездку на восток на нартах я ещё тогда не решил окончательно, а потому не было причины делать заблаговременно обширных приготовлений; когда же я приехал наконец весной в Нижний, то было уже поздно, да нельзя было и найти необходимое мне количество корма для собак. Поэтому я рассчитал запасы так, чтобы выйти с ними до Рир-Кай-

пии. Здесь по собранным мною сведениям я должен был найти значительное число палаток оседлых чукчей. Если бы оказалось, что они могли снабдить меня рыбой и тюлениной, то моя поездка до мыса Пээк была бы обеспечена, в противном же случае мне пришлось бы вернуться. Но как сложатся обстоятельства ко времени прибытия нашего в Рир-Кайпию, никто мне не мог об этом сказать: носовые чукчи, собравшиеся на ярмарку, не проезжали по морскому побережью и не имели сведений насчёт улова рыбы в Ледовитом океане. В виду того, что они совершают свои ежегодные поездки необыкновенно медленно и покидают морское побережье всегда в такое время, когда виды на зиму ещё не выяснились, они могли высказывать только предположения, которые были к тому же настолько противоречивы, что из них нельзя было сделать никакого вывода. Таким образом наша поездка была путешествием на авось: нам, конечно, могло улыбнуться счастье, но нельзя было рассчитать на верное.

Мангол предоставил себя в моё распоряжение уже в Островном, Тинеймит же уехал вперёд к месту своего жительства на верхнем течении Погиндена; тут я должен был его встретить, чтобы дальше отправиться вместе. Уже все покинули место ярмарки, когда 8 апреля я очень трогательно расстался со стариком Амвраоргиным. Более года мы провели друг с другом в самом добром согласии и ему, очевидно, было тяжело прощаться навсегда. В качестве последнего дара он принёс мне кольчугу Павлуцкого, которая находилась в его семействе, насколько он мог припомнить, со времён деда. О смерти Павлуцкого он не мог мне ничего рассказать или не желал этого по каким-то ему одному известным причинам, но он утверждал, что кольчуга принадлежала майору; по всей вероятности, оно так и было. Она состояла из очень искусно вложенных друг в друга железных колец и напоминала собой род панцирей, которые носили сподвижники Ермака Тимофеевича и первые продолжатели его дела. В западной Сибири таких кольчуг было найдено несколько, в восточной же они крайне редки. Во всяком случае они были уже неизвестны завоевателям Колымы. Только про Павлуцкого рассказывается, что в своих походах он всегда носил подобный кольчатый панцирь. Принимая в расчёт с одной стороны то обстоятельство, что такая кольчуга у него действительно была украдена, а с другой, что сражение, в кото-

ром он погиб благодаря измене сотоварищей, было единственным, в котором чукчи одержали верх над русскими, не подлежит сомнению, что кольчуга эта принадлежала ему. Я принёс её в дар Иркутскому музею, где она погибла во время пожара 1879 г.

Наш путь лежал сначала вверх по Погиндену. Этот правый приток Малого Анюя впадает в последний ниже Лабугена и имеет три главных истока, которые все носят тоже имя. Мы избрали средний, шли по нему до его истоков, затем перебрались через довольно высокий горный хребет, а отсюда достигли западного, более длинного Погиндена, вверх по которому мы следовали до тех пор, пока не дошли до места стоянки Тинеймита. Он разбил свою палатку недалеко от границы древесной растительности, среди местности, занятой его многочисленными оленьими стадами. Путь, по которому мы ехали, ничем не отличался от пройденного нами раньше в области, лежащей между двумя Анюями: повсюду находились очень узкие долины рек, поросшие лиственницей, которая, однако, не достигала гребня гор. Можно было заметить, что чем дальше на север, тем стволы деревьев становились всё тоньше и короче; сколько было среди них с засохшими верхушками, зимой было определить невозможно. Возвышенность между первым и вторым Погинденами представляла широко раскинутую плоскую седловину (барометр 26,97; термометр -8,5), так что, проезжая на нартах, мы не могли видеть находящихся по сторонам и покрытых лесом долин, что почти всегда было возможно в других случаях. Местопребывание Тинеймита имело большое сходство со стоянкой Амвраоргина, но палатка была значительно меньше и всё устройство было проще. Тем не менее громадное число оленей, пасшихся по склонам гор, свидетельствовало о благосостоянии владельца, что было уже видно из щедрости, с какой он дозволил моим людям убивать столько оленей, сколько они сочтут нужным. Впрочем, я пользовался всем этим не даром, потому что условился платить за каждое предоставленное мне животное по пяти папуш табаку. Черкасский табак продаётся связками, или так называемыми папушами; на каждый фунт приходится, смотря по сорту табака, от двух до четырёх папуш. Амвраоргину я платил большими связками, а потому за каждого оленя считал по три папуши, тут же у меня были маленькие пачки, а потому за каждую голову требовали по пяти. Хотя счёт и вели

таким образом, но только приблизительный: считали собственно оленей, служивших кормом собакам, тех же, которых израсходовали люди, прибывшие на нартах с запасами за несколько дней до меня, в расчёт вовсе не принимали. Когда мы закончили все наши приготовления к отъезду и весь наш багаж был упакован и уложен на нарты, оказалось, что людям понадобилось ещё несколько оленей для продовольствия в пути. Так как было очевидно, что это делалось исключительно с целью не упустить удобного случая поживиться, то я не захотел снова развешивать табак, а потому не исполнил их просьбы; впоследствии я узнал, однако, что люди тем не менее захватили с собой около десяти оленей, за которых, таким образом, не было заплачено. Когда я пожелал покрыть и этот расход, Тинеймит просто отказался принять плату, заявляя, что несколькими животными более или менее не составляет для него никакого расчёта; одним словом, во время нашего пребывания было доставлено, по всей вероятности, много мяса, за которое вовсе не было уплачено. Впоследствии, во время путешествия, я завёл об этом предмете разговор с Тинеймитом и предостерегал его от бесполезной расточительности, ставя ему на вид, что таким путём люди скоро значительно уменьшат его стада. На моё замечание он только рассмеялся и сказал, что до этого ещё далеко и что он может кормить голодных людей и без особого ущерба в хозяйстве.

Вечером 10-го апреля мы приехали к Тинеймиту. В субботу, 11-го, я снарядил тяжёлые нарты с кладью, которые не могли бы поспевать за нами; 12-го, Пасхальное воскресенье, я провёл ещё у моего хозяина, в сопровождении которого выехал 13-го. Нам предстояло следовать вверх по Погиндену до его истоков, а затем, перейдя через горный хребет, выйти на истоки левого притока Малой Баранихи, спускаясь по которой, мы хотели добраться до побережья Ледовитого океана. Через 12 вёрст лес исчез и на северном склоне хребта более уже не появлялся: мы достигли северного предела древесной растительности. Хребет повышался постепенно и так же полого спускался на северной стороне. Проехав 62 версты, мы остановились на ночлег уже в области Малой Баранихи, устья которой мы достигли на следующий день, 14 апреля, сделав приблизительно ещё 60 вёрст. Побережье Ледовитого океана представляло здесь равнину, возвышавшуюся к западу и, насколько можно было видеть, заканчивавшуюся высокою вершиной Большого Баранова

Камня, который получил своё название от каменных баранов (*Ovis nivicola*), встречающихся там, по рассказам, в большом количестве. На востоке же мы видели перед собою исключительно плоскую равнину и только в отдалении, на самой крайней точке горизонта, заметны были более возвышенные гряды. Нам предстояла дорога, по которой шёл Врангель и которую он в своём путешествии описал настолько точно, что не было уже возможности сказать о ней что-нибудь новое. На следующий день мы продолжали наше путешествие, смотря по обстоятельствам, то по морскому льду, то по берегу, ехать по льду не всегда удобно, потому что на нём довольно часто выступают кристаллы соли, по которым полозья нарт скользят лишь с большим трудом. 15 апреля приехали мы к часовне при устье Большой Баранихи, где в одном из строений нашли приют на ночь. Большая Бараниха течёт с юга на север, но перед впадением в Ледовитый океан она делает крутой изгиб на восток, протекая в этом направлении около десяти вёрст и оставляя между собою и морем узкую полосу земли всего в двадцать сажен шириною. В то время, когда чукчи жили ещё в значительном числе на Чаунской губе и на острове Айоке, один купец, по фамилии Трифонов, выстроил, как уже было сказано, в устье Баранихи жилой дом со службами, чтобы торговать отсюда с богатыми владельцами стад. Впоследствии он выстроил тут вышеуказанную маленькую часовню, в которой в течение многих лет миссионер Аргентов совершал богослужение и старался обратить в христианство чукчей, среди которых он жил. Результаты его стараний оказались на деле ничтожными, но, насколько я мог собрать сведения относительно этого обстоятельства, не он виноват в том, что так хорошо начатое дело в конце концов потерпело полную неудачу. Всегда должно пройти много времени прежде, чем подобные, рассеянные среди язычников провозвестники духовного просвещения могут рассчитывать на хорошие результаты и, как мне кажется, их и не следует ожидать от того поколения, которое миссионеры застали выросшим. Проходит много лет, пока они основательно изучат язык и нравы людей, к которым посланы, и в течение этого времени они совершенно не имеют возможности оказывать влияние в направлении своей специальной задачи. Помимо этого, духовное общение с взрослым населением крайне затруднительно по причине преобладания среди него обыденных, материальных интересов, и даже при знании языка миссионерам

очень трудно достичь каких-либо результатов. Совершенно иначе дело обстоит с детьми, которые растут на их глазах и на которых они имеют возможность влиять; но для этого они должны постоянно жить среди того народа, обратить который в христианство они поставили себе задачей. Аргентов так и поступал; память о нём и до сих пор ещё живёт среди чукчей. Когда же он был отозван, заместивший его миссионер счёл для себя более удобным поселиться в Нижнеколымске, а на Большую Бараниху ездить для богослужения всего раз в год. Между тем чукчи всё более и более подвигались на запад, местность вокруг Баранихи совершенно опустела, а ежегодные поездки миссионера стали чисто официальными и совершались только для того, чтобы можно было сказать, что он что-нибудь да делал. Таким образом доброе начало, положенное Аргентовым, изучившим язык чукчей, погибло благодаря бездеятельности его преемника: даже крещёные чукчи остались совершенными язычниками, потому что и они не имели абсолютно никакого понятия о христианском учении и принадлежность их к православию выражалась только в имени, полученном ими при крещении. Я имел долгую беседу на эту тему с Тинеймитом, Манголом и ещё с несколькими встреченными тут чукчами как раз перед старой церковью на Баранихе. Перед тем речь шла об их собственных религиозных воззрениях, при чём выяснилось, что таковых у них, собственно говоря, вовсе не было. Кажется, правда, что они верили в загробную жизнь, но я слышал о ней такие противоречивые мнения, что не мог составить себе ясного представления об их взглядах на этот предмет. В моём ответе на запросы академика Бэра я сообщил всё, что мог узнать о религиозных верованиях чукчей и результат оказался очень плачевным. Он вполне резюмировался словами Тинеймита: перед нами всё темно, и мы ничего не знаем. Поэтому, продолжал он, мы желаем иметь у себя духовное лицо; пришлите его нам, ему нечего опасаться, ему будет у нас очень хорошо, так хорошо, как мы будем в состоянии это устроить; пусть он не думает, что ему придётся тут голодать: мы охотно доставим ему всё, в чём он нуждается; для нас, стариков, конечно уже поздно, мы ничего не в состоянии более понять, но нашим детям будет очень полезно слышать его поучения. Это говорилось с полным убеждением и с такою теплотой, которая представляла разительный контраст с обыкновенным флегма-

тическим спокойствием этого человека; его земляки тоже присоединялись к этим заявлениям и постоянно настаивали на том, что миссионер непременно должен жить среди них, чтобы его влияние имело успех. Аргентову пришлось испытать впоследствии много нападков; я не могу судить справедливы они были или нет, но мне кажется, что в вышеупомянутых заявлениях чукчей нужно видеть несомненные следы его влияния: несмотря на большое число лет, прошедших с его отъезда, можно и теперь видеть, что труды его не пропали даром.

От Большой Баранихи берег моря поворачивает на северо-восток, но, как и до этого места, остаётся плоским. Мы перешли через две маленькие речки, через Мышкину и Хоюянку, и вышли, наконец, к мелкому проливу, отделяющему большой остров Айоку — бывшее отечество чукчей — от материка. Этот пролив по-чукотски называется Айока-Пелиуткир, что значит пролив Айока; говорят, что он так мелок, что летом в тихую погоду через него можно переехать на лошади. По-русски этот пролив называется Травяной протокой, потому что, по рассказам людей, дно его поросло травой. Эти рассказы, по всей вероятности, основаны на ошибке, но очевидно, что прежде остров Айока соединялся в этом месте с материком и только морские волны и лёд мало-помалу разделили их. Полоса земли между морем и Чаунской губой носит совершенно тот же характер, как и сам остров Айока; путь, который проложило себе море, длинен и извилист, одним словом не подлежит никакому сомнению, что прежде Чаунская губа имела только одно соединение с морем, именно к востоку от Айоки. От западного угла материка, носящего название мыса Песчаного, ближайший для нас путь лежал поперёк острова или вдоль его северного берега, но мы предпочли более далёкий по южному берегу, потому что остров, благодаря кочкам и кустарникам, трудно проходим, а северный берег почти постоянно загромождён торосами, в самой же бухте можно ехать по гладкому льду. Остров Айока совершенно плоский и поднимается над поверхностью моря на высоту всего 50-60 футов, образуя при этом вдоль южной своей стороны низкую береговую полосу, совершенно напоминающую противолежащие ей западный и северный берега материка. Поверхность острова, как было уже сказано, представляет кочковатое болото, доставляющее оленям очень хороший корм; по этой причине чукчи и в настоящее время часто избирают его своим летним местопребыванием:

обильный ивовый кустарник, которым поросли его болота, служит летом отличной пищей для животных. Посредине острова находится углубление, в котором весной вследствие таяния снега собирается вода в виде озера, стекающего двумя рукавами к северу и к югу. На карте Врангеля это так и изображено. Последующие чертёжники, имея в виду линию, обозначавшую эти рукава, сделали заключение, что остров состоит из двух частей, чего на самом деле нет. Кроме имени Айока, остров носит ещё название Сабадей, но последнее в настоящее время употребляется, по-видимому, довольно редко, потому что мне называли его почти всегда Айокой. До сих пор была почти постоянно ясная погода, теперь же начались туманы и в ночь с 17-го на 18-е апреля, когда мы ехали по южному берегу острова, туман был так силён, что мы с трудом могли рассмотреть что-нибудь вокруг себя. Наконец, доехав до восточной оконечности острова, мы должны были решиться переехать через море на авось. Мы взяли по компасу направление на Руйту — довольно высокий скалистый берег материка, перед которым расположены два маленьких острова того же имени и который на карте Врангеля носит название Араутан — и поехали туда в потёмках. Море было гладко как зеркало и наша поездка, несмотря на темноту, удалась вполне. Когда к утру начало несколько светать мы могли различить на горизонте тёмные скалы Руйты и ориентироваться уже по ним. Скалистая цепь, которая тянется вдоль восточного побережья Чаунской губы, к югу от мыса Матюшкина подходит к самому берегу и сопровождает последний до мыса Эрри или, правильнее, Ырри, как чукчи называют мыс Шелагский. Мы ехали вдоль этой цепи скал, потому что не решались взять прямое направление через море по случаю всё ещё продолжавшегося тумана. Вдоль берега моря тянется узкая полоса ровной земли, которая, по рассказам, в прежнее время была усеяна большим количеством чукотских палаток; теперь же в шести верстах от мыса Эрри мы нашли всего двенадцать палаток, представлявших из себя остатки некогда густого населения. Если ближе всмотрись в окружающую местность, то, конечно, не удивишься, что чукчи предпочли перенести места своего жительства далее на запад: местность, действительно, непривлекательна. Мы должны были оставаться тут в течение двух дней, потому что сильные северо-западные ветра делали дальнейшую поездку невозможной. Палатки (которые были устроены точно также, как и у чукчей-оленоводов,

но имели очень маленькие размеры, а нижние края кож, покрывавших наружную палатку были придавлены к земле камнями) так и трещали под буйными порывами ветра и каждую минуту можно было опасаться, что их сорвёт. Тем не менее из спокойного равнодушия хозяев можно было заключить, что большой опасности не представлялось. Они говорили, что такие ветры у них обыкновенное явление, совершенно же безветренные дни очень редки. От северо-восточных ветров их защищала до известной степени высокая горная цепь, вследствие чего они и предпочли материк острову Айоке, где от ветра вовсе нельзя было укрыться. О силе тамошних бурь можно было заключить уже по полному отсутствию снега, как на побережье, так и на горах: перед нами расстился чёрный оголённый берег, который был чище, чем хорошо выметенная улица большего города. В остальном чукчи были совершенно довольны местом своего жительства. Как в самой губе, так и при выходе из неё, где они жили, рыба была не только в достаточном, но и в большом количестве; тюлени и моржи — последние, однако, только до мыса Руйта, который чукчи называли также Пээк — встречались тоже в изобилии; таким образом, по их словам, они никогда не терпели недостатка. Это казалось нам многообещающим, а потому я попробовал закупить у них корма для собак в виду того, что мои запасы приходили к концу; однако это мне не удалось. Они заявили, что, зная они о таком случае раньше, то легко могли бы сделать соответственные запасы; в настоящее же время в их кладовых находится как раз столько, сколько им нужно, чтобы просуществовать зиму, которая к тому же приходила уже к концу. Трудно себе представить, как ленив и беспечен этот народ: у них, действительно, почти не было рыбы и при нас они питались преимущественно тюленьим жиром, а между тем они жили на берегу моря, изобиловавшего рыбой, и легко могли бы сделать богатые запасы, как для себя, так и для собак. Меня очень интересовало узнать от этих людей что-нибудь о загадочных шелагах, о которых рассказывает Врангель, но о которых я не мог собрать никаких сведений от чукчей-оленоводов. Из слов Врангеля видно, что он не мог слышать имени «шелаги» от чукчей, потому что он говорит: «старик заявил, что он потомок древних шелагов, или чаванов (как их обыкновенно называют чукчи), которые много лет тому назад отправились вдоль морского побережья на запад и более уже не возвращались». Можно поэтому предположить, что Врангель

узнал о шелагах в Колымске от тамошних русских, а от чукчей старался узнать подробности об этом народе. Трудно сказать, откуда русские взяли это название. Последнее упоминается впервые одним охотником за пушным зверем Иваном Вилегиным, который заявил, что он знал некоего Копая, называвшего себя шелагом и говорившего, что он живёт на расстоянии приблизительно двух сот вёрст от Нижнеколымска. В этом месте шелагов считают за одно из племён чукчей. На одной карте того времени, начерченной в Якутске неким Львовым, мыс, который мы теперь называем Восточным или, правильнее, мысом Пээк, назван мысом Шелагским. Но всё это не объясняет, откуда русские взяли название, которое совершенно чуждо самим чукчам и которое, по-видимому, вовсе не чукотское. В высшей степени вероятно, что вышеупомянутый Копай сказал Вилегину, что он чукча, а затем прибавил имя своего ерема или старшины, или своего рода, а Вилегин его не понял и искажил чукотское имя таким образом, что нет возможности допытаться, от какого слова произошло название шелаг.

Несмотря на мои тщательные расспросы, я ничего не мог узнать о шелагах от чукчей, живущих у мыса Эрри. Они заявляли, что это слово русское, а потому значение его им неизвестно; по их словам, мыс постоянно назывался Эрри и на нём, как и на острове, всегда жили оседлые чукчи и чукчи-оленоводы, но последние впоследствии переселились на Анюй. Когда же Мангол заметил, что прежде там жили оседлые чукчи, которые говорили иным языком, чем теперешние, то они с этим согласились, но полагали, что они назывались не шелагами, а анкалами, так как жили на берегу моря. Вполне возможно, что эскимосообразные анкалы, которые и до сих пор встречаются в одиночку среди чукчей у Берингова моря, жили прежде и по берегу Ледовитого океана; тем более, что и теперь ещё, на всём побережье от мыса Эрри до мыса Пээк, находят остатки жилищ, отличающихся от палаток оседлых чукчей. Здешние чукчи слышали тоже от своих предков, что у мыса и у Чаунской губы происходили битвы, но они положительно отрицали, что удалившаяся часть населения переселилась в неизвестные земли за Ледовитым океаном. Они хорошо знали, что на этом последнем находится земля, которую все они видели с Якана к востоку от Эрри, но столь же положительно они утверждали, что туда нельзя попасть на байдарках, тем более,

что покинувшие их земляки захватили с собой и стада, которые уже, конечно, нельзя было поместить на байдарках. Зимой точно также нельзя попасть на эту землю, потому что море на некотором расстоянии от неё никогда не замерзает. Если и одинокой нарте, запряжённой собаками, невозможно туда перебраться, то как можно было совершить это путешествие с оленями, женщинами и детьми. Чукчи рассказывали также, что их исчезнувшие единоплеменники направились к западу по берегу и поселились сначала на Медвежьих островах, но затем они снова перебрались на материк и пошли ещё далее на запад: где же они в конце концов остались, — им, здешним чукчам, неизвестно.

На Анадыре тоже ничего не знали о шелагах. Таким образом это имя известно исключительно со слов Ивана Вилегина, который, по всей вероятности, ошибся, — и такого народа, по-видимому, вовсе никогда не существовало.

20 апреля мы продолжали наше путешествие. Сначала я имел намерение объехать вокруг мыса Эрри по морю, так как при выходе из Чаунской губы лёд был гладок как зеркало, но чукчи отсоветовали мне это, потому что, по их словам, гладкая ледяная поверхность вскоре после того оканчивалась и вокруг самого мыса лежала такая масса обломков льда, что не было никакой возможности проехать на нартах. Вследствие этого мы избрали дорогу по сухому пути, которая отрезывала самый мыс. На восточном побережье Ледовитого океана можно наблюдать такое-же самое явление, какое бросилось в глаза Миддендорфу на Таймырском полуострове: каждый возвышенный мыс имеет перед собою либо остров, либо отделяется от возвышенного берега материка ложбиной. Особенно резко выступало это явление у мыса Эрри. Последний представляет из себя громадную скалу, круто поднимающуюся из моря. По Врангелю высота её 3000 футов, но из его слов не видно, есть ли приводимая им цифра результат измерения или только глазомерного определения; впрочем, скала эта действительно кажется очень высокою и дикою. Восточный берег Чаунской губы, насколько мы могли его видеть при тумане, т.е. от мыса Руйта или Матюшкина, представляет хребет из чёрного глинистого сланца. Приблизительно в шести верстах к югу от самого мыса Эрри мы заметили понижение почвы, которое шло без заметного поднятия до моря, куда мы приехали по течению двух маленьких ручейков, направлявшихся один на восток, а другой на запад. То же

явление наблюдалось у всех мысов, которые мы встречали от Эрри до Якана; всех их можно было избежать таким путём, что было крайне выгодно для наших усталых собак, которым благодаря этому не приходилось ни тащиться по неровному льду, ни подыматься на крутые склоны.

От мыса Эрри до мыса Кибера горная цепь, состоявшая всё время из чёрного глинистого сланца, подступает к самому берегу, только изредка оставляя узкую полосу низменной земли, большею же частью круто опускаясь к морю. Перед мысом Кибер расположен маленький остров Аингаочка, названный Врангелем островом Шалаурова, в память отважного купца, который хотя и тщетно, но с большою настойчивостью старался объехать мыс Пээк, но здесь поплатился за это жизнью. Мыс Кибер, т.е. скала его образующая, называется у чукчей Эйчуном, а горный кряж, от которого она отделяется ложбиной, носит название Перкаиона. Этот последний идёт на восток и кончается у речки Вейгу-Вэм (травянистая река); отсюда начинается губа, в которую впадает река Куэт. Биллингс называет последнюю Хуата; он проследил её на довольно значительном протяжении. Врангель не приводит этого названия, но у него встречается река Веркон. Такое кажущееся противоречие объясняется очень просто тем, что, по словам чукчей, эта река называется у своего устья — или вернее у своих устьев, потому что она оканчивается довольно значительною дельтою — Верконом, а выше носит имя Куэт и принимает приток Пейтумлен. Очевидно, что Куэт и Хуата одно и то же название. Дельта расположена у губы с низкими берегами, отделяющейся с западной стороны от моря длиною песчаной косою, которая далеко простирается к востоку и называется Аачик. К востоку от устья Веркона поднимается горный кряж Пааорен, имеющий среднюю высоту и оканчивающийся на севере мысом Кекурный, от которого отделяется опять-таки ложбиной. Этот кряж получил своё название от возвышающихся на нём каменных столбов, кекуров; эти последние, как говорят, встречаются также и на других хребтах, но нигде их нет в столь большом количестве, как на этом мысе. К юго-западу от мыса Кекурного мы нашли на низком песчаном берегу остатки старой постройки. По углам квадрата в землю были врыты вертикально четыре крепких балки, соединённые на верхних своих концах столь же крепкими горизонтальными; таким образом получился остов, имевший в длину и ширину по три сажени, а в высоту несколько меньше. От верхних горизонтальных

балок с трёх сторон спускались косо к земле ещё по одной балке; с четвёртой стороны эта косая балка свалилась и лежала на земле, на которой валялось ещё несколько чурбанов, принадлежавших, по всей вероятности, тоже строению, потому что все они носили следы обработки топором. Не было никакого сомнения в том, что над постройкой работало значительное количество народа: балки были очень велики и несмотря на большое число лет, протёкших с того времени, на старых брёвнах легко было убедиться, что срубались они плотниками совершенно правильно; благодаря же краткости лета гниение идёт очень медленно. О происхождении этой постройки хозяин, у которого мы жили на мысе Эрри, и который нас проводил до этого места, мог сообщить мне следующее. В то время, когда прибыл сюда отец его деда, тут находился крепкий дом, который был снаружи обтянут какой-то тканью. В доме этом лежало двадцать трупов, а всего перед тем жило сорок человек. Двадцать человек отправились в горы, чтобы добраться до чукчей, но девятнадцать из них по дороге погибли, а один дошёл до чукотской палатки, был там принят, жил, однако, очень короткое время и вскоре затем умер, не будучи в состоянии произнести ни одного слова. Таков был рассказ чукчи, который сам жил на мысе Эрри, но предки которого были чукчами-оленеводами из области, лежавшей на восток от Чаунской губы ([71](#)).

Между тем виды на наше путешествие становились менее утешительными. На мысе Эрри мы могли получить только небольшое количество тюленьего жира, который представляет очень плохую пищу для собак, потому что он вовсе не питателен и может служить только для того, чтобы заглушить чувство голода. В том случае, если находишься недалеко от цели своей поездки, жир этот очень удобен тем, что собаки едят его охотно и некоторое время чувствуют себя сытыми. Вследствие этого собак можно кормить им в течение двух или трёх дней в надежде, что на это время хватит сил у животных, которые в скором времени получат питательную пищу; но для дальних поездок жир не годится и в них нельзя обойтись без рыбы или мяса. До сих пор мы могли давать нашим собакам кроме жира ещё от двух до четырёх селёдок в день, но и этого скудного продовольствия не могло хватить надолго. Чукчи, стоянки которых мы посещали по дороге, ничем уже не могли поделиться с нами и с нетерпением ждали наступления весеннего лова; они говорили также,

что, по слухам, в Рир-Кайпии наступил уже голод. Вследствие этого мы держали военный совет, на котором между прочим рассматривался вопрос, не съездить ли к морю с целью поохотиться за медведями; если бы такая охота удалась, недостаток в пище был бы устранён на довольно продолжительное время. Но этот план по совету чукчей был оставлен: море у берега замёрзло гладко, а более высокие ледяные горы, между которыми только и можно было надеяться встретить медведей, находились от берега в расстоянии приблизительно ста вёрст. Таким образом с одной стороны нельзя было наверно рассчитывать на удачную охоту, а с другой — пришлось бы, при неудаче, возвращаться на измученных собаках, которые могли бы ещё кое-как добраться до мыса Эрри, но о дальнейшем путешествии на них нельзя было бы и думать. Поэтому я решился на последнее средство: я отослал обратно две нарты, так что с нами вместе поехали только три, между которыми и была распределена остававшаяся рыба. Так я продолжал поездку до 25 апреля, когда приехал на Якан в чукотский лагерь, который состоял из шести палаток. Якан собственно не представляет из себя мыса, как его часто неправильно называют, это только название береговой полосы. Здесь собралось довольно много чукчей, и между прочим были обитатели Рир-Кайпии, пришедшие сюда с целью избежать господствовавшего там голода. Это известие вызвало с моей стороны решение возвратиться назад и отказаться от плана, который, по здравому обсуждению, не мог быть выполнен. По рассказам пришедших оттуда людей, вокруг Рир-Кайпии в прошлом году был очень неудачный лов; мало ловилось не только рыбы, но также тюленей и моржей. К тому же чукчи имеют очень дурную привычку жить с осени не экономно и расходовать провизию в изобилии до тех пор, пока погреба и кладовые полны. Таким образом уже ко времени наступления коротких дней оказался недостаток, а с тех пор, понятно, бедствие продолжало расти, так как зимний лов на побережье Ледовитого океана никогда не бывает прибыльным.

Если бы я даже заставил собак бежать из последних сил, давая им самую скудную пищу, то, конечно, с грехом пополам добрался бы до Рир-Кайпии, которая и была первоначальной целью моей поездки; но в этом случае были бы съедены последние селёдки, а без пополнения на месте пищевых запасов нечего было и думать, как о продолжении путешествия, так и о возвращении на мыс Эрри. Но так как на такое пополнение

вовсе невозможно было рассчитывать, то нельзя было продолжать и поездки. Правда, чукчи полагали, что лов тюленей в настоящее время, по всей вероятности, начался или по крайней мере предвиделся в ближайшем будущем, но даже самый удачный лов, по их словам, мог на первых порах только удовлетворить потребности голодного народа и собак, достать же провиант для моей поездки было положительно немыслимо. Чукчи основывали свои надежды относительно начала ловли на следующем наблюдении. Летом в море происходит сильное течение с востока на запад, продолжающееся до наступления тёмных дней, а затем оно поворачивает и направляется с запада на восток. До тех пор, пока продолжается восточное течение — рыба ловится хорошо; когда же оно становится западным — рыба, а также и тюлени, уходят и лов прекращается. В данное же время скоро должно было начаться восточное течение, которому предшествует появление большего количества мелких тюленей. На Якане самое течение незаметно, а узнать о нём можно только по появлению этих мелких тюленей. То, что мне сообщали здесь о морском течении и его ежегодных сменах, вполне согласовалось с тем, что рассказывали об этом чукчи-торговцы. Как известно, они торгуют с кергаулами не на материке Америки, а отправляются на один из мелких островов Св. Диомида, который они называют Илиром и который, по их словам, населён иммалинами, одевающимися в платье из птичьих шкур. Добраться до этого острова на байдарках крайне трудно, потому что в это время, т.е. приблизительно в конце июня, происходит очень сильное течение на север, легко проносящее лодки мимо острова. Вследствие этого чукчи избирают для переезда те дни, когда господствуют сильные северные ветры, и таким путём попадают на желанный остров несмотря на очень сильное волнение; нередко, впрочем, бывает, что байдары опрокидываются и пловцы тонут. Пангао, который знал эти поездки по собственному опыту, говорил мне, что зимою движение воды в проливе не имеет никакого определённого направления, о чём легко заключить по ходу льдин; но он ничего не мог сообщить мне о течении весной.

О земле Врангеля чукчи могли сообщить различные сведения, так как все они видали её по несколько раз. Все они утверждали, что с прибрежных скал в ясные дни вполне отчётливо можно видеть на горизонте высокий мыс, несколько понижающийся к западу. Поздним летом снег исчезает тут с гор, но остаётся в ущельях самых высоких вершин, и

тогда его можно ясно различить в виде белых полос. Зимой возвышенные точки заслоняются ледяными горами, но как только море очистится, они становятся легко заметными. Ещё лучше видна земля Врангеля с того места, где Яканское побережье выступает далее на север; место это находится отсюда приблизительно в 15 верстах на восток. Никто, однако, из чукчей не достигал этой земли, да и до них никому это не удавалось. Для поездки туда по воде их байдары не годятся, а зимой точно также невозможно перебраться по льду, так как море никогда не замерзает сплошь, а всегда остаётся открытое пространство. Время от времени и эта полоса покрывается льдом, но он ненадёжен и постоянно движется.

Из разговоров с чукчами выяснилось, что они очень хорошо были знакомы с условиями состояния льда на их побережье благодаря тому, что в течение зимы они при всяком удобном случае делают попытки ловить тюленей. Вследствие этого они очень хорошо знают расположение зимних ледяных гор и отлично между ними ориентируются. Но на дальнем расстоянии от берега эта уверенность исчезает, потому что цепи ледяных гор не остаются неподвижными, а часто меняют место. Тут-то и начинается опасность, потому что гладкий лёд между подвижными ледяными горами настолько тонок, что его можно проткнуть копьём. Одним словом, все эти данные о состоянии морского льда вполне совпадают с тем, что мы узнаём из путешествия Врангеля: чукчи в своих поездках могли убедиться в том же, что наблюдал и он. Двое из них с большим жаром рассказывали об одном приключении, которое случилось с ними во время такой поездки по льду. Они отправились на охоту за медведями и, попав на свежий след, отъезжали всё дальше и дальше от берега; наконец, когда начало смеркаться, они опомнились и увидели себя в совершенно незнакомой им местности. Тогда они решили заночевать. Утром, когда рассвело, с одной из ледяных гор они могли отчётливо видеть горные вершины на земле Врангеля, но, вернувшись к своим нартам, заметили, что лёд был чрезвычайно тонок, а потому поспешно возвратились назад. Моё возражение, что они могли ошибиться и принять высокие ледяные горы за землю, они положительно отрицали, да и другие полагали, что настоящие горы нельзя смешать с ледяными. Точно также рассказывали об одной поездке, совершённой чукчами на байдаре с целью поохотиться за моржами. При этом люди отъехали от

берега дальше, чем обыкновенно, так что оставались видными только возвышенные части побережья; на земле Врангеля охотники тоже видели горы, которые на этот раз были совершенно покрыты снегом.

Этими рассказами снова буквально подтверждаются слова Врангеля, который заявляет, что там находится земля, но что добраться до неё на нартах, при обыкновенных условиях состояния льда, невозможно.

Таким образом существование там земли твёрдо установлено, но эта земля есть остров Врангеля, а не сказочная земля Андреева, как предполагает начальник экспедиции «Веги». Тут нужно упомянуть об одном, очень замечательном обстоятельстве. Даже в том случае, если бы Врангель не доставил нам никаких сведений о существовании суши на севере, уже на основании птичьих перелётов мы должны были бы всё-таки заключить о существовании её, и именно земли больших размеров. Побережье Ледовитого океана в пределах Якутской области необыкновенно богато птицами: утками, гусями и лебедями, так что ловля их играет важную роль в хозяйстве жителей. Но это обилие птиц прерывается в двух местах побережья: одно из них простирается от Омолоя на западе до Хромы на востоке, а другое начинается вёрст пятьдесят к западу от Якана и тянется до Рир-Кайпии. На этих двух участках лов птиц очень незначителен, но тут можно наблюдать пролёт большего количества их на север. Для участка от Омолоя до Хромы последнее обстоятельство можно было бы объяснить присутствием больших сибирских островов, если бы не было доказано, что на них проводит лето только небольшое количество птиц, а большая часть их продолжает своё путешествие густыми стаями в северо-восточном направлении. Я говорил об этом как в Усть-Янске, так и в Русском Устье и Ожогине с людьми, которые по несколько раз посещали острова: все они единогласно подтверждали сказанное. Этот факт мог удостоверить также Санников, с которым я виделся в Якутске. Из птиц, которые совершают эти перелёты, упоминаются преимущественно следующие: белый гусь, гага, различные виды уток, *Tringa* и *Totanus*, т.е. иными словами, формы, либо питающиеся непосредственно растительною пищей, либо поедающие животных, которые живут на счёт растений. На основании этого следует заключить, что на севере есть суша, достаточно обширная для того, чтобы производить растительность, могущую прокормить столь боль-

шое количество птиц. Вследствие этого очень странно, что по наблюдениям «Жанетты» и других экспедиций земля Врангеля, куда, по-видимому, направляются все перелётные стаи, представляет из себя лишь остров незначительных размеров. Хотя экспедиция «Жанетты» доказала присутствие и других островов, но и они, по-видимому, недостаточно велики, чтобы на них могла существовать удовлетворительная растительность или даже растительность вообще; к тому же невероятно, чтобы вообще мелкие острова на Ледовитом океане могли покрываться растительным ковром. Таким образом, в данном случае мы имеем дело ещё с нерешённой загадкой.

Точно также и киты, по-видимому, кое-когда появляются у Яканского побережья, но за ними уже более не охотятся, как прежде. Поэтому наш хозяин продал мне китовый гарпун, который пускал в дело, может быть, его отец, но не он сам. Показавшийся кит держится так далеко от берега, что людям невозможно охотиться за ним. С моржом дело обстоит иначе, — охота за ним продолжается ещё и до сих пор, хотя она и менее прибыльна, чем прежде. Это животное встречается до мыса Эрри, который составляет западную границу его распространения. В горле Чаунской губы морж встречается довольно часто, но в самую бухту он не заходит. Последнее обстоятельство может находиться в связи с распространением водорослей и водящихся на них мелких морских животных, которыми морж питается. На побережье Ледовитого океана до мыса Матюшкина встречаются широкие водоросли, к западу же и к югу от последнего мыса, как и во всей Чаунской губе, они отсутствуют, а вместе с ними исчезает и морж.

26 Апреля мы пустились в обратный путь, но в первый день сделали только короткий переход, потому что мой казак из Колымска, Иван Котельников, сильно захворал лихорадкой. По необходимости мы должны были приютиться в чукотской палатке до тех пор, пока он не оправился, хотя остановка эта была нам вовсе не к стати. Как известно, наши запасы шли на убыль, на чукчей же в это время года нельзя было надеяться, а в том месте, где мы должны были остановиться, чувствовался недостаток даже в топливе. Побережье довольно густо заселено, а потому плавучего леса требуется больше, чем его приносит море: приходится долго искать прежде, чем найдёшь кусок дерева. Не имея дров, чукчи прекрасно обходятся и без них, нам же они были необходимы и потому мы должны

были приобретать их за несоразмерно большое количество табаку и железных ножей. Конечно, чукчи отправлялись на поиски и всегда приносили несколько поленьев, но заставляли оплачивать свои труды очень дорого. Нам пришлось остаться на месте 27-го и 28-го числа, так как лихорадка казака не прекращалась, но за то мы имели удовольствие убедиться, что весенний лов начался. 28 апреля можно было заметить, что чукчи пришли в необыкновенное возбуждение и движение: все они окружили двух парней, которые, по-видимому, только что вернулись с моря. Я пошёл туда с переводчиком и увидел, что они расположились вокруг убитого тюленя, причём оживлённо разговаривали и шутили; тюлень был небольшой и имел всего два с половиною фута в длину. Я узнал, что животное составляло очень важную, обрадовавшую их добычу в том отношении, что с появлением мелких тюленей несомненно совпадало начало восточного течения и с этих пор можно было рассчитывать на более прибыльный лов. Ввиду того, что людям были необходимы преимущественно мясо и жир, я рассчитывал приобрести шкуру для моей коллекции и предложил купить её у владельца. Но тут я наткнулся на неожиданное сопротивление, причём чукча с полного одобрения всех своих земляков объяснил, что он может уступить шкуру, но только без черепа, потому что последний должен быть принесён в жертву. Никакие разговоры не помогли, а привели только к согласию уступить череп, но с отрубленной мордой: лишить богов или демонов — точно я не мог узнать — этой части было никак нельзя. Я предлагал табак, даже водку, но и эти заманчивые вещи не помогли, так что я должен был отказаться от своего намерения. Все эти люди необыкновенно суеверны, да и русские не менее, чем чукчи. Мои казаки уверяли, что череп первого пойманного животного непременно следует посвящать нечистой силе, но что чукчи поступают неправильно в том отношении, что они приносят эту жертву от каждого животного, чего вовсе не требуется. Старик Котельников был того убеждения, что в данном случае можно было бы сделать исключение и, в виду столь высокой платы, продать и череп: можно было бы при другом случае задобрить нечистую силу и тем застраховать себя от её гнева.

Между находившимися тут чукчами мне указали на одного человека, бывшего прежде оленеводом; в настоящее же время, потеряв свои стада от ящура, он пришёл на мыс Пээк, чтобы заняться рыбной и тюленьей

ловлей. Казалось, что он совершенно покорился своей горькой участи: он рассказывал, как его постигло несчастье и объяснил, что собирается на некоторое время заняться чем-нибудь другим до тех пор, пока гнев судьбы не успокоится. Если ему не посчастливится на мысе, он собирался поступить в услужение к стадовладельцу пастухом и таким путём снова достигнуть самостоятельности. В тот момент, когда его постигло несчастье, он жил со своими стадами на истоках Малой Баранихи; Котельников и переводчик Лыкчин видели это место, когда в начале нашего путешествия поехали вперёд с запасом пищи для собак. Мангол рассказал им об этом происшествии, и когда они остановились поблизости на отдых, свёл их к месту палатки. Уже раньше они встречали в тундре значительное количество обглоданных волками и лисицами оленьих трупов, а у палатки нашли много правильно содранных шкур, которые были сложены в одну кучу. Рядом помещалось точно также правильно разрезанное на куски мясо животных, тоже сложенное в кучу. В самой палатке всё осталось в том виде, как было при владельце: под дымовым отверстием висел котёл, лампа стояла в спальней палатке, домашние принадлежности, сани, посуда и всё остальное было на своём месте и в полном порядке; можно было ожидать, что вот-вот появится хозяин и его жена и станут приветствовать гостей. Но всё было пусто и мёртво, — хозяин навсегда покинул место несчастья и проклятия и принёс всё своё состояние в жертву демону; не были взяты даже несколько лисьих шкур и моржовые клыки. По мнению Мангола всё это было сделано так, как оно и следовало. В начале эпидемии владелец пытался прекратить распространение болезни, отделяя и убивая заражённых животных; но, как и всегда, это средство не принесло пользы. Тогда он пришёл к заключению, что ему было предопределено разорение, и, в надежде умиловить злого духа послушанием, он решил сам привести в исполнение этот приговор над собой. Он собрал всех здоровых животных, убил их, содрал шкуры и разобрал туши; затем он привёл в порядок всё своё имущество, положил его в палатке и вокруг неё, так что нечистый дух мог легко убедиться, что ничего не удержано. Вслед затем хозяин удалился, не взяв с собою ничего, кроме посоха и того платья, которое носил на себе. Так требовал священный обычай страны и только этим путём можно снять с себя проклятие.

Нельзя отрицать, что этот обычай жесток, но он, несомненно, благодетелен и полезен и, по всей вероятности, является самым лучшим средством предотвратить распространение страшной заразы. Трупы разлагаются в глуши, а вместе с тем пропадают и зародыши заразы; такого места все избегают, никто не прикасается к проклятому имуществу, так что дождь и непогода могут достаточно дезинфицировать очаг заразы. Между тем при иных условиях зараза легко могла бы быть переносима в другие места, что было бы громадным неучастием. Казаки нашли, конечно, совершенно излишним героическое пожертвование столь большого имущества и пожелали присвоить себе кое-что из него; в этом Мангол положительно отказал и решительно ничего не дал взять с собой, но, однако, дозволил накормить собак оленьим мясом.

29 апреля Котельников оправился настолько, что мы могли продолжать наше путешествие, да было и пора. Морозы, которые прежде держались приблизительно на 10 градусах ниже нуля по Реомюру, последние два дня сделались легче и термометр показывал -5 и -6°; вместе с тем начали дуть тёплые ветры: всё указывало на то, что весна на этот раз намерена поспешить своим появлением. К тому же мы могли давать нашим собакам, помимо сала, всего по две селёдки ежедневно, что составляло очень небольшую порцию в пути, становившемся всё хуже и хуже. Вследствие этого мы двигались по направлению к дому так поспешно, как только могли. Нам помогало в этом отношении то обстоятельство, что участок пути от Якана до устья Веркона сравнительно очень удобен. Побережье в общем очень ровно; немногие, к тому же не очень высокие мысы можно обойти, так как между ними и высотами, находящимися к югу от них, расстилается значительная низменность, покрытая множеством соединённых друг с другом озёрков, лёд которых представляет прекрасную дорогу. Как говорят, эти озёра находятся также в сообщении с морем, вследствие чего, в известное время года, они очень богаты рыбою; этим и объясняется сравнительно большое число находящихся тут чукотских палаток. Здесь живёт много чукчей не только зимою, но и летом к берегу прикочёвывают чукчи-оленоводы: животным очень полезна в это время года близость моря, людей же в свою очередь привлекает изобилие рыбы.

К вечеру 29-го апреля несколько прояснился до сих пор постоянно туманный горизонт, и это дало нам возможность убедиться, что солнце

перестало уже заходить: огненно красный диск его в полночь не опускался уже за горизонт и, прокатившись некоторое время по гладкой ледяной поверхности, снова начинал подниматься. С этих пор для наших переходов мы пользовались светлыми ночами, а днём отдыхали, потому что войд, или тонкий слой льда, которым перед выездом покрывают полозья нарт, не мог более держаться. Но и ночные путешествия были уже не в мочь, — с началом мая термометр перестал опускаться ниже нуля, намораживать войд было больше нельзя и только с большим трудом собаки могли волочить по мягкому снегу намокшие полозья. Давным-давно пора было добраться до мыса Эрри, а между тем мы могли подвигаться лишь медленно, так что прибыли сюда только утром 4 мая. На побережье к востоку от Эрри, особенно в тех местах, где скалы подступали близко к берегу, оставляя только узкую его полосу, снег уже начал сильно стаивать, а во многих местах показалась обнажённая трава. При этом можно было убедиться насколько густо было тут население в прежнее время. Повсюду видны были следы чукотских палаток, легко заметных по расположенным в круг камням, которыми прикрепляли к земле их стены. В одном месте я мог насчитать тринадцать таких кругов; мест же, где их было по пяти и шести, встречалось много.

Для нас очень важно было получить от чукчей достаточное количество китовых костей, чтобы обтянуть ими полозья наших нарт. От этого зависела участь нашей дальнейшей поездки, потому что иначе собаки не были бы в состоянии довести нас до Колымска. Вследствие этого тотчас по приезде начались розыски и справки, которые при некотором труде и терпении увенчались желанным успехом главным образом потому, что после покупки всякого куска кости продавцу подносилась рюмка водки. Этот в высшей степени важный для крайнего севера предмет последнее время становится редким; вполне удовлетворяющие своему назначению куски кости могут быть выделаны только из нижней челюсти кита и добыты лишь в том случае, если выкидывается на берег мёртвый или живой ([72](#)) кит; к сожалению, как те, так и другие встречаются редко.

4 Мая моим людям пришлось работать очень усердно: отдельные куски кости, имевшие от одного до двух футов в длину, три дюйма в ширину и приблизительно четыре линии в толщину, приходилось пригонять под полозья, просверливать в них дыры и привязывать ремнями;

всё это стоило большего труда и многих хлопот. Куски кости, как и все остальные принадлежности нарты, могут быть прикреплены к последней только ремнями; ввиду того, что сами ремни должны быть защищены от всякого трения — в противном случае они изнашивались бы очень скоро — пригонять их приходится очень тщательно в том отношении, что каждый ремень должен аккуратно ложиться в сделанный для него желобок. В этих хлопотах прошёл день, принёсший нам первый дождик в течение года. Дождём согнало со льда губы последний, кое-где ещё лежавший, снег. И тут жители были в радостном настроении и надежде: здесь тоже появился тюлень, а вместе с тем счастливо миновало время продолжительной голодовки.

5-го Мая мы отправились в путь. Был тихий и прекрасный день при 4° тепла. Почти всё мужское население находилось с гарпунами в руках на льду и следило за трещинами и прорубями в надежде, что из них выйдет тюлень. По-видимому, на это рассчитывали и наши собаки, потому что они были крайне возбуждены и, приподняв головы, с хриплым лаем бежали по гладкой ледяной поверхности, очевидно чуя тюленей. Обивка полозьев костями имеет громадное значение: нарта скользит по льду почти без трения, так что животным не приходится тянуть, и они несутся при повисших постромках. Но это иногда имеет и свои дурные стороны, в чём мы не замедлили в скором времени убедиться. Мы ехали очень быстро, что было вполне понятно: на мысе мы оставили все наши запасы, нарты были очень легки, а животные между тем получали пищу вдоволь. Вдруг собаки понесли: вёзший меня Котельников успел только выругаться и поспешно начал тормозить нарту. Это, однако, ему не удалось: снегу не было, гвоздь тормозной палки плохо втыкался в гладкий, покрытый тонким слоем воды лёд и, несмотря на все усилия Котельникова, мы неслись вперёд как шальные. Я никак не мог понять причины, почему мы вдруг так помчались; Котельников же не мог говорить, потому что с одной стороны он был занят торможением, а с другой оттого, что принуждён был плотно сжимать рот, так как 48 собачьих лап окатывали его массой воды. Так неслись мы некоторое время вперёд, а затем повернули назад с такою силой, что нужно было всё искусство Котельникова, чтобы нарта не опрокинулась; мы продолжали нестись так же бешено и так же безумно. Пробежав некоторое пространство, собаки начали оглядываться, а казак, воспользовавшись этим моментом,

удачно остановил нарту. Вид его был ужасен: вся передняя сторона тела, от головы до ног, была залита водою, что не могло не подействовать и на его расположение духа. Облегчив себя несколькими проклятиями, он рассказал о случившемся: собаки увидели вдали на льду тюленя и, понятно, понеслись на него; когда они приблизились к животному, оно нырнуло в дырку; миновав эту последнюю, не чуя более тюленя и не видя ничего перед собой, собаки вдруг повернули, вторично перенеслись через трещину и только тогда были, наконец, остановлены. Подобное же происшествие приключилось с нами и в дальнейшем нашем путешествии, причём собакам удалось вознаградить себя за свои труды. Как и тот раз, они начали бешеным бегом, на что я сначала не обратил внимания, так как это сделалось уже обыкновенным явлением; но вдруг они остановились и с первого взгляда казалось, будто они начали между собою драку. Котельников соскочил с нарты и стал их разгонять тормозной палкой, предварительно закричав мне, чтобы я не подходил близко, так как в такой момент животные могут быть очень опасны. После нескольких здоровых, отвешенных со всею силою убеждения, ударов вцепившимся друг в друга животным, собаки расступились и тогда только можно было заметить лежащего на льду, растерзанного маленького тюленя, голова которого на половину была затиснута в пасти одной из собак; только с трудом удалось вырвать животное. Свора заметила на льду матку с детёнышем и накинулась на них; самке удалось вовремя скрыться в трещину, детёныш же собрался, по-видимому, посмотреть, что собственно случилось и пал жертвою своего любопытства. Намерение снять шкуру с животного пришлось оставить, так как вся она была изодрана, из костей уцелели тоже немногие, так что тюлень представлял из себя бесформенную массу, которая тотчас же и была разделена между собаками, участвовавшими в охоте.

Путешествие наше, насколько позволяли обстоятельства, шло хорошо; в условленных пунктах мы находили заготовленной пищу, а благодаря тому, что мы придерживались по возможности льда и избегали сделавшегося уже рыхлым снега, собаки были бодры. Большой Баранов камень мы миновали вышеуказанным способом, т.е. объехали его по находящейся тут ложбине; мы выбрались к бухте между ним и Малым Барановым камнем в том месте, где находилась маленькая охотничья хижина. Здесь мы хотели дать собакам лишь короткий отдых, а затем

ехать далее; но случилось одно обстоятельство, давшее людям повод просить меня остаться тут ночевать. Нашлись явные указания на то, что сыновья Ивана Котельникова незадолго перед тем были тут на промыслах: здесь просушивались их сети для ловли тюленей, что было несомненным доказательством того, что они намеревались вернуться сюда в самом непродолжительном времени. У запертой накрепко двери хижины Котельников нашёл даже одного тюленя и в начале немало ворчал по поводу лености своих сыновей, которые не постарались спрятать животное в хижину или, по крайней мере, взять его с собой. Впрочем, ближайшие исследования показали, что старик напрасно бранил своих сыновей: виновником происшествия оказался медведь, намеревавшийся совершить кражу, довести до конца которую помешало ему, по всей вероятности, наше неожиданное прибытие; и действительно, медведь поработал тут немало. Хижина была срублена из крепких стволов плавающего леса и имела приблизительно сажень в высоту; потолок состоял из таких же толстых балок, положенных одна подле другой и скреплённых деревянными брусьями; поверх потолка был навален слой мёрзлой земли в фут с лишком толщиной. Земля была сброшена с трёх балок на всём их протяжении; самые же балки были вытащены из-под брусьев, несмотря на то, что они были заклинены; таким образом получилась дыра, достаточно широкая для того, чтобы медведь мог пролезть в неё. Кроме того, он умудрился ещё вытащить из избы целого тяжёлого тюленя, но эта работа обошлась ему, вероятно, дорого, потому что расстояние от пола до потолка было всё же очень значительно для животного. Люди были вполне уверены в том, что медведь возвратится за своим, добытым с таким трудом, тюленем, а потому просили позволения притянуть его к ответственности. В виду того, что мы приближались уже к Колыме и нечего было опасаться, что остановка нас задержит, я согласился остаться тут переночевать. Собак спрятали в овраг, находившийся на расстоянии нескольких вёрст; мою палатку поставили в стороне, так что медведь не мог её заметить, тем более, что ветер дул с той стороны, откуда шли его следы, и таким образом всё было подготовлено к его приёму. Но он не приходил, несмотря на то, что его стерегли всю ночь и следующий день; не раскладывали даже огня и принимали всевозможные предосторожности, чтобы его не испугать; по всей вероятности, он нас заметил или почуял издалека, потому что так и не

показался. Но когда мы поехали дальше и двигались по льду у подошвы довольно круто спускающегося к морю Малого Баранова камня, мы увидели его сидевшим и наблюдавшим за нашим отъездом. Он находился вне выстрела, выражение его лица нельзя было рассмотреть, но вся осанка его выражала полное довольство: он несомненно имел в виду продолжать начатое и прерванное дело, как только мы скроемся из вида. И действительно, как я впоследствии узнал от Котельникова, он привёл своё намерение в исполнение; но на этот раз люди так крепко заделали потолок, что сыновья Котельникова, тотчас же туда отправившиеся, могли констатировать только попытки медведя проникнуть внутрь хижины.

На мысе Медвежьем нам случилось наблюдать прекрасное световое явление. В этом месте мы находились против западного берега устья Колымы и имели его к юго-западу на расстоянии более ста вёрст в прямом направлении. В усеянной множеством отмелей и низких островов Колымской губе лёд бывает, как и на этот раз, совершенно гладок, но тем не менее, рассмотреть противоположный берег никогда не удаётся даже в самый ясный, солнечный день, потому что он возвышается над поверхностью воды не более как на сто футов. Между тем на этот раз мы могли видеть весь берег в высшей степени отчётливо на значительном протяжении. Всё возвышенное побережье, со всеми его ущельями и трещинами, появилось над горизонтом; оно было покрыто ещё снегом, но на некоторых местах последнего не замечалось. Обман зрения был настолько силен, что люди в первое время были просто озадачены и совершенно забыли, что видят перед собой световое явление, с которым они были прекрасно знакомы. В зрительную трубу можно было рассмотреть, что берег хотя и представлялся отчётливо, но в обратном виде.

С мыса Медвежьего мы направились вверх по Колыме к Нижнеколымску, куда приехали 13-го мая, — как раз вовремя: весеннее солнце начало уже и тут проявлять свою силу, так что через несколько дней лёд сделался ненадёжным. Жителям Нижнеколымска мы могли привезти с собой приятную весть. Приблизительно против Черноусова мы нашли сети для ловли рыбы, опущенные в воду. Мои люди не могли отказаться от удовольствия пробить затянутое льдом отверстие и осмотреть снасть. Подобные сети ставят в продолжение всей зимы в надежде, что

попадётся рыба, идущая в это время в море; но лов не всегда бывает удачен, потому что в обратное путешествие рыба идёт не сомкнутыми массами, как во время нереста, а отдельными экземплярами. Но люди хотели удостовериться не начала ли рыба подниматься вверх по реке и принялись вытягивать сеть. Эта процедура продолжалась довольно долго; извлечь сеть из глубокой проруби дело далеко не лёгкое, но труды их увенчались тем, что они добыли трёх муксунов и одного омуля, а главное убедились, что рыбы торчали в ячейках головой против течения. Таким образом ход рыбы вверх по реке уже начался, а вместе с тем и для Колымска настало время радостей.

Я нашёл Нижнеколымск совершенно опустевшим, но меня ожидали тут письма моих товарищей по путешествию: из них я узнал, что Нейман счастливо совершил поездку за Медвежьим острова; кроме того, он извещал, что он и фельдшер вместе с коллекциями и другим имуществом экспедиции благополучно пребывали в Среднеколымске. От топографа Афонасьева, отправившегося на Омолон, конечно, ещё нельзя было ожидать известий. Что же касается меня самого, то мне приходилось остаться в Нижнем ещё около месяца: нужно было переждать ледоход, закончить целый ряд административных дел, да кроме того дожидаться той части моего багажа, которую я оставил на Анюе. Лёд на Колыме первый раз пришёл в движение 19 мая, но он только тронулся и тотчас же остановился неподвижно, как и прежде. Он трогался и в последующие затем дни, но настоящего ледохода ещё не было заметно. 23 Мая вскрылись оба Анюя и их чёрная вода с большой силой хлынула на державшийся ещё на Колыме лёд. Это обстоятельство сделало своё дело, потому что вечером 24 мая слышен был шум и треск, которыми всегда сопровождается ледоход могучих рек Сибири: ночью лёд двинулся на всей Колыме, от берега до берега. Настоящий ледоход продолжался два дня и только к вечеру 26 мая на реке можно было заметить свободное ото льда пространство; ночью того же дня исчезли последние льдины, а вместе с тем сильно начала прибывать вода. Сначала река несла только один лёд, но к вечеру первого дня начал показываться плавучий лес, количество которого постоянно прибывало, пока наконец не начали дефилировать глыбы земли с находящимися на них кустами, высокоствольными деревьями и целые плавучие острова, оторванные льдом

от берега. Трудно было допустить, чтобы плывущие льдины могли обладать такой силой, и действительно, факты доказывают, что значительные поросшие лесом участки земли отрываются не в течение одного только года, а что эта работа льдин есть результат целого ряда ледоходов. На Колыме я сам не наблюдал этой разрушительной работы реки, но мог убедиться в ней на нижнем течении Лены и на Вилуюе и всегда в таких местностях, где берег реки не заселён человеком и где не успели ещё проложить бичевники. В местности, где устроены подобные дороги, усилиям вешних вод противопоставляется поросший травой откос, по которому скользит лёд, не причиняя берегу больших повреждений. Наоборот, в тех местах, где к руслу реки непосредственно подходит высокоствольный лес, лёд и вода могут причинять громадные опустошения. Дело обыкновенно начинается с того, что льдины врезаются в высокий берег реки, часть которого благодаря этому они подмывают. Таким образом возникает нависший карниз, держащийся в первое время очень крепко, несмотря на тяжесть слоя земли, иногда достигающего нескольких саженей в толщину, и находящихся на нём высокоствольных деревьев. Так может продолжаться несколько лет, смотря на толщине слоя земли, висятая в воздухе часть которого становится всё шире и шире. На левом берегу Лены, ниже впадения Алдана, я находил нависшие карнизы, которые были подмыты на протяжении 70-80 саженей в длину и 10-15 саженей в ширину; когда полая вода сбывала, оказывалось, что они возвышались над поверхностью реки футов на десять. Такая громадная тяжесть не могла бы удержаться в воздухе, если бы почва не была замёрзшей, да кроме того широко раскинутые корни лиственниц не снабжали бы землю надёжным скреплением. Я знаком с лиственницею, растущею только на мёрзлой почве, а потому не знаю способа образования её корней в непромерзающей земле. На мёрзлой же почве она положительно не имеет вертикальных корней, образуя исключительно горизонтальные, разветвления которых дают у ствола круг от двух до трёх саженей в диаметре. По моим наблюдениям корни не погружаются в землю глубже, чем на шестнадцать дюймов, т.е. на ту глубину, на которую оттаивает летом земля. Я часто разрывал почву в конце августа и в начале сентября, т.е. тогда, когда земля вновь начинает замерзать с поверхности, и всегда находил, что на этой глубине, варьирующей в пределах одного или полутора дюймов, крупные,

имеющие в толщину от семи до восьми дюймов корни высокоствольных деревьев примерзали к земле своею нижнею поверхностью. Очевидно, что подобные, сплетающиеся друг с другом корни должны придавать мёрзлой почве необыкновенную прочность и давать ей возможность в течение нескольких лет держаться в нависшем положении. В конце концов тяжесть становится чересчур велика и карниз обваливается или летом, попадая в этом случае в воду, или это случается во время ледохода, помогающего обвалу новым подрезыванием; в последнем случае масса земли ложится на лёд и уносится в виде плавучего острова. Подобного рода явления происходят в тех местах, где берег высок; там же, где он поднимается всего на одну или две сажени над летним уровнем воды, разрушительное действие последней проявляется иным путём. В этих случаях первый ряд подмытых стволов наклоняется к реке, но так как корни деревьев во многих местах сплетаются друг с другом, то и следующие за ними деревья тоже нагибаются, а почва при этом трескается в вертикальном направлении и образуется масса щелей, которые делают подобные участки берега положительно непроходимыми ни для человека, ни для лошади. Эти места необыкновенно опасны также и для судов: одна из моих барок получила течь от такого торчащего в воде ствола, причём он просто на просто проткнул насквозь доску в полтора дюйма толщиной. Санников испытал ещё большую неприятность в то время, когда вёз груз мамонтовых клыков из Булуна в Якутск. Он шёл под парусом при попутном ветре посредине реки; между тем волнение, как всегда при северном ветре, дующем против течения, было очень сильно, так что жена Санникова постоянно упрашивала его держаться поближе к берегу. Против своего желания он уступил её просьбам и поехал вдоль западного берега, но при этом не заметил торчащей из реки лиственницы, которая, по всей вероятности, даже вовсе не высывалась из воды, или разве только чуть-чуть; одним словом, в тот момент, когда судно получило толчок, проткнуло остриём ствола и палубу. Санников едва успел крепко привязать мачту к острию и тем самым выиграть время, чтобы, пока судно держалось над водой, спасти жену, ребёнка и небольшое количество съестных припасов; вслед за тем барка затонула, а вместе с ней пошла ко дну и большая часть его состояния.

Вокруг Нижнеколымска растёт ещё в достаточном количестве лес, но в Походском, а также в Русском Устье на Индигирке, время ледохода очень важно в том отношении, что люди вовремя его запасаются дровами для топлива, а также вылавливают из реки брёвна для постройки домов. Это далеко не лёгкое и не безопасное занятие, которое в бурную погоду даёт плохие результаты; в этих случаях наступает большой недостаток в лесе. В Русском Устье уже не раз случалось добывать леса настолько мало, что нельзя было и думать о том, чтобы топить жилые помещения. В таких случаях в камине разводят огонь утром и вечером, притом ровно на столько времени, сколько необходимо для того, чтобы сварить пищу, а затем его гасят и во время суровых холодов обходятся, по возможности, только шубами и одеялами.

По окончании ледохода вода поднялась очень сильно, но настоящего наводнения не было; впрочем, в Нижнем оно случается редко, потому что необыкновенно широкое устье реки даёт достаточный сток даже самым обильным внешним водам. Зато для жителей наступило необыкновенно оживлённое и развесёлое время: они не стали даже дожидаться, пока река совершенно очистится ото льда, и вытащили свои сети для ловли рыбы, несмотря на льдины и половодье. Повсюду видны были весёлые, поющие и смеющиеся люди, занятые вытаскиванием сетей, ловлею рыбы, её сушкой и копчением и т.п.; одним словом, все были довольны, что прошло долгое, тяжёлое зимнее время.

Лишь только позволило состояние воды, я в маленькой лодке отправился вниз по течению реки, чтобы удостовериться в том, были ли устроены рыбные магазины, которые я приказал завести под страхом немилосердного штрафа. Приказание было действительно исполнено. Только страх мог заставить людей сделать то, что уже давным-давно должно было быть исполнено: все погреба были построены так, как было предписано, и можно было надеяться, что запасы рыбы хорошо сохранятся в течение лета. Повсюду я нашёл картину неутомимой человеческой деятельности: колымский житель не знает полевых работ, но тем не менее в короткое лето дела у него по горло. Сначала идёт крупная, ценная рыба: нельма, чир, омуль, муксун или белорыбица и таймень; вся она проходит в промежуток времени от ледохода до июля; в августе идёт осётр, а под самый конец селёдка, которая употребляется почти исключительно в корм для собак.

К лову рыбы присоединяется в скором времени сбор яиц, которым люди очень дорожат потому, что этот предмет составляет в высшей степени важное подспорье к рыбному продовольствию населения. Вокруг Средне- и Верхнеколымска собирают преимущественно яйца различных видов уток; в окрестностях же Нижнего запасаются большим количеством более ценных гусиных яиц. Сбор продолжается недолго, потому что вскоре птицы начинают высиживать яйца; надо пользоваться временем без промедления и люди бывают тогда сильно заняты.

Одним словом, дела вполне достаточно, но это труд очень весёлый, к тому же наступает время, когда желудок и чувство вкуса получают наслаждение: рыба бывает самого превосходного качества, особенно в Нижнем, куда она попадает прямо из Ледовитого океана, и её благородное мясо не успело ещё пострадать от долгого странствования против течения и от тёплой воды. По тому, что имеется в этом отношении в Европе, нельзя составить себе ни малейшего понятия о превосходном вкусе рыбы, идущей из ледяных волн Северного океана. Зато и едят же её! Своеобразная природа крайнего севера сообщает человеку такое замечательное умение приспособляться, каким обладают разве только одни животные. Уже в северных губерниях России земледелец каждое лето исполняет такое количество работы, которое превосходит среднюю меру человеческих сил: с трёх часов утра до девяти часов вечера непрерывно занят он тяжёлым физическим трудом, отдыхая самое непродолжительное время; но спать он идёт только в десять или одиннадцать часов, посвящая таким образом отдыху каких-нибудь четыре часа; это продолжается целые месяцы, причём люди остаются здоровыми, бодрыми и весёлыми. Ещё более неустойчиво работает человек на Колыме, где незаходящее солнце вовсе исключает ночь, но зато количество пищи, которое он в это время потребляет, может положительно привести в изумление. Под котлом для варки пищи огонь горит непрерывно в течение всего того времени, пока люди заняты вытаскиванием сетей и другими неотложными работами; так что и помимо определённых завтрака, обеда и ужина каждый может есть сколько только в состоянии.

При этом случаются странные вещи. Я слышал, что незадолго перед тем в Нижнем несколько человек умерло от свежего мяса осетра. Хотя отравление солёным мясом осетра давным-давно известно по всей

Волге, но мне показалось очень странным, что в данном случае оно вызвано свежей рыбой, а потому я приказал прийти нескольким из числа евших этого осетра и оставшихся в живых и подробно их расспросил. Пришло три человека и рассказали о случившемся следующее. Осенью в числе восьми человек они отправились к устью двух Анюев, где преимущественно ловится осётр. Поставив тут сети, они попарно направились вверх по течению реки, чтобы заняться тем же самым и в других местах. Предварительно они условились сойтись ко времени обеда всем вместе, к первому привалу. Вскоре после разделения двое из тех, которые оставались на месте, поймали прекрасного осетра пуда в три весом; его тотчас же разрезали и часть положили в котёл, а когда рыба сварилась, стали её есть. Не успели они утолить голода, как пришли два следующих и тоже начали есть. К тому времени подоспели ещё двое и присоединились к своим товарищам; таким образом, осетра ели шесть человек. Вдруг первые двое почувствовали сильнейшие боли и судороги, а остальные четверо, желая им помочь, бросили есть, но, понятно, ничего не могли поделать, да к тому же и у них начались те же самые боли. Тут подошли последние два человека и нашли первых двух уже при последнем издыхании; два другие валялись на земле, испытывая ужаснейшие боли, да и остальные двое из евших чувствовали себя очень плохо. Первые два умерли тотчас же на месте, те двое, которые начали есть последними, отделались лёгкими болями и страхом, а из остальных — один умер на следующий день, другой же долго хворал, но остался жив. Таким образом из шести человек, поевших только что пойманного осетра, трое умерло, но спрашивается — чем можно это объяснить? Рыба была поймана в большой реке недалеко от её устья и, благодаря тому, что берег был необитаем, не могла съесть ничего вредного, а тем не менее мясо её имело такое ужасное действие!

Я оставался в Нижнем до тех пор, пока не покончил со всеми делами и пока вода не сбыла настолько, что бичевник обнажился и явилась возможность тянуть лодку вдоль берега. К этому времени наступило совершенное лето, как можно убедиться из прилагаемых термометрических наблюдений. Тем не менее большая широта места и близость Ледовитого океана давали о себе знать сильными колебаниями температуры. Так, 20 мая мы имели в тени +20 градусов, ночью minimum +10 градусов, а на солнце в тот же день +40 градусов Реомюра; ночью же 12-го июня

при minimum'е в 4,2 градуса холода шёл сильный дождь. Но такие колебания температуры нисколько не влияют на привычную северную растительность: уже с начала июня лес и луг щеголяли прекрасной зеленью, — одним словом, наступило лето. 13 Июня я выехал из Нижнего и до неприятности медленными переходами — лодку приходилось тянуть людьми — в десять дней добрался до Среднеколымска, куда успели уже собраться все мои товарищи по экспедиции.

Топограф Афонасьев поработал очень прилежно. С Малого Анюя он отправился вместе с ламутами на верхнее течение Омолона, но мог проследить эту реку только до впадения правого её притока Кигали; отсюда он спустился по Омолону на лодке до его впадения в Колыму. На всём этом пути он вёл съёмку, да кроме того сделал вполне годное определение широт. Этим он исполнил очень ценную работу, потому что его путь пролегал по местности, которая до сих пор была совершенно неизвестна. Фельдшер Антонович очень прилежно исследовал окрестности Колымска как вверх по течению реки, так и вниз её; он собрал коллекцию птичьих шкурок, которая была крайне интересна в том отношении, что представляла в своём составе резкий контраст с нашей коллекцией из Чукотской Земли. Стренатки и утки были представлены на Колыме очень богато, наоборот, славки отступали на задний план; *Grus leucogeranus*, обыкновенный журавль, поганка, *Mergus albellus*, различные виды куриных: *Tetrao urogallus* и *T. urogalloides*, *Tetrao tetrix* и *Tetrao bonasia*, сокола и ястреба встречались тут в большом количестве, тогда как в Чукотской Земле мы их вовсе не видали. Таким образом нам удалось собрать в зоологическом отношении очень недурной материал и крайне жаль, что впоследствии он погиб.

Теперь нужно было решить, что делать далее и как довести наше путешествие до конца. Уже раньше я говорил о том, что нам было важно исследовать истоки Колымы и отношение их к истокам Индигирки, а также пройти поперёк Оймяконского нагорья. Вся эта область была до сих пор *terra incognita* и настоящей сказочной землёй, потому что о ней можно было слышать самые противоречивые рассказы. Собственно, было довольно безразлично кто из нас пройдёт эту местность, было важно только пройти её, вести правильный дневник и сделать съёмку. Топограф своею поездкой на Омолон только что доказал, что он и один

может старательно вести маршрут, а относительно дневника я мог совершенно положиться на Неймана. Но спрашивалось, будут ли эти господа в стоянии выказать достаточные энергию и авторитет по отношению к людям и сумеют ли они заставить вести себя туда, куда они пожелают. С первого взгляда такой вопрос звучит несколько странно, но на самом деле над ним стоило подумать. Обыкновенный сибирский казак и туземцы беспрекословно ведут путешественника из чиновников по торным дорогам, но вести себя без дороги можно их заставить только очень настойчивым требованием, потому что они придерживаются постоянно того мнения, что такие места для чиновников непроходимы и опасаются, чтобы их впоследствии не обвинили в незнании дороги и в том, что они повели путешественника через непроходимые болота, леса и т.п. Поэтому в тех случаях, когда им намечаешь совершенно необычное направление, они всегда склонны отвечать, что дескать там пройти невозможно, что там по пути будто бы находятся непреодолимые высоты, пропасти и Бог весть какие другие препятствия, справиться с которыми, по их словам, невозможно. Мне самому приходилось довольно часто иметь дело с подобными отговорками, когда я был ещё новичком в сибирской тайге, а потому я уже знал, что во всех подобных случаях можно было уломать людей, только спокойно выслушивая эти возражения и отвечая, что, хотя всё это и возможно, но что мол против предписания начальства идти нельзя. Последнее заявление всегда действует и им всегда достигаешь цели, потому что слово начальство имеет волшебную силу, которой никто не сопротивляется; все рассказанные затруднения оказываются на деле легко преодолимыми, так как в Сибири или по крайней мере в Якутской области, с которой я только и знаком очень хорошо, вовсе нет непроходимых горных хребтов. Обо всём этом я очень подробно рассказал моим спутникам, они выслушали меня очень внимательно и заявили, что сумеют заставить проводников идти туда, куда им прикажут. Однако это меня не успокоило, и я с тяжёлым сердцем отпустил их одних, а между тем я не мог отправиться вместе, потому что инструкция, которую я получил, не оставляла никакого выбора.

По моим расчётам мы могли приготовиться к отъезду — мои спутники на юг, я на север — приблизительно через две или две с половиною недели по моём прибытии в Среднеколымск. Но тут случилось со-

бытие, которое вызвало более продолжительную и крайне нежелательную задержку: по дороге из Среднеколымска на Индигирку разразилась неслыханно сильная эпидемия сибирской язвы. Благодаря этому, все мои распоряжения нарушились самым неприятным образом: моим лошадям, которые в числе 75 голов были распределены партиями у различных якутов и часть которых я приказал выслать вперёд в Верхнеколымск, был преграждён путь через заражённую местность. Их приходилось доставлять туда большими обходами, на что нужно было очень много времени, так как они должны были сохранить свои силы ко времени прибытия моих спутников, отправившихся из Колымска в Верхнеколымск водой. С другой стороны, для выполнения моей специальной задачи мне пришлось избрать тоже иной путь. Мамонт, которого мне предстояло посетить, находился, по собранным мною сведениям, на реке Ковчечьей, впадающей в Ледовитый океан между реками Алазеей и Индигиркой. Поэтому я предполагал сначала подойти к Индигирке по дороге, которою обыкновенно ходят купцы, а затем направиться на север; в этом случае я мог, по словам людей, дойти до места моего назначения хорошей, сухой дорогой вдоль восточного склона Пелевого хребта. Теперь это было невозможно, потому что, в этом направлении, мне приходилось бы пересечь заражённую местность. Таким образом пришлось изменить весь план, а вследствие этого я мог снарядить моих товарищей в путь только 20 июля, сам же выехал тремя днями позже. Впрочем, мои спутники вовсе не сетовали на эту задержку и прекрасно провели время в Колымске. Ко времени моего приезда в Колымск главная масса купцов не успела ещё уехать, и, хотя они отправлялись в обратное путешествие постепенно, в течение целого месяца, жизнь в городе была очень весёлая, — ежедневно танцевали и играли в карты, устраивали пикники в окрестности, и путешественники чувствовали себя прекрасно. Приехавший мне на смену новый исправник, г. Иващенко, со своей молодой женой тоже воспользовались случаем повеселиться. Погода была восхитительная, солнце не сходило с горизонта ни ночью, ни днём, как тут было не воспользоваться прекрасным временем. Красавицы Среднеколымска, которых, по правде сказать, было довольно много, имели прекрасный случай показать себя и свои наряды; они делали это таким способом, который, хотя и несколько странен, но тем не менее очень характеризует прекрасный пол; действительно, из

описания жизни пионеров в беквудах на западе Северной Америки мы знаем, что Герштекер нашёл там точно такие же обычаи. Как уже сказано, были ежедневные танцы, которые носили там название вечерков и на которых молодые женщины и девушки являлись в своих нарядах. При этом обращало на себя внимание то, что они меняли свой туалет в течение вечера, а более состоятельные доходили до трёх или четырёх смен; это делали не только дочери хозяина, у которых было, конечно, всё нужное под рукой, но и гости. Красавицы исчезали на короткое время и возвращались в залу для танцев в новом наряде: очевидно, они являлись в гости с запасным гардеробом. Такие нравы объяснимы лишь тем, что прекрасному полу в Среднеколымске представляются только редкие случаи являться в нарядах и потому он пользуется этой возможностью насколько в состоянии. В средствах на наряды нет недостатка, но город круглый год бывает пуст и малообитаем, он оживляется только на короткое время зимой и весной, когда через него проезжают купцы; а так как имеются основания опасаться, что не удастся показать весь свой гардероб, если каждый вечер надевать только один туалет, то его меняют, прибегая таким образом к очень остроумному способу лишний раз показать себя.

23 Июля я мог, наконец, отправиться к местонахождению мамонта. Чтобы не утомлять напрасно моих лошадей — предвиделось, что путешествие будет для них очень затруднительно — я направил 39 из 45 шедших со мной животных далёкою, окольною дорогой, к югу от заражённого участка, в Абый к западу от Индигирки; я приказал вести их туда с лёгким вьюком, медленными и короткими переходами и оставить до моего прибытия в местности, где будут найдены в изобилии хорошие пастбища. Шесть самых крепких животных я выслал на границу древесной растительности, а на путь до Ковчечьей и оттуда до Индигирки, нанял лошадей. Таким способом я надеялся пробиться до Индигирки, от этой же реки до Абые обойтись моими собственными шестью лошадьми. Это была очень долгая история, но дело изменить было нельзя, потому что животные летом бывают очень маловыносливы, несмотря на хороший корм в это время года. Они жестоко страдают от жары, их сильно утомляют мягкие дороги, да кроме того комары не дают им как следует есть. Благодаря всему этому, они менее способны к работе, чем можно было бы ожидать в такое прекрасное время года.

Сначала я спустился вниз по Колыме в лодке до урочища Кулджины, откуда начиналось путешествие сухим путём. Тут я нашёл всё в исправности и мог поэтому на другой же день навьючить лошадей и сесть в седло. Ввиду того, что карта Генерального Штаба содержит несколько неточностей по отношению многих озёр, которые встречались нам на всём этом пути, да и вообще нельзя достигнуть большой точности при таком малом масштабе, к моей карте приложена маленькая добавочная карточка, по которой можно несколько ориентироваться. Сначала мы шли по хорошей, твёрдой дороге, так как находились на дамбообразном возвышении, сопровождающем левый берег Колымы; но скоро мы вступили в область озёр. Затем мы направились на большой олбут Сылгытар, который образовался, по словам колымских жителей, из находившегося тут прежде озера лет пятьдесят или шестьдесят тому назад. Таким образом, сток последовал, по всей вероятности, во времена Врангеля; у последнего мы встречаем название урочища Сыгли-этар, которое, очевидно, то же самое, что Сылгытар; однако из его слов не видно, представляло ли это место в то время вновь образовавшийся олбут или нет. Это то самое место, на основании которого Врангель развивает свой взгляд относительно стока озёр при посредстве трещин от морозов, что я считаю положительно ошибочным. В другом месте я подробно привожу причины, заставившие меня считать невозможным такой способ образования олбутов, тут же я укажу только каким образом стекло озеро Сылгытар, имевшее, по всей вероятности, около тридцати или более вёрст в поперечнике. Мы частью объехали верхом тоже довольно большое озеро Палгино и достигли невысокого возвышения почвы, которое отделяет его от Сылгытара. Так как мне было известно, что Сылгытар изливался сначала в Палгино, а уже затем при посредстве этого последнего в Колыму, то я выразил моим людям удивление, каким образом между двумя озёрами мог находиться вал, хотя и не очень высокий; в самом деле здесь была не терраса, а настоящий вал, потому что, взобравшись на возвышение, мы должны были скоро спуститься. Люди отвечали на это, что Сылгытар одним из своих концов прежде касался вала, но как-то раз весной прорвал его в половодье и затем стёк в Палгино. Если же внимательно осмотреть олбут, то найдёшь, что он представляет из себя обширную, по-видимому совершенно ровную плос-

кость, покрытую кое-где маленькими, наполненными водой углублениями; между самым западным из этих углублений и озером Дойдылахом, которое, простираясь на 25 вёрст, имеет сток в Алазею, находится полоса совершенно ровной земли едва в одну версту шириной. При таких условиях крайне удивительно, что Сылгытар прорвался не на запад, а на восток, к Колыме. Дойдылах представляет из себя озеро с крайне извилистыми берегами и, по-видимому, является скорее целой группой озёр, носящих одно общее название; только крайний восточный конец его носит особое имя Тангулах. От этого последнего всего в пяти верстах расстояния находится озеро Сунганах, несущее свои воды в Большую Чукочью. Таким образом, на небольшом расстоянии мы находим озёра, вовсе неразделённые какими-либо заметными на глаз возвышениями и имеющие сток в три совершенно различные речные системы. Тотчас за этим озером мы должны были перейти виску, которая, пройдя целый ряд озёр, изливает в конце концов свои воды в Чукочью. Она принадлежала к так называемым травяным вискам; насколько неприятно иметь с ними дело, я испытал здесь в первый раз. Мы только что выехали из леса и очутились на узкой низменности, за которой тотчас же начинался вновь лес. Меня удивило, что люди спешили, привязали лошадей и пошли перед нами с шестами. На мой вопрос они ответили, что хотят убедиться, можно ли удобно проехать в этом месте, так как перед нами находилась травяная виска. Тогда я внимательнее взгляделся в местность и, действительно, нашёл, что можно было явственно различить извилистую полосу земли, саженей в двадцать шириной, резко выделявшуюся своею более яркой, зелёной окраской от остальной, тоже сплошь покрытой растениями, болотистой низменности. Других признаков, по которым удавалось бы заметить присутствие текущей воды, вовсе не было, — так сильно всё заросло цветущими лютиками, *Galtha palustris* и другими болотными растениями. Исследования показали, что проехать можно, и мы спустились в странную реку. Лошади с большим трудом брели по вязкой, чёрной, илистой грязи, достигавшей им до половины живота, но тем не менее мы благополучно выбрались на другой берег, не подмочив нашего багажа и оставив за собой широкую чёрную полосу ила. Растения засели довольно редко, так что не было настоящего дёрна; казалось, будто корни их потому только не сплелись вместе, что почва, на которой они росли, была слишком жидка; но тем не менее

растительность была роскошная и обильная и покоилась не на воде, а в кашицеобразной торфяниковой массе. С первого взгляда может показаться, что подобное месиво из ила совсем непригодно для существования рыб, но опыт убеждал, что оно нисколько не мешает им неукротимо странствовать к местам нереста. В этих очень богатых рыбою озёрах, помимо свойственных им рыб, находят также и чисто речные формы, каковы: таймень, нельма и чир, а в только что пройденной нами виске ведётся даже очень добычливый лов двух последних, только что упомянутых видов, — нельмы и чира. Верши для ловли их с большим трудом устанавливают в илистую массу, но результат оказывается очень удовлетворительным и, следовательно, рыба должна иметь возможность пробираться сквозь тину и ил и подвигаться вперёд.

27 Июля достигли мы урочища Талас, в котором жил якутский голова, провожавший меня из Колымска до Алазеи. Тут добрались мы, наконец, опять до прекрасных лугов и покосов, которые до сих пор встречались нам не часто: покрытые травой пространства попадались в достаточном количестве, но было заметно, что мы более и более приближаемся к северной тундре, — росла одна жёсткая, малопитательная болотная трава, так что лошади никогда не могли наесться досыта. Последнее обстоятельство, по словам головы, и было причиной того, что в пройденной нами местности не было видно ни рогатого скота, ни лошадей. Хотя по озёрам и живут якуты, но только такие, которые не держат скота, а кормятся рыбным промыслом, здесь во всяком случае достаточно прибыльным. Владельцы стад предпочитают верхнее течение Колымы, где травы обладают гораздо большею питательностью. В том же месте, где поселился голова, условия были другие, но, конечно, этот возвышенный сухой участок был не велик, так что корма для стад хватало только ему да несколькими другим якутам.

Покинув место стоянки головы, мы скоро пришли к двум, недалеко друг от друга расположенным озёрам, Унарбе и Сень-Кель; каждое из них имело в окружности по сто вёрст и таким образом они превосходили обыкновенные средние размеры здешних озёр. Унарба, подобно Дойдылаху, представляет из себя группу озёр, Сень-Кель же, наоборот, почти совершенно круглое. Оба они неглубоки, особенно последнее, которое нигде не глубже семи футов; по всей вероятности, это зависело частью от того, что и они спали несколько времени тому назад, подобно

некоторым другим нами посещённым озёрам. На Сень-Кёли это понижение уровня воды было очень ясно заметно; так, желая выбрать более удобную дорогу, мы спустились с бывшего его берега, круто поднимавшегося футов на десять, и прекрасно себе проехали верхом по твёрдой почве обсохшей полосы его дна. Судя по этому, теперешний уровень воды озера должен быть более чем на двенадцать футов ниже прежнего, если только справедливы слова головы, что воды хватало до верхнего края бывшего берега. По словам жителей, такое частичное понижение уровня озёр случается очень часто; вода начинает спадать вслед за половодьем и, понизив свой уровень до известных пределов, вдруг останавливается. Во многих случаях уровень воды в течение продолжительного времени остаётся неизменившимся, но часто он начинает постепенно подниматься, пока не достигнет своей прежней высоты; через несколько лет вновь повторяется то же самое явление. Наоборот, совершенное исчезновение озёр наблюдается крайне редко. На основании всего этого возникает предположение, что как будто повышение уровня озёр находится в тесной связи с состоянием висок и особенно травяных висок. Причину образования этих бесчисленных водовместилищ нужно искать, по всей вероятности, в отсутствии стока воды, получающейся вследствие таяния зимнего снега: весною она неминуемо должна собираться в углублениях этой богатой котловинами местности, потому что испарение в тех широтах очень слабо. Благодаря тому, что поверхность земли в этой местности горизонтальна, виски текут очень медленно, легко зарастают болотными растениями и тем самым мешают оттоку воды, пока напор её не увеличится настолько, что она силою прорвёт препятствие, размочит отводящие каналы, и не понизит тогда своего уровня. Точно также и здесь два большие, лежащая друг около друга водовместилища имеют различные стоки: Унарба питает Алазею, а Сень-Кель — Большую Чукочью.

Отсюда я поспешил как можно скорее на озеро Сень-Кель, где меня ожидало зрелище, на которое я был приглашён и которое давно уже хотел видеть. Уже в Колымске мне сказали, чтобы я поторопился, если хочу посмотреть готовившийся на Сени лов линияющих уток, но несмотря на то, что мы спешили, я всё-таки опоздал, так как ловить пришлось накануне моего приезда. Желая доставить мне удовольствие,

люди откладывали это дело, но птицы начали уже делать попытки летать, поэтому нельзя было откладывать лов без опасения, что утки разлетятся на глазах охотников.

Промысел линяющих уток и гусей очень важная статья на севере; в этом деле принимает участие всё население и количество добываемых птиц так велико, что, например, в Колымске, в хорошо поставленных хозяйствах, засолённой птицы хватает до весны и до начала пролёта. На время лова образуются временные товарищества, так как для успеха его необходимо значительное количество участников; добыча разделяется потом по определённом расчёту на равные части. Расчёт этот состоит в том, что каждому из участников, смотря по его заслугам, назначается по несколько паёв, из которых каждый заключает известное количество птиц; за пай принимается обыкновенно сто штук. Для лова необходимы известные приготовления: вокруг озера нужно предварительно поставить стражу; затем на одном из его концов, обыкновенно на том, который находится ближе всего к соседнему озеру, устанавливают ловушку. Большою частью устраивают загон, стены которого отстоят в начале друг от друга саженей на сто, отсюда они быстро сближаются и в конце концов переходят в постепенно возвышающуюся и сделанную из шестов дорожку, которая круто обрывается в круглое пространство, огороженное забором, составляющим собственно ловушку. Для уток забор делается из палок высотой не больше трёх футов; палки слабо втыкаются крест-накрест в землю, при чём нет надобности ставить их очень прочно; наоборот, для гусей всё сооружение должно быть гораздо солиднее и стоит большего труда; именно в этом случае пользуются большою частью тенётами, потому что птицы, заметив опасность, легко ломают жерди. Все эти приготовления, как и самая ловля, требуют много труда и известной ловкости, да кроме того лов гусей представляет некоторую опасность. Благодаря всему этому участники выговаривают себе большее или меньшее число паёв, смотря по количеству затраченного труда; в соглашение по этому поводу вступают ещё до начала лова.

Такой способ охоты основан на обыкновении как уток, так и гусей собираться перед наступлением времени линьки в большие стаи на каком-нибудь из озёр, где они и линяют. Всё это время птицы держатся очень тихо, вовсе не оставляют воды и подплывают к берегу очень

редко. Стеречь уток в общем легко; не нужно только шуметь и не зажигать огня в непосредственной близости озера; утки в этом случае остаются спокойны. Иначе дело обстоит с гусями, которые в высшей степени строги и хитры. Люди, стерегущие их, должны постоянно находиться начеку, особенно ночью, и сохранять полнейшую тишину; разводить сторожевой огонь и костёр для варки пищи безусловно запрещается. Несмотря на все эти предосторожности, нередко случается, что птицы начинают подозревать опасность и становятся беспокойными. Это выражается тем, что гуси суетливо плавают в течение дня, некоторые из них время от времени приближаются к берегу, внимательно осматривают его и затем уплывают. Если загон готов, в таких случаях сейчас же надо начинать ловлю, если же этого не сделать, то неудачной охоты можно избежать, только принимая особенные предосторожности, так как у птиц существует несомненное намерение прорваться. Они делают это всегда ночью: всё стадо, состоящее часто из нескольких тысяч штук, подплывает к берегу в полнейшей тишине и также тихо направляется через лес прямо к ближайшему озеру. Если случится заметить гусей в то время, когда они находятся ещё на воде, то большею частью удаётся отогнать их, но раз они выбрались уже на берег, — всё потеряно, и не остаётся ничего больше как убивать из них столько, сколько возможно. Для этого сторожа запасаются длинными, тонкими жердями или хворостинами, которыми они бьют в густую, поспешно убегающую стаю гусей, одним ударом часто убивая двух или трёх птиц. Но прибыль от этого невелика, лов следует считать неудачным, а труды и особенно дорогое время пропавшими даром: только в редких случаях удаётся в том же году наверстать на другом озере то, что потеряно на первом. Если подозрительность птиц не возбуждена, охота начинается непосредственно перед тем, как маховые перья у гусей достаточно отросли для полёта. Так долго ждут с тою целью, чтобы дать птицам хорошенько откормиться; в начале линьки они очень тощи, а промедление в охоте никакой опасности не представляет, потому что опытные люди по поведению птиц тотчас же замечают в каком состоянии они находятся.

При начале ловли с двух сторон загона ставятся сторожа, чтобы гуси не прорвались; люди, берущие на себя обязанность убивать гусей,

направляются в ловушку, а в воду спускают лодки. Последние в различных местах устраиваются не одинаково и делаются в виде маленьких челноков или из бересты, или сколачиваются из тонких досок, по три штуки на каждый челнок. В такую лодку садится один человек,двигающий её посредством длинного шеста, к каждому концу которого приделана маленькая лопатообразная дощечка; вообще эти лодки напоминают те, которые употребляются для охоты за дикими северными оленями, да и способы управлять челнами в обоих случаях одинаковы. Сначала челноки располагаются линией вдоль берега, за исключением того места, где начинается загон; отсюда они медленно подвигаются к середине озера. Замечая приближение ловцов, птицы собираются в большую стаю, которую охотники и гонят мало-помалу к тому месту берега, где находится замаскированный свежими ветвями загон. В конце концов птицы выходят на сушу, направляются в загон, приводящий их к западне, в которую они сваливаются с возвышенной дорожки; тут хватают их люди, сворачивают им шеи и сбрасывают в кучу. При охоте за утками это не трудное дело, но если приходится иметь дело с гусями, то людей нужно часто менять, так как сильные, крайне возбуждённые и падающие в западню в большом количестве птицы царапают и ранят охотников. Если умерщвление гусей представляет утомительную работу, то загонять их в свою очередь очень опасно. Если птицы, медленно подплывая к загону, заметят с этой стороны какую-нибудь опасность, то случается, что они разом поворачивают и в рассыпную, с шумом и гамом стараются прорвать цепь челноков, что часто оканчивается очень плохо. В слепом страхе, гонимые находящимися за ними птицами, гуси вовсе не стараются избежать лодки, а валят прямо через неё. Стоит только нескольким испуганным птицам сесть на челнок, выдающийся из воды всего не более как на полтора дюйма, и он перевёртывается, а сидящий в нём человек тонет, потому что там почти никто не умеет плавать.

На этот раз было поймано 2300 уток, большинство которых принадлежало к трём видам, — *Anas fuligula*, *A. caudacuta* и *A. glacialis*. Лов не был особенно удачным, потому что птиц приходилось загонять на очень большом Сень-озере и предприятие значительно превосходило силы немногих участников, которых было всего около двадцати человек. Вследствие этого им удалось отрезать и загнать только небольшую

часть линяющих уток, остальные же проскочили в сторону. Добыча была разделена на сто паёв, из которых два были предназначены для меня, так что руководители охоты отсчитали мне 46 уток. За удовлетворительный лов считается такой, в который добывается от пяти до шести тысяч штук, но иногда птиц ловится и многим больше. Три года тому назад было поймано на одном озере 40.000 штук, а на следующий год 31.000 штук; но это были исключительные случаи, улов же в 10.000 не составляет редкости. Жители городов заготавливают птиц впрок таким образом, что ощипывают их, потрошат, разрезают вдоль позвоночного столба и, распластав, солят в бочках. Якуты наоборот, вынув все кости, распластывают тушку, на которой остаются только ноги. Приготовленных таким образом птиц развешивают на сушилках из древесных ветвей, под которыми разводят слабо тлеющий, но дающий много дыма, огонь из свежих трав. Несколько прокопчённые таким образом тушки досушиваются на воздухе и в этом виде считаются достаточно приготовленными для сохранения на зиму. За успешный лов гусей считается тот, в который добыто 3.000 штук и выше, а при благоприятных обстоятельствах ловят шесть и более тысяч штук. Главные места лова уток находятся в пределах древесной растительности, гуси же предпочитают для линяния озёра, расположенные в тундре; ловлей их занимаются преимущественно жители Русского Устья и Нижнеколымска. Заготовка гусей впрок несколько отличается от способа приготовления уток тем, что гусей не взрезывают, а вынимают только кости, благодаря чему из гуся получается род мешка с висящими на нём ногами; внутрь такого растянутого мешка вкладывают две другие, свёрнутые в трубку гусиные тушки; таким образом три птицы представляют как бы одно целое. По поводу того, насколько вкусны приготовленные таким образом гуси, трудно прийти к соглашению: тамошние жители считают их очень вкусными, я же не могу разделить этого взгляда. Во время моего пребывания зимой 1866 года в Русском Устье мне с трудом удавалось выбрать из большего количества имевшихся там запасов несколько хорошо сохранившихся птиц, большинство же сильно воняло и не удовлетворяло вкусу европейца.

Ещё ранее, чем мы достигли озера Сень-Кёля, время от времени с левой стороны дороги показывались немногие холмы, но они были невысоки и только по одиночке поднимались среди ровной тундры. С левой

стороны на горизонте были заметны также низкие цепи гор, — последнее отроги Алазейского хребта. Но начиная от озера Сень-Кёля, местность приняла холмистый характер и оставалась такой на довольно значительном расстоянии. Пройдя приблизительно тридцать вёрст от озера Сень-Кёль, мы снова достигли двух довольно больших озёр, Улахан-Чокурдах и Куранах-Чокурдах, лежащих близко друг от друга; сначала я предполагал даже, что отделяющая их узкая, всего в пятьдесят сажен шириною, полоса земли должна быть прорезана вискою, но я не мог найти её, да и якут полагал, что никакой виски здесь нет. Несмотря на такое близкое соседство озёр друг от друга, Улахан спускает свои воды в Алазею, а Куранах в Большую Чукочью. Благодаря холмистому характеру местности, здесь находились кое-где сухие участки, а вследствие этого и хорошие покосы, которые отыскивали-таки якуты и стали пользоваться ими. В качестве постоянного обитателя тут жил староста со своим братом; это был последний посёлок, последний форпост в Большой тундре. Якуты эти занимались здесь ещё скотоводством, дальнейшие же поселения к северу были только жилищами рыбаков. Далее холмы приняли уже вид гор; древесная растительность становилась всё ниже и реже и в семидесяти верстах к северу от Сень-Кёля вовсе прекратилась, чтобы, впрочем, появиться ещё раз на Алазее. Мы находились тут в очень гористой местности, так что легко можно было забыть, что мы проходили по бесконечной равнине между Пелевым хребтом и Колымой. С возвышенной вершины, на которую мы въехали верхом на лошадях, насколько можно было различать сквозь слегка туманный воздух, мы видели только горы и лежащие между ними озёра, — это была маленькая горная страна среди необозримой равнины. Конечно, она тянулась на небольшом протяжении, но мы ехали среди этого хаоса гор и холмов всё же около тридцати вёрст. Прежде чем описывать дальнейший ход путешествия, я должен упомянуть ещё об одном обстоятельстве, которое впоследствии имело для нас очень большое значение. Выше уже было сказано, что я поручил одному из моих якутских проводников летом 1869 года, когда мы находились в Чукотской земле, разыскать то место, на котором тунгус Фока нашёл мамонта. Якут это исполнил и рассказал мне о том, что он там видел. Однако результаты его исследований были так мало утешительны, что я долгое время колебался, ехать ли мне туда или нет; как уже было замечено, я предпочёл

бы пройти поперёк Оймяконского нагорья. Единственной побудительной причиной съездить самому на Ковчечью и лично убедиться нельзя ли там добыть что-нибудь, было то обстоятельство, что Императорская Академия Наук, признав необходимым исследовать местонахождение мамонта, могла остаться не вполне довольной результатами поездки моего проводника. Благодаря этим сведениям я находился всё время в плохом расположении духа, которое вовсе не улучшалось от того, что я разъезжал по болотистой тундре. Лошадям идти было очень трудно, так что мы делали только тридцать или сорок вёрст в день, т.е. не более того, что может сделать пешеход. Дождя до сих пор вовсе не было и люди напрасно ломали себе голову, отыскивая причину того, почему тундра так размякла, а озёра и виски так переполнены водой. Впоследствии, когда мы пришли на Индигирку, эта затруднявшая нам дорогу и портившая наше расположение духа загадка объяснилась. При таких обстоятельствах на меня очень хорошо подействовало приятное известие, которое принёс мне один якут; он искал меня в Среднеколымске, а когда узнал, что я оттуда уже уехал, то пустился вслед за мной. Как всегда весною, вместе с двумя другими якутами он направился в тундру, искать мамонтовые клыки. Они пытали своё счастье на берегу реки Шандрона, тоже текущей между Алазеей и Индигиркой и впадающей в Ледовитый океан, однако не достигли особенного результата. Раз вечером, когда они собрались уже на ночлег и разбрелись по разным сторонам за хворостом и дровами для костра, один из них увидел ногу мамонта, торчавшую из берегового обрыва, оторвал её и принёс с собой. Нагнавший меня якут, зная, что тунгус Фока был награждён мною табаком, тотчас заявил, что место нужно точно отметить и известить об этом меня. Они так и поступили. По словам якута, нога была более аршина длиной и состояла из мяса и кожи, которая местами была ещё покрыта волосами; она торчала горизонтально из обвала; нашедшему удалось вытащить её оттуда после того, как он её несколько раз покачал и отломил. Выкопав в земле яму, они всунули в неё отломанную ногу и засыпали; затем они направились на место находки и отметили место, где находилась нога, мамонтовым ребром, которое нашли тут же валявшимся на земле, а затем его послали с известием ко мне. Якут тотчас же получил от меня такое же количество табаку, как и Фока, и кроме того я пообещал ему награду, если там действительно что-нибудь найдётся;

он остался очень доволен и согласился отправиться со мной, чтобы довести меня до места. Если опыт, вынесенный мною из истории с первым мамонтом, и не располагал меня питать чересчур радужные надежды, то я всё же не могу скрыть, что на этот раз я ожидал найти хоть что-нибудь: якут говорил очень разумно и вряд ли пустился бы за мной на розыски с предложением указать мне место находки, если бы не был в ней вполне уверен. Это обстоятельство дало нам возможность продолжать наше путешествие в более весёлом расположении духа.

Когда мы выбрались из гористой местности, и горизонт перед нами очистился, мы могли различить на севере три горные вершины, из которых западную называли Улахан-Албей, среднюю — Ачыги-Албей и восточную — Киселях-Тас. Две первые лежат к западу от Алазеи, а последняя расположена на правой стороне этой реки. С Улахан-Албей и Ачыги-Албей текут реки, впадающие в Ледовитый океан между Алазеей и Индигиркой, а с Киселях-Таса берут начало речки, расположенные между Алазеей и Большой Чукочьей. Приблизительно в тридцати верстах от того места, где прекратилась лесная растительность, лес появился снова и был довольно хорош. Это указывало на то, что мы приближались к Алазее, и действительно, мы пришли к ней в тот же день. Здесь, выше впадения в неё большего левого притока Россохи, Алазея всё ещё довольно узка, несмотря на кажущуюся массу воды, которую несут в неё виски и бесчисленные озёра. Однако на обоих её берегах тянутся широкие, покрытые илом пространства, указывающие на то, что весной, во время таяния снега, река несомненно бывает очень многоводною; впрочем, и теперь вода в ней вновь начала прибывать, чего никак не могли объяснить себе якуты; не понимали они и того, отчего тундра размякла на поверхности. Подпочва её оказалась, как и всегда, замёрзшей, талая земля лежала до глубины не более 12-14 дюймов, но была так сильно пропитана водой, как никогда не наблюдалось в это время года. Перебравшись через Алазею на плоту, предоставленном в наше распоряжение якутами, ловившими тут рыбу, мы продолжали наше путешествие по безлесной местности. Однако граница леса проходит не здесь, а находится несколько ниже впадения Россохи или Гаврилы в Алазею. Вернее сказать, мы находились на месте, опустошённом пожаром, потому что-то там, то сям видны были обуглившиеся стволы, а из земли торчали старые пни. Только после того, как мы перебравшись

через Гаврилу у впадения в неё Солдат-Ыряха и достигли озера Андрей-Кёля, мы подошли к границе леса и очутились у тундры, простирающейся вдоль побережья Ледовитого океана. Отсюда лес тянется по направлению к западу и напоминает своим видом стену вследствие того, что состоит тут из довольно толстых деревьев в две или три сажени высотой и прекращается разом. Всё нижнее течение реки Буи находится ещё в пределах лесной растительности, которая, однако, встречается только при устье Солдат-Ыряха и, продолжаясь вдоль северного берега озера Балыктах-Кёля, достигает восточной подошвы Пелевого хребта, где граница леса поворачивает к югу. Наблюдение Миддендорфа, что лесная растительность выдвигается на север по долинам рек в виде заострённых, напоминающих остриё копья, полос, подтверждается, насколько я мог заметить, только на больших реках. Очень хорошо это заметно на Лене, где несомненное влияние на распространение леса оказывают также возвышенности, простирающиеся вдоль обоих берегов. Точно также наблюдается, как будет указано далее, выдвигание леса по правому гористому берегу Индигирки, тогда как на левом, ровном берегу он не распространяется так далеко на север. На Алазее, которая представляет из себя лишь небольшую реку и оба берега которой одинаковой высоты, лес выдвигается лишь незначительно, но всё же заходит за границу смежных с ней участков вёрст на 10-15. Северная граница лесной растительности отличается от восточной тем, что на ней встречается исключительно одна порода деревьев, именно — лиственница, тогда как на Анадыре, точно так же, как и на Пенжине, лиственница заменяется тополем и осиной. Вообще с тех пор, как мы вступили в область озёр, мы вовсе не встречали других древесных пород кроме лиственницы. Ольха, берёза — *Betula nana*, а также ивы попадают ещё в этой области в виде кустарников, но деревьев, в настоящем смысле этого слова, кроме лиственничных, мы вовсе тут не встречали. Лес к северу от Верхоянского хребта бесспорно имеет другой вид, чем к югу от него. Нельзя сказать, чтобы он был коряв, потому что время от времени попадаются очень стройные деревья, но в общем стволы становятся тоньше, нет уже той силы роста, какая бросается в глаза к югу от хребта и кладёт на тамошние лиственничные леса отпечаток мощности. Если проезжать верхом через простирающуюся, по-види-

тому, на бесконечное расстояние лиственничную тайгу Якутского и Вилюйского округов, в которых часто нет никаких прогалин на протяжении 50-ти и более вёрст, то можно заметить, что здесь эта древесная порода безусловно преобладает, не допускает примеси никаких других пород и уступает только топору да огню. Лес горит ежегодно от различных причин: частью от неосторожного обращения с огнём, частью же его поджигают намеренно — с целью получить хорошее пастбище; но если человек не постарается довершить работу огня топором, такие пожары не приносят большего вреда: через несколько лет всё вновь покрывается густым подседом, и прогалина зарастает. Проехать лиственничный лес к югу от хребта можно только по тропинкам, с давних пор проторённым якутами и пересекающим его по всевозможным направлениям; иначе он положительно непроходим ни для лошадей, ни для человека, разве только на каждом шагу прокладывать себе дорогу топором. Кто незнаком лично с тамошней тайгой, тому трудно представить себе густоту подседа: даже в самой чаще леса, куда солнце проникает только с большим трудом, густо растущие стройные стволы молодых деревьев напоминают собой скорее конопляник и вовсе не оставляют места для произрастания травы. К северу от Верхоянского хребта нет уже этой могучей силы роста, деревья отстоят одно от другого на более значительном расстоянии, лес реже, его можно исходить по всем направлениям или проехать верхом без тропы, — одним словом, он походит до известной степени на сосновый бор.

Чем дальше подвигаешься к северу, тем реже становится лес, кочковатые болота, калтусы, становятся всё обширнее, олений мох (который к югу от Верхоянского хребта встречается сплошными пространствами только на значительных высотах) начинает преобладать на равнинах, а деревья хотя и растут ещё, но видно, что им тут уже не привольно. Здесь нельзя так злоупотреблять выжиганием леса, как на юге, да и нет необходимости прибегать к этому, потому что лес уже не стесняет человека, не тяготит его, а наоборот, служит ему охраной против снежных бурь. К югу от Верхоянского хребта якут считает удобной землёй только обнажённые от леса земли, лес же считается неудобным местом, потому что он ни на что не годен. Каждый наслег на вопросы об его владениях, называет только открытые места — поляны, берега рек и озёр, которые

ему принадлежат о лесе же он никогда не упоминает и не принимает его вовсе в расчёт.

Начиная приблизительно с Сень-Кёля, мы уже часто встречали деревья с засохшими верхушками. насаждения становились всё реже и реже, часто они встречались только островами посреди широко раскинутых болотистых пространств, одним словом, лес становился ничтожным и в конце концов, приблизительно под 69°30' северной широты прекратился совсем.

Таким образом наш последний ночлег в границе лесной растительности был на Андрей-Кёле, маленьком озере, на которое я вряд ли обратил бы особенное внимание, если бы не натолкнулся на его берегу на одно явление; со времени оставления устья Анадыря я сильно ломал голову над этим явлением, потому что в то время никак не мог объяснить себе его причины. Тогда мы пустились уже в обратный путь и шли на север восточнее реки Нерпичьей; и вот здесь-то, на берегу маленькой незначительной речки, которая в то время была уже совершенно высохшей, мы заметили под дёрном лёд. Спрашивается, каким образом он мог попасть сюда? Мы находились на слабоволнистой равнине, и только на севере, на горизонте были видны несколько более высокие горные цепи. Как обыкновенно в той местности, равнина представляла из себя кочковатое болото, да и самое дно совершенно тогда пересохшей речонки было тоже покрыто кочками: очевидно, что проточная вода могла находиться тут только во время весеннего таяния снега. Толща ледяного пласта, выступавшего на поверхность, равнялась двум с половиной футов и лёд располагался на вершине маленького холмика, который со стороны русла реки был подмыт весенней водой и в этом виде сохранился его разрез. Поверх льда находился слой земли и дёрна приблизительно в четырнадцать дюймов толщиной. Подмытая водой сторона холма имела протяжение от шести до восьми сажень и по всей её длине находился указанный выше слой льду. При ближайшем рассмотрении ясно можно было видеть, что примыкавшая к дёрну часть льда была молочно-белого цвета, а под ним главная толщина слоя состояла из прозрачного, совершенно крепкого льда интенсивно синего цвета, при постукивании же молотком (при температуре воздуха в 4° холода по Реомюру) как белый, так и синий лёд давали ясный звук. По аналогии следовало бы заключить, что все волнистые возвышения, окружавшие

нас в тундре, состояли из такого же льда; далее, с такой же долей вероятности можно было предположить, что и вся тундра Чукотской Земли покоится на подпочвенном льду, так как тундра эта повсюду носит такой же слабоволнистый характер, какой мы видели в то время. Почва в ту пору уже замёрзла, орудий для раскапывания у нас с собой не было, а потому я не исследовал этого явления; я всё ещё полагал, что имел перед собой единичный случай и считал тогда это наслоение льда за маленький тарын, который был прикрыт до своего оттаивания песком, нанесённым какой-нибудь бурей, и таким образом благодаря этому прикрытию сохранился.

На озере Андрей мы расположились лагерем, остановившись на его берегу, который возвышался около пяти саженей. Местность стала холмистой уже тотчас по переходе через Гаврилу, да и озеро было окружено небольшими возвышениями. Берег круто спускался к поверхности воды и здесь тоже непосредственно под дёрном находился слой льда по крайней мере в сажень толщиной, т.е. на столько он был виден; углублялся ли он под почву далее, я не мог проследить, потому что при мягком, вязком, илистом грунте нельзя было раскапывать. Относительно строения льда я тоже не мог ничего узнать, потому что, косо спадая к берегу, он был совершенно закрыт тонким текучим слоем ила. Казалось вероятным, что в данном случае я имел дело с сохранившимся в течение лета снежным обвалом, потому что профиль его был направлен на север. Чтобы добыть более точные данные, я велел принести кирку и лопаты. На самом обрыве, как уже было сказано, ничего нельзя было предпринять: люди глубоко вязли в ил и могли отбивать только маленькие кусочки льда, которые к тому же совершенно пачкались в иле раньше, чем я получал их в руки. Вследствие этого я попытал своё счастье на краю обрыва и выкопал тут в твёрдой земле яму около двух аршин (4½ английских фута) от яра. При этом я нашёл слой мха в семь дюймов толщиной, затем дюймовый слой глины и, наконец, чистый твёрдый лёд. В другой яме, вырытой в четырёх саженях от берега и в стольких же от первой, мы нашли полтора фута желтоватой, будто только что обнажённой глины, затем два дюйма крепкой серой глины и наконец чистый твёрдый лёд. Третья яма была сделана в пяти саженях от первой и в четырёх — от второй, так что она отстояла от берега озера по крайней

мере на восемь саженей. Тут я нашёл под слоем мха в семь дюймов толщиной пласт серой глины в два дюйма, а затем крепкий лёд, перемешанный с кусками глины. Таким образом мы имели дело со слоем льда по меньшей мере в одну сажень толщиной, находившимся под очень толстым покровом из мха, при том же в местности, покрытой деревьями; словом, это не был простой снежный обвал. Я не мог рыть землю под самыми корнями деревьев, но тем не менее убедился, что не очень сильно разросшиеся корни плотно прилегали к замёрзшей почве, так что все деревья в начале августа оказались ещё сильно примёрзшими к подпочве. Об этом предмете будет ещё подробно сказано в дальнейшем нашем изложении, но тут я упомянул о нём частью потому, что я нашёл лёд впервые в этой тундре, а отчасти для того, чтобы указать на его широкое распространение.

На следующий день мы въехали в бесконечную безлесную тундру. Единственным, но очень верным путеводителем служили нам вершины Малого или Ачыги-Албея, возвышавшиеся над горизонтом ровной тундры. До этого времени я ещё мог наносить на карту озёра, мимо которых мы проходили, хотя местами и было их очень много; но с тех пор, как мы попали в тундру, это стало невозможно: куда ни взглянешь, всюду видишь озёра, озерки и болотины в бесчисленном количестве; поэтому, для того, чтобы дать полную картину этой местности, собственно говоря, было бы достаточно взять краску кистью и брызнуть ею на бумагу, — это было бы самой верной передачей истинного положения вещей.

После двухдневного пути мы добрались до подошвы Ачыги-Албея и к моему величайшему удовольствию нашли тут тунгуса, пришедшего сюда на поиски нескольких заблудившихся оленей. Он жил в области нижнего течения Индигирки, а потому знал здесь все ходы и выходы. Это было как раз то, в чём я нуждался, потому что мой проводник взялся довести меня только до местонахождения мамонта, заявляя, что далее он местности не знает и что вывести меня на Индигирку он не может, так как никогда не посещал этой реки. Последнее неудобство было бы ещё несущественно, потому что такую реку как Индигирка всегда можно найти, но важно было выйти на неё в таком месте, где находились люди, которые могли бы переправить нас через реку и тем избавить от странствования вдоль берега для того, чтобы отыскать какое-

нибудь населённое место. Тунгус же взялся выполнить эту задачу, потому что он знал место, где Лазарь Струков, староста живущих по Индигирке русских, занимался рыбным промыслом; он обещал ехать вместе с нами и довести нас туда после того, как мы съездим на место находки мамонта.

Перейдя через невысокий хребет, мы очутились в области истоков Улахан-Хомос-Ыряха, или Большой Ковчечьей, принимающей слева Ачыги-Хомос-Ырях, или Малую Ковчечью, на которой должен был находиться открытый тунгусом Фокой мамонт. Как ни спешили мы идти вперёд, я всё же должен был просидеть на месте целый день, потому что шёл сильный дождь, и тунгус боялся промочить своё платье, которое было у него, конечно, единственным. Ясная погода стала вообще реже, часто бывали туманы и ненастье, что в безлесной тундре является во всяком случае очень неприятным обстоятельством, так как нет никакой возможности высушить промокшие вещи. Снова встретив на одном обрыве Большой Ковчечьей выход почвенного льда, мы пришли 11 августа к местонахождению первого мамонта, т.е. того, о котором известил нас тунгус Фока.

Мне кажется тут уместным несколько нарушить исторический ход рассказа и, забегая вперёд, дать краткое описание той местности, в которой должны были находиться указанные выше трупы допотопных животных. Это значительно поможет уяснить последующее.

К западу от равнины, области озёр и Алазеи, на правом берегу Индигирки поднимается высокий Пелевой хребет, самая высочайшая вершина которого имеет около 4.000 футов. Он начинается, под именем хребта Чайдах, на правом берегу впадающей в Индигирку реки Шангина, несколько к югу от 69° широты, затем тянется под названием хребта Пелевого в северо-восточном направлении до самой высокой из своих вершин, Хилимилнги, находящейся у истоков впадающего в Балыктах От-Ыряха. Начиная отсюда, хребет носит различные наименования, которые, судя по несколько сбивчивым объяснениям тунгусов, представляют из себя, по всей вероятности, только названия наиболее высоких вершин, выдающихся из общей горной цепи. Считая с запада на восток, они следующие: Сор-Джета ([73](#)), Сырях-Таха, Улахан-Албей и Ачыги-Албей; простираение хребта, начиная с Хилимилнги, почти чисто восточное и оканчивается он только на левом берегу Алазеи. На правом

берегу реки этот хребет продолжается в виде Кихелях- или Киселях-Таса, что означает хребет мужчин, название, данное по причине большего числа кекур, которые, судя по рассказам, попадают там. Кихелях-Тас к востоку становится всё ниже и положе и наконец оканчивается на высоком берегу устья Большой Чукочьей. На северо-запад от Хилимилнги тянется вдоль Индигирки ещё один горный кряж, Пунга-Тага, который теряется в тундре в области дельты этой реки.

Таким образом низменная равнина среднего течения Алазеи отделена от Ледовитого океана возвышенностью, которая тянется от Индигирки почти до Колымы и отстоит от побережья океана на расстоянии приблизительно ста вёрст; эта обширная низменность усеяна бесчисленными озёрами. С Пелевого хребта и его продолжений течёт на север, в Ледовитый океан, большое количество небольших рек; между Индигиркой и Алазеей из них очень хорошо известны людям, отыскивающим мамонтовые клыки, следующие: Хара-Ырях, или Вшивая, Шандрон со своим притоком Эрби, или Пилою, и Улахан-Хомос-Ырях, или Большая Ковчечья; на берегах всех их находят особенно много ценных бивней мамонта. Река Эрби обязана своим русским названием Пила тому обстоятельству, что заново размытые после половодья её береговые обрывы бывают настолько богаты клыками, что имеют вид пилы. Если последнее название и представляет из себя только гиперболу, то тем не менее вполне справедливо, что эти берега с большим успехом обшаривают немало промышленников. Они отправляются туда всегда весной по окончании половодья, отмечают найденные ими клыки зарубками — каждый промышленник имеет свой особый знак — и оставляют их лежать до осени в полной уверенности, что никто не тронет их находку. При таких условиях казалось вовсе неудивительным, что кроме зубов и костей люди время от времени находят и целые трупы, а потому надежда на счастливый результат моей поездки была вполне основательна, по крайней мере относительно последней находки.

Что касается первого мамонта, надежды, которые с самого начала были не вполне основательными, в конце концов свелись на *minimum* сведениями, полученными проводником, которого я посылал год тому назад. Фока открыл мамонта уже несколько лет тому назад, он видал высунувшуюся из земли ногу или, вернее, кость ноги, на которой дер-

жалось ещё несколько обрывков мускулов, а через год хищные животные растащили эту ногу; но зато Фока нашёл здесь другую ногу мамонта, после чего уже и сделал своё заявление. Якут Яков, отправленный мною на место находки, мог найти только кусок шкуры мамонта, которая свободно лежала на земле, на ровном уступе высокого обрыва; по его мнению, само животное было вымыто и увлечено поллой водой. Затем ниже он нашёл выдававшийся из земли череп, но не мог убедиться, принадлежал ли он целому животному, или по крайней мере скелету, или он лежал тут один.

Осмотр места дал следующие результаты. Мы находились у так называемого яра, т.е. крутого берега, который имел приблизительно двадцать саженей или более сорока метров высоты. Небольшой поток, который впадал тут в Ачиги-Хомос-Ырях, вырыл в обрыве глубокую пропасть, круто спускавшуюся вниз, но образовавшую почти посредине высоты обрыва, однако всё же несколько ближе к реке, ровный уступ. По словам Фоки труп животного лежал почти на пять саженей выше только что упомянутого уступа.

При нашем осмотре мы не нашли тут никакого животного и, по всей вероятности, его не было здесь и раньше: тунгус, очевидно, был обманут тем обстоятельством, что из земли выдавались кости ног, на которых ещё висели обрывки мускулов и шкуры. Между тем, судя по характеру местности, присутствие трупа в этом месте было для него вполне вероятно, потому что по всей округе в земле находится большое количество мамонтовых костей и бивней. Ввиду же того, что место находки располагалось как раз в русле вырывшего пропасть маленького потока, не было никаких причин сомневаться, что ноги или другие кости были вымыты ручьём; благодаря всему этому у тунгуса явилось предположение, что в земле лежит скелет спиною вниз и ногами кверху. Как на этом месте, так и поблизости его действительно находились остатки мамонта в виде громадных костей ног, на которых ещё висели частью очень сильно повредившиеся от времени части мышечных волокон и остатки сухожилий; но это не были части одного и того же животного, они походили скорее на случайное скопление обломков костей. Далее, место, где, по словам очевидца, лежало животное, находилось значительно выше возможного уровня поллой воды; таким образом труп никак не мог быть унесён поллой водой: ручей был слишком слаб для такой

работы, но он мог вновь зарыть скелет. Исходя из последнего предположения, мы стали рыть, пока не дошли до замёрзшей почвы, но нигде не нашли следов скелета. Недалеко от того места, где рыли, тоже в мягкой, незамёрзшей земле мы наткнулись на кусок шкуры мамонта значительных размеров, — именно около десяти футов в длину и в пять или шесть футов шириной. Несмотря на то, что одна кожа без волос имела в толщину три четверти дюйма, она была так сильно измята, гнила и разорвана, что только с большим трудом её удалось расправить на земле. Она была ещё покрыта волосами, и я предполагаю, что мы имели дело с куском шкуры со спины, потому что, несмотря на то, что она была выпачкана и изорвана, ясно можно было различить на некоторых местах более длинные волосы. Казалось, как будто вдоль куска тянулась полоса, более густо усаженная волосами, доходившими посередине до семи или восьми дюймов в длину и постепенно укорачивавшимися к бокам. Поэтому я думаю, что полоса, на которой были самые длинные и самые густые волосы, приходилась к хребту и что как густота, так и длина волос постепенно уменьшалась по направлению к лопаткам. Я мог различить на шкуре с большою точностью три сорта волос. Во-первых, грязно-жёлтый подшёрсток, похожий на тот, который имеют сибирские лошади зимой; по всей вероятности, он согревал животное во время очень сильной стужи. Во-вторых, более длинная, дюйма в полтора, красновато-бурая ость, которая совершенно покрывала подшёрсток в тех местах, где волосяной покров хорошо сохранился; то же самое мы и до сих пор наблюдаем у всех пушных зверей. Наконец, третий сорт волос был чёрного цвета и составлял гриву; местами эти волосы доходили до семи или восьми дюймов, а в других местах были немного длиннее красновато-бурых покровных волос. Я охотно захватил бы с собой весь кусок шкуры, но, с одной стороны, он был очень велик и тяжёл, а с другой — настолько пропитан сыростью, что везти его в таком виде не было никакой возможности. Волосяной покров, правда, замечательно хорошо сохранился, но все волосы сидели в слое эпидермиса, а он очень легко отставал от собственно кожи. Стоило только захватить пальцами пучок волос, и он тотчас же очень легко отделялся вместе с тонким как бумага эпидермисом от подлежащей кожи; таким образом не было сомнения в том, что из шкуры, если её везти влажной, повылезли бы все волосы, а вместе с тем она потеряла бы свою ценность. О том, чтобы сушить её не

могло быть и речи: с большим трудом и усилиями нам удавалось собирать только небольшое количество хвороста и плавучего леса, чтобы вскипятить воду в маленьком котле. Нечего было и думать о том, чтобы сушить мокрые вещи, если только ветер не принимал этой работы на себя. Поэтому я удовольствовался двумя кусками шкуры, которые вырезал из наиболее сохранившихся мест и осторожно свернул волосами внутрь в надежде, что эпидермис с волосами крепко пристанет к коже и останется так при развёртывании.

Затем мы приступили к дальнейшему исследованию места и в скором времени нашли череп, о котором говорил якут. Он лежал на уступе, который разделял крутой обрыв на две неравные части. Череп крепко сидел в замёрзшей земле, виднелась только незначительная его часть, так что можно было предположить, что он находился в связи со скелетом. Сначала надо было отвести воду, струившуюся сверху; для этого мы отвели речку в сторону, а затем принялись колоть замёрзшую почву. Дело подвигалось вперёд медленно, потому что замёрзший мелкий ил, из которого состоял обрыв, сильно затруднял работу. Когда стало темнеть, мы запрудили прорытое нами русло реки и дали возможность воде в течение ночи размягчить место, в котором сидел череп. Благодаря этому, на следующий день рыть и копать было легче, так что мы скоро вытащили череп. Казалось, он принадлежал молодому животному, был сильно повреждён и вовсе не находился в соединении со скелетом; нижней челюсти при нём не было. Можно было точно установить, что череп лежал в плотно наслоившейся глине, которая непрерывно простиралась вглубь, так что в ней не мог заключаться скелет; таким образом здесь нечего было ожидать от раскопок. Я сфотографировал обрыв и громадную глыбу, состоявшую из мха и замёрзшей земли, державшуюся на сравнительно тонком карнизе и свободно выдававшуюся вверх над дёрном. Казалось, что она ежеминутно может свалиться в пропасть, а между тем она лежала неподвижно во всё время нашей работы и очень возможно, что находится там и до сих пор.

Чтобы сохранить куски, которые я не мог захватить с собой, но которые могли потребоваться впоследствии, я вырыл в шести саженях от обрыва яму в четыре фута в квадрате. При этом сначала шёл слой оттаявшей земли в 14 дюймов толщиной, затем пласт мёрзлой земли в 6

дюймов и наконец чистый лёд. Яма была выкопана или, вернее, вырублена в твёрдом льду на четыре фута в глубину; этот лёд окружал её со всех четырёх сторон и только один край по всей его длине состоял из замёрзшей земли. Кроме того, на одной из стен среди крепкого льда тянулась косая жилка земли приблизительно в три дюйма толщиной. Лёд был плотен и крепок, растрескивался под коркой как свежий речной лёд и вовсе не обнаруживал стремления распадаться на лучеобразные осколки, что наблюдается на ледяных глыбах, подвергавшихся некоторое время влиянию весеннего солнца. Тем не менее он был пронизан громадным количеством мелких пузырьков, которые образовали всегда совершенно прямые вертикальные линии в тех местах, где их было меньше и где расположение их можно было отчётливо проследить. Лёд не был прозрачен, что в данном случае могло зависеть от большего количества воздушных пузырьков. В эту яму мы сложили череп, кости ног с висевшими на них мышечными волокнами и сухожилиями и оставшуюся часть шкуры. Затем в чистом льду была вырыта другая яма и полученным из неё холодным льдом совершенно наполнена первая, поверх которой из мха и земли был насыпан курган, увенчанный крестом. Отмеченное таким образом место может быть легко вновь найдено каждым русским с Индигирки.

В самой пропасти мы не нашли мерзлоты. Бока её состояли из осыпавшейся сверху земли, а в том месте, где мы вырывали череп, льда в земле очевидно не было.

Теперь нам приходилось спешить, так как ежедневно шли более или менее сильные ливни, реки начали подниматься и являлось опасение, что мы не будем иметь возможности перебраться верхом через Шандрон, на котором находился второй мамонт.

До этой реки по прямому пути на запад было около сорока вёрст. Здесь, в горах, почва была во всяком случае несколько твёрже, так что животным идти было легче, а между тем к нашему прискорбию мы заметили, что лошади стали слабеть. Причиной этому, очевидно, были плохие пастбища: грубая трава, которую животные ещё кое-как ели летом, теперь, осенью, сделалась по-видимому вовсе несъедобной; конечно, они ели и её, но только потому, что никакой другой не было, питательность же её сделалась слишком ничтожной и силы лошадей стали падать. Предстоявшие нам сорок вёрст мы проехали верхом большою

частью по холмистой местности; кругом нас были более высокие хребты, особенно с юга и востока, но нам не приходилось через них переходить. Тем не менее вокруг нас находились кекуры, или каменные столбы, такие же, какие бросались нам в глаза уже издали как на мысе Кекурном, так и на других хребтах поблизости побережья Ледовитого океана и, наконец, на обоих Барановых камнях. В тех местах нам казалось, что кекуры всегда располагаются на гребнях более высоких хребтов, но здесь мы убедились, что, хотя преимущественно и в большем количестве они и украшают именно хребты, но, тем не менее, встречаются одиноко и среди долины. Они имели самые причудливые формы; были столбы высотой в четыре и более сажень, а также и такие, размеры которых не много превосходили эратические валуны Остзейских провинций. Нижняя часть этих странных образований была большею частью тоньше, чем верхняя; были даже такие кекуры, что, проезжая мимо них верхом, невольно задаёшь себе вопрос — не лучше ли их объехать, потому что колоссы стояли на столь тонкой ножке, что могли, казалось, обрушиться каждую минуту. Они поднимались большей частью непосредственно из дёрна и мха и состояли, насколько я мог заметить, из содержавшего очень мало слюды гранита, кварцевые кристаллы которого были окрашены в дымчато-серый цвет. Рёбра кекуров были остры, но всё же несколько выветрились, ножка же большею частью была отшлифована. У некоторых из колонн ножки были настолько красиво вогнуты и кругло отшлифованы, что лучше не отделал бы и камнетёс. Надо думать, что нижняя часть столбов, часто до высоты одной сажени, была подвержена продолжительному действию морских волн; вместе с тем резко бросалось в глаза то обстоятельство, что предположение о таком влиянии волн противоречило современной конфигурации поверхности суши. Именно, я находил следы этого влияния не только на колоннах, стоявших на возвышенных точках, но и на таких, которые находились более глубоко в долине, а между тем отшлифована была в большинстве случаев только нижняя часть и никогда я не находил следов шлифовки выше, чем на сажень от земли. За пределами этой черты все столбы, которые я видал, имели острые, только несколько выветрившиеся рёбра и выступы ([74](#)).

Вечером 14-го августа мы достигли местонахождения второго мамонта. На правом берегу реки Шандрона находилась яма, в которой

спрятана была отделившаяся нога. Мы вынули её и нашли, что она была оторвана в колене и что длина её полтора аршина, т.е. метр. Место разрыва не было, однако, свежим, потому что кость под кожей оказалась окрашенной в тёмно-бурый цвет, который обыкновенно принимают в земле мамонтовые кости и клыки. Несколько ниже места перелома начиналась кожа, но вначале под нею не было мускулов, и она плотно прилегала к кости; далее нога делалась толще и переходила в стопу, сохранившую ещё одно копыто и имевшую нормальную форму. Якут утверждал, что копыт было два, но что второе тогда сломалось и тоже было брошено в яму; однако мы его не могли найти, несмотря на все старания, да и последнее копыто в конце концов мы тоже потеряли; оно легко отстало, потому что с внутренней, вогнутой своей стороны было прикреплено к пальцу только тонкими роговыми пластинками. В скором времени мы нашли мелкое место, так что имели возможность переехать верхом через глубокую в других местах реку и таким образом переправились на правый берег. Между тем сильно стемнело, и я не решался осматривать место, где находился мамонт, чтобы не сделать в темноте чего-нибудь такого, что впоследствии могло бы оказаться нежелательным. На следующий день якут привёл нас к месту, где в стене, действительно, торчало ребро. Место представляло из себя небольшую полукруглую выемку, в верхней части которой под дёрном был слой почвенного льда около аршина толщиной, далее следовал вязкий ил, который спускался к реке в косом направлении. Глубина выемки была приблизительно в шесть саженей; там, где стена выемки становилась ниже, с одной стороны её, на высоте около одной сажени над поверхностью реки и в таком же расстоянии от верхнего края, торчало из земли ребро. В то время, как я осматривал место, один из казаков влез на стену и закричал, обращаясь ко мне: «где же тут место для мамонта, если он так велик, как Вы говорите». Я последовал за ним и с первого взгляда, конечно, увидел, что мы понапрасну ехали сюда и собственно могли бы прямо отправиться домой. На другой стороне находилась точно такая же выемка, но только более древнего происхождения, потому что вся она успела уже покрыться дёрном. Таким образом нога торчала в раздвинутой обе выемки земляной перегородке, которая была тут около аршина толщиной. Было несомненно, что целый мамонт здесь не мог поместиться, да и поверхность излома ноги, которая у меня находилась,

очевидно была старая, так что здесь ничего не было. Когда находишься в путешествии и испытываешь одну неудачу за другой, как это случалось с нами в течение всей экспедиции, перестаёшь достаточно владеть собой, чтобы решиться подняться и уехать, не теряя напрасно времени. Так и я был тогда вполне убеждён в том, что тут находился мамонт, но что его унесло течением перед моим приходом; я придерживался этого мнения также и в моём первом отчёте Академии, составленном ещё под впечатлением неудачи. Теперь же я охотно признаю, что оно было абсурдом и что Л.И. Шренк был несомненно прав, полагая, что собранные здесь мною остатки были занесены сюда течением. Становится досадно, когда убедишься, что не только напрасно работал, но и вместе с тем упустил другие случаи, где можно было бы лучше воспользоваться временем.

Так как вторая выемка всё-таки существовала, да и возраст её, судя по толстому дёрну, нельзя было прозвать менее как в пятнадцать лет, то я предположил, что мамонт лежал на спине: в таком положении он мог ещё кое-как поместиться в быстро расширявшейся стенке выемок. Я начал осторожно снимать гребень стенки. Сначала я встретил, как это вполне было понятно, рыхлую землю, в которой были большие глыбы льда, принесённые водой и потом опять примёрзшие друг к другу. Тут я нашёл вторую ногу или, вернее, нижнюю часть её. Ступня была значительно толще, чем у первой ноги; она была переломлена, да кроме того при отламывании вывернута, так что куски костей были сильно смещены. На ноге находились ещё кожа и мышцы, но волосы сохранились только в немногих отдельных местах, точно также, как и на первой ноге. Они были коротки, жёстки и имели желтовато-буроватый цвет, как это всегда замечается на ногах мамонта.

После того, как мы вырыли ногу и удалили все ледяные глыбы, мы добрались до плотного слоя земли, который, однако, всё ещё не носил слоистого строения. Он косо спускался к реке и, будучи толщиной в три дюйма, состоял из смеси серой глины и мамонтовых волос. Обстановка имела совершенно такой вид, как будто труп животного соскользнул отсюда в реку и оставил свои волосы, слабо державшиеся в коже благодаря её гнилости. Затем следовал пласт плотной, слоистой почвы, который я очень старательно разрывал в продолжение некоторого времени,

но затем оставил эту работу, как совершенно напрасную. Среди найденных волос я нашёл такие, которые равнялись по длине лошадиной гриве; я упаковал их вместе с ногой, потому что столь длинных волос не видал на том куске шкуры, который нашёл раньше.

Таким образом я покончил с мамонтом. Однако берег Шандрона представлял ещё одно интересное явление, которое я хотел исследовать поближе и с этой целью провёл тут несколько дней. Река в этом месте делала сильный изгиб к западу; мы находились у восточного конца этой излучины и видели перед собой обрыв, приблизительно в десять саженей высотой, имевший протяжение около полутора вёрст, обращённый к югу и сильно подверженный действию солнечных лучей. Река подмыла обрыв на всём его протяжении; более удалённая от нас, расположенная в западном конце, часть его была подрыта рекой довольно давно, так что осыпавшиеся выемки успели уже покрыться дёрном. Часть же, лежащая на востоке, была более нового происхождения, так что разрушение продолжалось тут ещё безостановочно за исключением отдельных, небольших участков, где оно тоже уже прекратилось, как доказывала выемка, расположенная у места, где найдены были ноги. В очень многих из этих ещё оттаивающих котловин, находилась мерзлота, толщина которой в некоторых местах была очень значительна (75).

Прежде всего я принялся за исследование одной большой выемки, в которой слой льда, начинавшийся тотчас под дёрном, по моим исследованиям оказался одиннадцати с половиной аршин в толщину, т.е. на пол-аршина меньше четырёх саженей. Выемка имела очень странный вид. Она представляла большой полукруг, который в середине, в самом высоком месте, имел почти четыре сажени в вышину, а по бокам высота уменьшалась приблизительно наполовину. В разрезе выемка, однако, состояла не исключительно из одного льда: непосредственно у того места, где я измерял высоту льда, последний, казалось, был прерван вертикальной прослойкой земли, имевшей в ширину полторы сажени и довольно правильное горизонтальное напластование. Слева, в некотором расстоянии, находилась такая же прослойка земли, которая, однако, в вышину имела всего полторы сажени, а далее следовал опять чистый лёд. Ещё далее влево лёд не доходил до дёрна, а простирался под ним волнистой лентой, приблизительно в пол-сажени толщиной, то ближе,

то далее от дёрна; промежуток между льдом и дёрном был заполнен землёй, которая имела тоже не горизонтальное простирание, а повторяла форму верхнего контура льда. На некотором расстоянии вправо от вышеупомянутой наибольшей прослойки земли находилась другая, несколько более широкая, но более короткая, так как выемка тут уже опускалась; затем следовала опять отделённая льдом и находящаяся под дёрном прослойка земли почти в сажень толщиной и только далее лежал снова лёд. Обе полосы земли имели горизонтальное напластование. Правый восточный конец этой выемки соприкасался с соседней выемкой конусом земли, который примкнул ко льду и дерновая покрывка которого находилась ещё в связи с общим дерновым покровом поверхности земли. Я велел снять сначала этот дёрн и нашёл, что конус, который имел тоже горизонтальное напластование, плотно примыкал к ледяной стене. Как только был снят небольшой кусок дёрна, расположенный на земляном конусе, тотчас за ним показался чистый лёд под остальным дерновым покровом. Для того, чтобы убедиться, тянется ли первая из вышеупомянутых вертикальных прослоек земли через всю толщу льда, или представляет ограниченное в нём включение, я велел на расстоянии одной сажени от края выемки, как раз на границе льда с землёй, вырыть яму со сторонами в сажень длиной. При этом я нашёл слой талой земли в шестнадцать дюймов толщиной, под ним такой же толщины пласт серой, мёрзлой глины и затем чистый лёд. Таким образом было ясно, что эта большая вертикальная прослойка земли была лишь ограниченным включением земли в плотном льду. Поверхность земли от обрыва поднималась в гору, благодаря чему выкопанная яма имела две восходящие стороны; на этих сторонах можно было видеть, что верхний контур льда шёл параллельно с поверхностью земли и, следовательно, талая земля и серая замёрзшая глина тянулись повсюду равномерно-толстым слоем в 18 вершков т.е. около 32 дюймов. Кроме этой ямы в различных местах холма, склон которого был подмыт водой, я велел выкопать ещё несколько других; при этом местами я нашёл чистый лёд, местами же землю. Итак, лёд, который образует холм, имеет на всём своём протяжении включения земли различной величины и формы.

Затем я приступил к исследованию второй выемки. В виду того, что холм тут значительно понизился, много ниже был и его обрыв; он отличался кроме того ещё тем, что ледяная стена была не вертикальна, а шла косо сверху вниз, так что подошва её выступала более чем на сажень. Сплошных земляных прослоек тут не было, но лёд в трёх местах не доходил до дернового покрова, а представлял три выемки. Одна, меньших размеров, имела ясно выпуклую форму, вследствие чего земля, которая её выполняла вплоть до дёрна, представляла тоже параллельные, выпуклые слои, принимавшие кверху меньшие размеры, как будто бы она правильно насыпалась слоями одинаковой толщины. Две другие выемки были длиннее, но имели несколько раз изогнутую поверхность, поверх которой и здесь лежали параллельные, выполнявшие их слои земли. Далее я нашёл тут несколько земляных конусов, которые, как было уже указано и при описании первой выемки, тоже примыкали к ледяной стене. Очевидно и они были прежде совершенно окружены льдом и освободились от него только впоследствии, после того, как лёд постепенно растаял. Но в то время как вышеупомянутый конус своей задней стороной примыкал ещё ко льду и его дёрн был соединён ещё с общим дерновым покровом, здесь ни того, ни другого уже не наблюдалось. У основания своего конус, конечно, ещё плотно сидел на льду и частью был окружён ледяным слоем, но верхняя часть его уже освободилась; вследствие этого он не имел правильного напластования и осел, так что казалось, будто он составлен из отдельных комьев, которые были набросаны друг на друга без всякого порядка. В земле, из которой он состоял, находилась масса ледяных частиц и, понятно, когда они оттаивали, земля должна была оседать и терять своё прежнее правильное напластование.

На второй и третий день нашего пребывания на Шандроне выяснилось, что и без вырывания вышеуказанной ямы я мог бы убедиться, что вертикальные прослойки земли не представляли из себя непрерывных стен во льду, а были только ограниченными включениями. Уже на следующий день часть этого слоя обрушилась, а на третий день он совершенно обвалился, образовал у подошвы склона земляной конус и обнажил находившуюся за ним ледяную стену; но я не мог узнать, как далеко простирался лёд за лежавшим у его подошвы слоем глины, мне даже не

удалось расследовать продолжался ли он там вообще. Сначала мне казалось, что при исследовании вязкой глины палкой, я, в конце концов, попадал на лёд, потому что получалось ощущение, как будто палка касалась чего-то твёрдого и плотного, но я имел случай убедиться, что такое же ощущение испытываешь, если палка попадает на замёрзшую землю; таким образом нельзя утверждать, что я тогда добрался до льда.

Мне хотелось бы сообщить здесь ещё об одном мною исследованном разрезе, так как я нашёл на нём лёд в виде двух, по-видимому совершенно разъединённых, слоёв. Обрыв в том месте был довольно высок; толщина ледяного слоя под дёрном была около десяти футов и перед ним находилось несколько земляных конусов, примёрзших ещё своим основанием ко льду. Но в следующем затем слое глины были ещё несколько таких же конусов более древнего происхождения и частью покрытых уже растительностью. За этим горизонтальным уступом не начиналась, как это бывает обыкновенно, поверхность воды, а за ним следовал ещё второй уступ, хотя и значительно меньшей высоты, но тоже с обнажённым слоем льда, и только затем уже почва в косом направлении спускалась к реке.

Если проходить вдоль по берегу и рассматривать разрезы, как такие, которые находятся ещё в состоянии оттаивания, так и те, которые давно уже пришли в состояние покоя, то легко выяснить себе ход всего процесса. Река во время ледохода подмывает берег, вследствие чего образуется обвал, который, увеличиваясь на следующий год, должен обнаружить лёд, находящийся внутри холма. Так начинается оттаивание этого льда и, продолжаясь всё далее и далее, приводит к образованию глубокой выемки. При этом с одной стороны обваливается дерновой покров, остающийся на дне котловины, а с другой — земляные включения во льду образуют конусообразные земляные кучи, число которых постоянно увеличивается, пока наконец из осыпавшейся земли не образуется на столько толстый слой глины, что он в состоянии прикрыть лёд и защитить его от дальнейшего таяния. Ввиду того, что после этого река в половодье уже не может подмывать сильно пологий берег, здесь наступает прекращение процесса: поверхность глины покрывается дёрном и выемка со временем принимает вид косо спускающейся к реке от-

логости, покрытой глыбчатыми, но заросшими травой, земляными конусами. Как раз такой вид имели те древние береговые выемки реки Шандрона, на которых уже наступило зарастание травой.

Что касается до самого льда, то на обвалах он имел большею частью серую, грязную окраску, потому что на него стекала всегда глина с нависшего над ним дёрна. Но если отбить кусок льда, то оказывается, что он прозрачен и чист, но в то же время пронизан расположенными вертикально прослойками из мелких пузырьков воздуха, которые замечены были уже на Малом Хомос-Ыряхе. Далее тут можно было видеть одно явление, на которое я не обратил внимания на Хомосе, хотя и предполагаю, что оно было и там. Во льду, который сам по себе прозрачен, замечается много трещин, а в них находятся необыкновенно тонкие слои очень мелкой глины. Поэтому, если дать растаять льду, то вода никогда не получается столь же прозрачною как сам лёд, — она делается мутною от этой глины. Трещинки были необыкновенно малы и слои глины вследствие этого очень тонки, что можно было заметить, когда удавалось разбить кусок льда по этим трещинам; тем не менее такого незначительного количества глины достаточно, чтобы замутить воду, получавшуюся при растаивании.

В том месте Шандрона, где мы находились, подмытый рекой берег имел, как уже было сказано, в длину не более полутора или двух вёрст; но когда мы шли к Пелевому хребту, ещё до того времени как нам достигнуть Хелимилнги, мы встретили несколько мест, где выходил наружу почвенный лёд, и дважды нашли покрытые дёрном и составленные как бы из глыб конусообразные земляные кучи, имевшие вид колонии громадных муравейников.

Но каким же способом мог получиться этот лёд, местами выходивший, по моим наблюдениям, наружу на протяжении целых сотен вёрст? Жители Русского Устья и Ожогина на Индигирке также не раз уверяли меня, что он составляет в тундре очень обыкновенное явление, настолько распространённое, что они почти всегда бывают уверены в том, что найдут естественные ледники для сохранения пойманных осенью гусей и рыбы. Таким образом, в высшей степени вероятно, что под волнистыми холмами, покрывающими тундру побережья Ледовитого океана, находится широко раскинувшееся ледяное поле и не подлежит

даже никакому сомнению, что почвенный лёд продолжается по направлению к югу за границу области древесной растительности.

Врангель, Геденстрём и другие путешественники на крайний север сообщают нам о ледяных пластах, встреченных ими на берегах рек. Такие, чередующиеся со слоями земли, ледяные пласты я наблюдал не только поблизости Ледовитого океана, но и гораздо южнее, среди тайги, на берегах Селегняха. Способ их образования объясняется очень просто. Зимний лёд, крепко примерзая к берегу, особенно если последний плоский и низкий, не всегда отделяется одновременно со вскрытием реки. Если теперь одна часть берегового обрыва обрушится, прикроет плотно ещё примёрзший лёд (который таким образом останется погребённым навсегда), да если такие обвалы будут повторяться несколько раз, то получится береговой разрез с чередующимися ледяными и земляными пластами. Но такого рода образования не имеют ничего общего с теми массивными ледяными горами, которые занимают нас в настоящее время и тянутся на протяжении многих миль. Эти последние могли произойти, по моему мнению, только из снежных полей. В настоящее время на северном побережье Сибири, даже до самого мыса Челюскина, нет не растаивающих летом снежных полей; поверхность земли обнажается летом от снега и покрывается растительным ковром. Но тот, кто путешествовал летом по тундре, может засвидетельствовать как долго снег противостоит здесь влиянию солнечных лучей и как, в конце концов, коротко то время, в продолжение которого поверхность земли на самом деле бывает совершенно обнажена от снега. Но и теперь есть немало мест в тундре, где он в сущности не растаивает, хотя бы только незначительными участками, даже и летом. В этом случае я вовсе не имею в виду узких, наполненных глубоким снегом, ущелий, потому что они представляют собою слишком исключительные условия, чтобы принимать их в соображение. Я хочу только указать, что вполне достаточно обращённого на север склона, котловинообразного или какой-нибудь другой формы углубления почвы, в котором накопилось бы несколько больше снега, чем в окрестностях и он уже лежит здесь чуть не до конца июля месяца, а в более прохладное лето и вовсе не растаивает. Но это только небольшие снеговые пятна на сильно согретой солнцем земляной поверхности.

Снежный покров в Якутской области имеет в среднем в толщину двадцать один дюйм; на берегу Ледовитого океана он, по всей вероятности, несколько толще, но в открытой местности он едва ли бывает в сложности толще двадцати восьми дюймов. Для того, чтобы такой слой снега растаял, в большинстве случаев достаточно апреля и мая месяцев: к началу июня большая часть его сходит и только защищённые от солнечных лучей и более обширные массы снега не тают до июля. Но если теперь предположить, что тундра покроется снегом вместо двадцати восьми дюймов в толщину — в пятьдесят или ещё более, то спрашивается, что будет в таком случае? Сомнительно, чтобы солнце было в состоянии растопить такую массу снега в течение одного лета, особенно если после снежной зимы май и июнь окажутся пасмурными и холодными. Количество тепла, которое потребно для того, чтобы растопить весь снег, очень велико, и солнце справляется с этой работой только при помощи уже раньше оттаявших участков земли. До тех пор, пока снег имеет ещё вид сплошного покрова, таяние подвигается вперёд очень медленно, несмотря на палящие лучи солнца: оседание снега едва заметно и то, что растает в течение дня, замерзает ночью. Но как только на белой пелене образуются отдельные обнажённые местечки, на которых по какой-нибудь причине снегу было меньше, — дело подвигается быстро вперёд. Земля нагревается и вокруг неё снег стаивает быстрее, чем под исключительным влиянием солнечных лучей. Но этот важный для таяния момент может наступить только очень поздно в случае, если земля покрыта слоем снега не в один, а в два аршина, и даже при современных условиях это легко может случиться в любом году. Если же часть снега пролежит в течение лета, то за этим легко может последовать очень обильная снегом зима, так как при низкой температуре, обусловленной лежащим в высоких шпротах в течение лета снегом, осенью, т.е. в конце июля и в августе, выпал бы вместо дождя снег. Поэтому возможно допустить, что земля покроется слоем снега в два или более аршина толщиной, а при этих условиях солнце уже не в состоянии с ним справиться: тогда должен снова наступить снежный период, который может прекратиться только под влиянием особенно благоприятных и продолжительно действующих температурных условий. Таким образом наступление снегового периода при настоящих условиях температуры

и осадков кажется мне очень возможным именно потому, что солнце не легко справляется даже и со сравнительно незначительным количеством снега, которое выпадает на крайнем севере и при обыкновенных условиях настоящего времени. Но стоит только допустить наступление такого снегового периода, чтобы без труда объяснить все мною наблюдавшиеся явления; наоборот, без этого предположения трудно представить себе, как мог образоваться слой льда, который находится как на холмах, так и в долинах и тянется на протяжении сотен вёрст. Уже и при настоящих условиях приходится иногда быть свидетелем пертурбаций, которые вызывает буря, и убеждаться как она в течение каких-нибудь полусуток взрывает зеркально-гладкую поверхность снега, на столько крепкую, что ни сани, ни люди не оставляют на ней ни малейших следов: в некоторых местах обнажается поверхность земли, на других воздвигаются высокие снежные горы, ровная поверхность исчезает и кажется, что находишься в холмистой местности. Кому случалось видеть такие перевероты, тому уже не покажется странным, что все эти явления при тройной и четверной толщине снежного покрова должны иметь гораздо большие размеры, что могут нагромождаться высокие горы снега, содержащие в себе земляные включения, и что эти горы могут, в конце концов, превратиться в ледяные, под влиянием собственной тяжести.

Но откуда же берётся та земля, которая бывает включена в лёд, а также как образуется верхний покров, на котором впоследствии образуется дёрн? Несомненно, что даже самая сильная буря, бушующая на севере, не была бы в состоянии разорвать плотного дёрна и разнести по ветру находящуюся под ним подпочву. Но дело в том, что на крайнем севере нет непрерывного растительного покрова и, наоборот, можно найти много мест вовсе лишённых растений или покрытых только отдельными плохо развитыми былинками. На родине кочковатых болот — в Чукотской Земле, нам довольно-таки часто приходилось страдать от массы земляных частиц, которые метали нам в лицо разыгравшиеся бури. Если же буря случалась в местности с более сухой почвой, то пыли и камешков, наполнявших воздух, было так много, что приходилось надевать очки, чтобы защитить по крайней мере глаза от сильных ударов мелких земляных частиц. Побережье же Ледовитого океана окайм-

лено широкой полосой мелкого песку и вполне понятно, что бури поднимали его в достаточном обилии для того, чтобы покрыть снежные поля и защитить их от дальнейшего влияния солнечных лучей (76).

Кекуры, нижняя часть которых почти без исключения гладко отшлифована водой, указывают на то, что земля тут некогда была покрыта морем. Если снеговой период начался вскоре после осушения местности, то здесь не могло быть даже растительного покрова и все вышеназванные явления объясняются при этом ещё проще. Однако мне не удалось исследовать нижней границы льда, — повсюду оказался подлежащий слой ила, который нельзя было удалить; поэтому я не могу сказать находится ли подо льдом древний растительный слой или нет. Точно также я не в состоянии определить в каком отношении к слою льда находятся открытые мною остатки мамонта. То, что я нашёл, по моему мнению, было занесено сюда впоследствии; даже череп мамонта, который я хотя и должен был вырывать из плотной по-видимому земли, тоже попал сюда из другого места, иначе он не мог бы получить таких сильных повреждений. Кроме того, мамонты вряд ли тут жили, потому что эти животные не могли бы наполнить своего желудка чересчур скудной растительностью тундры, даже в том случае, если бы они умели щипать низкую траву; лесной же растительности во время снежного периода здесь не было, как нет её и в настоящее время (77).

22-го августа покинул я Шандрон, чтобы направиться на Индигирку, которой я, по уверению тунгуса, обещавшегося довести меня туда, должен был достичь у селения Похвального. Семь дней стоили мне раскопки на Шандроне, но моя надежда, что такая долгая остановка укрепит наших лошадей для предстоящего трудного путешествия через горы, не оправдалась; наоборот, животные оказались слабее прежнего. Горные пастбища не могли подкрепить их сил: насколько хороша могла быть здесь трава летом, настолько же мало питательною оказалась она, против ожидания, осенью. По всей вероятности, северное положение и доступность холодным ветрам влияют на растения в том смысле, что в них чрезмерно развиваются деревянистые, волокнистые части на счёт более ценных и питательных. Последствия этого очень скоро обнаружались самым неприятным образом: уже после первого перехода лошади оказались настолько изнурёнными, что ехать на них верхом нельзя было и думать, — в противном случае мы потеряли бы их всех. Поэтому

я решил идти пешком и навьючить на них только багаж. Благодаря этому мы имели возможность с одной стороны облегчить вьючных лошадей, а с другой — давать им отдых, оставляя порожними двух или трёх животных. В первый день путешествия мы ещё проехали 35 вёрст, но на месте ночёвки нам пришлось оставить одну из лошадей, потому что она была не в состоянии следовать за нами. Мы перешли через несколько мелких истоков Шандрона и через приток его Эрби, чтобы выйти на Шангин или Шандунун, по течению которого мы должны были подняться на хребет. В одном месте по дороге я мог заметить, как легко меняют тут реки своё течение. С одного более высокого обрыва мы взглянули на долину Шандрона, который образовал тут такую же излучину как там, где мы нашли мамонтовые ноги. Сначала он протекал у одного полукруглого обрыва, но впоследствии сильно подмыл его, как это видно по многим выемкам, которые в настоящее время большею частью были уже покрыты растительностью. Я старательно присматривался не попадутся ли и тут профили льда, но мне не удалось их видеть: глина и ил успели уже снова покрыть их: но что они в действительности были под этим покровом, без сомнения доказывало присутствие уже известных, похожих на муравьиные кучи, глыбчатых холмиков, которые в покрытых дёрном выемках были здесь так же многочисленны, как и на месте нахождения мамонта. Но вся эта речная излучина была теперь занесена илом и уже заросла травой; река же вырыла себе другое русло в том месте, где излучина образовала самую узкую косу. Старое русло было между тем вполне явственно заметно по гораздо более светлому тону растительности и резко выделялось из окружавшей его местности. В одном пункте старого русла был даже замечен островок, покрытый более тёмной растительностью; — всё это рисовалось так же ясно, как только мог бы землемер изобразить на своём плане.

Влево от нашего пути виднелся Сырях-Таха, или по-русски Сердце-Камень, который тунгусы называют Мегон; далее следовал Сор-Джетя, что значит воронье гнездо; вправо отделялся Пунга-Таха, который направляется к Индигирке и простирается до урочища Ужинина, расположенного выше дельты этой реки. Этот невысокий горный хребет интересен в том отношении, что подходит в одном месте очень близко к реке, которая и прорвала его одним из своих рукавов, вследствие чего

образовался скалистый остров, единственный на всём длинном протяжении реки. Сам остров называется Каменным, а рукав реки, отделяющий его от берега, — Закаменной Протокой. Сор-Джетя, Сырях-Таха и их продолжения оба Албея представляют из себя, как уже сказано, ничто иное как отдельные, более высокие вершины Пелевого хребта, принимающего от высокого Хелимилнга (железное остриё стрелы) более восточное направление. Мы поднимались на хребет по течению реки Шангина и с одного уступа Хелимилнга нам представилась превосходная панорама: на северо-восток тянулась длинная цепь вышеназванных вершин, к северо-западу отходил Пунга-Таха, на юге мы видели перед собой беспорядочно нагромождённые, покрытые снегом гребни и вершины Пелевого хребта; если взглянуть на восток и на юго-восток, там виднеется бесконечная равнина и область озёр. Хелимилнга, который казался более высоким, чем остальные окружающие его вершины, поднимается над уровнем моря, как кажется, на 3000 футов. Он был покрыт лёгкой снежной пеленой, вершины же, которые мы видели к югу и юго-западу, казалось, уже давно оделись в свой белый наряд и очевидно имели много большую высоту.

Сначала мы пошли на юг по восточному склону хребта п 25-го августа, приблизительно в ста пятидесяти верстах от Шандрона, достигли границы лесной растительности, однако на очень короткое время, потому что лиственница скоро исчезла, когда мы начали переходить горную цепь. Только пройдя ещё семьдесят вёрст, мы вступили в область сплошного леса, которого с этих пор уже не оставляли. В большинстве случаев я мог наблюдать, что лес прекращается разом и сравнительно недурными насаждениями. Деревья на самой границе имеют, конечно, невысокие стволы и поднимаются, считая от корня, самое большее на две сажени в высоту; ежегодные побеги необыкновенно малы, но я нигде не мог заметить, чтобы растения стлались по земле. Только в том месте, где на Пелевом хребте мы окончательно вступили в лесную область, мы встретили такую стелющуюся по земле форму лиственницы. Она имела необыкновенно оригинальный вид: на буром, усеянном мхом дёрне, выделялись крупные, в большинстве случаев совершенно правильные круги интенсивного жёлтого цвета, какой принимает лиственничная хвоя осенью. Они представляли собою лиственничные деревца

со стволиком приблизительно двух дюймов в диаметре, а вышиной самое большее в семь дюймов; стволики давали во все стороны веерообразные ветви, плотно прилегавшие к земле и тесно переплетавшиеся друг с другом, так что они совершенно закрывали почву. Только у немногих, единичных лиственниц стволы имели в длину от двух до трёх футов, и в этом случае ствол прижимался плотно к самой земле, высылая ветви с каждой из своих сторон и из верхушки, так что получался не круг, а продолговатый овал; но всё растение всегда плотно прилегало к земле.

Переход через хребет был очень труден и утомителен, особенно для лошадей; пеший же мог идти много безопаснее, хотя и с большой осторожностью. Причиной этих неудобств, жертвой которых пали две лошади, были каменистые пространства, через которые мы должны были идти. Эти ужасные кучи камней тянулись иногда на протяжении нескольких вёрст; они состояли из больших, очень различной величины и толщины, плит с острыми рёбрами, нагромождённых без всякого порядка и представлявших опасность в том отношении, что многие из них находились в неустойчивом положении и сваливались, как только мы заносили на них ногу. Мы, пешеходы, могли предотвратить опасность, обходя сомнительные камни или пробуя плиты палками; кроме того, мы часто имели возможность пробираться по крутым краям каменистых полей; но для лошадей всё это было, конечно, невозможно, так что несмотря на заботливость проводников две из них настолько повредили ноги, что их пришлось оставить.

Наконец 29-го августа, всего пройдя 250 вёрст, мы увидели долину Индигирки, а вскоре после того и эту величавую реку, которая широкой серебристой лентой извивалась среди пожелтевших лиственничных лесов и омывала многочисленные острова. Однако мы не достигли ещё цели нашего путешествия, нам оставалось ещё около пятидесяти вёрст трудного пути, но тем не менее мы вздохнули свободно, потому что наше положение сделалось к этому времени таким, что его можно было бы назвать неприятным. Обыкновенно я рассчитываю очень недурно и в путешествии иду вперёд настолько, насколько это возможно при моих запасах жизненных припасов, потому что с голодом бороться нельзя. Но на этот раз я, несомненно, сделал ошибку, оставаясь так долго на месте

нахождения мамонта; однако быстрее окончить раскопки было невозможно, и я надеялся, что путь через горы будет недурён, да кроме того я считал его более коротким, а между тем наши запасы истощались, лошади же не могли двигаться вперёд. В среднем мы шли более тридцати вёрст в день, тогда как я рассчитывал идти свыше сорока, да кроме того нам пришлось остаться на месте целый день, потому что тунгус объявил, что он не может вести нас в сильную снежную бурю, не позволявшую рассмотреть горные вершины, служившие ему единственным путеводителем. В конце концов я расстался с моими людьми и лошадьми, оставив при себе только двух человек — проводника и казака Дунаева — с двумя лошадьми, и отправился вперёд. Остальные люди должны были дать отдохнуть совершенно изнурённым животным, а затем потихоньку идти по нашим следам, пока я не вышлю им помощь. У нас оставались только сухари и чай; разделив их поровну, я отправился вперёд. Чай и сухари из чёрного хлеба в малом количестве далеко недостаточны для питания в дороге. Мы оставили весь багаж, в том числе и палатку, и взяли с собой только наши матрасы, потому что одна лошадь не могла больше нести; другую же мы взяли на тот случай, чтобы её убить, если бы сухарей не хватило. Я должен сознаться, что я частенько посматривал на клячу и подумывал не пора ли положить конец её трудовой жизни, потому что сухарей оставалось очень мало; но осмотр всегда кончался помилованием: её сухие, обтянутые кожей кости обещали слишком плохое жаркое.

Наконец мы достигли Индигирки и всем бедствиям был положен конец. Утром 30-го августа мы перешли через последние гребни гор и спустились затем в широкую, лесистую и болотистую низменную долину, которая вечером, когда солнце стояло над горизонтом уже очень низко, привела нас к реке. Считаю нужным упомянуть ещё об одной группе кекуров, которая показалась мне очень оригинальной. Она находилась на последнем хребте и состояла из громадных столбов, которые тянулись широкой полосой вверх по горе вплоть до её гребня, где они прекращались на широко раскинувшемся каменистом поле. Замечательным при этом было то, что все столбы слегка склонялись на одну сторону и что все они до самого гребня имели округлую форму; таким образом, они должны были подвергаться почти на всей своей высоте влиянию морских волн, чего прежде я никогда не замечал. К сожалению, я не нахожу

в своих заметках указания на какую сторону казались склонёнными столбы и никак не могу теперь вспомнить этого с точностью; но вместе с тем у меня отлично сохранилось в памяти — да, я и нахожу письменную заметку об этом, — что столбы не производили впечатления наклонённых, если рассматривать каждый в отдельности, но это бросалось в глаза при общем взгляде на весь длинный ряд их на некотором расстоянии, со стороны. При этом казалось, будто видишь перед собой вереницу человеческих фигур, которые несколько наклонились вперёд, стараясь защититься от сильного порыва бури. У меня хорошо сохранилось ещё в памяти, что иногда мне казалось, будто ось столбов вертикальна, а сами они были наклонены вследствие того, что задняя сторона их была отшлифована косо. Насколько явственны были следы влияния морских волн на кекурах, настолько же были совершенно не тронуты морем острогранные валуны каменистого поля, которое в этом отношении походило на все мною встреченные каменистые пространства Пелевого хребта: именно, я нигде не мог найти на них никаких следов шлифовки волнами.

Чтобы дать знать о себе людям, находившимся на другом берегу, мы зажгли большой костёр; после этого нас перевезли. В то время я нашёл только Лазаря Струкова, старосту живших в Ожогине русских (78). Всё остальное русское население было теперь рассеяно вдоль берега Индигирки и усердно занималось рыбной ловлей. К моему величайшему удивлению уровень реки был высок, несмотря на осень, когда реке полагалось быть маловодной. Я узнал от Струкова, что все жители были крайне этим озабочены: незадолго до моего приезда они вовсе не могли приступить к рыбной ловле, потому что река затопила все берега и население опасалось, что оно не успеет сделать достаточных запасов на зиму; уровень реки понизился всего лишь несколько дней тому назад. Сведениями, собранными нами у здешних жителей, объяснилось также и богатство тундры водой. Весна была очень хороша и лов вначале был весьма удачен, но затем, в конце июня и начале июля, на нижнем течении реки Селегняха начались ливни и продолжались в течение всего июля и августа. Вследствие этого всё было залито водой и Индигирка вышла из берегов, хотя к северу от Ожогина дождей было не много. Это были очень плохие известия, так как они показывали, что лошади с моим багажом должны были идти всю дорогу под проливным дождём;

таким образом, с достаточной долей вероятности можно было думать, что весь выюк промок и что животные очень сильно пострадали. Впрочем, была ещё слабая надежда на то, что проводники избежали дождей, сделав по моим указаниям большой крюк к югу, чтобы обойти захваченный эпидемией район; но эта надежда держалась на слишком шатком основании, да и последствия показали, что она была тщетною. Ещё более неприятным в данный момент было то обстоятельство, что я не мог рассчитывать получить лошадей, — в Ожогине их не было, да и достать их в то время, когда все разбрелись на рыбную ловлю, оказалось невозможным. Только вёрст сто к югу, в урочище Тас мог я надеяться нанять нескольких лошадей. Таким образом путешествие пришлось продолжать на первых порах пешком, а к этому я вовсе не был подготовлен.

Сначала приходилось позаботиться об освобождении оставшихся в горах людей и лошадей; с этой целью я тотчас же послал нескольких человек. Далее, прежде чем думать о дальнейшем путешествии, надо было дать отдохнуть животным, по крайней мере тем из них, которые были ещё годны, и кормить их возможно лучше. Через два дня пришли более крепкие лошади, день спустя ещё несколько, остальные же прибыли только тогда, когда мы уже собрались в путь, почему мы и оставили их в Похвальном. Семь дней пробыл я в этом месте и мог воспользоваться такой вынужденной остановкой только для того, чтобы собрать несколько ценных данных о нижнем течении Индигирки от людей, хорошо её знавших. При этом, конечно, речь часто заходила о мамонтовых клыках и их местонахождении; Струков очень сожалел, что извещение о наградах за находку дошло до него так поздно; сожалел потому, что иногда представлялись случаи кое-что заработать на этом. Так, например, один из его знакомых, Рожин, всю свою жизнь занимался отысканием мамонтовых клыков и чаще всех остальных жителей Русского Устья и Усть-Янска посещал острова Ледовитого океана; лет тридцать тому назад он объезжал, по словам старосты, вместе со своим сыном Прокофием, и поныне ещё живущим в Русском, реку Шангин, впадающую у Ожогина в Индигирку, и нашёл, верстах в 150-ти выше места её впадения, мамонта в береговом откосе. При этом была видна только низко опустившаяся голова да обе передние ноги, всё же остальное туловище было скрыто в земле. В виду того, что мамонт находился в земле

ногами вниз, старик Рожин вывел заключение, что эти животные умирали стоя: — «всяко бывает, значит этот зверь стоя уснывал». По его рассказам, голова, грудь и брюхо были в волосах; животное имело два коротких клыка, которые Рожин отбил и взял с собой. Я очень сожалел, что лично не мог переговорить с ним, чтобы разузнать от него не подразумевал ли он под низко висевшей головой — хобот, потому что иначе не понятно, как может низко свешиваться голова мамонта. Струков же не мог ничего сообщить мне об этом; своего приятеля он подробно не расспрашивал и мог только передать вышеприведённое заключение Рожина о привычке животного умирать стоя (79).

У Похвального подходят к реке последние отроги хребта Полоусного. Этот хребет, начинаясь у Жанки на Яне, где он примыкает к северному концу Тас-Хаяхтаха, тянется в экваториальном направлении до Индигирки. С него берут начало, с одной стороны левые притоки реки Уяндины, а с другой — реки, текущие в Ледовитый океан; у Яны хребет высок и дик, далее же на восток становится пологим, так что от его отрогов у Похвального отходят к реке только низкие холмы.

8-го сентября мы выступили в путь. За день до этого я выслал мало-мальски ещё годных лошадей вперёд, в Полоусное, чтобы они шли как можно тише, а сам проплыл это расстояние в сопровождении Струкова на лодке. У Полоусного находится в настоящее время ожогинская церковь, с тех пор как её отстроили вновь; прежде она была расположена южнее и находилась ближе к Ожогину, но была снесена рекой. Теперь её поставили на старом рукаве Индигирки, у истока Полоусной, в совершенно безопасном месте. Полоусная есть сток большего озера Ожогина (по-якутски называемого Тыгымей-Кёль), которое расположено в тридцати верстах дальше, на левом берегу Индигирки и у подошвы Полоусного хребта.

В Полоусном я остался один день, чтобы дать лошадям отдохнуть и воспользоваться тамошним хорошим пастбищем. Проживающий здесь священник, узнав о моём приезде, пришёл ко мне; он приходился братом миссионеру в Марково и был очень рад узнать что-нибудь о нём, потому что не получал от него никаких известий в течение многих лет.

На следующий день, т.е. 10 сентября, вновь началось путешествие пешком. Мы вышли утром и ещё засветло пришли к озеру, до которого

ожогинцы считают тридцать вёрст, мне же показалось, что это расстояние ни в каком случае не более двадцати шести. Это прекрасное озеро; южный низменный берег его имеет добрых тридцать вёрст протяжения, северная же сторона окаймлена высокими, покрытыми в то время снегом, горами, образующими три обширных бухты. Во время нашего пребывания здесь погода была тихая, так что вода только слегка билась о берег, в бурю же, как говорят, на озере поднимается большое волнение; окрестные жители никогда не переплывают через него поперёк, потому что их лёгкие ветки не могут выдержать ветров, дующих из горных ущелий. Очень естественно, что такая неприветливость озера послужила источником многих рассказов, среди которых от жителей можно слышать и страшное сказание о том, что на нём нельзя плавать благодаря существованию громадной величины щук, которые, выскакивая из воды, хватают отважного пловца из ветки и увлекают его в глубину; даже ожогинский священник, в общем очень рассудительный человек, питал к большому озеру некоторый ужас, потому что лёд на нём приходил в движение даже и при совершенно тихой погоде. Но в этом вполне естественном явлении нет ничего удивительного, — оно объясняется вполне легко. Ожогоино отличается особенностью, которая свойственна также и другим большим озёрам, как например, Унарбе, Сень-Кёлю и т.д.: с осени оно замерзает совершенно гладко, но впоследствии, обыкновенно около января, лёд приходит в движение, трескается, льдины надвигаются одна на другую и образуют иногда довольно высокие торосы. Это происходит, очевидно, от понижения уровня воды, которое к концу зимы становится очень заметным на всех озёрах и реках крайнего севера. В виду того, что почва на известной глубине большею частью остаётся постоянно мёрзлою, и приток воды зимой очень слаб, отток же к морю продолжается непрерывно, уровень воды как в реках, так и в бесчисленных озёрах должен заметно понижаться. Что это в действительности так, легко заметить при переезде через широкую реку или через озеро; именно, ступив на лёд, путешественник не сразу попадает на горизонтальную поверхность; прежде чем достигнуть её, он едет ещё некоторое время по несколько наклонной плоскости; точно также, выезжая из пределов льда на реке или озере и выбираясь на берег, он должен подниматься несколько в гору. Ввиду того, что лёд обла-

дает значительной гибкостью, он обыкновенно не даёт при этом трещин, а образует непрерывную вогнутую поверхность, точно так же, как весной, при подъёме воды в реках, он становится выпуклым и остаётся в этом виде некоторое время до тех пор, пока не начнётся ледоход и он не отойдёт от берегов. Каждый, кто весной переезжал на большом сибирском тракте через Енисей, Обь, Иртыш и другие большие реки, может засвидетельствовать, что ему приходилось сначала ехать в лодке, затем идти пешком с версту или более и, в конце концов, снова садиться в лодку, которая уже перевозила его на противоположный берег. На очень больших озёрах дело обстоит несколько иначе в том отношении, что ледяная поверхность слишком велика и тяжела, благодаря чему она не выдерживает собственной тяжести, рвётся с сильнейшим треском на мелкие части, которые разносятся волнами, надвигаются друг на друга и образуют торосы. На таком озере, которое, подобно Ожогину, с одной стороны окружено высокими горами, изрезанными множеством ущелий, очень легко может случаться, что часть водной поверхности приходит в движение под влиянием порывистого отражённого ветра в то время, как на противоположном, низменном южном берегу озеро находится в полном покое; таким образом при невнимательном отношении к делу легко может показаться, что ледяные горы движутся при совершенно спокойной погоде и при неподвижной поверхности воды. Это моё мнение на следующий день подтвердил один старый якут, который живёт там уже двадцать лет и занимается рыбной ловлей. О громадных щуках он, конечно, ничего не знал, но заявил, что сам он через озеро никогда не переезжал в виду того, что на него никогда нельзя положиться. Ширина его только немного меньше длины, к тому же пловец всегда рискует неожиданно попасть под шквал и сильное волнение, несмотря на то, что покинул берег при совершенно спокойной погоде. Поэтому сам якут никогда не отъезжал далеко от берега, а всегда держался вдоль него; впрочем, изредка молодые люди, незнакомые с озером, делали попытки переехать его поперёк, но большею частью дело кончалось плохо: обыкновенно они долго носились из стороны в сторону прежде, чем им удавалось выйти опять на твёрдую почву. Обращало на себя внимание большое количество *Nostoc pruniforme*, которое выбрасывает озеро; южный берег его на всём своём протяжении был покрыт толстым

слоем этого растения. Я нашёл его только на этом озере, жители же Колымска утверждали, что его выбрасывают также и другие озёра. В то время, когда мы были здесь, на озере находилось много рыбаков — как якутов и тунгусов, так и русских, — занимавшихся в ту пору ловлей рыбы, носящей название красной и отличающейся от всех остальных своим красным мясом, чего у других рыб Колымского округа не наблюдается. Впрочем, в Усть-Янске я встретил очень похожую на неё рыбу, которую русские называют там зубаткой, потому что она имеет даже большее количество зубов нежели таймень. Благодаря красному мясу, русские на Ожогине называли её красной, якуты же тойон-балык, что значит рыба-господин. Между собранными мною рыбами должен находиться экземпляр этого вида. Вообще озеро очень богато рыбой, почему его знают по всей округе и посещают издалека.

На следующий день мы отправились дальше и прошли около тридцати вёрст у самого берега озера, а затем сделали ещё две версты по лесу; это была последняя хорошая дорога на нашем пути до Абые. Берег был сух и твёрд, так что идти было легко. Отсюда становилось заметным, что мы приближаемся к обширной области озёр Уяндины и нижнего течения Селегняха. До них мы сделали ещё около 260-ти вёрст, двигаясь преимущественно по гористой или по крайней мере по холмистой местности, но излишек сырости почвы давал себя чувствовать и тут. Индигирка принимает в себя, на пространстве от Полоусной до дельты, собственно говоря, только один более или менее значительный приток — Аллаиху: Полоусный хребет, простираясь с запада на восток, подходит здесь к самой реке, так что не остаётся достаточно места для развития речной сети. То же самое наблюдается на правом берегу, где Пелевой хребет вместе с Пунга-Тахой на всём своём протяжении допускает впадение в Индигирку только одной реки — Эрчи. За Полоусной же начинается целый ряд, иногда очень значительных, левых притоков, из которых до Абые нам пришлось частью перейти, частью же обойти в истоках шесть следующих: Костроман, Курунг-Ырях, Салу, Судороху, Конептер и Уяндину. Все эти реки, за исключением Уяндины, имеют небольшую длину, но их питает множество озёр, находящихся в сообщении преимущественно с заросшими травой висками, так что общее количество перерезывающих местность озёр и потоков очень значительно. Судороха кроме того очень многоводна, потому что представляет из себя

виску Эджегетей-Кёля, озера, которое сам я не видал, но которое, по рассказам, не уступает в величине Ожогину и, подобно этому последнему, лежит на южном склоне Полоусного хребта, почему северный его берег окаймлён тоже высокими горами.

До сих пор погода была однообразна: изредка был мороз, а затем термометр поднимался опять выше нуля; иногда выпадал небольшой снег, который солнце снова сгоняло. Но 14-го сентября, когда мы находились в урочище Тас, куда для рыбной ловли собралось довольно много якутов, на незамёрзшую землю выпал снег слоем около семи дюймов и более не растаивал. Уже в то время, когда при тихой погоде он падал крупными хлопьями, жители были очень озабочены и полагали, что это может кончиться плохо. Всё лето были сильные дожди, вследствие чего трава повсюду была очень хороша, но сена запасено было мало, потому что непрерывная дождливая погода задерживала, а иногда и вовсе прекращала его уборку. Это являлось очень тяжёлым обстоятельством для якутов, которые не могут оставлять свой скот на свободе зимою, подобно тому, как это делают буряты в Забайкалье; с одной стороны, мороз очень значителен, а с другой — якутам приходится считаться со снежным покровом около двадцати дюймов толщиной, чего буряты в своей степи обыкновенно не знают, за исключением разве несчастных годов. Лошадей, конечно, и якут может в продолжение зимы предоставить самим себе: густая зимняя шерсть этих животных достаточно защищает их от стужи, пищу же они сами себе отрывают из-под снега. Но рогатый скот безусловно требует содержания в хлевах в течение всего холодного времени года. Если бы снег не выпадал ещё в течение одного месяца, население могло бы кое-как рассчитывать на сносную зиму: для лошадей были бы превосходные зимние пастбища, так как трава была повсюду высока и густа, рогатый же скот можно было бы выгонять ещё довольно продолжительное время, потому что мороз в 20-25° ниже нуля он выдерживает довольно сносно. Теперь же обстоятельства менялись: в случае, если бы этот снег не растаял, чего можно было довольно серьёзно опасаться, то густая трава была бы придавлена к мокрой земле и в течение нескольких дней сделалась бы негодной в качестве корма. Эти разговоры тамошних жителей так свежи в моей памяти, как будто бы я слышал их только вчера, потому что все опасения, тогда высказывавшиеся, действительно в скором времени оправдались и, главное, в

такой степени, в какой люди даже и не ожидали. В урочище Тас я нашёл, наконец, лошадей и таким образом четырёхсотвёрстное путешествие пешком окончилось. Очень приятно было снова получить возможность сидеть в седле, вместо того, чтобы тащиться по размякшей, и к тому же покрытой снегом, земле.

18-го сентября я достиг, наконец, Абые и нашёл помещение у головы Эльгетского улуса, Василия Ефимова, юрта которого находилась на большом озере Абый. Мои лошади были тоже уже здесь; их должно было прибыть 38, но оказалось только 36, потому что две пали в дороге. Да и в каком состоянии я нашёл лошадей, на которых надо было совершить долгое обратное путешествие до Якутска! На основании того, что я знал о состоянии погоды в этом году, я без сомнения уже ожидал найти животных не в полной силе, но всё же ещё такими, которыми можно было бы пользоваться, а между тем я увидел тридцать шесть скелетов, печально повесивших головы, они предпочитали лучше стоять, чем ходить.

Я сомневаюсь, чтобы когда-нибудь человеку приходилось испытывать больше неприятностей и неудач, чем мне в это двухлетнее путешествие из Якутска и обратно. Я не говорю уже о том, что нам удалось выполнить только часть того, что мы рассчитывали исполнить, — это такие обстоятельства, над которыми человек не властен, это надежды и ожидания, которые могут исполниться или нет. Но едва ли когда бывало, чтобы расчёты, основанные на долголетнем опыте и практическом знакомстве со страной и её климатом, не оправдывались в такой степени, как на этот раз постоянно случалось со мной. Теперь я находился уже на большой дороге в Якутск, путешествие было таким образом, собственно говоря, уже окончено, а между тем я очутился вдруг лицом к лицу с вопросом: как переправить мне все собранные с таким большим трудом научные материалы в Якутск? На моих лошадей рассчитывать было нельзя; всё, чего от них можно было ожидать в их состоянии, так это то, чтобы они сами себя дотащили до дому, потому что пришлось тотчас кинуть также и мысль оставить их до следующего года в Абые, так как они не перенесли бы отсутствия зимнего пастбища и сена. Но каким же образом очутились они в таком состоянии? Это случилось очень просто, как объяснил мне голова Василий Ефимов, весьма

дельный и сообразительный человек. 28-го августа весь караван пришёл в Абый; в дороге две лошади настолько сильно повредили себя при падении, что сделались негодными. Животные были если и не в полной силе, — чего и нельзя было ожидать после совершенного ими из Колымска путешествия, — то всё же в таком состоянии, что можно было рассчитывать на то, что они вполне поправятся до моего приезда, а также и на то, что достаточно хорошо перенесут путь до Якутска. До начала сентября всё обстояло вполне благополучно. Ефимов пустил лошадей на хорошие пастбища, которых в этом году было вполне достаточно, так что животные уже заметно оправились и были совершенно бодры и здоровы. Но тут выпал снег, который шёл здесь много сильнее, потому что он лёг слоем в целый фут толщиной и уже через два дня ни лошади, ни скот не ели прокисшей и заплесневевшей травы; тех немногих дней, которые с того времени прошли, было вполне достаточно, чтобы вконец подорвать силы всего моего табуна! Люди объясняли это тем обстоятельством, что мои животные были уже утомлены и только что начали поправляться; их собственные лошади, спокойно пасшиеся в течение лета, не успели ещё исхудать в такой степени, но в скором времени, по уверению Ефимова, и их нельзя будет отличить от моих животных. Это пророчество вполне исполнилось, как мы это скоро увидим, но моё положение через то вовсе не улучшилось. Тут я должен прямо сказать, что население, особенно Ефимов и старосты якутов, так старались помочь мне, как я вовсе этого не ожидал, хотя и знал их очень хорошо. Когда я приехал в Абый, самого Ефимова не было дома, но я нашёл всё готовым для моего приёма: вместо себя он оставил одного из своих сыновей и велел сказать, что сам вернётся в скором времени. Когда же он приехал, первым его делом было успокоить меня; он заявил, что, хотя все они и находятся в таком печальном положении, но всё же постараются дать мне возможность отправиться дальше, так как им хорошо известно, что я путешествую не для своего удовольствия, а по поручению губернатора, которому все они преданы. Он только просил меня обождать несколько дней, так как он послал за своими старостами, чтобы посоветоваться и затем сообщить мне их мнение, как следует поступать далее. Итак, я остался ждать и воспользовался этим временем для того, чтобы распаковать мои ящики и посмотреть, как сохранились коллекции, сушкой и приведением в порядок которых я и занялся; одним словом, дела

было довольно. К счастью, непрерывные дожди, под которые почти ежедневно попадал мой караван, не причинили особенного вреда коллекциям: сильнее всего пострадал гербарий, который частью сильно заплесневел, шкурки же находились в довольно сносном виде и высушить их было вполне возможно; таким образом в этом отношении не было непоправимой беды. Наконец появился Ефимов с целой толпой якутов и сообщил план, который они считали самым лучшим при настоящих обстоятельствах. Он состоял в следующем: о немедленном отправлении нечего было и думать, потому что ни мои лошади, ни лошади якутов не были в состоянии выдержать пути до первого населённого места Верхоянского округа. До этого последнего, по словам якутов, было более шестисот вёрст, из которых первые две сотни хотя и приходились на область их улуса, где было сено, но затем следовали четыреста вёрст по абсолютно ненаселённой пустыне. В нормальные годы это последнее обстоятельство не имеет особенного значения, потому что вдоль течения Селегняха, на пространстве приблизительно двухсот вёрст, растёт чибоба, от которой животные настолько поправляются, что вполне хорошо выдерживают остальные двести вёрст, приходящиеся на область Догдо. В этом же году уровень воды Селегняха, благодаря постоянным дождям, был необыкновенно высок, так что он затопил и занёс песком все места, где растёт чибоба, обыкновенно придерживающаяся самого берега: таким образом здесь вовсе не было корма. Вследствие этого якуты предложили мне ехать до Верхоянска на оленьих нартах, но все олени в то время находились ещё в горах, да кроме того и нартами нельзя было воспользоваться благодаря отсутствию зимнего пути. Поэтому я должен был ждать, пока не наступят постоянные морозы и не замёрзнут все озёра, чего можно было ожидать приблизительно в середине октября. Якуты обещали, что к этому времени для меня будут приготовлены лёгкие нарты с необходимым числом оленей, которых я буду менять на каждой станции и таким образом доберусь до Верхоянска. Багаж будет отправлен за мной на грузовых нартах до Верхоянска по частям, так как на станциях нет достаточно повозок и животных, чтобы отправить его разом. Моих лошадей они предложили кормить сеном. Некоторые из якутов, не имея достаточно сена, собирались перерезать свой рогатый скот пока он ещё годен в пищу, а потому предлагали мне

купить сено по дешёвой цене. Мне оно, по их словам, ещё могло послужить в помощь, для них же оно было бесполезно: им не было никакого расчёта, продержав животных, да и то с большим трудом, до декабря или января, в конце концов все-таки зарезать их, почему они и решались на это теперь же. При таких условиях мои лошади на всём пути до Селегняха могли получать хороший корм; в последнем из урочищ, где имелся запас сена, лошадей предполагалось завьючить таким количеством сена, какое только они могли вынести, т.е. около шести пудов, а затем попытаться гнать их до первых селений Верхоянского округа. Шансы на то, удастся или не удастся этот план, были одинаковы, а другого исхода между тем не было.

Такое положение вещей действовало на меня в высшей степени неприятно; я отлично знал, что дела плохи, но я никак не предполагал, чтобы бедствие было настолько велико, что жителям приходилось думать об уничтожении скота, составлявшего почти единственный источник их существования. Из последующих разговоров, однако, выяснилось, что, намечая этот план, они имели в виду лишь случай самого дурного оборота дела, к которому следовало, однако, подготовиться. Хотя они и не были в состоянии продержать свой скот дома, но всё же ещё оставалась слабая надежда прокормить его где-нибудь на стороне. Поэтому они разослали в разные концы посланцев с целью разузнать, нельзя ли дать перезимовать скоту на Колыме или по верхнему течению Индигирки, на Оймяконском нагорье; в благоприятном случае имелось в виду угнать его с наступлением холодов. Но якуты не скрывали от себя, что надежда их мало основательна, потому что очень трудно было предположить, чтобы в тех местах условия были иные; наоборот, нужно было приготовиться к тому, что и оттуда получатся дурные вести, так как по всем признакам дождливая погода в течение лета охватила обширный район.

Так оно и вышло: в начале октября пришли сюда люди с верхнего течения Индигирки, чтобы осведомиться нельзя ли им найти приют в озёрной области. На Оймяконском нагорье снег выпал в июле и лежал несколько дней; он так испортил траву, что жители не могли запасти сена; кроме того, обильный снег выпал очень рано также и осенью, так что дела были там ещё хуже, чем вокруг Абыя. С Колымы тоже получились неутешительные вести; сбор сена в этом году был здесь плохой,

потому что уборке часто мешали дожди; тем не менее надеялись, что небольшое количество скота всё-таки может найти тут приют: ранним летом местный скот так сильно пострадал от заразы, что можно было уступить часть сена. Этим соображением и руководствовались.

9-го Октября Ефимов велел зарезать большую часть своих лошадей, потому что они с трудом могли держаться на ногах и нечего было и думать о том, чтобы они перезимовали. Я сам видел их; лошадей было около пятидесяти, и они имели ещё более печальный вид, чем мои лошади три недели тому назад. После того как их убили, мясо оказалось таким жёстким и мало питательным, что его нельзя было есть, несмотря на то, что в течение лета животные пользовались прекрасным подножным кормом. Так же поступили и другие якуты: каждый рассчитал сколько животных он должен был убить, чтобы дать возможность просуществовать хотя остальным. Дело не ограничилось одними лошадьми, потому что не было надежды прокормить также и весь остальной скот. Наконец население потеряло и последний якорь спасения, на который оно возлагало ещё некоторые упования: в виду того, что летом уровень воды в озёрах был очень высок, не было возможности скосить траву по берегам, которые доставляют самое лучшее сено. Это бывает довольно часто и население старается в таких случаях помочь себе тем, что оставляет высокую траву в покое до наступления морозов и даёт озёрам замёрзнуть у берегов, где вода мелка. Замерзание наступает обыкновенно рано осенью и часто совершенно ещё зелёную траву скашивают поверх льда, получая при этом довольно значительное количество сносного корма на зиму. Люди всё ещё надеялись, что трава, росшая в воде, окажется годной для корма; но когда наступил мороз и начали косить, то тотчас же убедились, что скот отказывался от этой травы. Таким образом над страной разразилось неслыханное бедствие, но можно было только удивляться, как спокойно и безропотно переносили люди потерю своего достояния. Конечно, не надо забывать, что рыбное богатство озёр избавляло их от голодной смерти и что стада их были далеко не так многочисленны, как в Якутском и Вилюйском округах; тем не менее благосостояние населения подрывалось на целые годы, потому что после такого несчастья скот поправляется только по прошествии долгого времени. Никому и в голову не приходило поживиться на мой счёт, продавая мне сено по возможно высокой цене: чуть не каждый ребёнок

понимал, что мне оно было необходимо, а между тем от двух или трёх якутов я получил очень значительные стога сена просто в подарок. В ответ на предложение этого подарка я заметил, что желал бы лучше купить сено, так как не стесняюсь в средствах, им же вырученные деньги могли бы послужить маленькой помощью в несчастьях, заставившем их убить рогатый скот; но об этом якуты не хотели и слышать и заявили, что им это не может помочь, так как они всё равно разорены; с купцов они взяли бы плату за сено, но они отлично знают, что лошади принадлежат не мне, а царю, которому они его очень охотно отдают. Ту же причину всегда приводили, когда я выражал удивление по поводу незначительности цены, какую они спрашивали за сено; они не желали наживаться на счёт царя во время нужды, которою вовсе не хотели пользоваться. И так они поступали до самого конца. Мои лошади вышли из Абыя раньше меня; мы условились, что на тех станциях, где они будут останавливаться только на короткое время, я не буду покупать сено целыми стогами, а заплачу подённо определённую сумму с каждой головы. Если не ошибаюсь, назначено было платить по десяти копеек, что соответствовало цене при обыкновенных условиях. Когда при моём проезде я производил расчёты с людьми, оказалось, что лошади в некоторых местах стояли по полутора и более суток и таким образом мне следовало бы доплачивать. Однако нигде не допускали этой доплаты; повсюду мне отвечали, что этого не надо, так как животные, придя на станцию уже сытыми, ели дескать не много, или что-нибудь в этом роде. Побудительной причиной такого отношения служило то обстоятельство, что лошади были царские. Достойно сожаления, что такая готовность к жертвам в конце концов осталась без результата: мне не удалось сохранить лошадей, все они пали по дороге и ни одна не дошла до Верхоянска.

До 14-го октября я должен был оставаться в Абые, быть свидетелем всего этого несчастья и видеть попытки бороться с ним. Рука об руку с заботами спасти возможно большее количество скота шли старания населения сделать усиленные, сравнительно с обыкновенными, запасы рыбы. Ефимов отправился на Индигирку, где осенью якуты обыкновенно устраивают большой лов рыбы снарядами, имеющими много сходства с употребляемыми у нас вершами. Для этого они избирают ме-

сто на реке, где последняя не очень глубока и имеет много островов. Когда лёд уже окреп, подобное место так далеко как это возможно перегораживается жердями, которые должны идти до самого дна. В виду того, что река очень быстра, такие заколы сто́ят большего труда, но всё же никогда не бывают сплошными. Затем во многих местах ставятся так называемые мерёжи, представляющие, собственно говоря, мотню от больших неводов, которую с этой целью отвязывают и ставят наподобие верш. Рыба, зимой имеющая обыкновение спускаться в море, ловится здесь в эти мешки часто в очень значительном количестве, так что улов иногда бывает весьма богатый. В этом году население вернулось хотя и не с пустыми руками, но тем не менее улов нельзя было назвать обильным. Ефимов привёз на свою долю с лишком тридцать пудов, но утверждал, что обыкновенно он получает от пятидесяти до семидесяти пудов. В общем недостатка в рыбе не было, да жители постоянно и уверяли, что им нечего бояться голода, так как в бесчисленных озёрах всегда можно добыть себе достаточно пищи, чтобы просуществовать.

Наконец настал и день моего освобождения. Уже давно наступили холода, все озёра замёрзли и оленей пригнали, так что более нечего было ждать. 14-го октября мы могли сесть в наши нарты и начать путешествие по озёрам. Как видно из дополнительной карты, этот путь был именно путешествием через озёра, которые бесконечной вереницей тянутся от Уяндины до Селегняха; на моей карте видны два таких ряда, которые то сходятся, то вновь расходятся. На карте Генерального Штаба сделана ошибка в том отношении, что были смешаны два маршрута — топографа Афонасьева и мой: мы ехали далеко не всегда одним и тем же путём. Но эта местность до такой степени усеяна озёрами, что совершенно безразлично, где ни ехать, а в маршруте всегда будет находиться цепь озёр, разделённых едва заметными промежутками твёрдой земли. Само собою разумеется, что эта область представляет собою чистейшую равнину; и действительно, местность столь ровна, что уже от самого Абые можно видеть на горизонте высочайшие из вершин Сылгы-Ыттарского хребта. Олени были свежи, так что в общем мы подвигались вперёд порядочно и уже 17-го октября достигли Селегняха, а вместе с тем и хребта. Ехать по Селегняху было очень плохо: на нём во многих местах были полыньи, да кроме того путешествие особенно затруднялось

большим количеством воды, стекавшей с берегов реки и стоявшей поверх льда; иногда она разливалась во всю ширину реки. Как уже раньше на Малом Анюе, так и тут я часто мог видеть, что между полыньями и водой, находящейся поверх льда, не было никакого отношения; иными словами, последняя обязана своим происхождением не тому обстоятельству, что уровень воды в реке поднялся после того, как большая часть её успела покрыться льдом: вода просачивается из самой земли, которая поэтому не может находиться в постоянно замёрзшем состоянии. Была ещё только вторая половина октября, а потому в данном случае почва ещё могла не замёрзнуть, но на Анюе можно видеть большое количество воды поверх льда даже во время возвращения с ярмарки, т.е. тогда, когда зима приходит уже к концу. Ниже впадения Тонгмота я встретил тунгуса, который взялся поставлять почтовых оленей, и нам пришлось сменить уставших животных на новых. Это потребовало остановки на два дня, так как, благодаря плохим пастбищам, он пас своих оленей далеко в горах. Летом этот человек был свидетелем высокого уровня вод, который поставил его с семьёй в почти безвыходное положение. Его палатка находилась на выступе скалы у самого берега Селегняха, а позади возвышался настолько крутой склон, что подняться на него было не под силу даже тунгусу. Он считал себя тут в полной безопасности, да и был прав в том отношении, что вода не дошла до его палатки; но когда в одно прекрасное утро он проснулся, то нашёл реку поднявшеюся до такой степени, что бурный поток отрезал ему последнюю горную тропинку, дававшую ему возможность вести сношения со внешним миром. В течение двух недель держался высокий уровень реки, питаемой постоянными ливнями, которые превратили обыкновенно сухие горные ущелья в бурные потоки. Все жизненные припасы, которые имел тунгус, в конце концов вышли, и семья начала страдать от голода. К счастью ему удалось так убить в лёт трёх уток, что они упали на его, сделавшуюся очень малою, территорию. Эти три птицы спасли его и его семью, и, хотя опять уже стала приближаться нужда, но к этому времени уровень воды понизился настолько, что он мог снова предпринимать свои охотничьи экскурсии. Для меня этот тунгус был очень полезен в том отношении, что я нашёл в нём человека с замечательной памятью места; он считал своим охотничьим районом всю местность от Оймяконского нагорья до нижнего течения Яны и знал её

очень хорошо. Я мог поэтому не только отлично проверить уже раньше мною собранные сведения, но, с помощью тунгуса, в значительной степени дополнить мою карту. Наши якутские проводники конечно знали о существовании Тонгмота, но его система была им неизвестна, да кроме того они перенесли впадение этой реки в другое место: они выдали топографу устье Береляха за устье Тонгмота. О Береляхе, который сам по себе представляет уже громадную речную систему, они не имели никакого представления и никак не могли объяснить мне каким образом путь шёл в прежнее время по южному Догдо на Зашиверск. По их мнению, с верхних истоков Догдо попадают на притоки Индигирки. Но это вовсе не согласовалось со старыми данными Зауера и других путешественников, которые шли по этой дороге. Мой же тунгус очень точно знал область Береляха, так что карта, которую я мог составить по его указанию, вполне согласовалась со старинными источниками. Путешествие до Тас-Хаяхтаха в такое раннее время зимы имело для меня значительный интерес в том отношении, что большие тарыны, которые в середине декабря покрывают всё своим льдом на большое расстояние, теперь находились лишь в состоянии зарождения, так что берега рек, которых прежде нельзя было вовсе отличить, теперь ясно обрисовывались. Якутские проводники утверждали, что Ньехаран течёт в Кыру, а между тем оказалось, что он впадает в Селегнях самостоятельным устьем, так что нам пришлось ехать довольно значительное время по кочковатым болотам прежде, чем мы перебрались с него на Кыру. Просто трудно себе вообразить, какая громадная масса льда собирается тут в течение зимы и как мало выдерживает критики теория вечно мёрзлой почвы при том количестве воды, которая постоянно течёт здесь в течение всей зимы. Сама Кыра, на которую мы попали до восхождения на хребет, оставив этот последний, довольно быстро течёт по широкой, плоской долине. Справа и слева принимает она притоки, которые, на сколько можно видеть их долины с главной реки, образуя бесчисленные боковые рукава, несут к ней свои воды тоже по широким, плоским низменностям. Такие топографические условия будто нарочно созданы для образования тарынов. Действительно, для того, чтобы последние могли появиться, безусловно необходимо, чтобы не только был постоянный приток воды, но и наклон долины был не очень силён; это даёт возмож-

ность воде распределяться по уже раньше образовавшемуся льду тонким слоем и благодаря этому быстро замерзать. Если наклон долины очень крут, дело редко доходит до образования тарынов. При этом условии вода или течёт, не замерзая всю зиму, или из грунтового льда образуется вал, обуславливающий собою запруду реки; первое бывает в том случае, если воды достаточно, а последнее тогда, когда приток её незначителен. На таких реках уровень воды подымается до тех пор, пока, наконец, преграда из льда не перестанет сдерживать напора всей массы воды, которая тогда прорывается и стекает; затем снова начинает образовываться вал. Все эти реки и речки замёрзли в то время совершению гладко, а бесчисленные галечные отмели, выдававшиеся в виде островов среди сильно разветвлённого русла рек, с первого взгляда казались покрытыми снегом. Однако, стоило только попробовать, во избежание езды по гладкому льду, свернуть на один из подобных островов, как животные тотчас останавливались в трёх- или четырёхдюймовом слое воды или, вернее, в кашицеобразной массе из воды и снега: это начинал образовываться тарын. Далее в горах мы встретили на реке другое явление. Кыра, как уже было раньше сказано, берёт начало из болотистого озера, находящегося на седловине Тас-Хаяхтаха, с западного конца которого начинается один из истоков Догдо. Вверху на водоразделе и на некотором расстоянии книзу от него все воды уже замёрзли, по всей вероятности, до самого дна, потому что количество воды, которое получала Кыра сверху, было очень незначительно и казалось, что деятельность воды к концу октября там совершенно прекратилась. Но приблизительно в середине восточного склона Кыра получает два притока, очевидно текущие под землёй, потому что до сих пор в высшей степени маловодная река делает тут сильные, зигзагообразные изгибы, которые подходят в двух местах к отвесной стене береговых скал, кажущихся подмытыми и нависшими над рекой. В этом месте река разом становится очень многоводною и с большой силой стремится вперёд, так что в течение всей зимы на ней не может образоваться постоянного ледяного покрова. Это самое опасное место перевала, поэтому проходить его ночью по возможности избегают, так как очень легко подвергнешься опасности выкупаться вопреки собственному желанию. В то время, когда мы переходили реку, уровень воды был невысок, но было

крайне интересно наблюдать как река только что собиралась образовать преграду из льда. В нижней части незамёрзшего участка она уже сильно засорилась грунтовым льдом, так что вода стала прокладывать себе путь через этот последний и выступала по бокам, причём постоянно выкидывала грунтовой лёд на препятствующую стоку воды преграду. Благодаря этому, от берега к берегу, вдоль края плотного льда образовался из грунтового льда вал вышиной приблизительно в один фут; он, понятно, не был ещё достаточно крепок, чтобы совершенно препятствовать стоку воды, которая просачивалась через него, но сверху она всё же уже застаивалась. В то время было довольно холодно: днём термометр Реомюра показывал 14-18° ниже нуля, а minima иногда достигали 26° холода; вследствие этого ледяная преграда постоянно крепла, а уровень воды должен был повышаться. Образование тарына, благодаря сильному падению реки, было тут невозможно, но здесь находились все условия для образования запруды. Впрочем, по опыту известно, что уровень воды поднимается здесь не очень сильно: если я не ошибаюсь, река не вздувается выше пяти или шести футов, а затем она прорывает препятствие и снова восстанавливает свой прежний уровень.

Перед тем, как оставить это место, мы могли убедиться, как быстро может замерзать вода, если она течёт по льду тонким слоем. Казак Дунаев имел при себе большую красивую собаку. В то время, как мы исследовали образование льда, собака улеглась и заснула. Мы не обратили на неё внимания, а продолжали наше путешествие после остановки в пол или в три четверти часа. В скором времени жалобный вой собаки заставил нас обернуться, при чём оказалось, что несчастное животное совершенно примёрзло и должно было бы погибнуть в мучениях, если бы мы не поспешили его освободить. Вытянувшись во всю длину, собака очень удобно улеглась боком на лёд, покрытый тонким слоем снега; подтекавшая вода напитала снег и затем замёрзла, чего животное, защищённое своим густым мехом, не заметило. Теперь оно напрасно старалось освободиться, потому что, лёжа на боку, не могло упереться ногами и очутилось в совершенно беспомощном положении.

Перейдя через Тас-Хаяхта, мы вступили в систему Яны и попали в область, которая значительно отличалась от пройденной нами местно-

сти. К западу от хребта нет более таких котловинных образований, какие мы встречали к востоку от него, в области озёр Алазеи и Уяндины. Как только мы вышли из горной долины Догдо, перед нами открылось обширное плоскогорье, которое почти не прерывалось до самого Верхоянска; последние отроги Верхоянского хребта едва доходят до большой дороги, а главная горная цепь, поднимающаяся у места соединения Яны с Адычей, отчётливо видна с этого пути, но до него не простирается. Озёр тут немного и в течение целого года дорога суха и тверда. Едва мы покинули верхний пояс хребта, как ещё в долине Догдо заметили, что на эту местность произвели набег зайцы: повсюду снег был покрыт следами этих животных, часто в таком невероятном количестве, что на большом расстоянии с каждой стороны дороги нельзя было заметить свободного от следов места; время от времени попадались главные тропы, которые были так широки и так плотно утоптаны, что казалось будто имеешь перед собой дорогу, по которой шли вьючные животные. Количество зайцев должно было быть необычным; это и оказалось на деле, когда мы приблизились к населённым местам. Крыши каждой юрты были завалены битыми животными; последних была такая масса, что люди не успевали их обдирать. Зайцев нам не продавали, но предлагали столько, сколько мы хотели, с единственным условием, чтобы мы помогали сдирать с них шкуру. Такие набеги встречаются не только в одном Верхоянском округе, но я наблюдал это явление также и на Вилюе; подчиняясь, по-видимому, известной правильности, оно повторяется приблизительно через каждые восемь или десять лет и редко продолжается более одного года, но обыкновенно сопровождается появлением значительного количества лисиц, так что население постоянно приветствует его с большою радостью. Самый мех не имеет большой цены; купцы редко платят за него более двух или трёх копеек, но если на одного человека приходится по несколько сот шкур, то и это уже прибыльно. Во всяком случае такой год представляет большую выгоду для населения, которому не приходится тратить деньги на покупку оленьих шкур. Но самое важное значение имеет то обстоятельство, что люди на всю долгую зиму обеспечены мясом, — для бедной рыбой южной части Верхоянского округа это крайне выгодно потому, что жителям на мясо не нужно убивать животных из собственных стад.

Наконец, 28-го октября прибыл я в Верхоянск, но должен был оставаться тут до 7-го ноября. Здесь тоже выпал очень глубокий снег, особенно сильно затруднивший сообщение через самый хребет; было уже известно, что, благодаря истощению животных, некоторым купеческим караванам пришлось сложить товары на пути. Своего багажа я не мог дожидаться, но мне предстояло позаботиться об оленях, которые должны были доставить его от Верхоянска в Якутск. Я воспользовался свободным временем для составления карты системы Яны, так как в купце Семёне Горохове я нашёл человека, который, занимая в течение долгого времени место писаря Верхоянского улуса, прекрасно знал местность и мог снабдить меня крайне ценными указаниями.

7-го ноября поехал я дальше, но благодаря плохому состоянию пути и частым снежным бурям, мог лишь медленно подвигаться вперёд, так что только 14-го ноября добрался до перевала через хребет и приготовился к спуску. В то время как нарты привязывались с этой целью одна к другой, а олени к ним сзади, наш дальнзоркий якут мог заметить, что у подошвы склона находятся люди с нартами и собираются подыматься. При таких условиях нельзя было допустить встречи на крутизне и нам не оставалось ничего более, как ждать, пока восходившие не достигнут перевала. На таком возвышенном и открытом месте это было очень неприятно, тем более, что ветер начал сильно дуть с севера и не щадил нас своими порывами. Наконец они взобрались и оказались старыми знакомыми. Это был казак Котельников, который участвовал в нашей экспедиции и был отправлен мною с другими её участниками. Теперь он возвращался в Нижнеколымск и очень обрадовался, что встретил меня, так как имел ко мне письма от Неймана. Из последних я прежде всего узнал, что Нейман с товарищами уже давно находятся в Якутске и не могут понять, где я так долго оставался. Последнее обстоятельство являлось для меня новой побудительной причиной как можно скорее самому спешить в Якутск, что я и сделал.

Первой моей потребностью по приезде туда было, понятно, желание разузнать, что удалось сделать моим товарищам и повезло ли им счастье больше, чем мне. Но и в данном случае последовало полное разочарование: они не могли направиться желанным мною путём, а допустили вести себя через Оймяконское нагорье по давно известной дороге — к притоку Алдана, Хандыге; но печальнее всего было то обстоятельство,

что они не довели маршрута даже до Алдана, а закончили его Колымою. Это было достойно большего сожаления потому, что не только рушились мои надежды собрать сведения о совершенно неизвестной области самого верхнего течения Колымы и Индигирки, но и был пропущен представлявшийся на этот раз счастливый случай соединить начало и конец одного и того же очень длинного маршрута в одном пункте: путешественники вышли на Алдан с востока в то же самое место, с которого мы отправились два года тому назад на север, т.е. на устье Тукулана (80).

С момента нашего возвращения в Якутск путешествие было окончено; мне оставалось только дожидаться багажа и отправить его в Иркутск, но это уже не относится к предмету настоящего труда.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Трескин и его деятельность в Иркутске и в Восточной Сибири

Иркутский губернатор Трескин был во многих отношениях человеком крайне оригинальной натуры и необыкновенных дарований. Последнее видно уже из того, что он поныне живёт, как в дурном, так и в хорошем смысле, в народной памяти, в которой различные административные лица, даже и самых высших слоёв, остаются очень недолго. Следует, впрочем, заметить, что дурная молва о нём всё более и более начинает бледнеть, а добрая — наоборот, выступать на первый план. Бывший чиновник почтового ведомства в Москве, Трескин был взят в Иркутск вновь назначенным генерал-губернатором Пестелем, а когда этот последний в скором времени покинул Сибирь, чтобы управлять этой страной из Петербурга, то оставил Трескина иркутским губернатором. Как важна была задача, выпавшая на долю этого последнего, явствует уже из того обстоятельства, что тогдашняя Иркутская губерния почти совпадала с теперешней Восточной Сибирью, иными словами, обнимала собой всю ту северо-восточную часть Азии, которая лежит к востоку от Тобольской и Томской губерний. Нынешних губерний тогда не было, а имелись повсюду, собственно говоря, только окружные управления, которые должны были руководиться из Иркутска. Всеми этими обширными и разнохарактерными областями, слабо населёнными различными туземными племенами инородцев и лишь немногими русскими, часть которых состояла из ссыльных преступников, должен был управлять теперь бывший почтовый чиновник. Для этой трудной задачи он имел в своём распоряжении с одной стороны — крайне недостаточное образование, состоявшее, собственно говоря, только в умении читать и писать, да в заученной служебной рутине. Но с другой стороны он обладал непоколебимой силою воли, которая не отступала ни перед чем, и деловым практическим смыслом. С такими задатками вступил он в своё неограниченное правление, которое известной партией в Иркутске и до сего дня считается в высшей степени плохим. Но простой народ всегда высоко ценил Трескина как справедливого, хотя и строгого губернатора. Он был строг, часто даже жестоко строг, но простолюдин, который в те времена вполне свyksя с крайнею строгостью начальства, ценил

его практический взгляд на вещи и его искусство воспитывать народ. Так, ему ставят в заслугу, что научились земледелию буряты ближайших к Иркутску деревень, которые в настоящее время преимущественно и снабжают город хлебом. Этот народ монгольского племени, с древних времён живший в Иркутской губернии и в Забайкальской области, и до сего дня ведёт большею частью кочевой образ жизни; только ближайшая к Иркутску часть бурятов занимается земледелием, которое они усвоили со времён Трескина. Чтобы заставить их заниматься сельским хозяйством, сначала вместе со скотоводством, а впоследствии преимущественно одним первым, он пустил в ход два средства. С одной стороны, он привлёк их к казённым поставкам и платил им за хлеб очень высокие цены, с другой же стороны — очень щедро пускал в ход палку. Он имел обыкновение часто посещать деревни как бурятов, так и русских крестьян и подробно осматривал отдельные хозяйства. Прилежных хозяев, имевших большие и хорошо обработанные поля, он хвалил и часто даже награждал, лентяев же немилосердно наказывал.

Но деятельность его не ограничивалась ближайшими к Иркутску местностями, где он лично мог знакомиться с положением дел. Отдалённая Якутская область, уже с 1805 года отделённая от Иркутска в качестве особого, но состоявшего ещё под главным руководством этого последнего, административного округа, тоже пользовалась благотворительным влиянием практического смысла Трескина. Здесь между прочим между жителями нижнего течения Колымы и чукчами возникли сильные недоразумения из-за торговых дел. В виду того, что власти в Якутске не сумел справиться с затруднениями и ввести дело в настоящую колею, в конце концов, пришлось, обратиться к Трескину. Тогда Трескин на основании полученных данных издал, приблизительно в 1817 году, для чукотской ярмарки на Анюе торговые правила, которые оказались весьма практичными и держались до 1870 года, когда их пришлось сменить вследствие изменившихся условий. Нужно удивляться, с каким тактом попал этот человек на настоящую дорогу, несмотря на несомненную односторонность данных, потому что чукчей он не имел возможности выслушать; между тем его правилами остались вполне довольны как жители Колымы, так и чукчи.

В исторических заметках я буду ещё говорить о Трескине и особенно о том затруднительном положении, в которое он попал с самого начала,

очутившись лицом к лицу со всемогущей олигархией местных купцов и денежной аристократии, привыкшей ко всевозможным вымогательствам и произволу. С этим закоренелым злом Сибири, с бесцеремонной эксплуатацией бедного богатым, Трескин вёл борьбу на жизнь и на смерть, и то была, по всей вероятности, главная причина того, что он оставил о себе добрую память среди простого народа. Для продолжающегося ещё и поныне положения вещей в Сибири крайне характерно, что, заводя речь в городе Иркутске о старых, давно прошедших временах, слышишь самые ужасные рассказы о Трескине и его главных помощниках. В глазах иркутского купца или торговца Трескин является злодеем из злодеев — страшнейшим тираном и кровопийцем. Совершенно иное приходится слышать о старинных делах из уст жителей больших деревень, которые окружают город со всех сторон. Найдутся ли теперь люди, помнящие то время, — я не решаюсь сказать, но в конце пятидесятих годов я говорил с весьма многими стариками, которые очень хорошо лично знали Трескина. От них я часто слышал о его необыкновенной деятельности, о его проницательном взгляде на вещи, о его заботливости и справедливости, одинаково относившейся как к незначительному человеку и его делам, так и к сильному.

Как известно, Трескин впоследствии был смещён Сперанским и привлечён к суду вполне основательно, потому что при всех его выдающихся качествах в нём сильно была развита страсть к наживе и, по всей вероятности, он не упустил случая запятнать своё высокое положение различными вымогательствами. Как уже сказано, я буду иметь случай поговорить об этом человеке в другом месте, но тут следует обратить внимание на то обстоятельство, что, несмотря на многие свои недостатки, он оставил тёплое воспоминание среди тех, суждения и мнения которых обыкновенно не выслушиваются. В Иркутске перебивало много губернаторов и генерал-губернаторов, они там правили и распоряжались, передавая в конце концов посты своим приёмникам, а между тем никто об них не помнит. Но Трескина знают не только в Иркутской губернии, я слышал о нём как в Якутске, так и в Среднеколымске и, как уже сказано, более хорошего, чем дурного: всегда относились с особенным уважением к его необыкновенной проницательности и его неутомимой, заботливой деятельности. Сперанский, хотя и удалил его с этого

поста, но тем не менее высоко ценил практическую деятельность Трескина, о чём высказывается в своих, свидетельствующих о трезвом взгляде на вещи письмах. Каждый, кто хотя немного знает Сибирь, сейчас поймёт, что дух Трескина живёт в своде законов, который страна получила хотя уже и после Сперанского, но благодаря его трудам. [[назад](#)]

2. Предполагавшееся проведение сухопутной телеграфной линии между Сибирью и Америкой и оставление этого проекта

Неудача первых попыток соединить кабелем Америку с Европой через Атлантический океан дала повод главному западно-американскому телеграфному обществу войти в переговоры с русским правительством с целью устроить сообщение по Берингову морю. С американской стороны телеграф должен был дойти до залива Нортон; отсюда имелось в виду проложить кабель по Берингову морю приблизительно до устья Анадыря, откуда снова собирались устроить воздушный телеграф к Охотскому морю по долинам рек Анадыря, Майна и Пенжины; далее его хотели провести вдоль западного берега этого последнего моря до устья Амура, где он должен был соединиться с сибирским телеграфом. В Петербурге это предложение было принято и с 1867 года начались работы. В Сибири они очень деятельно и весьма успешно велись под руководством Сергея Сергеевича Абазы, но при этом встретились необходимость собрать более подробные сведения о чукчах, коряках, юкагирах и других племенах, которые жили в области Анадыря и Пенжины. Это обстоятельство очень сильно повлияло на ускорение экспедиции, отправ-ление которой в противном случае, по всей вероятности, значительно затянулось бы. Тем не менее с этой стороны интерес её пропал ещё прежде, чем мы окончательно покинули Якутск, потому что уже во время окончательных наших сборов к отъезду пришло известие, что последняя попытка проложить кабель по Атлантическому океану вполне удалась и что этот последний удачно работает. Таким образом исчезла разумная причина прокладывать воздушную телеграфную линию через такую негостеприимную область и было ясно, что предприятие будет тотчас оставлено; так оно и случилось. [[назад](#)]

3. Мошки и комары и причиняемые ими мучения

Может показаться странным, что мошки и комары встречаются на крайнем севере в количестве, которое в состоянии затруднить сообщение. Однако, при этом не нужно упускать из виду продолжающегося хотя и короткое время, но всё же очень жаркого континентального лета. Средняя температура лета в Верхоянске, выражаясь цифрой +13,6° Цельсия, без сомнения на два градуса ниже, чем таковая в Эстляндии (+15,8°); точно также средняя температура отдельных летних месяцев ниже таковой в Эстляндии:

июнь в Верхоянске	+13,4	в Эстляндии	+15,4
июль » »	+15,4	» »	+16,8
август » »	+11,9	» »	+15,3

Но это не препятствует в Верхоянском округе, по ту сторону полярного круга, время от времени наблюдать более сильную жару, чем в Эстляндии. Если в конце мая и начале июня наступают один за другим несколько ведренных дней (что обыкновенно и бывает), то температура воздуха в тени тотчас же достигает 23-26° тепла по Цельсию и выше; этого вполне достаточно, чтобы прошлогодние яйца комаров развились массами. То обстоятельство, что в следующие затем дождливые и ветренные дни температура снова опускается до 7-8° тепла по Цельсию, и даже остаётся на этих цифрах в течение продолжительного времени, нисколько, к сожалению, не влияет на комаров; последние чувствует себя, по-видимому, очень хорошо, и холод, кажется, только увеличивает их кровожадные инстинкты. В наших благодатных местностях, где болота отступают значительно на задний план сравнительно с осушённой землёй, положительно нельзя составить себе никакого представления о тех облаках комаров, которые окружают в сибирском захолустье несчастного путешественника, принуждённого совершать свой трудный путь летом на северо-востоке и тем более в июне, в особенности изобилующем комарами. Хорошо упитанное, жирное животное противостоит нападению насекомых: последние в очень скором времени перестают его беспокоить, потому что толстая, лежащая на жировой подкладке шкура сильно затрудняет сосание крови; но исхудавшие лошади и рогатый скот представляют для комаров желанную добычу и часто погибают под их укусами. Последнее обстоятельство

нужно приписать менее потери крови, чем состоянию возбуждения, в которое приходят в конце концов животные: они перестают есть, постоянно бегают и, выбившись из сил, наконец издыхают. Этой участи подвергаются не только домашние животные, но иногда и дикие. На одно из мест наших остановок между Индигиркой и Колымой однажды прибежал дикий северный олень, который в иных случаях крайне боится людей. Люди поймали и убили его без большого труда, но в скором времени убедились, что они понапрасну лишили его жизни, потому что в пищу он не годился: желудок был почти совершенно пуст, мышцы так исхудали, что труп пришлось кинуть. [[назад](#)]

4. Почтовое сообщение между Якутском и Среднеколымском

Между станциями не всегда ровно сто пятьдесят вёрст. От Якутска до Среднеколымска официально считается 2315 вёрст, но это только предположение, не основанное ни на каком измерении. Что же касается станций и расстояний между ними, то весь путь разделяется на две очень различные части: с одной стороны, мы имеем расстояние от Якутска до Алдана в 180 вёрст с восемью станциями, а с другой — участок от Алдана через Верхоянск до Среднеколымска в 2135 вёрст и только с шестнадцатью станциями. Таким образом на каждую станцию последнего участка приходится в среднем 138 вёрст, но в действительности отдельные станции расположены всё же довольно неправильно; так, например, есть станция Суруктах всего в 80 вёрст, и другая Кырелях в 270 вёрст. Но и это, ещё очень недостаточное сообщение, нужно считать большим шагом вперёд сравнительно с прежним, когда приходилось делать по 400-500 вёрст прежде, чем сменить почтовых животных. Правительство идёт медленными шагами в улучшении почтового сообщения; на большом тракте из Европы в Иркутск ещё недавно между станциями были расстояния в 40-50 вёрст, которые теперь разделены. Точно также дело обстояло с трактом между Иркутском и Якутском, и тоже уже устранено. Но со здешними, лежащими так сказать на конце света, путями, которые правительство устроило на первых порах только для собственной надобности, оно ещё осмотрительнее и поступает так вполне справедливо. Публика стала бы пользоваться этими дорогами так редко, что нельзя было бы рассчитывать на мало-мальски

сносный доход с проезжающих, а между тем для правительственных целей вполне достаточно и того, что уже имеется, особенно с тех пор, как разделили бывшие четырёхсотвёрстные расстояния. В виду того, что важнее всего дешевизна содержания станций, эти последние устраиваются на таких местах, где легко содержать лошадей и оленей, т.е. выбирают хорошие пастбища; этой причиной и объясняется неодинаковость расстояний между отдельными станциями. Конечно, никак нельзя сказать, чтобы путешествие по этим дорогам было удобно, да и при их устройстве имелось в виду всё что угодно, кроме быстрого и безостановочного следования почты и чиновников. В Азии вообще, а вместе с тем и в Сибири, время пока ещё не имеет никакой ценности и с этим волею-неволей приходится мириться. Мне довольно часто случалось приезжать на одну из таких станций и не находить на ней ни людей, ни почтовых животных. Если то же самое приключится с простым, везущим почту казаком или с нарочным, которому поручены деловые бумаги, то он преспокойно тут останавливается; если дело происходит зимой, он топтит, насколько позволяют обстоятельства, юрту, стряпает себе из дорожных запасов кушанье и ждёт, пока не явится содержатель почты с почтовыми животными. Но чиновник, не имея в своём распоряжении лишнего времени, менее терпелив и старается помочь себе как-нибудь иначе. Сначала он осматривает животных, на которых прибыл, и если они ещё способны к работе, то просто-напросто объявляет ямщику, что он должен ехать до следующей станции. Это большею частью людям не нравится, но на них не обращаешь внимания, потому что служебные дела имеют преимущество перед интересами частных лиц, а стакан водки, данный в надлежащее время, в конце концов заставляет людей взглянуть в розовом свете на своё положение. Если же животные сильно утомлены, то даёшь им отдохнуть день или два, а затем продолжаешь на них своё путешествие. Последнее случается, однако, очень редко, потому что, будучи знаком со случайностями на этих дорогах, уже с самого начала едешь осторожно и стараешься не утомлять животных; никогда нельзя быть уверенным в том, что ещё предстоит в лишённой человеческого жилья глуши, а потому прежде всего нужно стараться сохранить силы животных. [[назад](#)]

5. Меха́вая торговля в Якутской области. Условия торговли. Цены товаров и пушнины. Торговля в кредит. Случай с Бережновым.

Город Якутск является до известной степени центром меховой торговли всей области одного с ним наименования: сюда стекается бо́льшая часть ценных мехов, добытых в Вилуйском, Верхоянском и Колымском округах; только Олёкминский округ, да части округов Вилуйского и Якутского распродают свою пушнину по дороге между Олёкминском и Якутском и преимущественно в городе Олёкминске, где недели на две останавливаются иркутские купцы, спускающиеся по Лене на барках и паузках. Якуты часто привозят свою добычу и в города; но этим занимаются не сами охотники, а скупщики и барышники, которые ездят по глухим местам и выменивают пушнину у промышленников. В Верхоянск же и в Колымск едут купцы из Якутска, потому что расстояния до этих городов слишком велики для мелких скупщиков. Купцы закупают с этою целью в Якутске на ярмарке, которая продолжается с 10-го июня по 1-е августа, необходимые товары и выступают из Якутска обыкновенно в половине сентября, чтобы отправиться на Алдан, откуда собственно и начинается путешествие; в Якутск они возвращаются в середине июня следующего года. Таким образом они находятся в путешествии почти целый год и ведут тяжёлую, напряжённую, переполненную бедствиями и трудностями жизнь, которая только немногим приносит столько, чтобы успокоиться на старости лет. Но большинство их заканчивает своё земное существование в путешествии; случается даже, что они умирают буквально в седле. До Алдана, где товары для перевозки окончательно переключаются на вьючных животных, все купцы идут одной дорогой; через Верхоянский хребет, все они переваливают тоже одним и тем же путём; но отсюда каждый идёт по тому направлению, которое кажется ему самым лучшим.

Чтобы яснее представить себе условия этой торговли, необходимо ближе познакомиться с охотой на цепных пушных зверей в северной Сибири вообще. Настоящим промышленником, единственное занятие которого составляет охота, является тунгус; в течение целого года бродит он по принадлежащим его племени с незапамятных времён охотничьим районам и кормится исключительно тем, что доставляют ему лук, ружьё и рыбная снасть. То, что он добыл в течение охотничьего периода —

первая, лучшая, половина которого продолжается с октября до конца ноября, а вторая, менее важная, с февраля до половины марта — он несёт большею частью на рынок сам и продаёт без посредников. — Якут, собственно говоря, представляет собою скотовода; охота у этого народа уже давно перестала быть источником существования, впрочем, и между ними есть хорошие стрелки и люди, которые кормятся преимущественно охотой. Это большею частью бедняки, которые поступают на службу в качестве батраков к какому-нибудь состоятельному якуту или русскому предпринимателю, получая определённое жалованье и харчи. Он исполняет в этом случае различные работы, но когда наступает охотничий сезон, получает охотничьи припасы и продовольствие на дорогу и отправляется на охоту, возвращаясь не ранее окончания охотничьего периода. То, что он добудет, принадлежит его хозяину, который тогда снова отправляет его за добычей на второй охотничий сезон. Чтобы иметь возможность получать добытые таким способом меха от самих промышленников, которые только в редких, исключительных случаях в состоянии сами доставлять их в город, в Сибири с незапамятных времён среди непроходимой глуши возникли рынки, так называемые сугланы, на которые в точно установленные дни собираются со всех сторон охотники за пушным зверем и торговцы мехами, чтобы выменивать самые различные товары на пушнину, очень редко покупаемую на деньги. Якутское слово суглан значит, собственно говоря, праздничное собрание, но повсюду в Сибири, вплоть до Забайкалья, оно присвоено этим рынкам в глуши. Последние находятся во всей широко раскинувшейся области системы Лены, по Анюям, а также на Яне, Колыме и Индигирке. Как они возникли, никто не может в настоящее время сказать, но для некоторых из них может быть доказано существование в течение многих сотен лет, потому что хорошо известно, что на таких определённых местах сходились для меновой торговли сибирские племена ещё задолго до того времени, как появились в стране казаки-завоеватели. Они, по всей вероятности, так же стары, как тунгусские и якутские дороги, которых тоже никто не прокладывал; времени устройства последних по крайней мере нельзя доказать, а между тем они по всем направлениям прорезывают необозримые лиственничные леса и только благодаря им в эти леса и можно проникнуть. Без этих дорог, по всей вероятности, ни-

кто не мог бы попасть в непроницаемую чащу лиственниц, не проделывая в ней тропы топором; да и имея в руках этот последний, он скоро прекратил бы неблагодарный труд. Что же касается путей якутских купцов в Верхоянском и Колымском округах, то дело обстоит здесь иначе в том отношении, что настоящих сугланов на них расположено ещё очень мало; охотники за пушниной собираются тут в известные дни в раз навсегда установленных пунктах, лежащих в местах, которых обязательно должны коснуться купцы во время своих путешествий. Для этого обыкновенно избираются жилые юрты или дома, находящиеся у хороших покосов, где жители в течение лета прилежно заготавливают сено в надежде продать его проходящим мимо купцам, нуждающимся в нём для своих изнурённых лошадей. В таких пунктах караваны останавливаются на один или несколько дней, чтобы покормить вьючных животных, а вместе с тем является удобный случай вести торговлю. Но как в непроходимую глушь, так и на места купеческих привалов промышленник несёт всегда то, что даёт ему местность, в которой расположен суглан. Если последний лежит на Учуре, то выдающуюся роль играют высокоценные соболи области верхнего течения Алдана, весьма красивые белки очень тёмного цвета, оплачиваемые китайцами большими деньгами рога благородного оленя, шкуры лося и байбака, мускусные мешки кабарги и лисицы различных цветов. С Оймяконского нагорья идут беличьи шкурки высшего качества; с Вилюя прекрасные горностаи, но лисицы и белки такой плохой доброты, что правительство не принимает их в качестве ясака. К северу от Верхоянского хребта промышленник доставляет прекрасных лисиц, особенно чёрнобурых, и белок средней доброты, но тут уже нет соболя. Последние добывались в прежнее время и в тех местах в большом количестве, но теперь окончательно там вымерли; зато побережье Ледовитого океана доставляет много песцов белого цвета, а берега впадающих в него рек ценные мамонтовые бивни. Наконец, на чукотской ярмарке на Малом Анюе снова появляются куницы, бобры и лисицы прелестнейших оттенков, но все они добываются не в Азии, а в Америке. Торговцы с своей стороны везут на ярмарку листовой табак, бумажные материи, всевозможные железные товары, огнестрельное оружие, бисер, русское масло, чай, особенно кирпичный, сахар и сухари. Торговля имеет чисто меновой характер,

сделки на деньги почти вовсе не в ходу. Тем не менее товары оцениваются на деньги; на меха принимаются цены, существующие на них в городе Якутске: — соболь высокого качества ценится в сорок рублей за шкурку, красная лисица в 3 рубля 50 копеек, белка от 12-18 копеек за шкурку, смотря по её доброте, причём принимаются в расчёт не отдельные шкурки, а местность, из которой они происходят; так, за белку с Оймяконского нагорья платят 18 копеек, а с Учюра — 16 коп. и т.д. Купеческие товары поставляются однако по совершенно другим ценам, чем те, которые приняты в Якутске: масло, играющее большую роль у охотников за пушным зверем и продаваемое в Якутске от 4-5 рублей за пуд, идёт на суглане по 20 рублей; кирпичный чай вместо 60 копеек за один или два рубля, а аршин бумажной материи вместо 25 копеек за пятьдесят и шестьдесят копеек; листовой же табак, который в Якутске получаешь по сорока копеек за фунт, продаётся тут в оптовой торговле по 1 руб. 50 коп. за то же самое количество. Но бедный человек, имеющий лишь незначительное количество шкурок, покупает табак по несколько листков и платит за один лист по горностаю или по белке; ввиду того, что на фунт табака идёт от двадцати до тридцати листков, цена этого любимого наркотического средства оказывается непомерно высокою. В общем в торговле установилось правило, что известные промышленники ведут меновые дела всегда с одними и теми же торговцами и что другие в них не должны вмешиваться. Это очень древний обычай, имеющий своим основанием, по всей вероятности, то обстоятельство, что промышленник забирает всегда в долг, а потому, само собою разумеется, должен явиться к тому купцу, у которого забрал в прошлом году, и заплатить ему прежде всего долг из добычи данного года, после чего он вновь может получить товар в кредит. На торговых путях по ту сторону Верхоянского хребта охотники за пушным зверем отлично знают какого направления обыкновенно придерживаются купцы, с которыми они ведут торг, и ожидают их всегда на определённом месте. Если сюда приходят раньше другие купцы, то они не входят с последними в торговые сделки, а дожидаются пока не придут их знакомые. Так заключаются условия, и в большинстве случаев так оно и бывает, особенно если каждый купец приезжает в определённое время и тем предупреждает перехват пушнины. Но и тут довольно часто проявляются человеческие

слабости; тогда бывает очень трудно добиться истины и решить кто обманщик и кто обманутый, потому что одна сторона всегда винит другую. От охотников, промысляющих мехами, конечно, слышишь жалобы на то, что они несмотря на все старания никогда не выходят из долгов, а, наоборот, счёт их с купцами всё более и более разрастается. Купцы с своей стороны заявляют, что охотники никогда не выплачивают сполна своего старого долга, а только часть его, а между тем постоянно требуют вновь товара в кредит и, само собою разумеется, получают его. Во всяком случае бывает не очень редко, что какой-нибудь купец вдруг направится путём, по которому обыкновенно ездит другой. В таких случаях он появляется в местах остановок раньше, чем это имел обыкновение делать другой купец, и начинает предлагать свой товар. Промышленники, которые должны вернуть добытые ими меха за взятые ими раньше в долг товары, дают себя уговорить и продают их за наличный товар действующему нахрапом купцу; этот же последний отправляется дальше, чтобы и в другом месте поступить таким же образом. Купец, избравший данный путь местом своих торговых операции, приезжает и рассчитывает получить свои долги, но находит район уже обобраным. Тогда начинаются бесконечные взаимные обвинения на обирание и т.д., распутать которых, однако, никогда не удаётся и которые служат только для того, чтобы постоянно поддерживать взаимные зависть, раздражение и подозрение. Оттого-то купцы так беспокойно рвутся вперёд; каждый старается самым тщательным образом скрывать свои операции от других, а все вместе сходятся в том, чтобы всячески препятствовать проникновению новых лиц в их торговый район. В каких натянутых отношениях находятся все, я имел случай убедиться лично. В 1865 году я получил поручение от губернатора обревизовать Верхоянский и Колымский округа. Сначала я направился вниз по течению Лены (это было в декабре 1865 года), а затем поехал через Сихтях, Усть-Янск и Русское Устье в Нижнеколымск. Тут с весенней почтой среди других деловых бумаг я получил предписание от губернатора позаботиться об охране товара и имущества купца Бережнова, который скоропостижно скончался в дороге и оставил вдову с пятью детьми. Это был очень печальный случай. Бережнов, ещё молодой человек, занялся, как мне рассказывали, с большой энергией меховой торговлей и в виду того, что он умел очень хорошо обходиться с инородцами и вместе с тем был менее

других падок до наживы, снискал себе большую любовь среди промышленников; благодаря этому его связи очень расширились, а торговые обороты начали увеличиваться с года на год. В этом году он тоже снарядил свои караваны в Колымск и уже сам отправился в дорогу, но вдруг захворал в одной поварне горячкой и умер через несколько дней. Вдова с четырьмя или пятью малыми детьми очутилась в самом отчаянном положении: товары были рассеяны по колымской дороге смотря по тому, где находились с ними вожаки отдельных караванов; собрать же долги — Бережнов имел тоже большое количество должников — было почти безнадежно, потому что трудно было предположить, чтобы должники стали платить, не имея возможности получить кредит от учреждавшейся опеки; не согласись они платить добровольно, торговые книги потеряли бы всякую ценность, потому что о процессах с тунгусскими и другими мехопромышленниками нельзя было и думать.

Я не знал ни Бережнова, ни его семьи, а также не был знаком и с положением его торговых дел; поэтому с предписанием губернатора я обратился к собравшемуся как раз в то время в Нижнеколымск купечеству; я делал это тем охотнее, что Бережнов, сам уроженец Среднеколымска, по собранным мною сведениям, имел среди торгового люда многих приятелей и родственников. Но к моему величайшему удивлению моё предложение позаботиться кому-нибудь из его сотоварищей об интересах вдовы и сирот было встречено очень холодно. Купцы, пожимая плечами, заявляли, что в данном случае ничего нельзя сделать, что это посланное Богом несчастье, которому помочь нельзя, что состояние потеряно, так как получить долги нечего и думать, потому что мехопромышленники платят их по старинному обычаю только в том случае, если получают новый кредит. Купцы указывали на то, что иначе и быть не может, так как, не получая в долг, охотники не имеют возможности просуществовать зиму, и таким образом до известной степени принуждены перейти к другим торговцам. Если бы промышленникам был открыт новый кредит, дело обстояло бы, конечно, несколько лучше, но всё же ещё довольно плохо, так как сам руководитель дела уже умер; в настоящем же случае опека сделала распоряжение о ликвидации дела покойного, а потому, по их словам, всякие старания напрасны, да к тому же у каждого из них и без того есть много собственных забот и хлопот. Купцы считали почти потерянными даже те товары

Бережнова, которые мало-помалу прибывали в Колымск. Они заявляли, что каждый тут уже имеет свой запас товаров, а потому они никому не нужны, да к тому же мелочная торговля ведётся лишь в кредит. По их словам, был только один исход, именно, продать по окончании ярмарки весь товар покойного с аукциона; при этом однако они предупреждали, что надеяться на благоприятный результат было нельзя, потому что всякий знает, что привезённые сюда товары не могут быть увезены обратно, а потому каждый постарается воспользоваться этим безвыходным положением. Комментарии к этим неутешительным объяснениям купечества услышал я в Нижнеколымске от тамошних жителей, которые все очень жалели о смерти Бережнова. Он был очень любезный и обходительный человек, никогда не пользовавшийся затруднительным положением бедных промышленников, за что его очень любили и ценили. Вследствие этого народная молва склонялась к тому, что якутские купцы очень довольны, что так удачно отделались от опасного соперника и уже радовались прибрать к своим рукам то, что в противном случае перешло бы к Бережнову. Таким образом мне приходилось считать дело почти потерянным, и я не имел возможности исполнить желание губернатора; я не мог начать торговать для наследников покойного, а если бы и пожелал это сделать, то не знал бы как приняться. Тут, поздно вечером, зашёл ко мне купец Николай Алексеевич Соловьёв; это был человек, не принадлежавший к числу состоятельных, но пользовавшийся среди колымских жителей хорошей репутацией. Он сказал мне, что очень охотно желал бы оказать услугу семье Бережнова, потому что покойный (которому он, собственно говоря, и обязан тем, что торгует в качестве купца) сделал ему не мало добра. Он заявил, однако, что опасается неприятностей, так как мало знаком с законами, а потому легко может попасть в затруднительное положение, если его товарищи восстанут против него. Я попросил показать мне решение опеки в виду того, что прежде всего нужно знать, в чём оно заключается. Тогда оказалось, что опека предписала по возможности ликвидировать дела и отправить в Якутск то, что можно было ещё спасти. Далее обнаружилось, что Бережнов очень хорошо вёл свои книги и держал их в полном порядке, так что Соловьёв, по его словам, мог вполне освоиться со всем ходом дела. Должники были большею частью хорошие люди, от которых несомненно можно было ожидать уплаты долгов, если дать им вновь, хотя

бы и ограниченный, кредит на товары. Но последнее обстоятельство более всего смущало Соловьёва, так как он слышал от своих товарищей, что кредит вовсе невозможен, потому что каждый, кто при подобных обстоятельствах решится дать в кредит, подвергнется будто бы ответственности перед законом за растрату сиротского имущества. После тщательного рассмотрения всех бумаг, я мог его успокоить в том отношении, что опека вовсе не запрещала в категорической форме давать кредит, а выразила только желание, чтобы спасено было возможно больше, и чтобы затем дело было ликвидировано. Но в виду того, что как то, так и другое не достижимо без открытия хотя бы уменьшенного кредита, я, вследствие данного мне губернатором предписания позаботиться о спасении имущества, с своей стороны предписал Соловьёву вести дела покойного за счёт наследников тем путём, какой он найдёт более удобным, и делать мне время от времени донесения о ходе ликвидации. После такого с моей стороны заявления у Соловьёва свалился камень с сердца: он только страшно боялся судов — в чём его, конечно, уже менее всего можно винить — и тотчас же очень энергично взялся за дело, которое и увенчалось полным успехом. Чтобы несколько облегчить ему его задачу, я призвал к себе начальника чукчей Амвраоргина, а также старшин ламутов, юкагиров, чуванцев и всех остальных инородцев, сообщил им о положении этого дела и предложил повлиять на своих соплеменников в том смысле, чтобы последние как следует заплатили долги. Все они обещали мне исполнить моё приказание, но просили о несколько более широком кредите в виду того, что положение заёмщиков окажется в противном случае совершенно безвыходным. Они тоже хвалили Бережнова на все лады, чем я воспользовался и взял с них обещание всеми силами позаботиться об интересах детей такого прекрасного человека. Они сдержали своё обещание; Соловьёв же так хорошо повёл возложенное на него дело, что, понятно, суд, которого он так страшился, вовсе его не беспокоил. В самое короткое время ему удалось спасти всё состояние, так что в 1889 году, когда я вновь посетил Колымск, он мог сказать мне, что получает как раз последние долги, — из имущества почти ничего не потерялось.

Этот случай, конечно, выставляет не в очень красивом свете якутское купечество, но из этого нельзя ещё заключить, что все купцы нехорошие люди: не нужно забывать, что им приходится зарабатывать свой

хлеб среди непрерывных трудов и лишений, от чего они несколько позачерствели и сделались корыстолюбивыми; но то же самое случилось бы и с каждым при одинаково тяжёлых условиях. Жизнь, действительно, даётся им не легко. Выйдя в начале ноября с Алдана, каждый из них направляется своей дорогой в суровое зимнее время по труднопроходимой снежной пустыне, — одни идут через Верхоянск, другие через Усть-Янск, третьи через Русское Устье или через Зашиверск, но все стремятся к одной общей конечной цели путешествия, к Нижнеколымску и чукотской ярмарке на Анюе. Там, где представляется удобный случай, они торгуют, но нигде не имеют возможности остановиться на более продолжительное время и только в местах, расположенных на Колыме, в Среднеколымске, Нижнеколымске и на Анюе остаются они по одной или по две недели. Затем точно таким же образом начинается обратное путешествие и, наконец, в начале июля купцы прибывают в Якутск. Тут меха и мамонтовые клыки вымениваются на товары иркутских купцов, а в сентябре уже снова начинается долгое торговое путешествие. Таким образом из двенадцати месяцев года эти люди бывают дома только около двух, — это время их отдыха и время радостного пребывания с семьёй. Так проходит год за годом и вся жизнь. У некоторых из них есть, конечно, возможность успокоиться на старости лет, но с одной стороны путешествия и странствования успели сделаться уже второю натурой, а с другой, по приведённым выше причинам, очень трудно прекратить дело, так что его продолжают обыкновенно до тех пор, пока надломленное здоровье наконец не выдержит и человек не умрёт в дороге. Так, я знал одного старика, Феофана Васильевича Соловьёва, совершавшего год за годом свои путешествия, пока он не умер в Верхоянске от истощения сил, семидесяти шести лет от роду. Другой купец по дороге свалился мёртвым с лошади и был привезён в Верхоянск уже покойником. Женившись, купец в первые годы брачной жизни берёт с собою, конечно, свою молодую жену, но женщина не может выдерживать таких тягостей продолжительное время. Раз один молодой купец, с которым я некоторое время ехал, указал мне на обширное, совершенно лишённое леса, кочковатое болото и прибавил: «тут, на этом болоте я родился». Когда путешествие верхом тянется почти целый год, трудно мужчине и женщине ездить вместе, а потому жена и дети живут в Якутске, муж же

постоянно разъезжает по глухим местам. Что такая жизнь может заставить зачерстветь человека, нет, конечно, ничего удивительного. [[назад](#)]

6. Якутская вьючная лошадь

Хорошая лошадь, уже приученная ко вьюку, стоит в Якутске от сорока до пятидесяти рублей; за лошадей же, которые должны выдержать тяжёлый путь на Колымск, приходилось платить от пятидесяти до шестидесяти рублей. В виду того, что подрядчик требовал за путь в Колымск двадцать рублей с лошади и за обратное путешествие, конечно, столько же, а нам для последнего требовалось сравнительно небольшое число лошадей, я сначала имел намерение воспользоваться наёмными лошадьми. Дорога для вьючных животных действительно очень тяжела, а потому очень легко их потерять. Хотя совершенно справедливо, что якутские лошади отлично выдерживают зиму на подножном корме, и даже жиреют при этом, но при таком содержании их нельзя пускать в работу. Животное в этом случае имеет время и днём и ночью отыскивать себе пищу из-под снега и находит её в достаточном количестве. Если же лошади приходится идти целый день с вьюком, то для восстановления сил ей не хватает даже долгой ночи, особенно если на местах остановок окажется пастбище нехорошего качества. Правда, что в течение времени вдоль купеческих путей мало-помалу появились станции для корма лошадей; якуты, а также русские, которые сами скота не держат, поселяются на месте хорошего покоса и заготавливают летом возможно большее количество сена с исключительной целью продавать его проходящим мимо караванам. Такие станции, конечно, значительно облегчают животным путь, но до сих пор они ещё так редки и отделены одна от другой такими большими расстояниями, что их можно считать лишь за пункты для отдыха, а главную роль играет всё же пастбище. Если, теперь, трава летом плохо уродилась, если пастбище, расположенное по реке, занесётся в половодье песком, если осенью трава покроется ледяной корой или если зимой снег выпадет слоем более 22-х дюймов толщиной, то пастбища не могут доставить животным требуемой пищи, и самые лучшие, крепкие лошади в течение немногих дней лишаются сил. Выше я привёл причины, которые заставили меня по зрелом обсуж-

дении в конце концов отправиться в путешествие на собственных лошадях; но из последующего читатель увидит, что мне с ними не повезло: из 75 прекрасных животных, которых я имел в пути, только двадцать пять достигли Алдана, да и эти ослабели настолько, что впоследствии тоже пали. Но в тот несчастный год погибла также и большая часть купеческих лошадей. [[назад](#)]

7. Табак махорка

Махорка, называемая в Сибири также черкасским табаком, есть листовой табак, который получается с Нижегородской ярмарки. Он настолько крепок и наркотичен, что его курят только из самых малых трубок, допускающих лишь небольшое число затяжек, да и при этом его нельзя употреблять без посторонней примеси. Поэтому у курильщиков под мешком, в котором сохраняется табак, всегда висит кусок осиновой коры, от которого они соскабливают ножом несколько стружек и примешивают их в равном количестве к табаку прежде, чем набьют свою трубку. В виду того, что инородцы Сибири предпочитают этот сорт табака всем остальным и он сделался им безусловно необходимым вкусовым средством, много раз пробовали разводить его как в окрестностях Иркутска, так и в Забайкалье, и достигали, по-видимому, вполне удачных результатов, потому что эта трава растёт там очень хорошо и даёт богатый урожай. Тем не менее этим плантациям не удалось вытеснить крайне дорогой, благодаря перевозке, черкасский табак, потому что как якуты, так и тунгусы, чукчи и другие инородцы отдают ему преимущество перед сибирским продуктом, заявляя, что последний слаб и мало ароматен. Мне это казалось всегда непонятным, потому что как европейский, так и сибирский табак распространяет одинаково невыносимый запах; чукчи же, и особенно этот народ, замечают разницу уже при первой затяжке из трубки и берут исключительно европейский продукт. Очевидно, нужно быть знатоком, а иначе нельзя пускаться в суждения. [[назад](#)]

8. Снабжение населения солью

Так было раньше; впоследствии правительство к большому ущербу для страны, отказалось от соляной монополии также и в Сибири. То, что для других частей империи должно считать за большой шаг вперёд, не послужило к счастью Восточной Сибири. Эта широко раскинувшаяся страна располагает значительным количеством соли, но месторождения последней распределены в ней столь неравномерно, что помочь этому и доставить безусловно необходимый для народонаселения предмет по сносной цене могло только само правительство. В Забайкальской области соль находится у Селенгинска, а затем на китайской границе между Ононом и Аргунью; в Иркутской губернии соляные залежи встречаются с одной стороны между Красноярском и Иркутском, а с другой, как уже сказано, на Лене, но этим дело и кончается. Таким образом весь север и восток Сибири, вплоть до Ледовитого океана и Охотского моря, вовсе лишены соли. Исключение представляет, понятно, только среднее течение Вилюя, на правом берегу которого, в области его притока Кемпендея, выступают мощные соляные скалы, да кроме того встречаются богатые солью источники. Были попытки разрабатывать тут соль для Якутской области с целью сделать ненужным её привоз из Усть-Кута. Расходы по доставке, однако, оказались на деле столь значительными, что предприятие было оставлено и область снова начали снабжать солью с Лены. Несмотря на сказанное, нашли всё же возможным упразднить монополию, благодаря которой население получало соль по недорогой цене, и таким образом отдали беззащитную страну на жертву спекуляции. [[назад](#)]

9. Город Киренск, его теперешнее и прошлое значение

Окружный город Киренск, принадлежащий к северному округу Иркутской губернии, теперь имеет лишь небольшое значение. Однако он служит промежуточной станцией для торговли между золотомойнями Олёкмо-Вилюйского золотопромышленного округа и центральным пунктом меховой торговли всей округи; именно, в этот город сносят свою добычу охотники за пушным зверем долины Киренги и северной части Байкальского хребта. Но так было не всегда; было время, когда

Лена от устья Кута до местности, расположенной приблизительно в пятидесяти верстах ниже Киренска, представляла собою арену неистовых бранных подвигов и не умолкавшего бряцания оружием. В этом месте система Енисея близко подходит к Лене, так что из первой на последнюю можно попасть, перейдя лишь узкий и не очень высокий хребет. Истоки Илима находятся очень недалеко от устья Кута; он меняет своё, в начале северное, направление в скором времени на западное, а затем впадает в Ангару, которая, приняв этот приток, меняет, до этого тоже северное, направление на западное и впадает в Енисей несколько выше города Енисейска. Ещё замечательнее приближение системы Енисея к Лене верстах в пятидесяти ниже Киренска у деревни Банщикова. Горы левого берега Лены достигают тут, по наблюдению Миллера, высоты 562 футов над уровнем реки, а в виду того, что этот последний сам расположен почти на восьмистах футах над поверхностью моря, то абсолютная высота горного хребта может быть принята приблизительно в 1360 футов. К Нижней Тунгуске, которая удалена тут от Лены по прямому направлению не более как на двадцать вёрст, этот водораздел опускается тоже круто, так что в высшей степени вероятно, что Тунгуска и Лена в этом месте имеют одинаковую абсолютную высоту. Но уже здесь резко бросается в глаза, что Лена отличается от других больших рек Сибири тем, что течёт на всём своём протяжении глубоко врезавшись в окружающую её возвышенность. Если спускаешься на лодке вниз по реке, видишь, что последняя с двух сторон сопровождается горными цепями, которые то близко подступают к берегу, то удаляются от него, оставляя с какой-нибудь стороны незначительные низменные пространства. В верхнем течении, при истоках, это обстоятельство не обращает на себя никакого внимания; далее же книзу сначала никак не можешь объяснить себе этих нескончаемых горных цепей. У Киренска же, взойдя на возвышения как левого, так и правого берега, можно уже убедиться, что имеешь дело не с береговыми хребтами, а с самим нагорьем. Между Тунгуской и Леной несомненно находится водораздел в 560 Футов, но если углубиться в страну, то горных хребтов не примечашь и повсюду видишь слабо волнистую, покрытую густым лиственничным лесом местность. Подобно Лене и Киренга, истоки которой лежат поблизости от истоков первой из этих рек, тоже окружена высокими гористыми берегами, представляющими из себя, однако, лишь

склоны нагорья, в которое глубоко врезалась река. Эта особенность главной реки распространяется на всю систему её притоков: повсюду находятся глубокие, узкие речные долины; этим объясняется, что во всём бассейне Лены не бывает таких обширных наводнений, которые нормальны в системах Енисея и особенно Оби, но с другой стороны, благодаря той же причине, вешние воды могут достигать часто такой высоты, с какою вовсе не знакомы в Западной Сибири.

Как сказано выше, два больших притока Енисея — Ангара или Верхняя Тунгуска и Нижняя Тунгуска приближаются к Лене. Это обстоятельство имело крайне роковые последствия для древних обитателей долины Лены — якутов, потому что в то время как различным племенам Сибири приходилось обыкновенно обороняться лишь от одного неприятеля и в конце концов подчиняться одному повелителю, на несчастных якутов эта благодать с запада в виде огня и меча посыпалась дважды. В 1600 году по инициативе Тобольска была основана на Тазе крепость Мангазейск, которая с своей стороны в качестве дальнейшего форпоста на восток основала в 1607 году на нижнем Енисее, недалеко от впадения в него Нижней Тунгуски — Туруханск. Эта крепосца тотчас же начала развивать очень оживлённую деятельность; но при этом постоянные походы за добычей стали совершать не столько казаки, сколько так называемые промышленники, — те отчаянные бродяги, которых не останавливали никакой путь, никакое препятствие, раз представлялся случай поживиться. По крайней мере из старинных источников, в которых приводится состав отдельных отрядов, снаряжавшихся в походы, мы узнаем, что число казаков по сравнению с числом промышленников было обыкновенно невелико. Так в 1626 году мы находим одну партию, состоявшую из 28 казаков и 189 промышленников, а другую из 312 промышленников и 44 казаков. Направляясь вверх по Нижней Тунгуске, эти люди узнали от тунгусов, что на нижнем течении Вилюя и на Лене живёт богатый народ якуты; в 1620 году они дали знать об этом в Москву, прося разрешения покорить могущественный народ. Вслед за тем наступил покой; прошло десять лет прежде, чем туруханцы вновь появились на этих реках. Между тем из Енисейска были предприняты походы вверх по Ангаре и около 1628 года повели к открытию Илима и Лены. Из Енисейска действовали самостоятельнее и уже в 1629 году вы-

слали на Лену Хрипунова с 30 казаками, за которыми в 1630 году последовал атаман Галкин, который немедленно выстроил у впадения Кута в Лену первое укрепление — Усть-Кут. Но, кажется, и Галкин не угодил имевшим власть в Енисейске, потому что уже в следующем 1631 году появляется новый предводитель и притом никто иной как крайне деятельный Пётр Бекетов, который спустился по Лене и основал Якутск; как это будет подробно рассказано в исторических заметках, этот человек был единственный, умевший не только грабить и обирать, но и созидать. В 1630 году явились сюда туруханские казаки и промышленники с Нижней Тунгуски и, основываясь на московском указе, пожелали, чтобы их тоже признали за повелителей страны. Для бурятов, которые жили в то время по верхнему течению Лены ещё далее к северу, чем теперь, и для якутов это обстоятельство имело прежде всего тот неприятный результат, что они были обложены двойным ясаком, т.е. были дважды обобраны, потому что в то время подчиниться игу значило одно и то же, что быть ограбленным. Оба завоевателя требовали себе богатой дани из соболей, основывая своё на неё право на мече и огнестрельном оружии. На верхнем течении Лены туруханцы, предводительствуемые сначала Мартыном Васильевым, а потом Иваном Копытовым, на первых порах в спор с отрядом Бекетова, понятно, не вступали, потому что последний был в то время занят важными делами на севере. Но впоследствии туруханцы устроили на Вилюе нечто в роде самостоятельного государства, представлявшего из себя, собственно говоря, гнездо грабителей, и в течение нескольких лет вели отсюда кровавые войны как с якутами, так и с енисейскими казаками, причиняя тем несказанные бедствия. При впадении Киренги в Лену крепость была выстроена только в 1649 году. [[назад](#)]

10. Золотопромышленный округ и прилежащие к нему местности. Витим.

Вся область к востоку от верхнего течения Лены, до Верхней Ангары и системы Витима с одной стороны и до Олёкмы с другой, сделалась вообще ближе известна лишь со времени возникновения золотомоен как на Баргузине, так и в местности между Леной, Витимом и Олёкмой. Это произошло в пятидесятых годах нынешнего столетия; прежде вся эта

местность была лишена человеческого жилья и посещалась только охотниками за пушным зверем. Вскоре после того начала свои работы в этой стране и Забайкальская экспедиция; географические исследования её были закончены членами экспедиции топографами Усольцевым и Орловым. Из сделанных ими маршрутов и измерений высот мы впервые узнали, что западная часть этой области представляет из себя сильно разветвлённую альпийскую страну, а восточная является обширным высоким плато, по которому широко раскинулась система Витима, огибающая высокие горные цепи и впадающая в Лену. Байкальская горная цепь, начинающаяся от левого берега Селенги и тянущаяся вдоль озера, имеет тут от 2000-3000 футов абсолютной высоты, но становится по направлению к северу значительно выше; так что в области верхнего Баргузина (между истоками которого и таковыми же Витима эта цепь носит название хребта Икатъ) она должна достигать значительно более 5000 футов абсолютной высоты. У нас, конечно, нет прямых измерений пиков этого хребта, но мы имеем высоту одного перевала, который ведёт с истоков одной реки на другую, и она выражается цифрой в 5800 футов; в виду того, что перевалы тут обыкновенно значительно врезаны, поднятие вершин над гребнем, по всей вероятности, значительно превзойдёт 1000 футов. Тот же самый хребет простирается далее в северо-восточном направлении и, переходя Витим, идёт до Чары; тут он получает название Муйского и Чарского хребтов от рек того же наименования. Это — дикая горная страна, которая тянется отсюда на запад до Лены и отличается крайней неприступностью, несмотря на то, что самые высокие из её вершин не превосходят 5000 или 6000 футов над поверхностью моря. С восточного склона хребта Икат берёт начало Витим, вытекая из небольшого озера, носящего название Витимского и лежащего на высоте 4700 футов абсолютной высоты; река делает большой изгиб сначала к югу, а затем к востоку. Истоки Витима лежат почти на одной широте с истоками Лены, но на значительно большей абсолютной высоте, потому что деревня Ленский Десяток, где находятся источники последней реки, расположена немного выше 1900 футов над уровнем моря. Лена всегда считалась за главную реку, а Витим за её приток, по всей вероятности, по той только причине, что первая открывала новым пришельцам, русским, путь на север, тогда как Ви-

тим был мало кому знаком кроме тунгусских охотников. Но это обстоятельство является единственным преимуществом, которое имеет за собой верхнее течение Лены, во всех же других отношениях её далеко превосходит горделивый Витим. Не только его течение длиннее течения Лены на добрых 400 вёрст, но и система его притоков развита гораздо сильнее и несёт в главную реку несравненно большую массу воды. Да иначе это и быть не может. Лена в своём верхнем течении имеет в своё распоряжение крайне ограниченную область: с запада к ней близко подходят притоки Енисея, а с востока теснит её Байкальский хребет. Вследствие этого до впадения Витима она принимает в себя, если не считать впадающей несколько выше Витима Чуи, только один более значительный приток — бурно несущуюся с Байкальского хребта Киренгу; все остальные речки, в неё впадающие, крайне незначительны; в неё текут тут слева: Кулинга, Улга и Кут, называемый также Кута, а справа — Чая. Наоборот, Витим принимает в себя слева, кроме бесчисленных речек и ручьёв: Чйну, Цйпу с Амалáтом, Мýю и Мáсну, а справа: Холóй, Кондú, Кáренгу, Калакáн, Кáлар, Сыльбю или Куáнгду вместе со многими другими мелкими речками. Поэтому нет ничего удивительного, если уже значительно выше, в области впадения в него Муи, Витим является величественной рекой, имеющей более версты в ширину, а при соединении с Леной делает впечатление главной реки. Но Витим имеет тот недостаток, что, несмотря на свою величину, должен быть отнесён к несудоходным рекам, и, по всей вероятности, это обстоятельство находится в связи с тем, что он несёт свои воды по малонаселённой местности. Дело в том, что в своём нижнем течении он имеет два порога, которые не допускают никакого судоходства, в особенности же плавания вверх по реке. Северное продолжение хребта Икат — Муйский хребет — тянется, как уже сказано, в северо-восточном направлении почти параллельно течению Лены и становится таким образом Витиму поперёк дороги на запад. В течение тысячелетий он, конечно, преодолел это препятствие и по двум узким ущельям проложил себе дорогу через главный хребет и параллельный с этим восточный; но в его русле остались, однако, такие мощные скалы, что, только дико пенясь, воды реки могут пробиваться через эти ущелья, проехать же по ним на судах, понятно, вовсе невозможно. Верхний из порогов, находящийся у левого притока,

Парамы, носит название Парамского, или Большого порога, а расположенный приблизительно в ста верстах книзу от первого называется Де-люн-Оронским порогом. Прибрежные жители пытаются — и при высоком уровне воды эти попытки иногда удаются — сплавлять сено на плотках, привязывая его к балкам последнего; поблизости водопада они покидают плот на середине реки, обходят порог по берегу, а сойдя вниз, осматривают то, что перебралось через пучину. По рассказам плоты появляются вновь на поверхности воды большею частью сильно пострадавшими, но ввиду того, что на золотых приисках сено покупается по очень хорошей цене, а Витим очень богат роскошными лугами, такого рода попытки постоянно возобновляются. Тем не менее вполне очевидно, что таким рискованным способом можно перевозить только очень немногие, не боящиеся порчи предметы, и реку поэтому приходится считать несудоходною. Муйский хребет переходит, понижаясь, к юго-востоку в глубокую долину, по которой на высоте 1300 футов над поверхностью моря течёт Муя. Этим хребтом оканчивается на востоке дикая горная страна Байкала. Впрочем, с правого берега реки поднимается ещё более высокий Южно-Муйский хребет, но он носит совершенно другой характер. От долины реки к своему гребню, имеющему более 5000 футов абсолютной высоты и увенчанному безлесными вершинами, превышающими его на 800-1000 футов, хребет поднимается очень постепенно; к востоку же падение очень незначительно, так что тут гребень возвышается над подошвою всего на 1000 футов, а далее, до Яблонового хребта, простирается обширная холмистая равнина, прорезанная большим количеством рек и речек, которые все принадлежат к системе Витима. Эта обширная область имеет слабое желобообразное углубление, по самой глубокой части которого течёт Витим; от долины последнего местность снова постепенно поднимается, так что в том месте, где склон Яблонового хребта перерезывается большим трактом к западу от города Читы, абсолютная высота достигает 3600 футов. Насколько гориста и дика страна к западу от Муйского хребта до Лены, настолько же она ровна и плоска в области системы Витима. Чтобы попасть с Муи на Верхнюю Ангару, приходится перевалить через водораздел в 3000 футов над поверхностью рек, а переход с Муи к Баргузину тунгусы считают положительно невозможным; наоборот, истоки

Конды́, текущей в Витим, и Уды́, впадающей в Селенгу, лежат на равнине друг около друга. Это возвышенное плато прежде было тоже мало известно, но с 1866 года стало чаще посещаться. В названном году его прошла снаряжённая золотопромышленниками Олёкмо-Витимской системы экспедиция в направлении от Тихоно-Задонского золотого прииска в системе западных притоков Чары до Читы. В этой экспедиции, которая была послана с целью разузнать, есть ли возможность и выгода доставлять к золотым приискам скот из Забайкалья, принял участие также и князь Кропоткин и подробно изложил результаты своих исследований в «Отчёте об Олёкминско-Витимской экспедиции». Благодаря появлению этого труда мы можем составить себе довольно ясное представление обо всей местности к востоку от Икат-Муйского хребта; страны же к западу от этого хребта Кропоткин касался очень мало, только на нижнем течении Витима, а потому не даёт нам о ней никаких сведений. Он передаёт лишь то, что ему рассказывали тунгусы, а это вполне совпадает с известными уже данными о дикости и неприступности тамошней альпийской страны. Возможно, что в ближайшем будущем нам предстоит узнать о последней более подробно: ходят слухи, что собираются провести сибирскую железную дорогу к северу от Байкала; в этом случае местность будет, ведь, подробно исследована. Остаётся, конечно, не вполне понятным с какой стати хотят провести дорогу как раз по самой пустынной и дикой части страны, на что правительство должно, впрочем, иметь свои основания.

Об отношении хребтов, тянувшихся в северо-восточном направлении от восточного конца Байкала по ту сторону Витима, будет сказано в географическом пояснении к карте, тут же остаётся ещё указать на то влияние, которое они оказали на нижнюю часть долины Витима. У Больших или Парамских порогов русло реки до такой степени суживается, что во время половодья Витим не в состоянии прогнать всю массу своей воды и она принуждена выступать с боков. Выше порогов, на правом берегу, находится стеснённая крутыми горами долина Сыльби, которая затопляется лишь незначительно; с левой же стороны впадает Муя, текущая по ровной, расположенной между двумя, много раз уже упоминавшимися горными цепями — Северным и Южным Муйскими хребтами, — долине в двадцать или тридцать вёрст шириной. В последнюю-то до-

лину обильно изливаются воды Витима и, запружая вместе с тем течение Муи, превращают её в громадное, растянувшееся в длину озеро. Но в противоположность Лене и большинству рек и речек Сибири, полая вода на Витиме бывает не весной. В это время, т.е. во вторую половину апреля и первую мая, уровень воды в Витиме поднимается невысоко, потому что своим средним течением она пролегает главным образом по степной местности, покрытой лишь незначительным слоем зимнего снега. В июне же, когда солнце сильно припекает, начинают таять снега как на истоках главной реки, так и в верхнем поясе гор области его двух правых притоков — Калакана и Калара, и в реку устремляется громадная масса воды. К этому времени повсюду уже появилась растительность; если теперь, во время сильного зноя, луга левого берега Витима и низменной долины Муи затопятся дней на семь, то на них развивается такая растительность, какой я не видал в самых благословенных долинах Восточной Сибири. Как ни напоминают собою луга Барабинской степи, вдоль берегов Оби и Иртыша, волнующуюся ниву, как ни высока, доходящая по брюхо лошадям трава низменностей Вилюя, но там нет такой пышной растительности как на заливных лугах Витима и Муи. Когда мы проезжали по этому морю пёстрых цветов и роскошных трав, верхушки их ударялись друг о друга над нашими сёдлами. Вереница всадников, шедших нам навстречу, представляла необыкновенно странное зрелище: видны были только головы, руки и грудь, а всё остальное было скрыто в траве. Можно было ясно заметить, как сильно повлияло на растительность разлитие вод летом; не только деревья и кустарники были покрыты необыкновенно роскошной листвой, но и остатки ила, следы которого были всегда приметны у самых верхушек трав, указывали на то, что пышность растительности обуславливалась исключительно летним наводнением. Если у верхнего, Большого порога Муйский хребет и в настоящее время оказывает влияние на реку в том смысле, что заставляет её выходить из берегов, то далее книзу, над Делюн-Оронскими порогами, можно видеть, как эти последние влияли на русло реки в прежние эпохи. Нижние пороги невысоки, тут нет теснящих реку ущелий, но они заставили Витим расширить своё русло в виде озера на протяжении свыше двадцати вёрст: река образует тут лабиринт из бесчисленных островов и подошла своим правым берегом настолько близко к большому Оронскому озеру, что последовал прорыв,

результатом которого было соединение озера и реки в одно целое. Оронское озеро интересно в том отношении, что в нём, как и в Байкале, встречаются тюлени, которых нет нигде ни на Лене, ни на Енисее. В Байкальском озере тюлени так часты, что шкурами их ведётся обширная торговля; на Ороне же их не так много, но тем не менее животные были в состоянии удержаться тут и до сих пор. [[назад](#)]

11. Золотопромышленная резиденция Мача и ежегодное выселение рабочих осенью

Станция, расположенная на левом берегу Лены, называется Нохтуйской. Это название, однако, отступило совершенно на задний план с тех пор, как в пятидесятых годах на правом берегу реки, при впадении в последнюю маленькой речки Мачи, начали возникать резиденции золотопромышленников; в настоящее время все жители Лены называют это место Мачей. В других золотопромышленных округах тоже существует обыкновение устраивать, помимо собственно золотомоен, ещё так называемые резиденции, где находятся главное управление всего предприятия и важнейшие склады. Но особенно сильное развитие резиденции получили на Лене благодаря исключительным условиям здешнего округа. В золотопромышленных центрах Енисея, Баргузина и Забайкалья вообще, резиденция не играет особенно выдающейся роли, потому что в эти места необходимые на один год запасы материалов могут быть доставляемы в том же году, да к тому же их большею частью можно привезти на одних и тех же паузках, без перегрузки. На Лене же видим совершенно другое: в самом благоприятном случае барки с различными товарами, которых требует столь значительное, занимающее сотни человеческих рук предприятие, могут доплывать сюда в конце мая, — производство же начинается уже в марте. Большинство золотомоен расположено от берега Лены на расстоянии свыше ста вёрст, среди самого ужасного лабиринта гор и ущелий; поэтому дальнейшая доставка товаров может производиться только на вьючных лошадях или на оленях и, следовательно, может быть выполняема позднею осенью и зимой. Таким образом всё, в чём встречается необходимость, приходится свозить на Лену годом раньше и складывать тут в магазины, иначе же производство не может идти. Вследствие этого на пустынном

прежде берегу возникло селение с бойкой деловой жизнью и со складами, в которых лежат на сотни тысяч товары, ожидающие дальнейшего отправления. Для управления всей этой колонией золотопромышленники избрали из себя комиссию и платят ей известное число рублей с каждого работника, которого они занимают на своих золотомойнях. Составляющаяся таким образом очень значительная сумма идёт, во-первых, на содержание полиции, играющей тут, как само собой понятно, выдающуюся роль, потому что состав рабочих образуется преимущественно из сосланных на поселение; далее из той же кассы покрываются расходы по содержанию духовенства, церкви, почты и наконец санитарного дела. Всё это должно быть оплачено золотопромышленниками; правительство назначает чиновников, но вознаграждать их предоставляет тем, на пользу которых они должны исключительно работать. Церковь обставлена очень хорошо, так что богослужение совершается вполне как следует, а больным и умирающим не приходится чувствовать недостатка в попечении о спасении души. Полиция, однако, поглощает львиную долю расходов и пост здешнего горного исправника принадлежит к числу наилучше оплачиваемых во всей Восточной Сибири. Официально этот чиновник подчинён исправнику Олёкминска и находится к нему в таком же отношении, как заседатель окружного управления к начальнику последнего — исправнику. На самом же деле положение его независимое, а оклад необыкновенно высок. Прежде он получал с золотопромышленников содержание в 16.000 рублей, впоследствии же оно было возвышено до 22.000, так что исправник ежегодно получает (если в последнее время оклад не уменьшился) только немногим меньше, чем генерал-губернатор Восточной Сибири, но многим более, чем любой другой чиновник. Так же хорошо обставлена и почта; но почтовым чиновникам приходится исполнять массу дел, которые не относятся к их служебным обязанностям. Собственно говоря, чиновник обязан только получать письма, посылки и т.д. и выдавать их адресатам. Но золотопромышленникам от этого пользы ещё мало. Правда, до тех пор, пока резиденции в Маче находятся в полной деятельности, туда очень легко пересылать почту через реку; но руководители золотопромышленного предприятия живут в Маче не постоянно, а посещают резиденции лишь тогда, когда там есть какое-нибудь дело — приёмка и от-

правка товара или осенний расчёт рабочих, которые в это время увольняются массами. В резиденциях обыкновенно держат только необходимых смотрителей магазинов и сторожей, главные же руководители находятся на золотомойнях. Благодаря этому крайне важно, чтобы корреспонденция доставлялась им без всякого замедления; с этою-то целью почтовый чиновник так хорошо и вознаграждается. Зато он должен иметь в услужении известное число смельчаков, потому что далеко не каждый в состоянии нести службу посыльного для доставки корреспонденции с Лены в захолустье золотомоем во всякую погоду, — в снежную бурю, дождь и распутицу во время полый воды. Но, как известно, за хорошие деньги можно всё получить. Если к этому прибавить образцово устроенные больницы, то этим будет исчерпано почти всё, что находится в Маче: всё то, что тут существует, устроено прекрасно, вызвано золотопромышленными предприятиями, но и поддерживается исключительно ими же. Работают и трудятся там целый год. Весною, как только вскрыется река, появляются барки и пароходы и выгружают свои товары, что продолжается непрерывно в течение целого лета. Когда же Лена покроется льдом, появляются, с одной стороны длинные обозы, доставляющие масло, мороженое мясо, рыбу, сено и т.п., а с другой идут якуты с вьючными лошадьми и тунгусы с оленями с целью перевозить запасы из складов на золотомойни; это тоже продолжается всю зиму без остановки, — одним словом, люди заняты там круглый год. Но самым оживлённым временем является конец сентября, когда масса рабочих покидает золотомойни и стремится к резиденциям, чтобы получить там расчёт; в ту пору самая кипучая деятельность проявляется, однако, не на правом, а на левом берегу Лены. Нохтуйская станция представляет из себя маленькую деревушку, состоящую лишь из восьми или десяти жилых домов; в течение всего года она, кроме проезжих, почти никем не посещается. Осенью же дело изменяется. Уже в начале сентября замечаешь, что берега реки оживляются, появляется масса крупных и мелких лодок, владельцы которых усиленно занимаются постройкой всевозможных жилых помещений на берегу. Некоторые строят настоящие лёгкие домики, другие разбивают палатки, третьи довольствуются тем, что врывают столбы и таким образом огораживают место. Всё это — импровизированные рестораны, устроенные с исключительной целью до-

ставить покидающим золотомойни рабочим съестные припасы и различные напитки. На правом берегу Лены, входящем в золотопромышленный округ, такие рестораны, а особенно питейные дома, по закону не могут возводиться. Вследствие этого рабочие, получив расчёт, должны тотчас же переправляться на приготовленных лодках на левый берег реки, где уже всё готово к их приёму. У станции недели на две собирается несколько тысяч рабочих с единственной целью предаваться разнузданным оргиям после многих месяцев только что счастливо оконченной ими трудной работы; поэтому во время выселения рабочих приходится зорко следить за порядком, тем более, что большинство этих людей сами по себе не особенно склонны щадить имущество, здоровье и даже жизнь своих товарищей. Исправнику золотопромышленного округа нет до них никакого дела, так как его район кончается на правом берегу реки; вследствие этого на станцию приезжает всегда исправник Олёкминского округа, которому Якутский губернатор присылает ещё подкрепление. Так и мне, в качестве чиновника особых поручений, приходилось функционировать там во время выселения, — следить за порядком. Прежде всего нужно запастись значительным числом надёжных и дюжих людей, чтобы иметь возможность держать непрерывно, в течение дня и ночи, патрули. В виду того, что обыкновенных средств окружного управления на это далеко не хватает, изыскивают чрезвычайные источники. Из крестьян смежных со станциями деревень избираешь себе около тридцати порядочных, здоровых молодцев и принимаешь их на это время под присягою на службу. Они получают за свою далеко не лёгкую работу подённую плату, расходы по которой покрываются сбором, налагаемым исправником на владельцев упомянутых выше летучих ресторанов, причём торговцы спиртными напитками облагаются ещё более значительным налогом. Это дёшево и справедливо, потому что все они прекрасно торгуют в эти дни; платят они к тому же очень охотно, так как только благодаря постоянно разгуливающим по берегу патрулям с их внушающими уважение тяжёлыми дубинами и является возможность поддерживать сносный порядок среди дикой, пьяной толпы. Торговля спиртными напитками разрешается с раннего утра, как только станет светло, до девяти часов вечера, затем все питейные заведения должны быть закрыты. Однако это обстоятельство ни-

сколько не препятствует шуму, пляскам, играм и попойкам продолжаться в течение всей ночи: на дворе тепло, разводить огонь на берегу Лены позволяется сколько душе угодно и таким образом приходится позаботиться только о том, чтобы запастись достаточным количеством водки до девяти часов вечера. Полиция следит очень строго лишь за тем, чтобы в это время в деревне не появлялись женщины; все, кто не может доказать, что постоянно, в течение целого года, живёт на станции Нохтуйской, должны без всяких отговорок покинуть место; гости и родственники тоже не допускаются: свои посещения они должны перенести на другое время года.

Приготовившись таким образом, ожидают приезда гостей. Наконец появляется первое судно с транспортом рабочих. Толпа высыпает на берег с громким ура и люди первым делом срывают с себя шапки и кидают их прочь, чтобы тотчас же запастись новым головным убором. Кому позволяют средства, тот заставляет следовать за шапкой и остальную одежду и является, по крайней мере наружно, новым человеком. Да оно и не мешает, потому что в громадном большинстве случаев люди приходят в крайне сомнительных костюмах; однако я не мог узнать, почему непременно шапки заменяются новыми. На мои вопросы мне отвечали, что так должно быть.

Лишь только приобретён новый головной убор, всё общество отправляется подкрепиться в приветливо манящие питейные заведения. Между тем непрерывно прибывают новые лодки с рабочими, которые, тоже сменив шапки, стремятся к тем же ресторациям, и в скором времени видишь себя окружённым колыхающейся толпой довольно дикого и неприветливого народа, количество которого непрерывно прибывает. Вначале всё идёт довольно спокойно и прилично; но скоро давно желанная водка начинает своё действие и патрули по горло заняты тем, чтобы смеху и песням не давать переходить в побоища и убийства. Нам приходилось тоже немало трудиться до усталости: с пяти часов утра, как только встанешь, до позднего вечера нельзя было найти ни минуты для себя лично; всё время ведёшь следствия, снимаешь допросы, улаживаешь споры, присуждаешь виновных к штрафу и т.д., пока наконец не ляжешь спать поздней ночью и остаёшься очень доволен, если удастся поспать до утра без того, чтобы не разбудили тебя ночью. Несмотря на то, что приходится судить и рядить в течение целого дня,

каждое утро, в шесть часов, происходит ещё, так сказать, общее судебное разбирательство, в которое допрашиваются и судятся все забранные за пьянство и те, которые были арестованы ночью. Всякий раз привлекается очень значительное число ответчиков, так что заседание происходит под открытым небом, да к тому же при весьма значительном стечении публики: на судебное разбирательство не упускает случая явиться чуть не всё присутствующее количество народа. Сначала появляются перед судьями арестованные за пьянство. Им не приходится ожидать никакого дальнейшего наказания; но патрулям самым строгим образом предписано тотчас забирать каждого, кого находят валяющимся пьяным, осматривать его карманы и представлять их содержимое. Самая большая комната в нашей служебной квартире была заставлена возможно большим количеством столов, на которых отдельными кучками было разложено всё то, что находилось в карманах опьянённых; комната содержалась под замком. Такого рода мероприятие безусловно необходимо, чтобы, по возможности, предохранить людей от потери их имущества. Когда на следующее утро призывают отрезвившихся, в них заметно, помимо вполне понятного похмелья, ещё чувство тревожного любопытства, которое объясняется тем, что им обыкновенно неизвестно, что было найдено в их карманах. Многие выражают большое удовольствие, найдя всё своё имущество в целости, и благодарят за ночлег и попечение; большинство же горько разочаровывается, когда оказывается, что в их карманах нашлось гораздо меньше, чем они предполагали: их успевали ободрать прежде, чем их нашёл патруль. Отправив пьяниц, приступают к настоящим преступникам: эти большей частью принадлежат к категории карманных воров; довольно часто привлекаются к ответственности за драку и в общем только очень редко встречаются грабежи и убийства. Серьёзное внимание обращается лишь на две последние категории преступлений, и виновников передают судебному следователю. Все остальные дела разбираются на месте, решения постановляются немедленно и наказание, которое бывает исключительно телесное, приводится тотчас же в исполнение. В таких случаях только быстрый и огульный суд является хорошим судом, и я смело могу сказать, что за всё время моей служебной деятельности в Якутске тяжкие преступления при выселении рабочих в Маче бывали

очень редко, хотя, как уже сказано, большинство рабочих состояло из сосланных.

Тем не менее то, что тут встречается каждую осень, крайне дико и достойно глубокого сожаления. Рабочие, как видно по счетоводным книгам резиденций, переносят через Лену сумму в несколько сот тысяч рублей, и очень большая часть этих денег остаётся в руках шинкарей. Ежегодно случается, что золотопромышленники помимо сумм, которые они выплачивают в виде заработной платы, в течение этих двух недель, расходуют ещё очень значительную сумму в качестве задатка. Это объясняется тем, что рабочие, прокутив весь свой заработок, возвращаются за реку и законтрактовывают себя на следующий год. В этом случае они получают задаток и обязуются, под страхом строгой ответственности, снова явиться на золотомойню к марту месяцу; таким образом они опять запродают себя на целое лето: заработанных в поте лица денег хватило всего на несколько дней, а впереди предстоит ещё пробиваться всю зиму. Сравнительно очень невелико число рабочих, которые делают сбережения из своего заработка, и потому через несколько лет прекращают работу на золотомойнях, чтобы на заработанные и сбережённые гроши предпринять какое-нибудь дело. Этим людям работа на золотых приисках не вредит, так как здоровый человек легко выдерживает её некоторое время. Но те, которые нанимаются на золотомойни из года в год, а зиму кое-как пробиваются подаянием, в ожидании каторжной работы грядущего лета, выносят недолго и скоро погибают. На Лене, где работы, благодаря местным условиям, во всяком случае очень тяжелы, обыкновенно принимается, что человек в состоянии выдерживать такого рода напряжение в среднем не более шести лет; я не знаю насколько верно это предположение, но, по всей вероятности, оно правильно. В других золотопромышленных округах делались попытки тотчас же отправлять далее рассчитанных рабочих, не позволяя им так безрассудно растрачивать тяжело заработанные деньги; увенчались ли эти попытки успехом, я не могу сказать, так как не имею на то достоверных данных. Конечно, легко предупредить, чтобы при исходном пункте не собиралось такое большое число кровопийцев, как оно обстояло, да, по всей вероятности, существует и до сих пор на Лене, — но я не понимаю, как можно воспрепятствовать работнику пропить деньги, когда в нём

существует на то потребность: кабаки он может найти, ведь, повсюду.
[\[назад\]](#)

12. Занятие якутского погонщика вьючных лошадей

Обязанность проводника каравана в высшей степени утомительна и ответственна. Он должен вести пятнадцать лошадей и заботиться о том, чтобы животные благополучно совершили путешествие; далее, он, конечно, отвечает за вверенное ему имущество купца. Во время путешествия животные привязаны друг к другу таким образом, что вокруг шеи передней лошади совершенно свободно накидывается петля, затем верёвка привязывается к хвосту животного и, наконец, прикрепляется к уздечке следующей за ней лошади, шея которой в свою очередь окружается петлёй, и т.д. до последней лошади. В том случае, если задняя лошадь заставляет себя тянуть, передняя лошадь, благодаря такому устройству тянет её по крайней мере не шеей; тем не менее она может быть сильно отягощена, если погонщик недостаточно внимателен. Лошади же, которые имеют склонность заставлять тащить себя, а это свойство встречается довольно часто, мало пригодны в качестве вьючных животных, особенно для больших расстояний. Далее встречаются такие животные, которые не умеют держать шага, — они отстают и время от времени, хотя ненадолго, бегут рысью, чтобы догнать караван; такие вовсе не могут быть взяты в цуг. Если же лошадь имеет привычку постоянно есть на ходу, срывая по дороге торчащий из-под снега пучок травы или ветку ивы, то такая лошадь ценится очень высоко, и за неё дорого платят, потому что, оставаясь постоянно сытой, она всегда сохраняет свои силы. Затем, некоторые лошади имеют высоко ценимую добродетель подвигаться очень медленно во время еды: они не сделают ни шагу далее прежде, чем не ошиплют всё вокруг себя, и только тогда подвигаются постепенно дальше. Другие, наоборот, во время еды постоянно подвигаются вперёд или очень разборчивы, — пробуют то там, то сям, и переходят с места на место. Такие вовсе непригодны, так как, во-первых, проходит часто много времени прежде, чем их сыщешь утром; во-вторых, желудок их в это время ещё пуст, потому что они, теряя время в поисках, не успели наесться. Одним словом, у вьючных животных встречается масса хороших качеств и недостатков, которые могут

либо облегчить, либо до невозможности затруднить обязанности погонщика. Немалую заботу доставляет хорошему проводнику выбор пастбищ. Купцы, во время ночлега, придерживаются большею частью исключительно поварен, но хороший проводник никогда не делает этого. Во время всего долгого путешествия он должен держать в уме те места, где находятся хорошие пастбища, независимо от поварен; поэтому он путешествует предпочтительно один: в таком случае он имеет возможность располагаться на хороших пастбищах и, не будучи стеснён чужими лошадьми, доставляет своим достаточно корма. Далеко не лёгкой задачей представляется вести в продолжение целого дня пятнадцать лошадей, постоянно наблюдая за тем, чтобы которая-нибудь из них не заставляла себя тянуть, или чтобы идущие вольно не отставали слишком далеко, или чтобы не съехали на животных сёдла, и т.п. Когда пройден дневной переход и найдено хорошее пастбище, проводнику предстоит большею частью одному, без всякой посторонней помощи, тотчас же развьючить пятнадцать лошадей, т.е. он должен снять с каждого животного и положить в полном порядке на землю шесть с половиной пудов багажа, что составляет в общем приблизительно около ста пудов. Сначала на лошадях оставляют чепраки, потому что они вспотели на ходу и могли бы легко простудиться, так как спина подверглась бы непосредственному влиянию зимней стужи. Но через час погонщик должен снять их, тщательно осмотреть спины лошадей, нет ли на них каких-либо ссадин, а затем подвергнуть внимательному исследованию все пятнадцать чепраков и, в случае где-нибудь на них обнаружится твёрдое место (они сделаны из соломы и обшиты с двух сторон холстом) или утолщение, тотчас же их исправить. Только теперь, когда он окончил свой утомительный дневной труд, может он подумать об еде и отдыхе. Он набирает сухого дерева и раскладывает костёр для походного котелка. В том случае, если место остановки расположено у поварни, он пользуется по крайней мере теми малыми удобствами, которые доставляет эта последняя. Если же он, как надлежит заботливому проводнику, не обращая внимания на себя, остановился на месте, которое оказалось более выгодным для его животных, то кровом служит ему само небо, а огонь доставляет единственное приятное ощущение, которое выпадает на его долю. Ночёвка под открытым небом сама по себе, даже зимою, вовсе не так тягостна, как можно было бы вообразить себе. Застигнутому

врасплох снежной бурей, или по каким-либо другим причинам, мне случилось ночевать на открытой тундре, тянущейся вдоль берега Ледовитого океана; при этом часто нельзя было вовсе разводить огня или с большим трудом разложить настолько слабый, что удавалось только вскипятить воду для чая, после чего он скоро гас; тем не менее было довольно сносно, хотя, конечно, затруднительно и утомительно. Но, понятно, никто не избирает себе для бивака такую местность ради одного удовольствия. Ночёвка же при сорока градусах Реомюра ниже нуля в лесу уже очень сносна в том случае, если имеется под рукой всё необходимое. Вот почему люди так легко справляются с ней. Обыкновенно на снег кладут войлочное одеяло, а поверх его расстилают медвежью шкуру; затем покрываются очень широким и длинным одеялом, которое, при надобности, с одной стороны заходит за голову, а с другой — со стороны ног, оканчивается мешком, в котором помещаются ноги до колен. При таких условиях собственной теплоты человеческого тела совершенно достаточно для поддержания хорошего самочувствия как при тихой погоде, так и во время бури, даже если термометр опускается до пятидесяти градусов ниже нуля; нужно только устроиться так, чтобы ножной конец постели был обращён против ветра, тогда не проберёт никакая непогода. Но простой якут никогда не располагает таким количеством постельных принадлежностей, какое имеем обыкновение брать с собой — мы, изнеженные люди, отправляясь в путешествие, да ему и жалко понапрасну обременять своё вьючное животное. Он обходится без этих принадлежностей, подстилая под себя несколько чепраков с лошадей и прикрываясь шубой, которую он всегда снимает с себя на ночь. Этим и костром он удовлетворяется даже при самой сильной непогоде. Проснувшись однажды ночью, я заметил, что наш костёр почти потухал, а потому встал и собрал несколько дерева, чтобы его опять возобновить. При этом случае я заметил, что с одного погонщика съехал тулуп, а его голова и верхняя часть туловища уже совершенно заиндевели. Было очень холодно, и я опасался, что человек может замёрзнуть, почему разбудил его, чтобы он согрелся в движении. Однако он остался этим очень недоволен и, поворчав, только перевернулся на другой бок: никаких других согревательных мер ему не потребовалось. Тяжёлым трудом зарабатывает свой хлеб погонщик, и только невероятная нечувствительность северных народов к непогоде даёт возможность, за столь

ничтожное вознаграждение, находить любителей такого рода занятий. [\[назад\]](#)

13. Северная граница сосны и ели

Границы обеих древесных пород на Тукулане лежат так близко одна к другой, что их можно считать совпадающими. На самой дороге сначала исчезает *Pinus sylvestris*, а очень скоро пропадает и *Pinus abies*; однако возможно, что в других пунктах это отношение как раз обратное. Впрочем, сколько я мог наблюдать, оба дерева никогда не растут в Сибири совместно, так как ель, (*Pinus abies*) встречается исключительно по берегам рек и на мелких островах. На Вилую и на Оленьке Миллер нашёл границы отстоящими друг от друга на несколько более значительное расстояние; последние сосны он встретил на Кихинти, (притоке Иейко, впадающей в Нижнюю Тунгуску) к северу от 64 градуса северной широты, ель же (*Pinus abies*) попадалась ему до озера Сурунгны, в области истоков Вилуя; это составляет приблизительно разницу в один градус широты. Северная граница обоих деревьев идёт таким образом на Вилую далее на север, чем на Верхоянском хребте; это объясняется, по всей вероятности, тем, что абсолютная высота первой местности меньше, чем последней. Относительно востока мне известно только, что сосна встречается на нижнем течении Охоты; там она настолько высокоствольна, что Сарычев мог употребить её на постройку судов. Если тут проходит её северная граница, то она, сравнительно с Вилуем, лежит здесь южнее на целые четыре градуса, что составило бы во всяком случае слишком большую кривую. Если же принять в соображение, как сильно хвойные деревья избегают близости моря, то очень вероятно, что северная граница деревьев на востоке на самом деле опускается так далеко к югу благодаря Охотскому морю; так, например, на Камчатке распространение древесных пород ограничивается внутренней частью горной страны и вовсе не доходит до морского побережья, а самая выносливая из пород, лиственница, не переходит на восток за Становой хребет. [\[назад\]](#)

14. Верхоянский перевал

Миллер «Unter Tungusen und Jakuten», стр. 233 и след. — Миллер, который подобно Нейману был очень зябок, находился 2 декабря 1874 года, по всей вероятности, в очень пессимистическом настроении, потому что он рисует страх наводящую картину Верхоянского перевала. Конечно этот перевал не особенно привлекателен, но и не настолько плох, как его описывает Миллер. Несомненно то, что если взглянуть на него сверху, то он представляется величественнее, чем снизу, так как сверху видишь разом весь склон, и глаз, обманутый однообразной белизной снежного покрова, получает ложное представление о крутизне спуска. Я спускался в долину Тукулана как в июле, так и в ноябре, и конечно должен согласиться с тем, что зимою перевал кажется много круче, чем в то время, когда он не покрыт снегом; в июле месяце я пробовал даже спускаться верхом на лошади, приказав как можно сильнее подтянуть седло волосяными ремнями. Сначала спуск удавался, хотя и с трудом, но затем наклон становился столь крутым, что я был поднят на седле и поэтому должен был слезть; пешком же путешествие шло вполне сносно. Точно также погонщики нарт, провожавшие Миллера и Чекановского, были, по всей вероятности, очень неопытные люди, потому что мои проводники зимою 1870 года спустили нарты очень удачно, припрягши оленей сзади. Гужи были привязаны к заднему концу нарт, а затем проведены животным на зашеек; олени очень ловко бежали рысцой вниз и при этом высоко поднятыми головами легко сдерживали ход нарт, так что всё сошло вполне благополучно. Уже одно то обстоятельство, что перевал преодолевают как при спуске, так и при восхождении, вьючные животные, нагруженные шестью пудами, доказывает, что он не может быть чересчур крут. [[назад](#)]

15. Содержание скота в якутской юрте

Находящиеся в городах юрты устраиваются исключительно для людей, якут же постоянно соединяет свою юрту с хотоном, т.е. с хлевом, в котором он содержит свой рогатый скот. Такая полная якутская юрта представляет собой продолговатый четырёхугольник; снаружи она тщательно смазана толстым слоем смеси глины с коровьим навозом;

она имеет всего одну дверь, а именно, входную дверь в жилое помещение, которая всегда находится на одном из концов четырёхугольника и почти всегда образует полный квадрат. Жилое помещение отделено от хотона простой, несмазанной стенкой из жердей, так что оно несомненно согревается теплом, выделяемым скотом, но вместе с тем из него свободно проникает и запах от него. Рогатый скот менее выносливый, чем лошадь, ни в каком случае нельзя держать зимою под открытым небом; да к тому же снег в Якутской области выпадает слишком глубоким слоем, чтобы рогатый скот мог выкапывать из-под него свой корм; благодаря этому его приходится держать всю зиму на сене. Скот выпускается всего один раз в день, частью на водопой, частью же для чистки хотона: якуты тщательно следят за тем, чтобы навоз вычищался ежедневно. При этом скот должен постоянно проходить через самую юрту, т.е. через жилое помещение, потому что, как уже сказано, строение имеет всего один выход. При таких условиях камин находится как раз у места: только благодаря той сильной тяге, которую он производит, и является возможность жить вместе со скотом и дышать вообще довольно здоровым воздухом. [[назад](#)]

15-1. Метеонаблюдения в Верхоянске

Я говорю об этом на память, потому что уже давно сдал наблюдения и в точности не припомню, сколько месяцев они обнимают собой. Помню только одно, что в зимние месяцы, именно в части декабря и в январе наблюдения производились дважды, и что январь одного года был гораздо холоднее января другого года; если я не ошибаюсь, то разница выражалась пятью градусами Реомюра. Вследствие этого повторение наблюдений крайне желательно: необходимо решить, которая из двух температур нормальна.

С Худяковым впоследствии я более не говорил; его перевели в Усть-Янск или куда-то в другое место, и это послужило исправнику Бубякину достаточным основанием отнять у него инструменты. Благодаря этой совершенно неуместной заботливости о казённом якобы имуществе (а именно о двух моих термометрах) пропал совершенно даром прекрасный случай получить многолетние наблюдения. Всё это имело вид, как

будто благородный исправник заботился не столько о сохранении казённого имущества (которому не грозило никакой опасности, так как Худяков и на новом своём месте жительства находился под строжайшим наблюдением полиции), как о том, чтобы насолить несчастному сосланному, отняв у него занятие, которое было ему приятно и помогало коротать долгие, томительные дни одиночества. [[назад](#)]

16. Верхоянский хребет

В объяснении к карте я подробно излагаю, что Верхоянский хребет, как настоящий окрайный хребет, имеет только один высокий склон, именно южный, и что к северу он опускается очень постепенно. Вследствие этого страна, если проходить по ней на широте Верхоянска, вовсе не имеет характера горной страны, а представляет из себя высокое плато. Верхнее и среднее течение больших правых притоков Яны, т.е. могучая Адыча с её притоками Бёрылахом, Нелгэгэ и Тостахом, сопровождается ещё, как говорят, высокими горами (там вовсе нет лугов, так что якуты избегают эту страну), но дорога на Колымск уже совершенно ровна. Мои спутники, которые, как уже было сказано, взяли несколько более южное направление (именно они свернули у урочища Чепаны на Яне), должны были подняться на очень высокий горный хребет, чтобы выйти на речку Хапчагай и вместе с тем проникнуть в долину Бёрылаха. Между тем мне кажется, что слово «высокий» следует передать тут «крутым», так как очевидно, что им пришлось взобраться только на склон долины Яны, которого мы избегли благодаря тому, что ехали прямо на Верхоянск, и таким образом не покидали долины этой реки. Как Яна, так и Адыча, Тостах и другие большие притоки вырыли себе подобно Лене глубокие и широкие долины; но это не изменяет характера страны, не мешает ей являться высоким плато, а доказывает только, что абсолютная высота местности на широте города ещё очень значительна. Совершенно иначе обстоит дело с Ыгнах-Хаей и Кигелях-Тасом, которые, круто возвышаясь со всех сторон, образуют мощный, врезающийся в угол между Яною и Адычею горный массив, горизонтальное простираение которого крайне ничтожно. Продольная ось горного массива имеет в длину около пятидесяти вёрст; не доходя приблизительно двадцати вёрст до слияния Яны с Адычею, он довольно круто

обрывается на север, к югу же отсылает от обеих главных вершин ещё другой, несколько более низкий хребет, который, однако, тоже не доходит до Колымской дороги. На обеих вершинах Бунге нашёл границу леса почти на 2000 футах над уровнем моря, отдельные же корявые экземпляры *Pinus Cembra pumila* распространялись за 3000 футов абсолютной высоты. [[назад](#)]

17. Урочище Табалах

Из Якутска в урочище Табалах можно попасть разными путями, но тут все дороги соединяются, потому что из этого места перейти хребет Тас-Хаяхтах удаётся только по одному перевалу, по крайней мере с тех пор, как оставлен путь по южному Догдо, выходящий на Зашиверск. Но чтобы попасть и на этот последний, нелегко избегнуть Табалаха, так как к югу снова встречаются горы и опять нет лугов. В объяснениях к карте указано, как замечательно повлияла на географию системы Яны едва заметная речка, которая, собственно говоря, представляет из себя вилку, или канал, соединяющий целый ряд мелких озёрков. Это можно объяснить себе только тем, что название Табалах очень хорошо знакомо на севере каждому, кому приходится путешествовать в Колымск, а потому учёные географы Иркутского Главного Штаба заключили из этого, что Табалах должен быть большой рекой. Речка, если её уже так называть, имеет серьёзное значение исключительно для едущих в Колымск, потому что ряд озёр, которые тянутся там по левому берегу Тостаха, доставляет большое количество покосов; благодаря этому там поселились якуты, которые не только пользуются достаточным количеством корма для своих стад, но и заготавливают ежегодно для проходящих мимо караванов большое число стогов сена. Однако это крайнее восточное поселение якутов: на восток от Тостаха на более или менее значительном протяжении нет уже более пастбищ, а вскоре затем начинается хребет Тас-Хаяхтах, и вместе с тем тянется на несколько сот вёрст абсолютно необитаемый участок земли. [[назад](#)]

18. Об измерении расстояний

Моя оценка расстояния между Верхоянском и Средне-Колымском на сорок пять вёрст короче, чем сделанная моими спутниками, с обыкновенно же принимаемой правительством цифрой (1415) она расходится на 105 вёрст. Тем не менее я того убеждения, что правильное измерение цепью значительно сократит и мою цифру. Топограф говорил мне, что снятые лишь при помощи пель-компаса маршруты всегда несколько длиннее действительных, и что даже у очень опытных работников ошибка в среднем в шесть вёрст на сто встречается не особенно редко. Этот же самый опыт вынес также и я сам: при нанесении на карту, несмотря на все предосторожности во время наблюдений, мне приходилось сокращать снятые расстояния. Это имело значение уже при коротких маршрутах и в сравнительно однообразной местности; когда-же приходится проходить большие расстояния, да к тому в очень разнообразной местности, и нет возможности делать время от времени верных астрономических определений, ошибки начинают сильно мешать, — но они всегда таковы, что расстояния выходят чересчур велики. Далее в тексте подробно указывается на те обстоятельства, которые делают данные, получаемые от якутов, особенно неточными, а ввиду того, что расстояния, принятые правительством, основаны исключительно на якутской оценке, несомненно, что они значительно превышают действительные. [[назад](#)]

19. Русская Россоха

В данном случае у меня нет никаких мало-мальски верных источников, а потому я не нанёс на свою карту Русскую Россоху. Между людьми, в остальном прекрасно знавшими дороги в глуши, я не мог найти ни одного человека, который знал бы хорошо дорогу на Зашиверск. В моё обратное путешествие в Якутск я сделал распоряжение ещё в Колымске, чтобы на Селегняхх меня встретил тунгус, который мог бы дать о ней верные сведения. Как я узнал впоследствии, этот человек действительно был там и прождал меня целую неделю; но меня задержал на пути целый ряд несчастных случаев, так что я достиг названной реки только гораздо позже, тунгус же не мог ждать так долго. Хотя я и нашёл

на Селегняхе другого тунгуса, который тут охотился и отлично знал всю округу на большом расстоянии, но тем не менее он не мог дать мне никаких сведений о Россохе: он не имел никакого дела с торговыми путями, а ходил за дичью лишь по своим собственным тропам. Ему было известно большое количество ручьёв, но исключительно под тунгусскими названиями, и из его рассказов нельзя было заключить, относятся ли они к названной тут и отличающейся дурною славою глубокой долине. Как Сордах, так и Бёрылах с его притоками берут начало в горной стране, образуемой Кэх-Тасом и отделяющимся от него Тас-Хаяхтахом. Эта горная страна простирается на север до впадения Селегняхы в Индигирку и прорезана по всем направлениям горными цепями. [[назад](#)]

20. Ловля рыбы неводом подо льдом

Ловля рыбы неводом подо льдом очень распространена по всей Якутской области и часто даёт очень прибыльный лов. Люди утверждают, что во время сильных холодов рыба стоит неподвижно густыми стадами и что для удачного лова необходимо, следовательно, наткнуться на такое стадо или, как они там называют, табун. Это, конечно, всегда дело счастливого случая, но я сам видел в Вилуйском округе, как ловцы, вытянув два-три раза пустые сети, какими-нибудь двумя цугами в другом направлении имели такую удачу, что сети рвались от количества рыбы. Для подобной ловли во льду сначала делается несколько больших прорубей, и только по окончании этой работы принимаются за установку сетей. В одну из таких больших прорубей опускают невод, а затем острым железным ломом пробивают во льду два ряда мелких дырок, в которые всовываются жерди с крючками, служащие для направления длинных, тонких прутьев, посредством которых сеть направляется подо льдом до следующей большой проруби, из которой и вытягивается невод. Большие проруби содержатся открытыми даже в очень сильные морозы постоянным удалением вновь образующегося льда; это продолжается до тех пор, пока озеро не перестанет доставлять добычу, после чего рыбаки переходят на другое. [[назад](#)]

21. Охота на оленей при их переправе

Впоследствии будет сказано подробнее об охоте на оленей при их переправе через Анадырь, тут же надо заметить, что такого рода охота была ещё во времена Врангеля очень прибыльна на большом Анюе. С течением времени олени подвинулись далее на восток, а потому их колют в настоящее время только на одном Анадыре. [\[назад\]](#)

22. Якуты Колымского округа

Колымский округ очень слабо населён; именно, число якутов, принадлежащих к нему, всего на всего 3500 душ обоего пола. Они составляют одно целое, один улус, который в свою очередь распадается на десять подразделений или наслегов. Во главе каждого наслега стоит староста, а во главе улуса голова, который избирается на три года старостами из их же среды. Человек, который в то время занимал этот пост и жил поблизости станции и озера Бержестях, был весьма дельный и отлично понимал своё дело. Тогда он владел ещё прекрасными стадами и пользовался полным достатком, но летом 1870 года он всё потерял. Как раз в области этих озёр разразилась эпидемия сибирской язвы, ужасной болезни, опасной не только для лошадей и скота, но заражающей также и людей. Несмотря на северное положение, жаркие дни июня месяца в пропитанных водою болотах Колымского округа порождают, по-видимому, такие же лихорадки, как и в степях Барабы. Через известные промежутки времени эпидемия этой болезни вспыхивает то там, то сям в области озёр, и если не удаётся достаточно скоро угнать стада из окрестностей, то все они беспощадно погибают. Летом 1870 года голова как раз уехал в Якутск, а по возвращении нашёл почти всё своё стадо уничтоженным. В Барабинской степи такое несчастье не имеет ещё столь важного значения, потому что из южной части Киргизских степей всегда можно снова получить скот, так что через несколько лет стада снова достигают прежних размеров. Но к северу от Верхоянского хребта дело сильно усложняется тем, что плодovitость как лошадей, так и коров очень слаба, и прирост стад вследствие этого идёт очень медленно. [\[назад\]](#)

Примечание 23 в русском переводе стало излишним.

24. Ламут и его одежда

Ламут является во всех отношениях щёголем дикого захолустья: стоит только взглянуть на его одежду, которая, будучи лёгкой и удобной, не только не стесняет движений тела, но и так всегда разукрашена, как только позволяют ему средства. Кафтан из оленьих шкур сшит всегда с большой тщательностью: на цвет идущих на него шкурок обращается большое внимание, вследствие чего кажется, что платье сшито из одноцветной материи, а не из сильно варьирующих в своих оттенках шкурок животных. Сапоги, пояс, огнестрельное оружие, колчан и всё остальное, что он имеет на себе и вокруг себя, изящно украшено шитьём и резьбой; одним словом, на стройном и ловком ламуте всё взятое вместе производит приятное впечатление. Но особенное внимание обращают женщины и девушки на свой наряд. Подобно мужчинам, они носят открытый спереди кафтан, не покрывающий груди; эту последнюю прикрывает вплоть до живота нечто в роде жилетки, которая, однако, спереди совершенно закрыта и у мужчин разукрашена мелко вырезанными кистями из кожи, у женщин же во всю длину обшита бусами. Любимыми цветами ламута являются, очевидно, синий и белый, вследствие чего грудная вставка всегда вышита синими арабесками по белому фону. Встречаются также чёрные и красные бусины, но их употребляют лишь в очень незначительном числе, частью для теней, частью же для того, чтобы сделать костюм наряднее. Волосы, которые почти всегда содержатся в порядке, переплетены нитками крупных белых и голубых бус и составляют приятный для глаза контраст с почти постоянно всклокоченными головами чукотских женщин. Всё это стоит больших денег, так как торговцы, отлично зная пристрастие ламуток к нарядам, заставляют дорого платить за свои стеклянные бусы. Серебряные монеты, которые ламутки тоже носят в волосах, очевидно составляют семейное достояние и передаются по наследству от матерей к детям и внукам, потому что среди них встречаются очень старые и в Азии несомненно очень редкие экземпляры. Так, например, в косе одной ламутки на ярмарке в Островном я нашёл монету величиною с

рубль и с надписью Людовик XIV. Ламуты переносят свою любовь к красоте и изяществу также и на своё жилище и утварь. Ураса, представляющая из себя у якутов большой, высокий и открытый сверху конус из воткнутых в землю и сдерживаемых кольцом на верхнем конце жердей, которые покрываются возможно однообразными кусками бересты, имеют совершенно иной вид у ламутов. Впрочем, цель и назначение урасы у якутов совершенно иные, чем у ламутов. Первые живут преимущественно в юрте, но состоятельные якуты очень охотно устраивают себе на лето урасу, с одной стороны потому, что в ней всегда прохладно и много воздуха, а с другой, в летнее время паразитов в юрте становится всё-таки чересчур много. Таким образом якут очень легко может обходиться и без урасы, для него она представляет из себя предмет роскоши, которую может позволить себе только состоятельный человек. Тунгусу же и ламуту ураса служит единственным жилищем, да они и не могут жить ни в каком другом, им повсюду слишком тесно и непривольно. Но в виду того, что ламут постоянно находится в странствованиях, ураса его имеет очень малые размеры, и устроена так, что её легко нагрузить и увезти на спине такого слабого животного, как олень. Жерди сделаны так легко и удобно, как только то допускает требуемая от них прочность, а на берестяную крышу обращается особенное внимание. Белая береста сшивается двойным слоем в длинные полосы шириною в локоть; она тщательно разглаживается и становится мягкой и гибкой от выделки, а в конце концов по ней выводятся красивые узоры из бус и пёстрых кусочков кожи. Такая ураса очень изящна, её легко снять, уложить и вновь поставить, потому что гибкие полосы бересты, около десяти футов длиною, легко скатать и прикрепить к спине оленя. [[назад](#)]

25. Обычай сибирских инородцев или так называемые таёжные законы

В данном случае дело касается так называемого закона тайги. Тайгой в Сибири называется мало обитаемая глушь. Такого рода законов имеется большое множество, и несмотря на то, что они нигде не записаны, исполняются они в точности. В русских деревнях и селениях обыкновенно в ходу общее государственное право; но в случае возникновения гражданских дел среди инородцев принимаются в расчёт ещё и обычаи

тайги. Уголовные же дела судятся всегда по государственным законам. В рассматриваемом случае дело идёт о принятом истари обычае: осенью, как только дикий северный олень готовится к переселению на юг, по всему течению реки Анадыря запрещается стрелять из огнестрельного оружия. Ламуты, которые вообще не интересуются общественными предприятиями, вовсе не заботятся об исполнении этого обычая; тем не менее не подлежит никакому сомнению, что если бы исправнику подали жалобу, и было бы доказано, что известное лицо действительно стреляло, то виновника пришлось бы наказать. Многие из этих обычаев тайги сами по себе хорошо известны чиновникам, но время от времени случается, что стороны ссылаются на такие обычаи, о которых не приходилось слышать. В таких случаях обращаются к заслуживающим доверия и влиятельным лицам из инородцев, главным образом к старостам, показания которых о существовании указываемого обычая и берутся в соображение.

Чтобы дать понятие о значении, какое имеет в жизни тех племён это обычное право, мне кажется уместным привести здесь несколько примеров подобных обычаев. Прежде всего следует указать на то, что сибирские племена, не исключая и якутов, считают воровство ещё за гражданское преступление, и в том случае, если в нём как-нибудь не замешан русский, оно всегда и судится как таковое. При этом характерно то, что в основание вознаграждения за убыток, которое должен внести виновный, до сих пор кладётся ещё животное, как некогда единственный предмет достояния, принимавшийся в расчёт. Старинное правило гласит: «за одну ногу — одно животное». Если теперь украдены две лошади, две коровы или два телёнка, то виновный, когда его удаётся обнаружить, должен доставить восемь лошадей, коров или телят. Точно также поступают, когда украден мех: похитителю тоже приходится платить на основании правила — по животному за ногу, т.е. уплатить вчетверо тем же, что украдено. Но несмотря на то, что с течением времени список вещей, которые стоило красть, очень увеличился, люди всё-таки в общем придерживались того же правила: и во всех других случаях уличённый вор должен был вознаградить вчетверо стоимость украденной вещи. Если же он не в состоянии уплатить, то отдаётся потерпевшему в качестве работника на определённый, соответствующий стоимости вознаграждения срок; когда потерпевший не нуждается в работнике, он

может передать осуждённого другому и в этом случае получает его за работную плату.

Несмотря на противодействие церкви и правительства, большую роль играют в быте инородцев и брачные обычаи. По этим обычаям, дочери безусловно принадлежат своим родителям и не могут без их согласия вступать в брак, а тем более покидать родительский дом. У чукчей и коряков существует обычай, по которому будущий зять отслуживает тестю за дочь известное число лет, подобно тому, как прародитель Иаков служил за Лию и Рахиль; у остальных же народов существует выкуп невесты, или так называемый калым. Сват приходит к отцу невесты и условливается с ним о размере калыма. Раз это установлено, и калым в виде лошадей и рогатого скота окончательно передан тестю, приступают к свадьбе, т.е. к передаче дочери, которая и отправляется теперь с своим приданым в дом мужа. Против всего этого церковь, а вместе с тем и правительство, ещё ничего не могли бы иметь, да ничего и не имеют; но вся беда в том, что люди имеют обыкновение заключать брак не по церковным обрядам, а ограничиваются на первых порах простым семейным договором. Хотя духовенство и приложило все свои старания (по крайней мере у якутов, которые по спискам все значатся православными), однако ему не удаётся вывести это злоупотребление. Церковный брак заключается у якутов, особенно у знатных и богатых, только в таком случае, если окажется, что муж может рассчитывать на потомство. До тех пор он медлит, и, по его мнению, он имеет на то полное право; он заявляет, что брал жену, чтобы иметь детей; но раз женщина бесплодна, то она не выполняет своего назначения, почему он и возвращает её обратно в дом отца. По обычаям своего народа он не делает этим преступления, потому что отец отпущенной получил калым, который муж таким образом потерял; приданое же, принесённое женой, ей опять возвращается; следовательно, ни одной из сторон нет причин жаловаться. Если же он обвенчался с самого начала по церковному обряду, то он неразрывно связан на всю жизнь с бездетной женщиной, так как, по законам православной церкви, брак есть таинство: он навсегда остаётся лишённым всякой надежды иметь потомство. Когда, наоборот, молодая женщина по какой-нибудь причине не пожелает остаться при муже, отец её может потребовать её обратно, но в таком случае должен вернуть калым, да кроме того при этом пропадает и приданое. Тут нужно

присовокупить, что последние случаи бывают очень редко, тогда как первые довольно часты. По обычным взглядам якутов, на отпущенную таким образом женщину не падает никакого позора, но на практике людские страсти и чувства относятся к делу не так спокойно и подобные происшествия портят много крови. Во время моего пребывания в Вилуйском округе в 1865 году я имел возможность сам наблюдать такой случай. В улусе Сунтар, на среднем Вилуе, староста одного наслега женился на дочери такого же старосты, но другого наслега. Оба они происходили из знатнейших семейств Хачи, или области, которую Вилуей омывает своим большим коленом, на южном изгибе которого находится Сунтарская церковь. Расположенные на этом полуострове наслеги считают себя, да и всеми принимаются за самых родовитых; их древние роды ведут своё происхождение из области верхнего течения Лены, и никто в целом улусе не сомневается, что голова может быть избираем исключительно из этих знатных и богатых семейств. Свадебный поезд происходил с большой торжественностью, но брак был заключён без содействия церкви. Два года прошло в полном безоблачном счастье, недоставало только одного: оказалось, что женщина была бесплодна. Муж, ничего не дав заметить жене, высмотрел себе другую подружку жизни, которую он мог взять, понятно, только из круга высшей аристократии. Окончив благополучно переговоры по этому делу, он без дальнейших околичностей сообщил жене, чтобы она взяла своё приданое и возвращалась к отцу, потому что в самом непродолжительном времени он собирается привести себе в дом другую жену. Делать было нечего, ей пришлось уложить вещи, а он позаботился о том, чтобы её довольно продолжительное путешествие прошло благополучно и с должным ей почётом; вскоре после того он взял себе другую жену. В то время, как я прибыл в Сунтар, всё это было уже свершившимся фактом; я узнал обстоятельства дела уже тогда, когда отец отпущенной пришёл ко мне за советом, какие сделать ему шаги, чтобы восстановить поруганную честь своей дочери. Но в данном случае нечего было делать: если бы он даже подал жалобу в суд, было бы трудно добиться обвинения его бывшего зятя в виду того, что его дочь сама согласилась отправиться в дом своего жениха без благословения священника. Таким образом она не имела права жаловаться на нарушение брачного договора и на разрыв союза, или по крайней мере не могла рассчитывать добиться решения в свою

пользу. Очень характерным, однако, является то, что самолюбие их было настолько сильно оскорблено, что они сделали попытку поколебать силу древнего обычая, сообразно которому сами же они прежде поступали. Но эти попытки довести с их стороны дело до суда очень осуждались якутами. В виду того, что обе спорящие стороны принадлежали к знатнейшим родам, дело это наделало много шума, и очень уважаемые люди высказывали мне своё мнение, которое было крайне благоприятно для покинутой женщины. Правда, никто и не думал оспаривать прав мужчины заботиться прежде всего о потомстве и отпускать жену, которая совершенно лишает его надежды иметь детей; но последнего, по их словам, в данном случае вовсе не было. Они говорили, что чета жила слишком короткое время в супружестве, оба они были ещё очень молоды и муж преспокойно мог бы ещё подождать несколько лет прежде, чем решиться на такой шаг. По мнению всех благоразумных людей, тут были какие-то другие причины, и не сделай отец необдуманного шага и не обратись с этим делом к русским властям, многое можно было бы ещё изменить; но что теперь уже поздно, и что каждый должен оправдать человека, который развёлся с своей бесплодной женой. Таковы были взгляды влиятельных людей, полагавших, что общественное мнение легко могло бы заставить мужа взять к себе в дом первую жену, а вторую, которая её вытеснила, отправить обратно к отцу: причина, которую муж приводил в своё оправдание, была недостаточно уважительна.

Я указал здесь на важнейшие из обычаев; но помимо их существует ещё много других, которыми управляется жизнь в глуши и с которыми встречаешься на каждом шагу. Так, например, мне часто случалось наблюдать, как провожавшие меня люди, найдя в силках пойманных животных, не задумываясь вынимали их преспокойно и брали себе. Такое действие вполне позволительно, но только в том случае, если добыча принадлежит к числу съедобных животных, пушных же зверей нельзя брать. Нет никакого преступления в том, что возмёшь животное годное для пищи; берущий обязан только, вынув его, снова как следует насторожить силок, ловушку или какой-либо другой снаряд, чтобы животные могли вновь попадаться. Точно также поступают, если встречаются сети, поставленные на реке или на озере; мне случалось даже, что

как якуты, так и тунгусы, сами обращали моё внимание на то, что в известных местах реки, вдоль которой мне приходилось ехать, поставлены сети; они предупреждали меня, что я найду в них свежую рыбу, но просили только, чтобы мои люди снова как следует поставили сети для ловли. Всё это касается, однако, лишь съедобных животных, а то, что составляет ценный предмет торговли, никто не имеет права трогать. Люди, промысляющие мамонтовыми клыками, отправляются на свой промысел обыкновенно весною, после половодья. Когда реки вновь достигли своего обыкновенного уровня, они отыскивают на свежеподмытых местах берега высовывающиеся из земли мамонтовые клыки. Найдя подобный клык, нашедшие помечают его несколькими надрезами и преспокойно оставляют на месте, чтобы увезти в удобное для того время. При этом они могут быть вполне уверены, что никто не дотронется до их находки, подобно тому, как никто не вынет из чужой лопушки пушного зверя. Наконец, следует заметить, что охотничьи районы отдельных племён разграничены на основании древних соглашений, и что эти границы соблюдаются самым добросовестным образом; впрочем, в местностях, изобилующих пушным зверем, заинтересованные лица сами не особенно строго стоят за свои права. [[назад](#)]

26. Ясак

Ясаком называется подать, которую ежегодно должны платить сибирские племена. Это единственная подать, которою они обложены. От других государственных податей она отличается следующими особенностями: во-первых, она поступает не в государственную казну, а в собственный Его Величества кабинет; во-вторых, она платится не денежными знаками, а мехами, и при том такими, которые достаточно обыкновенны в охотничьем районе известного племени; берутся, впрочем, исключительно соболи, лисицы, белки и горностаи. Таково было первоначальное определение ясака, сделанное императрицей Екатериной II. Но эта государыня только санкционировала то, что впервые ввёл казак Пётр Бекетов, основатель и вместе с тем единственный дельный в старину управитель Якутской области. В-третьих, ясаком облагаются не единичные лица, а всегда целое племя; в этом заключается главнейшая заслуга Бекетова перед несчастными и угнетёнными якутами. Каждое

племя и каждый род (в данном случае род понимается в более обширном смысле и часто обнимает собою целый ряд семейств, связанных между собою общностью происхождения, так что число членов такого рода достигает часто нескольких сот душ обоего пола) обложены определённым числом шкурок известного сорта меха. За правильность доставки их должен отвечать исключительно староста, так что сборщику ясака вовсе не приходится иметь дело с членами отдельных племён и родов.

С течением времени регламентация ясака потерпела изменение только в том отношении, что доставляемые инородцами шкуры оценены на деньги, и от собирающих ясак чиновников требуется, чтобы они не принимали шкурок ниже известной стоимости; впрочем, оценка принята очень снисходительная. Далее в некоторых местностях, как например, в Вилуйском округе правительство перестало принимать пушнину вследствие того, что последняя оказывалась слишком малоценной, а потому стало требовать вместо ясака деньги. С другой стороны, племена, платившие ясак мехами, которые в торговле стали значительно дороже, чем их ценила ясачная комиссия, начали обращаться с просьбами дозволить им платить на будущее время деньгами; такого рода ходатайства, понятно, всегда удовлетворялись. Помимо всего сказанного, есть ещё одно обстоятельство, в силу которого платящие ясак считают его для себя более выгодным, чем другие подати: с одной стороны размер этого рода подати очень ничтожен, с другой же — он не может быть увеличен. Вследствие этого люди, платящие ясак, всеми силами придерживаются его, и их очень трудно заставить перейти к другой категории податей. В Сибири существуют три главные группы, на которые разделено население относительно платежа податей, а именно: на оседлых, кочевых и бродячих жителей; под последними разумеют охотников и рыболовов. Первая категория должна платить подати полностью, подобно тому, как в губерниях Европейской России платят крестьяне; вторая категория обложена тоже податями, но от некоторых из них она освобождена; наконец, третья — платит только ясак, да кроме того освобождена от воинской повинности; таким образом, последняя категория находится в исключительно благоприятном положении. При таких условиях очень понятно, что люди изо всех сил

стараятся уклониться от перехода из более низшей податной категории в более высшую, как бы то следовало при изменении образа жизни данного лица или племени. Как только какое-нибудь охотничье племя перестаёт находить в охоте главный источник своего существования и переходит к скотоводству, оно должно было бы переводиться, в интересах как казны, так и его собственных, во вторую категорию. а кочевому народу, занявшемуся главным образом земледелием, переписываться в первую. Но большею частью этого не случается; народонаселение до такой степени ещё неразвито, что люди вовсе не в состоянии оценить тех выгод, которые вытекают из перехода в высшую категорию, и потому видят в таком переходе исключительно повышение своих ежегодных платежей, которому всеми силами и противятся. Очень странное впечатление получаешь, если завернёшь в Забайкалье в какой-нибудь большой красивой деревне, к богатому хозяину, у которого в доме можно получить всё, что доступно зажиточному крестьянскому хозяйству, и из разговора с ним узнаёшь, что он платит ясак. Он ведёт своё происхождение от тунгусов, которые поселились более ста лет тому назад среди крестьян Забайкалья, приняли оседлый образ жизни, мало-помалу начали заниматься земледелием, и в конце концов до такой степени обрусели, что ровно ничем не отличаются от русских, кроме того, что продолжают звать себя тунгусами, числятся в списке последних и платят ясак. Эти люди, благодаря постоянным смешанным бракам, до такой степени изменились даже в своей внешности, что исчезли всякие следы азиатского типа в образовании черепа и лица; о тунгусском языке они уже давно не имеют никакого понятия, а между тем они платят крайне ничтожный ясак в то время, как их соседи привлекаются ко всем тем податям, какие тяготеют на крестьянстве.

Такие вещи могут происходить, конечно, лишь при том поверхностном и шаблонном отношении к своим обязанностям, какие ещё до сих пор в высшей степени присущи нашим чиновникам. В законе, действительно, сказано, что не следует силою принуждать бродячих и кочующих племён к оседлому образу жизни, а только помогать им, по возможности облегчая переход к нему, если они сами пожелают. Чиновник выводит из этого, что он не может принудить платить более высокую подать даже и тех, которые сами того не желают, хотя и сделались оседлыми уже много поколений тому назад; он терпеливо ждёт, пока им не

придёт это самим в голову, а до тех пор убыток терпит казна и, по-видимому, имеются все шансы на то, что она ещё долго будет оставаться в накладе. [[назад](#)]

27. Ржаная мука и снабжение ею населения Якутской области. Хлеб не составляет необходимого предмета потребления.

Русское население на Индигирке и на Колыме вовсе незнакомо со ржаным хлебом; хотя время от времени оно и употребляет мучную пищу, однако приготовление хлеба ему неизвестно. Главнейшая причина заключается в том, что к северу от Верхоянского хребта до сих пор хлебные злаки не возделывались, да вряд ли когда и будут разводиться; перевозка же хлеба из Якутска вьюком обходится тем дороже, чем дальше расстояние. На Яне люди ещё пекут хлеб, потому что из Якутска до Верхоянска всего около восьми сот вёрст; в виду того, что большая часть этого пути доступна оленьим нартам, провоз туда обходится сравнительно дёшево. Но нельзя сказать, чтобы и на Яне хлеб ели ежедневно: он всё-таки и тут составляет известную роскошь, которую часто может позволить себе только состоятельный человек; на Индигирке же и на Колыме с такою пищей знакомы вообще лишь понаслышке: он достаётся как лакомство разве тем, у которых останавливаются мимоезжие купцы, уделяющие своим хозяевам часть дорожных запасов. Правда, что правительство содержит на обеих реках, в центрах русских поселений, склады ржаной муки, но цены на неё так высоки, что население обыкновенно её вовсе не покупает. Вследствие этого такие магазины имеют значение исключительно в голодные годы, когда лов рыбы был неудачен и страшная нужда заставляет прибегать к муке правительственных складов. Однако и в подобных случаях хлеба не пекут, а варят из муки род супа на воде с незначительным количеством рыбы; так население и пробивается самое голодное время вплоть до весны, когда рыба начинает вновь подниматься вверх по реке. Но в годы такой крайности, когда бедным людям не удаётся даже ничего себе заработать, мука становится им ещё менее доступною благодаря её непомерно высокой цене, доходящей на Яне до четырёх, а на Колыме до пяти и шести рублей за пуд. Вследствие этого исправник имеет предписание отпускать во время голода муку в долг, чтобы впоследствии снова собрать

эти долги. Но при существующей бедности последнее не так-то легко: уплата недоимок откладывается с года на год, потому что большею частью наступает вновь голод прежде, чем уплачены старые долги. Если бы мука была достоянием казны, то было бы ещё легко добиться, при посредстве генерал-губернатора, сложения недоимок, тем более что дело касается, собственно говоря, безнадёжных долгов, сделанных в годы крайней нужды. Но мука составляет собственность Якутской области и покупается на деньги из капитала, основание которому положено ещё Трескиным.

Этот государственный человек пришёл к убеждению, что относительно главнейшего предмета первой необходимости, хлеба, вся Якутская область находится в полнейшей зависимости от небольшого числа торговцев, крепко держащих хлебное дело в своих руках. Лена является единственным путём сообщения, по которому мука может дёшево доставляться из богатого хлебом Балаганского округа Иркутской губернии в Якутск и даже к самому устью реки. Но этот путь открыт лишь короткое время: как только Лена покрывается льдом, всякая перевозка тяжёлых грузов прекращается в то время, когда барки с мукой спускались летом вниз по реке, цены на муку падали, она становилась всем доступной и всё оживлялось. Так обыкновенно продолжалось всё лето, но затем наступало время, когда каждый, кто не имел намерения зазимовать в Якутске, начинал подумывать о возвращении домой. Иркутские торговцы попадали тогда не в особенно приятное положение: о проданном, конечно, заботиться не приходилось, но что же было делать с тем, что оставалось на руках? Везти товар вверх по реке обходилось слишком дорого; торговля же зимой в Якутске редко приносила барыши: таким образом они должны были стараться сбыть нераспроданный товар за мало-мальски сходную цену. Этого-то момента и дожидались с нетерпением два-три торговца, захвативших в свои руки мучную торговлю. Мука представляет продукт, необходимый каждому русскому человеку, но при бедности, в общем преобладающей в Якутской области, не каждый покупает её в запас, тем более, что за отсутствием булочников все пекут хлеб только для своего обихода. Таким образом вся непроданная мука с барок поступала в руки этих немногих торговцев и притом по ценам, которые они сами назначали, после чего потребители попадали в полную от них зависимость. Наученные горьким опытом, иркутские

купцы стали сплавлять вниз по Лене лишь столько муки, сколько они могли рассчитывать на вероятное распродать в течение лета; мучная же торговля, собственно говоря, всё-таки оставалась в руках нескольких кулаков, которые непомерно наживались на счёт населения. В настоящее время, когда возделывание хлебов, хотя и очень медленно и с большими затруднениями, но тем не менее всё больше и больше распространяется по северу и уже проникло в область Алдана и Вилюя, сосредоточение торговли в немногих руках не столь опасно: земля начала сама доставлять хлеб населению. Во время Трескина положение было много тяжелее, и он нашёл средство, которое, конечно, могло помочь только впоследствии, но зато оказалось тем действительнее. Всех русских и якутов — остальные мелкие инородческие племена здесь в расчёт не принимались — он заставил платить по несколько копеек с каждой мужской души и взыскивал этот налог очень энергично. Деньги поступали в кассу Якутского Областного Управления и, как только образовался небольшой капитал, Трескин начал закупать муку в прилегающем к верховьям Лены Балаганском округе и сплавлять её на барках в Якутск. Летом, пока с барок иркутских купцов мука продавалась по сравнительно низкой цене, казённую муку не пускали в продажу, а напротив, скупали остатки привезённой купцами; только зимой, когда якутские торговцы начинали поднимать цены, Трескин открывал свои склады для населения и тем самым регулировал мучную торговлю. Сначала, когда капитал был невелик, дело подвигалось медленно, но с каждым годом он рос и вместе с тем закупка муки производилась всё в больших размерах. Во время моего пребывания в Якутске, т.е. в 60-х годах, налог был отменён, так как образовался уже капитал в двести тысяч рублей, вполне достаточный для того, чтобы обеспечить страну, потому что в Якутске, где в настоящее время заведуют расходом капитала, всегда держались старого правила не вести торговлю мукой от себя, а только регулировать её. Но казённые мучные магазины продают товар только за наличные деньги; торговля же в долг производится по особому распоряжению губернатора, когда наступает слишком большая нужда. По самым условиям возникновения и по назначению капитала в нём не допускается никаких потерь, хотя бы в виде прощения долговых обязательств. Впрочем, в годы больших бедствий, время от

времени наступающих на севере, муку отпускали и безвозмездно, стараясь вознаградить убытки причислением их к покупной цене муки и соответственным увеличением её продажной цены. На это решались несмотря на устав, по которому мука должна была продаваться, как в самом Якутске, так и в округе, по покупной цене, включая, конечно, расходы по доставке в местный магазин и с надбавкой 6% на оборотный капитал. По последнему расчёту мука стоила в самом Якутске немного дороже, чем в Иркутске, потому что закупалась она в Балаганском округе, самом плодородном во всей Иркутской губернии, а перевозка вниз по Лене очень дешева.

Дорога была мука только на Индигирке и Колыме, благодаря издержкам по доставке, которых, однако, нельзя было устранить. Но, чтобы хотя немного помочь и тамошним жителям в голодные времена, нашли способ, который делает большую честь заведующим капиталом, т.е. Управлению Якутской Области и который, кажется, вполне достигает цели. При этом исходили из неоспоримого положения, что мука и особенно хлеб не представляют необходимого пищевого продукта для обитателей обеих названных рек; поэтому нет никакой нужды снабжать их мукой по пониженной цене в ущерб другим. Между тем при некоторых обстоятельствах мука безусловно необходима для того, чтобы спасти население от голода, и тогда нужно было её туда доставлять, да к тому же по той цене, которая не превышала бы существующей в Якутске. Но для этого, как легко вычислить по опыту прежних лет, нужно такое незначительное количество муки, которое может вовсе не приниматься в расчёт сравнительно с общей массой её, продаваемой в Якутске. Руководствуясь этими соображениями, разрешили верховянскому и колымскому исправникам продавать муку из расположенных по Индигирке и Колыме складов по якутским ценам, но к сожалению, упустили из виду пояснить, что распоряжение это касается исключительно голодного времени и что мука должна отпускаться в строго определённом количестве на каждую душу. Будь это очень разумное условие выполнено, тамошнее население было бы вполне обеспечено на случай нужды, а мука в Якутске вздорожала бы на какие-нибудь две-три копейки пуд. Это простое, верное постановление и решено впоследствии привести в исполнение, — оно несомненно окажет услугу жителям.

Крайне характерным является то обстоятельство, что неясность в предписании повела к обманам и барышничеству, последствия которых почувствовали не только местные жители, но и я сам с моими товарищами по путешествию. Мой предшественник по должности, Анатовский, который уехал и сдал пост своему помощнику ещё летом, получил разрешение продавать муку по якутским ценам до своего отъезда. Он немедленно же открыл продажу и, нимало не задумываясь, отпускал муку в неограниченном количестве каждому желающему. Ввиду того, что в очень непродолжительном времени нашлись люди, понявшие выгоду положения, вся мука очень быстро перешла в их цепкие руки, так что почувствовался даже недостаток её. Между тем спрос на муку со стороны всё тех же лиц продолжался и магазины совершенно опустели. Но в распоряжении исправника Анатовского были ещё провиантские магазины, принадлежавшие не Управлению Якутской Области, а военному ведомству, которое снабжало из них провиантом казаков и чиновников по известным правилам. Несмотря на то, что продажа из этих складов ни в каком случае не разрешалась, исправник отдал приказ отпускать муку и из них. Понятно, что и этих запасов хватило ненадолго и скоро вся мука была в частных руках. В конце декабря я приехал в Колымск и первым моим распоряжением было предписание о выдаче следующей мне, как исправнику, муки, чтобы возможно скорее приступить к приготовлению сухарей для нашего путешествия. Это важное дело я отложил до приезда в Колымск, чтобы напрасно не везти с собой из Якутска большой тяжести. Я был назначен исправником в апрель месяце того года и для меня должен был уже накопиться запас муки, которого при достаточной экономии хватило бы для нашей экспедиции. В ответ мне сообщили неприятное известие, что и в магазине военного ведомства также больше нет муки. К сожалению, оно так и было: все прежние запасы как в казённом, так и в различных магазинах продовольственного капитала были проданы по самым дешёвым ценам в руки спекулянтов, которые могли требовать за муку сколько хотели. Конечно они и не преминули так поступить; мало того, между торговцами нашлись даже люди, которые вообразили, что могут воспользоваться моим, по их мнению, безвыходным положением, и нажиться на мой счёт; они стали предлагать мне ржаную муку по три рубля за пуд, между тем, как из книг можно было убедиться, что в магазине они сами платили за неё всего по рублю. Но

они слишком туго натянули струны, которые, конечно, порвались, — их неуместные притязания не помешали мне снабдить экспедицию мукой в совершенно достаточном количестве. Оказалось, что эти господа покупали свой товар в провиантском магазине, а так как хранящиеся там запасы продавать ни под каким видом не допускалось, то я наложил запрет на их муку, пополнил отчасти магазин военного ведомства, торговцам же предоставил право жаловаться. Насколько я мог узнать об этом деле, о котором в другом месте сообщу подробнее, они не воспользовались своим правом. Как уже сказано, обстоятельства этого интересного дела будут изложены в другом месте, но здесь мне хочется привести ещё пример, до чего вообще доходила наглость этих кулаков. В Якутске купцам отпускалась мука, которую они брались доставлять вьюком в Средне-Колымск; они получали за её доставку изрядную сумму, клали её себе в карман, а в Колымск отправлялись без муки. Чтобы скрыть эту проделку, они сами или их подставные лица являлись туг к смотрителю магазина и фиктивно покупали у него по якутским ценам и за наличные деньги разом всю муку, которую на самом деле вовсе не привозили. Между тем Якутское Управление получало сведения, что мука прибывала в Колымск и продавалась там и, понятно, не имело никакого повода тревожиться.

Производит удручающее впечатление то обстоятельство, что подобные проделки в состоянии парализовать самые благие начинания и приводят их к совершенно противоположным результатам. Можно считать за величайшее счастье, что в то время, т.е. в 1869, 70 и 71 годах в Колымском округе не было голода; случись это последнее, окружное управление очутилось бы в самом беспомощном положении. До уменьшения цен на муку магазины были всегда полны, а потому можно было доставить пропитание населению, хотя бы по очень высокой цене. Но Якутское Областное Управление задалось благою целью удешевить муку, чтобы приходить на помощь населению во время нужды, а на самом деле достигло только того, что все запасы округа перешли из рук правительства в руки кулаков, которые и стали самым бессовестным образом выжимать соки из населения. Ведь они пробовали сделать это и со мной, но в данном случае имели дело с более сильным; а как бы стал бороться с ними в несчастье какой-нибудь рыболов или охотник за пушным зверем? — они неминуемо и беспомощно попали бы в их когти.

Как уже сказано, всему этому впоследствии был положен предел: в Якутске я нарисовал живую картину всех найденных мною злоупотреблений и окружным властям была дана подробная инструкция относительно условий выдачи муки по дешёвой цене, — время, количество и обстоятельства были точно определены. Несомненно, что при такой строгой регламентации дело это должно было принести безусловную пользу. Впрочем, в настоящее время я не имею о положении его никаких сведений, а вместе с тем наступили значительные перемены в условиях хлебопашества и хлебной торговли Якутской области. По слухам, страна производит теперь столько хлеба, что привоз его из Иркутской губернии значительно сократился. Одним словом, мне неизвестно, какими мероприятиями обеспечивается в настоящее время население в случае голода; знаю только одно, что такие мероприятия безусловно необходимы, так как страшные голодовки, которым подвергаются жители, лежат в самой природе местности и с ними приходится считаться. Точно также говорят, что нынешнее управление Якутской области собирается отказаться от перевозки хлеба сухим путём через Верхоянск и заменить её доставкой муки на Колыму с Охотского моря, т.е. из Гижигинска. Этот проект обсуждался много раз и раньше, но несмотря на то, что он имел многое за себя, его всё не приводили в исполнение, так как он был сопряжён, с другой стороны, с такими большими и важными затруднениями, что к нему не решались приступить. Таким образом в последнее время условия должны были сильно измениться, но мне судить о них не представляется возможности. [[назад](#)]

28. Казацкая станица и крестьяне на нижнем течении Колымы и Яны

Эти данные относятся к 1870 году. Очень вероятно, однако, что казацкая станица в Нижнеколымске в настоящее время уже упразднена, потому что существование её объяснялось только тем, что о ней совершенно забыли. Составлявшим её казакам решительно нечего было делать; их наряжали, впрочем, каждую весну в Островное, чтобы они очищали место и дома от снега и запасали топливо до того времени, когда люди станут собираться на ярмарку. Но это занятие не представляло ещё государственной службы, а потому не было никакой причины существовать и станице. — Не менее странно и то обстоятельство, что как на

Колыме, так и на Яне есть крестьяне. Конечно возникает вопрос, откуда могут взяться земледельцы в стране, в которой единственными источниками пропитания являются охота и рыбная ловля? Такое странное явление можно объяснить только тем, что крестьяне по какой-нибудь причине некогда были переселены сюда из другого места; по крайней мере в архивах Якутска и Колымска я не мог найти этому другого объяснения. Подобные переселения не составляют редкости и в других частях Сибири; они случаются и до сих пор. Если правительство находит по каким-либо причинам нужным заселить известный пункт, оно делает это в высшей степени простым способом. В ближайших к месту деревнях оно обращается к потребному числу крестьянских семей и делает им предложение переселиться. Оно щедро наделяет их на новом месте жительства землёй, которой в Сибири к его услугам несчётное количество десятин, — принимает на себя путевые издержки, выдаёт наличными деньгами сумму на первоначальное обзаведение и, наконец, самое главное, объявляет избавление от податей на известное число лет. Последнее средство всегда достигает цели, а если на него не поддаются, то не трудно оказать и некоторое, даже вовсе не сильное давление, которому люди и уступают обыкновенно без особенного неудовольствия. Впрочем, к последнему приходится прибегать лишь очень редко. Да оно и вполне естественно; русский крестьянин не имеет земельной собственности, он пользуется землёю лишь временно; отсюда вытекает с одной стороны то, что у него нет ровно никакой привязанности к ней, а с другой — правительство, как единственный собственник, всегда может сказать: «это поле я не отдам тебе более в аренду, но ты можешь получить за него другое, да в придачу ещё средства на обзаведение и освободиться на много лет от податей».

Таким образом, очень вероятно, что предки нынешних крестьян, живущих на нижнем течении Колымы и Яны, на самом деле были земледельцами в местах прежнего своего жительства; но тем не менее очень странно, что и по переселении к побережью Ледовитого океана их оставили в списках крестьян и обложили податью, которую они платят ещё до сих пор, тогда как живущие в одинаковых с ними условиях якуты и юкагиры обложены лишь ясаком. [[назад](#)]

29. Якуты, забывшие свой язык, и русские, не умеющие говорить по-русски

Обитатели нижнего течения Колымы и низовьев двух Анюев, предки которых были русские, якуты и юкагиры, в настоящее время составляют одно смешанное племя, составные элементы которого различаются теперь лишь с большим трудом. Это единственное место, где удалось совершенно обрусить якутов, повсюду сильно придерживающихся своих племенных обычаев и особенностей; обрусение так полно, что они едва знают свой родной язык, говорят же и одеваются по-русски. В остальных частях Якутской области сплошь и рядом наблюдается удивительное явление: русские необыкновенно легко превращаются в якутов, принимают якутские обычаи, одеваются как якуты, живут в юртах и наконец не только выучиваются бегло говорить по-якутски, но усваивают себе только этот язык и совершенно забывают свой. Я умалчиваю об очень частых единичных случаях этого рода, но только укажу на две деревни поблизости Олёкминска и на деревню Нюрбу в Вилюйском округе. В первых двух деревнях живёт около 1800 душ обоего пола, в последней приблизительно 300 человек. Все три деревни богаты, жители их занимаются хлебопашеством и, как обыкновенно в тех местах, преимущественно скотоводством, — но население их почти сплошь превратилось в якутов. В обеих деревнях Олёкминского округа у меня были служебные дела с головою, почему я и послал за ним; он явился, но мы не могли понять друг друга. Полагая, что мне предстоит иметь дело с русскими крестьянами, я не взял своего переводчика, голова же не понимал ни слова по-русски. Я послал в деревню за человеком, который знал бы русский язык, но только после долгих поисков привели мне парня, с грехом пополам говорившего по-русски, и в двух деревнях это был единственный человек, владевший своим родным языком! Таким образом с лишком две тысячи русских, живущих вместе, не могли отстоять своей национальной самобытности и подчинились влиянию азиатского племени. Точно также и в Якутске довольно часто приходится слышать, что тамошние жители, русские, говорят между собою не на своём родном языке, а по-якутски. Мне сообщали, что прежде это бывало и в высшем круге, но в моё время там все говорили только по-русски, за исключением разве нескольких старых купчих, которые считали

для себя более удобным болтать между собою по-якутски; среди простого сословия последнее наблюдается, однако, очень часто. — В прямую противоположность этому, нет вовсе примеров полного обрусения якутов, кроме лишь того наслег, который поселился на нижнем течении Колымы. Но мне кажется, что именно то обстоятельство, что только один этот наслег отказался от своих национальных особенностей, и проливает настоящий свет на явление, которое иначе остаётся совершенно непонятным. Русские пришли в Якутскую область в сравнительно незначительном числе семей и поселились в стране, где могучая северная природа должна была повлиять на них крайне энергично и навязать им образ жизни, сильно противоречивший их прежним привычкам. Прежде всего они должны были оставить своё главное занятие — хлебопашество и приняться за скотоводство. Но в этом новом для них роде промышленности они нашли себе образцовых учителей в древних обитателях страны и неминуемо должны были принять их обычаи потому, что способы разведения рогатого скота и лошадей в Якутской области значительно отличаются от принятых в остальной России. Если кроме того принять в соображение, что как среди первых русских завоевателей, так и среди позднейших переселенцев — это можно, по-видимому, наблюдать и до сих пор — сильно преобладал мужской пол над женским и что благодаря этому новые пришельцы часто брали себе в жёны якутских дочерей, то легко объяснить себе постепенное проникновение якутских нравов и обычаев в жизнь новых повелителей. Совершенно другое мы видим у якутов: им нечего было перенимать от новых пришельцев такого, что могло бы приносить материальную выгоду; точно также русские девушки, по крайней мере в древние времена, не выдавались замуж в якутские семьи. Далее, якутам было легко отстоять свою национальную самобытность уже вследствие того, что численностью и сплочённостью они преобладали над покорившим их народом. Но что последнее являлось не результатом духовного преобладания, в достаточной мере доказывает тот единственный случай, в котором обрусели якуты. Наслег колымского улуса, поселившийся на нижнем течении Колымы, отказался благодаря этому переселению от образа жизни своего народа. Как уже часто было говорено ранее, якут является истым кочевником и всё его существование зависит от его стад; охота и рыб-

ная ловля всегда, как и до сих пор, были для него только побочными занятиями. Но на новом месте жительства разведение скота оказалось невозможным. Правда, и там есть пространства, покрытые травой, но жёсткие осоки (*Carices*) больших широт обладают лишь незначительною питательностью; и если не исключена возможность держать на низовьях Колымы несколько коров и лошадей, то о настоящем скотоводстве или коневодстве не может быть там и речи. Последнее хотя ещё и не окончательно доказано, но почти несомненно, иначе якуты никогда не отказались бы от кочевой жизни, раз нашли бы её возможной. Первоначальной родиной якутов была область истоков Лены. Отсюда они были постепенно и последовательно вытесняемы за Верхоянский хребет, но во всех пройденных ими областях остались они якутами, т.е. кочевниками. Везде они настолько крепко держались своих обычаев и нравов, что нельзя заметить ни малейшей разницы ни в языке, ни в одежде, ни в жилище, ни в утвари, если сравнить якутскую юрту на среднем течении Колымы с высокоаристократическим жилищем Хачи или области Лены. Только на нижнем течении Колымы дело изменяется: тут уже нет юрт, якут живёт в доме; здесь кочевник-скотовод превратился в оседлого рыболова; тут якут говорит по-русски, совершенно забыв свой родной язык, и носит русское платье. — Живущие в Колымском округе юкагиры и чуванцы тоже давно потеряли свою национальную самобытность, но немногочисленные остатки этих племён не могут быть сравниваемы с якутами, да они и не обладают достаточной силой для борьбы с иноплеменными влияниями, а потому они очукотились среди чукчей подобно тому, как обрусели, живя с русскими. [[назад](#)]

30. Рыболовство как жизненный вопрос для жителей Севера и голодовки, обусловленные неудачным ловом рыбы.

Главнейшая причина голодовок, которым подвергаются жители области устьев северных рек, заключается в том, что единственным источником их существования является рыболовство, а расстояния между устьями отдельных рек настолько велики, что в случае неудачного лова даже на какой-нибудь одной из рек нельзя рассчитывать получить помощь с других. В наиболее благоприятных условиях в этом отношении находится ещё Лена. Во-первых, река эта необыкновенно многоводна, а

дельта её, простирающаяся на двести с лишком вёрст и имеющая бесчисленное множество устьев, даёт возможность войти такой массе рыбы, что недостатка последней нечего бояться. Во-вторых, население нижнего течения Лены и её дельты зависит не от одной этой реки: очень близко от них расположено устье Оленька, а с другой стороны крайне богатая рыбою и обширная губа Бор-Хая, особенно помогающая зимою. — Яна сравнительно незначительная река; она много беднее рыбой, чем Лена, но за то и число прибрежных жителей её нижнего течения невелико, а в распоряжении их находятся многочисленные озёра, расположенные к югу от Святого Носа и оказывающие населению очень значительную помощь. — Индигирка и Колыма, при известной предприимчивости их обитателей, могли бы ещё тоже прокормить население в плохие годы, если бы для езды тут употреблялись олени, а не вытеснившие их собаки. Каким образом и когда случилось это замещение, трудно сказать с точностью, но чреватый своими тяжёлыми последствиями факт налицо, и с ним приходится считаться. Нельзя отрицать того обстоятельства, что собака, в качестве упряжного животного, имеет много преимуществ перед оленем. Её легко обучить, и она обладает невероятной выносливостью, так что в случае несчастий несомненно может явиться спасительницей своего господина. Голодная, обессиленная, тянет она нарту как по глубокому снегу, так и по оголённой земле, не обращая внимания на то, что лапы её иногда сильно повреждаются и оставляют кровавые следы; собака везёт до тех пор, пока вообще в состоянии держаться на ногах. Далее, собака чисто домашнее животное, которое остаётся всегда у дома; запрячь её и пустить в дело можно, поэтому, в любое время. Наоборот, олень не может жить у человеческого жилья и должен считаться обитателем пустыни. Летом он ест ещё траву и преимущественно ивовые ветки, но и в это время года его не находишь у жилья, — его приходится угонять в глушь; но последнее касается особенно зимы, когда олень придерживается исключительно моховой тундры, где он переходит с места на место, занятый откапыванием себе пищи из-под снега. Таким образом, если он понадобился для езды, его нужно прежде ещё найти или по крайней мере держать для него сторожа; ничего подобного не требует собака. Кроме того, олень далеко не так вынослив, как собака; при плохой пище он быстро теряет силы и отказывается работать. Даже в снежную бурю он является вовсе

не таким надёжным спутником, как собака, и изменяет именно в тот момент, когда более всего рассчитываешь на его помощь. Когда вихрь бешено мчится по равнине, лишённой на большом расстоянии всякой древесной и кустарной растительности, когда уже более нельзя отличить, падают ли хлопья с неба или буря вздымает снег с земли, подобно тому как самум нагромождает песочные горы в Сахаре, — собака нет-нет, да и притащит нарту к родному очагу: её тонкое чутьё даёт ей возможность и в разгаре самой ужасной непогоды находить дорогу к дому, где она привыкла ежедневно получать свою пищу.

Олень же не выносит встречного ветра, его нельзя заставить долгое время бороться с бурей, он всегда сворачивает и старается бежать по ветру. По этой именно причине, даже самый опытный путешественник по тундре в конце концов сбивается с пути и перестаёт соображать, где он находится. Принято, однако, за общее правило не бороться с рассвирепевшею непогодой, если только какие-нибудь побудительные причины в известном случае не потребуют этого: лишь только становится невозможным рассмотреть окрестности, распрягают животных, ложатся и спокойно ждут пока буря утихнет. Несомненно, что такое выживание скучно, особенно, когда непогода продолжается несколько дней, но вместе с тем оно самое благоразумное: при этом сохраняются силы как животных, так и людей, тогда как при блуждании наудачу только понапрасну изнуряешь их и рискуешь довести до гибели. При поездках на собаках в таком случае легко прокормиться захваченными с собою запасами, но когда путешествуешь на оленях, этих последних приходится отпускать, чтобы они могли отыскивать себе пастбище, — а это всегда крайне опасно; во время бури олени разбегаются часто так, что их потом не удаётся находить; иногда же случается, что, стараясь уйти от непогоды, они бегут до тех пор, пока не погибнут в какой-либо пропасти или не упадут от изнеможения и не издохнут. Все эти неприятности, доставляемые оленем в качестве упряжного животного, несомненно существуют, но они вовсе не такого рода, чтобы с ними нельзя было справиться. Если чукчи могут ездить на оленях по своей пустынной стране, то это не может не удаваться и русским; впрочем, последние уже пользуются исключительно оленями на Лене, а частью также и на Яне, где прежде собаки служили единственным упряжным животным. С 1856 года тут снова завели оленей и в настоящее время держат обоёго

рода животных, несмотря на неприятности, которые влечёт за собою подобное совместное содержания собак и оленей в одном и том же селении. Но все дурные стороны езды на оленях бледнеют перед тем преимуществом, что это животное само себе отыскивает пищу, благодаря чему его легко содержать. Однако ещё важнее то обстоятельство, что олень питается не той пищей, на которую в тех местах исключительно осуждён человек; это-то и имеет во всяком случае решающее значение. При тех исключительных условиях, в которые поставлено население устьев северных рек относительно добывания пищи, просто непросто было заводить домашних животных, которые питаются тем же, чем и человек. Можно ли будет путём более полного пользования богатствами, доставляемыми Ледовитым океаном, иными словами ловлею рыбы в самом море, в любой год добывать достаточно пищи для населения и для собак, — это особый вопрос; но заниматься им в настоящее время нет никакого смысла, потому что пройдёт ещё много времени прежде, чем косное население крайнего севера возвысится до усовершенствованного пользования рыбным промыслом. Пока стараются помочь делу тем, что устроили рыбные магазины, которые могут давать средство по крайней мере отчасти бороться с ужасными голодовками. Распоряжения, сделанные в этом отношении правительством, сами по себе были вполне целесообразны, но исполнялись они, как это часто случается, очень неряшливо, а потому и принесли мало пользы. В Колыме, которая нас в данном случае более всего интересует, начиная с весны, ловят следующие виды рыбы: нельму, муксуна, омуля и чира, затем тайменя и налима, к которым осенью присоединяется ещё осётр. Муксун, нельма и омуль в среднем достигают от 30 до 50 фунтов веса; тут же следует прибавить, что ловящийся в Северном море омуль носит разве только одно название той рыбы, которая в Байкальском озере ловится в такой массе, что составляет главную пищу простого народа как в Забайкалье, так и в Якутской области. Чир — мелкая рыба и весит редко более двадцати фунтов; наоборот, таймень достигает веса трёх пудов, налим более пуда, а осетров ловят весом до четырёх пудов. Всю весну и всё лето продолжается лов этой крупной рыбы, осётр же, как уже сказано, входит в реку ещё позже, осенью; таким образом у людей достаточно времени, чтобы делать запасы и готовить их на зиму. Станным образом рыбу в Нижнеколымске не солят, а сушат и делается

это таким способом: с самых крупных и хороших рыб срезают кожу так, что на ней остаётся слой мяса в три четверти дюйма толщиною; снятую таким образом часть вешают для просушки, либо просто на воздухе, или же в коптильне; то же самое проделывают с остовом, на котором оставляют также значительный слой мяса. Приготовленная как следует этим способом рыба составляет очень вкусную и здоровую пищу; она носит название юколы и отлично сохраняется в течение целого года. Кроме того, существует ещё другой способ заготовки в прок, и тогда рыбе дают название порсы: наполовину провяленную на воздухе рыбу освобождают от костей, разрубая на мелкие куски, и варят с рыбьим жиром; сварив таким образом, её сохраняют в бочонках и обыкновенно берут с собою в путешествие, потому что она представляет собою сравнительно очень удобную форму консервы. Идущий на приготовление порсы жир добывается из чира, у которого он наполняет почти всю полость тела; тут он в виде жирового лоскута прилегает к кишечнику и вынимается при чистке рыбы. К сожалению погода в Нижнеколымске не всегда благоприятна для вяления на воздухе, а потому сплошь и рядом случается, что пропадают это рода приготовленные запасы. Тем не менее это не побуждает до невероятности ленивых и беспечных людей солить свою рыбу, хотя правительство и снабжает их в неограниченном количестве солью по якутским ценам. Беспечность и легкомыслие тамошнего населения превосходят всякую меру. Лишь только прошла зима и первые табуны рыбы начинают подыматься вверх по покрытой ещё льдом реке, тотчас же разом изменяется картина жизни селения: все приступают к постановке сетей, вечером видишь радостно возвращающихся домой людей, нагруженных рыбою, — всюду царит довольство и раздаются громкие, весёлые песни. Вполне естественно, что никто не думает о немедленной заготовке запасов на зиму, — у всех одна мысль, досыта наесться после долгого поста. Но к несчастью такая еда или, лучше сказать, объедение продолжается до позднего лета. Просто невероятно, какое количество пищи в состоянии истреблять эти люди; когда же они наелись по горло, они ложатся отдыхать, а встав, снова садятся к котлу, и так продолжается всё время. Река необыкновенно богата рыбою; каждая тоня доставляет от тридцати до сорока крупных рыб, а иногда случается, что вытягивают до сотни и более. Но население не умеет, как

следует, пользоваться временем, слишком много его идёт на еду и отдых, а между тем приходится дорожить каждым тихим, безветренным днём, дающим возможность ловить рыбу без перерыва. Если лето вообще благоприятно, солнце светит ясно, а поверхность реки незыблема, то и при такой ленивой работе удаётся кое-что сделать и собрать всё же достаточные запасы на зиму. Но многолетний горький опыт должен был бы научить людей, что никогда нельзя полагаться на погоду в Нижнеколымске и его окрестностях, так как сплошь и рядом целыми неделями идёт дождь и дует ветер, которые не дают возможности ни ловить, ни сушить рыбы. Но ничто не помогает, люди живут изо дня в день, пока не придёт нужда.

Главнейшая цель летнего лова — сделать запасы пищи для людей, и только случайно попадающаяся мелкая рыба да менее крупные экземпляры ценной рыбы, распластанные вдоль и значительно менее тщательно провяленные, идут на корм собакам. В отличие от приготовленной для людей юколы, рыба эта носит название юхалы. Но главнейшую пищу для собак составляет так называемая селёдка, которая входит в реки лишь в августе. Название это чисто местное и рыба (*Coregonus clupeoides*) относится не к роду селёдки, а к семейству лососёвых, и лишь по величине приближается к норвежской сельди, так что на один пуд приходится до ста штук таких рыбок. Если погода благоприятна, эта так называемая селёдка ловится массами и тогда удаётся сделать обильные запасы на зиму. Стараются засушить возможно большее количество этой рыбы, но обыкновенно это не удаётся, потому что воздух во второй половине августа слишком сыр, чтобы допускать сушку. Вследствие этого население принуждено большую часть этих запасов сохранять в замороженном виде. Для потребления на месте это ещё не имеет большего значения, но в путешествии далеко не одно и то же, берёшь ли с собой в пищу для собак сушёную или мороженую рыбу. Поездки на собаках представляют именно то крупное неудобство, что приходится везти с собою запас корма для них на всё путешествие; вследствие этого возможность странствовать на собаках по совершенно глухим, необитаемым местам крайне ограничена. При усиленной езде каждая собака нуждается ежедневно в восьми селёдках, что на четырнадцать собак составляет в день сто двенадцать рыб, которые весят, следовательно, более пуда. При быстрой езде нарту нельзя нагружать более, чем сорока

пудами; отсюда следует, что на собаках можно предпринимать лишь не-далёкие путешествия или по крайней мере нужно устроиться так, чтобы предварительно делать на пути склады, которыми потом и пользоваться. Вследствие сказанного в путешествие стараются брать по возможности исключительно юхалу, или сушёную рыбу, которая значительно легче мороженой. Но благодаря тому, что в это время года случаются бури, лов сельдей очень часто бывает неудачен. Поэтому правительство уже давно распорядилось, чтобы в каждом селении были устроены запасные склады; конечно, такого рода приказание было немедленно приведено в исполнение, но, понятно, так рутинно и таким шаблонным способом, что вполне разумное распоряжение не привело ни к чему. Само собою очевидно, что почва в области нижнего течения Колымы находится в вечно мёрзлом состоянии; с поверхности, правда, она оттаивает на восемь или на десять вершков или на 14-17 дюймов, но глубже земля остаётся совершенно мёрзлой. При таких условиях устройство запасных складов не трудно, и оно хорошо знакомо населению, которое к тому же умеет пользоваться в достаточной мере особенностями этой почвы; так, например, при ловле рыбы в озёрах, добычу не берут тотчас же с собою, а сохраняют в импровизированных ледниках, выламывая ямы в замёрзшей земле. В хорошо же и рационально устроенных погребах можно сохранять запасы целыми годами. В одном обществе, в котором я присутствовал, зашла речь о местных погребах; во время обеда хозяин дома велел подать два блюда, — на одном из них лежала громадная нельма, которая была поймана уже три года тому назад, а на другом рыба, добытая в день происшествия или накануне его, — хорошо не помню. Их попробовали и стали спорить о том, которая рыба свежая и которая сохранялась в леднике, но решить этот спор пришлось самому хозяину. Конечно, если хочешь на долгое время сохранить запасы, а тем более удержать их приятный вкус, необходимо каждую рыбу отдельно окружить герметической оболочкой. С этой целью совершенно промёрзшую рыбу несут к реке, и каждую рыбку обмакивают бесчисленное число раз в воду. Берут первую, погружают её и, вынув, ставят; затем поступают также со второй, третьей и т.д. Обмакнув последнюю рыбку, проделывают эту процедуру вновь, начиная с первой. В виду того, что на рыбе каждый раз остаётся лишь очень тонкий

слой льда, работа эта, если она делается как следует, совершается довольно медленно; но зато каждая рыбина окружается слоем льда в полдюйма толщиной и может уже сохраняться много лет. В этих погребах температура воздуха летом остаётся несколькими градусами ниже нуля; благодаря этому ледяная оболочка не может оттаять, несмотря на то, что с течением времени она испаряется и становится тоньше. Как доказывает приведённый выше пример, она хорошо держится в продолжение трёх лет. Таким образом при сохранении запасов рыбы в магазинах не предстояло, казалось бы, наткнуться ни на какие затруднения. Между тем опыт показал противное. В годы голодовок обнаружилось, что погреба были пусты как раз в то время, когда они должны были оказать свою благотворительную помощь. При ближайшем расследовании обстоятельств этого дела действительно можно было убедиться, что погреба наполнялись ежегодно рыбою и после каждой осенней ревизии доносилось, что всё обстоит благополучно; однако при этом умалчивалось, что зимние запасы погребов весной снова раздавались жителям с условием вернуть их к зиме. Делалось это будто бы для того, чтобы рыба не портилась летом и не пропадала даром. Порча рыбы действительно на самом деле наблюдалась, но она гнила потому, что магазины устраивались на поверхности земли, как для склада муки, а не в виде погребов. Понятно, что такого рода исполнением значение распоряжения о погребах было уничтожено, так как склад должен был открываться именно тогда, когда лов был очень неудачен и нельзя было сделать запаса рыбы на зиму. То, что здесь рассказано, не басня, а действительный факт. Нужно заметить, что только энергичные угрозы подвергнуть наказанию всех членов общины мужского пола, начиная с 21 года, могли наконец принудить людей завести в сравнительно короткое время погреба при всех магазинах. Таким образом исчез повод раздавать весной рыбу, нужно было только наблюдать за тем, чтобы в годы удачного лова, хранившаяся в магазинах рыба была постоянно и правильно заменяема свежей. Будет ли, однако, это предписание исполняться в действительности, крайне сомнительно, если принять в соображение сказанное выше.

Рыбные склады несомненно могут приносить пользу во время крайней нужды, но никак нельзя сказать, чтобы они вполне обеспечивали

население: неудачный лов может случиться и два года сряду, а при таком бедствии магазины бессильны помочь. Вообще говоря, есть только два радикальных способа справиться с затруднительным положением северных поселений. Одно из них заключается в том, чтобы жители отказались пользоваться собаками в качестве упряжных животных; другое же — в привлечении чукчей с их стадами на тундру по сю сторону Колымы. Обширные пространства тундр между Колымой, Алазеей и Индигиркой могут доставлять пропитание громадным стадам оленей, которые одни только и в состоянии уравновесить недостаток пищевого материала в голодные годы. [[назад](#)]

31. Меха, привозимые чукчами на Анюйскую ярмарку

Пушнина, которую чукчи привозят на Анюйскую ярмарку, почти вся идёт из Америки; небольшое исключение составляют только белые песцы да красные лисицы. Бобёр, по всей вероятности, часто встречавшийся в древние времена в Сибири (как доказывают нередкие в Якутской области названия в роде: Бобровая речка, Бобровая роща и т.д.), в настоящее время совершенно вывелся, по крайней мере на востоке; в западной же Сибири, как говорят, он ещё время от времени попадает. Куница в Якутской области не водится; по крайней мере, сколько мне известно, кунии шкурки никогда не привозятся на ярмарку. Лисица же, которая широко распространена по всей Азии и за которой часто охотятся, окрашена в этой части света иначе, чем добываемая в Америке. В Азии, особенно в восточной её части, лисица встречается трёх цветов — красная, чёрная с белыми кончиками волос, носящая в Сибири название чёрно-бурой, и собственно чёрная. Всё это лишь индивидуальные цветовые разности, но даже не стойкие вариации, так как нередки случаи, что при вырывании молодых (чем особенно любят заниматься якуты, хорошо зарабатывающие воспитанием лисинят) находят в одном гнезде красных и чёрных или красных с чёрно-бурыми. Но красный цвет сибирских лисиц далеко не так интенсивен, как цвет привозимых на ярмарку чукчами американских экземпляров или так называемых огнёвок. Время от времени и в Якутской области попадают очень красивые лисицы красного цвета, но только в виде исключения и эти пре-

красные шкурки встречаются чаще лишь в Камчатке, где животные вообще сильно приближаются к своим американским сородичам. Но исключительно из Америки идут лисицы, которые носят название сиво-душек. мех этих животных имеет жёлтый основной цвет, т.е. волос или, как выражается торговец пушниной, «вода» черновато-жёлтого цвета, крест же более или менее ясно выступающий на спине каждой лисицы, у этой разновидности чёрного цвета. Это сочетание желтоватого общего цвета шкуры с чёрным крестом спины очень красиво. Помимо того такая лисица имеет ещё на нижней стороне тела, от горла до хвоста, широкую полосу глубокого чёрного цвета, которая ценится очень высоко. В прежнее время в Якутске был большой спрос на такие шкурки и за них платили от пятнадцати до восемнадцати рублей, тогда как красный лисий мех стоил самое большее четыре рубля. Далее у чукчей попадался так называемый голубой песец, представляющий довольно частую американскую разность обыкновенного песца, встречающегося по всему сибирскому побережью Ледовитого океана. Голубой песец, правда, время от времени убивается и в Сибири, но он так редок, что на нижнем течении Лены мне раз принесли такую шкурку и спрашивали, что это такое за необыкновенное животное. Я видел уже раньше у колымских купцов в Якутске подобные экземпляры, почему и мог дать принёсшим желаемое разъяснение.

Как видно из текста сочинения, товары, составлявшие главный предмет торговли, были точно расценены, а потому не должно было бы происходить никаких споров. Впрочем, в общем последние случались редко; но время от времени всё же приходилось судить и мирить, да и то только благодаря тем особенностям сибирской меховой торговли, которые опять-таки опираются на особом законе тайги. Как непреложная истина существует правило, что всякая шкурка есть шкурка, какая бы она ни была, что нельзя выбирать себе одни меха и отбрасывать другие и что десять, например, лисьих шкурок так и должны идти за десяток, — одним словом, при мене не полагается делать различия между хорошими и плохими. Все подчиняются этому правилу, и никто в нём не сомневается; но всё же бывают случаи, когда доброта мехов настолько резко бросается в глаза, что люди не хотят соглашаться. Особенно часто это бывает по поводу связок бобровых шкурок, величина которых иногда очень различна. Когда начинается настоящий меховой торг, чукчи

связывают свои лисьи и куньи меха в связки по десяти, а бобров и сиво-
душек по пяти штук вместе; они большею частью настолько добросо-
вестны, что равномерно распределяют по связкам дурные и хорошие
шкурки, так что никто из покупателей не может пожаловаться, что на
его долю выпали худшие пачки, чем на долю другого. Но однажды ка-
кой-то ловкий и быстрый купец перерезал верёвки, которые связывали
бобровые меха, и выбрал себе из них самые лучшие; понятно, что это
обстоятельство наделало много шума. Другой раз один чукча включил
в свои связки бобров по шкурке молодого, не более десяти дюймов в
длину, животного, не успевшего ещё сменить своей первой шерсти; он
тоже хотел придерживаться правила, что всякая шкурка есть шкурка, ка-
кая бы она ни была. Однако было решено, что такое толкование не со-
ответствует смыслу этого правила, и ему пришлось выступить с дру-
гими мехами. [[назад](#)]

32. Кергаулы

Об этом народе и о торговле чукчей с ним речь будет ниже. [[назад](#)]

33. Чукотская аристократия

Из прежних войн русских с чукчами становится очевидным, что у по-
следних не было начальников в том смысле, как они встречались у дру-
гих сибирских народов во времена завоевания этой страны. В некото-
рых донесениях начальников гарнизона Анадырского острога прогля-
дывают те затруднения, на которые натыкались русские при всех пере-
говорах с чукчами, благодаря тому обстоятельству, что у последних во-
все не было ответственных лиц, которые могли бы вступать в обяза-
тельные для всего народа соглашения. Таким образом несомненно, что
у чукчей не было ни выборных, ни местных начальников; однако из
этого ещё нельзя заключать, чтобы между ними господствовала полная
анархия. Точно также из саг, которые рассказывались Врангелю об од-
ном начальнике, бежавшем на север, и о подобных происшествиях, ещё
нельзя выводить заключение о существовании у чукчей главарей: сами
по себе эти сказания настолько сбивчивы и так часто терпели превра-

щения в людской молве, что в них нельзя доискаться правды. Но то обстоятельство, что чукчи имеют в своём языке слово ерем для обозначения начальствующего лица, указывает на то, что этого рода институт был им не совершенно чужд. Во времена борьбы среди них всегда выступали лица, которые играли роль предводителей, но только имена этих последних постоянно менялись; в каждом новом походе почти без исключения были и другие распорядители и лишь редко случалось, что одно и то же лицо пользовалось долго влиянием. Кажется несомненным, что влияние этих временных предводителей всегда основывалось исключительно на их большем богатстве стадами, которое позволяло им содержать и большее число подвластных лиц и что в свою очередь доставляло им более, сравнительно с другими, уважения и веса. Но вместе с тем не следует упускать из виду, что у такого народа, спорадически разбросанного по широко раскинутой стране и постоянно кочующего со своими стадами, о существовании правильного государственного строя не может быть серьёзно и речи. Действительно, даже у якутов, которые вели более оседлый образ жизни и перемещения которых ограничивались лишь постоянной сменой одних и тех же зимних и летних мест жительства, верховная власть начальников была чисто номинальная и приобрела больший авторитет лишь во время войн. Но вместе с тем не подлежит никакому сомнению, что абсолютной равноправности у чукчей никогда не было: всегда у них существовали состоятельные и богатые роды, которые составляли аристократию и оказывали такое же влияние на других, каким пользовался Яторгин, а впоследствии ещё в большей мере его сын Амвраоргин, сохранивший власть, как мы видим, и до сих пор. Да и вся история Анадырского острога указывает на то, что у чукчей была аристократия, но не было общего главы народа. Во всех отчётах начальников Анадырского острога, как о столкновениях, так и о мирных переговорах, указывается, что дела всегда велись с большим или меньшим числом влиятельных лиц и что переговоры оставались постоянно безрезультатными потому, что чукотские предводители признавали себя некомпетентными вступать в обязательные соглашения; они заявляли, что явились не все представители народа и что они не могут поручиться за одобрение договора и отсутствующими. Очень трудно решить причину неявки некоторых из них, — заключалась ли она в том, что чукчи желали иметь предлог не принимать невыгодных

для них соглашений, или зависела от постоянного антагонизма между отдельными чукотскими начальниками. Однако существования аристократии нельзя отрицать, но вместе с тем очевидно, что авторитет отдельных представителей этой аристократии был менее устойчив, чем у якутов, в силу того, что благосостояние кочевника-оленевода само по себе менее устойчиво, чем кочевника, имущество которого составляют табуны лошадей и стада рогатого скота. У кочевников возникновение аристократии обуславливается и является необходимым следствием большего количества подчинённых лиц, которые нужны для ухода за стадами. Владеющий большим количеством стад имеет возможность сильнее влиять на своих бедных соплеменников, чем, например, богатый землями собственник на своего мелкопоместного собрата. Конечно, засевающий обширные поля землевладелец должен иметь тоже много работников; но он не станет сеять больше, чем он в состоянии продать, а собранный хлеб представляет для него капитал, из которого ему предстоит прежде всего покрыть расходы по ведению хозяйства, и только остаток этих денег он может назвать своею собственностью. Такой землевладелец, особенно в Сибири, где нет частной земельной собственности, является по отношению к своим людям лишь хозяином-нанимателем, оплачивающим труд своих работников, как и всякий другой состоятельный человек, деньгами, а при таких отношениях не устанавливается никакого особенного сближения между ними. Богатый же стадовладелец находится в совершенно ином положении. Несомненно, что стада его представляют для него тоже капитал, но далеко не в той мере, как хлеб для землевладельца: большое количество скота он держит вовсе не для того, чтобы продавать как можно больше, а лишь для того, чтобы иметь его много, а также потому, что рост стад ему ничего не стоит. Своим многочисленным пастухам он платит очень мало денег, но он даёт им с их семьями полное содержание, которым пастухи пользуются от стад, ими оберегаемых. Подобно тому, как богатство господина переходит к его сыну, так и сыновья, и потомки пастухов наследуют места своих отцов, а вместе с ними остаются и служебные отношения; таким образом между богатым и бедным устанавливается тесная связь, как у патрона к его клиенту, как у господина к его крепостному. Ко всему этому присоединяется ещё полная возможность для богатого

кочевника оказывать благодеяния своим бедным землякам безо всякого риска причинить этим ущерб своему благосостоянию. Он ничуть не пострадает, если накормит мясом голодного: животные его стад сами по себе не имеют цены или по крайней мере далеко не всегда могут быть обращены в ценность, а между тем они расплодились бы до бесконечности, если бы он их не резал. Одним словом, он в состоянии, если это требуется, ежедневно насыщать массу людей, сам того, так сказать, не замечая, — без ущерба для себя он может разыгрывать роль щедрого, а ничто так не характеризует в глазах толпы знатного, как широкая щедрость.

В Восточной Сибири, среди казаков Забайкалья, и в настоящее время можно наблюдать образование подобной аристократии из равных прежде по положению людей. С древнейших времён существовали в Сибири казаки, т.е. ратники, которые частью представляют из себя поселенцев, частью же воинов, и которых правительство вознаграждает только во время действительной военной службы; в остальное, мирное время они должны сами заботиться о средствах своего существования, содержать лошадей и приобретать оружие. До генерал-губернаторства графа Муравьёва такие казаки населяли целый ряд станиц и деревень вдоль русско-китайской границы; у них не было, собственно говоря, никакого дела, по крайней мере никакого военного дела, так как с незапамятных времён повсюду тут царил невозмутимый мир и никому и в голову не приходило нарушать его. Но граф Муравьёв, которому хотелось расширить русские владения, не мог избежать частых споров с соседями, а потому в обеспечение себя от всяких случайностей нашёл нужным иметь в своём распоряжении большее количество войска. Ввиду же того, что из С.-Петербурга ему предлагали быть по возможности бережливым, а система казацких посёлков доставляет наиболее дешёвое войско, он старался помочь себе тем, что устроил массу новых казацких станиц как в Иркутской губернии, так и в Забайкалье, Амурской и Приморской областях; для этого он частью преобразовывал в казаков уже существовавшие крестьянские общины, частью же вновь поселял людей целыми деревнями. Благодаря этому сибирское казацкое войско очень увеличилось. Если уже заметна значительная разница между станицами, существующими два столетия, и вновь созданными казаками, ничем собственно не отличающимися от крестьян соседних деревень, —

то различие это бросается в глаза ещё резче, если посетить древние станции и переходить из селений, живущих хлебопашеством в такие, которые занимаются исключительно скотоводством. Жители первых тоже казаки, но их воинственное настроение совершенно исчезло, по крайней мере в настоящее время: они очень неохотно служат и скорее предпочли бы сделаться просто крестьянами. Наоборот, последние представляют из себя воинов в мирное время, они с большою охотою идут на службу, когда очередь доходит до них, и были бы очень довольны, если бы началась желанная ими война. Я имел возможность лично убедиться в этом в то время, когда в Забайкалье и на Амуре сильно опасались столкновения между Россией и Китаем из-за Кульджи. По всей линии левого берега Амура были очень озабочены и имели к тому полное основание, так как селения вдоль этой реки очутились бы в таком случае совершенно беззащитными при нападении китайцев. Они не многочисленны и слабо вооружены в то время, как именно Китайская Маньчжурия, служащая пекинскому правительству главным местом ссылки, густо усеяна большими и многочисленными деревнями. В Забайкалье точно также не могли не сознавать, что нападение монгольских орд было не особенно желательно, так как было хорошо известно, что между Ургою и Кяхтою находились в сборе значительные отряды конницы под начальством китайских генералов. Как раз в то время мне пришлось совершать свою обычную служебную поездку вдоль границы, т.е. от места впадения Газимура в Аргунь до станции Букукунской на верхнем течении Онона. Дело происходило в январе и, как только становилось известно о моём прибытии, моя комната обыкновенно быстро наполнялась жителями деревень, которые являлись частью из вполне понятного в таких отдалённых местах любопытства, частью же из желания получить сведения о состоянии в этом году снегов. Последнее является всегда жизненным вопросом для той части границы, которая тянется от станции Олочи, вблизи Нерчинского завода, до Онона, потому что тут живут казаки-скотоводы, имеющие, подобно бурятам, обыкновение выгонять скот в течение зимы на пастбище, что вообще вполне и допускают тамошние безлесные степи. При таких условиях приходится очень плохо, если время от времени в отдельных местах снега выпадет столько, что он совершенно закроет траву, и скот лишится возможности добираться до неё. В таких случаях стадовладельцам не остаётся ничего

более, как отправляться странствовать со своим скотом для отыскивания мест, где снега выпало меньше. Поэтому для всех представляет большой интерес узнать о глубине снега на границе. Таким образом я бывал всегда очень желанным гостем, так как объезжал границу на всём её протяжении и мог давать полные сведения. Но на этот раз ожидавшаяся война составляла главный предмет разговора и было очень интересно наблюдать настроение народонаселения. Жители земледельческих деревень крайне неприязненно ожидали войны и в разговоре обсуждали её исключительно с точки зрения обеспечения своего имущества; они старались разузнать каким образом проще и надёжнее всего схоронить его в лесах. Совершенно иначе относились к этому вопросу казаки-скотоводы. Большою частью они считали войну за нечто само собою понятное и полагали, что уже давным-давно пора отправиться в гости к язычникам. У них вовсе не возникала мысль о возможности нападения монголов на русских, а говорилось только о желательности наискорейшего похода в Китайскую Монголию. У меня отлично сохранилось в памяти, что в некоторых станицах на Олоне и вокруг Чинданта воинственный пыл до такой степени разгорелся, что, по прибытии в Читу, я счёл необходимым известить об этом губернатора и посоветовать ему принять меры для охлаждения страстей, чтобы не случилось какой-нибудь беды. Именно, тамошнее население выработало себе уже собственный план похода: владельцы обширных стад, большею частью находившиеся в таком возрасте, что не могли подлежать первому призыву к знамёнам, намеревались образовать из своих пастухов и из другой голытьбы конные полчища с целью ворваться с ними в Монголию и грабить стада. Обо всём уже было переговорено; каждый из участников имел уже своё место и свою задачу в задуманном предприятии; даже уже выследили и точно обозначили те места, где находились в то время стада богатых монголов. Одним словом, всё было устроено и предусмотрено самым лучшим манером, и казаки сгорали от нетерпения двинуться вперёд при первой надёжной вести, что началась война, дабы противник не имел времени угнать своих стад в безопасную даль. Всё это вызывало на серьёзные размышления, потому что среди этого возбуждённого народа до невероятности легко распространялись ложные

слухи и в таких обстоятельствах каждый охотно верил тому, чего он желал. При этих условиях преждевременный пограничный инцидент легко мог бы повести к настоящей войне.

Но более, чем когда-либо выступали в то горячее время аристократические привычки казаков-скотоводов. В деревнях, занимавшихся земледелием, как богатые, так и бедные говорили каждый за себя, каждый имел собственное мнение, за которое он стоял и которое всеми признавалось за равноправное. Нельзя тут было заметить, что слова человека, владевшего сотней или более десятин, имели больше веса, чем того, который засеивал каких-нибудь десять; только, конечно, первый обнаруживал больше страха перед войной, чем последний. Напротив, в станицах казаков-скотоводов народная масса вовсе не принимала участия в разговорах; она лишь слушала, как рассуждали и развивали свои планы влиятельные люди и только тогда, когда эти последние считали нужным обратиться к ней, выражала своё полное согласие и полнейшую готовность сделать всё, что ей прикажут. Однажды, когда общество уже разошлось от меня, я спросил у своего хозяина, «маленького человека», не задумывается ли он вступить с ушедшими в общее предприятие после того, как он услышал моё разъяснение им о том, что без особого приказания со стороны начальства ни в каком случае нельзя решиться сделать набег на неприятельскую страну. Он возразил мне, что это его не касается, потому что по собственному почину он не возьмётся за оружие, но вместе с тем он должен исполнять то, что ему прикажут «большие люди»; они — господа, они и должны отвечать за всё, он же должен только повиноваться им. Но и в мирной повседневной жизни аристократические начала в тех деревнях дают себя чувствовать на каждом шагу. Богатый стадовладелец живёт и одевается, как и всякий другой казак, по внешности его ни в чём нельзя отличить от остальных, да и разговаривают они друг с другом как равные; и несмотря на это слова богача являются приказаниями, и всё делается так, как он того желает. Вследствие этого в деревнях, населённых скотоводами, часто очень трудно найти заместителей на высшие должности. Если станичный атаман выбран из знатного рода, то все дела идут как следует; но тамошняя знать всеми силами старается уклониться от выборов, не потому, что они не желают иметь власть в своих руках, но потому, что не хотят служить в качестве младших чиновников окружного и войскового

управления, которым подчинены казачьи станицы. Вследствие этого большинство атаманов избирается из плебейских семей и вовсе не имеет авторитетного влияния на казачью знать. Ничего из описанного здесь не встречается в станицах, занимающихся земледелием. [[назад](#)]

34. Носовые чукчи

Самый крайний полуостров северо-восточной Азии, считая от Колючинской губы, называется в Нижнеколымске Чукотским Носом, а живущие там оседло чукчи — Носовыми чукчами; но вообще все торговцы из чукчей носят название Носовых, потому что они оттуда приезжают на ярмарку. Однако это вовсе не значит, чтобы они и родом происходили с крайнего северо-востока, хотя в большинстве случаев они действительно уроженцы области, лежащей к востоку от Колючинской губы. [[назад](#)]

35. Раздача знаков отличия сибирским инородцам

Достойно большего сожаления, что при раздаче знаков милости и почётных наград поступают недостаточно систематично и обдуманно. Все азиаты очень гонятся за ними и готовы часто на значительные жертвы, лишь бы получить их. Такими знаками и наградами считаются: почётный кафтан, почётная сабля, серебряная и золотая медали. По первоначальному смыслу этих знаков отличий они являются знаками признательности монарха за усердную службу. Впрочем, обыкновенно их так и принимают; но тогда не вполне логично, что знаки эти до известной степени продают, а это делают довольно-таки часто. Управление Собственного Его Величества Кабинета награждает серебряной и даже золотой медалью между прочим тех из инородцев, якутов, тунгусов и т.д., которые кроме своего ясака приносят в дар казне какой-либо особенно ценный мех, например, чёрную лисицу, роскошного соболя и т.д. Поэтому, стоит только какому-нибудь состоятельному якуту купить и представить подобный мех, чтобы получить и желаемое украшение. Далее, такую погоню различных лиц за отличиями довольно часто пользуются исправники и даже губернаторы в случаях денежных затрудне-

ний отдельных частей области или учреждений: если, например, на каком-нибудь обществе числится долг или остаётся недоимка и нельзя ожидать, что люди их заплатят или по крайней мере будут в состоянии это сделать в непродолжительном времени. В виду того, что на недоимки в центральных учреждениях смотрят косо, местные власти обращаются в таких случаях к какому-либо состоятельному лицу и предлагают ему уплатить долг общества; при этом ему даётся обещание представить его в качестве благотворителя к награде медалью. Подобные случаи предусмотрены законом, и они часто встречаются в Сибири; против этого, понятно, возразить нечего: законом это допущено и почему же людям не стремиться к подобным украшениям, если средства им позволяют. Но дело совершенно изменяется, если оно касается чукчей, тунгусов, якутов и других полудиких инородцев. У этих племён старосты, в знак отличия, носят так называемый кортик. Впервые этот знак отличия был дарован им по приказу императрицы Екатерины II, и с тех пор до настоящего времени те же самые экземпляры кортиков переходят от одного старосты к другому, который его заместил. Но если какой-либо староста или голова особенно отличился по службе, то ему может быть дан почётный кортик, который он имеет право носить уже пожизненно. Такие кортики в высшей степени ценятся в качестве почётных знаков и, собственно говоря, их никому не следовало бы давать кроме старост, да и им только в награду за отличие по службе. Но этого то, к сожалению, и нет: поступают недостаточно систематично и раздают кортики людям, которым их никогда не следовало бы давать. Так, например, как мы увидим ниже, такого рода награду дали одному простому чукче, Ваáлергину, за то, что он подарил оленей во время голода, тогда как всеми уважаемый Амвраоргин ходил без кортика. Это наде- лало много шума среди чукчей и очень им не понравилось. Точно также и Хотто, беспутный, негодный малый, получил медаль, да к тому же ещё большую золотую, которая даётся очень редко, — и всё это только для того, чтобы он не учинил какого-либо бесчинства. [[назад](#)]

36. Ездовая собака, её качества и способность к различного рода работе

Собачья нарта представляет собою сани, имеющие в длину двенадцать, в ширину два фута, а в высоту около десяти дюймов; отдельные части их скреплены между собой исключительно ремнями из оленьей кожи, так что в них нет ни одного гвоздя. Благодаря этому нарта обладает гибкостью и упругостью, которая очень кстати при путешествиях по местности, где нет дорог. Спереди, к загнутым кверху полозьям прикреплена в горизонтальном направлении дуга, к которой прикрепляется гуж для собак. Непосредственно позади этой горизонтальной дуги находится другая — вертикальная, служащая для управления нартой, а позади её расположено сиденье для каюра, или кучера. Ремень или гуж, за который тянут собаки, сшит из самой лучшей тюленьей кожи и имеет по своей длине шесть или семь петель, смотря по числу запрягаемых собак. Каждой собаке надевают на шею кожаный ошейник на подкладке; от него с двух сторон отходят два шнура, связанные на конце узлом, в который втыкается деревянный гвоздь приблизительно в два дюйма длиною. При помощи этого деревянного гвоздя к каждой петле гужа припрягают всегда по две собаки, — одна с правой, а другая с левой стороны гужа, а тянут они обе вместе. Для домашней службы, для возки воды, дров и других лёгких грузов довольствуются двумя или четырьмя собаками; но я не видал, чтобы на более дальние поездки запрягали менее двенадцати собак, и то это редко, а большую часть по четырнадцати. Передовая собака служит вожакom, но обыкновенно к ней припрягают другую молодую, смышлённую собаку, которая таким образом и научается искусству. Вожжей при нарте нет, а собаки управляются тремя возгласами: «право», «лево» и «стой»; передовая собака должна их тотчас же замечать и повиноваться им. Кроме того для управления нартой каюр пользуется ещё только остолом — здоровой дубиной, имеющей на нижнем конце крепкий и острый железный шип, а на верхнем — несколько железных колец. Этим остолом каюр может тормозить нарту, втыкая его в снег перед копылами; кроме того, он гремит кольцами, если замечает, что животные плохо тянут, или кусают друг друга, или производят какое-нибудь другое бесчинство. Это лишь предварительное предостережение, и если оно не помогает, то каюр кидает свою

дубину проказнику в голову и затем с большою ловкостью ловит её на лету. В виду того, что длинная, узкая нарта не имеет дышла, а тянется лишь пятнадцати- или шестнадцатифутовым ремнём, при быстрой езде она неминуемо должна сильно раскачиваться и непременно часто опрокидывалась бы, если бы искусный каюр не умел предупреждать этого. Как уже сказано, он сидит позади вертикально к нарте приделанной дуги. Если он замечает, что нарта наклоняется, например, на правый бок, то он вскакивает, становится слева на полозья и, держась за дугу, перевешивается на левую сторону, уравнивая таким образом тяжестью своего тела наклонившуюся нарту. Когда же нарта наклоняется влево, он одним прыжком очутится на правой стороне её, снова становится на полозья и нагибается в соответственном направлении. При быстрой езде, особенно во время бега по зеркально-гладкой дороге, обязанность каюра в высшей степени утомительна и требует много ловкости и силы.

Подобно тому, как имеются ломовые и беговые лошади, есть и собаки для возки тяжестей и легковые; первые легко справляются с большими грузами, но не могут равняться с последними в быстроте бега. В дальних путешествиях на тяжело нагруженной нарте делают, смотря по дороге, от четырёх до шести вёрст в час; если путь хорош и собаки сильны, нарту, запряжённую двенадцатью или четырнадцатью собаками, можно нагрузить sixtyдесятью пудами. Но если дорога плоха, если приходится ехать по мягкому снегу, как это часто бывает в лесу, то нарты нельзя нагружать более, как тридцатью или сорока пудами, сообразно с силами животных. В таких случаях перед нартой идёт на лыжах человек, который придавливают снег своею тяжестью. Однако, последнее делается только при очень продолжительных путешествиях на тяжело нагруженных нартах; а если на нарте сидит кроме кучера один седок с небольшим количеством багажа, то собаки бегут, даже при продолжительном путешествии, вёрст по десяти в час, и на них можно делать в среднем от шестидесяти до семидесяти вёрст в день, не рискуя их особенно утомить. Когда путешествие длится несколько дней, ехать быстрее не советуют, потому что при этом чересчур страдают лапы животных и наконец могут быть ссажены до крови. Но если едут на почтовых собаках, которым предстоит пробежать всего одну станцию в пятьдесят или шестьдесят вёрст, чтобы затем вновь отдыхать, то делают не

менее пятнадцати вёрст в час. Тут указано как собаки могут бежать при нормальных условиях, но под влиянием непогоды, ветра, снежной бури и распутицы приведённые результаты могут сильно изменяться, так что отдельные поездки в этом отношении до невероятности разнятся между собой.

Но совершенно других результатов можно ожидать от собачьего спорта; в этом случае скорость беговых собак подчас просто необычайна и часто превосходит быстроту бега хороших лошадей. Один из моих казаков, Котельников, сравнительно состоятельный человек, был прекрасный охотник за медведями и вообще мастер на все руки. Отец его, бывший ещё в живых при моём первом посещении нижнего течения Колымы в 1866 году, сопровождал Врангеля в путешествиях по льду Ледовитого океана. Сын его не хотел отстать от отца и проделал с нами все путешествие; когда же я расстался в Марково с доктором Нейманом, я дал его этому последнему как самого опытного проводника для поездки по льду Северного моря. Котельников славился тем, что имел самых лучших собак в Каретове, деревне, где он жил; он просил меня, когда я возвращусь из имевшейся ввиду зимою 1869-70 года поездки в Гижигинск, проехать из Каретова в Нижнеколымск (приблизительно 23-25 вёрст) на его собаках, обещая, что они довезут меня менее, чем в час времени. Действительно, прибыв в Каретово, я нашёл тут всё готовым; но они не ожидали меня именно в тот день, когда я приехал, а потому обыкновенно ездивший на беговых собаках сын не был случайно дома. Другой из сыновей, сильный молодой малый, просил меня подождать до следующего дня; он хотел немедленно послать за своим братом, отправившимся осмотреть отцовские капканы на песцов. Он очень настаивал на своей просьбе, полагая, что отец рассердится, если я проеду расстояние до Нижнего недостаточно быстро; между тем он сам не мог поручиться за хороший результат езды, так как собаки более привыкли к брату, чем к нему, а потому побегут-де не так хорошо. Мне же было важнее как можно скорее добраться до Нижнеколымска, чем испытывать собак Котельникова, а потому мы отправились тотчас. При отъезде было замечено время и, по моему мнению, путешествие было совершено очень быстро и удобно. Лёд на Колыме был в хорошем состоянии, кучер отлично знал своё дело, и мы быстро неслись вперёд. Лай собак при нашем прибытии вызвал Котельникова и он встретил нас у дверей;

лишь только я встал с нарты, он первым делом осведомился о часах. Оказалось, что мы ехали час и десять минут; старик покраснел от гнева и, не промолвив ни единого слова, схватил дубинку, так что мне пришлось вмешаться в дело, чтобы избавить молодого парня от нескольких здоровых ударов. Когда причины медленности езды были выяснены, Котельников успокоился, но всё же полагал, что я мог бы отдохнуть один день в Каретове и тогда он не осрамился бы со своею нартою. Эта поездка во всяком случае была совершена быстро, но всё же она выясняет не всё, что можно ожидать при благоприятных условиях от собак: расстояние в двадцать пять вёрст сравнительно коротко, чтобы на нём можно было судить о выносливости животных. В Нижнеколымске наилучшие результаты в этом отношении были достигнуты, сколько я знаю, во время состязания моего предшественника по должности Анатовского с богатым купцом Барамыгиным, происходившего между местом ярмарки на Анюе и Нижнеколымском на расстоянии 250 вёрст. Оба названные лица были спортсменами, но каждый занимался спортом по-своему. Анатовский постоянно возился со своею нартою, переделывал её, менял собак, постоянно приобретая новых под влиянием идеи составить себе возможно лучшую беговую нарту. Барамыгин, ежегодно совершавший в качестве купца путешествие из Якутска в Колымск и обратно, не жил в Нижнеколымске, а приезжал туда только на время ярмарки. Но он желал, как прилично богатому купцу, иметь самую лучшую нарту и ездить быстрее всех других. Поэтому он сделал предложение одному из жителей Нижнеколымска, чтобы тот приобрёл на его, Барамыгина, деньги нарту и забирал бы на его счёт круглый год корм для собак; но зато Барамыгин имел право безвозмездно пользоваться нартой во время своего пребывания в Нижнеколымске. Конечно, житель Нижнеколымска, очень ловкий каюр, охотно согласился на такое выгодное предложение, избавлявшее его от хлопот по заготовлению корма для собак, — а Барамыгин ездил между Нижнеколымском и Анюем с быстротой молнии. Во время пребывания на ярмарке Анатовский с Барамыгиным поспорили о том, у кого лучшая нарта. Купец указывал главным образом на то обстоятельство, что Анатовский постоянно менял своих собак, что от вечной смены собак нельзя ожидать ничего путного, так как они не успевают привыкать одна к другой и к каюру и что при этом легко променять хороших животных на негодных. Анатовский

оспаривал это, и наконец было условлено решить дело состязанием. Последнее произошло по окончании ярмарки. Нарты выехали в четыре часа утра; обе они были нагружены очень малым количеством корма для собак, сидели на них только каюр, да владелец, которые тоже взяли для себя лишь немного провианта, чтобы ехать по возможности налегке. Для собак дорога была в очень сносном состоянии благодаря тому, что уже и без того окрепший снег был хорошо наезжен тяжёлыми партами с кладью, предназначенною для ярмарки, и имел вид полированной поверхности. Но для каюра работа была необыкновенно трудна, так как грузные нарты, скользившие то вправо, то влево, сделали дорогу выпуклой; таким образом, при бешеном беге состязавшихся нарт, эти последние должны были очень сильно раскачиваться из стороны в сторону, и каюру предстояло во всё время долгого путешествия проделывать свои *salto mortale*, чтобы удерживать нарту в равновесии. Барамыгин выиграл спор, прибыв в Нижнеколымск в семь часов вечера, тогда как Анатовский приехал приблизительно часом позже. Таким образом расстояние в 250 вёрст купец проехал без смены собак в пятнадцать часов с двумя остановками, чтобы дать передохнуть и поесть собакам, да подкрепиться самим седокам. Тут нужно прибавить кроме того, что в двух местах нарты покидали реку, чтобы перерезать её излучины по земле. Это требовало немалой потери времени, потому что оба раза приходилось карабкаться почти на отвесный склон берега в сорок или пятьдесят футов вышиной. Полученный результат нужно признать за крайне удачный, достичь которого возможно только при очень хороших собаках, да и то лишь при тщательной их подготовке. Без предварительной тренировки нельзя решиться пустить собак таким бешеным бегом; впрочем, то же самое относится и к сибирским лошадям. Последних тоже нельзя взять на продолжительную быструю поездку прямо с пастбища: их всегда заставляют предварительно сильно проголодаться в течении нескольких дней, чтобы, как там выражаются, «мягкий жир окреп». В Забайкалье, например, буряты и усвоившие от них этот способ казаки привязывают предназначенных к бегам лошадей покороче по крайней мере на двадцать четыре часа, не давая им есть и обливая животных перед началом бега холодной водой, пока они не станут дрожать всем телом. Подобным же процедурам подвергают и собак, если от них требуются такие необыкновенные усилия. За несколько дней перед тем

заставляют их пробегать небольшие расстояния в двадцать, тридцать и более вёрст и несколько ограничивают количество даваемой им пищи, всё для того же, — чтобы «мягкий жир окреп». Если же бег назначен на шестьдесят или семьдесят вёрст, то предварительной тренировки не требуется и животных можно пустить в дело без всякой подготовки. В приведённом здесь случае каюру купца Барамыгпна состязание стоило здоровья: по прибытии в Нижнеколымск у него появилось сильное кровохарканье, которое почти уложило высокого, сильного человека в постель; впоследствии он, правда, несколько оправился, но его здоровье было надломлено, и он навсегда остался неспособным к тяжёлой работе.

Об этом состязании иногда довольно горячо спорили ещё в то время, когда я был в Нижнеколымске, т.е. несколько лет спустя. Результат его являлся всё же чем-то из ряда вон выходящим, а потому оно вызывало у любителей собачьего спорта всевозможные соображения относительно выбора, кормления и тренировки собак. В Нижнеколымске очень сильно придерживаются того мнения, что животные уже рождаются с очень различными задатками и что, следовательно, нужно только уметь развить эти способности; вследствие этого принимают, что разумнее всего начать обучение с молодости. Поэтому многие утверждают, что выгоднее покупать не взрослых животных, а щенков, чтобы затем воспитывать их уже с определённой целью. Ввиду того, что для езды употребляют почти исключительно кастраты, то далеко не все держат для приплода сук и кобелей, а довольствуются ездовыми собаками, утрату которых вознаграждают путём покупки; в то время собака среднего достоинства стоила приблизительно рубля три. Но помимо обыкновенных качеств, как-то: выносливость, быстрота, сила, от ездовых собак требуются ещё некоторые другие. Прежде всего каждая нарта должна иметь передовую собаку, которая, идя во главе упряжки, умела бы различать команду и не сбиваться с пути. Три возгласа — право, лево и стой — собаки в общем усваивают очень легко, и понимание их не составляет ещё какого-либо особенного достоинства. Наоборот, умение держаться определённого направления даётся собакам в высшей степени трудно. Как известно, на севере, особенно же в безлесной тундре, нет дорог; постоянное течение воздуха, несущееся над покрытой снегом и лишённой всякой древесной и кустарной растительности равниной,

заставляет так сильно крепнуть снег, что нужна уже очень тяжело нагруженная нарта, чтобы оставить на нём слабый след; да и этот последний уже на следующий день становится еле заметным. Таким образом, есть только одно направление, по которому приходится ехать, именно то, которое даёт нарте каюр, пускаясь в путь: задача передовой собаки в том и заключается, чтобы неукоснительно держаться этого направления до тех пор, пока команда не заставит её свернуть вправо или влево. Но это усваивается трудно: большинство собак имеет привычку отклоняться то более вправо, то слишком влево, и каюру постоянно приходится следить, чтобы этого не случилось. Последняя задача необыкновенно утомительна, особенно в пасмурную погоду и на необозримой равнине; однако её надо неуклонно преследовать, если не хочешь совершенно сбиться с пути. Уже при тихой погоде непрерывное наблюдение, как выше сказано, утомительно, но работа эта становится в высшей степени затруднительной, если начинает смеркаться и особенно тогда, когда разыгрывается ветер. Поэтому в очень тёмное время, т.е. во второй половине ноября и в течении всего декабря, избегают без крайней нужды предпринимать далёкие путешествия по открытой тундре или в открытое море. В это время, правда, не абсолютно темно, полной темноты не допускает отблеск от снега и преломляющиеся в верхних слоях воздуха лучи от находящегося под горизонтом солнца. Но тем не менее вид вдаль всё же настолько сильно ограничен, что ехать затруднительно и путешествие может быть даже опасным. Если есть какая-либо возможность, поездок избегают в это время уже по той причине, что собственно день, когда кое-что всё же видно, очень непродолжителен; потому на сравнительно короткие путешествия приходится тратить слишком много времени, да к тому же расходовать очень много корму, который, конечно, нужно тащить с собой. Точно также не пускаются в путь, если свирепствует снежная буря; нет никакой возможности мало-мальски ориентироваться, когда непогода бушует до такой степени, что уже нельзя более различить, падает ли кружащийся вокруг нарты снег сверху или он поднимается ветром снизу. В таких случаях преспокойно останавливаешься там, где тебя застала непогода. Но так поступают, конечно, только при абсолютной невозможности продолжать путешествие, а это случается всё же не так часто; при сравнительно не очень сильном ветре приходится ехать дальше, так как иначе

не пришлось бы двинуться с места. И так, при ветре, пасмурном небе и особенно при снеге с ветром, который часто тоже сильно затрудняет вид вдаль, нельзя прерывать путешествие, и если при таких обстоятельствах передовая собака не держит направления, то попадаешь в высшей степени неприятное положение. Поэтому-то хорошая передовая собака просто неоценима, в полном значении этого слова, потому что её нельзя достать путём покупки. На всякого рода собак существуют цены, но определить стоимость передовой собаки мне никто не мог. На все мои вопросы по этому поводу я получал всегда один ответ: её нельзя купить, потому что никто не продаёт своей передовой собаки; их в продаже вообще не имеется. В известных случаях можно купить целую упряжку для нарты, но отдельных передовых животных не продают. Таким образом умение держаться одного и того же направления есть главное требование, которое предъявляют передовой собаке, а с ним связаны два других, которые выполняются собаками тоже очень нелегко: в случае, если встретятся следы какого-либо животного, собака не должна обращать на них никакого внимания; точно также она не смеет бежать за взлетевшей птицей или за показавшимся на дороге зверем. Подобные требования, конечно, предъявляются, но удовлетворяют им только очень хорошие и опытные животные, потому что это зависит не только от самой передовой собаки, но последней приходится в этом случае иметь дело со всеми, позади её бегущими товарищами по упряжке. Лишь только на пути появилось какое-нибудь животное или наткнулись на след, как вся свора с бешеной быстротой пускается вдогонку, и лишь очень хорошие передовые собаки не дают себя сбить и держат направление. Впрочем, это далеко не так опасно, как постепенное отклонение от принятого направления, в котором повинна дурная собака и помимо подобных экстраординарных обстоятельств. Внезапный, часто сопровождаемый сильным лаем, бешеный бег неминуемо обращает на себя внимание каюра, и он тотчас же может вернуться на правильный путь.

До сих пор речь шла исключительно о способностях собак, которые относятся специально до езды на них; но хорошему ездовому животному предъявляются иногда и другие требования. Особенно высоко ценятся те качества, которые присущи так называемым нерпичьим собакам. Зимой на побережье Ледовитого океана очень усиленно охотятся за тюленями. Это очень обыкновенное там животное имеет привычку в

течении всей зимы поддерживать во льду отдушины. Вначале последние представляют из себя лишь круглые отверстия, но по мере нарастания льда в толщину из них образуется довольно длинный, косо идущий канал, служащий животному для того, чтобы высовываться и вдыхать в себя воздух. Отверстия этих каналов отыскивает охотник за тюленями и вставляет в них мешкообразную сеть. Последняя снабжена таким искусным механизмом, что захлопывается в то время, когда верный своей привычке тюлень выскакивает из воды, будто выкинутый какой-то метательной машиной; пойманный таким образом, он должен задохнуться под водой. Когда охотник за нерпами нашёл подобный канал и поставил в нём свою сеть, он ставит знак, при помощи которого всегда легко вновь найти место и дальнейших затруднений в этом отношении не является. Но вовсе не так легко отыскать воздушные отдушины тюленей и помочь в данном случае должна нерпичья собака. Такие животные, запряжённые в качестве передовых собак, имеют способность издали чуют нерпичью отдушину и ведут нарту прямо к ней; точно также, благодаря своему тонкому чутью, они находят дорогу домой даже в темноте и во время снежной бури. За таких собак платят очень дорого, потому что при известных обстоятельствах от их способностей зависит жизнь охотников. Далее имеются ещё так называемые лисьи собаки, которые, будучи пущены по следу лисицы, догоняют её и загрызают, но не съедают, а приводят к ней своего хозяина.

Почти все без исключения ездовые собаки охотно идут на белого медведя, а потому подобная охота составляет любимое удовольствие молодёжи; помимо того она имеет ещё особенное значение в годы неудачного лова рыбы, когда медвежье мясо очень охотно дают собакам в пищу. На охоту за медведями едут обыкновенно обществами в три или четыре человека и направляют свой путь к так называемым торосам, т.е. образуемым льдом холмам, которые высятся на гладком льде группами или цепями и достигают иногда высоты от 50 до 90 футов. В этих ледяных горах почти наверное можно рассчитывать встретить медведей, тогда как на гладкой ледяной поверхности поиски за ними остаются тщетными. Когда по поведению собак, почуявших животное, замечаешь, что оно близко, следует принять меры к тому, чтобы медведь не напал внезапно; необходимо иметь время остановить нарту и отпрячь по крайней мере одну или несколько задних собак от гужа, чтобы они

начали наступление на медведя и отвлекали его внимание, пока освобождаешь остальную свору. Лишь только псы спущены, они с отчаянным воем кидаются на медведя, который тотчас же садится на задние лапы и раздаёт сильные удары облаивающим его со всех сторон и то тут, то там хватающим его собакам. Крайне редко удаётся животному схватить какую-нибудь из них и швырнуть её с разодранным боком на лёд; большою же частью нападающие достаточно ловки и не допускают до этого. Между тем охотники успели уже освободить свои копыя, которые всегда прикрепляются по сторонам нарты, и сами переходят в наступление. Если они действуют хладнокровию и обдуманно, то один из них выступает вперёд, становится против медведя и выжидает момента, когда занятое исключительно собаками животное подымает левую ногу, с целью дать удар, — тогда он оканчивает битву, всаживая верно намеченное копьё в сердце. Так охота должна вестись по правилам, но не всегда протекает она столь гладко, по программе: случается порой, что выходит не один, а разом два, даже три медведя, и тогда обстоятельства дела усложняются. Далее может быть, что медведю удастся с самого начала схватить и задушить собаку, что иногда ведёт к плачевным последствиям. Если собака ранена в разгаре борьбы, когда животные разъярены, их уже не тревожит жалобный вой полураздавленного товарища, а наоборот заставляет их прийти в ещё большую ярость и энергичнее бросаться на медведя. Но если последнему посчастливилось уже в начале битвы разорвать собаку, то псы, особенно молодые без опытного в битвах ветерана в их среде, отступают и прячутся за охотников, предоставляя им играть первую роль. Искусившихся в этой охоте людей, вроде Ивана Котельникова, это нисколько не обескураживает; старик постоянно придерживался того мнения, что медведь слишком глуп, чтобы с успехом бороться против человека: нужно только внезапным движением направить копьё на глаза животного, тогда он будто бы сейчас же высоко поднимает обе лапы и затем уже легко попасть в сердце. Это опять такой манёвр, который мог привести в исполнение лишь сам Котельников, да ещё один молодой парень с Индигирки. Но эти два человека по всему побережью Ледовитого океана славились за лучших охотников на медведей; остальные же полагали, что всегда крайне неприятно, если собаки покажут тыл и особенно тогда, когда это случается очень быстро, неожиданно и раньше, чем приготовиться, как

следует, к борьбе. Охота на медведей считается спортом, да к тому же ещё таким, где человек может показать себя; происшествия, которые случаются при этом, составляют часто предмет очень оживлённых, то порицающих, то хвalebных разговоров. Мне хотелось купить несколько шкур белого медведя; невыделанные они стоят недорого, так как, собственно говоря, их вовсе нельзя пускать в дело: волосы жёстки и шкура необыкновенно тяжела. Дубить их нелёгкая работа, потому что они точно насквозь пропитаны жиром, очистить же их крайне трудно. Мне было предоставлено на выбор несколько таких шкур людьми, приехавшими из Русского устья, особенно же упомянутым выше и слывшим за прекрасного охотника молодым парнем. В то время, как я осматривал товар, собралась целая толпа народа, которая очень внимательно рассматривала шкуры с внутренней стороны, с целью найти дыры от удара копий. Большинство медведей было убито по правилам, а некоторые шкуры имели всего одну рану, — доказательство того, что смертельный удар был нанесён верной рукой. Вдруг поднялся ужасный шум и смех: нашли шкуру, принадлежавшую, судя по величине, не очень-то опасному животному, но вся спина которого, так же как бока и грудь, была покрыта массой незначительных дыр. И напали же тогда на бедного малого; он покраснел как рак и старался защищаться, но среди посыпавшихся на него со всех сторон насмешек не мог вымолвить ни одного слова. Его спрашивали не позвал ли он на помощь всех своих сестёр и тёток и не заставил ли их колоть медведя сзади в то время, как сам плясал перед ним; — одним словом, ему приходилось плохо. Лишь спустя некоторое время мог он заставить толпу выслушать себя и сказать ей, что эта шкура была вовсе не его добыча и что она только случайно попала к нему: он услышал, что мне нужно много шкур, а потому постарался добыть, как можно больше. В конце концов ему пришлось поверить, так как он был чересчур ловкий охотник, но насмешливые замечания, как об этой шкуре, так и о других, которые по мнению людей имели больше дыр, чем это допускалось, слышались ещё долго. [[назад](#)]

37. Жалоба Пангао

Пангао был молодой купец с мыса Пээк, очень предприимчивый и интеллигентный человек, но в то же время крайне вспыльчивый и буйный в гневе. Зимой 1865-66 года он сделал на ярмарке какой-то скандал и для успокоения и в наказание был посажен мною под арест. Вследствие этого трусливые нижеколымцы полагали, что он поклялся мне отомстить и считали своею обязанностью предостеречь меня. Но это было совершенно напрасным трудом, потому что желание видеть меня было связано у Пангао с совсем иными причинами. Он подал мне жалобу на американских китоловов, которые торговали на мысе Пээк в больших размерах водкой, спаивали людей, а затем за гроши получали от них пушные товары. Кроме того, Пангао ставил в упрёк китоловам то обстоятельство, что они охотились за тюленями у самого Сибирского побережья и наносили большой вред живущим там чукчам, которые занимались тем же промыслом. По его словам, прежде приходили в те воды русские военные корабли и оберегали жителей от хищничества американцев, в настоящее же время этого больше нет, а потому он просил меня, чтобы опять было учреждено наблюдение за побережьем. Я обещал ему представить его жалобу на усмотрение генерал-губернатора Восточной Сибири и на самом деле сдержал это обещание. По разным причинам прошло несколько лет прежде, чем туда действительно были отправлены корабли; Пангао же полагал, что это последует немедленно, а потому намерение разузнать от меня причину их отсутствия и заставило его выразить желание увидеть меня. [[назад](#)]

38. Награды Амвраоргина

Станным образом Амвраоргин не получил никаких почётных знаков, хотя было бы прямо логично отличить его перед всеми остальными. Никто не имел на его соотечественников даже приблизительно такого влияния и не пользовался таким уважением среди них, как он, а потому было необходимо всё более и более усиливать это влияние, чтобы в конце концов приобрести среди рассеяно живущих в мало доступной стране чукчей личность, с которой и можно было бы иметь дело в случае какой-либо надобности. Среди азиатских инородцев

стремление украшать себя значками и отличиями развито ещё сильнее, чем в образованной Европе, и как он сам, так и знатнейшие из его приверженцев очень нервно относились к тому, что его так обходили. До некоторой степени он старался, конечно, сам помочь себе в этом отношении. Капитан Биллингс получил несколько медалей для раздачи и во время своего путешествия по Чукотской Земле воспользовался данным ему правом. От них, кажется, не осталось никаких следов, но отец Ятыргина, по-видимому, тоже получил две подобные большие медали, — одну оловянную, а другую бронзовую; они перешли по наследству к сыну, а затем к внуку и носились этим последним. Кроме того, старик Ятыргин получил почётный кафтан из красного сукна, который присвоил себе также и сын его. Таким образом, в торжественных случаях Амвраоргин появлялся в красном мундире и с двумя большими медалями на шее, на что он не имел ровно никакого права, потому что все такие украшения даются, само собою разумеется, только лично, без права передачи по наследству. Поэтому, нужно было бы, собственно говоря, запретить ему ношение этих вещей, но было безусловно необходимо выставить его в глазах единоплеменников как единственного главу. Итак, оставалось только из незаконного поступка сделать законный и приказать ему являться в официальных случаях не иначе, как в своём красном кафтане и с медалями. Он делал это, понятно, очень охотно, а распоряжение имело хорошие последствия особенно благодаря тому, что чукчей никогда не принимали иначе, как в присутствии Амвраоргина: если у них была какая-либо надобность до русских властей, они должны были предварительно испросить аудиенцию у него.

[\[назад\]](#)

39. Олений костный жир в качестве осветительного материала и топлива

Обыкновенные чукотские палатки являются не очень-то приятным жилищем по двум причинам: с одной стороны, спишь в обществе самих хозяев, а с другой — освещаются и согреваются они в большинстве случаев сальными лампами, которые распространяют отчаянную вонь. Оседлые чукчи имеют возможность употреблять на это исключительно

тюлений жир и изменить этого конечно нельзя; но в распоряжении чукчей-оленьеводов есть ещё другой материал для освещения и топлива, и если они не употребляют его постоянно, то виновата в том исключительно их лень, так как готовить его несколько хлопотливо. Чукчи варят свою оленину всегда без костей, которые тщательно отделяются от мяса раньше, чем последнее поступает в котёл. Оставшиеся кости разбиваются большими деревянными молотками и затем варятся в течении многих часов с большим количеством воды в котле. на поверхности воды образуется при этом толстый слой жира, который собирают и остужают. Тогда получается белая, твёрдая, похожая на стеарин масса, при сгорании дающая очень хорошее, горящее белым огнём пламя, которое вовсе не имеет запаха. Лампа, в которой горит этот жир, отличается очень простым устройством: иногда она представляет из себя глиняный сосуд, иногда в качестве её служит простая круглая сковорода из чугуна, какие обыкновенно привозят купцы на ярмарку. Такую сковороду ставят в палатке на плоский камень в несколько наклонном положении; на приподнятую сторону кладут кусок вышеописанного жира величиною в кулак, а на опущенную помещают род фитиля из мха, толщиною приблизительно в дюйм. Если теперь поднести к жиру зажжённую лучину, то он тает, пропитывает фитиль и последний можно тогда зажечь; далее правильное питание фитиля поддерживается уже развиваемой пламенем теплотой. Такой лампой палатка не только хорошо освещается, но и быстро и вполне достаточно нагревается, так что в ней можно удобно оставаться в лёгком меховом платье даже во время сильной стужи. [[назад](#)]

40. Корм для лошадей в тундре

Вся тундра покрыта травой и не следует представлять её себе в виде равнины, поросшей мхом, хотя последний встречается там тоже в большом изобилии. Но из трав в тундре растут только осоки, *Carices*, питательность которых крайне сомнительна. Летом, особенно же весною, эти растения доставляют ещё довольно сносный корм, но позднее они становятся такими жёсткими, что животные, хотя и едят их, но остаются постоянно голодными и теряют силы. Из дальнейшего рассказа будет видно, насколько я сам терпел от того, что мои лошади во время

поездки к мамонту и в то время, когда мы были заняты там работами, не могли найти себе хорошей пищи. В данном случае дело было ещё не так серьёзно, потому что с нами было немного багажа, и я мог вернуться оттуда пешком. Но в Чукотской Земле, слишком удалённой от мест человеческой оседлости, я не мог рискнуть на такого рода опыты. Правда, с Анюя в Гижигинск ездили на лошадях, и на них же путешествовали американские рабочие во время проведения телеграфа; но эти поездки совершались на коротком расстоянии и в самое лучшее время года, а потому они не могли служить примером для моей экспедиции, которая отправлялась в неизвестную землю и продолжительность которой нельзя было определить. [[назад](#)]

41. Оленина и рыба как корм для собак

Можно было бы предполагать, что оленьё мясо много питательнее рыбы. Вообще это очень возможно, но только не по отношению к собакам. Последние так привыкли к рыбе, что желудок их, по всей вероятности, хорошо усваивает лишь её, а мясная пища частью выводится непереваренной. Во всяком случае несомненно то, что собаки, которых кормят олениной, способны значительно менее к работе, чем те, которые получают в пищу рыбу. [[назад](#)]

42. Христианские миссионеры у чукчей и коряков

Обращение чукчей в христианство шло, по крайней мере во время нашего там пребывания, крайне медленно, да и заключалось-то оно лишь в том, что миссионер ежегодно присылал список крещённых. Миссионеров для чукчей два: один имеет своим постоянным местом жительства Нижнеколымск, а другой — Марково на Анадыре. В этом выразились заботы о распространении среди чукчей христианской религии, и на этом и успокоились. В описании путешествия Врангеля, Матюшкин говорит об одной ярмарке на Анюе, на которой он присутствовал, и рассказывает о сцене, которую он видел там во время крещения. Некий чукча сторговался с миссионером креститься за некоторое количество табаку. Когда же дело дошло до священного обряда, и перед находя-

щейся там маленькой часовней поставили большую купель с водой, собиравшегося креститься взяло раздумье стоит ли подвергаться такой холодной ванне при господствовавшей в то время температуре? Итак, креститься он не пожелал, но ему напомнили, что он ведь заключил условие, дал своё согласие и что, следовательно, он не может теперь отказываться. Наконец, он собрался с духом, прыгнул в купель, но окунулся не три раза, как того требует церковный обряд, а всего один раз, а затем быстро выскочил и начал громко требовать свой табак. Все попытки убедить его, что ему следует окунуться ещё два раза, остались тщетными: от холода он как бешеный бегал в кругу, образованном зрителями, собравшимися посмотреть на эту сцену, и только и знал, что кричал, — табак, табак! Подобных сцен мы не видали, но нам известно, что миссионеру Петру Суворову ежегодно даётся, или по крайней мере давалось в то время, правительством большое количество табаку и железных изделий для того, чтобы он распространял Слово Божие среди чукчей. Какой смысл в этих подарках миссионеру, просто непонятно, да и миссионер, живущий на Анадыре, их не получает: по теории человек должен вступать в православную церковь добровольно, побуждаемый исключительно силою правды, — к чему же тут табак и железо? Впрочем, для миссионера последние представляют очень приятную прибавку к содержанию: он получал свой табак и в такие годы, когда слой выпавшего снега был настолько глубок, что купеческие караваны не могли достигнуть Нижнеколымска благодаря гибели всех лошадей по дороге. Таким образом товар миссионера приобретал невероятно высокую ценность и его можно было продавать, как это по рассказам в таких случаях и бывало, по количествам, достаточным лишь для того, чтобы наполнить одну трубку: — шкурка белки или горноста за право набить и выкурить трубку величиною с лесной орех.

Конечно, нижнеколымский миссионер ежегодно подаёт список крещённых, но есть ли это результат его миссионерской деятельности или бóльшую роль играет табак, — проверить трудно. Но необходимо обратить внимание на то, что миссионер Пётр Суворов не знал ни единого слова по-чукотски, несмотря на то, что он функционировал в качестве миссионера в течении многих лет; далее он встречался с чукчами всего только раз в году — на ярмарке на Анюе, когда положительно не имел времени беседовать с ними о религиозных вопросах. Как уже сказано,

он жил в Нижнеколымске, куда чукчи попадали крайне редко; да если бы они и посещали это место чаще, толку от этого не было бы, поелику миссионер не считал для себя нужным заниматься языком того народа, просвещать который он был призван. Ему, правда, был дан постоянный переводчик, но он жил не в Нижнеколымске, а где-то на Анюе и являлся к миссионеру на время ярмарки, да ещё один или два раза в году, когда тот предпринимал поездку к устью Большой Баранихи. В старое время, когда чукчи густо населяли остров Айоку и побережье Чаунской губы, купец Трифонов основал тут торговое поселение. Когда чукчи впоследствии начали покидать эту местность и двигаться к юго-востоку, по направлению двух Анюев, Трифонов уничтожил и своё поселение на устье Баранихи; но ввиду того, что как раз в то время искали помещение для чукотского миссионера, он велел переделал товарный магазин в церковь и отдал её, как и свой жилой дом, в распоряжение епархиального начальства, для чукотской миссионерской станции. В то время был туда назначен священник Аргентов, который не пренебрегал жить среди чукчей и изучать, насколько позволяли обстоятельства, их язык. Ему было очень тяжело, так как он был первый, взявший на себя нелёгкий труд проповедовать учение бедному отвлечёнными понятиями народу, для которого он часто не находил выражений в имевшемся у них запасе слов. Но его труды сопровождались успехом в том отношении, что чукчи его любили; а если люди, которых он обращал в православие, действовали ещё не из полного убеждения, то он всё же несомненно подготовил почву и имел полное право сказать, что работал в этом направлении, насколько позволяли силы. Благоприятного результата он мог достичь, как само собою разумеется, только среди подраставшего поколения; да он и строил все свои надежды, как сам мне говорил, исключительно на молодёжи. Но он был несколько эксцентричным человеком и благодаря этой черте своего характера имел столкновения — не с чукчами, сохранившими о нём тёплое воспоминание, — а со своим коллегой в Нижнеколымске, так что в конце концов должен был оставить свой пост. С его уходом дело действительного религиозного просвещения чукчей окончательно заглохло: его приёмник счёл невозможным жить у одинокой часовни на устье Баранихи, переехал в Нижнеколымск и отсюда стал распространять христианство при помощи та-

бака и железной утвари. Конечно, и теперь ещё крестят чукчей, но исключительно в интересах ежегодно представляемых списков: крестящиеся не имеют ни малейшего понятия о том, что с ними делается, и остаются язычниками, как и прежде.

Так обстояло дело в 1870 году, но впоследствии оно улучшилось. По крайней мере чукчи, очень желавшие, чтобы среди них начало распространяться христианство, возлагали в то время большие надежды на новую часовню и миссионерский дом, которые были выстроены Амвраоргиным на устье Эломбала. Они сами выбрали это место в виду того, что в округе постоянно держалось большое число семей, и таким образом, они могли иметь миссионера у себя. Когда я с ними прощался, они очень усердно просили меня позаботиться о том, чтобы к ним был послан возможно скорее миссионер, который жил бы среди них, как Аргентов, и просвещал бы в христианском духе их детей. К этой просьбе чукчи прибавили: «скажи ему, чтобы он пришёл к нам и не боялся; ему будет у нас хорошо, мы будем считать его за своего отца и станем стараться, чтобы он ни в чём не нуждался». С тою же самою просьбою чукчи обращались раньше к архиерею во время его пребывания на Анюе, и этот последний действительно очень скоро сдержал своё обещание: когда осенью 1870 года я возвращался в Якутск, мне повстречался вновь назначенный миссионер, которому было уже предписано жить на Эломбале и первым делом стараться изучить чукотский язык. Поэтому есть основание полагать, что в этом отношении последовало значительное улучшение.

Что же касается миссионера на Анадыре, то это название вряд ли может быть ему присвоено, так как он, собственно говоря, вовсе не миссионер, да и самые окружающие его условия не позволяют ему заниматься делом просвещения язычников. Он живёт в маленьком местечке Марково, расположенном выше соединения Анадыря с его большим правым притоком Маином. Там находится небольшая церковь, в которой миссионер и совершает богослужение. Всё это прекрасно, потому что священника посылают туда, где живут люди, но только его служение не представляет из себя миссионерской деятельности среди язычников, которых вокруг Марково совсем нет. Судя по тому, что рассказывал мне миссионер Митрофан Шипицын, если я не ошибаюсь, он был назначен, собственно говоря, проповедовать Слово Божие корякам, но он не мог этого

выполнить потому, что вовсе их не видал или встречался с ними время от времени только случайно. Именно, коряки живут по побережью Гижигинского и Пенжинского заливов, так что ближайšie юрты их удалены от Марково более, чем на 450 вёрст, — где же тут возможно добраться до них миссионеру? В одном отношении ему было бы, конечно, легче вести с ними дело, чем чукотскому миссионеру на Анюе: чукчи представляют из себя разбросанно живущих кочевников, тогда как коряки живут оседло в селениях у моря. Но, если местом жительства миссионеру назначаешь Анадырь, то от него нельзя требовать, чтобы он исполнял миссионерские обязанности на побережье Охотского моря; с него нельзя даже требовать, чтобы он предпринимал туда поездки, так как ему не было дано средств на такие путешествия. Вообще с этим миссионером поступали так, что рассказ о положении, в каком он находился, кажется невероятным, как сказка. Свою миссию он должен исполнять у моря, но жить он обязан у своей церкви, которая находится в 400 верстах от побережья; жалованье и провиант он имеет получать в Гижигинске, удалённом от места его жительства на Анадыре с лишком на 600 вёрст (между Марково и Гижигинском местные жители считают, по моему мнению ошибочно, 800 вёрст); он должен совершать этот длинный путь через горные хребты и безлесную тундру ежегодно на свой собственный счёт, если желает получать деньги и провиант на содержание своей семьи и себя. Шипицын был того мнения, что с этим ещё можно мириться, но что главнейшее затруднение состоит в том, что его содержание присылается неисправно. От чего зависит эта неисправность, сказать с точностью он не мог, но результатом её являлся тот факт, что, приехав в Гижигинск на нанятых или содержимых им самим собаках, он узнавал, что его содержание на этот раз ещё не было прислано. Между тем жить ему чем-нибудь было нужно, и тогда не оставалось ничего другого, как выпрашивать у купцов в долг необходимые для жизни в течение года деньги. Так он до сих пор, конечно, и поступал, но купцы брали, по его словам, такой громадный процент, что средства его через это очень урезывались; впрочем, в конце концов ему всегда выплачивали его содержание. Он полагал, что неправильность, которая так часто случалась относительно получения его жалованья и провианта, имела своею причиною то, что снабжающее его всем необходимым начальство находится в Благовещенске на Амуре, следовательно, он получал своё

содержание морским путём, а корабли приходят в Гижигинск не ежегодно. Возможно, что так оно и было, но тем не менее уже чересчур легкомысленно со стороны подлежащей администрации посылать чиновника на пост, — миссионер ведь может же считать себя чиновником епархиального ведомства, — и даже не позаботиться сделать соответствующие распоряжения о снабжении его средствами к жизни. Есть, конечно, полное основание содержать в Марково церковь и священника, потому что живущие вдоль Анадыря крещёные юкагиры и чуванцы нуждаются в духовном пастыре; последний может также (но конечно под условием, что ему будут даны средства для поездок) исправлять требы, необходимые христианам на Пенжине, так как расстояние между Марково и Пенжинском составляет всего двести вёрст. Но если помимо того хотят устроить миссионерский пост и у коряков, то такое благотворное стремление не может быть исполнено только путём награждения священника в Марково титулом миссионера и означением в годовых отчётах, что существует миссионер для коряков. О существующем на самом деле, а не на одной только бумаге, миссионерском посте речь может быть лишь тогда, когда миссионер будет жить среди самих коряков. Нигде в Сибири нельзя так легко устроить миссионерскую станцию среди несчастных, нуждающихся в духовном просвещении людей, и нигде не чувствуется в ней такой настоятельной потребности, как у коряков Охотского моря, которые находятся на пути к гибели под влиянием пьянства и других пороков. Побережье этого моря лишено древесной растительности, но на Пенжине растёт высокоствольный осиновый и тополёвый лес, более удобный для построек, чем тот, из которого сооружены церковь и дома в Марково; нет никакой особенной трудности сплавить строевой лес вниз по Пенжине до моря, а затем вдоль побережья к устью Шестаковки, где находится корякское селение и притом самое большое на всём побережье. Отсюда миссионер мог бы, зимою на нартах, а летом на байдарках, посещать все корякские селения и таким образом исполнять свои обязанности. Мало того, этим не исчерпывалась бы его деятельность, так как в береговой цепи гор живёт ещё много семей коряков-оленоводо-в, которые каждое лето приходят на берег моря, чтобы пользоваться его рыбным богатством: им тоже можно было бы проповедовать христианское учение. Когда воочию увидишь всё рассказанное, то корякский миссионер на Анадыре является чем-то

вроде насмешки, как будто желали обмануть высшие власти, которые в отдалённом С.-Петербурге не могут составить себе никакого представления о действительном положении вещей. [[назад](#)]

43. Матюшкин о ярмарке на Анюе

В описании своего путешествия Врангель приводит отчёт Матюшкина о ярмарке на Анюе. Он написан очень живо и интересно; особенно ярко набросана картина торгов с чукчами на льду. Тот, однако, кто прочтёт это описание, неминуемо увидит чукчей в слишком выгодном свете и может подумать, что вообще они стоят выше русских. На самом деле этого конечно нет, а потому, чтобы отдать справедливость русским, необходимо было сделать поправку в тексте. Дело в том, что на этих торгах русские находятся в положении значительно менее выгодном, чем чукчи; это зависит от того, что различные сорта меховых товаров, которые на Анюйской ярмарке оплачиваются одинаковым количеством табаку, на якутском рынке имеют очень различную стоимость. [[назад](#)]

44. Условия торговли между чукчами и американскими китоловами

На чукотской ярмарке установленные с самого начала цены удержались без изменения до последнего времени, тогда как на европейском меховом рынке произошли некоторые перемены. Так, например, в прежнее время офицеры русской армии носили бобровые воротники, что в одной России рождало громадный спрос на этого рода меха.

Богатый офицер носил, конечно, воротник из меха морского бобра, животного, которое в России называется также настоящим бобром, но относится к отряду хищных; обыкновенно же требовался речной бобёр, *Castor fiber*, именно то животное, шкурки которого чукчи привозили на Анюйскую ярмарку. Благодаря этому бобровый мех требовался в прежнее время в большом количестве; но после того, как в царствование Императора Александра II бобровые воротники в войске были заменены мерлушковыми, положение дел быстро изменилось и в настоящее время на европейских рынках почти вовсе нет спроса на речного бобра.

Наоборот, куница, привозимая чукчами, постоянно была в хорошей цене и так и осталась в ней до настоящего времени. Мех её превосходен, рост очень велик, и она отличается от соболя только тем, что волос её («вода») жёлтого цвета; в России её считают за дешёвый сорт соболя. Далее, временами необыкновенно высоко ценилась цветная разновидность лисицы, так называемая сиводушка, так что каждый купец на Анюе изо всех сил старался её получить. Но уже много лет, как чукчи привозят на ярмарку почти только одни бобровые шкурки, да разве немного лисиц и куниц вместе с моржовыми клыками малой величины. Зависит оно от того, что все ценные предметы торговли вымениваются у них американскими китоловами уже в проливе, прилежащем к мысу Пээк; это обстоятельство доставляет большие неприятности купцам, но против него вряд ли можно было бы что-нибудь предпринять, если бы подобная меновая торговля не влекла за собой неминуемой гибели чукотского народа. Для серьёзной торговли с чукчами у американских китоловов не достаёт двух важных предметов её — черкасского табаку и оленьих шкур, т.е. двух безусловно необходимых вещей, как чукчам, так и кергаулам. Если бы китоловы могли предлагать в мену эти предметы, то, по всей вероятности, среди чукотских торговцев не нашлось бы желающих совершать крайне долгое и затруднительное путешествие от мыса Пээк к Анюю и обратно. Но в виду того, что китоловы не могут предлагать этим инородцам необходимых им вещей, они пускают в дело водку с совершенно верным расчётом, что дикари не устоят против этого соблазна. По рассказам Пангао торг начинается с того, что предлагаются железные товары, которые американцы имеют во всяком случае в большем разнообразии и по значительно низшей цене, чем анюйские купцы. Если на железные изделия спрос прекращается, то на сцену является водка, сначала в качестве дружеского угощения, а когда дикари опьянеют и потеряют всякую способность критически относиться к происходящему — водка становится уже предметом торговли. Наконец чукча отрезвляется и видит себя обладателем одной или нескольких бутылок водки, но вместе с тем лишённым всех своих шкур. Большое несчастье и нищету причиняет чукчам этот бессовестный торг и многие из них погибли благодаря ему. [\[назад\]](#)

45. Обычаи и одежда чукчей

Чукчи ни в каком случае не отличаются ловкостью; для этого они сложены слишком неуклюже и чересчур неповоротливы, но они сильны и выносливы. Главнейшею же отличительной чертой их нужно, однако, признать полнейшую нечувствительность к холоду. Правда, они носят тёплую одежду из двойной оленьей шкуры; но если принять в соображение, что эта двойная рубаша надевается при сорокаградусном морозе на голое тело, то нельзя сказать, чтобы они одевались слишком тепло. Когда же чукчи находят эту одежду слишком стеснительною для себя, то, ничуть не задумываясь, снимают её и при этом, по-видимому, не чувствуют ничего неприятного. Рубашка и панталоны чукотских женщин составляют одно целое; этого рода одежда надевается через очень свободный ворот, а затем крепко завязывается ниже колен ремнём. Верхняя, приходящаяся на туловище часть её очень широка, и снабжена тоже очень широкими рукавами, в которые руки всовываются изнутри. Если женщина выходит из дому, то поверх этого одеяния она надевает ещё широкую рубашу из летней шкуры оленя, которая своими короткими волосами обращена к телу; дома же она носит только вышеописанный костюм, который оставляет шею совершенно обнажённою, потому что верхнее отверстие его, как уже сказано, настолько свободно, что в него проходит самая широкая часть туловища. Но как вся одежда, так и широкие рукава часто мешают им в работе, а потому в своём пологе женщины сидят почти постоянно со спущенною рубашкою, иными словами, совершенно обнажёнными ниже, чем по пояс. Когда спальный полог опущен и в нём зажжена лампа, то вынести это, конечно, возможно, так как температура в столь малом помещении сносная. Но днём дело другое: лампа не зажигается и, чтобы в пологе было светло, передняя стенка его приподнимается и привязывается; тогда температура в пологе едва отличается от наружной. На Анюйской ярмарке я проходил однажды по лагерю чукчей и увидел, что перед одной из палаток сидели две женщины, которые очень прилежно занимались какою-то портняжной работой. Они растянули на снегу несколько дублёных шкур, мерили и кроили их. При этом женщины, конечно, спустили ради удобства свою одежду и сутились около работы полунагими, а между тем было около

тридцати градусов холода и дул свежий ветер. Я выразил моему переводчику своё удивление по поводу столь лёгкого одеяния; женщины немедленно же постарались узнать, что я сказал; получив от него ответ, они рассмеялись и тотчас же одели платье в рукава. Из интонации его голоса я легко мог заметить, что он далеко не буквально передал им смысл моего замечания: он пояснил им, что неприлично являться перед чиновником неодетыми. Поэтому я велел немедленно же передать им, что мне решительно всё равно какой у них туалет, но что я только опасался, чтобы они не прозябли. Вслед за этим раздался взрыв хохота, женщины тотчас же опять спустили платье и принялись голыми за шитьё.

Подобно женщинам поступают и мужчины, но их платье гораздо удобнее, а потому снимать его приходится редко; однако время от времени они тоже это делают, как, например, во время любимых ими состязаний в борьбе. Раз во время ярмарки я устроил в палатке Амвраоргина маленькое торжество: это случилось по окончании переписи и после приёма ясака. Старый ерем пригласил знатнейших из своих стадовладельцев, а потому пирушка не могла обойтись без водки. Но, конечно, были приняты меры к тому, чтобы она не была слишком крепкою; однако, на чукчей, употребляющих этот напиток лишь крайне редко, она подействовала всё же очень сильно, а потому весьма скоро завязался необыкновенно оживлённый разговор. Кроме меня тут присутствовали другие члены нашего общества, — Николай Алексеевич Соловьёв и ещё несколько купцов. В общем чукчи держали себя очень хорошо: когда кто-либо из них начинал говорить несколько несвязно, он весьма быстро исчезал из палатки, появляясь в ней снова лишь через значительный промежуток времени и, очевидно, в много лучшем виде, чем удалился. Казалось, что всё сойдёт благополучно, как вдруг завязался оживлённый разговор между стариком Амвраоргиным и одним чукчей с мыса Пээк, который явился тоже в качестве гостя. Из-за чего они поспорили я не мог понять, но видел, как Амвраоргин в гневе взял здоровую палку и так сильно ударил своего гостя по голове, что тот свалился. Поднялся громкий смех, Соловьёв же перепугался, вскочил и хотел уехать, так как думал, что разгорячённые чукчи схватятся теперь за ножи. Я напрасно старался его успокоить, а потому вышел с ним из палатки, с целью найти кого-нибудь, кто бы подал ему нарту. На небе ярко

светила луна, так что мы отчётливо могли видеть странную сцену, которая происходила вне палатки. На снегу лежало несколько чукчей, скинувших свои меховые рубашки, так что верхняя часть туловища была совершенно обнажена до бёдер; в таком упрощённом костюме они валялись по снегу, причём иногда глубоко засовывали головы в собранный в кучи снег. На наши вопросы они отвечали, что это прекрасное средство освободиться от излишнего жара и от винных паров. Они делали это уже несколько раз в течение вечера и таким образом постоянно освежались, когда напиток слишком отуманивал им голову. [\[назад\]](#)

46. Северный олень на бегах

Такого рода состязания в бегах не всегда оканчиваются благополучно. На этот раз только один чукча, да и то на короткое время, лишился чувств, благодаря тому, что кусок льда или комок снега попал ему в голову; дальнейших дурных последствий это, впрочем, не имело. Но может случиться, что ездока потащат олени, причём иногда он получает сильные увечья. Упряжь устроена так, что каждая вожжа имеет петлю в том месте, где её держат; через эту петлю просовывается рука и вожжой можно время от времени не держать, — они прикреплены к запястью той петлёй или ушком. При обыкновенной езде, когда животных легко сдерживать описанным в тексте приспособлением, такое окончание вожжой несомненно очень удобно: руки свободны и пальцы поэтому не так коченеют во время сильного холода. Но при бешеном беге пользоваться этим удобством часто очень опасно, животные до такой степени возбуждены, что верно управлять ими более невозможно, и если при этом сани, взлетев на воздух, опустятся не на полозья, а перевернутся, то седока выбросит на землю и он, не будучи в состоянии освободиться от вожжей, разбивается о камни и глыбы льда.

Я сам мог убедиться в том, что при быстром беге возможность управлять оленями становится значительно меньше. Это случилось во время нашего обратного путешествия с устья Анадыря в Марково. Установился уже санный путь, хотя снег, особенно на кочках, был ещё очень неглубок; чукчи вытащили олени санки и, как обыкновенно, катили на

них перед нашим караваном. На своих санях, запряжённых парой прекрасных оленей, я поотстал, заинтересовавшись следами какого-то животного, и только что догонял ехавших впереди чукчей, как среди них произошла суматоха и раздался крик. Один из оленей оторвался и бежал в сторону, в тундру. На этот крик чукчи тоже свернули в сторону, стараясь его поймать; в виду того, что все они заезжали оленю вперёд, я погнался за ними, надеясь перерезать ему путь сзади. Так я быстро нёсся некоторое время вперёд; нельзя сказать, чтобы это было очень удобно, но я всё же стал нагонять животное. До сих пор оно бежало скорой рысью, но обратив, по-видимому, внимание на приближение опасности, оно вдруг остановилось на одно мгновение, быстро осмотрелось и, подобно пущенной из лука стреле, полетело вперёд. Лишь только заметили этот манёвр мои олени, как пригнули свои рога к спине, вертикально подняли свои морды к небу и понеслись с такою быстротой, будто за ними гналась стая голодных волков. То и дело взлетали сани на воздух, но становились опять правильно на полозья благодаря тому, что последние очень длинные, а кочки расположены всё же с известною правильностью, — одним словом, балансировать в общем было не очень трудно. Но, что мне было всего неприятнее в этой истории, так это масса снега, которою олени забрасывали меня; снег, правда, летел лишь в виде пыли, так как зима только начиналась и тундра не успела ещё покрыться твёрдой корой, но смотреть вперёд всё же было в высшей степени неудобно. Поэтому я счёл более выгодным остановить животных и предоставить самим чукчам поймать своего беглеца. Но удерживать оленей было уже нелегко: животные находились в таком диком возбуждении, что они не чувствовали более надавливания рычажка, а тормоз, находящийся у полозьев саней всегда с правой стороны и состоящий из очень остроумно приспособленного куска оленьих рогов, который вдавливаешь ногой в снег, — не действовал благодаря тому, что последний был ещё слишком рыхл. В то время, как я старался всеми силами подобрать вожжи, меня нагнал один чукча; будучи вполне убеждён, что я вожусь с вожжами, считая бег животных недостаточно быстрым, он, весело рассмеявшись, начал ещё более подгонять их. Среди бешеного бега я не мог достаточно ясно дать ему понять, что мне нужно, а когда я вторично крикнул ему, чтобы он задержал животных, он поду-

мал, что мне нужен его аркан для поимки беглеца и тотчас же предложил его. Как раз в этот момент мне залепило снегом всё лицо, и я ничего более не мог рассмотреть. Это обстоятельство, по-видимому, выяснило ему, что для меня было много важнее остановиться, чем ловить утекавшего оленя арканом; тогда он быстро перерезал мне путь и через несколько времени ему удалось остановить и свои и мои сани. Последнего манёвра я видеть, однако, не мог, я только почувствовал, что мы остановились, и прежде всего принялся протирать глаза, чтобы хоть что-нибудь видеть. [\[назад\]](#)

47. Северный олень и отношение к нему чукчей

Олений мох встречается, конечно, в тундре и на горах повсюду, но как уже сказано, он не всегда обладает одинаковой питательностью; есть четыре сорта, отличающихся различными качествами. Один из них особенно полезен осенью и в начале зимы, другой составляет главную пищу оленей в холодное время года; наконец, есть ещё зеленовато-жёлтый сорт мха, который особенно полезен коровам в то время, когда они телятся, а также и молодым телятам. Одним словом, хороший пастух должен зорко следить за выбором мха. Далее, важное значение имеет количество мха на выбранном для пастбища месте. От этого зависит не только хорошее состояние стада, но и то, что оно держится все вместе. Стада оленей состоят всё же из полудиких животных, которым, конечно, нравится уход человека и которые остаются у него до тех пор, пока они чувствуют себя при этом хорошо; но с другой стороны, они всегда готовы покинуть своего хозяина, лишь только начнут терпеть в чём-либо недостаток. Пастух во всяком случае должен посвятить оленям до известной степени всю свою жизнь, думать исключительно об их благосостоянии и приучить себя к той мысли, что его благосостояние всецело зависит от того, насколько довольны животные, находящиеся на его попечении. Но всё это легче сказать, чем сделать. Если пастуху удаётся поместить своё стадо близ границы древесной растительности, то он, конечно, ни в чём более не нуждается, потому что всё необходимое для существования доставляет ему в изобилии олень, — который не может дать ему только тепла. Но на границе леса расположены места кочёвок

самых крупных стадовладельцев, и таким образом все хорошие пастбища заняты тут уже стадами, за которыми они наблюдают лично; поэтому для служащих у них пастухов остаётся место только в отдалённой открытой тундре, где нужно уметь обходиться без топлива. Как мы уже видели, чукча может прекрасно просуществовать и без него: для варки пищи огня ему не надо, он ест свою оленину очень охотно и в сыром виде, а парное мясо представляет для него даже лакомство. Во время нашего путешествия довольно часто бывало, что Амвраоргин, имевший полную возможность есть варёное мясо, проходя мимо женщин, занятых разбиранием только что убитого животного, приказывал отрезать ногу, как можно скорее, пока животное не успело остыть, и принимался с большим наслаждением уплетать тёплое мясо. Таким образом без костра для варки пищи чукча может обойтись; труднее ему отказаться от огня, как от источника теплоты, но он обходится и без него, если требуют обстоятельства. Но даже и для закалённого чукчи крайне тяжело проводить бурные ночи не в своём пологе, а оставаться у стада из опасения, чтобы оно не разбежалось. В хорошую погоду и при обильном мхом пастбище пастуху зимою дела, конечно, немного, но далеко не всегда встречаются оба эти условия, а потому служба пастуха превращается в тяжёлую и утомительную обязанность даже для закалённого во всяких трудах человека. Но пастуха всегда находят, стадовладелец никогда не остаётся без такового, потому что предложение больше спроса: с одной стороны, оленеводство составляет задачу жизни этого народа, а с другой — пастух при выдержке и знании дела всегда наверное может рассчитывать в сравнительно непродолжительном времени сделаться самостоятельным стадовладельцем. [[назад](#)]

48. Олений овод и его личинка

Трудно допустить, чтобы личинка, по величине и по форме напоминающая личинку майского жука, могла принадлежать насекомому, которое ростом не больше нашего шмеля. Но с другой стороны ничем нельзя объяснить себе того панического страха, какой овладевает оленями при появлении этого не имеющего возможности жалить насекомого. Чукчи с своей стороны с полной уверенностью указывали на это

насекомое, как на производителя тех личинок, которые часто пронизывают органы северного оленя. Но в большинстве случаев личинка сидит под самым эпидермисом и выделить её настолько легко, что дети часто занимаются добыванием её для себя. Они очень охотно едят её и утверждают, что она сладка как сахар; поэтому время от времени взрослые делают им удовольствие и, поймав какого-нибудь сильно взъерошенного оленя, валят его на землю. Тотчас же всё молодое общество накидывается на животное, и видишь как то тот, то другой с величайшим наслаждением отправляет себе в рот выдавленную личинку. [[назад](#)]

49. О чукотском способе ведения хозяйства.

Впрочем, существующий у чукчей обычай имеет прецедент уже в глубокой древности. Стоит только прочесть в книге Бытия историю о Лаване и Иакове, чтобы убедиться, что обычаи слепопотопных азиатских кочевников очень сходны с теми, которые существуют у чукчей. Что касается до сватовства Иакова за дочерей Лавана, то оно вполне тождественно с нынешним сватовством чукотской молодёжи; в деле же управления стадами древний сириец оказался значительно менее щедрым, чем нынешние оленеводы. Но не нужно упускать из виду, что при окончательном расставании Иаков сделал серьёзный упрёк Лавану в том, что он должен был возвратить последнему потери в стаде, обусловленные его содержанием и хищничеством волков. Из этого приходится сделать вывод, что в основании такого рода требований лежало не совсем-то мягкое отношение господина к своим подчинённым. Но в общем нельзя, кажется, отрицать, что одинаковые причины вызывают и одинаковые последствия в виде действий и мероприятий даже в том случае, если задатки и условия существования народов совершенно различны. [[назад](#)]

50. Числительная система чукчей

Счисление чукчей несомненно оставляет многого желать. Судя по тому, что при счёте они пускают в ход все свои десять пальцев, можно

было бы ожидать, что и в основании их счисления положено число десять; но, как видно из дальнейшего, на самом деле оно не так. Названия чисел следующие:

1 enné	29 klíkin kon-adshinkin
2 ṅgĩrák	30 klíkin mengítkin párol
3 ṅg̃rok	31 klíkin enné párol
4 ṅg̃rak	32 klíkin ṅgĩrak párol
5 méllengä	33 klíkin ṅg̃rok párol
6 enné méllengä	34 klíkin ṅg̃rak párol
7 ṅgĩrák méllengä	35 klíkin kilgínkin
8 amroókin	36 klíkin kilgínnok enné
9 kon-ádshinkin	37 klíkin kilgínnok ṅgĩrák
10 mengítkin	38 klíkin kilgínnok ṅg̃rok
11 enné párol	39 klíkin kilgínnok ṅg̃rak
12 ṅgĩrák párol	40 ṅgĩrák klíkin
13 ṅg̃rok párol	41 ṅgĩrák klíkin enné
14 ṅg̃rak párol	42 ṅgĩrák klíkin ṅgĩrák
15 kilgínkin	43 ṅgĩrák klíkin ṅg̃rok
16 kilgínnok enné	44 ṅgĩrák klíkin ṅg̃rak
17 kilgínnok ṅgĩrák	45 ṅgĩrák klíkin méllenga
18 kilgínnok ṅg̃rok	46 ṅgĩrák klíkin enné méllenga
19 kilgínnok ṅg̃rak	47 ṅgĩrák klíkin ṅgĩrák méllenga
20 klíkin	48 ṅgĩrák klíkin amroókin
21 klíkin enné	49 ṅgĩrák klíkin kon-ádshinkin
22 klíkin ṅgĩrák	50 ṅgĩrák klíkin mengítkin párol
23 klíkin ṅg̃rok	60 ṅg̃rok klíkin
24 klíkin ṅg̃rak	70 ṅg̃rok klíkin mengítkin párol
25 klíkin méllengä	80 ṅg̃rak klíkin
26 klíkin enné méllengä	90 ṅg̃rak klíkin mengítkin párol
27 klíkin ngirák méllengä	100 méllengä klíkin
28 klíkin amrookin	200 ṅg̃rak méllengä klíkin

В этом роде таблица чисел идёт далее до 999. Для обозначения тысячи чукчи довольствуются исключительно искажённым соответственным русским числительным; далее же сочетания отдельных тысяч дело

у них, конечно, не идёт, так как нет соответственных понятий. При вышеприведённом способе обозначения числительных счёт должен составлять для них большой труд. Это станет очевидным, если принять в соображение, что, например, 242 выразится следующим сочетанием: *ṅgĩrák méllengä klíkin ṅgĩrák klíkin ṅgĩrák*, а число 275 — *ṅgĩrák méllengä klíkin ṅgĩrok klíkin kilginkin*. Возможно ли, чтобы при этом постоянном повторении числительных двадцать, пятнадцать, десять и пять, не произошло путаницы? Поэтому-то в тех случаях, когда чукчи сидят и сводят друг с другом какие-либо счёты, и видишь их наморщенные лбы и сильно озабоченные лица: десять пальцев постоянно в ходу, а для обозначения числа двадцать, на котором основано счисление употребляются маленькие палочки. Одним словом, дело крайне затруднительное и сложное. [[назад](#)]

51. Палатки и пологи

Количество поставленных в большой наружной палатке малых спальных палаточек или пологов — как их называют русские, тоже пользующиеся ими во время путешествий — всегда соответствует числу жён и семей. Обыкновенно во всякой большой палатке висит лишь по одному пологу, потому что моногамия является всё же господствующей формой брака среди чукчей. Если приедет неожиданно гость, то ему приходится провести ночь в одном пологе с семьёй хозяина. Но если о посещении знают заранее, или гость остаётся на продолжительное время, то для него устраивается особый полог. В том случае, если пологов в палатке несколько, бывает также, что жёны хозяина помещаются в один, предоставляя таким образом освободившийся посетителю. Когда у стадовладельца есть в услужении молодые парни, то в большинстве случаев они пользуются совершенно отдельной большой палаткой с особым пологом. [[назад](#)]

52. Жёны Амвраоргина

Несомненно, было что-то проблематическое в этой связи. По обычаю чукчей Амвраоргин имел право завести себе столько жён, сколько ему

заблагорассудится; но эта молодая особа, за которую он так дорого заплатил, сначала жила у него непостоянно, а являлась к нему время от времени гостить на несколько дней. Не говоря уже о двух старших жёнах Амвраоргина, отношения к ней и других чукчей были очень странные: когда она проходила, чукчи посмеивались, поглядывали на неё, пожимали плечами, — одним словом, всё это бросалось в глаза, тем более, что стариком в данном случае не было, по-видимому, сделано никакого проступка против общественной морали. Таким большим почётом, какой все оказывали первой жене, Анне, вторая жена, конечно, не пользовалась, но обе эти женщины прекрасно ладили друг с другом, и вторая считалась всеми за полноправную жену ерема; наоборот, на молодую женщину все смотрели совершенно другими глазами. Казалось, будто чукчи находили всё же не совсем приличным, что старик позволил себе это прибавление к своей семье и что общественная мораль делала некоторые ограничения в этом отношении. [[назад](#)]

53. Чукотские приправы

Я с самого начала предложил Амвраоргину есть с нами; он, по-видимому, остался этим очень доволен и очевидно считал очень важным ежедневно обедать с нами. В тех случаях, когда в большие праздники приглашались к нам в гости другие чукчи, Тинеймит и Айгинват, он любил показывать, что ему знакомы европейские кушанья и что они ему нравятся; он делал это даже в том случае, когда очень легко было заметить как раз противное. Так, например, однажды к завтраку был подан холодный олений ростбиф и в виде приправы к нему горчица и соя-кабул. Айгинват и Тинеймит, попробовав блюдо, тотчас же выплюнули и нашли соус отвратительным, Амвраоргин же усердно обмакивал в него своё мясо и ел с гордым спокойствием, хотя по его щекам так и струились слёзы. Но время от времени он всё же приказывал извиниться перед нами и обедал со своим семейством, чтобы снова поесть своих национальных блюд. Особенность чукотской кухни состояла главным образом в том, что мясо подавалось сырым или полуварёным; его ели с ужаснейшей приправой, существование которой Амвраоргин старательно скрывал от нас, так что мы узнали о ней совершенно случайно. С нашим

караваном шли между прочим сани, на которых лежало что-то напоминавшее дохлого тюленя и распространявшее сильнейшую вонь. Мы думали, что это тюленьё сало, которое везли для освещения в палатках, и не обращали на эту кладь никакого внимания. Но однажды я почувствовал ужасную вонь в нашем пологе и выйдя, чтобы разузнать причину её, увидел, что сани, о которых идёт речь, были поставлены у самой палатки, чего прежде никогда не случалось, и что из предполагаемого животного что-то вынимали и подавали старику Амвраоргину. Последний очень сконфузился, когда я подошёл и спросил его, что он тут делает; ему было крайне неприятно, что его застали за такой едой: он отличался сильным самолюбием и тщательно скрывал все привычки своего племени, которые, как он предполагал, могут вызвать отвращение в посторонних. В данном случае он ел гнилую оленью кровь с сырым мясом. С нами был большой мешок из оленьей шкуры, куда сливалась вся кровь, получавшаяся при убое животных; в мешке кровь, понятно, очень скоро загнивала и в этом виде считалась лакомой приправой к сырому мясу. [[назад](#)]

54. Снежная буря 14 и 15 мая

Буря 14-го и 15-го мая была самой сильной, какую мы вообще пережили в Чукотской Земле. Она застала нас в местности, крайне неудобной как для нас самих, так в особенности для наших стад: долина, в которой были поставлены наши палатки, была совершенно открыта для порывов юго-восточного ветра, а для животных в том месте не было подходящего корма. Собственно говоря, Амвраоргин вовсе не имел ввиду это место для ночного привала, и хотел возможно скорее пройти известную своею бесплодностью горную седловину; но обильный снег, начавший падать уже вечером 14-го мая, затемнил горизонт и принудил нас остановиться. Когда ветер к ночи начал всё более и более усиливаться, все мужчины оставили свои пологи и отправились к стаду, которое они ни на минуту не покидали до вечера 15-го мая, несмотря на то, что разыгрался сильнейший ураган. Утром 14-го мая все мы находились в нашем отдельно поставленном пологе, который тогда ещё выдерживал жестокие порывы ветра, но начинал всё же так сильно раскачиваться, что мы вышли с целью осмотреться; но вокруг уже ничего

нельзя было различать. Нас встретила такая бешеная снежная буря, что мы положительно не могли ориентироваться, где находятся остальные палатки, — разглядеть их не представлялось никакой возможности. В то время, как мы стояли у нашего всё подозрительнее и сильнее трещавшего полога, непосредственно перед нами вынырнула совершенно занесённая снегом фигура, — то был один из наших казаков, который пришёл затем, чтобы отвести нас в палатку Амвраоргина, так как, по его словам, оставаться в нашей было немыслимо. Ему удалось довести нас туда благополучно, и мы оставались там с женщинами и детьми, а ураган между тем становился всё сильнее и свирепее. Тот день и следовавшая за ним ночь были ужасны. Кроме нас и баб в палатке были ещё наши казаки; чукчи не взяли их с собой потому, что не были уверены в их умении обходиться с животными. Казаки должны были непрерывно наблюдать за палаткой и держать наготове Т-образные подпорки, о которых я уже говорил. Как только замечали, что одна из сторон палатки подвергается более сильному напору ветра, тотчас же пускали в дело подставку и таким образом силе урагана оказывалось верное противодействие. Это была очень трудная работа, но она давала хорошие результаты, потому что наша палатка выдержала бурю, хотя постоянно скрипела и трещала так, что каждую минуту казалось готова была рухнуть. К вечеру первого дня мы получили новых сожителей: палатки Айгинвата и Тинеймита не устояли против бури, свалились, и семьям пришлось переселиться к нам. Время от времени мы пробовали выходить, чтобы взглянуть на непогоду, но нельзя было отойти более чем на десять шагов от палатки, не рискуя потерять её из виду. Сделалось тепло, так что снег валил громадными хлопьями, которые в такой массе наполняли воздух, что, как сказано, нельзя было рассмотреть большой палатки на расстоянии десяти шагов. А чукчи между тем, несмотря на бушевавший ураган, оставались всё время у стад. Только изредка являлся кто-нибудь из них, чтобы поесть и выкурить трубку табаку, а затем тотчас вновь удалялся к своему посту, да с таким равнодушием, будто всё шло как следует. От них я узнал, что стадо нельзя оставлять без присмотра ни на минуту: по их словам, оно уже старалось разбежаться, так как олени за снегом не могли рассмотреть людей; только непрерывными возгласами и криком можно было давать знать животным, что они не одни. Чукчи говорили также, что олени отказываются есть при

сильном ветре и что это животным вовсе не полезно. Лишь к вечеру 15-го мая ветер начал стихать, снежная буря прекратилась, и мы могли отправиться в дальнейший путь. Мы сделали это тотчас же, чтобы поскорее распрощаться с таким негостеприимным местом. Я никогда не поверил бы, что возможно перенести такую отчаянную непогоду в открытой местности, а между тем мы её здесь выдержали и казалось, что казаки тоже не видели в этом ничего удивительного. Котельников же полагал, что с оленями он, конечно, не сумел бы справиться, но что на собаках он мог бы продолжать путь и в такую непогоду в местности, окружённой горами, очертания которых всё же оставались бы видными; но он прибавил, что в открытой местности в такую бурю и при таком обильном снеге ехать нельзя, непременно собьёшься с дороги. [[назад](#)]

55. Интерес чукчей к тундре к западу от Колымы.

Это замечание не совсем верно. В своей памятной книжке я нахожу заметку, что уже в первую зиму после нашего путешествия явилась одна или две чукотские семьи с Анадыря на Колыму с целью ближе ознакомиться с местностью к западу от последней реки. [[назад](#)]

56. Сибирское ружьё или винтовка

Винтовками в Сибири называются наиболее распространённые там ружья. Эти ружья крайне несовершенного устройства, но охотники их очень любят потому, что они приспособлены к очень малому количеству пороха и свинца. Тяжёлый ствол, имеющий в диаметре более дюйма, снабжён очень узким дулом, так что пулька, которою стреляют из такой винтовки, едва достигает величины картечи, которой бьют диких коз. Большинство охотников довольствуется одним ружьём для крупной и мелкой дичи, но у других имеются ружья двух калибров: более широкого, в который входит крупная картечь для стрельбы по диким козам, и более узкого, едва пропускающего горошину обыкновенных размеров. Решительно все ружья снабжены кремнёвыми замками очень плохой работы; вообще ружьё редко стоит на рынке в Якутске более семи или восьми рублей. Стрелки обыкновенно приделывают к ложу ружья рогатину, которою подпирают тяжёлые стволы при

стрельбе. Никак нельзя сказать, чтобы сибирские охотники были хорошими стрелками; они никогда не стреляют дичи влёт и не бьют бегущего зверя, а всегда стоящего или сидящего; кроме того, они обязательно подпирают чем-нибудь ствол ружья. Но зато они способны с невероятной выдержкой преследовать дичь до тех пор, пока она не очутится в выгодном для них положении и только тогда стреляют. Охотник больше заботится о том, чтобы не потратить напрасно пороха и дроби, чем о том, чтобы добыть животное. Поэтому-то он и стреляет по возможности меньше, и всегда охотнее ловит зверя в ловушки, которых у него масса и которые часто устроены в высшей степени остроумно. [\[назад\]](#)

57. Чукчи; знание ими своих старинных обычаев; влияние шаманов; характер чукчей.

Мы встречались с айгванами лишь во время нашего короткого пребывания на устье Анадыря. Айгваны часто приходили в наш лагерь с целью что-нибудь выменять или, вернее, получить в подарок от наших чукчей. Только одна семья этого племени совершенно поселилась вблизи нас и разбила приблизительно на одну неделю свою палатку у самого берега моря. По внешности эти люди решительно ничем не отличались от оседлых чукчей и так же свободно говорили на их языке, как сами чукчи, от которых мы впервые и узнали, что у айгванов есть ещё свой особый язык. Впрочем, крайне сомнительно, чтобы мы имели возможность разузнать что-либо об обычаях, и особенно о древних сагах и сказках этого народа даже и в том случае, если бы мы вовремя получили инструкцию Ринка. Судя по опыту, вынесенному нами в этом отношении от чукчей, я не думаю, чтобы наши изыскания могли увенчаться успехом. Было до такой степени трудно разузнать что-нибудь об их языке, нравах и обычаях, что мы никак не могли выяснить себе, зависела ли эта трудность от того, что чукчи тупы от природы, или от того, что они умышленно не желали сообщать ни о чём подобном. Старик Амвраоргин, которому ни в каком случае нельзя было отказать в уме, будучи спрошен о религиозных верованиях своего народа, давал постоянно один и тот же ответ: у нас всё так же, как и у вас. Но и разго-

воры с другими чукчами приводили к таким же неудачным результатам: я всегда натыкался на невероятное незнание всего того, что касалось прошлого этого народа и его религиозных верований. Сравнительно обширные сведения я получил из беседы, которую вёл с довольно большим числом чукчей весною 1870 года на мысе Эрри и о которой я дал отчёт Академии Наук под заглавием «Antworten auf einige Fragen des Herrn Akademikers Baer». Но и из той беседы я вынес не очень много; особенно мало знали чукчи относительно сражений, которые происходили прежде на Анадыре, а также в их собственной стране и о которых изредка встречаешь довольно подробные саги и пересказы среди чуванцев и юкагиров. О чём бы я ни начинал рассказывать в моих беседах с ними по поводу битв, все они слушали с интересом, иногда прося меня кое-что пояснить им подробнее; но всё, что они слышали, было для них совершенно ново и незнакомо. Только одна древняя сага о бегстве нескольких из их соплеменников на север произвела на них сильное впечатление и вызвала возражения. Они все были согласны в том, что подобного происшествия никогда не было, да и не могло быть; но с другой стороны они заявили, что в очень древние времена партия стадовладельцев действительно отправилась со своими жёнами, детьми и оленями на запад, поселилась сначала на Медвежьих островах, но затем снова перебралась на материк, а в конце концов совершенно исчезла. Когда я завёл речь об их религиозных верованиях и высказал им своё удивление по поводу того, что они совершают различные обряды и церемонии, а между тем не отдают себе в них никакого отчёта, Тинеймит, с полного одобрения всех остальных присутствовавших, ответил мне, как было говорено мною уже раньше, следующее: «наши старики, конечно, многое знали, но мы ни о чём более не знаем, для нас всё темно и единственной нашей надеждой является церковь, которая строится на Эломбале. Постарайся, чтобы там поселился среди нас священник и скажи, чтобы он не боялся идти к нам, что ему будет хорошо у нас. Мы сами, конечно, уже стары, мы ничему более не научимся, но детей наших он может научить и наставить». Из дальнейшей беседы выяснилось, что они всё же чтут доброго духа, который по их верованиям живёт на солнце. Чукчи решительно уверяли, что они молятся не самому солнцу, а поклоняются живущему на нём доброму духу, потому что

от солнца исходит всё хорошее — свет и тепло. Затем речь зашла о сотворении людей и мне бросилось в глаза то обстоятельство, что они поинтересовались узнать моё мнение по этому поводу, так как от своих стариков они слыхали об этом различно. Отцы говорили им, что добрый дух сотворил с самого начала разом несколько народов, а другие утверждали, что сначала были созданы всего один мужчина и одна женщина, от которых уже и произошли все люди. Но с течением времени люди сделались очень злы; тогда в наказание добрый дух послал ужасную снежную бурю, которая разразилась над неразделённой до тех пор землёй. Этот ураган не только умертвил большинство людей и рассеял остальных, но и разорвал и раскинул даже самую землю. Благодаря этому произошли Земля Кергаулов, Колючинская губа, Земля Врангеля, Медвежьи острова и другие земли; из рассеянных же людей возникли племена и народы: чукчи, ламуты, юкагиры, русские и т.д. Несомненно, что у чукчей нет ничего напоминающего жреческое сословие. Шаманы, правда, встречаются и здесь, но редко кому из них удаётся добиться влияния и уважения, потому что этого можно достигать только тогда, когда пророчества шаманствующего исполняются, чего почти никогда не бывает. Шаманом может быть почти всякий, и женщина, и мужчина, и многие занимаются этим, но влияния на соплеменников они никакого не оказывают; это скорее предсказатели, чем жрецы и значение в глазах народа они могут иметь только тогда, когда сказанное ими оправдывается на деле. Среди провожавших нас чукчей была одна чета, прекрасная половина которой почти постоянно была занята со своим барабаном, употребляемом при шаманении, но решительно никто не обращал на неё внимания. Время от времени нам приходилось, однако, просить её, чтобы она шаманила либо днём, либо — если она непременно считала нужным употребить на это ночь — барабанила бы как можно тише и не мешала бы спать другим.

О характере и природных качествах чукчей можно сказать, что они миролюбивый и добродушный народ. Между собою они живут в полном согласии; муж и жена почти всегда ладят между собой и первый никак не считает последнюю за подчинённое ему существо, за рабыню, а смотрит на неё, как на подругу жизни. Взрослые обращаются с детьми всегда очень хорошо; они охотно балуют их, так что ребяташки всегда веселы и довольны. В Нижнеколымске меня часто уверяли, что чукчи жестоко

обращаются с больными и престарелыми и даже убивают их, чтобы освободиться от них, как от лишней обузы. Но сам я не встречал ничего подобного; напротив, я мог только заметить, что они относятся к таким людям очень внимательно. Однажды, когда мы остановились на устье Анадыря, к нашему лагерю приблизилась партия молодых чукотских парней; они пришли, чтобы посмотреть на нас и поболтать со своими, издалека приехавшими земляками. Самое интересное во всём этом посещении было то, что они тащили с собою одного убелённого сединами старика, который, собственно говоря, и был инициатором их увеселительной прогулки. Сам он был слишком стар, чтобы идти так далеко, а ехать по моховой тундре без того, чтобы до крайности не изнурить оленей, было нельзя; вследствие этого молодёжь решила по очереди нести старика на плечах. Старик, который во всё время пребывания у нас едва мог двигаться с места, приподымался и клал руки на плечи подошедшего к нему молодца; последний брал старика за руки, наклонялся вперёд и, взвалив его себе на спину, отправлялся в путь. Если один юноша уставал, его заменял другой и таким образом проделали они путешествие, тянувшееся несколько дней, и все, как молодёжь, так и старик, находились в самом лучшем расположении духа. Точно также я мог наблюдать их внимательные и заботливые отношения к больным. Чукчи, правда, рассказывали мне, что в старые времена действительно бывали случаи, что старики и неизлечимые больные, которым жизнь становилась в тягость, избавлялись от страданий, прося своих детей или родственников вонзить им нож в сердце. Но чукчи заявляли, что это всегда исполнялось только по особому желанию заинтересованного лица, и что в настоящее время этого уже вовсе не бывает. Покойников своих чукчи хоронят в тундре, прямо на поверхности земли; чтобы доставить им общество, они закалывают также оленей, возивших покойного; впрочем, это случается довольно редко, так как в общем чукчи слишком расчётливы для таких жертв. Но, собственно говоря, этот обычай не представляет собою первоначального способа погребения. Действительно, мы видим, что коряки, которые составляли прежде с чукчами один народ, и до сих пор сжигают своих покойников. Когда чукчи удалились в безлесную область, им, понятно, пришлось отказаться от сжигания трупов. Да и у коряков этой чести достаиваются только богатые стадовладельцы, останки которых везут часто несколько дней,

прежде чем достигнут места, где найдётся достаточно леса, чтобы разложить костёр для сжигания трупа. Костёр, по-видимому, воздвигается очень высокий, так как коряки жалуются, что для полного сожжения необходимо очень большое количество дерева; по их словам, особенно долго противостоят огню внутренности. На костёр ставят нарту умершего, а на неё кладут самого покойника; если костёр обрушится и окажется, что труп сгорел не совсем, то подбавляют дров, пока не исчезнут всякие следы тела. [[назад](#)]

58. Сибирский чёлн или ветка

Веткой в Якутской области к югу от Верхоянского хребта называется маленькая, сделанная из белой бересты лодочка, которая в большом ходу у жителей и отличается своею лёгкостью и подвижностью. Один человек очень легко и удобно может нести на плече ветку, в которой могут поместиться три человека; при помощи двойного весла она до такой степени легко управляется одним пловцом, что на ней можно ездить по пенящимся быстринам, по которым вовсе нельзя пройти даже на самой лёгкой лодке из дерева. К северу от названного выше хребта я уже не встречал более веток, сделанных из бересты, по всей вероятности, по той причине, что с одной стороны берёза попадает там недостаточно часто, а с другой — стволы её не достигают уже той толщины, которая допускала бы возможность получать от неё достаточно крупные куски бересты. Для веток стараются содрать со ствола берёзы возможно большие полосы белой бересты, да помимо того выбирают места без сучков, чтобы в них не было дыр. Такие полосы сшиваются одна с другой посредством длинных, очень крепких и тонких (приблизительно в линию) корешков лиственницы; если в бересте встретится дыра, то на неё кладут берестяную же заплатку, которую пришивают тоже лиственничными корешками. Приготовив таким образом обшивку будущей лодки, приступают к сооружению остова. Для этой цели берут две берёзовые жерди, толщиной приблизительно в дюйм; они должны быть совершенно прямы и такой длины, какой желают иметь ветку. Такие жерди связываются по концам одна с другой, а затем распираются в двух местах поперечинами в аршин длиною; таким образом получается фигура, напоминающая продольный разрез веретена. К

этому остову прикрепляется береста так, что образуется суживающееся к обоим концам корыто. Теперь получилась фигура лодки, но берестяную обшивку необходимо ещё укрепить и сделать более прочной; для этого отыскивают в лесу сухую ёлку или сосну, ствол которой легко расколоть на дранки в три или четыре дюйма шириною и приблизительно в одну линию толщиною. Дранки эти сгибают и привязывают к продольным жердям таким образом, чтобы они в то же время подпирали бересту и придавали лодке стойкость и крепость. В таком виде ветка готова и её нужно только ещё просмолить. Смолистую массу получают, кипятя мелко нарезанные куски берёзовой коры с молоком до тех пор, пока это последнее совершенно не испарится. В конце концов получается чёрная масса, которая в охлаждённом виде столь же тверда, как вар, а в разогретом состоянии обладает свойствами воска. Поэтому сибиряки и называют эту массу берёзовым воском. Предусмотрительные проводники всегда берут её с собою, если отправляются в продолжительное путешествие, потому что она представляет собою единственный необходимый для ветки материал, который за отсутствием молока нельзя приготовить повсюду в пути. На всех торных дорогах Якутской области можно с большою долею вероятности рассчитывать найти у слишком глубоких для перехода в брод рек и речек спрятанную где-нибудь в кустах ветку. Когда приезжаешь к такому месту, то проводник тотчас же отправляется на поиски и в большинстве случаев, как уже сказано, находит спрятанную под листвою и ветвями лодку; ею пользуешься для переправы и следишь только за тем, чтобы она была опять защищена листвою и ветвями от действия солнечных лучей. Но находимые таким образом ветки не всегда в совершенно годном для переезда состоянии, часто нужно их просмолить и поэтому очень полезно иметь при себе берёзовый воск. Последним смазываются не только места, где сходятся друг с другом куски бересты, но и все швы, на которые тоже накладывается слой воска, легко, впрочем, соскакивающий. Мне только однажды пришлось самому строить такую ветку; трое бывших со мною якутов справились с этой работой в течение одного дня.

Там, где берёза вовсе не встречается или попадает такая, которая не годна более для устройства лодок, последние делаются из тонких до-

сок. Одна доска составляет дно, а две идут на бока; такие дощатые челноки в употреблении на всех реках Верхоянского и Колымского округов. [\[назад\]](#)

59. Росомаха — пакостник тайги

Росомаха встречается во всей Якутской области. Тамошние охотники, особенно же те, которые промышляют ловушками, так глубоко ненавидят её, что даже наделили её названием «пакостника». Ставить на росомаху капканы не стоит труда, потому что она повсюду редка; попадаясь не настолько часто, чтобы составлять предмет охоты, она тем не менее в состоянии причинить много вреда и неприятностей. Дело в том, что росомаха особенно прилежно обыскивает поставленные на лисиц и песцов капканы и съедает находящуюся в них привадку. Эти капканы недостаточно сильны, чтобы причинить ей вред, и охотник таким образом, посещая тщательно настороженные ловушки, находит их спущенными и без приманки. Но этим ещё не исчерпываются все беды, причиняемые росомахой: этот вор не брезгает и теми капканами, в которых поймалась и подохла лисица; он съедает последнюю целиком, оставляя в ловушке только голову. Особенно дурно отзывались о росомахе жители Русского Устья. Эти люди ставят вдоль побережья Ледовитого океана множество капканов на песцов. В тех местах встречаешь зимою длинные, тянущиеся на протяжении многих вёрст вереницы этих, сооружённых из плавучего леса ловушек; они выдаются из безукоризненно белого снега и всегда очень приятно, особенно же в метель, иметь такой прекрасный указатель пути. В зимнее время жители побережья постоянно и правильно занимаются осматриванием своих капканов и выбором из них добычи, а потому они приходят в сильное негодование, когда окажется, что росомаха побывала тут и обревизовала ловушки прежде их самих. [\[назад\]](#)

60. Судьба моих коллекций в Иркутске

Да, это была очень печальная история. Вернувшись в Иркутск, я сдал все наши собрания Сибирскому Отделу Императорского Русского Географического Общества и особенно указывал на то, что они состоят из

двух совершенно различных коллекций, — одной с Колымы, а другой, собранной в безлесной области Анадыря. Но на это не обратили никакого внимания. Черский, состоявший в то время хранителем музея, ответил мне, что это всё равно и что в таких северных широтах нельзя обращать внимание на отдельные реки; все птицы собраны на северо-востоке Сибири, и дело этим и кончается. Далее, из обеих коллекций я выбрал *unisa* и предложил отправить их в Зоологический Музей Академии, высказывая убеждение, что вообще неудобно сохранять *unisa* в провинциальных музеях, а особенно в столь отдалённых, как Иркутский, и что их следует отсылать в доступный всему учёному миру музей столицы. Но в Сибирском Отделе Географического Общества об этом ничего и слышать не хотели. В то время Иркутск кишел поляками, которые разыгрывали там роль учёных чуть ли не по всем отраслям человеческих знаний и уверили секретаря Отдела г. Усольцева в том, что они в состоянии научно обрабатывать материалы так же хорошо, как и петербургские учёные. Благодаря такого рода внушениям г. Усольцев уже мечтал о появлении в изданиях Сибирского Отдела целого ряда выдающихся работ, и его никак нельзя было убедить выпустить из рук действительно ценные экземпляры тамошнего собрания. Но плачевнее всего была участь моих скелетов, которых я привёз довольно большое число. Все они были сохранены каждый в отдельном пакете из бумаги и снабжены надписями. В таком виде передал я их Черскому, но он, взглянув на них, сказал, что они никуда не годятся. На моё объяснение, что каждый мешочек содержит все кости одного животного, этот господин возразил, что всё это может быть, но только кости от варки и при очистке от мяса были частью оторваны друг от друга, а потому их нельзя более собрать, труд же потраченный на них нужно считать напрасным. Впоследствии я видел, как мои скелеты валяются на полу комнаты и их преспокойно топчут ногами. Большую коллекцию рыб, из которых виды род *Accipenser* я собрал с большим трудом, по специальному поручению академика Брандта, тоже удержали в Иркутске, заявляя, что я не имел никакого права собирать для кого бы то ни было; весь мой сбор, по их словам, составлял собственность Сибирского Отдела. Впрочем, впоследствии, каким-то мне неизвестным способом, всё же удалось переправить по крайней мере часть рыбьих шкурок в С.-Петербург. Точно также я не мог получить для Академии и гербарий, хотя и

показывал присланные на моё имя письма с просьбою выслать его в виду того, что нашёлся желавший его обработать. Мне просто-напросто ответили, что Академия может сама снаряжать экспедиции, если она желает иметь коллекции, но что гербарий принадлежит Отделу. В конце концов я переговорил об этом деле с теперь уже умершим Чекановским и ему пришла мысль потребовать гербарий для просмотра (в чём отказать ему заправила Отдела сочли не совсем удобным), чтобы затем отвезти его в Петербург. Намерение своё он исполнил и таким образом была спасена хоть малая часть того, что мы собрали, — всё остальное (вместе с очень ценными коллекциями Сибирского Отдела, находившимися в старом деревянном доме) погибло во время большого пожара, свирепствовавшего в Иркутске в 1879 году. [[назад](#)]

61. О численности чукотского народа.

Это обстоятельство необходимо принимать в расчёт, когда нужно определить общую численность чукотского народа. При решении этой задачи вообще принимается, что чукчи живут с одной стороны в области двух Анюев, а с другой по побережью Ледовитого океана от мыса Эрри до устья реки Анадыря; центральная же часть Чукотской земли считается безлюдною пустыней. До некоторой степени оно, конечно, так; но только нельзя сказать, чтобы эта пустыня была абсолютно необитаема. Во время нашего путешествия мы постоянно встречались с людьми, и если с одной стороны пространство от истоков до устья Анадыря не слишком обширно, то с другой стороны не следует забывать, что эти отдельные семьи могут быть разбросаны по всей области. Как я уже сказал, сам Амвраоргин говорил мне, что он не думал встретить такое множество чукотских палаток. Понятно, все нам попадавшиеся чукчи были стадовладельцами и за очень небольшим исключением жили, по-видимому, в очень сносных условиях. Вследствие этого мою фразу, в статье «Einiges über die Tschuktschen» (Deutsche Geographische Blätter, Bremen, Bd. VI, 1883, p. 146) — «das Innere des Landes aber ist fast vollständig unbewohnt» (p. 147), не следует принимать буквально. Несомненно, что эта страна крайне слабо заселена, но тем не менее в ней всегда может поместиться тысяча душ так, что путешествующий не многих из них заметит. [[назад](#)]

62. О переписи лейтенанта Нордквиста (экспедиция «Веги»).

См. Die Bevölkerungsverhältnisse der Tschuktschenhalbinsel в Deutsche Geographische Blätter, Bremen, 1883, № VI. S.255. [[назад](#)]

Примечание 63-е в русском переводе стало лишним.

64. Краткий очерк борьбы коряков с русскими

В ниже прилагаемых при этом сочинении исторических заметках о Якутской области, я вовсе не упоминаю о коряках, потому что этот народ встречается в названной области спорадически, да и то исключительно на истоках Омолона. Но в прежние времена коряки играли значительную роль на Анадыре; именно, этот народ был главным виновником нескончаемых войн русских с чукчами. Вследствие этого необходимо сказать о нём несколько слов и особенно об отношении коряков к местным русским властям и к Анадырскому острогу. Из последующего с одной стороны сделается многое понятным, но с другой — поведение распорядителей судеб крепости станет ещё менее объяснимым. Из данных, найденных в Сибирских архивах, можно с удивлением заметить, что по какой-то непонятной причине казаки начинают войну с народом, который, как они отлично знают, не имеет ценных мехов, благодаря чему его оставляют в полном покое в первые пятьдесят лет по основании острога. И вдруг русские начинают борьбу по простому заявлению коряков, жалующихся, что чукчи увели у них их стада. Но кто же такие эти коряки, которые плачутся, что они обворованы? Можно было бы предположить, что это мирный, подчинённый русским народ, который, платя ясак, пользуется несомненным правом требовать себе защиты от разбоев и насилия врагов. Но на самом деле ничего подобного не оказывается: коряки вовсе не были таким миролюбивым, терпевшим несправедливости от своих соседей племенем, чтобы Анадырский острог должен был из-за них начинать войну против народа, который занимал почти неприступную позицию в своих покрытых льдом и снегом пустынях. Из последующего, напротив, выяснится, что коряки разыгрывали роль верноподданных русского царя только тогда, когда находили для

себя выгодным втянуть гарнизон Анадырского острога в борьбу с чукчами; на самом же деле при всяком удобном случае они возмущались, нападали на русских чиновников убивали их, да грабили казаков. Одним словом, этот народ пролил больше русской крови и причинил больше вреда, чем какой бы то ни было другой из живущих в Якутской области.

В старых архивных свитках повествуется, что в 1650 году был впервые возведён на Анадыре блокгауз, так называемое зимовье, и что вместе с тем тогда же было решено основать там постоянное и более значительное военное поселение. Таким образом в 1666 году и был выстроен тут острог, в котором поместили постоянный гарнизон. Вскоре практические начальники крепостцы сообразили, что от чукчей ничего кроме оленей нельзя получить, а потому обратили свои взоры на юг, где по Пенжине, Оклану и по всему побережью Охотского моря густо селились коряки. К тому же воевать с последними было много легче и выгоднее, так как с неприятелем можно было посчитаться лицом к лицу, что относительно чукчей удавалось лишь в крайне редких случаях. Помимо этого, коряки владели не только такими же прекрасными оленьими стадами, как и чукчи, но кроме того имели массу роскошнейших мехов, добывавшихся ими из Камчатки, откуда вывозятся и поныне самые лучшие шкурки. До 1690 года Анадырский острог покорил всех коряков, которые жили по западному берегу Охотского моря приблизительно до Тауйска, на восточном — до речки Манача, а внутри страны распространялись до реки Олуторы. Но когда от коряков узнали, что самые дорогие меха они добывают не сами, а выменивают их от живущих на юге полуострова камчадалов, то казаки решили, понятно, покорить и их. В указанном году первым в Камчатку отправился казак Царицын, а за ним последовали и другие и подтвердили принесённые Царицыным известия о богатстве страны ценной пушниной. Владимир Атласов, сделавшись в 1695 г. комендантом Анадырска, в следующем году послал Луку Морозко с шестнадцатью казаками в Камчатку, чтобы обложить тамошних коряков ясаком. Морозко это исполнил, но не считал себя, само собою разумеется, обязанным ограничиться покорением одних коряков, а продолжал своё завоевательное нашествие и в области камчадалов почти до реки Камчатки. Отчёт, данный Морозко по возвращении, в такой

сильной степени заинтересовал Атласова, что в 1697 году он сам выступил в поход с целью дать прочное и надёжное основание русскому владычеству над коряками и находившимися с ними в постоянных связях камчадалами. До тех пор русские посещали коряков только время от времени и облагали их лишь таким ясаком, какой те сами соглашались давать; но верною и постоянною эту дань никак нельзя было считать. Атласов первый обратил внимание на то обстоятельство, что, коряки, как и камчадалы, в прямую противоположность всем остальным инородцам Якутской области, имели укреплённые родовые селитьбенные места, в которых им удобно было защищаться. Из исторических данных в точности не видно сколько было подобных бургов, но можно принять с большою долею вероятности, что каждый из начальников, которых среди этих инородцев было очень много, имел свою крепостцу, в которой он постоянно и жил. Эти укреплённые селитьбы часто располагались так, что вблизи их находились также и пастбища для оленей, но это условие не считалось прямою необходимостью; вообще же главная масса этого народа жила либо в палатках, либо, как это мы видим и в настоящее время, в постоянных юртах на берегу моря и вдоль более значительных и очень богатых рыбою рек. Во всяком случае нет никакого сомнения, что коряки имели на побережье немалое число мест, частью на недоступных скалах, частью же сильно укреплённых, и в них защищались столь отважно, что о штурме их нельзя было и думать, а заставить их сдаться можно было только посредством осады и измора. При этом, однако, неминуемо возникал вопрос, у кого раньше почувствуется недостаток жизненных припасов, — у осаждавших или у осаждённых. Искусством возводить укрепления, умением их защищать, а также со своей стороны удачно вести наступательные действия, коряки и камчадалы в значительной степени отличались от чукчей, не имевших никакого понятия о таком способе ведения войны. Но эта оседлость и была причиною того, что наступательные действия русских направлялись именно на инородцев, живших к югу от Анадыря: их можно было настичь, с ними можно было сражаться, а в виду того, что казаки были лучше вооружены, им удавалось и побеждать. Однако же походы против коряков и камчадалов требовали больших трудов и правильной боевой организации: если последняя у казаков имела, то их предприятия всегда кончались победоносно; если же её не было, как это часто случалось

у распущенных, недисциплинированных ратников, то казаки испытывали ощутительные поражения со стороны хитрого и коварного неприятеля.

Атласов начал с того, что обложил постоянной данью три главных укрепления — Окланск, Каменск и Усть-Таловск, и затем пошёл на юг. Он вёл с собой шестьдесят казаков и столько же юкагиров. Из них он отделил тридцать человек под начальство Морозко и послал последнего к расположенным на востоке укреплениям, особенно имея в виду очень значительную корякскую крепостцу Олуторск. Сам же он отправился вдоль берега Охотского моря, намереваясь обложить ясаком и тамошнее население. На Тигиле он снова соединился с отрядом Морозко и проник до реки Камчатки, на верхнем течении которой основал крепостцу Верхнекамчатск и оставил в ней под начальством Потапа Серюкова гарнизон из пятнадцати казаков. В продолжение почти трёх лет оставался Атласов в Камчатке и лишь в 1700 году вернулся, наконец, в Анадырск. Доказательством того, что он работал там не даром, служили привезённые им для казны 3200 соболей, много сот лисьих шкур и около сотни морских бобров, да кроме того он собрал и для себя 400 собольих мехов. Но насколько верными собирались оставаться вновь покорённые Анадырскому острогу, — это они поспешили тотчас же доказать. Потап Серюков, найдя для себя неприятным дальнейшее пребывание в Верхнекамчатске и узнав, что Атласов вскоре по прибытии в Анадырск ушёл в Якутск, поднялся со своим отрядом и со всей добычей, которую он собрал для казны и для себя, и отправился также в Анадырск. По дороге его подстерегли обозлившиеся коряки, убили его и его спутников и отобрали обратно всю дань. Вслед затем они разрушили покинутую крепостцу Верхнекамчатск и снова почувствовали себя независимыми. Атласов, собиравшийся скоро отправиться в Москву, был в то время ещё в Якутске и выставил отпадение вновь покорённых коряков и камчадалов в крайне опасном виде. Благодаря этому туда тотчас же послали боярского сына Тимофея Кобенева со свежим отрядом якутских казаков, с целью отомстить за нападение и восстановить русское владычество. Приказание это и было исполнено. Кобнев наголову разбил коряков, вновь построил крепостцу Верхнекамчатск и основал ещё два важных укрепления — одно на юго-западе, Большерецк, а другое на северо-востоке, Нижнекамчатск. Оставив повсюду в крепостцах гарнизоны, он

вернулся в 1702 году в Якутск с очень богатой добычей как для казны, так и для себя. В продолжение нескольких лет коряки и камчадалы были спокойны, но, по-видимому, только для того, чтобы оправиться и собраться с новыми силами. Действительно, мы видим, что в 1706 году (когда на полуостров был послан свежий отряд из ста казаков для подкрепления гарнизонов тамошних крепостей) инородцы опять восстали, напали на только что прибывший отряд и совершенно уничтожили его прежде, чем он достиг укреплений. Восставшие успели кроме того завоевать и уничтожить даже крепость Большерецк. Несмотря на всё это гарнизонам Верне- и Нижнекамчатска удалось снова восстановить спокойствие, и когда Атласов в 1707 году опять появился на полуострове, ему донесли, что восстание прекращено. Последний между тем успел побывать в Москве, где его отменно милостиво приняли, повелели быть казацким головою и в изобилии снабдили пушками, ядрами, порохом и свинцом. Казалось бы, что при воцарившемся всеобщем спокойствии завоеватели тоже станут держать себя мирно, довольствуясь достигнутым результатом и не станут более прибегать к оружию. Однако вышло не так. Казаки приносят высшим властям жалобу на своего коменданта Атласова в том, что он дурно с ними обращается, притесняет их и удерживает в свою личную пользу половину ясачной дани, собираемой им от имени правительства. Вместе с тем они восстают против своего предводителя, сажают Атласова в заключение и завладевают всем награбленным им богатством. Атласов очень скоро бежал из-под стражи в Нижнекамчатск, собираясь вновь завладеть там властью; но тамошний комендант Феодор Ярыгин не признал его более за начальника. Между тем в Якутске успели уже получить жалобу и отправленному, с новыми запасами, пушками и пятьюдесятью казаками к Атласову на подкрепление, боярскому сыну Петру Чирикову посылается вдогонку приказание расследовать ближе обстоятельства дела. Таким образом снова впадают в практиковавшуюся на Востоке ошибку, поручая подчинённому расследование преступных деяний начальника. По дороге Чирикова постигло ещё несчастье; на него напали камчадалы и в сражении он потерял не только десять человек из отряда, но и почти все свои пушки и военные запасы. Против Атласова ему, по-видимому, ничего не удалось сделать, потому что уже в 1709 году появляется с сорока казаками в ка-

честве нового начальника Осип Миронов и таким образом в стране, жители которой имеют — как показывает нападение на Чирикова — очень своеобразные понятия об обязанностях подданных, существуют одновременно три распорядителя: Атласов, Чириков и Миронов, которые находятся в неприязненных отношениях друг к другу и ведут междоусобную войну.

Два года продолжались эти междоусобия, и в конце концов подчинённые казаки решили, что этому пора положить конец. На Атласова они напали в его собственном доме и умертвили его. Возвращавшегося с ревизии крепостей Миронова убили из засады. Чирикова, который шёл в Якутск с целью отвезти туда накопившуюся в Камчатке ясачную дань, казаки поймали у Пенжинского залива и бросили его в воду. Вслед за тем предводители возмущившихся Данило Анцыферов и Иван Козыревский составили оправдательную челобитную, в которой объясняли, что притеснения и дурное обращение с подчинёнными трёх начальников не оставляли камчатским казакам иного исхода, как избавиться от них.

До получения в Якутске этой челобитной, в 1711 году появляется в Камчатке ещё Василий Щепетной, чтобы в качестве коменданта занять место Миронова. Хотя он и принял начальство, однако по-видимому ничего не предпринимал против Козыревского и Анцыферова, да и вообще против них ничего не предпринимается: к ужасающим неурядицам, непрерывно длившимся в Камчатке с 1707 по 1711 годы, и к неслыханному преступлению тамошних казаков высшая власть в Якутске остаётся совершенно равнодушною. Между тем Анцыферов уже в следующем году сходит со сцены, убитый вместе с несколькими из своих подчинённых камчадалами, нападшими на него близ Авачинской губы. В том же 1712 году уходит из Камчатки и Щепетной под предлогом необходимости отвезти, наконец, в Якутск накопившийся за всё это время ясак. Это ему счастливо удаётся несмотря на то, что на него нападают олуторские коряки и намереваются отнять у него ясак; но он благополучно отражает их нападение. Непосредственно после него появляется в качестве начальника Колесов, которому, наконец, даётся приказание положить конец всем смутам и привлечь к ответственности зачинщиков мятежа, имевшего результатом умерщвление трёх начальников.

Начинается следствие, произносится решение суда, но в нём постановляется частью казнить, частью же заклеить нескольких казаков, игравших в этом деле второстепенную роль, а Козыревский отделяется лишь денежным штрафом и вскоре снова получает видное назначение. В 1713 году Колесова сменяет Иван Енисейский, о котором говорится, что он выстроил в Нижнекамчатске церковь. В высшей степени странно, что при всех этих, понятно, глубоко потрясавших страну происшествиях, в старых свитках, на которых писалась летопись, ни разу не упоминается об Анадырском остроге, которому Камчатка в то время всё же была подчинена.

Наконец в 1713 году, живший в то время ещё в Тобольске сибирский губернатор Гагарин послал в Анадырск капитана Петра Татаринова с новыми силами и дал ему специальное поручение водворить в Камчатке мир и спокойствие и положить конец тамошним неурядицам. Татаринов прибыл с небольшим числом подчинённых 26 апреля 1714 года в Анадырск, главные же его силы, 58 драгунов и 140 казаков, остались, к счастью, позади. Мы говорим — к счастью потому, что 1 мая разразилась в остроге оспенная эпидемия, причинявшая до октября страшные опустошения. Укрепление это в течение времени значительно разрослось; в нём жило с жёнами и детьми несколько сот казаков, имевших большое число рабов из местных инородцев; кроме того, в Анадырске же поселилось много семей юкагиров, коряков и чуванцев. Вследствие этого вокруг обнесённой забором и снабжённой башнями крепостцы, образовалось значительное местечко, в котором было свыше тысячи жителей и которое в Сибири являлось таким образом одним из наиболее населённых пунктов, если не самым населённым в то время, за исключением одного Якутска. Тут-то и вспыхнула эпидемия, да к тому ещё в такое время, когда велась война с коряками. Прежде, чем Татаринов пришёл в Анадырск, тогдашний начальник острога Афанасий Петров с сильным отрядом, состоявшим из сотни казаков, большего числа юкагиров с Омолона и Ходынских юкагиров, а также чуванцев, выступил с Анюя в Олуторск, чтобы наказать коряков за их непрестанные нападения. На них постоянно поступали жалобы, а тут они напали ещё в 1712 году на Щепетного, так что поход с целью наказать их был окончательно решён. Юкагиры и чуванцы были в значительной мере привлечены к пособничеству: им пришлось не только нести военную службу в

настоящем значении этого слова, но и доставить упряжных животных для перевозки военного обоза и убойных оленей для продовольствия войска. Всё это они исполнили по доброй воле и очень бодро держались во все время похода. По открытии военных действий оказалось, что коряки храбро защищали свою, выстроенную из земли и камней крепость Олуторск. Она была заложена на холме, снаружи обнесена земляным валом, к которому изнутри примыкал ещё каменный бруствер. Осада укрепления не привела ни к чему, а потому Петров решил его штурмовать. Чтобы лучше защитить своих людей от огня, открытого из крепости, начальнику пришла мысль переколоть юкагирских и чуванских оленей и из трупов их образовать для прикрытия наступающих вал, благодаря которому последним и удалось подойти под самую стену крепости. Иностранцы спокойно покорились и этому распоряжению, в то же время усердно помогая штурмовать неприятеля. Штурм привёл 6-го августа к падению Олуторска. Вместо того, чтобы прежде всего отпустить хотя часть юкагиров и чуванцев, как они просили, Петров сначала отослал обратно в Анадырск 42 казаков под предлогом, что они там нужны. При этом, однако, он знал, что туда должен был уже прийти Татаринов с подкреплениями и что никакого недостатка в войске там не могло ощущаться. Таким образом он просто хотел сделать облегчение своим соратникам за счёт чуванцев и юкагиров. Оставшимся людям пришлось нести очень тяжёлую службу. Казаки строили новую крепость на другом берегу реки с целью предупредить возведение укреплений неприятелем, а вспомогательные войска с одной стороны должны были преследовать коряков, а с другой — постоянно содержать караул для прикрытия работавших казаков от возможного нападения обозлённого врага. Несмотря на все тягости, выпавшие на долю иностранцев, Петров стал требовать от них со всею строгостью сдачи ясака, срок которому уже подходил. Мало того, когда постройка крепостцы была окончена, он оставил в ней, нисколько не подумав, что он делает, гарнизон в пятьдесят из бывших в его распоряжении казаков, и вместо того, чтобы разрешить наконец юкагирам и чуванцам отправиться домой, принудил их провожать до Анадырска себя и двух начальников из Камчатки, Колесова и Енисейского, которые везли камчатский ясак и присоединились к Петрову. Напрасны были просьбы иностранцев о разрешении им возможно скорого возвращения домой: им необходимо было позаботиться

как о приведении в порядок своих пострадавших стад, так и об охоте на пушного зверя; им пришлось-таки остаться до зимы, так как Петров хотел выступить только с наступлением зимнего пути. Но они поклялись отомстить ему и лишь откладывали приведение заговора в исполнение до тех пор, пока не выйдут из пределов военных операций Олуторска: они собирались действовать наверняка. В конце ноября выступили соединённые отряды в путь и 2 декабря находились в области истоков реки Таловки. Тут Колесов и Енисейский решили отправиться быстрее вперёд с провожавшими их людьми, которых было всего около 20 человек. Лишь только они успели скрыться из виду, юкагиры и чуванцы напали на Петрова и на немногих остававшихся с ним казаков, всех их перебили и завладели как казённым ясаком, так и тем, который принадлежал убитым лично. Между тем Колесов и Енисейский, благодаря разыгравшейся буре, сбились с пути и вернулись обратно на место бывшего ночлега. Увидев трупы убитых валявшимися в лагере, они смекнули в чём дело и приложили все усилия к тому, чтобы скрыться в Окланск. Последнее им удалось несмотря на преследование повстанцев и 5-го декабря они благополучно достигли этой крепостцы. На следующий день явились туда и их преследователи; они начали с того, что стали ловить у русских ездовых животных, а затем попробовали возмутить тамошних коряков и, при помощи их, овладеть крепостцою.

Из различных имеющихся относительно этого события источников нельзя выяснить всех его подробностей; известно только, что мятежники убили десять человек и завладели ясаком. Последний состоял из 5640 соболей, 751 красной лисицы, 10 сиводушек, 137 морских бобров, 11 сшитых лисьих шуб, 2 выдр, 22 золотников золота и 40 рублей наличными деньгами; кроме того, возмущившиеся нагнали ещё много частного имущества. Судя по приведённому списку, следовало бы предположить, что крепостца была взята инородцами; но этого очевидно не случилось; забрав всё награбленное имущество, бунтовщики разошлись, предварительно условившись между собою напасть осенью следующего года на Анадырский острог. После их ухода осаждённый в крепостце Окланске Енисейский отправил посланца к Татаринovu с просьбою о немедленной помощи. Но таковой ему нельзя было оказать, так как, вследствие оспенной эпидемии, Анадырский острог крайне обеднел людьми; в нём оставалось едва сто человек, уцелевших от болезни.

Совершенно непонятны те обстоятельства, которые дали возможность возмущившимся инородцам завладеть ясаком и имуществом казаков без взятия самой крепостцы. Однако несомненно, что весь упомянутый в выше приведённом, очень подробном списке ясак был расхищен, а крепостца между тем непобедимо держалась в течение всего следующего года.

После этого наступает крайне смутное время в достаточно и без того уже обогравшейся кровью области, благодаря тому, что всегда находившийся на высоте своей задачи Анадырский острог очутился в очень критическом положении. Не имея в своих стенах достаточного числа защитников, острог был окружён со всех сторон неприятелями. Мятежники, к которым, конечно, присоединились и коряки с Пенжины и Оклана, решились, как казалось, окончательно сбросить с себя чужеземное иго. Как уже сказано, они разделились: коряки отправились к Олуторску, с целью штурмовать этот вновь возведённый острог или принудить его к сдаче голодом; чуванцы же и юкагиры ушли сначала к местам своего жительства в области истоков Анадыря и Анюя, чтобы охотиться, а затем было условлено, что они отправят к чукчам посланцев, которые убедили бы и этих инородцев вступить с ними в союз. Предполагалось именно напасть на Анадырский острог и сжечь его; нападение должно было произойти осенью, во время рыбной ловли и охоты на оленей, когда часть крепостного гарнизона, как было известно, отправлялась, обыкновенно под предводительством самого начальника, делать осенние запасы провианта. Далее имелось в виду подослать летом в острог нескольких не замешанных непосредственно в мятеже коряков, которые должны были подать жалобу на нападавших будто бы на них чукчей и требовать, чтобы против всем известных грабителей был предпринят поход. Такого рода хитростью предполагалось ещё более ослабить гарнизон Анадырска. Тут же прибавим, что предполагавшийся против чукчей поход не был приведён в исполнение русскими. Но какою невероятною близорукостью, граничившею, можно сказать, почти с наивностью, отличались казаки, видно из того, что в старинной летописи к рассказу об этом происшествии с сожалением прибавляется, что вследствие громадных потерь от оспы гарнизон Анадырска был крайне ослаблен и не мог предпринимать в последние годы походов против

чукчей, которые таким образом безнаказанно могли нападать на коряков и грабить их. Как-то странно звучит, но тем не менее является несомненным, что вечно бунтовавшие, постоянно нападавшие на русских людей и даже на чиновников, грабившие и убивавшие их коряки и юкагиры всегда умели обелить себя и, свалив всю вину на никогда не делавших зла анадырскому гарнизону чукчей, пустить по всему свету дурную славу об их невероятной дикости и жестокости. Старые казаки досадовали на чукчей также и за то, что только они не были им подвластны и не поставляли заложников. Между тем чукчей легко можно было тоже сделать русскими подданными и лишь заставить платить ясачную дань, только бы не требовали от них в то же время этих заложников. Последних они наотрез отказывались давать, да и не могли этого делать по неустойчивости бытового своего устройства, так как у них, собственно говоря, некому было повелевать.

Между тем из широко задуманного в 1715 году юкагирами, коряками и чуванцами плана мщения ничего не вышло. Олуторск прекрасно продержался до весны, когда корякам, у которых к тому времени наступил недостаток продовольствия, пришлось самим удалиться. Чукчи не попали в ловушку, которая была для них расставлена, и не восстали против русских, а так как Татаринов с малым числом ему подчинённых казаков не решался предпринимать никаких походов, то повсюду царило спокойствие. На следующий год он получил подкрепление, явившееся под начальством Трифонова, а потому отправился со 120 казаками на Оклан, победил в сражении тамошних коряков, но не рискнул их преследовать, когда они удалились к морю. Все последующие годы прошли в мелких и бесплодных походах: коряки то покорялись и платили ясак, то возмущались и отказывались от платежа дани. Ещё печальнее обстояли дела в Камчатке: тамошние начальники немилосердно грабили, как коряков и камчадалов, так и русских; летопись повествует, что их же собственные подчинённые низложили их и лишили богатства, состоявшего из многих тысяч соболей и лисьих шкур. Из Якутска посылаются на место их новые начальники, которым вновь даётся приказание произвести строжайшее следствие и наказать кого следует; но и они тоже начинают свою деятельность репрессивными мерами, снова ниспровергаются подчинёнными, — и так без конца.

В 1729 году в Охотске появляется, наконец, облечённый чрезвычайными полномочиями, особенно против чукчей, пользующийся дурною славою казачий голова Афанасий Шестаков и начинает отсюда предпринимать свои походы против несчастных коряков, которых по полученным из С.-Петербурга инструкциям он должен был, собственно говоря, защищать от диких чукчей. Безжалостные и незаконные поступки в Камчатке, точно также как, хотя и в меньшей степени, на Анадыре и на Пенжине, конечно приводили в сильное возбуждение коряков и камчадалов, тогда как нужно было только немного практического смысла, справедливости и человеческого отношения со стороны власть имевших, чтобы в самом зародыше подавлять всякую мысль о непокорности и возмущении со стороны инородцев. Действительно, если мы до сих пор и видим коряков и камчадалов в непрерывном восстании, то их побуждало к этому бесчеловечное обращение, которое могло бы заставить даже самый добродушный и самый смирный народ взяться за оружие. Коряки держались ещё спокойно, но поступление ясака шло туго, по всей вероятности, по той причине, что инородцам стало очевидным, что лишь часть собираемой с них дани идёт в казну, остальное же служит к обогащению самих сборщиков ясака. На этом более, чем на чём-либо другом, можно убедиться в здравом смысле основателя Якутска, Бекетова. Как известно, он с самого начала установил, чтобы ясак взимался не с отдельной личности, даже не с отдельного селения, а сдавался бы всегда по определённой норме старостой, как представителем целого колена или рода. Если сборщиками дани являлись недобросовестные люди, то, конечно, они могли выжимать нечто в свою собственную пользу даже будучи представителями народа, но в таком случае излишек распределялся между целым родом, да и вообще не мог достигать того размера, как при сборе с отдельных жилищ с их постоянно меняющимся составом.

В таком положении находились дела, когда судьба северных инородцев была вручена в руки Шестакова и Павлуцкого. Один из них, Павлуцкий, столько же отличный воин, как и справедливый и прозорливый управитель, избрал себе путь в Анадырск через Колымск; другой же, ни к чему неспособный, кровожадный и падкий до наживы, Шестаков, хотел достигнуть того же острога через Охотск, пройдя таким образом всю область коряков. К великому счастью для страны его неспособность

равнялась его бесчеловечности. Вместо того, чтобы окружить себя достаточной толпой казаков, он частью посылал их в разные экспедиции, в то время совершенно ненужные, частью же рассовал своих людей по крепостцам, как-то: в Тауйск, Ямск и другие, а сам отправился в Анадырск с тунгусами, якутами и тому подобной ненадёжной голытьбой, имея при себе всего около двадцати казаков. Шестаков не сообразил, что при его незначительных силах — у него было всего несколько более ста человек — он должен был во что бы ни стало дружить с коряками, по области которых ему приходилось проходить, начиная от Тауйска почти вплоть до стен Анадырского острога; хотя из них некоторые и плохо платили ясак, однако большинство всё-таки признавало себя русскими подданными. Между тем на своём пути он начал собирать ясак, да ещё таким способом, какой считался необыкновенно суровым даже для того далеко не гуманного времени. Он устраивал дело так, что подходил к жилищам (которых было много по побережью богатого рыбою Охотского моря и вдоль подошвы изобилующего дичью и пушными зверями Станового хребта) всегда ночью, когда все жители находились в хижинах и спали. Ульеобразные жилища коряков выстроены из дерева и покрыты настилкой из земли; они имеют два выхода — один вровень с землёй, а другой вверху, в сводообразной крыше; последний служит в то же время дымовым отверстием. Только этими двумя ходами можно выйти наружу из плотно сложенного коряцкого жилища. Шестаков приказывал закладывать нижний ход теми дровами, которые были запасены каждым хозяином, снимать лестницу, ведущую с крыши, и когда это было исполнено, будил живущих в хижине. Затем он предоставлял корякам выбирать между добровольной уплатой ясака и смертью от сожжения. Если обитатели хижины по какой-нибудь причине отказывались от первого, то Шестаков безо всякого милосердия и пощады приказывал поджечь дрова и дом сгорал со всем, что там находилось. Из летописного сказания видно, что некоторые поселения и отдельные дома платили, другие же были преданы огню; число как тех, так и других было, по-видимому, приблизительно равное; из этого можно заключить, что такую страшную смерть заставляло людей выбирать не столько нежелание подчиниться требованиям, сколько бедность и невозможность платить. Понятно, что всё население на пути Шестакова

было объято ужасом. Только в январе 1730 года, придя на Гижигу, Шестаков заметил, что он был окружён находившимися в тайном брожении коряками, и только теперь показалась ему его свита слишком ненадёжною для обеспечения его от случайностей на пути через область коряков в Анадырск. Поэтому он отправил гонца в Анадырский острог к Татаринovu и просил его о помощи. Шесть недель прождал он напрасно лишь для того, чтобы в конце концов узнать, что его посланец, не достигши острога, был перехвачен и убит по дороге коряками. Всё подкрепление, которое он получил, заключалось в пяти казаках, высланных ему навстречу с деловыми бумагами Татаринovым, из других источников узнавшим, что новый начальник пойдёт через Охотск. В виду того, что эти казаки более или менее были знакомы с главарями коряков, Шестаков послал их вперёд с поручением склонить тех присоединиться со своими людьми к нему. Казаки Татаринова должны были главным образом обратиться к сильным, пользовавшимся большим влиянием начальникам Умьеве и Яллаху, а также к старшинам племени чагубов и напомнить им об их верноподданнических обязанностях. Как уже вперёд можно было ожидать, миссия этих посланцев имела лишь незначительный успех. Яллах, ссылаясь на различные предлоги, заявил, что он не может прийти; Умьева пришёл, но, по-видимому, очень неохотно и с крайне ограниченной свитой; Юлта же, начальник корякского укрепления Окланска, уговорил чагубов соединиться с ним и отправиться на восток. Всё это было крайне безотрадно для Шестакова, но в виду того, что дальнейшее промедление, давая возможность и время корякам сговориться между собою, могло только ухудшить положение дела, он выступил в дальнейший путь. Когда он уже оставил за собой реку Парень, к нему вдруг явился беглый коряк и заявил, что идёт несметная толпа чукчей и грабит и избивает коряков. Так об этом повествуется в летописи и так стали передавать об этом впоследствии. Впрочем, в Якутске от людей, хорошо знакомых с местностью, я уже раньше слышал сомнение, что едва ли чукотскому полчищу удалось так далеко проникнуть в безусловно враждебную ему область и ни с того ни с сего явиться на борьбу с русским войском. Означенное же сказание положительно опровергается тем, что я сам слышал во время моего путешествия от одного юкагира, который был внуком последнего знавшего свой родной язык чуванца. Этому юкагиру подробно рассказывал всю эту историю дед его,

старик-чуванец, отец которого был соратником Павлуцкого в роковой для славного майора битве 1747 года. Юкагир особенно хорошо знал историю похода Шестакова и всегда категорически заявлял, что на Шестаковке против него воевали коряки. По его словам, они нарочно называли себя чукчами, и эту ложь упорно продолжали поддерживать те коряки, которые притворялись верными русским; делалось это с целью избежать мести со стороны гарнизона Анадырского острога. По моему мнению, нет никакого сомнения в том, что это есть единственная правильная версия сказания: возмущаться против русских и в то же время заставлять русских же расплачиваться за себя в борьбе с чукчами — тактика, которая очень характеризует коряков. Последние делали это всегда на один и тот же манер, и тем не менее это постоянно им удавалось. Против русских никогда не возмущались открыто все корякские колена; то или другое из них всегда оставалось верным для вида и жаловалось на беды, причинённые им чукчами. Между тем остальные колена нападали на русских чиновников, грабили правительственную почту и большею частью оставались ненаказанными, так как казаки в это время отправлялись преследовать и наказывать чукчей. В рассматриваемом случае мы тоже видим, что один из начальников, Умьева, с кучкой коряков провожает Шестакова, а другие предводители исчезают на восток. Вдруг, на реке Егаче, которая со времени несчастного сражения 14 марта 1730 года стала носить название Шестаковки, как из земли вырастает войско, готовое вступить в бой с русскими, выдаваемое коряками за чукотское. И в настоящее время трудно отличить чукчу от коряка, как по внешности, так и по языку, представляющему лишь незначительные диалектические различия. Благодаря этому поразительному сходству двух народов обман мог хорошо удаваться. Но с другой стороны очень возможно, и даже вполне вероятно, что в полчищах коряков находилось и несколько чукчей: ведь не могли же оба эти народа находиться в непрерывной неприязни друг к другу; так, например, мы видели, что в 1715 году коряки и юкагиры намеревались соединиться с чукчами, чтобы разгромить Анадырский острог. Легко могло быть, что из живших с незапамятных времён на правом берегу нижнего течения Анадыря чукчей толпа буйной молодёжи соединилась для общего дела с коряками, пошла вместе на запад, встретилась на нижнем течении Пенжины с полчищем собравшихся тут коряков, а затем отправилась на

Шестаковку. Этим же можно объяснить то обстоятельство, что Павлуцкий впоследствии нашёл у чукчей, живших по нижнему течению Анадыря, знамя отряда Шестакова, и несколько ружей его и вообще оружия.

Шестаков мог повести в бой лишь очень незначительные силы. Из Охотска он взял с собою: тридцать ламутов, десять якутов, сорок восемь тунгусов и восемнадцать казаков; на Гижиге к нему присоединились пять казаков из Анадырского острога и от двадцати до тридцати коряков под начальством Умьевы. Шестаков напал на неприятеля близ устья Егачи или Шестаковки. Коряки, предводимые Умьевой, покинули поле сражения в самом начале битвы; вследствие этого весь отряд Шестакова обратился в безумное бегство, сам же он погиб в битве и вместе с ним убито десять русских и двадцать один человек из инородцев. По окончании сражения корякское полчище, очевидно, тотчас разошлось; по крайней мере в летописи ничего не говорится о его дальнейших похождениях, а между тем оно уже достигло того, чего добивалось; да и вообще полчища дикарей никогда не могли долго держаться вместе из-за недостатка продовольствия. Тунгусы, якуты и ламуты, участвовавшие в отряде Шестакова, отправились по домам, русские же оставались у Умьевы в качестве пленных друзей; впрочем, им удалось в скором времени бежать и после более или менее продолжительного скитания добраться с останками Шестакова до Анадырского острога.

Известие о поражении и смерти начальника быстро облетело побережье Охотского моря и Камчатку, а потому коряки повсюду восстали и принялись мстить своим угнетателям и врагам. Сначала они напали на гарнизоны Тауйска и Ямска, большую часть которых перебили; взбунтовались также и олуторские коряки. Камчадалы получили известие о неудаче русских лишь в 1731 году, после чего, как мы ещё увидим впоследствии, среди них тоже вспыхнуло кровавое восстание.

Павлуцкий узнал о печальной участи, постигшей Шестакова и его отряд, уже в апреле месяце в Нижнеколымске и тотчас сделал распоряжение, чтобы войско и прежде всего значительное количество военных припасов, остававшихся ещё в Охотске, были переведены в Анадырск. Эти приказы дошли до места назначения вовремя, но они не были исполнены благодаря распушенности, которая господствовала в отрядах Шестакова; вследствие этого из всех обширных приготовлений Павлуцкому удалось привести в исполнение только часть: он сосредоточил в

остроге лишь те войска и те военные припасы, которые вёл и вёз сам. В сентябре 1730 года вступил Павлуцкий в Анадырск и, само собою разумеется, был уже встречен там посланцами от коряков, жаловавшихся на чукчей и усердно просивших его помощи против них.

Эта жалоба в связи с ловко выдуманной ложью о чукотском полчище, в борьбе с которым будто бы пал Шестаков, весьма естественно заставила Павлуцкого обратить всё своё внимание и всю свою энергию на чукчей, которые казались ему в высшей степени опасным врагом. Поэтому он на первых порах вовсе не беспокоил коряков и у них было бы достаточно времени, чтобы серьёзно подготовиться к войне для освобождения себя из под русского владычества; но они это-то и не делали; с одной стороны они, по-видимому, надеялись, что энергия русских истощится, как это уже и раньше бывало, в борьбе с чукчами, и они останутся снова ненаказанными; но с другой стороны возможно, что их бездействие обуславливалось вестями о прекрасно ведённом и блистательно закончившемся походе нового начальника; как бы то ни было, коряки, как и всегда, оставались несплочёнными и не было ни малейшего проявления какого-либо общего с их стороны предприятия. В 1732 году Павлуцкий решил наказать коряков, участвовавших в истреблении гарнизонов крепостей, расположенных у Охотского моря. Он выступил 10 Февраля в сопровождении 225 казаков, нескольких юкагиров, а также коряков; в виде наказания он обязал последних выставить не только ездовых животных, но и оленей, необходимых для ежедневного продовольствия отряда. Он узнал, что повстанцы собрались в значительном числе в укреплении на реке Парени и решил разрушить эту крепостцу. 25 марта он достиг со своим отрядом укрепления и обложил его в виду того, что все попытки склонить мятежников к добровольной сдаче остались тщетными. Укрепление было выстроено на самом берегу моря, на крутом возвышении и обнесено со стороны суши крепким частоколом и земляными валами. Для того, чтобы напрасно не подвергать своих людей действию корякских стрел, Павлуцкий велел сколотить из плавучего леса большие щиты и под их прикрытием подошёл к самому частоколу. Но коряки храбро защищались и только тогда отступили от бруствера, когда русским удалось перебросить к ним ручные гранаты. Тогда можно было разобрать ограду и проникнуть в укрепление, где

вновь завязался жаркий, отчаянный бой. Когда коряки увидели себя побеждёнными, они стали сначала убивать своих жён и детей, чтобы затем уже покончить и с собою. Прежде, чем русским удалось приостановить эту резню, было перебито более 200 человек. Много коряков было взято в плен, а на месте оставлено всего десять молодых парней да пять женщин, чтобы, как замечено в летописном сказании, дать возможность населению вновь расплодиться. По окончании этой битвы Павлуцкий вернулся обратно в Анадырск, а с пути послал унтер-офицера Атласова с двадцатью пятью казаками в Олуторск, чтобы разрушить выстроенные там коряками укрепления.

По возвращении в Анадырск Павлуцкий нашёл приказание обращаться с инородцами мягче и приостановить все военные действия впредь до новых распоряжений о том, как держать себя относительно инородцев. Вследствие этого он не мог предпринимать новых походов и, считая, что в Анадырске ему более нечего делать, отправился в Якутск, где осталась его семья; на время своего отсутствия он сдал начальство над острогом гренадёру Мамрукову.

Было величайшим несчастьем для обездоленных и измученных инородческих племён, что человек такой безукоризненной честности и справедливости, обладавший такою энергией и таким практическим смыслом, какими несомненно отличался Павлуцкий, взглянул на свою задачу с чисто военной точки зрения в то время, как в сущности она была главным образом административного свойства. Другою ошибкой Павлуцкого было то, что он не мог отрешиться от однажды составившего у него убеждения, что действительными нарушителями спокойствия являлись именно чукчи и что спасение страны заключалось в полном их подчинении, или, если бы это оказалось невозможным, истреблении. Вполне понятно, что как энергичный воин он не желал вступать в мирные отношения с своим врагом прежде, чем окончательно не сломить его силу; но тем не менее очень странно, что, получив запрещение вести открытую войну без предварительного разрешения, он тотчас же повесил ружьё на стену и уехал, не испросив даже отпуска и сдав свой ответственный и важный пост простому солдату. А между тем в 1732 году коряки повсюду ещё бунтовали, хотя, как уже сказано, некоторые из их колен платили ясак и притворялись перед русскими, выражая им преданность, которой в душе вовсе не чувствовали. Вообще, это крайне

запутанное дело, и получить на него правильный взгляд на основании старинных летописей очень трудно. Там говорится с одной стороны только о жалобах верных коряков на чукчей, а с другой стороны о возмущавшихся упоминается, что бунтовали как оседлые, так и кочевые коряки-оленеводы, но никогда не указывается, какие именно племена оставались верными русским и какие отказывали им в повиновении. Судя по тогдашним обстоятельствам, подвергаться нападению чукчей могли главным образом только олуторские коряки, если вообще эти нападения были так часты и так сильны, как о них говорится в летописи; а в этом есть вполне основательные причины сомневаться. Между тем почти постоянно бунтовали, убивали русских чиновников и путешественников, грабили казённую почту, одним словом, постоянно совершали постыдные дела именно олуторские коряки. И несмотря на то коряки находятся в чести не только у анадырских казаков, но и у самого Павлуцкого, который только в крайности решается предпринять против них незначительный поход в то время, как он ведёт непрерывную борьбу и наносит убийственные удары чукчам, которым никогда не делалось, да и нельзя было сделать упреков в том, что они нападали на русских и убивали их чиновников. В то время, как Павлуцкий покинул Анадырск, коряки, как было уже сказано, далеко ещё не были покорны русским.

Теперь пора сказать несколько слов о том, что делалось в области камчадалов. В Камчатке всё было спокойно, несмотря на то, что именно там вымогательства начальников достигали наивысшей степени, и произвол царил ещё больше, чем на Анадыре и Пенжине. Плохо там обстояло, если чиновникам удавалось в течение одного года наворовывать 6500 соболей, 2000 лисиц, 207 морских бобров и 169 выдр, как рассказывается о свергнутом своими же подчинёнными Алексее Петриковском. Если бы даже не все чиновники были такими отчаянными грабителями, то всё же каждый из них всеми силами старался обогатиться в возможно короткое время; в виду же того, что число начальников и казаков в трёх находившихся там укреплениях было немалое, можно себе представить, что должно было при таких обстоятельствах выносить население. Впрочем, камчадалы были спокойны вовсе не по доброй воле, а потому, что там была экспедиция Беринга и в Нижнекамчатске зимовал корабль «Гавриил», который должен был доставить команды в

Анадырск. В 1729 году Беринг ушёл из Камчатки, а весной 1731 пришла сюда весть о низложении и умерщвлении коряками Шестакова; однако камчадалы всё ещё оставались спокойными и не решались напасть на гарнизоны русских укреплений, опасаясь присутствия в стране команды «Гавриила», состоявшей из ста человек. Судно же по различным причинам, которых нет надобности тут приводить, оставалось в Нижнекамчатске до июля 1831 года. Но лишь только оно подняло якорь и ушло в открытое море, восстание вспыхнуло и в Камчатке. По-видимому, всё было подготовлено ранее, так как в самом непродолжительном времени камчадалы уже овладели Нижнекамчатским укреплением и выслали отряды для взятия Верхнекамчатска и Большерецка. Русских избивали повсюду, где только могли их захватить, и нет сомнения в том, что Камчатка была бы потеряна для русских, если бы не подоспела неожиданная помощь.

«Гавриил», команда которого вообще не совсем-то охотно отправлялась к устью Анадыря, чтобы потом подняться вверх по этой реке до острога, вдруг вернулся назад: он был недостаточно годен для морского плавания, а между тем разыгралась буря. Экипаж тотчас же был высажен на берег и выступил против мятежников. Удалось отстоять обе крепости, которым угрожала опасность со стороны повстанцев, а затем пошли на Нижнеколымск, куда бежали и собрались в значительном числе возмущившиеся камчадалы. Последние храбро защищались и все попытки штурмовать укрепление сначала оставались тщетными. Но когда одна из гранат попала в пороховой погреб и произвела взрыв, которым повредило частокол, русские проникли в крепостцу и, перебив всех мужчин, попавшихся им под клинки, взяли в рабство женщин и детей.

Таким образом здесь очень скоро было восстановлено спокойствие, и в Якутск можно было послать известие, что бунтовщики получили возмездие. Но в Якутске посмотрели на дело с другой точки зрения и нашли наконец своевременным произвести строгое дознание о причинах, побудивших население к возмущению и убийствам. При обыкновенном ходе дел подобное расследование, предпринятое в то время в Сибири, не привело бы ещё ни к каким результатам. Большею частью такого рода следствия не давали ничего потому, что производившие дознание в свою очередь позволяли себе столько незаконных поступков,

что и их приходилось отдавать под суд. В конце концов всё это надо-едало начальству и расследование дела прекращалось. Но на этот раз случилось иначе. В 1733 году предписание было составлено так, что два судебных следователя — майоры Мехлин и Павлуцкий — отправились в Камчатку, и нужно приписать серьёзному отношению к делу и справедливости последнего из них то, что причины возмущения были действительно как следует выяснены, а виновников постигла заслуженная кара. Следствие и суд велись вплоть до 1739 года, — так трудно было добиться истины в целом ряде преступных деяний; но в этом году был объявлен приговор: управляющий Новгородов, казацкий офицер Штинников и казак Сапожников, точно также, как и два главных зачинщика восстания из камчадалов были казнены; остальные казаки почти все наказаны, а все рабы, которых те приобрели себе силою или покупкой, отпущены на свободу. Затем было вновь восстановлено разрушенное укрепление Нижнекамчатск. Наконец, Мехлином и Павлуцким было предложено и приведено в исполнение административное постановление: Анадырск, Камчатка и мелкие, расположенные на побережья Охотского моря укрепления были изъяты из-под начальства Якутска и подчинены особому управлению, которое должно было находиться в Охотске. С 1740 года Павлуцкий был назначен воеводой Якутска и занимал этот пост до 1742 года, когда его вновь послали на Анадырь.

На Пенжине, на побережье Охотского моря и в Олуторске дела оставались в том же положении, в каком они находились при уходе Павлуцкого из Анадырска. Тут вместо солдата Мамрукова заступил в скором времени офицер Шадрин, который в свою очередь был заменён офицером же Шипицыным. Но никто из них не мог ровно ничего предпринять против бунтовщиков, потому что сенатский указ гласил, что без предварительного разрешения нельзя было начинать войны. Коряки продолжали держать в своих руках укрепления на Охотском море, так что из Охотска можно было сообщаться с Анадырском только через Камчатку. Не помешало корякам и восстановление укрепления на Олуторе. Они по-прежнему продолжают грабить и убивать мимоезжих купцов и чиновников, а однажды напали на восемнадцать человек разом; они осаждают даже укрепление со слабым гарнизоном, заставляют последний терпеть голод и наконец проложить себе дорогу частью в Анадырск, частью же бежать в Камчатку. Анадырск довольствуется тем, что

посылает одного казака спросить, с какой стати они убивают народ по дорогам, и получает скорее шуточный, чем серьёзный ответ: коряки, мол, убили казака Плеханова с семнадцатью его спутниками потому, что тот им заявил, что весною придут русские из Анадырска, перебьют всех коряков, а жён их и детей заберут в рабство. Этим объяснением в Анадырске удовлетворились, а между тем отсюда ежегодно доносили о положении дел в стране, заявляя, что нет более sprawy с чукчами, что последние день ото дня становятся всё более дерзкими и опасными и что они станут угрожать даже самому Анадырскому острогу, если не будет предпринят поход против них.

Эти постоянно повторявшиеся донесения сенат наконец признал заслуживающими серьёзного внимания и повелел избрать надёжного человека и вручить ему начальство. Сначала выбор пал на семидесятилетнего капитана Максима Лебедева, который затем и получил очень подробную инструкцию; но вместе с тем ему было приказано посоветоваться кроме того с Павлуцким, который-де лучше всего знает, как управляться с чукчами.

Конечно, последнее было вполне верно, но всё же крайне странно, что на такой трудный и ответственный пост был избран старик в то время, как к услугам правительства находился Павлуцкий, в способностях которого, как видно из инструкции, были вполне убеждены. Павлуцкий высказал своё мнение в том смысле, что с чукчами можно вести войну только на жизнь и на смерть; он требовал достаточных военных сил, заявляя, что менее как с 500 человек ничего нельзя сделать; наконец он был того убеждения, что необходимо энергично вести войну до тех пор, пока весь этот народ не будет истреблён окончательно. Однако с высказанными Павлуцким взглядами не соглашался иркутский губернатор Ланг, хотя и разделял мнение его в том, что войну нужно было вести энергично. Он склонялся к тому, что в случае заявления покорности некоторыми из чукчей, таковых необходимо взять в плен, увести с жёнами и детьми и со всем имуществом из занимаемой ими области и поселить где-либо на западе среди русских или среди диких, но преданных правительству инородцев. Но тех, которые стали бы противиться и не пожелали бы принять этой милости, следовало и по мнению Ланга истребить. Наконец сочли нужным выслушать также и мнение коменданта Охотска, Девьера. Этот последний, соглашаясь во всём остальном

со взглядом Ланга, указал лишь на то, что дела на Анадыре находятся в крайне критическом положении и что нужно принять меры не только против чукчей, но и против коряков, потому что последние постоянно бунтуют и даже заградили путь из Охотска в Анадырск. Но чтобы справиться с этой трудной задачей, прибавлял он далее, нельзя поручать её 70-летнему старику, а необходимо послать сильного, полного энергии человека, которым правительство и располагает в лице Павлуцкого, доказавшего свою способность как в Анадырске, так и в Камчатке; ему казалось совершенно непонятным, с какой стати Павлуцкий назначен воеводой в Якутск в то время, как на опасных пунктах деятельность его может быть применена с большею пользой. Это подействовало. Павлуцкий получает приказание выступить, и вдруг ему предписывают, под угрозой смертной казни, спешить изо всех сил после того, как совершенно напрасно потеряли много лет, ведя бесцельную переписку. Но путь через Охотск нельзя было избрать, или не хотели связываться на первое время с коряками, — одним словом Павлуцкий пошёл через Колымск и, несмотря на всю свою энергию, употребил на этот переход всё же более десяти месяцев, с 25 декабря 1742 до 9 ноября 1743. В то время этот поход считался за нечто необычайное, да впрочем, он и был таковым, если принять в соображение длину пути и то обстоятельство, что Павлуцкий вёл с собою команду с очень большим обозом. Уже по дороге посылались ему навстречу из Анадырска донесения, в которых рисовалась ужасная картина постоянно производимых чукчами злодеяний, и между прочим рассказывалось, что в течение всех последних лет чукчи каждую зиму грозили казакам, а особенно корякам, в следующее же лето разрушить Анадырское укрепление до основания: ведь нельзя же было рассказывать, что чукчи действительно напали на Анадырск и разрушили его.

Итак, Павлуцкий энергично принялся за дело и в последующие четыре года, проведённых им там, действительно совершил против чукчей четыре похода, послуживших самым блистательным доказательством как его искусства вести войска по самым негостеприимным местам, так и выносливости его людей и способности их переносить самые неслыханные невзгоды. Но этими походами достигнуто было лишь одно, именно что чукчи почувствовали непреодолимый страх перед

русскими, вследствие чего они, и после упразднения в 1770 году Анадырского острога, оставались спокойными, и только изредка имели стычки с коряками. То есть, таков вывод старых летописей о походах Павлуцкого; на самом же деле кажется, что чукчи оставались бы спокойными и без этих вторжений в их землю, потому что большая часть приписывавшихся им злодеяний основывалась, как уже часто упоминалось, на клевете и лжи. Если же разобрать тогдашнее положение дел и привести с ним в связь вечные, но никогда не проверявшиеся жалобы коряков на чукчей, имея в виду *cui prodest*, то истинные стороны дела, которые старинные летописи постоянно стараются скрыть, понять будет нетрудно. Действительно, после того, как коряки заметили, что внушавший им страх полководец, железный кулак которого почувствовали не одни чукчи, но и они сами, не только не предпринимал походов в их собственную область с целью наказать их за пролитую ими кровь, но что, напротив, он направлял всю свою силу исключительно против чукчей, — они подумали, что пришло время восстать, и на этот раз на самом деле попытались сбросить с себя русское господство и снова добиться независимости. Свои враждебные действия они сначала открыли против Окланского острога. На полуострове, образуемом впадением Оклана в Пенжину, и на этой последней реке издревле существовал корякский бург; он был разрушен казаками в 1679 году и там же, или по крайней мере вблизи этого места, возведён впервые в 1690 году острог. Много раз разрушавшийся, снова возводившийся и опять уничтожавшийся, он был совершенно восстановлен в 1741 году энергичным анадырским сержантом Н. Енисейским и занят гарнизоном из двадцати четырёх человек. Енисейский сумел завязать дружелюбные отношения с жившим на Гижиге могущественным корякским предводителем Эвонтой, а также с 70-летним, всеми уважавшимся Аликом, так что они не ставили ему препятствий в его поездках как в Ямск и Тауйск, так и в Охотск. При его содействии удалось даже восстановить две первые упомянутые тут крепостцы и занять их гарнизоны. Всё шло прекрасно, царило полное спокойствие и Енисейский полагал, что ему удастся снова завладеть местностью между Охотском и Анадырском. Но для этого гарнизонов Тауйска и Ямска, состоявших из десяти или двенадцати человек, и двадцати четырёх ратников, которых он имел в Окланске, было слишком недостаточно; поэтому, в октябре 1745 года он предпринял поездку в

Охотск, с целью просить о подкреплении. Но ему могли дать лишь немного людей; для Окланска ему отрядили всего двенадцать человек, так что он вернулся туда с двадцатью четырьмя ратниками: двенадцать он взял с собою, отправляясь из Окланска, где таким же образом оставалось столько же. Это было как раз в то время, которое заговорщики избрали для того, чтобы убить Енисейского и совершенно овладеть всеми крепостцами. До приезда Енисейского покинул Охотск миссионер Флавиан с несколькими спутниками и отправился в Анадырск, чтобы совершать богослужение. Он считал себя в совершенной безопасности, так как он шёл в сопровождении корякского предводителя Кине. Но этот последний известил Эвонту, что монах идёт с незначительной свитой; Эвонта напал на него на Шестаковке, умертвил его и перебил всех его людей. В то же самое время к востоку от Каменки коряки бурга Широ́ва убили двух казаков, которые находились на пути из Камчатки в Анадырск и везли деловые бумаги, а также ехавшего с ними купца; вслед за тем они обратились к Алику, который, узнав о смерти просветившего и крестившего его год тому назад Флавиана, счёл тоже своевременным примкнуть к восстанию. Ко всему этому присоединилось ещё то обстоятельство, что жена Эвонты, всеми уважавшаяся шаманка и предсказательница, возвестила о благополучном исходе восстания; тогда отдельные корякские начальники, заключив между собой союз под предводительством Эвонты и Алика, порешили вырезать всех русских и скинуть с себя зависимость. Они условились, что Алик направится на запад, побудит все тамошние бурги к восстанию, а главным образом постарается справиться с Енисейским. Последнее и удалось. Когда Енисейский добрался до Гижиги и достиг области начальника тайгоносских коряков, Тайко́па, жившего на полуострове между Гижигой и Пенжиной, этот последний сумел разъединить команду Енисейского тем, что поставлял недостаточное число ездовых животных; вследствие этого справляться с отдельными труппами ратников и избивать людей сонными было тем легче, что Енисейский, вполне полагаясь на дружбу Эвонты и Алика, по всей вероятности, упустил принять необходимые предосторожности. Самого Енисейского закололи в то время, когда он, только что подъехав к какой-то юрте, хотел выйти из саней. Тем же способом были умерщ-

влены ещё несколько казаков и унтер-офицеров, совершавших служебные поездки, — одним словом, постарались перебить всех русских, которых удалось захватить каким бы то ни было способом.

Между тем, во время отсутствия Енисейского, в Окланск прибыли различные чиновники: сержант Мокрошубов с казаком Скребыкиным с целью проводить монаха Флавиана из Окланска в Анадырск, а также гренадёр Мамруков с четырьмя казаками, посланный к Эвонте за оленями для похода, решённого Павлуцким в ближайшую весну против чукчей. Пробыв тут несколько дней, Мамруков направился далее, чтобы исполнить данное ему поручение: в то время в Окланске не было ещё получено известия о том, что вспыхнуло восстание. За ним последовали через короткий промежуток времени два человека окланского гарнизона, чтобы привезти с нижнего течения Пенжины наловленную там летом рыбу. Уже в виду юрт живших здесь коряков заметили они на дороге труп одного из спутников Мамрукова; в это время коряки вышли из юрты и стали приглашать их к себе, но они пустились бежать и несмотря на то, что за ними была погоня, достигли Окланска ещё до прибытия преследователей. Последних было до ста человек; они собрались из бургов Ягача, Каменска, Широва и Коуша. Покончив с Мамруковым и его спутниками, они явились под предводительством Эвонты к Окланску, не с целью штурмовать его, так как это было опасно даже при слабом гарнизоне, а для того, чтобы овладеть укреплением посредством измора. Впрочем, коряки наблюдали за крепостью так плохо, что в неё не только мог войти в начале декабря (посланный из Анадырска, для сбора ясака с живших вокруг Окланска коряков) казак Сорокоумов с двумя товарищами, но и послать отсюда человека к Павлуцкому с известием, что вспыхнуло восстание и он, Сорокоумов, запертый в Окланске, терпит недостаток в жизненных припасах.

Павлуцкий, впрочем, уже знал, что коряки восстали, потому что ещё перед тем человек, посланный к корякскому начальнику Шадре с целью тоже потребовать от него оленей для чукотского похода, вернулся безуспешно и донёс, что население взбунтовалось, что Эвонта со своим сыном Эвулхутом, а также Алик и Текиэттог восстали и что идут слухи об убиении монаха Флавиана с его спутниками. Когда же к этим вестям присоединилось уведомление из Окланска, Павлуцкий, немедленно выслал на помощь окланскому гарнизону офицера Петра Прошина со 120

ратниками и вместе с тем написал и в Охотск, чтобы отсюда были приняты меры к защите местностей, расположенных у Охотского моря, в виду того, что он не располагает достаточным числом людей для успешного ведения войны одновременно на севере и на юге. Нет сомнения, что Павлуцкий легко справился бы с восстанием, если бы, оставив на некоторое время чукчей в покое, направил все свои силы на коряков; но в то время все без исключения сильно верили в опасность со стороны чукчей; вследствие этого корякское восстание, начавшись в 1745 году, продолжалось целых одиннадцать лет и могло считаться прекратившимся лишь в 1756 году. Но раз Павлуцкий не пошёл против коряков сам, то он должен был бы послать к ним по крайней мере кого-нибудь из дельных людей, которых, конечно, у него было несколько; но он считал всех их необходимыми для похода против чукчей и поручил эту важную задачу совершенно неспособному Прошину, который, несмотря на свой отряд в 120 ратников, не отваживался ни на какие решительные меры и тем сделал коряков ещё более дерзкими и более уверенными в своей победе. В Окланск он прибыл лишь в конце февраля, когда несчастный гарнизон давным-давно питался уже сетями, ремнями и подошвами от сапог; затем он пошёл далее, а коряки потихоньку отступали перед ним. Наконец, он стал вести с ними переговоры и получил обещание, что коряки станут вновь платить ясак и сложат оружие. Когда же он стал требовать ясак, ему отвечали, что в настоящее время они не могут платить, потому что руки их ещё обагрены русскою кровью, а это по толкованиям их шаманов должно считать за дурной знак. Таким неслыханным ответом Прошин довольствуется и, оставив подкрепление окланскому гарнизону, возвращается в Анадырск. Коряки так ободрились подобным образом действия, что тотчас же разослали повсюду посланцев и пригласили всех своих соплеменников к восстанию. Они поручили своему посланцу Чингину всюду сказать, что главари коряков восстали оттого, что один бежавший из русского плена коряк, который понимал по-русски, слышал разговор казаков со своим духовенством о том, что вышел приказ взять в плен всех коряков, самих окрестить насильно, а жён их и дочерей увести. Когда впоследствии, по усмирении мятежа, несколько корякских главарей были приговорены к пытке, они на ней сознались, что причиной восстания были не эти рассказы, а что они выду-

мали и распространили их с целью возбудить и понудить своих соотечественников к восстанию. Как бы то ни было, но эта попытка удалась, и все корякские племена от Тауйска до Олуторы взялись за оружие.

Когда в августе Павлуцкий вернулся из своего похода на чукчей, он, конечно, засадил Прошина в острог и приказал расследовать обстоятельства дела; но бедствие уже разразилось и даже усилилось в том же году вследствие падения Окланска. Незначительный гарнизон этого укрепления, вместо того, чтобы сидеть спокойно или ограничить свою деятельность ближайшими окрестностями крепостцы, вздумал предпринимать походы по разным направлениям; хотя при этом корякам и наносился кое-какой вред, однако в конце концов отряд русских, состоявший из шестнадцати человек, столкнулся с полчищем неприятелей в 150 человек и при этом понёс столь значительный урон, что начальник его решил покинуть укрепление и с немногими оставшимися у него людьми пробиться в Анадырск. Имевшиеся у них пушки и тот порох, который они не могли захватить с собой, они зарыли и отправились в путешествие, которое длилось много месяцев благодаря тому, что им повсюду приходилось скрываться от коряков. Наконец четверо из них, измученные голодом, достигли в марте 1747 г. Анадырска, Окланск же был разрушен коряками. 15 Марта 1747 года пал вследствие измены собственных людей, после геройской обороны, Павлуцкий, в битве с чукчами, а только 6 декабря 1748 года прибыл в Анадырск его заместитель, Кекерев. По-видимому, этот начальник наконец сообразил, что коряки представляют собою более опасных врагов, а потому направил свои силы сначала против них. Он выступил 30 января 1749 года с 236 казаками, 146 коряками и 88 юкагирами на юг. Было бы лучше, если бы как он, так и его заместитель не включали коряков в свою рать, потому что они являлись слишком ненадёжными союзниками против своих соплеменников; их поведению и следует приписать то, что этим походом было достигнуто так мало: неприятель всё время получал от них известия о намерениях и движении русских. По дороге Кекерев узнал от двух пойманных лазутчиков Текиэттога, что последний находится со своими людьми на реке Парени; поэтому он разделил свою команду, оставил часть ратников на Оклане, а со 130 самыми лучшими из людей пошёл усиленными переходами навстречу корякам. Он достиг Парени, но Текиэттог так поспешно удалился, что кинул на месте и свой лагерь, и

своих оленей. Его усиленно преследовали, но в это время разразилась ужасная, свирепствовавшая двенадцать дней подряд снежная буря, которая дала Текиэттогу возможность бежать со своими людьми к Охотскому морю. Тогда Кекерев направился на восток и напал на Каменский бург, где собрались большие корякские силы. Первый штурм бурга не удался, и сам Кекерев получил две раны; ночью же, во время бури, коряки перебили своих жён и детей, числом до 30, а сами тайно бежали из бурга, предоставив его русским. Между тем бежавшие, бегство которых вряд ли удалось бы без содействия со стороны находившихся в войске Кекерева соотечественников, засели на одну из скал бурга, куда вела всего одна тропинка и подняться на которую можно было лишь с помощью лестниц и ремней. Кекерев последовал за ними и туда, но убедился, что без особых вспомогательных средств ему не удастся завладеть крутою скалою, с которой осаждённые могли скатывать камни, а потому снял осаду, так как принудить коряков сдаться голодом казалось ему слишком долгим. Но поход имел всё же тот результат, что после разрушения двух бургов, Каменска и Ягача, коряки Широ́ва, Парени и Олуторска обещали платить ясак и сдать его осенью. Однако тотчас же по уходе русских они забыли это обещание. На этот раз Кекерев вернулся в Анады́рск, куда он прибыл в апреле месяце. Он освободил из плена нескольких русских, а сам взял в плен 45 человек коряков. По прибытии в Анады́рск последних судили, нескольких пытали, других казнили, а остальных наказали палочными ударами.

Летом 1749 года Кекерев, как это обыкновенно бывало, оставил коряков в полном покое. Но зимою, по-видимому, коряки снова выдали себя за чукчей, потому что в отчёте говорится, что следующей весною, 12 марта 1750 года, Кекерев со своим войском отправился на Таловку, т.е. в местность со всех сторон окружённую восставшими корякскими племенами, с целью перехватить чукчей, пришедших обложить данью коряков. Трудно себе объяснить, что могло бы значить это сказание: коряки, конечно, имели расчёт направлять гарнизон Анады́рского острога на чукчей, но только в том случае, если походы его совершались в область последних или, как это практиковалось в последние годы, по крайней мере вниз по Анады́рю на лодках; но никак не могло быть для них выгодным призывать страх наводящую рать русских в свои владения. Собственно говоря, даже нельзя было рассчитывать найти чукчей

на Таловке, если бы они на этот раз туда и проникли: отсюда до Анадырска по крайней мере около 400 вёрст, а потому потребовалось бы довольно продолжительное время для посылки известия в острог и для прибытия оттуда помощи. Но с другой стороны Кекерев на этот раз выступил и шёл с необыкновенной поспешностью, потому что, придя на Таловку и не найдя ушедших уже будто бы чукчей, он тотчас же погнался с частью своего отряда, состоявшею из ста человек, за главным бунтовщиком Эвонтой, который по слухам находился за речкой Пустой; он достиг этого места уже 22 марта, т.е. прошёл в десять дней по крайней мере 600 вёрст. Конечно, воины его шли не пешком, а ехали на нартах, как это всегда бывало; но и олени, давшие возможность совершить такое путешествие, должны были обладать большой выносливостью. Во всяком случае из этой большой поспешности можно заключить, что Кекерев действительно рассчитывал застать ещё разбойников. Как бы то ни было, но он настиг Эвонту за речкой Пустой на крутой, расположенной на море верстах в пяти от берега скале, штурмовать которую оказалось невозможным. Он мог похвастаться разве одним незначительным успехом: — по дороге ему удалось напасть на небольшую трупю коряков (часть которых он перебил, остальных взял в плен) и отбить при этом 2500 принадлежащих Эвонте оленей. Но вслед затем он возвращается назад и приходит 22 апреля в Анадырск с сильно измученной командой, которая будто бы очень страдала от голода благодаря тому, что при слишком поспешном выступлении из острога не могла захватить достаточных запасов продовольствия. Опять-таки совершенно непонятно, как можно терпеть голод, овладев стадом оленей в 2500 голов; одним словом, отчёт об этом походе полон противоречий. Таким образом снова ничего не достигли, если не считать косвенного успеха в том, что на сторону русских перешли два корякские начальника, Айвулан и Текиэттог, которые по каким-то неизвестным причинам сочли дело своего народа проигранным; небольшим удовлетворением было также то обстоятельство, что Текиэттог возвратил Кекереву пушку, похищенную коряками из покинутого гарнизоном Окланского острога.

В конце 1750 года, 1 декабря, вступил в Анадырск новый начальник, капитан Шатилов. По принятии острога он тоже решил предпринять немедленно поход против коряков, но не был в состоянии выступить из

крепостцы до конца марта 1751 года. На этот раз было решено наказать западных коряков, а потому он направился к устью Гижиги. Дойдя до полуострова Тайгоноса, он отправил 1 апреля вперёд, на рекогносцировку, сотника Катковского с пятьюдесятью ратниками. Последний действительно наткнулся на толпу коряков с жёнами и детьми, которые оказали сопротивление Катковскому и даже сами напали на него. Потеряв в бою двух человек, неприятель обратился в бегство; войдя в лагерь коряков, Катковский нашёл в нём тела их детей и жён, которые, чтобы не достаться русским, умертвили или сами себя, или были перебиты своими мужьями и отцами. От одного взятого в плен коряка, который, впрочем, заявил, что он уже давно собирался подчиниться русским, Катковский узнал, что на полуострове находятся большие корякские силы; тогда Шатилов, основываясь на этом известии, направился туда. Чтобы скорее достичь цели, он оставил свой лагерь под начальством лейтенанта Бельского и поспешил вперёд с 200 казаками и приблизительно с 80 коряками и юкагирами, приказав главным своим силам следовать за ним с возможной быстротой. В скором времени он настиг своего противника, который сам выдал своё присутствие, выслав вперёд лазутчиков и поручив им выследить русских; таким образом последним оставалось только идти по следу разведчиков, чтобы настичь бунтовщиков. Эти, однако, уже успели прибегнуть к излюбленной коряками военной уловке, — удалиться на неприступную скалу. Последняя находилась приблизительно в ста саженьях от берега и казалась крайне неудобной для штурма. В виду того, что уже начало темнеть, Шатилов расставил на льду моря, вокруг скалы стражу, чтобы враг не бежал ночью, и приказал на рассвете следующего дня обрекогносцировать окрестности и очистить их от неприятеля. Затем он ждал ещё несколько дней и вёл с осаждёнными переговоры, обещая лёгкое наказание и даже полное прощение, если они теперь же изъявят покорность и станут платить ясак. Но коряки, ободрённые удачей подобной попытки в прошлом году, чувствовали себя на своей твердыне в такой безопасности, что с бранью отвергли все предложения Шатилова и крикнули ему, чтобы он сам опасался того, как бы ему не погибнуть со своим войском на полуострове Тайгоносе. Тогда было решено штурмовать скалу после того, как во время рекогносцировки, не обнаружившей присутствия неприятеля, удалось всё же захватить стадо оленей. Но штурм был делом нелёгким.

Скала, со всех сторон круто спускавшаяся к морю, имела всего один и то очень плохой подъём, который коряки постарались оборонить самым тщательным образом. Они связали олени нарты и нагроулили их мешками, наполненными крупными камнями; таким образом они могли спустить на штурмовавших вниз по крутизне всю эту массу разом. Было заготовлено и поставлено друг за другом три подобных комплекта саний. Помимо этого, коряки поставили в снегу, как на подъёме, так и на других местах, где только допускалась возможность взобраться ловким лазунам, железные и приготовленные из костей лисьи и волчьи капканы; таким образом приходилось преодолевать порядочно препятствий. Шатилов разделил свои силы на пять колонн; одной из них было поручено штурмовать подъём, а другие в это время должны были своими выстрелами мешать оборонявшимся защищаться, а также пробовать взбираться поодиночке на скалу в других местах. В лагере был оставлен караул из двадцати двух коряков, которому было приказано ни под каким предлогом не оставлять его; точно также наблюдение за взятыми оленями было поручено другим двадцати двум корякам. Это был трудный и кровавый бой; то и дело штурмовавшие валились с крутого обрыва и особенно страдали от поставленных капканов. Наконец русские ворвались в неприятельский лагерь и завладели скалой после того, как корякский начальник Тыкоп пал со 130 из своих людей; кроме того, там же валялось около трёх сот трупов перебитых жён и детей, в плен же попало всего трое мужчин и семь женщин, — что служит доказательством того, с какой яростью и отчаяньем дрались коряки. Со стороны русских пали пять солдат и четыре казака, раненых же оказалось пятьдесят один человек и в том числе несколько офицеров. В то время, как Шатилов дрался, напрягая все свои силы, его постигла очень значительная неприятность: толпа из тридцати приблизительно коряков незаметным для русских образом ворвалась в лагерь, совершенно его ограбила, захватила стадо оленей и удалилась прежде, чем скала была взята штурмом. Коряки, оставленные на карауле, преспокойно допустили всё это, несмотря на то, что их было сорок четыре человека, тогда как нападавших всего тридцать. Стадо удалось отбить у неприятеля ещё в тот же день, но потеря обоза крайне огорчила Шатилова, и он приложил все усилия к тому, чтобы наказать коряков за это нападение. Он

постоянно высылал разведочные партии, чтобы собрать данные о местопребывании неприятеля, но долгое время совершенно безрезультатно. Повсюду находили уже покинутые места привалов и приводили с собою лишь отбитых у врага оленей, всего более 2600 голов. Наконец Катковский, предводитель одного из разведочных отрядов, донёс, что он выследил неприятеля и что этот последний опять находится на крутой скале близ берега моря. Шатилов поступил, как и в первый раз: он пошёл с двумястами человек усиленными переходами вперёд и приказал остальным догонять его. На скале находился корякский предводитель Эткивун, тот самый, который в сообществе с другим начальником, Чайвыгиным, произвёл нападение на лагерь Шатилова. Несмотря на то, что обстоятельства настоятельно требовали штурмовать скалу и наказывать защищавших её вместе с их предводителем, Шатилов снова вступил в переговоры и выставил требования, которые на этот раз были очень скоро приняты, что служило явным доказательством ненадёжности избранной коряками позиции. Насколько искренно было изъявление покорности со стороны Эткивуна, видно уже из того, что последний вернул лишь незначительную часть похищенных вещей, заявляя, что остальное потерял, но постарается найти; этим Шатилов однако довольствуется и отпускает коряков, не наказав их. Соучастника Эткивуна в грабеже, Чайвыгина, тоже выследили на скале, но так как последняя оказалась абсолютно неприступной, то Шатилов вовсе её не штурмовал, отступил без успеха и пошёл обратно в Анадырск, куда прибыл 22 мая. Хотя ещё во время его пребывания на Тайгоносе и Гижиге ему и покорились несколько корякских начальников (именно Чайвыгин, разграбивший лагерь, Наяхахла с Парени и даже Алик с Эвекой), уплатили ясак и выдали заложников, но всё это только для виду, с целью избавиться от опасного человека, потому что впоследствии мы видим их, особенно же Алика, снова в ряду и во главе бунтовщиков. Впрочем, отчёт об этом походе вовсе не удовлетворил и власть в Иркутске, так как вместо прежних советов быть гуманными, пришёл строгий приказ, указывавший на то, что не следует полагаться на такое изъявление покорности, которое вовсе не согласуется с данными поступками; вместо приглашения мятежников к сдаче русским просто-напросто предписывалось заковывать их попарно в цепи, а всех тех, кто будет взят с оружием в руках, избивать, лишь бы только водворить спокойствие в стране.

Этот поход 1751 года составил так сказать эпоху в войне с коряками в том отношении, что был последней попыткой положить конец восстанию из Анадырска. Уже Павлуцкий в самом начале мятежа, в 1745 году, высказался в том смысле, что со стороны Анадырска невозможно удержать в повиновении одновременно и чукчей, и коряков, если бы им вздумалось подняться против русских. И действительно, это была неразрешимая задача при тех средствах, которые отпускались, и особенно при команде, состоявшей всего из 400 человек. Последнее станет ясным каждому, кто примет в соображение одни только расстояния. Места расселения чукчей в то время фактически начинались несколько к западу от Чаунской губы и распространялись отсюда на восток до Берингова моря, спорадически захватывая и внутреннюю часть Чукотской земли. До самого Анадыря кочёвки чукчей не простирались, а доходили к югу самое большее до водораздела левых притоков великой реки. Только в области устья приближались они к этой реке и заходили даже на правый её берег, ютясь по обоим берегам Онемена. Таким образом гарнизону острога приходилось сделать по меньшей мере четыреста или пятьсот вёрст прежде, чем он мог вообще увидеть неприятеля. С другой стороны, коряки селились, как мы видели выше, от Тауйска на берегу Охотского моря до рек Таловки и Пустой, на полуострове Тайгоносе, на Гижиге, Парени, по Оклану, Шестаковке, Каменке и Таловке, а затем поперёк Камчатки по Олуторе. Из всех этих селений ближайшими к Анадырску были расположенные по Оклану и отстояли от него более, чем на 250 вёрст, находившиеся же по Таловке с лишком на 400, а по Гижиге на 650-700 вёрст, не говоря уже о дальнейших, каковы селения Тауйск и Олуторск. Что касается чукчей, то из всех начальников один только Павлуцкий ходил в их собственную землю, но до какой невероятной степени обременяли людей эти набеги, а иначе их и назвать нельзя, будет видно из исторической части настоящего труда. Другие начальники не решались уже на подобные предприятия, а пользовались тем обстоятельством, что нижнее течение Анадыря, приблизительно от впадения в него реки Белой, представляло из себя поздним летом и осенью сборное место, как для гарнизона острога, так и для различных племён инородцев — чукчей, коряков, юкагиров, чуванцев и других; тут издревле ежегодно ловили рыбу и кололи северных оленей ещё в более обширных размерах, чем теперь. В это время начальники Анадырска сажали

своих людей на лодки и ежегодно спускались вниз по реке, чтобы охотиться за чукчами. Но с коряками справляться было не так легко, да и цель войны с ними была иная, чем с чукчами. Последних желали только наказывать, первых же положительно хотели снова обратить в данников. Когда тундра не покрыта снегом, пробираться по ней на оленях очень трудно; решиться на поход глубокой зимой с её снежными бурями тоже очень рискованное дело; осенью олени очень слабы; таким образом для ведения войны можно было пользоваться только поздней частью зимы, т.е. очень ограниченной, строго определённой для каждого года порою. Если теперь принять во внимание, что из этого само по себе очень краткого промежутка времени, который к тому же всегда мог быть вычислен врагом, приходилось терять большую часть на прохождение безлюдных, пустынных пространств, то станет понятным, почему с коряками не успевали, как это часто и бывало, справляться и отчего укрепления их оставались нетронутыми: было слишком мало времени для продолжительных осад, а тем более для взятия укреплений измором, — нужно было думать лишь о том, как-бы поскорее вернуться во свояси.

К трудностям, с какими сопряжены были переходы по пустынной, негостеприимной стране, присоединялись ещё другие обстоятельства, в течение целого ряда лет серьёзно занимавшие и ставившие в немалое затруднение начальство в Охотске и Иркутске. Походы с их чрезмерной затратой сил и лишениями утомляли даже тех закалённых и выносливых людей, которые там служили; результатом утомления и часто очень плохого и недостаточного питания, вовсе не соответствовавшего тягостям, с которыми приходилось бороться полуголодным, плохо одетым воинам, являлись болезни. Поэтому постоянно требовались подкрепления, удовлетворять же этим требованиям было невозможно или по крайней мере очень трудно, потому что русских в Сибири было в то время очень мало. Содержание гарнизона, с другой стороны, ложилось тяжёлым бременем на главное управление; и, хотя оно сильно обременяло всю Якутскую область, однако все потребности не могли быть достаточно удовлетворяемы; таким образом воины никогда не получали всего того, что им следовало: в лучшие годы им выдавалась только незначительная часть их содержания, а в дурные они лишались всего, а

между тем обязаны были нести тяжёлую службу. При полном комплекте команды, она должна была состоять из четырёхсот нижних чинов, нескольких офицеров и чиновников, так что всего в ней было около 420 человек. По минимальному расчёту каждый человек должен был ежегодно получать двенадцать пудов муки и крупы и приблизительно половину этого количества остальных, выдававшихся солдату припасов. На весь гарнизон это составляло уже 4920 пудов одних жизненных припасов, но к ним нужно прибавить соль, порох, свинец и остальные материалы для одежды, амуниции и т.д. Таким образом по смете, составленной в Якутске, на Анадырь приходилось ежегодно доставлять по крайней мере 5400 пудов разных товаров, — а это являлось необыкновенно тяжёлой повинностью для малонаселённой области, жители которой должны были везти кладь несколько тысяч вёрст по абсолютно необитаемой местности. Не было ни одного года, когда бы удавалось действительно доставлять всё на место назначения; насколько тяжела была эта повинность для Якутской области, можно заключить из различных, иногда крайне странных предложений, которые делались с целью облегчить её. В излишнем мягкосердечии и заботе о благе туземных инородцев никак уже нельзя упрекнуть управление Якутска и если оно постоянно работало над открытием лучших способов транспортировки, то это зависело исключительно от того, что якуты и тунгусы положительно не были в состоянии исполнять то, что от них требовалось. Обыкновенный путь шёл по нижнему течению Алдана, вверх по Хандыге на Оймяконское нагорье и на верховья Колымы. Затем вниз по Колыме на лодках до Нижнеколымска, а отсюда к Анадырю частью по Омолону, преимущественно же по двум Анюям. Этот путь тянулся на протяжении трёх тысяч вёрст и был очень затруднителен благодаря тому, что приходилось переходить много рек и болот. Вследствие этого предложили другую, несколько более короткую дорогу через Охотск и вдоль побережья Охотского моря до Гижиги, отсюда же поперёк страны на Анадырь. Но выполнить это предложение было невозможно потому, что побережьем Охотского моря завладели возмущившиеся коряки. Далее, хотели везти транспорты до Охотска сухим путём, затем водой вокруг Камчатки до устья Анадыря и наконец вверх по этой великой реке до острога; но и этого нельзя было исполнить благодаря тому, что не имелось достаточного количества годных кораблей, на которых можно

было бы решиться предпринять путешествие по малоизвестному и очень бурному морю. Серьёзно думали даже о пути вниз по Лене, затем вдоль побережья Ледовитого океана до Яны, а отсюда предполагали везти товары на оленьих и собачьих нартах до Колымы, с этой же реки направляться на Анадырь. В виду того, что всё это оказалось неисполнимым, прибегли к очень сомнительному средству и стали высылать людям лишь очень небольшое количество муки, а вместо недостающего выдавать им наличные деньги, считая по якутским ценам. Этот своеобразный способ снабжать людей деньгами вместо хлеба основывали на следующем рассуждении. Люди будто бы отвыкли от употребления хлеба, что видно-де из того, что они очень сносно чувствовали себя, даже целыми годами не получая его; если же посылать им деньги, то они будут в состоянии покупать себе оленину и рыбу: это, мол, им много выгоднее, чем не получать ни муки, ни денег, как это бывало до тех пор. Так и поступили. Вместе с тем начальник над Охотском получил приказ высказаться, не находит ли он возможным выстроить близ моря крепость, которую можно было бы снабжать всем необходимым морским путём из Охотска и которая, давая возможность держать в повиновении коряков, не находилась бы ни в какой зависимости от Анадырска, чтобы последний мог направить все свои силы против одних чукчей. Это распоряжение было приведено в исполнение, как и всё в Сибири, очень нескоро, только в 1752 году. В упоминаемом году казацкий сержант Белобородов получил приказание выступить из небольшого укрепления Таманска, расположенного на берегу Гижигинской губы, с 88 ратниками, против коряков; казаку же Аврааму Игнатьеву было дано поручение выстроить в виде опыта крепость в устье Гижиги. Оба эти приказа и были приведены названными начальниками в исполнение соответственно инструкциям. Белобородов всё лето бился с различными корякскими бандами, не одержав, конечно, громких побед, так как 88 человек, бывших в его распоряжении, были слишком незначительной силой сравнительно с многочисленным врагом; тем не менее он преследовал повсюду противника и наносил ему неоднократно поражения. Очень чувствительный удар нанёс он восстанию тем, что взял в плен старика Алика, который однажды уже изъявил покорность Анадырску, но затем, когда опасность с уходом войска миновала, снова соединился со своими

земляками. Восьмидесятилетний старик был отправлен в Охотск на допрос, но умер на пытке. Игнатьев тоже бодро принялся за дело и выстроил в устье Гижиги, верстах в пятнадцати от берега моря, крепость, конечно, посреди голой тундры, на бесплодной, болотистой почве; она представляла то преимущество, что отныне явилась возможность получать всё необходимое со стороны моря и иметь врага, которого приходилось побеждать, в непосредственной близости и доступным во всякое время года. Начатое сооружение в том же году подвинулось настолько, что на следующий его можно было окончить и снабдить гарнизоном. Уже в 1753 году был сделан опыт доставить всё нужное для крепостцы морем, но он был неудачен, потому что сам по себе не совсем годный для морского плавания корабль наткнулся близ Туманной на скалу, причём часть экипажа утонула, а весь груз погиб. Лишь в 1757 году удалось разгрузить первый корабль в Ги-жиге. Три года продолжалось, становясь всё слабее и слабее, восстание, пока в 1756 году не удалось наконец покорить последние из возмущившихся племён.

Впоследствии коряки уже не возмущались: вышло предписание как им, так и комендантам Гижигинска, чтобы ясак сдавался начальниками коряков и притом исключительно в крепости. Этим несомненно устранялись самые крупные злоупотребления, потому что губительные разъезды сборщиков ясака, часто превращавшиеся в самовольные хищнические набеги, не могли уже иметь места. Между тем не подлежит ни малейшему сомнению, что именно эти-то сборщики ясака и были настоящей причиной столь долго тянувшегося восстания, Анадырский острог тотчас по своём основании в сравнительно короткое время обратил коряков в данников и в течение многих лет они терпеливо сносили новое иго. Но затем, когда коряки вполне убедились, что ежегодно собиравшаяся с них разъезжавшими казаками и комиссарами дань только частью поступает в казну, остальная же и гораздо большая часть её идёт в карманы этих извергов, среди них вспыхнули в 1715 году первые беспорядки, повлёкшие за собой избиевание мучителей с ограблением как их собственного, так и казённого имущества, и продолжавшиеся до 1756 года. Действительно, хотя древние летописи и считают начало восстания только с 1745 г., однако нельзя отрицать того, что с 1715 года не проходило, собственно говоря, ни одного года без грабежа или нападе-

ния со стороны коряков. Основанная в 1753 году крепость, конечно, содействовала с своей стороны усмирению мятежа, но главнейшей причиной успокоения было всё же лучшее с этих пор обращение с коряками. Когда в 1771 году был упразднён Анадырск, центр административного управления был перенесён в Гижигинск; это обстоятельство тоже сделало своё дело для устранения последних остатков прежних ожесточённых битв, — коряки покорились своей судьбе. [[назад](#)]

65. Дитмар о коряках.

C. von Ditmar, Ueber die Korjaken und die ihnen sehr nahe verwandten Tschuktschen. Mélanges russes из т. III Bullet, der Akad. d. Wissenschaften. [[назад](#)]

66. Старинный путь между Нижнеколымском и Гижигинском

Между Нижнеколымском и Гижигинском и в древние времена существовал хорошо известный и часто посещавшийся путь, длину которого определяли в тысячу вёрст, проходя его на нартах во время коротких зимних дней в двадцать шесть суточных переходов. Последние распределялись так: от Нижнеколымска до впадения Омолона — два; от устья Омолона до селений живших на Большом Олое юкагиров — семь; от юкагиров до Отворотной — тоже семь; от Отворотной, через горный хребет до истоков Парени — пять, и от истоков Парени до Гижигинска также пять переходов. [[назад](#)]

67. Действие мухомора

Мне рассказывали лишь об одном смертном случае от употребления в пищу мухомора; но его объясняли тем, что пострадавший (это был русский) поел его в довольно большом количестве и в свежем, не проявленном виде.

Замечательное влияние производит этот гриб на мочу: содержащееся в нём наркотическое средство, как кажется, переходит преимущественно в неё. Хорошо известен факт, что коль скоро коряк начинает замечать исчезновение одурения и у него нет более гриба, он пьёт свою

собственную мочу; тогда наркотическое действие проявляется снова, но вторично моча не оказывает влияния и вызвать ею одурение уже нельзя. Мне рассказывали об одном человеке, который ехал с коряком и остановился у одного оседлого коряка. Хозяин дома находился в полном одурении и потому был в крайне весёлом расположении духа. Приехавший с путешественником коряк попросил, конечно, у хозяина дома порцию гриба, но этот к своему величайшему сожалению не мог удовлетворить его желания. Однако он тотчас же помочился и предложил выделение гостю, который его выпил и тоже впал в одурение. Между тем у хозяина дома наркоз прошёл, а у гостя продолжался, и когда первый пожаловался, что не может возобновить приятного состояния духа, последний дал ему своей мочи — но она уже не оказала действия. [[назад](#)]

Примечание 68 в русском переводе стало излишним.

69. Граница лесной растительности на Анадыре

Очень замечательно далёкое распространение на восток лиственничных лесов на верхнем течении Анадыря, но трудно объяснимы причины, которые его обуславливают. В нашем путешествии в Чукотскую Землю мы встречали лиственницу лишь до западного склона горной цепи и даже самое верхнее течение Большого Анюя было уже лишено лесной растительности. Но как только мы перевалили через тянувшийся вдоль левого берега Анадыря хребет и начали спускаться в долину реки, мы тотчас же встретили тут высокоствольный лиственничный лес, который с тех пор нас уже не покидал за единственным исключением самого водораздела между Анадырем и Большим Анюем. Во время своей поездки из Марково в Нижнеколымск Нейман наблюдал, что лес тянулся не только по долине самого Анадыря до впадения в него Менкеры, вверх по которой ему пришлось ехать, но распространялся даже по всему нижнему течению этой последней реки. Вниз по Анадырю лес не доходит до Марково всего около десяти вёрст. К сожалению, я не мог узнать ничего определённого о нахождении лиственничного леса на восточном склоне Колымского хребта на пространстве между истоком Карулевэма и Охотским морем. Верхние течения Пенжины, Парени, и

Оклана лежат, как мне говорили, в пределе лиственничного леса, но источники, из которых я заимствовал эти сведения, были не вполне надёжны. На Пенжине, у селения Пенжинска, я сам нашёл несколько спорадичных корявых лиственниц, а затем непрерывный лиственничный лес, который был, однако, не очень толстостволоен и довольно редок на Гижиге, где он начался у впадения Чёрной и прекратился, не доходя несколько вёрст до Гижигинска. [[назад](#)]

70. Собачья обувь

При беге по рыхлому снегу, а также в том случае, если животным приходится переутомляться, лапы собак начинают кровоточить, так что след, оставляемый нартой, становится совершенно красным. Тогда шьют из кожи нечто в роде сапог и надевают их собакам. Но их можно оставлять на лапах лишь в то время, когда собаки бегут. При остановках на более продолжительное время советуют тотчас же снимать сапоги, так как животные их терпеть не могут и сейчас же начинают срывать зубами, как только у них найдётся на то время. [[назад](#)]

71. Хижина Шалаурова и необъяснимая смерть всей его команды

Незначительные виденные мною следы древней постройки — было всё, что в печальной пустыне ещё свидетельствовало о трагическом конце, который постиг тут людей, обладавших непоколебимой выносливостью и отвагою. После многократных, но тщетных попыток обогнуть по морю мыс Пээк и войти в Анадырь, последним вышедшим из устья Колымы в 1764 году был купец Шалауров, но он более уже не возвращался. Не подлежит никакому сомнению, что он и его люди именно тут нашли свою гибель; слишком хорошо памятен жителям Нижнеколымска факт его отплытия и его долгого отсутствия и слишком верно предание в этом местечке, что около того времени не было других крупных попыток проникнуть на восток, чтобы громкие фразы барона Норденшельда, этого знатока Севера, как он сам себя называет, могли бы опровергнуть этот факт. Тем не менее этот случай остаётся неразъяснимым. Когда вечером того дня лежали мы вокруг сторожевого костра, то много рассуждалось об этой древней катастрофе, но ни русские, ни

чукчи не могли составить себе верного о ней представления. Крушение корабля само по себе было, конечно, неудивительно: побережье трудно проходимо и северная буря легко могла причинить течь тогдашним плохим, беспомощным судам, носившим название кочей. Но необъяснимо то обстоятельство, что столько крепких, закалённых в лишениях людей, которые во время кораблекрушения были настолько здоровы и бодры, что были в состоянии выстроить большую и крепкую постройку и спасли по-видимому достаточное количество провианта, могли погибнуть при подобных обстоятельствах. Жизненные припасы у них несомненно были, так как, очевидно, их корабль был выкинут на берег; иначе они не спасли бы таких тяжеловесных предметов, как железные и медные котлы, а также наковальню, — все эти вещи впоследствии нашлись в доме. Даже в том случае, если они истратили свой провиант ещё до кораблекрушения, что недопустимо в виду недалёкого расстояния места от Колымска, трудно было бы понять к чему они принялись за сооружение крепкого дома, рассчитанного на жизнь зимою, вместо того, чтобы побречь свои силы и постараться достичь ближайших чукотских юрт, которые в то время существовали на морском побережье не очень далеко к западу от места крушения. Между жителями Колымска и чукчами издревле велись торговые сношения, и в то время не было никаких ссор, да к тому же сорока хорошо вооружённым людям не было причин бояться. Одним словом, совершенно непонятно, что могло заставить этих хорошо знакомых с севером, закалённых в непогоде людей оставаться так долго на одном месте, пока половина их её погибла тут от болезни или голода, а другая — настолько уже ослабла, что только один из них был в состоянии добраться до чукотской палатки, да и то лишь за тем, чтобы измученным до смерти и не вымолвив ни единого слова, последовать здесь за своими товарищами в загробную жизнь. Можно было бы подумать о цинге, но общество состояло из сибиряков или по крайней мере из совершенно акклиматизированных русских из Европейской России, между которыми нет ни одного примера заболевания этою болезнью. На севере Восточной Сибири скорбута не знают, да и не могут его знать; для этого местности не достаёт свойственных Шпицбергену тумана и сырости, которым страшная болезнь обязана своим происхождением: непрерывный, сильный, держа-

щийся тут в течение всего тёмного времени года холод ей не благоприятствует. Пусть говорят, что Прончищев и другие участники великой сибирской экспедиции подверглись заболеванию цингой, но мы не знаем, чтобы это было доказано, а покуда это не доказано, не следует приписывать скорбуту того, что могло быть вызвано в той же мере плохой, непригодной одеждой, голодом и изнурением во время плохо обставленного и с необыкновенной настойчивостью проводившегося предприятия. [[назад](#)]

72. Полозья нарт

Полозья нарт готовятся из самого хорошего берёзового дерева; они имеют в ширину около пяти дюймов, но толщиной всего в дюйм; чтобы придать им больше крепости и чтобы они легче скользили по затверделому снегу, их кладут в воду и оставляют лежать здесь, уже окончательно согнутыми, от одного до двух месяцев. Вынув из воды, их тотчас же прикрепляют к нарте и выставляют последнюю на зимнюю стужу. Благодаря замерзанию находящихся в дереве водяных частичек, ему придаётся замечательная крепость, и сани действительно очень легко скользят по снегу. Ещё лучше удаётся это тогда, когда полозья покрывают тонким слоем льда, который предохраняет их кроме того от стирания. Достигается это многократным обтиранием полозьев мокрой тряпкой; если вследствие езды по каменистой дороге или по какой-либо иной причине слой льда сотрётся, нередко случается, что останавливаются в пути, раскладывают огонь и растапливают снег, чтобы снова обледенить полозья. Но весной, когда солнце начинает уже согревать поверхность снега, или во время оттепели, покрыть полозья слоем льда становится уже невозможным, и езда по мягкому, смоченному водою снегу очень затрудняется. Тогда помогают делу тем, что приделывают к полозьям тонкие куски костей. Нарте, снабжённой такими приспособлениями, влажность снега или стоящая поверх льда вода уже не мешает двигаться и полозья скользят много легче. Но по словам жителей становится всё труднее и труднее добывать эти тонкие, плоские куски костей, которые вырезаются из челюстей кита. [[назад](#)]

73. Пелевой хребет

Когда приближаешься к этой горной стране с юга и над горизонтом сначала становятся видными названные вершины, то кажется, что имеешь перед собою отдельные горные группы; это зависит от того, что непрерывный гребень горной цепи много ниже пик, сильно над ним возвышающихся и показывается лишь через несколько дней пути к северу. Но находясь в области истоков тех небольших, впадающих в Ледовитый океан речек, всё же убеждаешься, что находишься в непрерывно тянущейся горной стране и что названные отдельные вершины нельзя считать за обособленные горные группы. Впрочем, высота гребня очень различна и допускает значительные понижения между отдельными группами; этим последним обстоятельством и объясняется то, что Алазея была в состоянии проложить себе дорогу к Ледовитому морю между Ачыги-Тасом и Киселях-Тасом. [[назад](#)]

74. Каменные столбы или кекуры

Эти каменные столбы или, как их называют русские, кекуры распространены очень далеко. Я встречал их от мыса Якана до Большого и Малого Барановых камней почти повсюду на тянущихся параллельно побережью Ледовитого океана горных хребтах; затем они вновь появляются в Киселях-Тасе и доходят до южного конца Пелевого хребта; наконец, Бунге нашёл их при соединении Адычи и Яны на высокой Ыгнах-Хае и на Киселях-(или Кихелях-)Тасе. Наоборот, их вовсе не было на Верхоянском хребте и на горных цепях, связанных, как с этим последним, так и со Становым хребтом. При этом бросалось в глаза то обстоятельство, что во всех тех случаях, когда мне удавалось ближе осматривать эти гранитные столбы, можно было установить на их основаниях следы шлифовки водою в то время, как подобное влияние воды не обнаруживалось на громадных каменистых полях, часто на широком пространстве окружавших самые кекуры. Эти ужасные каменистые поля временами доводили нас до полного отчаяния и стоили нам многих лошадей. В громадном большинстве случаев они располагались на гребне хребтов и тянулись на таком большом пространстве, что обойти их нельзя было и думать, а оставалось решаться пересекать их поперёк. Но это

было в высшей степени рискованно, так как нужно было пробираться по грудам нагромождённых друг на друга гранитных плит (около одного квадратного метра величиною и от семи до десяти дюймов толщиною), из которых многие находились в неустойчивом положении и обрушивались, лишь только занесёшь на них ногу. Нам самим, конечно, всегда удавалось спастись быстрым прыжком в сторону, но лошади в таких случаях иногда ломали себе ноги и их приходилось пристреливать. Все гранитные плиты, из которых состояли поля, имели острые грани и шероховатые поверхности изломов, несмотря на то, что поля находились почти на одной высоте с выдававшимися из них кекурами. Итак, остаётся необъяснимым, каким образом одни имели возможность отшлифоваться, а другие удержали свою первоначальную шероховатую поверхность. [[назад](#)]

75. Почвенный лёд северной тундры и его возникновение

Подмытый рекою берег подступал к ней ближе всего не самым верхним своим краем, но частью своего склона, верхний же край отступал от реки дальше. Было очевидно, что подмывание, а, следовательно, и осыпание берега прежде совершались по прямой линии, но что впоследствии это направление подрезывания не могло удержаться благодаря тому, что находившийся под верхней дерновой покрывкой слой льда был вовсе не одинаков на всём своём протяжении. Если бы река подмыла прежде всего дерновую покрывку на своём уровне, то находившаяся под последней земля подверглась бы её влиянию тем легче и была бы вымыта. Но этим обнажался ледяной слой и предоставлялся влиянию солнца и атмосферы. В тех местах, где этим влияниям подвергался непрерывный слой чистого льда, оттаивание должно было бы происходить равномерно и берег благодаря этому стал бы быстро отступать; но в том случае, если, как приведено в тексте, во льду находились значительные земляные включения или если сам лёд не доходил до дерновой покрывки, а был покрыт более или менее толстым слоем земли, то передо льдом должно было в скором времени собраться такое количество земли, которое прикрыло бы его снова и предохранило бы от влияния тепла, вследствие чего разрушительный процесс прекратился бы на

время. Под влиянием указанных причин размытый водою берег представлял ряд более или менее полукругло врезанных в высокий обрыв выемок. Стенки тех из последних, где процесс оттаивания ещё продолжался, были либо отвесны, либо несколько косо сбегали книзу и вперёд. Но у тех выемок, на которых процесс оттаивания остановился вследствие того, что нависший слой земли обвалился, нельзя было уже заметить отвесной стены: тут был только полого спускавшийся к самой реке слой ила, из которого торчала масса конических земляных куч, происшедших из неправильно наваленных друг на друга земляных глыб и напоминавших издали, до известной степени, колоссальные муравейники. Некоторые из этих пришедших уже в покой выемок совершенно заросли травой и были, следовательно, довольно древнего происхождения, другие же не обнаруживали на своей илистой и землистой поверхности никаких следов растительности. [[назад](#)]

76. Почвенный лёд северной тундры и его возникновение (продолжение).

Барон Толь, которому во время его приготовления к отъезду на Новосибирские острова из С.-Петербурга я сообщил о моих наблюдениях, прося его тоже обращать внимание на распространение почвенного льда, пришёл к иному взгляду на происхождение последнего. Ввиду же того, что он собрал об этом обширные материалы, и чтобы полнее осветить дело, я передал ему также и свои наблюдения, измерения и чертежи. Тем не менее мне кажется едва возможным допустить иное возникновение того подпочвенного ледяного слоя, который, очевидно, тянется по всей прилегающей к Ледовитому океану тундре Якутской области, как из снега, превратившегося в лёд под влиянием собственной тяжести. Частый опыт учит нас, что сравнительно незначительные по занимаемому им пространству наледи, или тарыны, сохраняются в течение целого лета даже в значительно более низких широтах, если подобный тарын под влиянием каких-либо причин с одной стороны слишком сильно разросся, а с другой — следующим летом случилось меньше жарких дней, чем обыкновенно. Насколько же легче допустимо сохранение в течение лета более обширного снежного слоя в местности, где

солнце уже в нормальные годы медленно и с трудом развивает небольшое количество тепла, которое потребно на образование первых проталин в белом снежном покрове. Затем дело, конечно, подвигается вперёд уже быстро, потому что главную часть работы принимает на себя согревшаяся почва. Но если в каком-нибудь году осадков выпадет столько, что первые обнажённые от снега места появятся вместо июня — в июле, да северный ветер пригонит к берегу значительное количество никогда не растаивающих ледяных полей Ледовитого океана, то сохранение в течение лета снежного покрова очень возможно даже при нынешних температурных условиях. Мы видим, насколько велико количество освобождающегося при замерзании водных поверхностей тепла, потому что оно препятствует ежегодно тому, чтобы покрывающий озёра и реки лёд не становился толще семи или, по наблюдениям Миддендорфа, восьми английских футов; оно же является причиной того, что богатые водою болота, расположенные на мёрзлой земле, замерзают только с поверхности, в глубине же вовсе не затвердевают. Но соответственно этому при замерзании громадных масс снега должно поглощаться такое громадное количество солнечного тепла, что остатка последнего уже не хватит для обнажения поверхности земли, а тем более тогда, когда прибитый в большом количестве к берегу морской лёд тоже примет участие своим таянием в поглощении солнечного тепла. Далее, наблюдаемая очень варьирующая толщина ледяного слоя, а также и имеющие крайне разнообразную форму земляные включения в него, могут быть объяснены только допущением, что слой снега был в полном беспорядке перерыт бурей, которая местами обнажила землю и в свою очередь засыпала ею снежную поверхность и выполнила все находящиеся в последней углубления. Если бы перерытое в настоящее время бурей снежное поле тотчас же засыпать землёю, то сделанный в последнем профиль дал бы как раз такой же чертёж, какой я наблюдал на берегу долины реки Шандрона.

Если возникновение почвенного льда таким образом легко объяснимо, то с другой стороны я никак не могу составить себе ясного представления относительно частого нахождения остатков мамонта не только в виде его бивней и костей, но и в форме более или менее хорошо сохранившихся мягких частей. В первом своём отчёте Императорской Академии Наук я высказал убеждение, что на двух местах нахождения

ног мамонта были прежде полные трупы, но что они были унесены течением задолго до моего прибытия. Это очевидно была ошибка, а потому я вполне соглашаюсь с мнением академика Шренка, что я имел в обоих случаях дело с принесёнными течением обломками, да к тому же ещё различных животных. Но это дела не выясняет, потому что всё же снова возникает вопрос, откуда и каким образом могло быть принесено течением в те места такое большое количество остатков этого животного. Конечно, не подлежит никакому сомнению, что мамонт мог жить повсюду в Якутской области, где только был лес. Но истоки небольших, впадающих в Ледовитый океан рек удалены от северного предела лесной растительности более, чем на пятьдесят вёрст, да кроме того, между границею леса и истоками тянется хребет; вместе с тем единственная река, берущая своё начало в глубине леса, Алазея, как раз замечательно бедна останками мамонта. Одним словом, никак не объяснишь себе, каким образом попало в тот уголок земли такое большое количество находимых там ископаемых остатков. [[назад](#)]

77. Плавучий лес

Плавучий лес, как ископаемый, так и относящийся к настоящему периоду, находишь в тундре во всяком случае в довольно значительном количестве. Ископаемые стволы на самом берегу моря встречаются лишь редко, но чаще внутри страны, как на поверхности земли, так и на небольшой глубине. Это дерево тотчас отличается от теперешнего, лишь только его зажжёшь: оно горит слабым пламенем и оставляет много угля, распадающегося в жёлтый пепел; теперешний же плавучий лес, раз он хорошо высох, сгорает прекрасно, оставляет белый пепел и вообще отличается от ископаемого только тем, что благодаря содержащимся в нём солям сильно трескается и раскидывает во все стороны осколки углей. Но я никогда не встречал по ту сторону нынешнего предела лесов, коль скоро удалялся от него на несколько вёрст, ни корней, ни торчащих в земле остатков стволов; точно также я не находил их ни в береговых обвалах рек, ни при раскопках, да и другие, насколько позволяют мне судить распросные сведения, не замечали этих остатков. [[назад](#)]

78. Мещане и крестьяне нижнего течения Яны и Индигирки

Живущие в настоящее время на нижнем течении Индигирки русские, все мещане, составляют собою преинтересный народец. Они ведут своё происхождение из окружного города Верхоянска, вследствие чего они и до сих пор причисляются к мещанскому сословию, хотя образ их жизни и занятий не заключают в себе ровно ничего мещанского. Но вместе с тем они представляют разительный пример странностей и несообразностей, к которым ведут рутинный взгляд на дела и шаблонное их ведение. Население разделено во всей необъятной Империи на известные сословия по причинам, основанным на образе жизни и в особенности на источнике заработка. Это является вполне целесообразным в губерниях Европейской России, где деление на сословия выработалось, конечно, исторически. Но иначе обстоит дело в Азиатской части Империи: там встречаются источники заработка и условия жизни, о которых в губерниях Европейской России вовсе ничего не знают, а с другой стороны мещанство, как оно понимается в последней, и крестьянство, в настоящем смысле этого слова, не нашли себе почвы во многих местностях Сибири. Это обстоятельство само по себе не составляло бы большой беды, если бы дело ограничивалось одними названиями: можно было бы, конечно, только удивляться, слыша о мещанах и крестьянах, живущих при устье Индигирки или Яны, которые, несмотря на не соответствующие окружающей среде названия, занимаются охотой и рыбной ловлей, подобно тунгусам и юкагирам, и ничем от них не отличаются, кроме языка. Но вместе с тем это обстоятельство влечёт за собою очень реальные неудобства для носящих эти странные названия людей, — неудобства, о которых они мне много раз заявляли, прося сделать об этом представление генерал-губернатору и ходатайствовать об исключении их из состава этих сословий и приравнении к окружающим их инородцам. Дело заключается в том, что деление населения на сословия основывается на источниках заработка и что подати соразмеряются и регулируются сообразно сословиям. Мещанское сословие имеет в основе ремесло, как крестьянское — земледелие, и за право заниматься ремеслом или обработкой земли мещанин или крестьянин вносит свою лепту в общую государственную кассу. Но за что же платит государству подать мещанин и крестьянин, живущий на границе лесной растительности или на тундре

побережья Ледовитого океана? Он ничего не получает от государства такого, что могло бы служить эквивалентом подати, он ничего не называет своим, кроме дома, который выстроил себе сам, кроме охотничьих принадлежностей, да рыболовных снастей, при помощи которых с грехом пополам удовлетворяет свои жизненные потребности. Когда его поселили в тех пустынных местах, он не получил даже права охотиться и ловить рыбу, — он просто вторгся во владения, принадлежавшие уже задолго до него юкагирам и тунгусам и пользуется правами их эксплуатации только потому, что никому и в голову не приходит оспаривать их у него. По сведениям, собранным от жителей, и по данным, полученным мною от Верхоянского окружного управления, произошло это дело так: мещане нижнего течения Колымы и крестьяне нижнего течения Яны жили прежде в Верхоянске; последнее место является одним из самых печальных уголков во всей обширной Якутской области, — обстоятельство, которое принимается слишком мало в расчёт особенно в вопросе о месте ссылки. Если я не ошибаюсь, в расписании ссылочных мест Верхоянск стоит довольно высоко, следуя скоро вслед за Якутском и улусами Якутского округа; он во всяком случае стоит выше Колымска и, если не ошибаюсь, также выше нижнего течения Лены, т.е. считается лучше Булуна и Сихтяха. Является крайне роковой ошибкой, если при назначении места ссылки преступникам, всё равно политическим или обыкновенным, руководствоваться расстоянием и не принимать в расчёт вопроса, представляет ли данное место вообще возможность сосланному прокормиться честным образом, хотя бы даже и очень скудно. Между тем и самый закоренелый преступник должен иметь по крайней мере возможность заработать столько, чтобы быть сытым, одетым и иметь пристанище; в противном же случае должно извинить, если он раздобудет противозаконным образом то, чего не мог добиться честным средством. Если исходить из этого взгляда, за Якутском должен следовать Сихтях и Булун, а за ними Средне- и Нижнеколымск, затем уже Усть-Янск, — Верхоянск же следовало бы вовсе исключить из списка мест ссылки, потому что там приходится положительно голодать. Он стоит на границе распространения скотоводства и рыболовства; как то, так и другое дают тут крайне скудные результаты, а потому для несчастного сосланного недоступны даже предметы первой необходимости: благодаря тому, что разведение скота и рыбный промысел

приносят так мало и так непостоянны, он не может найти заработка, — он положительно обречён на голодовку или на воровство и обман. Что положение дел так безнадёжно, видно достаточно ясно уже из того обстоятельства, что вышеупомянутые верхоянские крестьяне и мещане обратились к правительству с просьбой переселить их далее на север, к устьям больших рек по той причине, что там они рассчитывают найти достаточные средства к жизни. В Якутске с этим, наконец, согласились и отправили крестьян к устью Яны, а мещан на нижнее течение Индигирки до её дельты.

Там они живут и по сие время. На Яне они поселились частью в Усть-Янске, частью же в различных пунктах её дельты и живут исключительно рыбным промыслом и ловлею песцов. Самым южным местом их оседлости на Индигирке является Ожогоино на реке Полоусной, вытекающей из большого Ожогинского озера; тут находятся церковь, хлебные магазины и тут же живёт староста. Кроме этого селения, состоящего приблизительно из десяти домиков, есть ещё несколько мелких, раскиданных по нижнему течению реки. В некоторых из них насчитывается по пяти — шести, в других же только по одному или по два дома. Русское Устье такой же величины, как Ожогоино, остальные же, раскинутые по дельте селения гораздо меньше. Кроме этих, обитаемых большую часть года селений, есть ещё несколько так называемых местечек, где возведены лишь лёгкие постройки и где остаются только временно, для рыбной ловли. Таким именно местечком и служит Похвальное, у которого я переправлялся через Индигирку и где я нашёл в то время в сборе почти всё население Ожогоина. Вообще люди вполне довольны своим положением, но только они не хотят оставаться крестьянами и мещанами, а желают быть сравнены с плательщиками ясака, на которых совершенно походят образом жизни. Это вполне разумное и умеренное требование я представлял, где следует, в Якутске и усиленно поддерживал, потому что нельзя же требовать с людей податей, платить которые они решительно не в состоянии. Если они осмотрительны и не ленятся, к чему они, впрочем, очень склонны, то люди эти имеют возможность прокормиться и кое-как одеться, но платить податей они не могут, так как им нечего продавать. Они не могут сбывать свою рыбу, потому что никто не станет платить им за неё, — её нельзя везти за сотни и тысячи вёрст; охота же их заключается исключительно в доступной только жителям

дельты ловле песцов на побережье Ледовитого океана, которая приносит очень немного потому, что в ней принимают участие также юкагиры и тунгусы. Самое большее их можно обложить ясаком, — это соответствовало бы принятому вообще в Сибири правилу, что охотник платит государству из того, что даёт ему охота; требовать же от них податей, которыми обложены крестьяне и мещане, нет достаточного основания. Во всём этом со мною охотно соглашался тогдашний губернатор Якутска, но он не хотел входить с представлением в Иркутске, не переговорив серьёзно о деле с генерал-губернатором Корсаковым, потому что без такого предварительного обсуждения возникла бы только простая канцелярская переписка, которая наверное похоронила бы проект. К сожалению, вскоре после того тайный советник Лохвицкий покинул свой пост и занял место губернатора в Красноярске, а генерал-губернатор генерал Корсаков умер, — и люди, по всей вероятности, и до сих пор платят крестьянские и мещанские подати.

Трудна жизнь тех людей, и закалены и выносливы они сами. Когда в январе 1866 года я въехал в Русское Устье, я никак не мог взять в толк — было, правда, довольно темно — где я находился и что вокруг меня делалось. Я, по-видимому, ехал по совершенно ровному месту, из которого не выдавалось не только дома, но даже куста, а между тем со всех сторон виднелись огненные столбы, выходившие из земли; на небольшом расстоянии от моей нарты я увидел даже крест, который, казалось, выдавался из земли и о котором мой каюр сказал мне, что это крест часовни, находящейся в Русском Устье. Но вот нарта остановилась, глубоко под нами отворилась дверь и как-бы из подземелья вырвался мне навстречу луч света. Мне пришлось спуститься круто вниз, и я очутился перед дверью маленького жилого домика с плоскою крышею, в котором ярко горел камин и где было очень приятно и уютно после долгой езды по холоду. На следующий день загадка объяснилась: всё местечко было занесено снегом, каждый домик был обнесён снеговою стеною точно такой же высоты, как он сам, которая отстояла от него фута на три и оставляла, таким образом, лишь узкий проход. Каждый домохозяин поддерживает от своей двери очень крутую тропинку на снежную стену, по которой на последнюю и попадаешь и только тогда и поймёшь, что имеешь дело не с отдельной стеной, а со сплошной снежной массой, кото-

рая, подобно плоскому холму, засыпала всё селение. Перед собою видишь только бесконечную снеговую поверхность, в которой то там, то здесь находятся четырёхугольные углубления, посреди которых всегда расположен продолговатый четырёхугольник, — это дома с окружающими их, свободными от снега проходами. Таково Русское Устье зимою; в тёплое время года дома, конечно, высятся открыто, но окружены бесконечной, однообразной тундрой побережья Ледовитого океана, — нигде не видно ни одного дерева, ни одного куста: тоже достаточно печальная картина. Уныло и пустынно всё кругом и остаётся только спросить обитателей, что заставило их избрать для жительства как раз самый безотрадный уголок во всей обширной Якутской области. Ответ, который получаешь, крайне характерен: рыбный промысел здесь прибылен, а комаров нет тут вовсе, — потому что и для них там недостаточно уютно. Людей заставила избрать такое печальное место жительства опять-таки жалкая лень и инертность. Действительно, место это выбрано довольно недурно для того, чтобы добыть самое главное для жизни, чтобы так сказать просто удовлетворить потребностям желудка, так как при сравнительно незначительном труде всё же можно считать себя обеспеченным от голода, за исключением разве каких-нибудь особенных неблагоприятных случайностей. То обстоятельство, что эти последние встречаются довольно часто, нисколько не беспокоит инертных людей: им достаточно уже и того, что количество необходимого труда при обыкновенных условиях много меньше, чем то, которое затрачивает скотовод, а тем более земледелец. Они вовсе не принимают в расчёт, что они лишены решительно всего, что заставляет дорожить жизнью, они и без того довольны и одного только и желают, — платить меньше податей. Впрочем, очень резко бросается в глаза, что по умственным их способностям они стоят на более низкой ступени, чем вообще средний человек в Сибири, ниже даже, чем обитатели Колымы. Обыкновенно утверждают, что это зависит от исключительно рыбной пищи; но житель Нижнеколымска находится в том же положении, а между тем его умственные способности гораздо выше. Поэтому я полагаю, что низкое развитие жителей Индигирки должно приписать скорее их обособленному положению и постоянным бракам между собою. Православная церковь, которая, как известно, имеет очень строгие правила

относительно вступления в брак лиц, связанных кровным или духовным родством, должна была сделать на Индигирке некоторые поущения в этом отношении; иначе пришлось бы вовсе запретить там браки, так как все тамошние жители связаны уже друг с другом близким кровным родством. Браки заключаются на Индигирке в таких степенях родства, которые в других местах положительно воспрещены, а если прибавить к этому господствующую тут значительную половую распущенность, то этим легко объясняется вырождение населения. [[назад](#)]

79. О находках мамонта

Очень жаль, что я был лишён возможности лично расспросить Рожина; сам Струков животного ведь не видел, а оба упомянутые лица показывали ему только бивни, которые они отпилили. Бивни эти были толсты и крепки, сохранились вполне хорошо, но были коротки, так что весили не более пяти пудов каждый. Из рассказа Струкова можно убедиться только в том, что животное было найдено не в лежащем, а в стоячем положении; это во всяком случае единственный случай такого рода, о котором я слышал в Сибири. Академик Брандт (8/20 марта 1866. *Zur Lebensgeschichte des Mammuths von J.F. Brandt*) говорит, правда, что по полученным из Сибири сведениям, мамонта находят в замёрзшей почве всегда в стоячем положении (стр. 599), но подобное показание могло бы иметь значение лишь тогда, когда известно, кто его давал. В Сибири найдётся, по всей вероятности, не много лиц, которые действительно своими собственными глазами видали хорошо сохранившийся труп мамонта; но никто из этих людей не в состоянии дать ответа на письменный вопрос. Между тем повсюду приходится слышать личные соображения по поводу подобных находок, — это роскошь, которую всякий может себе позволить; но все эти разглагольствования не имеют ровно никакого значения и, по моему мнению, не должны были бы приводиться в научной работе. В виде примера, как легко фантазия некоторых лиц создаёт сказания о найденных будто бы целыми трупами мамонтов, я укажу только на историю приведённого в прибавлении к выше цитированной «*Lebensgeschichte*» (стр. 604) мамонта, о котором Щукин сделал сообщение в журнале «Натуралист». Академик Брандт придал

этой заметке большое значение и лично обратился с запросами к Щукину, чтобы получить более подробные сведения; последнее, конечно, вполне понятно, так как дело опять шло о находке целого трупа животного, на зубах которого были даже остатки пищи. Щукин со своей стороны указал Брандту на Нила, бывшего епископа Иркутского, а затем епископа Ярославского, от которого он, по его словам, и слышал все эти удивительные вещи. В сообщении 26 апреля (8 мая) 1866 года, озаглавленном «*Einige Worte zur Ergänzung meiner Mittheilungen über die Naturgeschichte des Mammuths von J.F. Brandt*», на странице 641 приведено письмо епископа Нила, в котором говорится следующее:

«1) Труп, виденный миссионером Хитровым, находился в осыпи, сползшей с берегового склона Колымы. Мамонт находился таким образом не в том положении, в котором сохранялся в течение тысячелетий.

2) Холод препятствовал разложению трупа, благодаря чему представленная мне нога сохранилась в целости.

5) Одновременно с ногою мне была прислана прядь чёрных волос, которые покрывали позвоночный столб (хребет) животного подобно плащу. Тот, кто видал бизона, легко составит себе представление об этого рода украшении.

6) На нижнем течении Колымы, а может быть и на других реках, встречаются холмы, которые (как я не раз слышал) распространяют трупный запах в жаркую пору лета. В них без сомнения находятся в замёрзшей земле трупы, имеющие значение для естествознания. Но кто о них думает.»

Эти сведения я получил от Императорской Академии в феврале 1871 года одновременно с поручением разыскать найденного на реке Ковчечьей мамонта. Конечно, этановая сказка должна была крайне удивить меня: я давным-давно знал уже о копыте мамонта; оно находилось в Иркутском музее, где мне сказали, что его доставил отец Хитров. Точно также я был знаком с миссионером Хитровым, впоследствии епископом Якутским Дионисием, но я никогда от него не слышал, чтобы он когда-либо в своей жизни видал хорошо сохранившегося мамонта, как это достаточно ясно видно из письма епископа Нила. Из этого письма следует заключить, что отец Хитров писал своему начальнику с большой точностью, что грива мамонта походит на гриву бизона и т.д. А я между тем много говорил с Хитровым ещё зимою 1868 года в Верхоянске (когда мы

получили первое известие о находке мамонта на Ковчечьей) об этом деле, в котором он принимал живое участие; однако он никогда не высказывал, что видал подобное животное. Напротив, он предлагал мне такие вопросы, из которых явствовало, что он не имел никакого понятия о том, какой вид имеет мамонт. Но как-же всё это могло случиться, если это был, судя по письму Нила, тот именно человек, который с авторитетом опыта поучает нас всех о наружном виде мамонта и о том, чем он питался. Далее, меня крайне заинтересовали холмы с допотопными остатками, о которых никогда не слыхал ни я, ни мои проводники, ни даже обитатели Колымы и других рек Якутской области. Странно, крайне странно!

Одним из первых моих посещений, по возвращении в Якутск, был визит епископу Дионисию с целью расспросить его о виденном им мамонте. Я узнал то, что давно подозревал: он не видал ни на Колыме и Индигирке, ни в другом каком-либо месте упомянутого епископом Нилом трупам мамонта, а всё подробное описание было не более, как измышлением фантазии. По рассказу епископа и прежнего миссионера Хитрова, дело было так. В одной из его миссионерских поездок ему случилось заночевать в поварне на устье Большой Чукочьей. Эта хорошо и мне знакомая поварня — я также ею пользовался — находится у подножия высокого, сажень в 10 или 15, крутого берегового обрыва, который, насколько мне известно, состоит из песка, чего я, впрочем, не могу утверждать с положительностью. Когда Хитров пил утром чай, люди принесли ему копыто мамонта (то самое, которое впоследствии было отослано в Иркутский музей) и сказали, что они отняли его от глодавших его собак. Тогда он вышел из поварни и нашёл у обрыва различные, покрытые снегом обломки, из-под которых собаки вырыли копыто, почуяв распространяемый им запах; таким образом, копыто лежало там очень поверхностно. О волосах он не мог вспомнить и полагал, что епископ Нил получил их от кого-нибудь другого. Когда я затем спросил его, сообщал ли он епископу Нилу о курганах с допотопными трупами на Колыме, которые испускали заметный запах, он очень живо ответил: «нет, это взгляд самого епископа, который он мне высказал и от которого он никак не хотел отказаться даже после того, как я ему заявил, что сам я не видал ничего подобного, а также ничего и не слыхал. Эти курганы его крайне интересовали, и он был вполне убеждён, что они существуют, но

я не мог узнать от него, от кого и каким образом дошли до него эти сведения». Таков рассказ Хитрова и мы, таким образом, видим, что человек, которому приписывается этот миф, ровно ничего о нём не знает и что, следовательно, мы имеем в данном случае дело с личным взглядом епископа Нила. [[назад](#)]

80. О работе Неймана и Афонасьева

Это непростительное упущение было поставлено Иркутским Главным Штабом, откомандировавшим топографа Афонасьева в экспедицию, в вину этому последнему; я же возлагал главную ответственность на Неймана. Топограф был молодой человек, который недурно работал, когда за ним непрерывно следили — что я и делал — и постоянно проверяли то, что он наносил на бумагу; но самостоятелен он не был, да и не мог ещё быть. Нейман же, по-видимому, потерял уже всю свою энергию и охоту к экспедиции после того, как они выехали из Верхнеколымска, и предоставил всё на произвол судьбы. Только этим предположением и можно объяснить себе полную безрезультатность последней части путешествия. Эти господа не только дозволили проводникам завернуть на торную дорогу и совершенно отклониться от Колымы и верхней части её системы, но не снимали на своём пути даже маршрута; между тем маршрут уже сам по себе имел бы большое значение потому, что этот путь знаком нам из описания Сарычева, но у нас вовсе нет с него съёмки. Я совершенно не понимаю, что собственно эти господа делали по дороге. Дневников они не вели и, несмотря на все мои старания, мне не удалось и из разговоров с ними узнать что-нибудь, имеющее значение; будто они продремали или проспали всё время. Однако, как Нейман, так и Афонасьев должны же были знать, насколько важно было довести маршрут до Тукулана, с которого мы вышли и куда им всё же приходилось возвратиться. Это имело бы громадное значение для всей съёмки, но они даже и этого не сделали. [[назад](#)]

Конец первой части.

OCR Андрей Дуглас